

ЮЖНЫЙ УРАЛ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

История
Южного
Урала

История Южного Урала

серия
из 8 книг

История Южного Урала

Восьмитомное издание «История Южного Урала» подготовлено ведущими учеными-историками Южно-Уральского государственного (национально-исследовательского) университета при поддержке ректора ЮУрГУ А. Л. Шестакова и президента вуза Г. П. Вяткина.

В издании на основе обобщения накопленных материалов по археологии Южного Урала и сопредельных территорий представлена история социального, культурного и экономического развития населения региона в эпоху камня, бронзы и в раннем железном веке. Комплексный анализ археологических и письменных источников раскрывает исторические процессы, протекавшие в южноуральских степях с эпохи Великого переселения народов до распада Золотой Орды. Новые данные, полученные в результате архивных исследований и подробного анализа горного законодательства дореволюционной России, представляют Южный Урал в XVI–XIX веках. Современные исследования раскрывают ключевые события истории Южного Урала в XX веке.

Том 1. В. С. Мосин. Южный Урал в каменном веке

Том 2. А. В. Епимахов и коллектив авторов. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век

Том 3. А. Д. Таиров. Южный Урал в эпоху ранних кочевников

Том 4. С. Г. Боталов. Эпоха Великого переселения народов и раннее средневековье Южного Урала (II–VIII вв.)

Том 5. С. Г. Боталов и коллектив авторов.

У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX– начало XV в.)

Том 6. Г. Х. Самигулов, Д. Н. Маслюженко, М. В. Моисеев. Южное Зауралье (первая треть XV — конец XIX века)

Том 7. В. М. Свистунов, А. Г. Тептеев. Горнозаводская политика России и заводы Южного Урала (1734–1900)

Том 8. И. В. Сибиряков и коллектив авторов. Южный Урал. Век двадцатый

**ЮЖНЫЙ
УРАЛ
В КАМЕННОМ
ВЕКЕ**

**«История Южного Урала» в восьми томах
посвящается 75-летию
Южно-Уральского государственного университета
и грядущему 300-летию Российской академии наук**

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)
М818

Печатается по решению Ученого совета
Южно-Уральского государственного университета.
Протокол № 4 от 29.12.2018 г.

Руководитель проекта:
Г. П. Вяткин, член-корреспондент Российской академии наук

М818

Мосин, В. С.

Южный Урал в каменном веке / В. С. Мосин // История Южного Урала: в 8 т.
Т. 1. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 408 с.

ISBN 978-5-696-05088-1 (т. 1)

ISBN 978-5-696-05081-2

Первый том «Истории Южного Урала» посвящен древнейшей истории Южного Урала — эпохе камня, или Каменному веку. Это время первоначального заселения Уральского региона, становления Homo sapiens — человека современного. В книге раскрываются процессы адаптации древнего человека к меняющимся во времени природным условиям, создания обществ охотников-рыболовов, населявших Урал на протяжении тысяч лет. Книга адресована всем, кто интересуется древнейшей историей Урала, студентам и аспирантам вузов.

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)

ISBN 978-5-696-05088-1 (т. 1)
ISBN 978-5-696-05081-2

© Мосин В. С., текст, 2019
© Шарапов Р. Я., оформление, макет, 2019
© Издательский центр ЮУрГУ, 2019

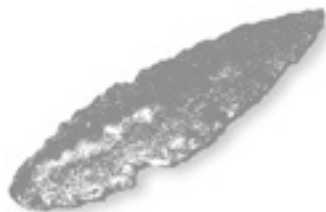
ТЗ(2)
М818

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук», Южно-Уральский филиал

Южный Урал в каменном веке

Том **1**
История Южного Урала

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2019

Главная задача науки — это получение нового знания. Главная задача образования — передавать эти новые знания студентам. В представляемом проекте «История Южного Урала» цели и задачи ученых и преподавателей слиты воедино. И это чрезвычайно важно не только для Южно-Уральского государственного университета, который реализует этот проект, но и для всей образовательной системы Уральского региона. Со времени выхода единственного обобщающего труда по истории Урала — «История Урала с древнейших времен до 1861 г.» прошло уже 30 лет. Многое изменилось за эти годы в уральской исторической науке, и главное — сменилась парадигма исторического мышления. Значение многотомной «Истории Южного Урала» заключается и в том, что это существенный сдвиг в осознании молодым поколением глубины истории своего региона и его роли в истории России в целом. Данный том посвящен истории Южного Урала в каменном веке, а точнее — в эпоху камня. Сотни тысяч лет прошли с того времени, когда предок современного человека ступил на южноуральскую землю. Не сразу весь регион

был освоен, под влиянием природных условий человеку приходилось оставлять свою землю, но он всегда возвращался на Южный Урал. Сочетание различных ландшафтных зон на сравнительно ограниченной территории Зауралья во все времена каменного века привлекали коллективы охотников и рыболовов. Это было время, когда человек не только изобрел и смастерил из камня все основные орудия и инструменты, которыми мы пользуемся до сих пор — ножи, топоры, сверла, пилы и т. д., — но и создал монументальную наскальную живопись.

Уверен, что широкие исторические исследования, сведенные в восемь томов «Истории Южного Урала», будут востребованы не только преподавателями, студентами и аспирантами учебных заведений нашего региона, но и широким кругом читателей, интересующихся историей как родного края, так и России в целом.

Ректор Южно-Уральского
государственного университета
А. Л. Шестаков

История учит человека многому, но прежде всего любви к своему Отечеству и родному краю. Известно выражение: «Отыщи всему начало, и ты многое поймешь». Реализация большого научно-образовательного проекта «История Южного Урала», организованного Южно-Уральским государственным университетом, поможет молодому поколению студентов и школьников понять глубину южноуральской истории и ее значимость в современном гражданском обществе. Территория Южного Урала является неотъемлемой частью Большого Урала, и все исторические процессы в начале человеческой истории были едиными для всего региона.

В первом томе раскрываются исторические процессы, происходившие на уральской земле в эпоху камня — от 300 тысяч до 4 тысяч лет назад. За этот период человечество прошло долгий путь от дальнего предка человека (хомо эректуса) до современного (хомо сапиенса). Постоянно изменяющиеся природные условия вынуждали человеческие коллективы находить общий язык с природой. И мы можем

поучиться у древнего населения Урала искусству адаптации, то есть процессу взаимного приспособления между культурой и окружающей природой, процессу, направленному на выживание и стабильность человеческого общества. История каменного века богата на открытия: здесь и изобретение первых орудий, и возникновение искусства, и формирование человеческого общества, основанного на равных правах всех членов общины. В каменном веке впервые выделяется своеобразие зауральского населения, отличного по своим традициям и культуре от окружающих народов. В дальнейшем это стало основой формирования сложного, мозаичного, но в то же время единого южноуральского населения. Не сомневаюсь, что «История Южного Урала» найдет своего читателя не только среди специалистов-историков, но и среди всех, кто любит свою малую Родину и кому небезразлично ее будущее.

Президент Южно-Уральского
государственного университета
Г. П. Вяткин

Оглавление

1

Введение – 10
Геолого-географическая характеристика Урала – 14
Как археология становится историей или методология исследования – 25

Глава 1. Заселение Урала человеком – 36
Появление человека на Земле – 39
Что такое ледниковая эпоха – 46
Заселение Южного Урала человеком – 49
Условия жизни и занятия человека в раннем палеолите – 57
Урал в среднем палеолите – 59
Неандерталец – 68

2

Глава 2. Палеолитические охотники Южного Урала – 76
Проблема возникновения человека современного типа – 79
Природные условия приледниковой зоны. Мамонтовая фауна – 88
Поздний палеолит на Южном Урале – 92
Хронология уральского палеолита – 133
Система жизнеобеспечения в палеолите – 134
Социокультурное пространство позднего палеолита в Урало — Сибирском регионе – 146
Искусство ледниковой эпохи – 149

3

Глава 3. На переломе времен – 174
Природа голоцена – 177
Мезолит как эпоха в истории – 181
О понятии «микропластинчатая техника» в Зауралье – 183
Памятники эпохи мезолита – 187
Основные характеристики материальной культуры – 217
Система жизнеобеспечения – 222
Искусство мезолита – 227
Происхождение мезолита Зауралья – 229

4

**Глава 4.
Охотники
и рыболовы.
Неолит. Энеолит –
232**
Климатический
оптимум голоцена –
235
История изучения
неолита и энеолита
Зауралья –
237
Неолит Зауралья –
243
Ранний неолит.
Козловская
традиция –
245
Ранний неолит.
Кошкинская
традиция –
262

Поздний неолит.
Полуденская
традиция –
267
Поздний неолит.
Боборыкинская
традиция –
281
Энеолит Зауралья –
296
Основные памятни-
ки и материальная
культура –
298
Хронология за-
уральского неолита
и энеолита –
347
Основные черты
материальной
культуры и система
жизнеобеспечения
неолитического
и энеолитического
населения
Зауралья –
349

5

**Глава 5.
Социокультурные
пространства
в каменном веке
Урала –
366**

**Заключение –
384**

**Сведения
об авторе –
405**

Река Белая у пещеры
Шульган Таш.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

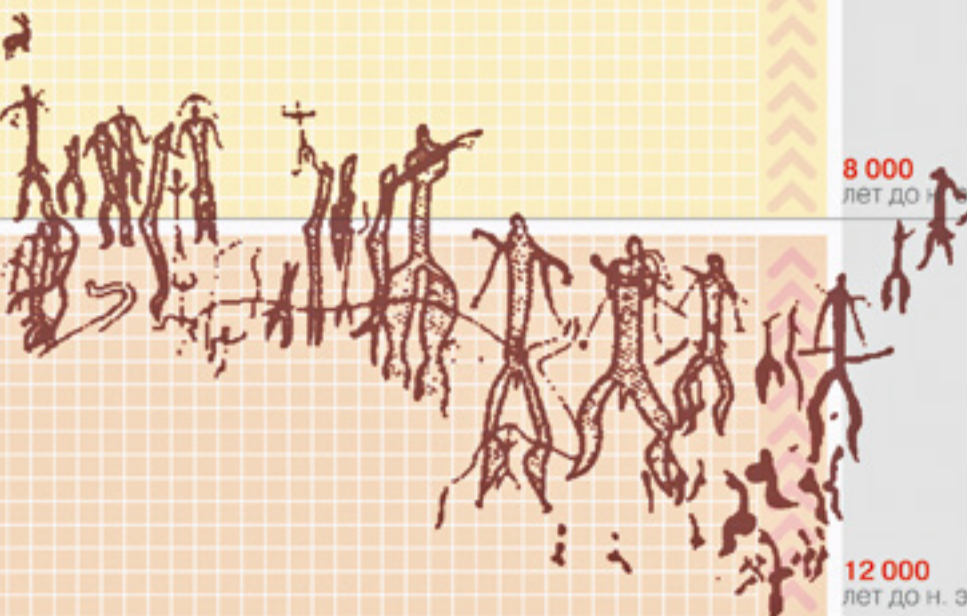
1

ТОМ
Введение

КАМЕННЫЙ ВЕК

НЕОЛИТ
8 000 лет –
5 500 лет
до н. э.

МЕЗОЛИТ
12 000 лет –
8 000 лет
до н. э.

8 000
лет до н. э.

12 000
лет до н. э.

2,6 млн лет –
12 000 лет
до н. э.

ПАЛЕОЛИТ

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ

40 000 лет – 12 000 лет до н. э.

**РАННИЙ
ПАЛЕОЛИТ**

2,6 млн. лет –
40 000 лет
до н. э.

МУСТЬЕ

200 000 – 40 000 лет до н. э.

АШЕЛЬ

800 000 – 200 000 лет до н. э.

ОЛДОВАЙ

2,6 млн – 800 000 лет до н. э.

2 600 000
лет до н. э.

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха камня, или каменный век — исторический период в развитии человечества, когда основные орудия труда и оружие изготавливались из различных пород камня и минералов, дерева и кости. На позднем этапе эпохи камня возникла и распространилась посуда из обожженной глины — керамика. Хронология каменного века охватывает период от около 3 млн лет назад до появления и распространения металла: на Древнем Востоке — 7–8 тысяч лет назад, в Европе — 6–7 тысяч лет назад, на Урале — около 4 тысяч лет назад. Внутри периода выделяются: древний каменный век, или палеолит (около 3 млн лет — 10–12 тыс. лет назад); средний каменный век, или мезолит (10–12 тыс. — 7–8 тыс. лет назад); новый каменный век, или неолит (7–8 тыс. — 5–6 тыс. лет назад).

Таблица хронологии и периодизации каменного века

Эпоха камня (или каменный век) — самый длительный период в истории человечества. За это время был проделан огромный путь в становлении и развитии человеческого рода — от *Homo habilis* до человека современного физического типа. Огромные изменения в материальной культуре показали нам путь, по которому наши предки прошли от простой оббитой гальки до практически современного набора инструментов — ножей, сверл, топоров и т. д., — но выполненных в камне. Изобразительная деятельность древнего человека от мало говорящих нам нарезок и линий поднялась до «вершин» художественного творчества — палеолитической живописи и мелкой пластики неолита и энеолита. Социальное устройство традиционных обществ достигло своего расцвета и сложности, до сих пор полностью не понятой современными этнологами.

Изучение эпохи камня имеет огромное значение в развитии мировой и отечественной исторической науки. Это было время, когда не только закладывались основы материальной и духовной культуры человечества, но и формировались принципы существования человеческого социума — уникальной формы организации жизни на Земле. Совершенствование систем жизнеобеспечения, позволивших выживать человеческим коллективам в порой экстремальных условиях плейстоцена, показывают нам примеры успешной адаптации в меняющихся окружающих ландшафтах и дают нам подсказки в решении насущных сегодня проблем правильного отношения к существующей пока природе.

Со времени выхода единственного и очень лаконичного обобщающего труда по каменному веку Урала [5] прошло уже тридцать лет. Много изменилось за эти годы в археологической части уральской исторической науки, и главное, сменилась парадигма исторического мышления. Сегодня исследователь может свободно выбирать ту методологию, которая более всего подходит для решения существующих научных проблем, не опираясь лишь на исторический материализм. И древнее общество уже не определяется в статичном наборе родовых общин и племен, для познания истории развития социального устройства привлекается широкий круг российских и зарубежных исследований по этнологии (социальной антропологии).

Произошли значительные количественные и качественные изменения. Открыты и изучены десятки новых памятников различных периодов с применением более совершенных методик полевых исследований. В частности,

Обложка «Истории Урала»

Геолого-географическая характеристика Урала

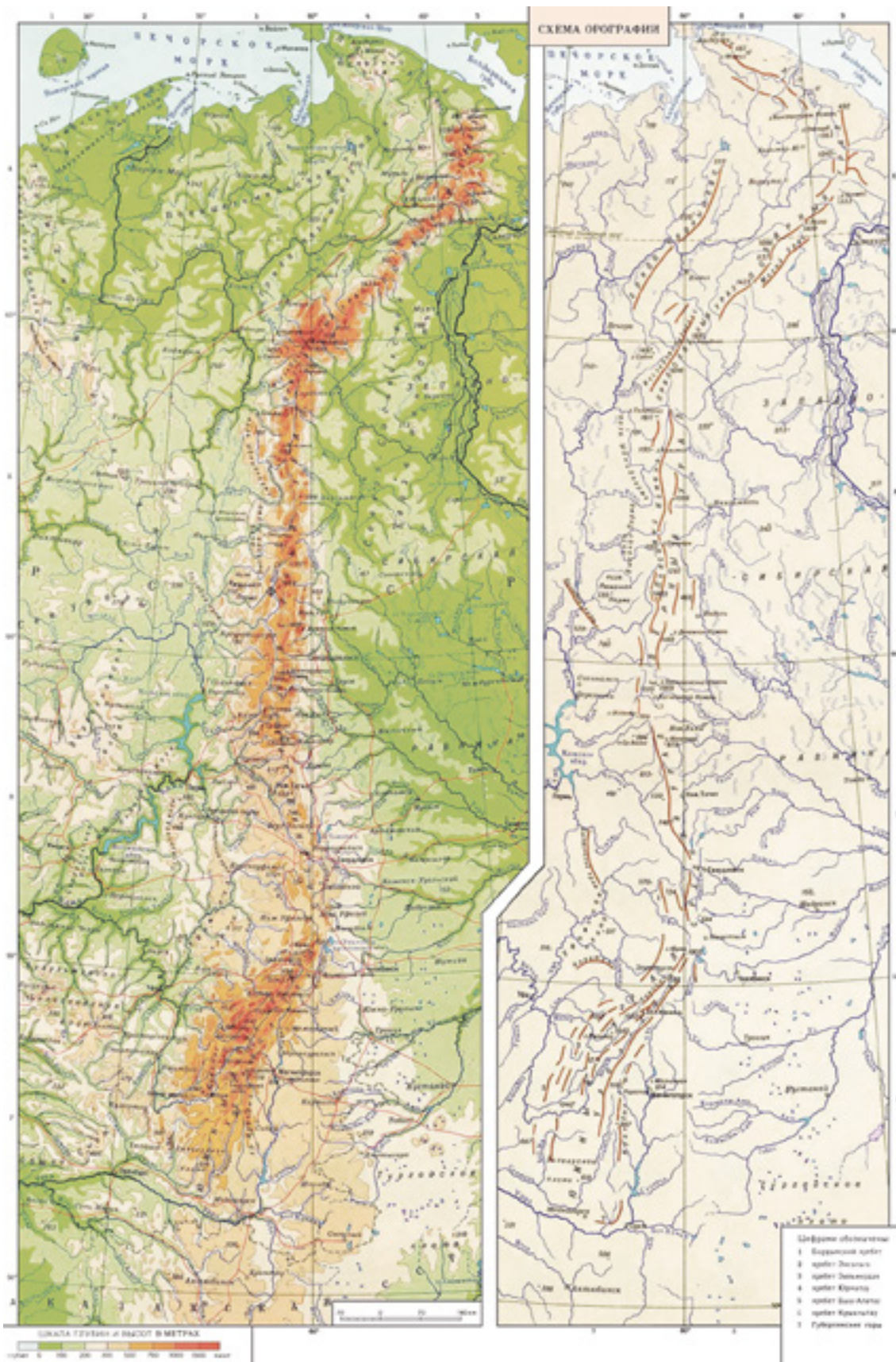
широко стала использоваться методика индивидуальной фиксации всех находок на стоянках и поселениях мезолита, неолита и энеолита. На новый качественный этап вышло применение в археологии естественно-научных методов, совершенно новым направлением стало внедрение компьютерных технологий в анализ, реконструкцию и моделирование археологических объектов. Это позволяет сегодня получать археологические и исторические факты качественно другого уровня. Огромный шаг вперед сделан в области радиоуглеродного датирования. Особенно это заметно стало в изучении неолита и энеолита с появлением доступа к AMS-датированию.

Произшедшие изменения не замедлили сказаться на качественном уровне археологического познания. Уральскими археологами подготовлен и защищен целый ряд докторских (Шорин, 1995; Моргунова, 1997; Сериков, 2001; Мосин, 2005; Выборнов, 2009; Павлов, 2009; Чаиркина, 2015) и кандидатских (Вохменцев, 2000; Шаманаев, 2002; Лычагина, 2004; Мельничук, 2007; Усачева, 2007) диссертаций. Открывшиеся в последние десятилетия возможности позволили выйти в свет значительному количеству публикационных и обобщающих трудов по отдельным периодам, территориям и проблемам каменного века Урала [1; 4; 6–8; 12–14; 16–18; 21–24 и др.].

Уральский хребет — одна из величайших по длине горных складок. Уральские горы, в открытой их части, простираются с севера на юг от Карского моря и Байдарацкой губы до песков Арало-Каспийской низменности, покрывающая целых двадцать три градуса широты (от 69° до 46° с. ш.) и имеют длину 2550 км, ширину от 100 до 250 км. Мугоджары представляют собой южную оконечность Урала. Вся же площадь, занимаемая Уральскими горами, составляет в общей сложности около 1 200 000 кв. км.

Урал — это целая система горных хребтов, вытянутых параллельно один к другому в меридиональном направлении. Как правило, таких параллельных хребтов два-три, но местами при расширении горной системы количество их возрастает до четырех и более. На западе они ограничиваются Предуральским палеозойским прогибом, который отделяет Урал от восточной части Русской платформы — Предуралья. К юго-западу от Мугоджар находится крупное погружение — Прикаспийское (Урало-Эмбинское), в которое вовлечены южные окончания Предуральского (Бельского) прогиба.

Географическая карта Урала

Палеозойская эра — геологический период, начавшийся 541 млн лет назад и закончившийся 252 млн лет назад. В палеозойскую эру случились большие и малые перемены во внешнем виде земли, ее развитии, формировании растительного и животного мира. Шло интенсивное образование гор и горных гряд, отмечалась активность существующих вулканов, похолодания и жара все время сменялись, увеличивался и уменьшался уровень морей и океанов. Жизнь проходила преимущественно в морях и океанах и лишь начинала перебираться на сушу.

Река Ай. Челябинская область

В Прикаспийском погружении развиты мощные толщи мезозойских и кайнозойских отложений. Такими же отложениями Арало-Каспийской низменности перекрыты на юге все уральские палеозойские структуры.

На востоке уральские структуры постепенно погружаются под мезозойские и кайнозойские отложения, суммарная мощность которых увеличивается на восток, вглубь Западно-Сибирской низменности. Современный Урал с его западным склоном, центральной частью и восточным склоном представляет собой лишь западную часть уральских складчатых структур. Восточная часть этих структур, погребенная под отложениями мезозоя и кайнозоя, прослеживается довольно далеко на восток. Например, в средней широте Урала восточная граница уральских горных структур проходит восточнее Тюмени и Кургана [2].

Геологическое строение Урала определило его геоморфологию, орографию и физико-географические особенности.

Регион Большого Урала включает в себя три крупные области — Предуралье, зону кряжа (с остаточными горами западного и восточного склонов) и Зауралье (пенеплен и западная часть Западно-Сибирской низменности) [20].

На востоке (в Зауралье) развиты вулканогенные, вулканогенно-осадочные, осадочные, метаморфические породы и т. п. Среди этих пород довольно широко развиты силициты, представленные всеми своими разновидностями. Распространенное название этих силицитов у археологов — уральская яшма и кремь. Основной кремненесущей зоной является Тагильско-Магнитогорский прогиб. Здесь силициты имеют наибольшее распространение в коренном залегании и часто наблюдаются на вершинах хребтов, увалов, гор,

Геоморфология — наука, посвященная земному рельефу, особенностям строения, внешнему виду планеты. Ученые, занимающиеся этой дисциплиной, выясняют, как образовался рельеф, каким образом он развивается в настоящее время.

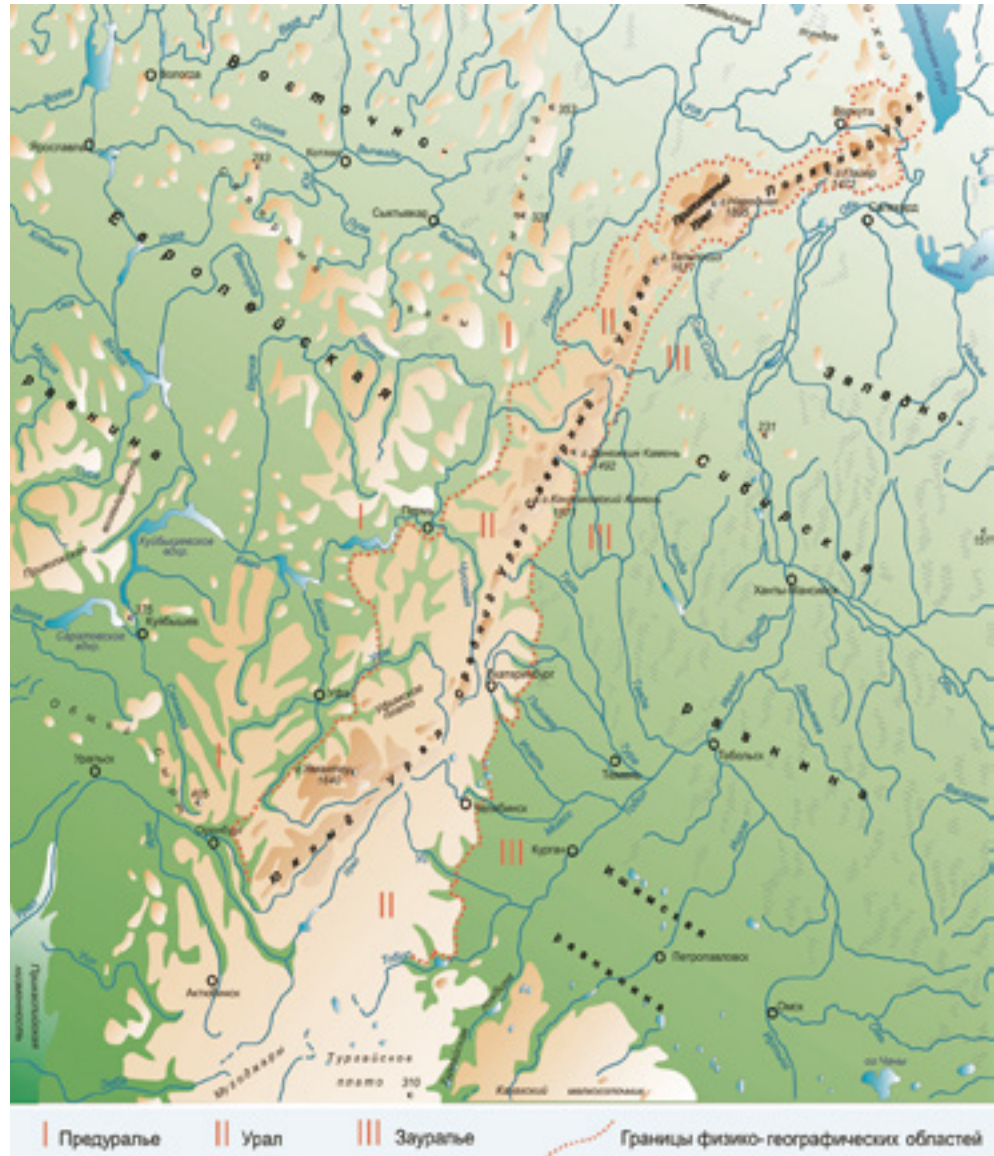
Орография — раздел геоморфологии и физической географии, занимающийся описанием и классификацией форм рельефа по их внешним признакам и взаимному

расположению вне зависимости от происхождения. При описании различных форм рельефа (хребтов, плато, равнин, долин, впадин, котловин и тому подобного) указываются местоположение, ориентировка по сторонам горизонта, приводятся количественные характеристики: длина, площадь, высота, глубина, густота расчлененности речной сети и другие, крутизна поверхностей и склонов.

Мезозойская эра — геологический период (252–66 млн лет назад). Этот временной период наполнен переменами климата, своеобразными тектоническими и эволюционными изменениями. Образуются новые горы. Разнообразие растительной жизни в мезозое достигло своего апогея. Развились многие формы рептилий, образовались новые большие и малые виды.

Кайнозойская эра («эра новой жизни») началась 66 млн лет назад и продолжается по сей день. В это время отмечается второе массовое вымирание животных и растений в связи с неизвестным катастрофическим явлением (по одной из версий — падением метеорита). После массового исчезновения различных видов жизнь на Земле изменилась кардинально. Место ящеров заняли млекопитающие. Лучшую приспособляемость к условиям кайнозоя проявили теплокровные млекопитающие. Возникла новая форма жизни — человек разумный.

Физико-географические области Урала

Кремнистыми породами, или **силицитами**, называются осадочные породы, более чем наполовину состоящие из минералов группы кремнезема — опала, халцедона и кварца. Классификация силицитов основана на их минеральных, химических, структурных и текстурных особенностях.

Фтаныты (лидиты) — темные, иногда почти черные, в археологии обозначаются как черный кремь.

Фтаноиды — внешне похожи на фтаныты, но менее темные, обычно с синеватым, голубоватым и зеленоватым оттенком. Археологами обычно обозначаются как яшма различных оттенков — серая, серозеленая, синеватая и т. п.

Яшмы — твердые породы с раковистым изломом, шелковистым или матовым блеском. Они чаще красные разных оттенков, зеленые или пестроцветные — красные тона чередуются с зелеными, желтыми, лиловыми.

Новакелиты («арканзасский камень») — молочно-белые породы с полураковистым изломом, матовым блеском. У археологов — белый кремь.

В каменном веке использовались и **минералы**, такие как халцедон, опал, кварц, которые присутствуют в природе в чистом виде, а также являются составляющими кремнистых пород.

холмов, представлены всем своим разнообразием, присутствуют в виде обломочного материала в рыхлых отложениях мезокайнозоя и многочисленных высыпках обломков на древних размытых поверхностях.

Основное различие в распространении силицитов в этих двух областях заключается в том, что в Предуралье совершенно нет красноцветных и полихромных яшм [15].

Для удобства географического изучения и описания Уральский хребет обычно разделяют на четыре части: Полярный, Северный, Средний и Южный Урал. Такое деление, разумеется, очень условно, так как внешний облик Урала меняется незаметно и постепенно по направлению с севера на юг.

Особенно интересна история разделения Урала на части. Все началось с Екатерины II. Императрица активно интересовалась устройством и богатствами своей державы и после собственного путешествия по Волге от Твери до Симбирска в 1767 году у нее возникла идея исследования геологических, минералогических, животных и растительных богатств, а также описания исторических и этнографических особенностей отдельных регионов, обширных пространств Российской империи. Было отдано распоряжение об организации астрономической и физической экспедиций. В задачи физической экспедиции входило исследование свойств воды и почвы, различных способов обработки земли и подсобных промыслов — пчеловодства, скотоводства и т. д., распространенных болезней и средств их лечения. Требовалось изучение минеральных богатств, «формы и внутренностей гор», а также всех отраслей естественной истории. В обязанности экспедиции также вменялся сбор всех данных, касающихся нравов, обычаев, верований, преданий, памятников, и разных древностей.

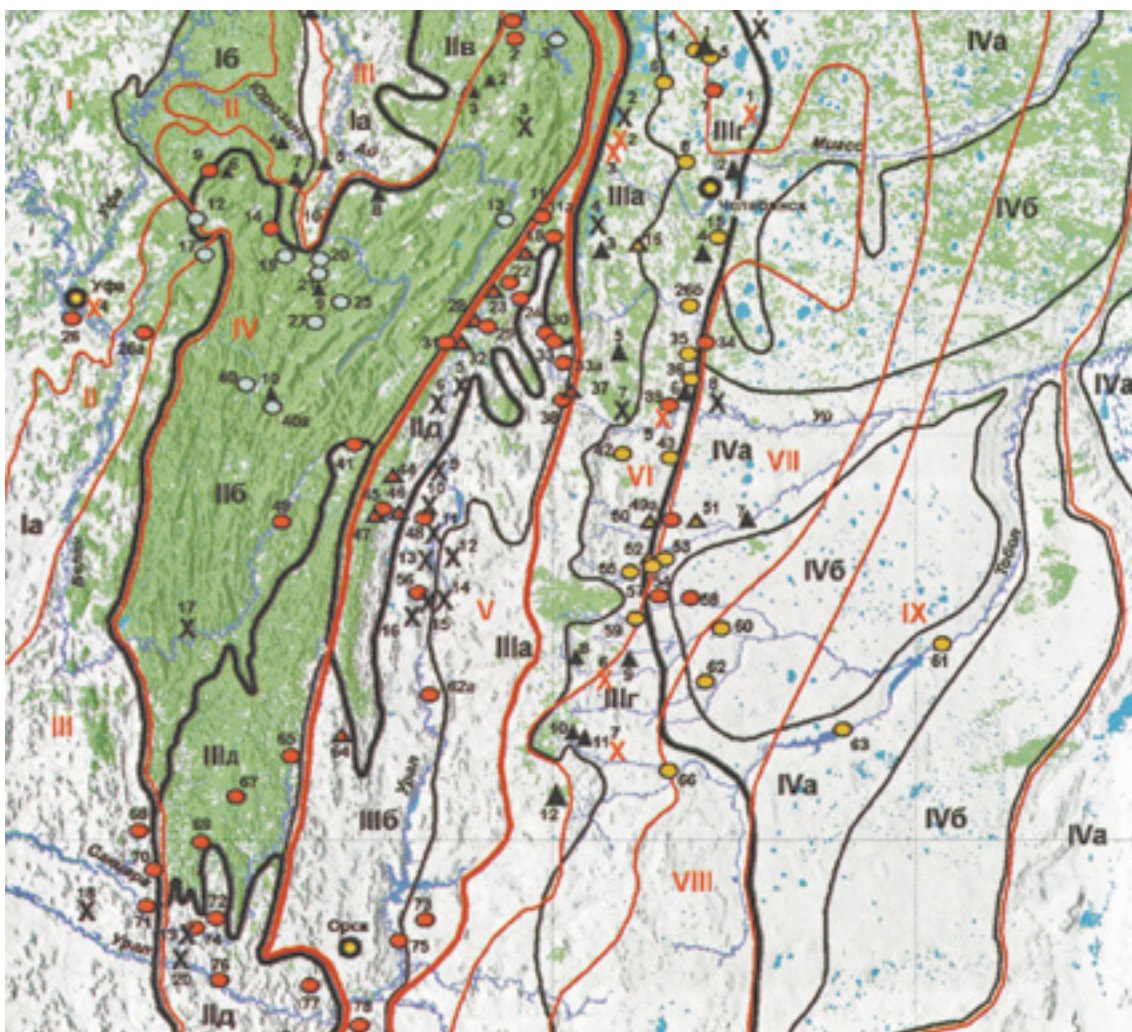
Физическая экспедиция состояла из пяти небольших отрядов — трех в Оренбургскую губернию и двух в Астраханскую. Это была экспедиция академиков. Основным отрядом руководил академик П.-С. Паллас, другие отряды возглавляли академики И. П. Фальк, И. Г. Георги, И. И. Лепехин.

В июне 1768 года П.-С. Паллас со своим отрядом выехал из Санкт-Петербурга. Летом 1770 года отряд Палласа достиг Екатеринбурга, посетил уральские горные заводы и на зиму остановился в Челябинске. Здесь в марте 1771 года он встретился с отрядом И. П. Фалька и обсудил экспедиционные маршруты отрядов.

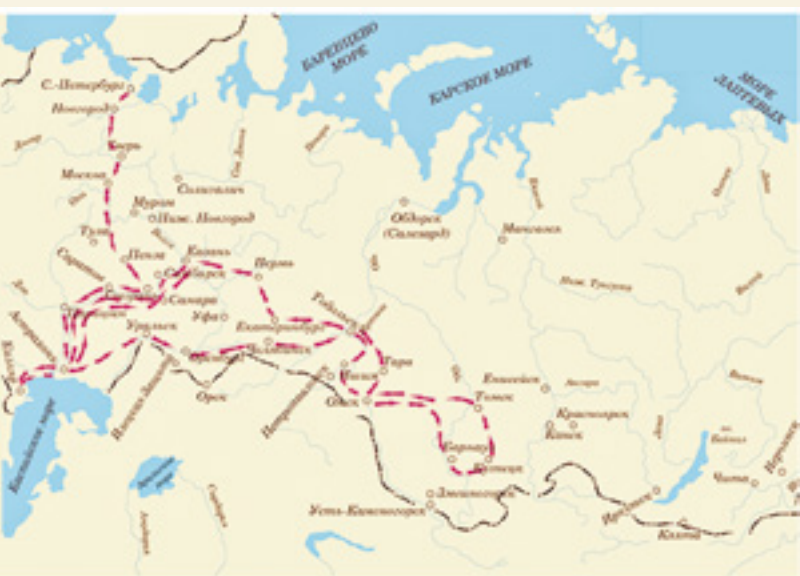
Фальк осмотрел и описал уральские горные заводы, исследовал склоны Уральских гор. Экспедиция Фалька собрала множество материалов по этнографии и истории русского, татарского, башкирского, калмыцкого и казахского населения Урала. Результатом работы отряда стал очень содержательный очерк об Уральских горах. Именно Фальк впервые подразделил горный Урал на три части — Башкирский, Екатеринбургский и Богословский Урал (впоследствии соответственно — Южный, Средний и Северный).

Этому же способствовало и административное деление территорий, сложившееся в первой трети XVIII века и зафиксированное на картах того времени. Современный Южный Урал полностью входил в состав Уфимского уезда, северная граница которого отделяла его от Кунгурского уезда и Екатеринбургского ведомства. В частности, это деление зафиксировано

Кремнистые породы

Карта распространения кремня на Южном Урале [15]

Маршрут путешествия
И. П. Фалька. Автор карты:
Наталья Бабенкова

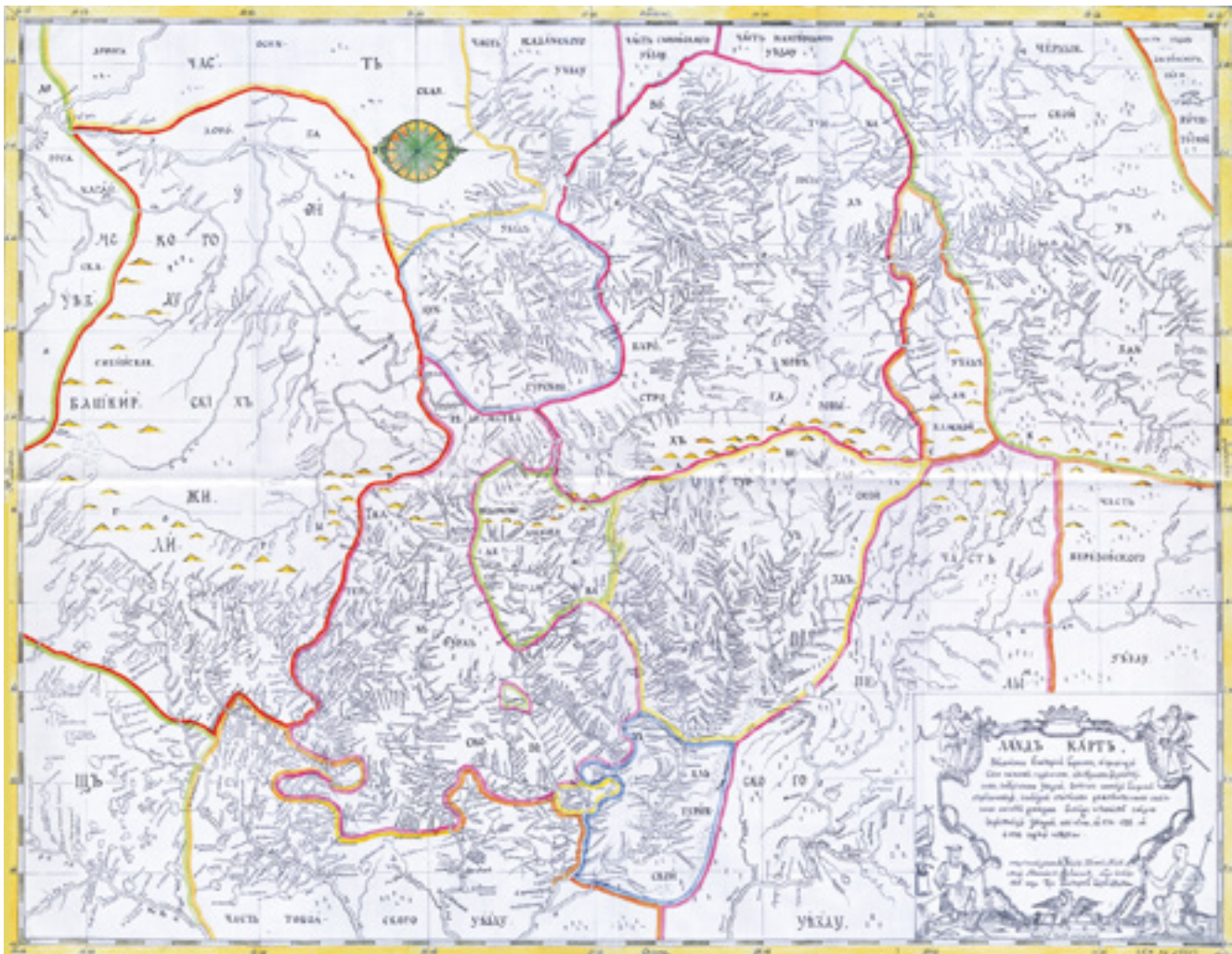
Иоганн Петер Фальк (1727–1774) — шведский естествоиспытатель и путешественник, доктор медицины. Был приглашен в Санкт-Петербург по рекомендации своего учителя знаменитого ученого Карла Линнея. В марте 1771 года прибыл в Челябинск, где встретился с П.-С. Палласом и обсудил экспедиционные маршруты отрядов. Фальк осмотрел и описал уральские горные заводы, исследовал склоны Уральских гор. Экспедиция Фалька собрала множество материалов по этнографии и истории русского, татарского, башкирского, калмыцкого и казахского населения Урала. Результатом работы отряда стал очень содержательный очерк об Уральских горах. Именно Фальк впервые разделил Урал на три части — Башкирский, Екатеринбургский и Верхотурский, — которые в дальнейшем получили названия: Южный, Средний и Северный Урал.

Петр Симон Паллас (1741–1811) родился в Берлине в семье немецкого врача, профессора анатомии Симона Палласа. Петр Симон вначале получил образование у частных преподавателей, к 13 годам в совершенстве знал английский, французский, латинский и греческий языки и начал посещать лекции по медицине в Берлинской медико-хирургической коллегии. Затем продолжил обучение в Университете Галле, Геттингенском университете и в 1760 году в Лейденском университете в возрасте 19 лет защитил докторскую диссертацию по медицине. За время учебы, помимо медицины, П.-С. Паллас прослушал курсы по множеству дисциплин от математики и физики до педагогики и горного дела. Петербургская императорская академия наук в 1766 году избрала Палласа своим действительным членом и профессором натуральной истории. И вот в 1767 году в возрасте 26 лет, уже имея признание ученого в Европе, Паллас с молодой женой и маленькой дочерью прибыл в Россию. Ему поручили руководство основным

1-м отрядом Оренбургской экспедиции. Экспедиция готовилась в течение года, и в июне 1768 года Петр Симон со своим отрядом выехал из Санкт-Петербурга в путешествие, которое заняло шесть лет его жизни. В первый год маршрут проходил через Новгород и Москву до Симбирска, где экспедиция провела первую зиму. В марте 1769 года Паллас с отрядом двинулся в Самару, затем в Оренбург, далее через Яицкий городок (Уральск) вдоль реки Урал — до Гурьева и через степь — до Уфы, где оставался до 1770 года. Летом 1770 года отряд Палласа был также в Екатеринбурге, посетил уральские горные заводы и на зиму остановился в Челябинске. В апреле 1771 года экспедиция продолжила свое путешествие до Омска, затем через Алтай до Томска и к зиме достигла Красноярска. В марте 1772 года отряд Палласа отправился через Иркутск по льду Байкала до Селенгинска, затем посетил Даурию и возвратился в Красноярск. В 1773 году Паллас с отрядом отправился в обратный путь через Томск, Тару, Сарапул и Казань, перезимовал в Царицыне (Волгоград) и через Москву 30 июня 1774 года прибыл в Санкт-Петербург.

Грандиозное даже по нынешним временам путешествие отряда Палласа имело и громадное практическое значение. Были получены и в дальнейшем опубликованы уникальные для науки сведения о природных богатствах Урала и Сибири, проживающих там народах, многих видах животных, ныне уже исчезающих.

Ландкарта 1734 года

на «Ландкарте... составленной в 1734 г.» и на «Ландкарте с показанием тракту полковника Тевкелева от Красногорской крепости к Чебаркулю». В 1840-е годы к этому делению «прибавился» и Полярный Урал. Впервые такое название употребил ботаник А. Шренк, посетивший в 1837 году крайний север Уральских гор — хребет Пай-Хой, официально открытый экспедицией Русского географического общества в 1848 году. Таким образом, изначально административное деление в дальнейшем было использовано для удобства географического описания, затем закреплено административной границей между Челябинской и Свердловской областями и сегодня воспринимается как нечто соответствующее природно-ландшафтному зонированию. В реальности очень сложно сформулировать физико-географические критерии расположения такой границы.

На Южном Урале выделяются четыре ландшафтные провинции. Провинция Южного Предуралья охватывает возвышенные увалы Общего Сырта и низкие предгорья Южного Урала. Пересеченный рельеф и континентальный климат способствуют резкому проявлению вертикальной дифференциации ландшафтов: увалы и предгорья покрыты широколиственными лесами (дуб, липа, ильм, клен остролистный), произрастающими на серых лесных

Маршрут Тевкелева

почвах, а депрессии рельефа, особенно широкие надпойменные речные террасы, одеты степной растительностью на черноземных почвах. Южная часть провинции представляет собой сыртовую степь с густыми зарослями дерезняков по склонам. К Среднегорной провинции Южного Урала относится центральная горная часть области. По наиболее высоким вершинам провинции (Ямантау, Ирмель, хребет Зигальга и др.) отчетливо выражены гольцовый и предгольцовый поясы с обширными каменными россыпями и нагорными террасами на склонах. Лесная зона образована елово-пихтовыми и сосново-лиственничными лесами, на юго-западе — хвойно-широколиственными. На северо-востоке провинции, на границе с Зауральем, поднимается невысокий Ильменский хребет. Низкогорная провинция Южного Урала включает южную часть Уральских гор от широтного участка реки Белой на севере до реки Урал на юге. В основном это Южноуральский пенеплен — плато с небольшими абсолютными отметками (около 500–800 м над уровнем моря). Его

сравнительно плоская поверхность, часто покрытая древней корой выветривания, расчленена глубокими долинами рек бассейна Сакмары. Преобладают лесостепные, а на юге степные ландшафты. На севере значительные площади покрыты сосново-лиственничными лесами, повсюду, и особенно на востоке провинции, обычны березовые рощи. Провинцию Южного Зауралья образует возвышенная волнистая равнина, соответствующая Зауральскому пенеплену, с широким распространением осадочных пород, иногда прерываемых выходами гранитов. Хотя современная зона южнее широты города Троицка и считается степной, по сути она представляет собой лесостепь и до состояния степи доведена в большей степени активной деятельностью человека в последние столетия.

Лесостепь. Южный Урал

Южноуральская степь

На формирование климата Южного Урала существенное влияние оказывают Уральские горы, которые создают препятствие на пути движения атлантических воздушных масс. Все это определяет значительную континентальность и сухость климата. Общими чертами климата являются: продолжительная холодная зима с устойчивым снежным покровом и непродолжительное теплое, иногда жаркое лето [9; 10].

Озера на Урале распространены очень неравномерно. Наибольшее их количество сосредоточено в восточных предгорьях Среднего и Южного Урала, где преобладают тектонические озера. На Зауральском плато распространены суффозионно-просадочные озера, а в Предуралье встречаются карстовые. Всего на Урале насчитывается более 6000 озер, каждое площадью более гектара, их общая площадь — свыше 2000 кв. км. Преобладают озера небольшие, крупных озер сравнительно мало. Лишь некоторые озера восточных предгорий имеют площадь, измеряемую десятками квадратных километров: Аргазы (101 кв. км), Увильды (71), Иртяш (70), Тургойак (27) и др.

Животный мир Южного Урала представляет собой пеструю смесь таежно-лесных и степных видов. В лесах башкирского Урала обычны бурый медведь, лось, куница, белка, глухарь, рябчик; рядом с ними в открытой степи обитают суслик, тушканчик, дрофа, стрепет. На Южном Урале накладываются один на

Реки Урала — Белая и Сим

другой ареалы не только северных и южных, но также западных и восточных видов животных. Так, вместе с садовой соней — типичной обитательницей широколиственных лесов запада — на Южном Урале можно встретить такие восточные виды, как малая (степная) пищуха или хомячок Эверсмана [11]. В настоящее время обитает более 70 видов млекопитающих и около 300 видов птиц. Среди основных бурый медведь, волк, лиса, лось, косуля, заяц, сурок, белка, еж.

С точки зрения древней истории региона, Урал можно разделить по двум понижениям горного рельефа: одно расположено около 59° с. ш. и отделяет полярную и северную часть Урала от центральной (Среднего и Южного Урала), другое (около 51–52° с. ш.), по которому проходит долина реки Урал, отделяет южную оконечность Уральской горной системы — Мугоджары.

Как археология становится историей, или Методология исследования

Что такое история? Как объективный процесс — это цепь событий, обусловленных действием комплекса взаимосвязанных факторов. История как наука — это реконструкция и моделирование событий в сознании ученых, основанные на письменных или вещественных источниках, и дальнейшее их описание в реконструированном виде. Историки работают с письменными

Озера Урала. Аракуль

В исторической науке, частью которой является археология, **методология** — это учение об организации научной деятельности, основанной на системе принципов и подходов, направленной на реконструкцию исторических событий и построение исторической модели прошлого.

Принцип объективности является одним из принципов, который обязывает рассматривать историческую реальность в целом, независимо от желаний, стремлений, установок и пристрастий исследователя. Рассматривать историю с позиций этого принципа означает, что ученый прежде всего должен изучать объективные закономерности, которые определяют процессы развития, опираться на факты в их истинном содержании, рассматривать каждое явление в его многогранности и противоречивости, изучать все факты в их совокупности.

источниками, моделируют исторические события недавнего, относительно всей истории человечества, прошлого. Археологи, опираясь на полученные в ходе раскопок артефакты, а также на данные антропологии, генетики, палеогеографии, этнографии, геологии, физики и химии (в части радиоуглеродного датирования) и других наук, которые помогают в этом сложном деле, моделируют исторические события далекой, не имеющей письменных документов древности. Поэтому археология является неотъемлемой частью исторической науки. Археолог, раскапывая стоянку, поселение или могильник и вынимая из земли вещи, сделанные конкретным человеком тысячи лет назад, стремится к пониманию жизни этого человека. Практически любая вещь, добытая в результате раскопок, — артефакт, является результатом воплощения в материальную форму каких-либо потребностей человека: например, чтобы пойти на охоту, добыть мясо и утолить голод, необходимо сделать лук и стрелы; чтобы разделить добычу, нужны ножи; чтобы построить жилище для семьи, нужны топоры и тесла, и т. д. Строительство жилища на стоянке каменного века — это историческое событие, содержанием которого является попытка конкретного человеческого коллектива освоить окружающее природное пространство, а это и есть жизнь. Факт прошлой, пусть даже очень древней жизни, зафиксированный, полноценно изученный и описанный археологией, — это факт исторический.

Получение нового знания, как главной цели науки, достигается путем решения научных проблем на основе оригинальных для каждой отрасли знания научных подходов, принципов и специальных методов, отраженных в методологии научного исследования.

Основным подходом при исследовании поселений каменного века Урала является системный подход, выраженный в теории опредмеченности, сформулированной В. Ф. Генингом для археологии на основе философской категории «опредмечивание» в рамках общей теории предметно-практической деятельности человека. С небольшими изменениями, внесенными автором настоящей работы, она выглядит следующим образом: опредмечивание социальных потребностей и жизнедеятельности как отдельного человека, так и социумов разных уровней, данное нам в артефактах, детерминировано спецификой системы жизнеобеспечения в конкретном окружающем ландшафте и культурно-историческими традициями социума.

Предложенный подход реализуется на принципах объективности, детерминизма, историзма и содержит несколько ключевых моментов.

Во-первых, прошлая действительность доступна нам в комплексах артефактов различной сохранности и представительности; во-вторых, эти комплексы являются продуктами системы жизнеобеспечения, основные составляющие которой — природные ресурсы обживаемой территории и применяемые технологии; в-третьих, характерные технологические цепочки и своеобразные детали в оформлении различных категорий артефактов являются основой традиций, определяющих идентичность социумов.

Прежде всего каждый археолог стремится к получению исторического источника, объективно отражающего изучаемую прошлую действительность. Это требует применения как специально-научных, так и частнонаучных

Принцип историзма является одним из наиболее значимых для любой исторической дисциплины, в том числе для археологии. Любое историческое явление должно изучаться с точки зрения того, где, когда, вследствие каких причин это явление возникло, каким оно было вначале, как развивалось, какой путь прошло. Принцип историзма требует, чтобы любой человек, который изучает историю, не впадал в роль судьи при оценке тех или иных исторических событий.

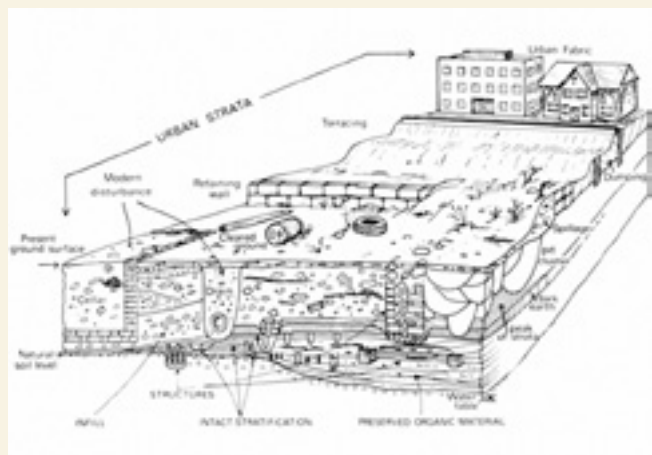
Принцип детерминизма, как представление о взаимосвязи всех явлений и процессов, является важнейшей составной частью научной методологии, нацеливающей исследователей на выявление причинности и закономерностей в природе, обществе и истории. **Исторический детерминизм** — учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. Центральным ядром исторического детерминизма является признание причинности, то есть такой связи явлений, когда одно из них (причина) с необходимостью при определенных условиях порождает другое (следствие).

методов археологии. Для памятников каменного века, среди которых почти исключительно встречаются местонахождения, стоянки и поселения, в первую очередь определяются стратиграфическая позиция культурного слоя или отдельных находок, представительность, относительная и абсолютная хронология комплекса. Важным условием получения качественного источника являются раскопки площадки памятника открытого типа на максимально широкой площади.

Вначале исследования представительность комплекса артефактов, получаемого при раскопках, можно оценить наблюдениями за стратиграфией отложений, вмещающих культурный слой.

При анализе стратиграфии памятника основное внимание необходимо сосредоточить на выявлении основания культурного слоя, что позволит изучить его изначальную структуру и выявить искусственные изменения поверхности древнего рельефа. Для стоянок и поселений эпохи палеолита основными элементами культурного слоя, зафиксированного *in situ*, принято считать собственно остатки человеческой деятельности и почвенный слой, содержащий эти остатки. Разрушение культурного слоя древнего поселения в первую очередь связано с постепенными или резкими изменениями отложений, размывом самого слоя и с изменением первоначального

Стратиграфия — в археологии порядок чередования напластований культурного слоя по отношению друг к другу, а также к подстилающим и перекрывающим его отложениям. Изучение стратиграфии необходимо для установления относительной датировки культурных слоев, а также сооружений, погребений, вещей. Особенно большое значение оно имеет в случаях, когда естественный порядок слоев был нарушен перекопами, обвалами, выворотнями и другими причинами. Стратиграфия археологических памятников устанавливается путем изучения вертикальных разрезов и используется для установления относительной, а затем и абсолютной хронологии каменного века.

Солифлюкция (solum — почва, грунт; fluxus — течь) — медленное передвижение протаивающих переувлажненных почв и различных грунтов на пологих склонах рельефа, возникающее под влиянием попеременного промерзания и оттаивания почв, действия силы тяжести, криогенных процессов (миграция влаги, смена фаз воды, пучение и усадка при промерзании и протаивании) и др.

пространственного положения артефактов, а также с разрушением самих артефактов, прежде всего изделий из рога, кости и дерева. В таких случаях необходим тафономический анализ, который имеет принципиально важное значение для понимания одновременности коллекций палеолитических памятников и степени сохранности культурного слоя. Это одна из основных процедур, без проведения которой все последующие археологические интерпретации палеолитических памятников в значительной степени девальвируются.

На палеолитических стоянках, отстоящих от нас на многие тысячелетия, нарушения культурного слоя могут быть связаны с размывом древней поверхности водой, солифлюкцией, морозным растрескиванием пород, аллювиальным переотложением и тектоническими деформациями, связанными с подвижками земной коры (например, землетрясениями).

Солифлюкция полностью уничтожает структуру культурного слоя на участках проявления этого процесса. Морозное растрескивание и тектонические деформации приводят к локальным линейным горизонтальным и вертикальным нарушениям культурных отложений. Вспучивание слоев проявляется повсеместно в зоне развития многолетних или сезонных мерзлотных толщ. Движение кремней вверх по профилю объясняется эффектом вытаивания. Механизм движения предметов при вытаивании основан на том, что накопившаяся под кремнями и костями влага, расширяясь при замерзании, медленно выдавливает их вверх. В итоге выше культурного слоя формируется рассеянное по вертикали «облако» находок, как правило, имеющих иную степень сохранности и залегающих хаотично [3].

Исследование пещерных стоянок имеет свои особенности. Раскопки широких площадей в полостях затруднительны ввиду большой изменчивости пещерных отложений, что требует тщательного стратиграфического контроля. Поэтому раскопки пещерных стоянок, как правило, проводятся на ограниченных площадях с полной промывкой отложений, содержащих культурный слой.

Региональные особенности существуют при изучении состояния культурного слоя на памятниках позднего каменного века, поскольку в равнинных регионах Предуралья и Зауралья культурный слой формировался преимущественно в песках, супесях и суглинках, подстилаемых также рыхлыми отложениями. В районе хребтов и на Зауральском плато культурные слои залегают в небольших по мощности подзолистых почвах, расположенных непосредственно на скальном основании. При первоначальном заселении какой-либо площадки человеческим коллективом вещи, которыми пользовались, а также остатки их изготовления и ремонта — отходы, заготовки и т. п. — откладываются на дневной поверхности и на полах жилых и хозяйственных сооружений. Поскольку в процессе жизнедеятельности неизбежно начинает разрушаться дерновый покров, артефакты попадают в верхние слои рыхлых отложений, формируя культурный слой. Полы сооружений уплотняются (утаптываются), спрессовывая в тонкой прослойке часть артефактов. После оставления поселения людьми и разрушения сооружений процесс почвообразования возобновляется. Почва — это живой организм, в котором проис-

ходит постоянное движение корневой системы трав, кустарников и деревьев. Мелкие, легкие археологические находки, вовлеченные в это движение, «отрываются» от основного горизонта аккумуляции и поднимаются вверх, образуя картину рассеивания в вертикальном разрезе. Присущие почвенным слоям живые организмы — черви, жуки, землеройки и более крупные животные, использующие норы, — еще больше усугубляют процесс разрушения горизонта первоначального накопления артефактов, не только поднимая их к верху почвы, но и опуская в подстилающие рыхлые материковые слои.

Подобная ситуация хорошо знакома всем, кто многие годы проводит полевые исследования — и не только на Урале, но и в других регионах. Еще более сложная картина складывается в культурных слоях стоянок и поселений, расположенных в горнолесных районах и на пенеппене, где подзолистые почвы малой мощности (как правило, не более 25–30 сантиметров) подстилаются непосредственно скальным основанием, насквозь пронизаны корнями крупных деревьев и, помимо уже указанных процессов, в течение тысячелетий разрушались «выворотнями» падавших деревьев, наиболее ранние из которых совершенно не фиксируются в настоящее время.

Идеальным для анализа представительности мог бы стать комплекс артефактов, полученный с единовременной стоянки, площадка которой никогда больше не заселялась людьми. Но такие случаи в археологии весьма редки.

Наиболее реального варианта получения представительного комплекса на первом этапе исследования можно добиться путем индивидуальной

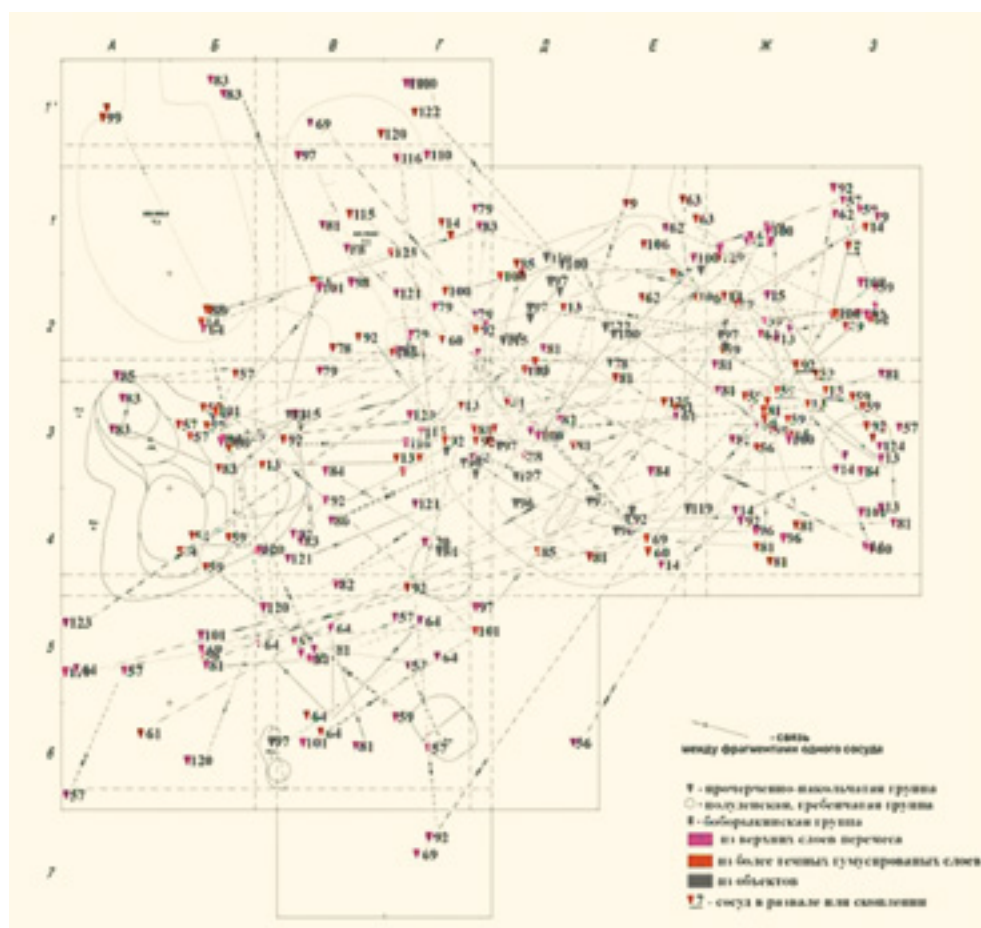
Археологические исследования культурного слоя стоянки Кедровый Мыс 1

фиксации всех находок в трех координатах в процессе раскопок, последующего построения трехмерной компьютерной модели распределения артефактов в культурном слое, а затем выделения из всего массива находок комплекса предметов с полов сооружений и основного горизонта аккумуляции артефактов на межжилищном пространстве. Артефакты, находившиеся в дисперсном залегании по всей толщине культурного слоя, можно будет привлечь для анализа в дальнейшем только после процедур верификации, одной из которых является обработка коллекции по методу «связей». Основное внимание здесь уделяется пространственному распределению подбирающихся предметов в культурном слое. Применение этого метода предоставляет возможность выделения участков культурного слоя, организованных особым образом, установления объектов и жилых площадок древних поселений, иногда не имеющих отчетливых границ, и установления состава одновременного в рамках поселения комплекса артефактов.

Важной составляющей этого комплекса являются остатки жилых и хозяйственных построек. Часто при полевых исследованиях не находят котлованов от углубленных построек. Однако необходимо иметь в виду, что даже при относительной кратковременности проживания в каком-либо месте люди не могли оставаться под открытым небом. Наземные жилища (о существовании которых нам говорят столбовые ямки), остатки очагов (прокалы и зольники), рабочие места мастеров, изготавливавших орудия, закономерности

Метод «связей» при изучении распространения керамики раннего неолита

Традиция (от лат. *traditio* — передача, предание) — негенетическая передача умений, навыков, представлений; исторически сложившиеся и передаваемые от поколения к поколению обычаи, обряды, общественные установления, идеи и ценности, нормы поведения; элементы социально-культурного наследия, сохраняющиеся в обществе или в отдельных социальных группах в течение длительного времени; форма преемственности в различных видах человеческой деятельности — материальной и духовной, — предполагающая полное или частичное воспроизведение способов, приемов и содержания деятельности предыдущих поколений.

Типологический метод — в археологии метод систематизации археологических объектов. Основан на классификации древних вещей (оружия, орудий труда, украшений, сосудов и т. п.) по материалу, способу обработки, форме и орнаменту. Вещи одного типа, то есть одного и того же назначения, однородные по виду, но отличающиеся в деталях, размещают в типологические эволюционные ряды, сопоставление которых дает возможность выявить группы предметов, характерных для определенной эпохи или территории и т. п. Типологические ряды строятся также для сооружений, могил и других археологических объектов.

распространения артефактов — все это мы иной раз просто не видим в силу ограниченности площади раскопок и несовершенства применяемых методов фиксации находок. Характер построек определялся набором факторов, включающим в себя расположение относительно водоемов, уровень грунтовых вод, преобладающее направление ветров, характер системы жизнеобеспечения, социальное устройство. При анализе остатков древних построек используются методы простого и формализованного описания, реконструкции, графического и компьютерного моделирования, а также технологического эксперимента. Анализ остатков построек с помощью имеющихся в распоряжении археологов методов позволяет получить данные, которые в дальнейшем могут быть использованы при исторической реконструкции и моделировании системы жизнеобеспечения конкретного человеческого коллектива — социума.

Следующим этапом верификации представительности комплекса артефактов является технологический анализ. Технология расщепления кремнистых пород для получения заготовок орудий может быть использована в качестве одного из критериев определения принадлежности или всего массива находок, или определенной его части к остаткам жизнедеятельности изучаемого социума в рамках конкретного памятника. Специфические приемы и технологии, которые общество использовало для извлечения природных ресурсов, чтобы удовлетворить свои базовые биологические и социальные потребности, составляют системы жизнеобеспечения. Вся работа человека с камнем обусловлена применением техники и технологии. Техника — это совокупность приемов, средств и навыков; технология — определенная последовательность технических приемов, средств и навыков, направленная на получение определенного изделия. Традиционная, исторически сложившаяся совокупность технологических приемов и характерная последовательность их применения составляют и определяют специфику, свойственную конкретному социуму и присущую только ему. Эта специфика обусловлена оригинальными поведенческими стереотипами человеческого коллектива и особенностями мышления в технологии.

При всеобщей стандартизации только устойчивые сочетания оригинальных орудий позволяют отличать одну традицию от другой.

Техника и технология изготовления орудий может передаваться от поколения к поколению только путем непосредственного обучения. У коллективов, не связанных между собой системой жизнеобеспечения, они неизбежно будут отличаться, поскольку в разных социумах формируются свои представления о форме, удобстве и функциональности того или иного орудия. Это в конечном итоге приводит к оформлению традиции. Поскольку эта традиция связана с жизненно важной сферой, она очень устойчива и может существовать не одну сотню (или даже тысячу) лет.

С определением принадлежности того или иного комплекса изделий из камня к определенной традиции непосредственно связано и применение типологического метода.

Несмотря на то что в целом тип какого-либо артефакта — это идеальная модель предмета и, по сути, является в определенной степени абстракцией,

Типологический метод представляет собой обобщенное название для суммы достаточно разнообразных подходов к классификации материала. Ввиду того что типологический метод охватывает всю совокупность артефактов, он является центральным в методологии археологической науки. Традиционный метод классификации каменных орудий предполагает создание списка морфологических разновидностей (типлиста). Статистически устойчивое, повторяющееся сочетание нескольких признаков на серии предметов служит основанием для выделения типа. При выделении типа особое значение придается фиксации морфологических элементов орудия, их сочетанию, прослеживанию повторяемости такой комбинации на сериях предметов. Тип — наименьшая единица классификации; для его описания необходимо указать множество признаков. Тип — идеальная модель предмета и в чистом виде является исследовательской абстракцией. На практике имеется определенное количество предметов, наиболее близко соответствующих определению данного типа, а вокруг него располагается масса вариантов, в той или иной мере отклоняющихся от заданного образца [4].

уже неоднократно отмечалось, что если характерные детали формы орудий в процессе работы не играют роли, то они непосредственно связаны только с определенными приемами выделки орудий, то есть опять же с традицией, присущей определенному социуму.

Помимо указанных общеизвестных в археологии методов при анализе каждого конкретного памятника необходимо применять менее распространенный геолого-археологический метод, при котором не только определяется состав кремнистых пород и минералов, которые население стоянки использовало для изготовления орудий, но и выявляется сырьевая база окружающей территории, а также моделируются пути и способы появления кремнистого сырья у изучаемого социума. Проведенные к настоящему времени исследования в этом направлении позволяют совершенно по-новому взглянуть на некоторые классификационные схемы развития комплексов изделий из камня. Вероятно, эволюцию каменной индустрии от микропластинчатой в мезолите до отщепово-пластинчатой в энеолите можно рассматривать лишь как общую историческую тенденцию. Закономерности в составе и характере комплекса изделий из камня каждого конкретного памятника в большой степени зависят не только от хронологического отрезка существования стоянки, но и от наличия или отсутствия поблизости качественных кремнистых пород, а также от направления хозяйственной деятельности людей. Один и тот же коллектив охотников, например, неолита или энеолита в течение одного годового хозяйственного цикла на одной стоянке, расположенной вдали от источников качественного сырья, мог использовать преимущественно микропластинчатый инвентарь, а на другой, находившейся непосредственно у выходов кремнистых пород, — преимущественно пластинчато-отщеповый [15].

Еще одним методом, важным для изучения конкретного памятника, является функционально-трассологический. Трассологическое исследование позволяет определить функции каждого отдельного орудия и хозяйственно-производственную направленность всего комплекса изделий из камня как основы системы жизнеобеспечения конкретного социума.

Для памятников поздних этапов каменного века — неолита и энеолита — еще одной составляющей комплекса артефактов является керамическая посуда. Для северных регионов Зауралья порой это наиболее представительная часть получаемых при раскопках коллекций. Для обработки керамики применяются в основном технологический (включающий анализ сырья и примесей для изготовления теста) и типологический (направленный на изучение морфологии сосудов и системы орнаментации их поверхности) методы.

Имеющиеся к настоящему времени данные позволяют говорить о том, что керамическое производство на территории Северной Евразии от Днепра до Верхней Волги на западе и до Приобья на востоке появляется археологически почти одновременно в VII тысячелетии до н. э. Распространение технологии изготовления керамики в пределах такого значительного по масштабам региона, на наш взгляд, могло осуществиться достаточно быстро — в рамках жизни трех-четырех поколений, на основе брачно-семейных, дарообменных, экономических связей между социумами, осваивавшими близкие, возможно, частично пересекающиеся природно-хозяйственные зоны. Изначальные

техничко-технологические принципы изготовления посуды получали типологическое разнообразие за счет отличий в сырьевой базе территорий и отличающихся друг от друга уже существовавших в обществах изобразительных традиций, которые, возможно, являлись частью системы самоидентификации.

Важнейшей на первом этапе исследований является процедура определения абсолютного возраста полученного комплекса артефактов. В археологии каменного века наиболее распространенными являются термолюминесцентный, радиоуглеродный и AMS-метод абсолютного датирования. Термолюминесцентный метод используется для определения возраста древнейших памятников и установления возраста отложений, перекрывающих, вмещающих и подстилающих культурные слои стоянок палеолита. Радиоуглеродное датирование применяется в основном для анализа образцов кости, древесного угля и органики из культурных слоев. Предпочтительными считаются AMS-датировки, так как образцы, используемые для определения возраста этим методом, значительно меньше по физическому объему образцов и, следовательно, менее подвержены загрязнению молодым углеродом.

Итак, скрупулезно проведя все процедуры, предусмотренные перечисленными выше методами, мы получим представительный комплекс артефактов, который отражает опредмеченную социальную потребность и определенную часть жизнедеятельности конкретного коллектива людей, обживавшего данное место в известный нам промежуток времени.

Второй этап исследований основан на применении общенаучных методов, таких как аналогия, синтез, индукция, реконструкция и моделирование. На этом этапе исследования могут пойти по двум направлениям — классификационному и историческому. В классификационном направлении основной

Комплекс предметов эпохи раннего неолита, найденных на озере Увильды

целью работы является анализ и группировка различных категорий артефактов в рамках археологических культур, создание схем, объединяющих артефакты в пространственно-временном континууме. Основным понятием в исследовательской процедуре выступает археологическая культура — единство археологических памятников, расположенных на конкретной территории в определенный отрезок времени, выраженное в близком сходстве различных категорий артефактов (орудий труда, керамики), архитектуре, погребальном обряде и т. д. Выделение археологической культуры — это создание фактологической базы археологии в систематизированном виде. Отсюда следуют и решаемые задачи, прежде всего разноуровневая классификация артефактов: собственно археологических находок, остатков жилищ, деталей интерьера, поселений и т. д. Процедуры проводятся в рамках как естественной, так и искусственной систем классификаций. Вырабатываются объективные критерии анализа, составляются тип-листы и классификационные схемы. Обобщение результатов типологического анализа приводит к уточнению содержания понятий «тип керамики», «тип памятника», «археологическая культура».

Целью исторического направления является изучение и моделирование процесса адаптации человеческих коллективов в определенный хронологический отрезок в конкретном окружающем ландшафте, то есть, собственно, исследование истории общества, если понимать историю как цепь событий, обусловленных действием системы взаимосвязанных факторов. Среди основных задач можно выделить: изучение внутренней структуры поселения как замкнуто-открытой системы; анализ палеогеографической среды осваиваемого ландшафта; исследования уровня развития технологий, способов реализации адаптивных стратегий; моделирование социальной структуры изучаемых человеческих коллективов; разработка проблем микро- и макрохронологии и, возможно, ряд других. Предполагаемым результатом будет как моделирование картины жизни отдельного социума в рамках поселения, так и модель функционирования социальной системы в целом. В качестве основных здесь могут выступать не только и не столько привычные нам археологические понятия, сколько понятия, присущие этнологии (социальной антропологии) и исторической социологии.

В целом для большинства исследователей представляется очевидным, что ни одна из сохранившихся и изучавшихся этнологами социальных систем — охотников, рыболовов, собирателей — не может быть спроецирована на глубокую древность. Однако любое жизнеспособное, удовлетворяющее базовые материальные и духовные потребности людей общество с присваивающей экономикой показывает, какие формы социальной жизни в принципе возможны при таком способе жизнеобеспечения и какие формы социального взаимодействия безусловно необходимы для их функционирования. Определенная система жизнеобеспечения обуславливает некоторые типологические черты социальной жизни и даже духовной культуры. Их немного, и они поддаются лишь самому обобщенному формулированию, но мы с большой долей вероятности можем полагать, что подобные же черты имелись у древних охотников и собирателей и легли в основу фундамента последующих социальных структур.

Список литературы

1. Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара : Самар. гос. пед. ун-т, 2008. 490 с.
2. Геология СССР : в 37 т. Т. 12, ч. 1, кн. 2. М. : Недра, 1969. 304 с.
3. Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение. Введение и основы. Новосибирск : Наука, 1994. 287 с.
4. История башкирского народа : в 7 т. Т. 1. М. : Наука, 2009. 400 с.
5. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М. : Наука, 1989. 608 с.
6. Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1989. 80 с.
7. Ковалева В. Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1995. 62 с.
8. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург : Учеб. кн., 2010. 308 с.
9. Левит А. И. Южный Урал: география, экология, природопользование. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2001. 245 с.
10. Макунина А. А. Ландшафт Урала. М. : Изд-во МГУ, 1974. 158 с.
11. Мильков Ф. Н., Гвоздецкий Н. А. Физическая география СССР. М. : Мысль, 1976.
12. Мосин В. С. Древние охотники Урала. Челябинск : Рифей, 2011. 512 с.
13. Мосин В. С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья : в 2-х т. Т. 1. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 21–240.
14. Мосин В. С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003. 220 с.
15. Мосин В. С., Никольский В. Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург : Урал. отд-ние РАН, 2008. 196 с.
16. Неолит Северной Евразии. М. : Наука, 1996. 264 с.
17. Павлов П. Ю. Палеолитические памятники северо-востока Европейской части России. Сыктывкар, 1996. 200 с.
18. Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Ниж. Тагил : НГПИ, 2000. 430 с.
19. Сериков Ю. Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Ниж. Тагил : Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад., 2009. 368 с.
20. Сигов А. П. и др. Комплексное геолого-геоморфологическое картирование Урала с целью поисков гипергенных полезных ископаемых. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1968. 252 с.
21. Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург : Урал. отд-ние РАН, 2005. 314 с.
22. Широков В. Н. Уральские писаницы. Южный Урал. Екатеринбург : АМБ, 2009. 128 с.
23. Широков В. Н., Петрин В. Т. Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург : Ажур, 2013. 189 с.
24. Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург : Урал. отд-ние РАН, 1999. 182 с.

Урал.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

1
ТОМ
глава
1

ЗАСЕЛЕНИЕ
УРАЛА
ЧЕЛОВЕКОМ

Глава 1.

ЗАСЕЛЕНИЕ УРАЛА ЧЕЛОВЕКОМ

Появление человека на Земле

Эволюционное разделение ветвей развития обезьян и людей произошло около восьми миллионов лет назад. Основанием для подобных утверждений является обнаружение в Африке, на территории республики Чад останков древнейшего на сегодняшний день представителя гоминидов, которые получили условное название «тумаи». Найденные останки еще пяти особей, описанные в июле 2002 года международной командой из 38 ученых, стали основой для выделения нового вида и рода — *Sahelanthropus tchadensis* (сахелантропы). Возраст этих останков составляет порядка 6,8–7,2 млн лет. Существа обладали достаточно слабыми клыками, а зубы их заметно отличались от зубов представителей других видов. Размер головного мозга был небольшим, примерно 350 куб. см — как у шимпанзе, а черепная коробка удлинена, что характерно для современных обезьян. Подобное смешение признаков свидетельствует о самых ранних этапах эволюции группы.

Согласно недавно полученным данным, древнейшие орудия были найдены в окрестностях знаменитого озера Туркана в Кении. Их возраст, вычисленный по окружающим геологическим породам, оценивается в 3,3 млн лет, что говорит о том, что наши предки научились изготавливать их

до появления рода *Homo* (в переводе с латинского — «человек»). Изготовление найденных орудий связывают с подвидом австралопитеков — кениантропом (*Kenyanthropus platyops*).

Технологически орудия труда из Турканы заметно проще, чем считавшиеся древнейшими олдувайские чопперы и рубила — они сделаны из более крупных камней, и режущая грань у них заметно грубее и «случайнее».

Среди австралопитеков наиболее известным является австралопитек афарский — «южная обезьяна из Афара» — первый известный нам обезьяночеловек, появившийся около четырех миллионов лет назад. Далее следуют: австралопитек африканский, или «африканская южная обезьяна» (этому виду примерно 2,8–1 млн лет. Представители данного вида были небольшого роста, стройными, с относительно длинными руками, обладали прямохождением. Объем черепа в среднем составлял 440 куб. см, что немного больше, чем у афарцев, но участки мозга, отвечающие за артикулированную речь, не были развиты. Нижняя часть лица у представителей данного вида выступала вперед, но не столь значительно, как у человекообразных обезьян. Специалисты оспаривают способность африкануса к изготовлению орудий. Большинство костяных «предметов», обнаруженных близ ископаемых антропологических материалов, — это, скорее всего, остатки пищи хищных животных); австралопитек могучий, или *robustus* (этот вид существовал около 2,5 млн лет, исчез примерно

Sahelanthropus tchadensis.
Реконструкция Романа Евсеева

Kenyanthropus platyops.
Реконструкция выполнена Олегом Осиповым для портала антропогенез.ру

Australopithecus afarensis.
Реконструкция выполнена Романом Евсеевым для портала антропогенез.ру

Австралопитеки (от лат.— южный и др.-греч.— обезьяна) — группа ископаемых высших приматов. Костные остатки впервые были обнаружены в пустыне Калахари (Южная Африка), а затем в Восточной и Центральной Африке. Группа включает несколько видов: афаренсис, африканус, робустус, бойсов. Существовали они 4–1 млн лет назад. Вопрос о том, были ли какие-либо австралопитеки предками людей или они представляют собой «сестринскую» по отношению к людям группу, не выяснен до конца.

Олдувай, или **Олдовай** (Olduvai, Oldoway) — ущелье на севере Танзании, в 36 км к северо-востоку от озера Эяси. Представляет собой 40-километровую расщелину, идущую вдоль равнин Серенгети в охраняемой зоне Нгоронгоро. Глубина около 100 м, площадь 250 кв. км.

Олдувайская культура (олдованская культура, галечная культура) — наиболее древняя культура палеолита. Появилась около 2 млн лет назад. В археологии под олдуваем понимают древнейшие каменные индустрии, для которых характерно доминирование простых форм изделий из галек и кусков породы — чопперов, чоппигов. Также распространены скребловидные орудия из отщепов. Первые галечные орудия могли изготавливать еще австралопитеки, последние — архантропы.

Чоппер, или **чоппинг** (от англ. chopper — удар, рубящий; нож, колун) — одно из первых орудий человека. Это просто гальки, оббитые с одного конца. Именно такие заостренные грубыми сколами орудия и были найдены близ останков *Homo habilis*.

Олдувайское орудие

1,5 млн лет назад); австралопитек бойсов, или зинджантроп (восточно-африканский человек, существовавший 2,5–1 млн лет назад).

Самыми древними из известных представителей рода *Номо* являются человек умелый (*Homo habilis*) и человек рудольфийский (*Homo rudolfensis*). Среди собственно человеческого сообщества — рода *Номо* — первым, кто взял в руки камень и сделал из него орудие, был человек умелый, или хомо хабилис (*Homo habilis*). Он был небольшого роста (до 1,5 м), весом около 50 кг, неатлетического телосложения, однако отличался от австралопитеков большим объемом мозга, что, вероятно, и объясняет его умение изготавливать необходимые для жизни орудия и обустривать примитивное жилище. Более того, мозг был не только крупнее, но и сложнее — обладал особенностями строения, необходимыми, в частности, для рудиментарной речи. Возросшие возможности мозга, очевидно, обусловили прогресс в производстве каменных орудий. Жил хомо хабилис около 1,8 млн лет назад.

На стоянке Зиндж впервые зафиксирован самый ранний случай совместного нахождения каменных орудий и черепа древнего человека. Ближайший источник лавы и кварцита, из которого были сделаны вещи, располагался в нескольких километрах от стоянки. Это свидетельствует о способности хабилиса путешествовать и переносить какое-то количество тяжелого материала. Следовательно, деятельность представителей древнейшего человека подразумевала начальную социальную организацию. *Homo rudolfensis* — человек рудольфийский — это второй из устоявшихся видов «ранних *Номо*», сосуществовавший с человеком умелым, в целом довольно слабо отличался от *Homo habilis*.

Далее следуют уже наиболее близкие к нам виды: *Homo erectus / ergaster* (человек прямоходящий / трудящийся) и *Homo heidelbergensis* (гейдельбергский человек). *Homo erectus / ergaster* впервые был обнаружен в Азии и имел такие названия, как питекантроп (прямоходящий обезьяночеловек), яванский человек, пекинский синантроп. Сейчас все эти виды относят к виду эректус-эргастер. Древнейший и наиболее полный скелет *Homo erectus* был найден в Восточной Африке, его возраст примерно 1,6 млн лет. По сравнению с предшествующими

Хабилис
из Кооби-Форы

Хомо хабилис

*Homo
rudolfensis*.
Череп
Дманиси.
Реконструкция
выполнена
Романом
Евсеевым
для портала
антропогенез.
ру

Homo erectus.
Данакиль
UA 31,
Восточная
Африка, 1 млн
лет назад.
Реконструкция
выполнена
Олегом
Осиповым
для портала
антропогенез.
ру

Неандерталец

Homo heidelbergensis.
 Реконструкция
 выполнена
 Олегом
 Осиповым
 для портала
 антропогенез.
 ру (в соавтор-
 стве со Светла-
 ной Шнейтор)

видами человек прямоходящий / трудящийся претерпел важные изменения. Объем мозга составлял уже 880–1100 куб. см. В увеличении объема мозга проявилась ведущая тенденция эволюции этого вида. Некоторые взрослые особи достигали роста 1,8 м, веса 60–65 кг. Основное направление отбора на этой стадии эволюции выражалось в приспособлении к усложнению трудовой деятельности. Несмотря на возросший объем мозга, речевой аппарат эректуса был, вероятно, слабо развит, а количество издаваемых звуков ограничено. По сравнению с предшествующими видами у человека прямоходящего / трудящегося была более выражена способность осваивать новые экологические условия, что способствовало росту численности населения.

Представители этого вида изготавливали разнообразные орудия, наиболее эффективными среди которых были двусторонние формы — бифасы. Получили дальнейшее развитие охотничьи навыки. Судя по наличию угля на различных стоянках, представители этого вида широко пользовались огнем и, вероятно, могли готовить на нем пищу. Развивалась и структура древних поселений, включавшая жилища, очаги и другие конструкции. Этот вид древнего человека существовал примерно до 200 тысяч лет назад.

Время существования гейдельбергского человека — 800–130 тысяч лет назад. Название происходит от грота Гейдельберг в Западной Германии, где в 1907 году при разработке карьера была найдена огромная и массивная челюсть гоминида, послужившая для описания вида. В науке известен ряд африканских, европейских и, возможно, азиатских находок, промежуточных между архантропами и палеоантропами. Относительно поздняя форма, близкая *Homo erectus*. От архантропов отличались некоторыми прогрессивными, возможно, специализированно-неандертальскими признаками, в частности большим мозгом и округлым затылком, от палеоантропов же — архаично-низким черепом с толстыми стенками и очень массивными челюстями с большими зубами.

Далее ствол древа эволюции раздваивался. В Сибири формировался *Homo sapiens altaiensis* — человек разумный «денисовец», в южных регионах Северной Евразии (Средняя Азия, Ближний Восток,

Европа) — *Homo neanderthalensis*, или неандерталец. Денисовский человек — ископаемый подвид древних людей, фрагменты останков которых были обнаружены в Денисовой пещере на Алтае (Солонешенский район). В 2008 году группа российских ученых под руководством директора Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН академика Анатолия Деревянко и его заместителя Михаила Шунькова обнаружила в Денисовой пещере окаменелую кость последней фаланги пальца руки древнего человека. Российские ученые передали находку в Институт эволюционной антропологии имени Макса Планка в Лейпциге профессору Сванте Паабо, с которым сотрудничали до этого в течение многих лет. Исследования показали, что найденная окаменелость — фрагмент скелета девочки, жившей 30–70 тысяч лет назад. Исследователи пришли к выводу, что гоминид, останки которого были найдены в пещере, принадлежит к особой ветви в развитии человека, отделившейся от магистрального направления эволюции около миллиона лет назад (то есть задолго до того, как отделилась ветвь неандертальцев). Этому виду присвоили название «денисовский человек»; его ДНК отличается от ДНК неандертальца и вида *Homo sapiens*, но ближе к ДНК неандертальца. Возможно, ветвь денисовских людей отделилась от эволюционного древа около 700 тысяч лет назад.

Неандертальцы — ископаемые люди эпохи позднего палеолита, представители палеоантропов; рассматриваются как самостоятельный вид — человек неандертальский (*Homo neanderthalensis*), но чаще как подвид человека разумного (*Homo sapiens neanderthalensis*). Название дано по ранней находке (1856) ископаемого человека в долине Неандерталь близ Дюссельдорфа (Германия). Основная масса останков неандертальцев и их предшественников — «пренеандертальцев» (примерно 200 индивидов) обнаружена в Европе, главным образом во Франции, и относится к периоду 70–35 тысяч лет назад (максимально 100–150 тысяч лет назад и даже ранее). В начале последнего оледенения часть неандертальцев мигрировала к югу (Передняя Азия, Северная Африка).

Более многочисленны и разнообразны следы, оставленные человеком современного вида —

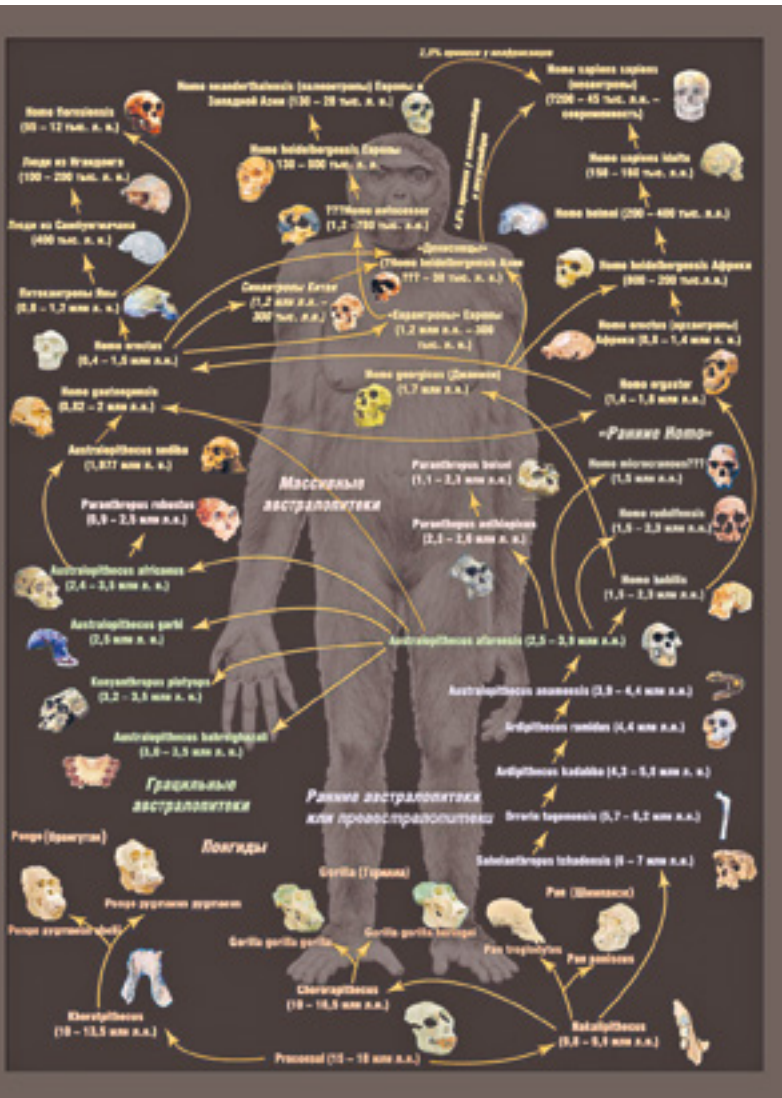
Кроманьонец

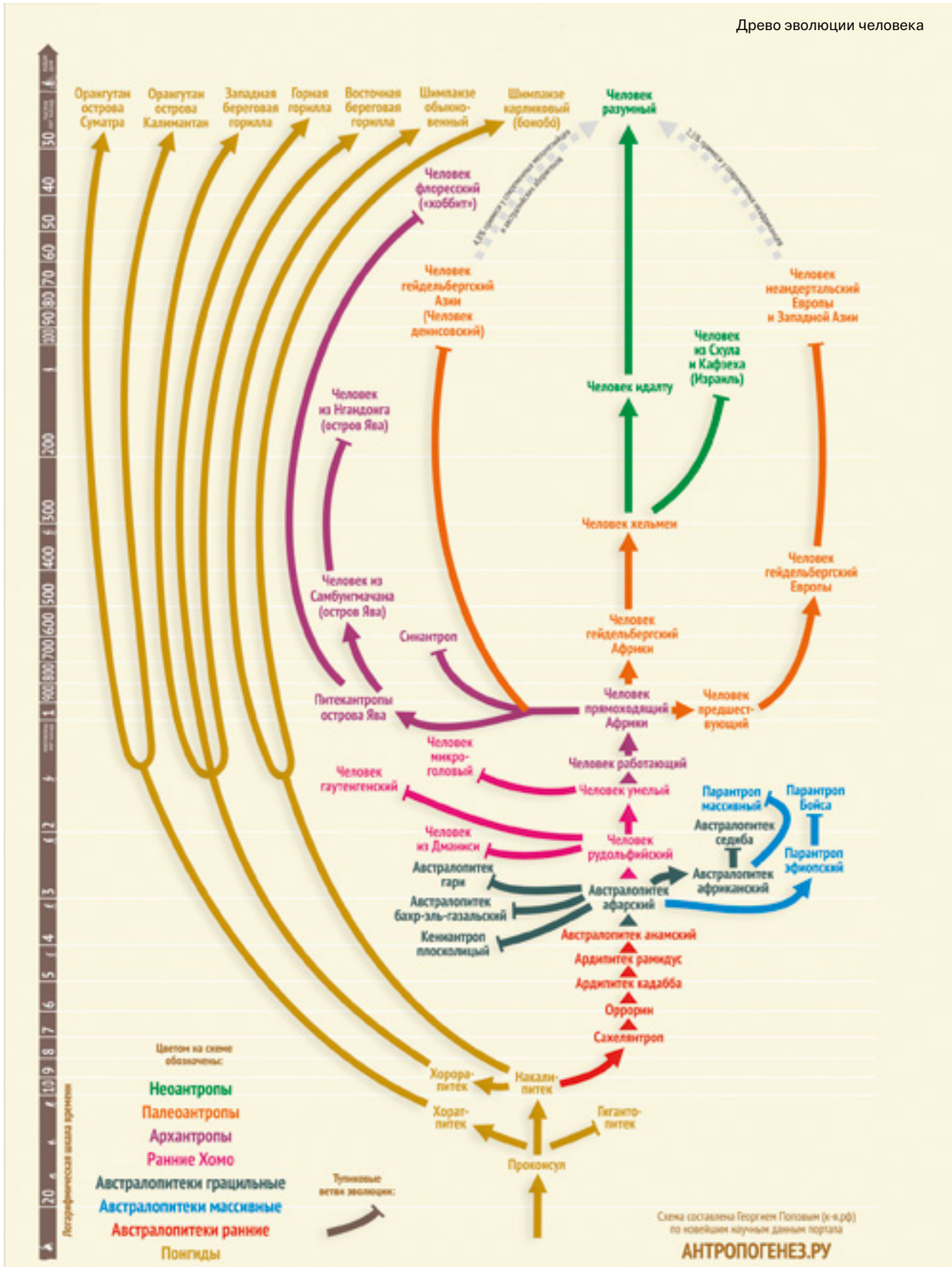
Homo sapiens, который начал формироваться в промежутке от 200 до 100 тысяч лет назад. Первый общепризнанный образец ископаемого *Homo sapiens sapiens* был обнаружен в 1869 году в гроте Кро-Маньон в местечке Лез-Эзи (провинция Дордонь, Франция). Отсюда и распространенное название хомо сапиенса — «кроманьонский человек», широко бытовавшее некоторое время в научной среде, но ныне применяемое лишь к палеоантропологическому типу древнего населения. У представителей этого типа широкое, средневысокое лицо, надбровные выступы отсутствуют или слабо развиты, челюсти сравнительно небольшие, подбородочный выступ хорошо развит, несколько меньше, чем у неандертальца, объем мозга в среднем 1400 куб. см. Увеличился удельный вес центров речи и ассоциативного мышления, что явилось одной из важнейших предпосылок развития всех прочих функций головного мозга. Из всех древних людей только сапиенс может создавать двух- и трехмерное изображение того, что видит глаз. Способность изображать вещи, воспроизводить увиденное — отличительная черта нашего подвида. В это время наблюдался необычайный расцвет производства каменных орудий, оформившегося в разнообразные стили. Территориальные различия в материальной культуре могут свидетельствовать о консолидации отдельных групп населения, связанной с появлением общепонятных звуковых сигналов, то есть человеческой речи. Это зачатки праязыка, ставшего основой языков разных народов (в настоящее время применяется лишь к палеоантропологическому типу древнего населения) [6; 9; 12].

Ну и, наконец, появился *Homo sapiens modern* — человек современный, то есть мы с вами.

Эволюционное древо. Схема подготовлена С. Дробышевским для журнала «Техника — молодежи»

Древо эволюции человека

Что такое ледниковая эпоха

До начала ледниковой эпохи климат на Южном Урале был вполне благоприятным, умеренным, близким к современному. Тектоническая активность была небольшой — горы «подросли» всего на 200 метров (!) и были покрыты лесной растительностью. В средних широтах сохранялись лесостепные ландшафты с лугостепной растительностью, перемежавшиеся с обширными колками елово-березово-сосновых лесов.

Около 800 тысяч лет назад началась ледниковая эпоха, которая продолжалась до 10 тысяч лет назад. Когда на Южном Урале впервые появился древний человек — около 300 тысяч лет назад, — было длительное потепление (лихвинское, сылвицкое межледниковье), продолжавшееся более ста тысяч лет. Климат был мягким и теплым. В горных районах, на территории от сегодняшних Нижнего Тагила до Магнитогорска, широколиственные породы деревьев, такие как дуб, клен и граб, соседствовали с сосной, березой и пихтой. В лесах бродили стада теплолюбивых травоядных животных — древних лесных слонов, эласмотериев, большерогих и благородных оленей, древних быков. В горах жили крупные пещерные медведи. На широте Троицка раскинулись лесостепные ландшафты с колками из клена, дуба и липы.

Примерно 250–200 тысяч лет назад началось оледенение (в Западной Европе оно называется рисским, в европейской России — днепровским), продолжавшееся 55 тысяч лет. Это было самое сильное оледенение за всю историю ледниковой эпохи.

Климат становился холодным с длительными и снежными зимами. Быстро менялся растительный и животный мир. В холодной и продуваемой ветрами тундростепи, в которую превратились равнинные территории Южного Урала, бродили мамонты, шерстистые носороги, бизоны, северные олени и песцы.

Граница оледенения на Урале пока точно не определена, но могла доходить до широты Перми — Нижнего Тагила, а затем резко поворачивала на север. Приледниковые районы Урала и Западной Сибири были мало пригодны для жизни. Лед-

ник препятствовал попаданию вод Оби и Иртыша в северные моря. Вода задерживалась в Западно-Сибирской низменности, образуя систему громадных болотистых озер, которые по Тургайскому прогибу стекали к Аралу и Каспию. Это привело к катастрофическому разливу (трансгрессии) Каспийского моря, воды которого на севере доходили до широты Саратова.

Около 130 тысяч лет назад пришло новое потепление с климатом теплее современного на четыре-шесть градусов. На Южном Урале опять появились теплолюбивые растения, в том числе такие деревья, как дуб, клен, липа; животный мир стал богаче. Это время среднего палеолита, в конце которого мы вновь фиксируем на Южном Урале присутствие человека, пока еще архаичного.

Последняя (пока?) ледниковая эпоха началась около 117 тысяч лет назад. В Евразии крупный

Эласмотерии [от лат. *Elasmotherium*, от др.-греч. *ἐλασμόθ* — пластина, и *θηρίον* — зверь (связано с пластинчатой складчатостью зубной эмали)] — род носорогов, обитавших в Евразии с плиоцена до плейстоцена. Отличались крупными размерами (длина до 6 м, высота до 2,5 м, вес до 5 т). Главная особенность — крупный куполообразный вырост на лбу. Некоторые ученые считают, что на нем находился длинный (более 1,5 м) и толстый рог. В то же время кости купола

очень тонкие, а сам купол имеет губчатую структуру. Возможно, рога на тонких носовых костях не было. Ноги трехпалые, довольно стройные. Зубы очень высокие, приспособленные к какой-то растительной пище, перемешанной с абразивными частицами (возможно, кормился в низинах вблизи водоемов). Существовало несколько видов, живших с плиоцена до конца плейстоцена. Известны вероятные наскальные изображения эласмотерия в Каповой пещере на Южном Урале.

центр покровного оледенения располагался на Скандинавском полуострове, тогда как на севере Западной и частично Средней Сибири размеры оледенения сокращались. К югу от Балтийского щита, на северо-западе России, это время отмечено прогрессирующим похолоданием, резко изменившим структуру ландшафтов. Это было самое холодное время за всю историю планеты, причем понижение температур шло по нарастающей с небольшим ослаблением морозов между 50 и 25 тысячами лет назад. Климат отличался исключительной суровостью с длительными и малоснежными зимами. И хотя ледника на Урале снова практически не было, он распространился восточнее Урала в бассейн Енисея до устья Нижней Тунгуски, весь Южный Урал стал зоной вечной мерзлоты. На территории Восточной Европы, Урала и Западной Сибири не было деления на привычные для нас степь, лесостепь и лес. Вообще, существовавшему тогда ландшафту нет аналогов в современном мире. Это была огромная тундростепь со своеобразной растительностью, составлявшей очень продуктивную кормовую базу для животных так называемой мамонтовой фауны, в которую входили кроме мамонтов шерстистый носорог, северный олень, лошадь, овцебык, бизон, пещерный медведь, сайга, песец и др.

В периоды межледниковий тундростепь сменялась разнотравными степями. Лесная растительность тяготела к долинам рек, балкам. Среди древесной растительности в равных количествах присутствовали сосна, береза и ель.

Фаза активной экспансии ледниковых покровов в последнюю, позднеплейстоценовую ледниковую эпоху началась около 25–23 тысяч лет назад.

В позднеледниковье в зоне кряжа Южного Урала было характерно сочетание кустарниковой тундровой и травянистой растительности с елово-лиственничными редколесьями, редко встречалась сосна, для предгорий характерна была лесостепь с лиственничными колками с примесью березы и сосны. На восточном склоне Южного Урала спорово-пыльцевые спектры среднего и позднего дриаса характеризуют почти безлесные ландшафты с господством полынно-маревых группировок, а также зарослей кустарниковой березы. В более благоприятных условиях произрастали лиственница, сосна и ель. Сочетание степных, тундровых и лесных элементов было обусловлено холодным резко континентальным климатом.

В целом для заключительного этапа плейстоцена — поздневалдайского в Восточной Европе, полярно уральского — на Урале и сартанского —

Лихвинское межледниковье — название эпохи теплого климата на европейской части территории Российской Федерации в начале среднего плейстоцена (от 250 до 455 тыс. лет назад), предшествовавшей максимальному днепровскому оледенению.

Схема распространения днепровского оледенения

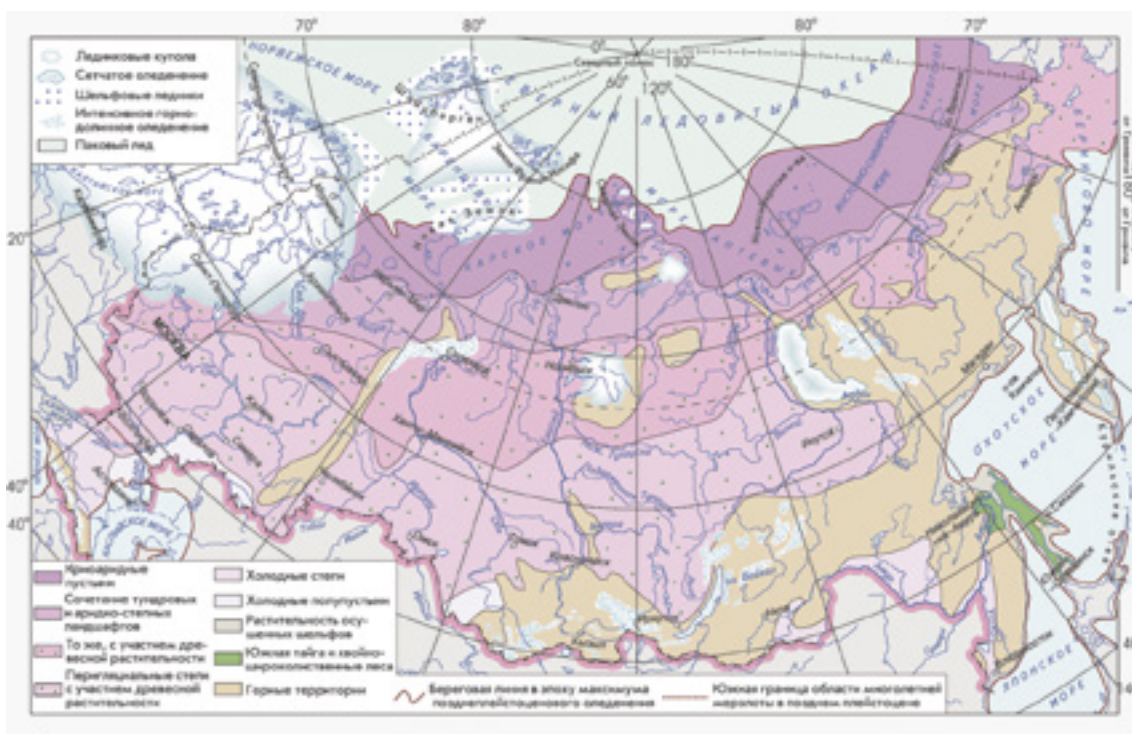
в Западной Сибири — отличительной чертой является температурный минимум, сопровождавшийся иссушением климата. Относительно короткие теплые интервалы сменялись длительными периодами суровых похолоданий. Уникальные условия резко

континентального климата способствовали возникновению огромной перигляциальной зоны Северной Евразии, протянувшейся от Западной Европы до Восточной Сибири.

Межледниковье 125 тыс. лет назад

Оледенение 20 тыс. лет назад

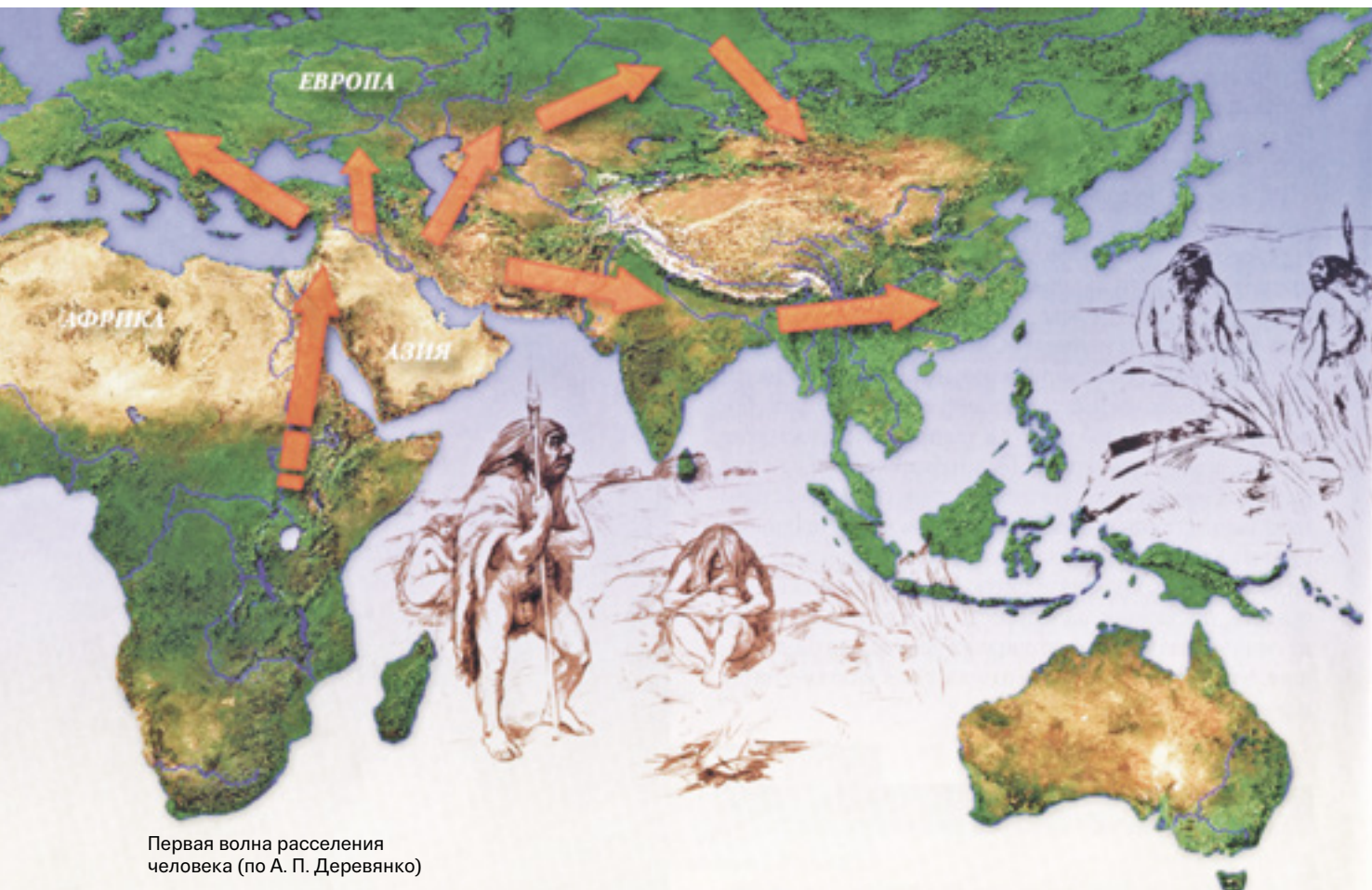

Перигляциальная зона — территория в приледниковой полосе или полосе, сильно ощущающей влияние покровного ледника (в русском слове термину «перигляциальный» могут соответствовать слова «заледниковый», «приледниковый», «периферийно-ледниковый»). Эта зона есть результат влияния ледниковых покровов, ее основными чертами являются низкие температуры и вечная мерзлота при значительной сухости климата. Применительно к территории Евразии перигляциальные ландшафты представляли собой холодные степи, несколько напоминаю-

щие высокогорные степи и тундры. Будучи расположенными дальше на юг, чем современные тундры, они нередко имели островки и ленты древесной растительности. Ширина приледниковой зоны может достигать нескольких сот километров. Для этой зоны характерен своеобразный климат: достаточно теплое и сухое лето, морозная и малоснежная зима. Здесь одновременно присутствуют представители разных экологических ниш. По сути дела, имеет место перекрывание ареалов, обусловленное несколькими причинами, главная из которых связана с миграциями животных.

Заселение Южного Урала человеком

В Восточной и Юго-Восточной Африке, на территориях, которые являются прародиной человечества, 2,5–1,7 млн лет назад существовали четыре основных вида древнейших предков современного человека: *Homo rudolfensis*, *Homo habilis*, *Homo ergaster* и *Homo erectus*. Первые два вида, скорее всего, никогда не покидали территорию Африки. А вот наиболее близкие друг к другу виды *Homo ergaster* и *Homo erectus* и явились теми первопроходцами, которые начали осваивать мир за пределами Африки. Около 1,9–1,8 млн лет назад из Африки на север двинулась первая миграционная волна, которую представляли *Homo erectus* / *ergaster* (человек прямоходящий / трудящийся). Этих древних представителей человечества характеризуют более человекообразные пропорции тела и конечности, приспособленные к длительной и достаточно быстрой ходьбе, способность потреблять большое количество мясной пищи для увеличения затрат энергии при длительном передвижении. Крупный головной мозг не исключает возможности наличия зачатков речи.

Первая волна расселения человека (по А. П. Деревянко)

Ойкумена (экумена, культурная ойкумена) — освоенная человечеством часть мира. Термин οἰκουμένη был введен древнегреческим географом Гекатеєм Милетским для обозначения известной грекам части земли с центром в Элладе. Известный им обитаемый мир древние греки называли ойкуменой. Происходит это слово от древнегреческого «ой-кео», что значит «обитаю, населяю». Ближайшим однокоренным к этому

слову является «ойкос» («дом»). От него произошло название науки «экономика», что в буквальном переводе означает «домоводство». Границы той, первой ойкумены проходили на севере по берегам Черного моря, на востоке — по Персии, на юге — по порогам Нила и пустыням Северной Африки. А на западе ее границы упирались в Геракуловы столбы, как тогда называли Гибралтар.

Карта XV века, изображающая описание Ойкумены Птолемеєм. Гравюра Иоганна Шнитцера. 1482 год

Древнейшие орудия со стоянки Карамы. Фото А. Постного и С. Зелинского

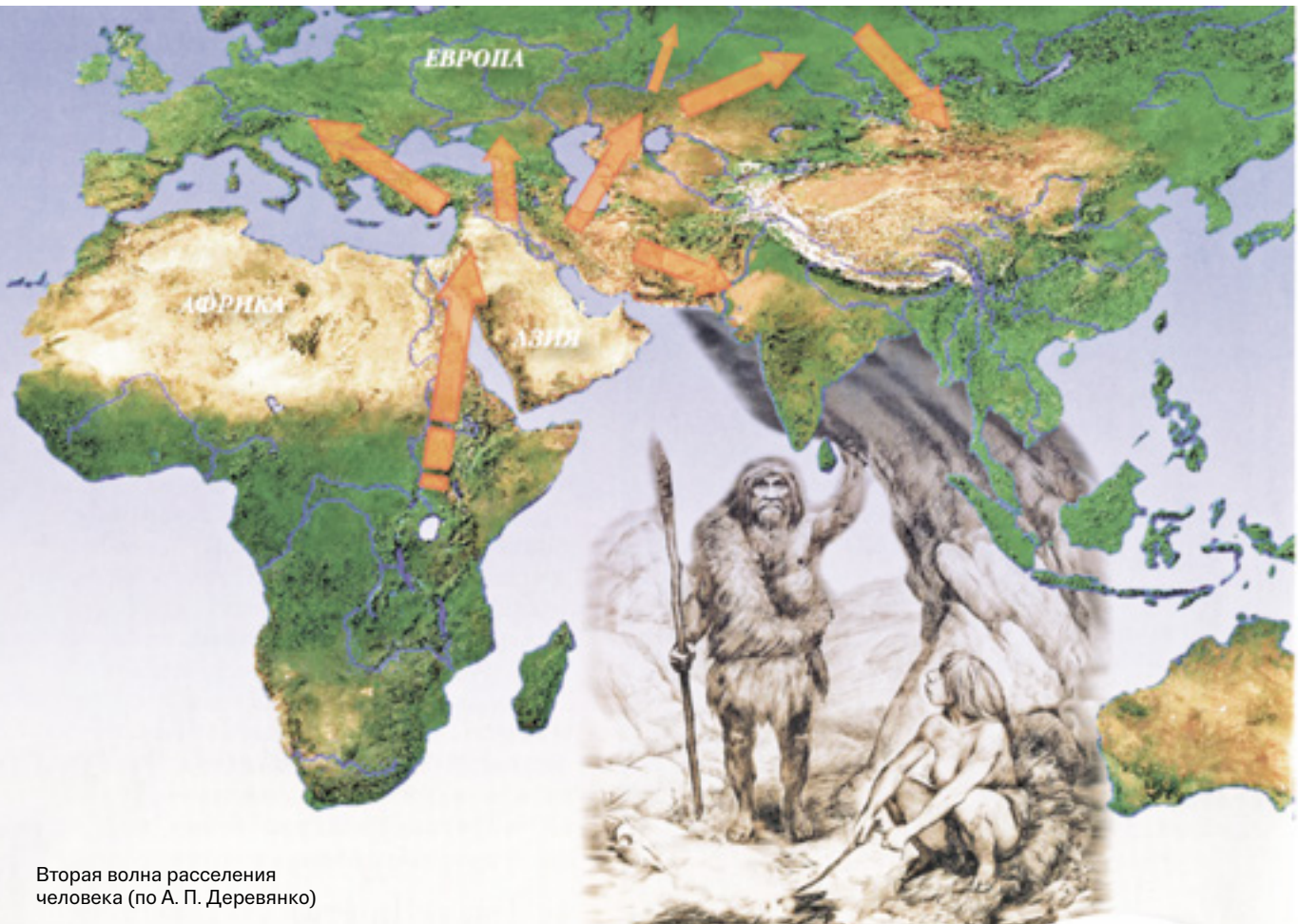
Орудия из Дманиси (Южная Грузия, около 1,8 млн лет назад).

Фото предоставлено Е. В. Беляевой для сайта antropogenez.ru

Причинами первой миграционной волны были прежде всего экологические условия, а также рост численности населения. Эти первые древние миграции были хаотичными и напоминали броуновское движение. Человек заселял определенную экологическую нишу и в течение длительного времени

адаптировался в ней. Необходимость приспособиться к новым источникам сырья, окружающей фауне, растительным ресурсам, климату заставляла человека менять образ жизни, приемы изготовления каменных орудий. Дальнейший рост населения, изменение условий обитания заставляли часть человеческих коллективов постепенно перемещаться на сопредельные территории. Ойкумена человека то расширялась, то сокращалась, и наши далекие предки спустя какое-то время могли возвращаться на прежние места обитания, считая их новой пригодной для жизни землей.

Человеку потребовалось около миллиона лет, чтобы постепенно заселить огромные пространства от Африки до Тихого и Индийского океанов. Распространение древнейших людей было разделено на два потока Тибетом и Гималаями. Южный

Вторая волна расселения человека (по А. П. Деревянко)

Ашель (1,6 млн — 150 тыс. лет назад) — эпоха раннего палеолита. Основные разновидности ашеля: классический, или северный (с рубилами); южный (с рубилами, чопперами и кливерами); ашельский (без рубил). Первая человеческая культура, покинувшая пределы Африки. В Евразии сменяется мустьерской культурой. Названа по первым находкам в Сент-Ашэле, предместье Амьена во Франции. Древнейшие ашельские стоянки сохранили остатки охотничьей деятельности.

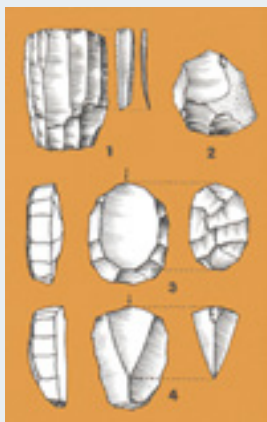
Бифас (рубило) — первое орудие, имеющее относительно стандартную форму и легко опознаваемое даже неспециалистом. Рубящий край и заостренный конец свидетельствуют, что ручное рубило было универсальным орудием — прежде всего ударным, но могло служить и для выкапывания из земли корней, добывания мелких животных, расчленения туш убитых животных, обработки дерева и кости. Анализы микроследов изношенности и фитоцитов (микроскопических окаменелостей растительных клеток) на режущих краях показали, что рубилами чаще обрабатывали дерево, нежели срезали мясо.

Самые древние орудия — массивные гальки со стесанной верхушкой или краем (олдувайская техника)

Орудия продвинутой ашельской индустрии (техника двусторонней обработки камня)

Леваллуа — техника изготовления орудий из отщепов, при которой от нуклеуса (ядрища) отбивалось два-три отщепка. Возникла в конце ашельской эпохи, наибольшее распространение получила в мустье. Для леваллуа характерна тщательная подготовка нуклеусов, которые стали более удлиненными и тонкими. Орудие получалось близким по форме к треугольнику (остроконечник). Техника леваллуа предшествовала способу пластинчатого расщепления — отделения от нуклеуса пластин.

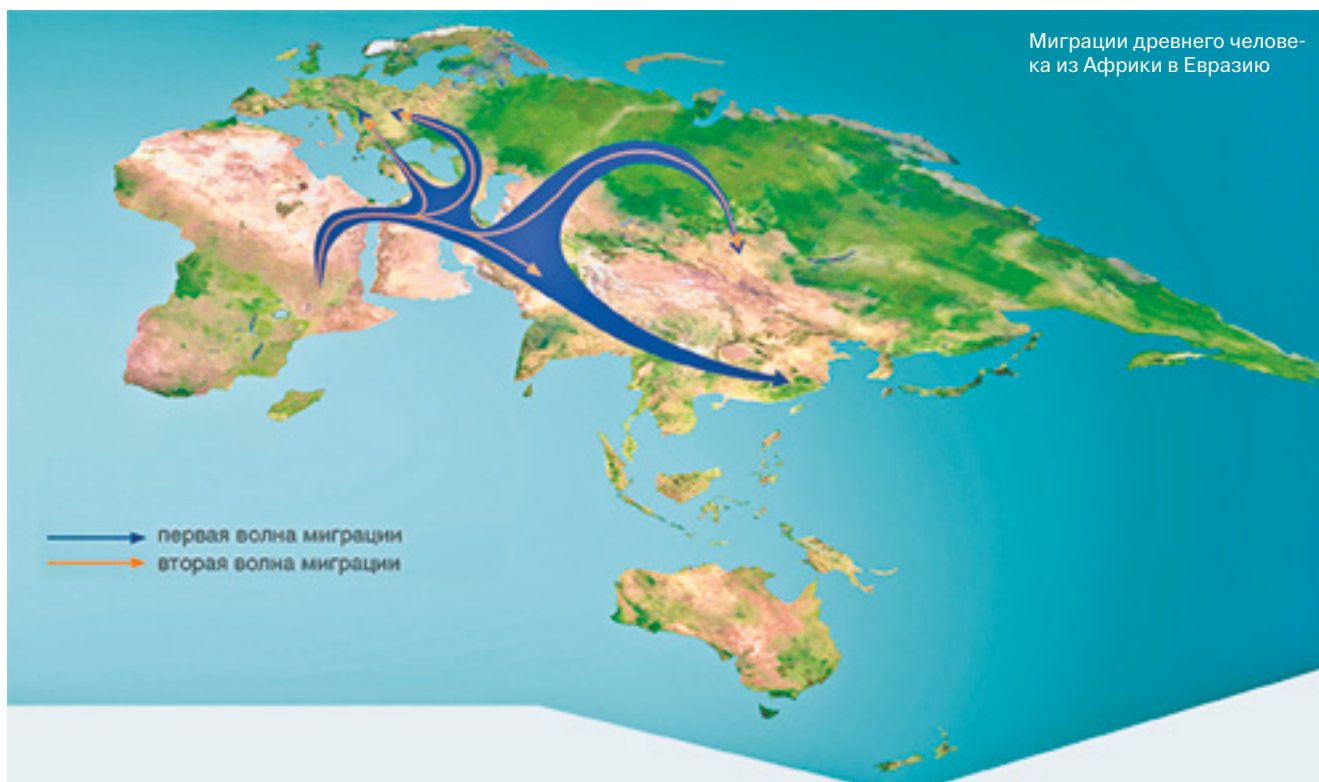

поток через Пакистан и Индию достиг Восточной и Юго-Восточной Азии, северная миграционная волна обогнула Гималаи и Тибет с севера и проникла в Центральную Азию.

Самые ранние находки этого времени были найдены в Дманиси (Восточная Грузия, 1,8–1,6 миллиона лет назад), Айникаб и Рубас (Россия, Дагестан, 1,8–1,6 миллиона лет назад). К 800 тысячам лет назад *Homo erectus / ergaster* достиг уже территорий Средней Азии (стоянка Кульдара) и Алтая (стоянка Карамы). Достоверных научных фактов, говорящих о том, что первая волна переселения дошла до Южного Урала, пока нет, хотя и полностью исключить такой вариант нельзя. Галечно-отщепная индустрия обработки камня, свойственная древнейшему человеку на территории Северной Азии 800–600 тысяч лет назад, распространилась почти до 52° северной широты. Пути движения *Homo erectus / ergaster* проходили не намного южнее территории Южного Урала и вполне могли привлечь их в благоприятные для охоты и проживания предгорья Урала [9].

С движением второй миграционной волны на север и восток Евразии около 450–350 тысяч лет назад связано распространение позднего вида *Homo erectus / ergaster* с каменными орудиями ашельской традиции и леваллуазской системы расщепления.

Ашельское ручное рубило из Сент-Ашеля (Франция). Фото предоставлено Е. В. Беляевой для сайта antropogenez.ru

Миграции древнего человека из Африки в Евразию

— первая волна миграции
— вторая волна миграции

Карта памятников раннего палеолита. 1 — местонахождение Краснокаменка; 2 — стоянка Мысовая; 3 — стоянка Богдановка;

4 — местонахождение Ельники II; 5 — стоянка Гарчи I; 6 — местонахождение Пещерный Лог

Бифас с Краснокаменки

Процесс продвижения нового населения вглубь Евразийского континента был, очевидно, непростым. При встречах с автохтонным населением в лучшем случае происходил процесс сближения и постепенной замены одной культуры другой, в худшем — замещение коренного населения или же уничтожение пришлых коллективов. На близкие к нам территории Ирана, Туркмении, Узбекистана и Казахстана новое население продвинулось около 400–300 тысяч лет назад [4].

Около 300 тысяч лет назад первые древние люди появились и на Южном Урале. Свидетельством этого является находка бифаса у села Краснокаменка Челябинской области. В 1997 году при обследовании стоянки неолита — энеолита Краснокаменка, расположенной на левом берегу реки Увельки В. С. Мосиным было обнаружено изделие, по технико-типологическим характеристикам от-

Нуклеус. Мугоджары

личающееся от всех ранее встреченных на Южном Урале артефактов. Изделие найдено в небольшом овражке, на границе гумуса и глины в левом борту долины реки, вблизи бровки уступа (эрозионной) цокольной террасы.

Орудие изготовлено на леваллуазском сколе желтовато-коричневой, интенсивно окварцованной и окремненной породы, поверхность которой покрылась патиной в виде тонкой пленки желтовато-бурого цвета. Поверхности сколов (негативов) неровные, мелкобугристые и «оспенные», что связано со структурой породы. На остром конце артефакта наблюдается тонкая пленка халцедона светлого (до белого) цвета, с натечной почковидной поверхностью, покрытой окислами марганца черного цвета. При обследовании прилегающей территории подобного сырья не обнаружено.

Ребра граней сглажены, скол массивный, листовидной формы, его максимальные размеры 15,5×9,4×3,6 см. Огранка заготовки продольная. Площадка двугранная, скошенная. Правый край предмета равномерно выпуклый, левый выпукло-вогнутый. Левый край был обработан ретушью. Правый край подвергся двусторонней оббивке, негативы которой покрывают более половины поверхности с одной стороны и как минимум треть с другой. Примерно две трети этого края подправлены нерегулярной чешуйчатой средней и крупной ретушью. Поскольку предмет длительное время находился на поверхности и покрылся патиной, невозможно подвергнуть его трасологическому анализу. Однако наличие двух удобных упоров-обушков — скошенной площадки и выемки на левом краю, — а также асимметрия изделия позволяют предполагать его использование в качестве ножа.

О том, что древний человек мог попасть в это время на Южный Урал с территории Казахстана, через которую проходила вторая миграционная волна, говорят находки, сделанные в Мугоджарах. Здесь были открыты комплексы изделий, включающие двусторонне обработанные формы — «ашель с бифасами». Характерной чертой архаичных индустриальных комплексов памятников Мугоджары 4–6 является сочетание леваллуазской техники расщепления, бифасов и двусторонне обработан-

ных изделий. Авторы исследований датируют их в широких пределах — второй половиной — средним плейстоценом. Некоторые артефакты с мугоджарских памятников, особенно со стоянки Мугоджары 6 [5] наиболее близки к орудью из Краснокаменки не только типологически, но и характером сырья. Кроме того, нужно помнить, что Мугоджары представляют собой южную оконечность Уральского хребта и от Южного Урала отделены понижением широтного направления, по которому проходит долина реки Урал. Учитывая отсутствие подобного кремнистого материала на Южном Урале, можно предположить, что данное орудие попало сюда в результате непосредственного продвижения населения с Мугоджар. На сегодняшний день описываемое изделие является одним из древнейших найденных на Урале и связано со второй миграционной волной древних людей с Ближнего Востока в Евразию около 300 тысяч лет назад.

Еще одним свидетельством появления человека на Южном Урале в столь отдаленное время являются находки, сделанные на стоянке Мысовой, которая была открыта еще в 1961 году и исследовалась в течение семи лет (1962–1968) Г. Н. Матюшиным. Памятник находится на краю четко выраженного мыса на западном берегу озера Карабалыкты в Абзелиловском районе Республики Башкортостан. В общей сложности здесь было вскрыто 342 кв. м площадки памятника. Она заселялась в древности неоднократно: сверху до глубины 0,4–0,9 м залегали слои энеолита, неолита и мезолита. Непосредственно под мезолитическим слоем без стерильных прослоек на глубине 0,9–1,5 м были найдены немногочисленные изделия более древнего облика. По наличию на поверхности артефактов патины и окатанности, а также по технико-типологическим характеристикам коллекция была условно разделена на две части, соответствующие раннему (ашель) и среднему (мустье) палеолиту. Наиболее архаичными выглядят отдельные бифасы и особенно рубило-чоппинг. Это крупное изделие размерами 11,2×9,5×4,5 см, округлой формы, с широкой и массивной «пяткой», удобно лежащей в руку. Рабочий край сформирован грубой двусторонней оббивкой, образующей извилистое лезвие [2].

Несколько памятников ашельского времени с бифасами известны и на сопредельных с Южным Уралом территориях. Это Вишневка 3 в Центральном Казахстане, в верховьях реки Ишим, где найдено десять бифасов различных форм: удлиненно-овальные, эллипсоидные, подтреугольные. Чуть дальше на восток ашельские бифасы были обнаружены на стоянке Кудайколь в Прииртышье, в комплексах Семизбугу и Саяк в Северном Прибалхашье. К юго-западу от Мугоджар комплексы с бифасами известны в Северном Приаралье, на Мангышлаке и Красноводском плато [5]. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что человек мог заселить Южный Урал с территорий, находящихся южнее, в позднеашельское время, около 300 тысяч лет назад.

Среди весьма немногочисленных известных в мире ашельских стоянок удастся выделить разные по хозяйственной принадлежности памятники: охотничьи кратковременные лагеря; мастерские по добыче и первичной обработке каменного сырья,

расположенные у его выходов на поверхность; долговременные базовые стоянки, где жила большая часть коллектива и производились многочисленные и разнообразные трудовые операции.

Бифас.
Тарасово.
Предуралье

Условия жизни и занятия человека в раннем палеолите

Какие же природные условия этого времени позволили человеку адаптироваться так далеко на север от своей прародины? В настоящее время стратиграфическое расчленение древних плейстоценовых отложений производится с помощью палеогеографического (палеоклиматического) критерия. Он позволяет выделять с использованием комплекса методов весьма дробные стратиграфические подразделения, соответствующие кратковременным, в десятки тысяч лет, этапам развития природной обстановки с более или менее стабильным поло-

жением физико-географических ландшафтных зон. Каждый палеогеографический цикл включает две климатические фазы — более теплую и более холодную, или, по общепринятой терминологии, межледниковую и ледниковую.

Позднеашельская археологическая эпоха, к которой относится расселение древнего человека с культурой изготовления бифасов, соответствует одному из межледниковий. Лихвинское межледниковье пришло на смену окскому оледенению и характеризовалось благоприятным климатом, широким распространением лесных ландшафтов весьма экзотического в сравнении с современными состава. Это межледниковье было продолжительнее всех

Палеогеографией называется наука, которая занимается реконструкцией физико-географических условий, существовавших на Земле в далеком геологическом прошлом. В то время как географ изучает особенности физико-географической среды современной эпохи, то есть рельеф земной поверхности, распределение суши и моря, циркуляцию воды и атмосферы, климат, распределение растительного и животного царства, палеогеограф восстанавливает обстановку различных периодов эпох далекого прошлого. Полный и всесторонний анализ осадконакопления, современной биосферы и процессов, протекающих на земной поверхности, правильное их применение при палеогеографических исследованиях позволяют

создать верную картину физико-географической обстановки геологического прошлого. Эти сведения улавливаются по тем фрагментарным документам геологической летописи, которые оказались запечатленными в составе, строении и распространении горных пород и различных окаменелостей. Метод реконструкции явлений и процессов, протекавших в отдаленные от нас эпохи, основывается на двух весьма важных положениях. Во-первых, законы природы оставались неизменными в течение всей геологической истории. Во-вторых, в течение всего хода геологического развития Земли действовали те же самые процессы, что и ныне. Таким образом, изучая настоящее, мы глубже и, главное, правильное можем познать прошлое и видеть реальные перспективы развития процессов на Земле.

Носорог Мерка, или стефаноринус (лат. *Stephanorhinus*) — вымерший род носорогов, берущий начало в Северной Евразии. Жил в нижнем и раннем плейстоцене. Носорог имел два рога и был относительно крупным животным. Он весил более 3000 кг, имел около 2 м в высоту и 4 м в длину, напоминая по размеру белого носорога. Носорог Мерка — более стройное и длинноногое животное, чем холоднолюбивый шерстистый носорог. Его конечности были приспособленные к бегу,

а в рационе питания преобладали ветки деревьев, листья и молодые побеги. Род благополучно дожил до оледенения, которое сопровождалось изменением климата, похолоданием и заменой лесистых ландшафтов степями. Этого носорог Мерка не перенес и уступил ареал успешно адаптирующемуся к меняющимся условиям шерстистому носорогу. Останки носорога Мерка были найдены в одной из пещер Челябинской области в окрестностях города Аши.

последующих, и для него характерны неоднократные смены ландшафтов. В это время были распространены смешанные хвойно-широколиственные леса. В их состав входили ель, пихта, дуб, граб, бук, липа и другие теплолюбивые породы. Временами были даже буково-грабовые леса. Небезынтересно, что среди водных растений определено много

Ашельские охотники

теплолюбивых экзотов, произрастающих ныне в областях с более теплым и влажным климатом (сальвиния, наяды, альдрованда, бразения и др.). Они определены по пыльце и остаткам. Некоторые из них относятся к вымершим видам. Все это указывает на значительно более теплый и более влажный климат. Наиболее типичными животными были древний лесной слон, носорог Мерка, сибирский эламотерий, лошадь, большерогий и благородный олени и другие животные [10].

Имеющиеся на сегодняшний день данные из разных частей мира, которые были освоены *Homo erectus / ergaster*, позволили ученым составить вероятную картину образа жизни этих древнейших людей. Прежде всего *хомо эректус / эргастер* уже научился строить жилища для защиты от непогоды, в быту начал использовать огонь. Удалось зафиксировать как кратковременные лагеря ашельских охотников, так и долговременные базовые стоянки со сложным для того времени хозяйством. Отмечены следы, говорящие, что древнейший человек многократно возвращался на место своей стоянки.

Преобладающим занятием людей стала охота, что повышало процентное содержание мяса в рационе и способствовало ускорению темпа эволюции. На стоянках обнаружены кости животных, специально разбитые для того, чтобы можно было добраться до костного мозга, отмечены также параллельные порезы на длинных костях, которые могут быть свидетельством систематической разделки туш. Обнаруженные на стоянках орудия охоты и кости животных могут свидетельствовать о том, что древние люди были терпеливыми и предусмотрительными охотниками, умевшими упорно ждать в засаде у звериной тропы и устраивать совместные облавы, что требовало не только большой сноровки, но и охотничьей хитрости, основанной на знании повадок животных. Орудия, предназначенные для охоты, *хомо эректус / эргастер* изготовлял намного искуснее своих предшественников. Тщательно обработанным галькам и обломкам кремнистой породы придавалась нужная форма (заостренный конец, режущие края по обеим сторонам), размер орудия подбирался точно по руке.

Вполне вероятно, что человек прямоходящий уже умел наблюдать за сезонными миграциями промысловых животных и охотился там, где можно было рассчитывать на хорошую добычу. Он учился запоминать ориентиры и, уйдя далеко от стоянки, находить путь обратно. Охота постепенно стала основным способом добывания пищи, а передвижения за мигрирующими животными приводили охотников в новые места обитания, давали новые впечатления и расширяли опыт.

Особенности строения черепа и шейного отдела позвоночника древнейших людей позволяют предполагать, что человек прямоходящий «говорил» очень медленно и с трудом. Главное, что он научился общаться при помощи символов и обозначать предметы комбинациями звуков. Значительную роль как средства общения между древнейшими людьми играли, вероятно, мимика и жесты. Коллективная охота не только требовала речевого общения, но и способствовала развитию социальной организации, которая имела явно человеческий характер, так как опиралась на разделение труда между мужчинами (охотниками) и женщинами (собирающими пищу).

Вполне возможно, что первоначально миграции древнейшего человека были связаны с миграциями промысловых животных. Переходя в новые места, коллективы хомо эректус / эргастер часто попадали в экстремальные ситуации, им приходилось адаптироваться к новым условиям, что в итоге позволило им освоить огромные пространства Евразии, в том числе дойти и до Южного Урала.

Урал в среднем палеолите

Природа

Заселение Урала в раннем палеолите не было постоянным. Так, после первой волны освоения Урала в позднем ашеле в истории наступил период, когда территория была безлюдной (или мы просто не имеем достоверных свидетельств присутствия человека). Примерно 250–200 тысяч лет назад началось оледенение, которое в Западной Европе называется рисским, в Европейской России — днепровским. Это было самое сильное оледенение за всю историю ледниковой эпохи. В Восточной Европе обычно выделяют не одно, а два оледенения — днепровское и московское, разделенные осташковским межледниковьем. Но межледниковье было коротким и не теплым, климат к предыдущему межледниковью не вернулся. На Русской равнине льды проникли по долинам Днепра и Дона далеко на юг. В это время, около 200 тысяч лет назад, сложились ландшафты, типичные для приледниковой зоны. До начала этого оледенения в Северной Европе существовали темнохвойные леса таежного типа из ели, пихты, сосны с лиственницей, березой и ольхой. Теперь лесная зона умеренного пояса оттеснялась к югу, суживалась, а местами и вовсе исчезала. Или леса сохранялись в «укрытиях», в горных и предгорных районах. По соседству с ледяными щитами широко распространились ландшафтные зоны тундры и холодной степи с мхами, осокой, разнотравьем, карликовой березой и ивой.

Пояс тундры тоже был узким, в прилегающих к ледникам районах шла своеобразная тундростепь, сочетавшая в себе особенности тундры и степи. Под вечно ясным небом приледниковой зоны соединялись ландшафты, в наше время разделенные тысячами километров, широким поясом лесов. К этому надо добавить, что в приледниковой зоне было много озер, а многие реки того времени представляли собой цепочки широких мелководных озер. Так что к ландшафтам степи и тундры надо добавить еще ландшафт заливного луга. Приледниковая тундростепь смыкалась с расположенными южнее настоящими степями. Пояс тундростепей и открытых пространств простирался

на колоссальной территории от Ирландии, западных районов Франции до Северного Китая и Кореи.

На Урале палинологические спектры характеризуют лесотундровый ландшафт с мелколиственными ольхово-березовыми колками, холодолюбивым кустарником ольховника, луговым разнотравьем с заболоченными участками и отражают холодные и влажные условия. По лесостепным споропыльцевым спектрам реконструируются смешанные елово-сосново-березовые лесные массивы с пихтой, ольхой и лугостепными участками, открытые ландшафты холодных перигляциальных степей с мамонтовой фауной раннего типа. В целом для этого периода плейстоцена фауна млекопитающих представлена обитателями открытых и холодных ландшафтов.

Фауна этого времени названа хазарской, потому что ее первоначально исследовали в Поволжье, в местности, где когда-то давно жили хазары. Это совокупность животных холодного климата. Громадный южный слон был еще вполне тропическим или субтропическим животным. Потомками этого гиганта стали все современные виды слонов — и африканских, и индийских. Его потомком был и один северный вид — трогонтериевый слон. Его еще называют «степным мамонтом». У этого слона была шерсть, он мог жить в условиях умеренного климата. Трогонтериевого слона находят за 70-м градусом северной широты. Трогонтериевый слон стал предком «раннего мамонта», который уже был северянином с густой плотной шерстью.

Во время днепровского — рисского оледенения ранний мамонт населил приледниковую зону. Как и все слоны, жили они стадами. Одни ученые считают, что мамонт вполне мог бы водиться в степи, лишь при условии малоснежных зим без оттепелей и образования корки льда, чтобы можно было добывать пищу из-под тонкого слоя снега. Другие ученые полагают, что ни в степи, ни в тундре мамонт никогда бы не нашел 300–400 кг корма в сутки. Только обилие воды в приледниковой степи обеспечивало северного слона кормовой базой.

По соседству с мамонтом жил носорог эласмотерий, носорог Мерка, верблюд Кноблоха, большегогий олень, или мегалоцерас (ирландский лось), пещерный лев.

Трогонтериевый слон — крупнейший, известный науке, представитель семейства хоботных на планете за всю ее геологическую историю. В высоту в плечах достигал почти 5 м, весил до 10 т. Обитал около 1,5–0,2 млн лет назад на огромном географическом ареале. Гигантские бивни в длину достигали почти 5 м, в диаметре — около 25 см. Бивни были почти прямые, однако у некоторых особей спирально изгибались, однако в меньшей степени, чем у поздних мамонтов. Степной мамонт считается очень близким родственником шерстистого мамонта, его предковой формой. В среднем плейстоцене на территории Европы появился около 800 тысяч лет назад, по-видимому, вытеснив своего предка — южного мамонта. Многочисленные стада трогонтериевых слонов

мигрировали по территории современного Казахстана, Ставропольского и Красноярского краев. Эти огромные животные проникли глубоко в степные районы, приспособились питаться жесткой травянистой растительностью. Ареал этих животных постепенно расширялся и доходил до лесистых северных широт. Степной мамонт — одним из первых имел негустой шерстяной покров, позволявший ему существовать в регионах с пониженной температурой. Распространился вплоть до Англии, Испании и Северного Китая. Поздние трогонтериевые слоны обитали вместе с шерстистыми мамонтами в одном с ними ареале, который включал других представителей удивительной древней мегафауны: шерстистых носорогов, гигантских оленей, пещерных медведей и древних бизонов.

Верблюд Кноблоха (*Camelus knoblochi*) — вымерший представитель современного рода верблюдов (*Camelus*), живший на протяжении среднего и позднего плейстоцена. По-видимому, данный вид сформировался в первой половине плейстоцена где-то на территории Азии. В среднем плейстоцене он распространился на юге Восточной Европы (Приднестровье, Приазовье, Северный Кавказ, Закавказье, Среднее и Нижнее Поволжье), западе и востоке Казахстана, юге Западной Сибири, в Южном и Западном Забайкалье, проник в Узбекистан и на северо-запад Китая. Наиболее обычным это животное было в период лихвинского межледникового. Судя по всему, в Восточной Европе оно исчезло по мере наступления максимального — днепровского — оледенения и усиления аридизации ландшафтов. Во второй половине позднего плейстоцена его ареал продолжал охватывать значительное пространство от Западного Казахстана до Забайкалья. Судя по всему, в Казахстане, Центральной Азии и Забайкалье это копытное смогло дожить до конца позднего плейстоцена

или даже начала голоцена. Он был примерно на треть крупнее своего ближайшего родственника — ныне живущего двугорбого верблюда (*Camelus bactrianus*), и характеризовался большей массивностью скелета. Его высота в холке оценивается примерно в 240 см, а масса — в 700–1500 кг. Комплекс сопутствующих животных свидетельствует об обитании верблюда Кноблоха в степях, перемежающихся с участками широколиственных лесов, в довольно благоприятных климатических условиях. Питался он, по всей видимости, преимущественно травянистой растительностью, а также веточно-лиственным кормом.

Многие кости, найденные на палеолитических стоянках в азиатской части ареала, несут следы огня, разрезания и расщепления, что говорит об использовании верблюда Кноблоха в пищу древним человеком. В верхнепалеолитических росписях Игнatieвской пещеры на Урале среди прочих имеется нарисованная фигурка верблюда, а скульптурное изображение его головы было найдено в Костенках (Воронежская область).

Большеушый олень, или **ирландский олень** — вымерший вид, который относят к семейству оленевых, роду гигантских оленей. Обитал в Евразии от Ирландии до Северной Азии и в Африке. Имел большой рост и огромные рога, в связи с чем жить мог только на лугах (в лесистой местности не имел возможности передвигаться). Большинство скелетов найдено в болотах Ирландии, отсюда и второе название. Данный вид жил на Земле несколько последних миллионов лет. Комфортно существовал в Европе, Северной Азии, Африке и в некоторых районах Китая. Высота в холке достигала 2,1 м. Размах рогов между крайними кончиками составлял 3,7 м, вес — 40 кг. Масса тела этого животного равнялась 540–600 кг. Наиболее крупные особи весили 700 кг и даже более. Большая коллекция скелетов ирландских оленей находится в Музее естественной истории в Дублине. Самые «поздние» (моложе 10 тыс. лет) представители этого вида обитали не в Западной Европе, как это считалось ранее, а в Зауралье. В этом регионе останки большеушых оленей в торфяных болотах были известны с конца

XIX века. В экспозиции Музея природы Екатеринбурга представлен скелет животного, найденный при добыче торфа в 1886 году у села Галкино (современный Камышловский район Свердловской области, 130 км к востоку от Екатеринбурга). Однако без точного определения возраста таких находок эти данные не совсем полноценными. Наконец был сделан однозначный вывод: в Зауралье последние представители этого вида вымерли лишь около 7,5 тысячи лет назад, то есть примерно на 4 тысячи лет позднее, чем в Европе.

Пещерный лев — ископаемый подвид льва, живший в плейстоценовую эпоху (часть четвертичного периода). Обитал в Европе и Сибири. Как и другие представители древней фауны, был довольно больших размеров. В длину достигал более 2 м (без учета хвоста), а высота в холке превышала 120 см. Появились пещерные львы около 300 тысяч лет назад и существовали очень долгое время. Известно большое количество наскальных изображений пещерного льва, которые помогли ученым сделать выводы относительно его внешности: окрас шерсти, судя по всему, был однотонным, без пятен или полос. Многие рисунки изображают кисточку на хвосте — такую же, как и у современных львов; практически все рисунки изображают пещерного льва без гривы, поэтому можно думать, что гривы у него не было совсем или она была небольшой. Пещерный лев произошел от более

древнего мосбахского подвида, появившегося в Европе около 700 тысяч лет назад. Этот лев был еще крупнее и по размеру соответствовал тигру. Пещерный лев заходил далеко на север, даже во времена оледенений. Был весьма выносливым хищником и мог существовать даже в условиях сурового оледенения. Сохранились отпечатки лап львов, которые встречаются рядом с лапами северных оленей. Эти олени, по-видимому, входили в рацион пещерных львов; они охотились также на диких лошадей, быков, антилоп. Несмотря на название, пещерные львы редко посещали пещеры. Жить они предпочитали на открытых местах, а в укрытия уходили во время болезни. Поскольку в пещерах они чаще всего и умирали, большая часть окаменелых костных остатков была найдена именно там. Кости пещерного льва обнаружены в пещерах Южного Урала.

В приледниковой зоне существовало несколько видов медведей — современный бурый и два пещерных. Самый крупный — большой пещерный медведь — достигал двух метров в холке и мог весить больше тонны. Его сородич — малый пещерный медведь — отличался как меньшими размерами, так и местами обитания. Если большой пещерный медведь тяготел к местности с пещерами, то малый вполне обходился без них и жил в поймах рек или на степных участках. Кроме этих экзотичных животных в состав хазарской фауны входили знакомые нам бизон, лошадь, благородный олень, кабан, лось, косуля, сайгак, волк, бурый медведь.

Археология среднего палеолита

Следующий этап освоения уральской земли наступает уже в среднем палеолите, который еще называют эпохой мустье.

Опорным памятником для изучения этой эпохи на Южном Урале является стоянка Богдановка. Памятник расположен в Кизильском районе Челябинской области, на левом берегу реки Урал, в 150 км к югу от Магнитогорска и в 1,5 км ниже по течению от села Богдановка (52°24' с. ш., 59°04' в. д.). Частичные раскопки стоянки проведены В. Н. Широковым в 1989 году.

Мустье — термин, имеющий широкое и узкое значение. В широком смысле он употребляется для обозначения среднего палеолита (примерно 250–40 тыс. лет назад) в целом (мустьерская эпоха), а в узком — для обозначения определенного типа орудийного набора (мустьерская индустрия), который, будучи наиболее типичным для среднего палеолита, далеко не исчерпывал собой всего индустриального разнообразия этой эпохи. В мустьерское время наряду с мустьерскими существовали и индустрии иных типов (микок, атер и др.). Собственно

мустьерские индустрии встречаются сплошной полосой от Иберийского полуострова на западе до Южной Сибири и Монголии на востоке, но не известны в своем классическом виде ни к югу от Сахары, ни в Индии, ни в Восточной Азии. Их неперменной составляющей являются скребла разных типов и треугольные острокопечники, обработанные ретушью только по краям и только с одной стороны. Рубила и бифасы вообще, как правило, отсутствуют (единственное исключение — так называемое мустье ашельской традиции) [3].

Владимир Николаевич Широков (р. 02.01.1958, с. Клястицкое Челябинской области) — старший научный сотрудник сектора археологии каменного века Института истории и археологии Уральского отделения РАН (ИИиА УрО РАН). Окончил исторический факультет Уральского государственного университета (УрГУ, 1986), аспирантуру Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (1992). Лаборант в Лаборатории археологических исследований УрГУ (1980–1986), младший

научный сотрудник (1986–1988), научный сотрудник, старший научный сотрудник ИИиА УрО РАН. Соруководитель и руководитель многих археологических экспедиций. Участник открытий и исследований палеолитических памятников на территории Урала, в том числе изображений в пещерах Игнatieвская и Серпиевская 2, среднепалеолитической стоянки Богдановка и верхнепалеолитической стоянки в гроте Бобылек, а также многих пунктов с наскальными рисунками голоценового возраста. Осуществил графическое, фото- и видеокопирование большей части памятников настенного и наскального искусства Урала, их описание и атрибуцию. Сотрудничает с Forschungsbereich Altsteinzeit des Romisch-Germanischen Zentralmuseum und Museum für die Archäologie des Eiszeitalters (Германия), Texas A&M University (США), Laboratoire de recherche des monuments historiques, Section “Les grottes ornées” (Франция), Институтом истории материальной культуры РАН

(Санкт-Петербург), Сибирской ассоциацией исследователей первобытного искусства, Институтом истории, языка и литературы (Уфа, Сыктывкар). Автор более 30 научных публикаций.

Основные публикации:

Широков В. Н. Древнейшее искусство уральских пещер : монография. Екатеринбург : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1995. 80 с.

Shirokov V.N., Scelinskij V.E. Hohlenmalerei im Ural. Karova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderröhren im südlichen Ural. Thorbecke, 1999. 171 с.

Широков В. Н., Чаиркин С. Е., Чемякин Ю. П. Уральские писаницы. Река Нейва : монография. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2000. 50 с.

Широков В. Н. и др. Культовые памятники горнолесного Урала : монография. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2004. 429 с.

Широков В. Н., Чаиркин С. Е., Широкова Н. А. Уральские писаницы: река Тагил. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2005. 110 с.

Широков В. Н., Волков Р. Б., Нестеров Г. М. Палеолит и мезолит Урала : учеб. пособие. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2005. 159 с.

Уральские писаницы. Реки Реж и Ирбит : монография. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2007. 77 с.

Уральские писаницы. Южный Урал : монография. Екатеринбург : АМБ, 2009. 94 с.

Широков В. Н., Чаиркин С. Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала : монография. Екатеринбург : Ажур, 2011. 181 с.

Широков В. Н., Петрин В. Т. Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале : монография. Екатеринбург : Ажур, 2013. 189 с.

Стоянки Богдановка.
Общий вид

Скребла (фр. *raclours*; англ. *side scrapers*) — наиболее распространенный в палеолите вид скобляще-режущих орудий. Встречаются в большом количестве в комплексах всех эпох и на всех территориях. Основным диагностическим признаком является наличие одного или нескольких протяженных краев со сплошной ретушной отделкой, образующей нить лезвия. Чаще всего вторичная обработка интенсивная, модифицирующая первоначальный край заготовки, иногда многогранная. Изготавливались скребла преимущественно из крупных отщепов, пластин, реже из галек или осколков камня. Подразделяются по следующим критериям: а) количеству рабочих краев (одно-, дву- и многолезвийные скребла); б) форме лезвия в плане (выпуклые, прямые, вогнутые); в) расположению рабочих краев (с лезвием на спинке, на брюшке, с противоположащей отделкой); г) положению оси орудия относительно оси заготовки (продольные, поперечные, диагональные, конвергентные, угловатые); скребла с более чем одним ретушированным краем различаются по характеру взаимного расположения лезвий.

Остроконечники (фр. *pointes*; англ. *points*) — крупные изделия симметричных подтреугольных очертаний с острым концом, образованным схождением двух ретушированных краев.

Часть остроконечников, вероятно, служила в качестве наконечников охотничьего вооружения. Характерны для ашеля — мустье, в европейском позднем палеолите встречаются спорадически, в сибирском — достаточно часто. Подразделяются по пропорциям и типу заготовки на ряд разновидностей.

Зубчатые орудия (фр. *denticulées*; англ. *denticulated tools*) — изделия, рабочий край которых оформлен при помощи зубчатой ретуши. Предположительно использовались для обработки растительных материалов. Были распространены во все периоды палеолита. Классифицируются по положению ретушированного края относительно оси заготовки (зубчатые орудия продольные, поперечные). Особо выделяются зубчатые скребла, зубчатые скребки и зубчатые острия.

Выемчатые орудия (фр. *encoches*; англ. *notched tools*) — орудия, основной рабочий элемент которых образован анкошем (выемкой) или серией анкошей. Встречаются часто с зубчатыми орудиями, их нередко объединяют в одну группу, добавляя сюда и клювовидные изделия. Как и в случае с зубчатыми орудиями, очень сложно отличить намеренно изготовленные формы от таковых со следами использования или повреждения [6].

В береговом обнажении был выявлен слой с костями плейстоценовых животных, который прослеживается вдоль обрыва от скалы вверх по течению реки на протяжении 60 метров. Под этим слоем на бечевнике обнаружены кости мамонта, носорога, лошади и каменные изделия. При зачистке берегового обнажения выявлен связанный с ним культурный слой, представленный пылеватыми отложениями мощностью до 3–5 см с включением угольков и каменных изделий. Все кости, обнаруженные во время раскопок, сильно фрагментированы, целые единичны. Вероятно, на исследованном участке стоянки находилось место разделки и переработки туш животных, а также производства и правки каменных орудий.

В качестве сырья для изготовления орудий использовались характерные для Южного Урала кремнистые породы: серая и зеленовато-серая полосчатая яшма, красная яшма, фтаниты и фтанитовиды. Коллекция включает 1864 каменных предмета: пять нуклеусов; скребла с прямыми, выпуклыми, вогнутым и другими рабочими краями (11 экз.); остроконечник мустьерской формы; ножи с обушком и противоположащим острым краем; выемчатые орудия (7 экз.); зубчато-выемчатое и зубчатое орудия; сколы с ретушью и следами использования (13 экз.); ударное орудие на массивной подпрямоугольной гальке, которое могло служить в качестве отбойника при изготовлении каменных изделий или в качестве песта для дробления костей мамонта, и др.

Трасологическим методом было выявлено 18 орудий для утилизации охотничьей добычи

Трасология (трасологические методы) — в археологии методы исследования следов на изделиях для определения функции орудий, реконструкции технологии изготовления вещей, деформаций после периода их использования. В основе лежат труды С. А. Семенова 1950-х годов: в ходе экспериментов им была создана типология сле-

дов, образующихся при расщеплении кремня и использовании каменных или костяных орудий. Американский исследователь Л.-Х. Кили обосновал возможность различать следы микроизноса лезвий орудий в зависимости от контакта с разными материалами. Ныне трасология активно развивается и используется.

Каменные орудия. Стоянка Богдановка.
 1-5 — нуклеусы и нуклевидные формы;
 6-10, 12, 13, 16, 18, 21 — скребла; 11 — выемчатое изделие; 14, 15, 19 — ножи; 17 — зубчатое изделие; 20 — остроконечник

(скобления шкур, резания), а также многофункциональные, использовавшиеся для обработки как мяса и шкур, так и дерева или кости. Еще 13 орудий были изготовлены для строгания и скобления дерева и кости.

На основании имеющихся материалов исследователи относят материальную культуру стоянки Богдановка к типичному мустье «европейского» облика. Однако есть и другое мнение (П. Ю. Павлова) — о принадлежности стоянки к типу стоянок северо-востока Европы Пещерный Лог и Гарчи I (нижний слой).

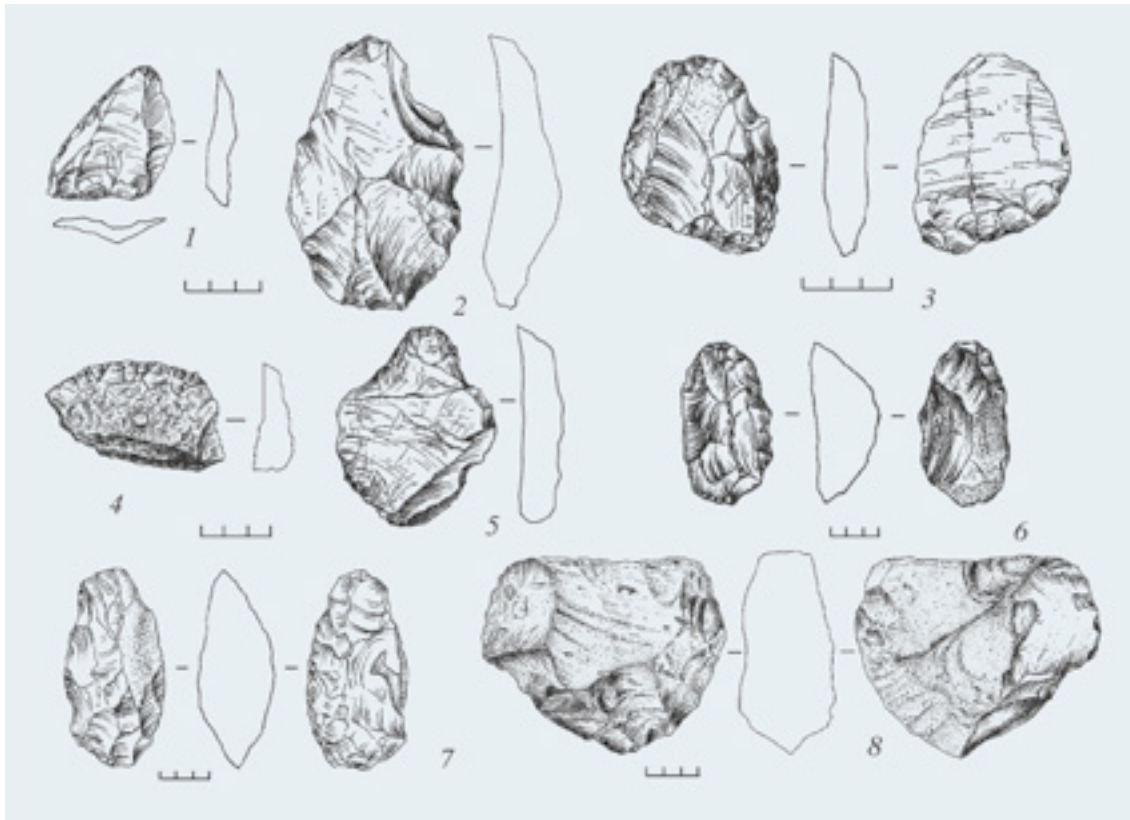
На месте древней стоянки были в той или иной степени разделаны пять особей мамонта, две — бизона, по одной — благородного оленя, северного оленя, сайги, лошади и малого пещерного медведя. Авторы исследований предполагают: «Наличие большого количества костей мамонта позволяет считать, что одним из основных занятий была утилизация их туш... найдены остатки не менее пяти особей, что, на наш взгляд, исключает их одновременную добычу. Также маловероятно, что в течение ряда лет люди в одном и том же месте добывали по одному мамонту. Объяснить появление остатков мамонтов позволяют особенности строения долины реки. В этом месте... река Урал делает резкий поворот, образуя крутую излучину. Во время функционирования стоянки здесь был пляж. На него весенним половодьем эпизодически выносились трупы мамонтов и, вероятно, других зверей. Люди, зная об этом, приходили сюда весной... кости сильно разбиты, даже те, где нет костного мозга. Это указывает на "глубокую" степень утилизации трупов и костей. Вероятно, в одну весну выносило один-два трупа мамонтов. Если бы выносило больше, люди должны были бы использовать в первую очередь мясо, чтобы оно не испортилось. Тогда на стоянке было бы много целых костей, что не наблюдается. Сильная раздробленность костей косвенно указывает на ограниченность пищевых ресурсов, что приводило к их максимально полному использованию. Находка челюсти молодого бизона, погибшего в возрасте около 2 лет, то есть во вторую весну своей жизни, подтверждает предположение о весеннем сезоне. Обилие каменного сырья и его расщепление под открытым небом, зафиксиро-

ванное в раскопе, также свидетельствуют в пользу бесснежного периода хозяйственно-бытовой деятельности обитателей стоянки на вскрытом участке. Стоянка располагалась вне досягаемости воды даже во время половодья, так как скопления артефактов не размыты. Таким образом, наиболее вероятно, что исследована сезонная весенняя стоянка людей, приходивших на излучину реки для сбора и утилизации вынесенных сюда половодьем останков животных.

В период обитания на стоянке людей были распространены сухие степи; древесная растительность была развита в предгорьях и в долине реки Урал. Состав фауны млекопитающих подтверждает эти реконструкции. Преобладают виды, характерные для открытых ландшафтов: узкочерепная полевка, малый пещерный медведь, лошадь, бизон, северный олень, сайга. Только благородный олень указывает на произрастание в районе стоянки древесно-кустарниковой растительности» [12]. Комплекс полученных данных позволяет считать Богдановку сезонной (весенней) стоянкой неоднократного использования на выходах сырья. Возраст стоянки предварительно оценивается первой половиной позднего плейстоцена (примерно 90–70 тысяч лет назад).

К среднему палеолиту относятся и несколько древних артефактов, найденных на стоянке Мысовой. Для изготовления орудий использовались кремнистые породы черного цвета и серые со слабым голубоватым оттенком. В окрестностях стоянки наблюдаются небольшие скальные и гребешковые коренные выходы этих кремнистых пород и красноцветных яшм. Помимо коренного залегания кремнистые породы встречаются в виде обломков в осыпи и галечника в размыве берегов озера Карабалыкты.

В коллекции находок представлены все наиболее типичные для среднего палеолита (мустье) формы орудий. Наиболее типичным орудием для этого времени является остроконечник. Это довольно крупное (9,2×4,5×1,4 см) орудие, изготовленное из удлиненного отщепы с большим ударным бугорком, расположенным на брюшке несколько сбоку. Спинка сохранила негативы трех крупных сколов, один из которых был отделен от нуклеуса почти в том же

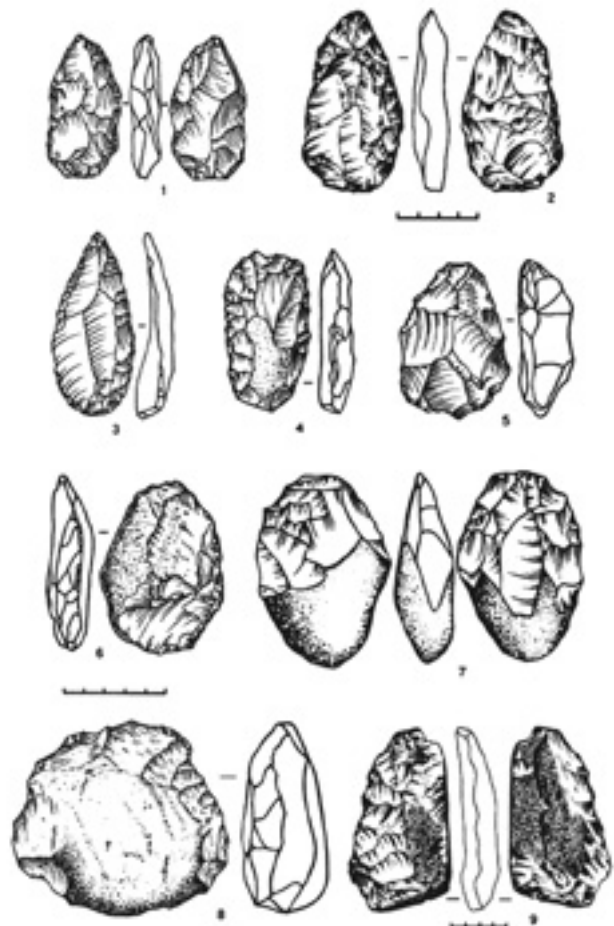

Находки
мустье в
Челябинской
области.
1, 2 —
Княженка III;
3 — Ново-
катенино I; 4 —
Карагайлы VI;
5 — Рассвет V;
6, 7 — у села
Стрелецкое;
8 — из Че-
лябинской
области

Каменный
инвентарь.
Стоянка
Мысовая

направлении; тут же незначительные следы корки. С обоих краев орудие обработано тщательной ретушью, лучше выраженной с правой стороны и формирующей узкий и довольно острый конец орудия. Со стороны брюшка ретушь отсутствует, есть лишь следы работы преимущественно у конца орудия в виде довольно крупных сколов. Орудие имеет сглаженную, местами блестящую поверхность, но края его довольно острые.

Также здесь найдены два или три скребловидных орудия, два небольших бифаса формы, близкой к миндалевидной, которые могут быть охарактеризованы как вырождающиеся формы так называемого ручного рубила. Одно из них, с более широким тыльным концом, сохраняет относительно массивную, необработанную «пятку». У другого тыльный конец заострен, видимо, с целью придать ему рубящие функции; одна сторона его более уплощена, другая несет по одному краю довольно крутую ретушь, образующую рабочую дугу скребла или ударную площадку для снятия плоских отщепов с противоположной стороны.

Проведенные на стоянке геологические исследования подтвердили раннепалеолитический возраст находок. Время формирования палеолитического культурного слоя было отнесено к промежутку примерно в 75–50 тысяч лет назад [2].

Кроме этих коллекций с раскопанных памятников известно несколько предметов среднего палеолита из материалов археологических разведок Н. Б. Виноградова на юге Челябинской области, два предмета из подъемных сборов Е. Куприяновой и Б. Хэнкса (один находится в фондах Государственного исторического музея Южного Урала). Древние артефакты были найдены на территории Карталинского, Брединского и Троицкого районов Челябинской области. Наиболее древним представляется нуклеус леваллуа из крупной гальки, найденный на берегу озера Аргаяш. Возможно, предмет был переиспользован в качестве рубящего орудия. Два артефакта были найдены на изрезанном оврагами левом берегу реки Камысты-Аят, в 2 км к востоку от поселка Княженского и в 10 км к юго-востоку от железнодорожной станции Гоголино, в осыпи обнажений берега и оврагов. Один из них — атипичный леваллуазский треугольный скол, другой — массивный «черепашковидный» скол. Палеолитическое скребло было обнаружено на местонахождении Новокатенино I, на правом берегу реки Сухой, в 5 км к юго-западу от села Новокатенино, на высоте 3 м от уреза воды. Еще одно скребло — простое, поперечное, выпуклое — найдено на местонахождении Карагайлы VI, на правом берегу реки Карагайлы-Аят, в 2 км от села Утес, на высоте 6 м от уреза воды. Орудие изготовлено на отщепе красно-коричневого цвета. Рабочий край подготовлен полукрутой, однорядной, захватывающей, средней размерности ретушью, занимающей примерно две трети лезвия. Также к древним артефактам относится изделие с «рыльцем» с местонахождения Рассвет V на правом берегу реки Сухой, в 4 км к востоку от села Новокатенино. Орудие сломано в древности. На правом высоком берегу реки Уй, напротив села Стрелецкого (Троицкий район) на поверхности были найдены два патинированных изделия из халцедона. Одно изделие вытянутой овальной формы напоминает заготовку

овального скребла. Второй предмет аналогичной удлинненно-овальной формы, но меньших размеров. Наиболее вероятная их датировка — средний палеолит. Представленные находки расширяют географию местонахождений и дальнейших поисков среднепалеолитических памятников на Южном Урале и позволяют надеяться на открытие в будущем стратифицированных комплексов.

Неандерталец

Основным жителем среднего палеолита традиционно считается неандерталец — *Homo neanderthalensis*. Но так ли все просто с историей этого древнего человека?

Это время начала наступления последней ледниковой эпохи, которая в Восточной Европе называется валдайской, в Западной Сибири — зырянской. Позднеплейстоценовая ледниковая эпоха началась около 117 тысяч лет назад. В Евразии и Северной Америке ранний этап этой эпохи — от 117 примерно до 58 тысяч лет назад. В Евразии крупный центр покровного оледенения располагался на Скандинавском полуострове, тогда как на севере Западной и частично Средней Сибири размеры оледенения сокращались. Предполагается, что ледник распространился восточнее Урала в бассейн Енисея до устья Нижней Тунгуски. На севере Дальнего Востока оледенение, развивавшееся ранее 70 тысяч лет назад, охватывало только горные районы. В условиях сурового климата широко распространилась многолетняя мерзлота, особенно в азиатской части России. Южная граница многолетней мерзлоты даже на Русской равнине проводится примерно по 49–50° северной широты. Считается также, что значительная часть Западной Европы (даже ее приатлантические районы, такие как север Франции, вся Центральная Европа до Альп) была тоже скована многолетней мерзлотой. Лучшее всего следы верхнеплейстоценового оледенения изучены на Кавказе. Ледники Кавказа спускались намного ниже, чем ныне, и были даже в тех районах, где сейчас нет постоянного снежного покрова. Рельеф и высоты гор Средней Азии в позднем плейстоцене

были примерно теми же, что и в наше время, однако отдельные районы испытывали значительные тектонические поднятия.

Фауна млекопитающих ранневалдайского времени известна главным образом по материалам мустьерских стоянок. В ее составе были широко представлены животные тундровой, лесной, степной ландшафтных зон. Как и в более раннее время, характерными ее представителями были мамонт, шерстистый носорог и пещерный медведь, а также северный олень, песец, лошадь, бизон, сайгак. Обилие их костных остатков в культурных слоях с несомненностью свидетельствует о том, что они были главными промысловыми животными. Изредка встречаются остатки овцебыка и ряда мелких млекопитающих.

На Урале спорово-пыльцевые комплексы позволяют воссоздать перигляциальные открытые пространства. В сводном палинологическом разрезе выделяются три растительные фазы (снизу-вверх): степная (лугостепная), лесостепная (лесотундровая), степная (лугостепная). Лесотундровая фаза хорошо выражена в горной зоне Урала. С этой свитой связаны многочисленные находки остатков фауны — мамонта промежуточного и позднего типа, шерстистого носорога, короткорогого бизона, северного оленя, лошади, осла, волка и разнообразных грызунов. Так что природные условия в среднем палеолите на Южном Урале были не из лучших. Традиционно население этого времени связывают с неандертальцами, хотя в последнее время благодаря открытиям новосибирских археологов во главе с академиком А. П. Деревянко такое утверждение стало не совсем очевидным.

Так что же представляли собой *Homo neanderthalensis*, или неандертальцы?

Неандертальцы — коренные европейцы. Их происхождение и большая часть времени существования связаны именно с Европой. Предки неандертальцев пришли в Европу как минимум 800 тысяч лет назад, в раннем палеолите. Процесс «неандертализации» начался более полумиллиона лет назад. Около 200 тысяч лет назад или, может быть, чуть раньше, появились наконец те, кого уже почти без всякой натяжки можно называть неандертальцами, а окончательное формирование вида

Неандерталец. Реконструкция

произошло еще позже — около 130–150 тысяч лет назад. К ранним и поздним пренеандертальцам, то есть непосредственным предкам неандертальцев, относят вид *Homo heidelbergensis* — хомо гейдельбергсис, или гейдельбергский человек. Разделение линий неандертальцев и современных людей произошло, скорее всего, где-то в интервале от 500 до 700 тысяч лет назад или, если брать крайние даты, от 320 до 850 тысяч лет назад.

Согласно имеющимся данным, можно говорить о том, что неандертальцы были похожи на нас по многим анатомическим характеристикам — строению ступни, кисти, объему мозга и т. д. В то же время очевидно и то, что многими своими чертами они все-таки отличались от современных людей. Средний рост мужчин составлял порядка 165 см, женщин — примерно на 10 см меньше. И те и другие отличались крепким телосложением и были, что называется, «широки в кости». Они, несомненно, были наделены немалой физической силой, значительно превосходя в этом отношении большинство представителей современного человечества. Отличительными чертами внешнего вида являлись массивное, нависающее над орбитами глаз сплошным валиком надбровье, широкий нос и выдающаяся вперед так же широкая верхняя челюсть при полном отсутствии подбородка, да притом еще с чересчур крупными передними зубами. Поскольку неандертальцы были настоящими европейцами, логично предполагать, что и кожа у них была примерно того же цвета, что и у нынешних обитателей Европы. Данные, полученные по ДНК двух неандертальцев, живших в Испании и Италии в период

от 40 до 50 тысяч лет назад, показал, что они вполне могли быть светлокожими и рыжеволосыми.

Эпоха существования классических неандертальцев приходится на время, когда имели место многократные и притом весьма значительные по амплитуде и скорости перепады температуры и влажности, объединяемые в климатические циклы продолжительностью от нескольких сотен до нескольких тысяч лет. Суровые природные условия накладывали специфический отпечаток как на образ жизни людей, населявших высокоширотные районы, так и на их анатомию. Известно, что люди, традиционно обитающие в районах с холодным климатом — например, саамы Кольского полуострова или эскимосы Гренландии, — отличаются от коренного населения южных территорий целым рядом особенностей строения скелета. Такими особенностями являются, например, укороченные по отношению к длине туловища конечности, сравнительно большая по отношению к росту масса тела, утолщенные трубчатые кости и т. д. Все эти черты наблюдаются и у неандертальцев, которые по форме и пропорциям тела намного ближе к современным жителям Чукотки, Аляски и Гренландии (речь, разумеется, о коренном населении этих регионов). Размер и форма тела аборигенов высоких широт, включая неандертальцев, — это следствие адаптации к холодному климату, где особое значение приобретает способность минимизировать потери тепла и энергии. Кроме того, многие особенности скелета неандертальца, возможно,

представляют собой результат адаптации к большим физическим нагрузкам вследствие частых и долгих переходов, транспортировки тяжестей без вспомогательных средств, выслеживания и преследования охотничьей добычи, столкновений с крупными и опасными животными и т. д. На некоторых неандертальских скелетах фиксируются переломы, сильные ушибы, боевые или охотничьи ранения, при этом зубы, череп, кости конечностей несут следы всяческих болезней, стрессов и увечий.

При жизни в холодном климате необходимо жилище. Часто неандертальцы обустроивали для этого пещеры, причем разделяя свои «дома» на спальную и «бытовую» зоны. По крайней мере, к такому выводу пришли палеонтологи, изучавшие неандертальские пещеры в Европе. Ученые обнаружили внутри пещер пространства, где практически не было палеонтологических артефактов, кроме остатков очагов. Очаги эти были необычными — в них не было обугленных фрагментов костей, древесины и камней, а значит, они использовались только для обогрева, а не, скажем, для приготовления пищи. Поселения неандертальцев на открытых пространствах обустроены обычно гораздо менее основательно, чем поселения *Homo sapiens* верхнего палеолита. Долговременных сооружений, как правило, нет, очаги в большинстве своем еле намечены.

Пища неандертальцев состояла в основном из мяса крупных травоядных животных, связанных преимущественно с ландшафтами открытого типа.

Приблизительные границы минимальной области распространения неандертальцев в середине позднего плейстоцена (около 50 тыс. лет назад)

Основным источником пищи являлась охота. Что касается остатков растительных продуктов, то имеется немало фактов, свидетельствующих о том, что продукты эти не только входили в рацион неандертальцев, но и играли в нем важную роль. Вероятно, роль растительной пищи в рационе неандертальцев была неодинаковой в разные сезоны и в разных географических зонах, как это имеет место и у современных охотников-собирателей. На зубах отдельных представителей *Homo neanderthalensis*, обнаруженных в Европе, ученые нашли семена, а также остатки корней и клубней. Внешний вид некоторых кусочков пищи отчетливо указывал, что она подвергалась термической обработке.

За пределами Европы неандертальцы раньше всего появились на Ближнем Востоке (около 70 тысяч лет назад). Это связано с тем, что многие районы на северо-западе Европы в это время стали мало пригодными для обитания. Вероятно, извержение вулкана Тоба на Суматре, произошедшее примерно 73–74 тысяч лет назад, повлекло за собой резкое

похолодание, особенно чувствительное в северных широтах. Не исключено, что это и явилось первопричиной движения неандертальцев на Ближний Восток. Далее неандертальцы заселили Закавказье (пещеры Джрочула и Сакажи), область Переднеазиатских нагорий (пещера Шанидар), Среднюю Азию (пещеры Тешик-Таш, Оби-Рахмат, Ангилак), а также Алтай (пещера Окладникова) и смежные с ним районы Центральной Азии [3].

Вернемся, однако, на Южный Урал. Как неандертальская проблема может быть связана с нашими территориями? Дело в том, что на имеющихся картах Южный Урал, да и Урал в целом, никак не попадают в ареал распространения неандертальцев. Вместе с тем археологические материалы говорят об обратном. Каменную индустрию стоянки Богдановка одни исследователи относят к типичному мутье «европейского» облика, другие — к мутье типа восточный микок. Но суть не в этом споре, а в том, что и Богдановка, и Мысовая, и отдельные орудия среднего палеолита, найденные на Южном

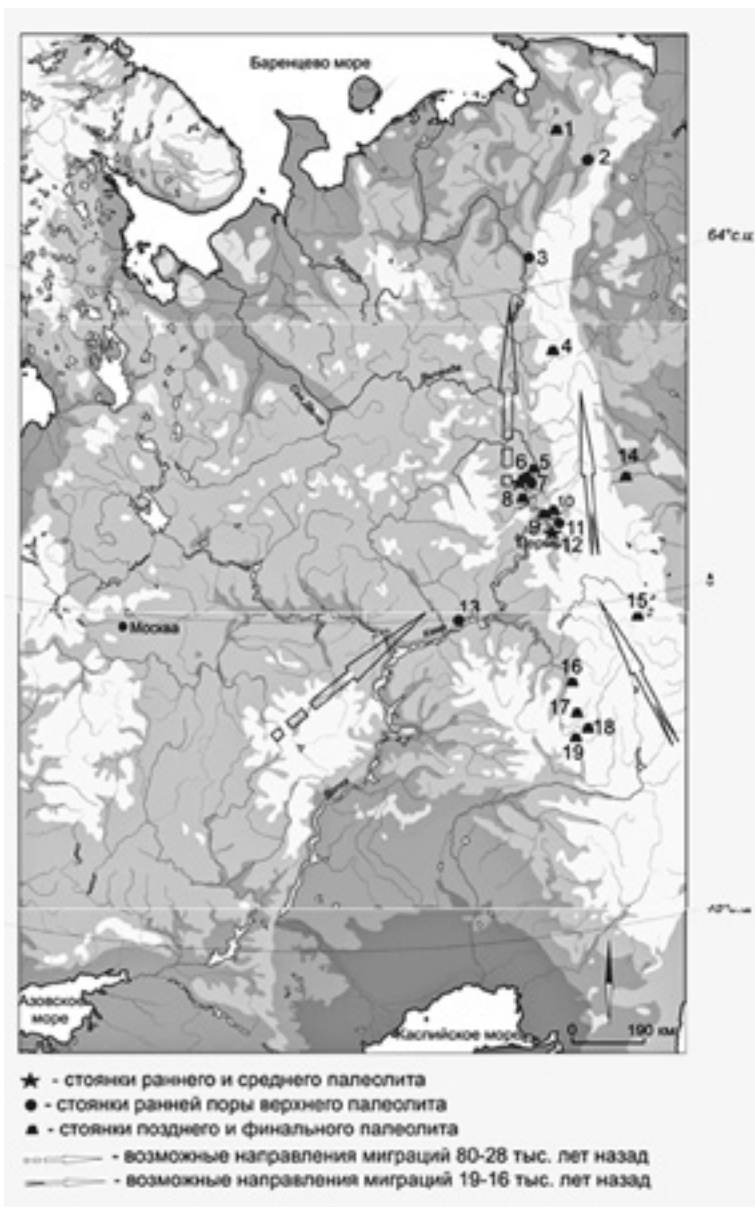
Урале, наряду с материалами стоянок севера Предуралья, такими как местонахождение Пещерный Лог и нижний слой стоянки Гарчи I, принадлежат мустье — технике обработки камня или комплексу культур, непосредственно связанных с неандертальцами.

Выходит, карты не совсем верны. Полученные за последние годы археологические материалы позволяют выдвинуть новые гипотезы о второй волне освоения уральской земли в эпоху среднего палеолита.

Южный Урал, скорее всего, во второй раз был заселен около ста тысяч лет назад с территории современного Казахстана, где наибольшее количество известных палеолитических памятников относится к эпохе мустье. На долговременных стоянках-мастерских и в охотничьих лагерях сохранилось огромное количество орудий труда и оружия, что позволило исследователям даже выделить отдельные культуры этого времени: мустье типичное (Кошкурган, Чингиз), леваллуа-мустье (Актогай, Семизбугу, Хантау и др.), мустье ашельской традиции фации леваллуа (Семизбугу), мустье ашельской традиции фации нелеваллуа (Семизбугу), мустье зубчатое (Бурма), леваллуа-ашель II (Шахбагата, Жалпак, Кудайколь и Карсор).

Казалось бы, все понятно — в эпоху среднего палеолита (мустье) Южный Урал населяли неандертальцы. Но здесь интригу вносят новые открытия новосибирских археологов во главе с академиком А. П. Деревянко.

На территории Алтая уже несколько десятков лет исследуются многослойные стоянки, в которых последовательно отложились уровни обитания древнего человека от раннего до финального палеолита. Полученный здесь в последние годы палеоантропологический материал, представленный зубами и отдельными фрагментами скелета древних людей из пещер Окладникова и Денисовой, вызвал оживленную дискуссию. В этих пещерах зафиксированы совершенно разные палеолитические индустрии. Каменный инвентарь из пещеры Окладникова отличается относительным архаизмом и выделен в особый вариант мустьерской культуры. Палеогенетические исследования, выполненные в Институте эволюционной антропологии М. Планка

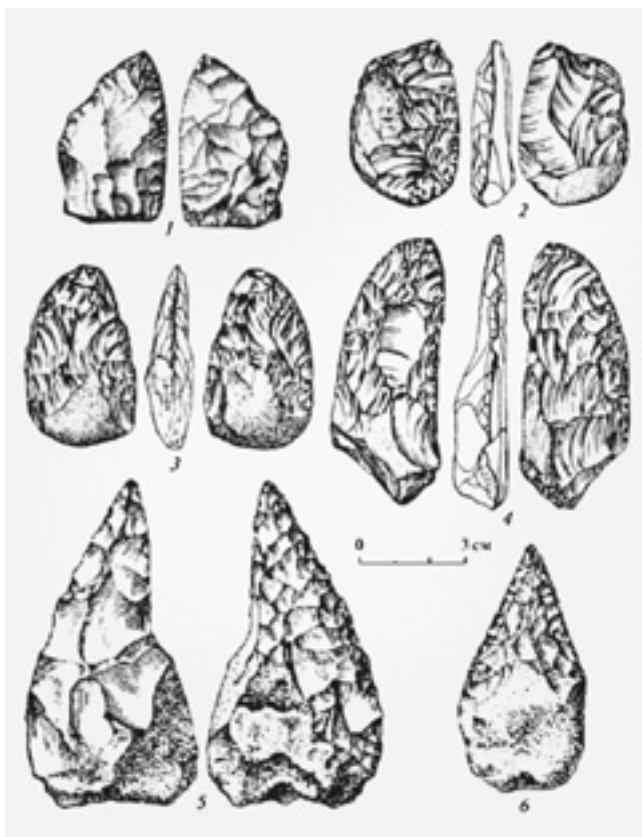

Карта заселения Предуралья.
1 — Пымва Шор I; 2 — Мамонтова Курья; 3 — Бызовая; 4 — Медвежья пещера; 5 — Усть-Пожва; 6 — Гарчи I; 7 — Сорокино; 8 — Широново II; 9 — Горная Талица; 10 — стоянка Талицкого;

11 — Заозерье; 12 — Ельники II; 13 — Сосновское II; 14 — Гари; 15 — грот Бобылек; 16 — Игнатьевская пещера; 17 — Кульяртамак; 18 — Капова пещера; 19 — Байсланташ

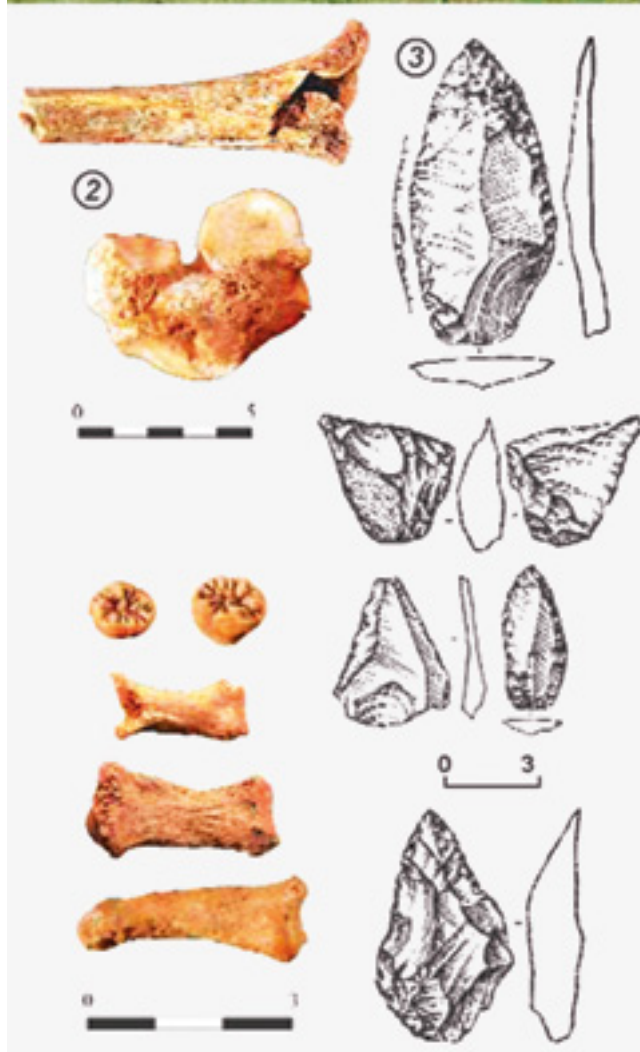
в Лейпциге интернациональным коллективом под руководством профессора С. Паабо, подтвердили принадлежность антропологических находок из пещеры Окладникова неандертальцам.

В Денисовой пещере прослежено развитие палеолитических культурных традиций в хронологическом диапазоне 282–10 тысяч лет назад, доказаны непрерывное развитие среднепалеолитических

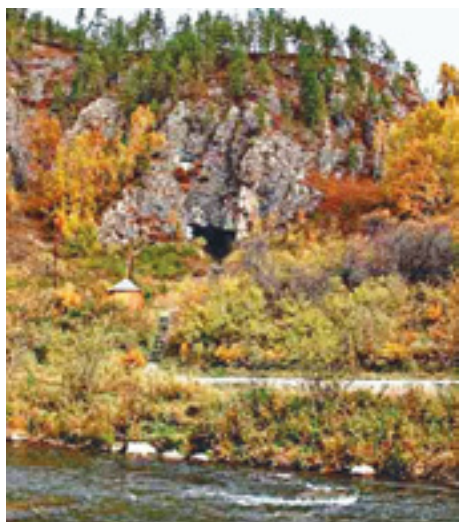

Микокские индустрии выявлены на огромной территории от атлантического побережья Западной Европы до нижнего течения Волги. Этот «микокский коридор» связан с равнинными и низкогорными ландшафтами европейского континента. Хронология микокских индустрий в Восточной Европе охватывает длительный промежуток времени — от микулинского межледниковья до второй половины среднего валдая (около 100 тысяч лет назад). Каменный инвентарь микокских памятников демонстрирует удивительное сходство на всей огромной территории их распространения. Локальные отличия выражены очень слабо.

Микокские орудия: двусторонние симметричные и асимметричные острия и скребла, зачастую с обушками; простые и конвергентные скребла, часто с разнообразными вентральными утончениями. Технологическая основа восточно-европейского микока — плоско-выпуклая двусторонняя обработка орудий и использование отщепового нуклеусного расщепления, базирующегося на эксплуатации нуклеусов без вспомогательных ударных площадок. По типологическим характеристикам среднепалеолитические местонахождения северо-востока Европы полностью укладываются в приведенную выше характеристику восточно-микокских комплексов.

Пещера Окладникова (1). Антропологические останки (2) и каменные орудия (3) финала среднего палеолита (по А. П. Деревянко, М. В. Шунькову) [7]

Денисова
пещера

традиций и переход в яркую верхнепалеолитическую индустрию в интервале 50–30 тысяч лет назад. В культурном слое начальной поры верхнего палеолита возрастом около 50 тысяч лет собрана одна из самых представительных в мире коллекций украшений из кости и зубов животных, бивня мамонта, скорлупы яиц страуса, раковин моллюсков и поделочного камня — подвески, бусины, орнаментированные пронизки, хлоритовый браслет и мраморное кольцо со следами шлифовки и сверления, а также миниатюрные костяные иглы с ушком и проколки.

Вместе с тем при изучении антропологических останков из Денисовой пещеры были получены неожиданные результаты, позволившие предположить существование ранее неизвестной группы древних людей. Фаланга пальца кисти подростка

и зуб молодого человека, найденные в культурном слое начальной стадии верхнего палеолита (около 50 тысяч лет назад), принадлежали ископаемому человеку, существенно отличавшемуся по типу митохондриальной и ядерной ДНК как от *Homo sapiens*, так и от *Homo neandertalensis*. Геном «денисовца» отклонился от эталонного генома и человека, и неандертальца, то есть среднее отклонение ядерного генома денисовца от современных людей такое же, как и у неандертальцев. Анализ генома ископаемого человека из Денисовой пещеры показал его принадлежность к группе гоминидов, имеющих общего предка с неандертальцами, но разную историю развития популяции — их эволюционное расхождение произошло около 640 тысяч лет назад. Новая разновидность предков человека — денисовцы (*Homo sapiens altaiensis*), — возможно, была широко распространена как на Алтае, так и в восточной части Азии. Материалы, полученные из пещер Окладникова и Чагырской, показывают, что небольшая группа неандертальцев пришла на Алтай с территории современного Узбекистана около 55–45 тысяч лет назад. Какое-то время неандертальцы жили рядом с денисовцами, но, поскольку их было немного, в конце концов были ассимилированы коренным населением [7; 8].

Антропологических находок столь древнего возраста на Южном Урале пока не обнаружено, и ответить определенно на вопрос, кто заселял эту территорию в среднем палеолите — неандерталец, или денисовец, или, может, кто-то еще, нам не известный, — пока невозможно.

Список литературы

1. Артюхов О. А., Мамиров Т. Б. Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы : АО «АБДИ Компани» 2008. 880 с. Каменный век. С. 76–81.
2. Бадер О. Н., Матюшин Г. Н. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // Совет. археология. 1973. № 4. С. 135–142.
3. Вишняцкий Л. Б. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб. : Нестор-История, 2010. 312 с.
4. Деревянко А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2009. 328 с.
5. Деревянко А. П. и др. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2001. 136 с.
6. Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск : Наука, 1994. С. 22–55.
7. Деревянко А. П., Шуньков М. В. Новый взгляд на заселение человеком Евразии // Наука в России. 2012. № 2 (188). С. 20–28.
8. Деревянко А. П., Шуньков М. В. Откуда пришел *Homo sapiens*? [Электронный ресурс] // Наука из первых рук. 2015. № 5/6 (65/66). URL: <http://scfh.ru/papers/otkuda-prishel-homo-sapiens>
9. Деревянко А. П., Шуньков М. В., Маркин С. В. Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования *Homo sapiens*. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2014. 228 с.
10. Природа и древний человек (основные этапы развития природы палеолитического человека и его культуры на территории СССР в плейстоцене). М. : Мысль, 1981. 223 с.
11. Широков В. Н., Волков Р. Б., Косинцев П. А., Лаптева Е. Г. Палеолитическая стоянка Богдановка (Южный Урал) // Рос. археология. 2011. № 1. С. 111–125.
12. <http://www.antropogenez.ru>

Утро на реке Ай.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

1
ТОМ
глава
2

ПАЛЕОЛИ-
ТИЧЕСКИЕ
ОХОТНИКИ
ЮЖНОГО
УРАЛА

Глава 2. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ОХОТНИКИ ЮЖНОГО УРАЛА

Проблема возникновения человека современного типа

Третье и окончательное заселение человеком Южного Урала произошло в верхнем или позднем палеолите. Это может показаться странным, но большинство найденных палеолитических стоянок на Южном Урале относится к заключительному и самому суровому ледниковому периоду в истории, который пришел на период от 24 до 11 тысяч лет назад. Видимо, человеческие коллективы настолько хорошо адаптировались к окружающей природе, что даже лютые морозы были им нипочем.

Верхний палеолит — это прежде всего время формирования человека современного типа — *Homo sapiens sapiens* (человека разумного). Объяснение происхождения человека современного физического типа является главной проблемой палеоантропологических исследований на протяжении как минимум ста лет. Относительно недавно, в 1980-е годы, эта тема стала вновь привлекать повышенное внимание ученых. Центральной темой дискуссии является вопрос о географической родине человека современного физического типа. Следующие по важности вопросы: когда впервые появился *Homo sapiens sapiens* и какие из самых древних представителей человеческого рода были его наиболее вероятными предками?

Рисунки в Каповой пещере.
Фото С. Арканова

В настоящее время сформировались две конкурирующие концепции, призванные дать ответы на эти вопросы. Первую обычно называют моноцентристской теорией (гипотеза об африканской прародине человека разумного), вторая известна как модель мультирегионального развития.

Вот как объясняет моноцентрическую теорию известный археолог из Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), доктор исторических наук Л. Б. Вишняцкий.

Примерно 1,7 миллиона лет назад, то есть в самом начале ледниковой эпохи, представители *Homo erectus* впервые проникли за пределы Африки. Сначала они обосновались на Ближнем Востоке и в Закавказье, а затем постепенно стали расселяться все дальше на восток, не выходя далеко за пределы привычной для них зоны тропиков и субтропиков. Миллион лет назад ими был заселен уже почти весь юг Азии, включая территорию нынешнего острова Ява. Примерно к этому же времени относятся, вероятно, и первые попытки обосноваться в Европе, где возраст древнейших достоверно человеческих костей, а также каменных орудий достигает 1,2 млн лет.

После широкого расселения за пределы Африки между разбросанными в пространстве человеческими популяциями стало постепенно проявляться все больше и больше различий. Непохожие природные условия Африки, Восточной Азии и Средиземноморья предъявляли к обитавшим в этих регионах гоминидам разные требования,

Верхний палеолит, или **поздний палеолит** — третий период палеолита. По разным оценкам, начался 40–35 тысяч лет назад и закончился 12–10 тысяч лет назад. На верхний палеолит приходится последний ледниковый период, самая холодная пора которого проходила 25–17 тысяч лет назад, после чего началось потепление. Культура верхнего палеолита была создана людьми, относящимися к современному виду *Homo sapiens*; население Европы этого времени часто называется кроманьонцами (по пещере Кро-Маньон во Франции, где в 1868 году были сделаны важные находки скелетов людей и орудий эпохи верхнего палеолита). Рост культуры обработки камня, дерева, кости, а также необычайное развитие древнего человека этого периода называют «революцией позднего палеолита». Со времени 50 тысяч лет назад значительно усложнились изделия из камня, кости и рога. Орудия труда и охоты стали более сложными. Кроме того,

отмечается развитие абстрактного и творческого мышления кроманьонцев третьего периода палеолита. К этому времени относятся первые образцы резьбы по кости, рогу, бивням мамонта и слона. Также в этот период кроманьонцы стали изготавливать фигуры из камня, в частности знаменитых «палеолитических Венер». Абстрактное мышление древних людей, которое в корне отличает кроманьонца от других разновидностей человека прямоходящего и иных животных на Земле, подтверждает и первая наскальная живопись. При помощи древних инструментов и красящих веществ люди стали создавать произведения искусства, которые не являлись жизненно важными для них, однако удовлетворяли их эмоциональные запросы, помогали раскрываться творческому мышлению, способствовали изобретательности. Помимо этого они также рассказывают нам о зарождении первых культов и религиозных представлений.

отбор работал в разных направлениях и с разной интенсивностью. Как следствие этого эволюционные изменения должны были вести к формированию специфических особенностей в поведении и анатомии каждого из географических вариантов *Homo erectus* и их потомков.

Вполне естественно, что эволюционная судьба различных географических популяций гомо эректус и пришедшего им на смену человека гейдельбергского сложилась по-разному. Согласно преобладающей сейчас точке зрения, часто именуемой

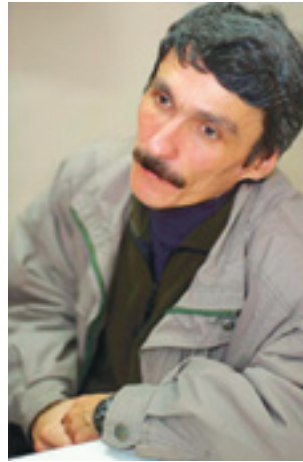

«Палеолитические Венеры»

теорией «африканского исхода», лишь африканские представители этих видов имели непосредственное отношение к происхождению людей современного анатомического типа, то есть были прямыми предками гомо сапиенс. Азиатским и европейским гоминидам в этом случае остается роль боковых побегов на нашем генеалогическом древе. Таким образом, общий сценарий происхождения современного человечества получается моноцентристским.

Генетические данные и хронология антропологических находок говорят о том, что первая и наиболее мощная волна расселения современных людей за пределы африканско-ближневосточного региона была направлена на восток и, пройдя через южные районы Азии, достигла в итоге Австралии. Вероятнее всего, путь мигрантов пролегал через Баб-эль-Мандебский пролив, далее через Аравийский полуостров и побережье Индийского океана, не выходя при этом сколько-нибудь далеко за пределы тропической зоны. Отсутствие костных остатков «первопроходцев» на ближней к Африке половине этого пути не позволяет пока определить время начала «исхода», но, судя по тому, что «финиш» (Австралия) был достигнут 40–45 тысяч лет назад, «стартовать» они должны были не позже 60 тысяч лет назад. Близкая датировка предложена и генетиками.

За пределами Африки и Ближнего Востока пока не было достоверных находок останков гомо сапиенс, древность которых превышала бы 45 тысяч лет. По-видимому, ближе всего к этому рубежу находится череп вполне современного типа из пещеры Ниах в Сараваке (остров Борнео). По образцам древесного угля из слоя, непосредственно перекрывающего горизонт, где была сделана эта находка, получены радиоуглеродные даты порядка 42–43 тысяч лет назад. Сходную древность можно предполагать также для анатомически современных скелетных остатков из пещеры Гайтоу на юге Китая, происходящих из отложений с торий-урановыми датами от 38 до 45 тысяч лет назад, для фрагментов скелета гомо сапиенс из пещеры Тяньюань близ Пекина и для человеческих костей из погребения Мунго 3 на юго-востоке Австралии.

Леонид Борисович Вишняцкий (р. 1960) — археолог, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии палеолита Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Область научных интересов — культура каменного века, становление знакового поведения, антропогенез. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Палеолит Туркмении» (1986), докторскую «Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и переход к верхнему палеолиту» (2006). В ИИМК РАН с 1983 года. Специалист по палеолиту Средней

Азии, Казахстана, Ближнего и Среднего Востока, антропогенезу, происхождению верхнего палеолита, теоретическим аспектам палеолитоведения. Автор более ста научных публикаций.

Основные публикации:

Вишняцкий Л. Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана : монография. СПб., 1996.

Вишняцкий Л. Б. Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры : учеб. пособие. Кишинев, 2002.

Вишняцкий Л. Б. Человек в лабиринте эволюции : монография. М., 2004.

Вишняцкий Л. Б., Шер Я. А., Бледнова Н. С. Происхождение знакового поведения : монография. М., 2004.

Вишняцкий Л. Б. История одной случайности, или Происхождение человека : монография. М., 2005.

Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции : монография. СПб., 2008.

Вишняцкий Л. Б. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества : монография. СПб., 2010.

Расширение ареала гомо сапиенс в северном направлении (точнее, вторая и успешная попытка такового) началось, видимо, где-то в интервале от 50 до 40 тысяч лет назад. Ближний Восток в это время был еще заселен неандертальцами. Скудость антропологических материалов и отсутствие надежных датировок не позволяют точно определить, когда один вид уступил здесь место другому, но, скорее всего, это произошло не ранее 40 тысяч лет назад. Вполне возможно, что, вопреки традиционной точке зрения, миграционная волна или поток генов, ставшие причиной очередной смены антропологического типа обитателей региона, пришли не с юга, из Африки, а с востока, из Передней Азии, или даже с севера, из Европы (хотя последнее менее

Миграции Homo Sapiens

вероятно). Сама же Европа, видимо, заселялась гомо сапиенс через Малую Азию или юг Русской равнины. Многие генетики сейчас считают, что продвижение людей современного анатомического типа на север, за пределы тропиков и субтропиков, шло не непосредственно из Африки (через долину Нила, Ближний Восток и т. д.), а, скорее, откуда-то из района Персидского залива, будучи сравнительно поздним ответвлением от первоначальной волны исхода, направленной на восток.

В Европе люди современного анатомического типа впервые появились, вероятно, где-то в интервале от 36 до 40–42 тысяч лет назад. В течение последующих десяти тысяч лет они заселили почти весь этот континент и начали осваивать северные районы Азии, проникнув даже за полярный круг. Ареал неандертальцев по мере распространения гомо сапиенс все более и более сокращался. Довольно скоро он распался на ряд небольших изолированных областей. В некоторых из этих областей реликтовые неандертальские популяции могли со-

храняться еще долгое время, но судьба вида как такового была предрешена [5].

Объяснить «темные пятна» в истории человека берется другая, полицентрическая концепция академика РАН А. П. Деревянко и члена-корреспондента РАН М. В. Шунькова.

Согласно этой концепции межрегиональной эволюции человека, формирование Homo sapiens могло с равным успехом идти как в Африке, так и на обширных территориях Евразии, заселенных в свое время Homo erectus. Именно непрерывным развитием древнего населения в каждом регионе объясняется то обстоятельство, что культуры раннего этапа верхнего палеолита в Африке, Европе, Восточной Азии и Австралии так существенно отличаются друг от друга. И хотя, с точки зрения современной биологии, становление на столь разных, географически удаленных территориях одного и того же вида (в строгом смысле этого слова) маловероятно, там мог идти независимый, параллельный процесс эволюции древнейшего человека

Анатолий Пантелеевич Деревянко (р. 09.01.1943, с. Козьмо-Демьяновка Тамбовского района Амурской области) — доктор исторических наук, академик РАН (1987). Окончил историко-филологический факультет Благовещенского педагогического института (1963), аспирантуру при отделе гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР (1965). Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Древние культуры Среднего Амура (каменный век)» (1966, научный руководитель А. П. Окладников), докторскую «Приамурье в древности (до начала нашей эры)» (1971). С 1981 года заведует кафедрой всеобщей истории Новосибирского государственного университета. Научные интересы: кардинальные вопросы мировой

археологии — проблема первоначального заселения человеком Северной, Центральной и Восточной Азии; проблема взаимодействия древнего человека и окружающей среды; реконструкция древнейшей, древней и средневековой истории Сибири и Дальнего Востока. Руководил археологическими экспедициями на территории Сибири, российского Дальнего Востока, Дагестана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, Азербайджана, Вьетнама, Монголии, Кореи, Китая, Японии, Ирана, Черногории. Член президиума Сибирского отделения РАН, председатель Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам Сибирского отделения РАН, главный редактор журнала «Археология, этнография и антропология Евразии», член редколлегии «Вестника Российской академии наук», председатель ученого совета Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, диссертационного совета при нем, член ученого совета Новосибирского государственного университета, председатель редакционного совета серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», член президиума РАН (2002–2013). Член-корреспондент Германского археологического института (1984), иностранный член Академии наук Монголии

(1998), член-корреспондент Черногорской академии наук и искусств (2008), иностранный член Национальной академии наук Республики Казахстан (2013). Автор более тысячи научных публикаций (в том числе более ста монографий). Лауреат премии Ленинского комсомола (1972), Государственной премии РФ в области науки и техники (2003, 2013), Государственной премии Республики Бурятия в области науки и техники (2003), общенациональной Демидовской премии (2004), премии им. М. А. Лаврентьева (2005), Российской национальной премии «Триумф» (2005). Почетный исследователь Института доистории Чунбукского национального университета (1994), доктор истории Монгольской академии наук (1996), профессор Томского политехнического (1998), Казахского национального (2002) и Цзилиньского (2003) университетов, профессор-исследователь Университета Аризоны (2012). Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1982), Почета (1998), «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2002), «Полярная Звезда» (2006), Петра Великого I степени (2007), Дружбы (2012); медалями «За вклад в наследие народов России» (2004), «Лучшие люди России» (2005), «Достоинство Сибири» (2007) и др.

Основные публикации:
Деревянко А. П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи : монография. Новосибирск, 1983.
Деревянко А. П. Палеолит Японии : монография. Новосибирск, 1984.
Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: Введение и основы : монография. Новосибирск, 1994.
Деревянко А. П. и др. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая : монография. Новосибирск, 2003.
Деревянко А. П. и др. Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае : монография. Новосибирск, 2005.
Деревянко А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите : монография. Новосибирск, 2009.
Деревянко А. П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования Homo sapiens sapiens в Восточной, Центральной и Северной Азии : монография. Новосибирск, 2009.
Деревянко А. П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа : монография. Новосибирск, 2011.
Деревянко А. П. Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования Homo sapiens : монография. Новосибирск, 2012.

в сторону человека разумного с его развитой материальной и духовной культурой. Ученые приводят ряд археологических, антропологических и генетических свидетельств в пользу этого тезиса, связанных с эволюцией первобытного населения Евразии.

Судя по многочисленным археологическим находкам, в Восточной и Юго-Восточной Азии развитие каменной индустрии примерно 1,5 млн лет назад пошло в принципиально другом направлении, чем в остальной части Евразии и в Африке.

Удивительно, но на протяжении более миллиона лет технология изготовления орудий в китайско-малайской зоне не претерпела существенных изменений. Более того, как уже упоминалось, в этой каменной индустрии в период 80–30 тысяч лет назад, когда здесь должны были появиться люди современного анатомического типа, не выявляется никаких радикальных инноваций — ни новых технологий обработки камня, ни новых типов орудий. Что касается антропологических свидетельств,

Михаил Васильевич Шуньков (р. 24.05.1953, Иркутск) — директор Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (ИАЭТ СО РАН), доктор исторических наук, член-корреспондент РАН. Окончил исторический факультет Иркутского государственного университета (1976), аспирантуру в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (1983). Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая» (1990), докторскую «Археология и палеогеография палеолита Северо-Западного Алтая» (2001). Сфера научных интересов: первоначальное заселение человеком Северной Евразии, палеогеография плейстоцена, палеоэкология человека, взаимодействие первобытной культуры и окружающей природной среды. Профессор кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, ведет спецкурс «Палеоэкология человека». Заведующий отделом археологии каменного века, руководитель научно-исследовательского стационара «Денисова пещера» на Алтае, председатель

ученого совета ИАЭТ СО РАН, член диссертационного совета при ИАЭТ СО РАН, член редколлегии журнала «Археология, этнография и антропология Евразии», входит в состав экспертного совета РГНФ по истории, археологии и этнографии (2003–2015), эксперт РФФИ в области наук о человеке и обществе. Является начальником Алтайского палеолитического отряда (с 1989), руководит комплексными исследованиями самых древних (Карамы) и наиболее информативных (Денисова пещера, Усть-Каракол и др.) палеолитических памятников Сибири. Награжден почетными грамотами Президиума РАН (2013), Президиума Сибирского отделения РАН (2003, 2013, 2015, 2018), РГНФ (2013). Автор более 450 научных публикаций.

Основные публикации:

Шуньков М. В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая: монография. Новосибирск, 1990.

Шуньков М. В. и др. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая: монография. Новосибирск, 2003.

Шуньков М. В. и др. Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае: монография. Новосибирск, 2005.

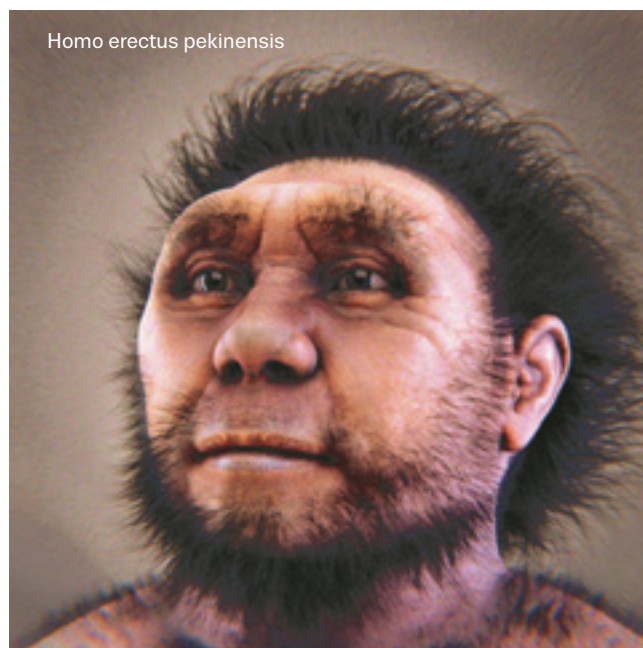
Шуньков М. В., Деревянко А. П., Маркин С. В. Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования *Homo sapiens*: монография. Новосибирск, 2014.

Шуньков М. В. и др. Шугноу: верхний палеолит на подступах к Памиру: монография. Новосибирск, 2017.

Shun'kov M.V. et al. Paleolithic of the Altai. Brussels, 2001.

то наибольшее количество известных скелетных остатков *Homo erectus* было найдено в Китае и Индонезии. Несмотря на некоторые различия, они составляют достаточно однородную группу. Особо обращает на себя внимание объем головного мозга (1152–1123 куб. см) *Homo erectus*, найденного в китайском уезде Юньсянь. Значительную продвинутость морфологии и культуры этих древних людей, живших около миллиона лет назад, демонстрируют обнаруженные рядом с ними орудия из камня.

Следующее звено в эволюции азиатского *Homo erectus* нашлось в Северном Китае, в пещерах Чжоукоудянь. Здешний предок человека, сходный с яванским питекантропом, был включен в род *Homo* как подвид *Homo erectus pekinensis*. По мнению некоторых антропологов, все эти ископаемые останки ранних и более поздних форм первобытных людей выстраиваются в достаточно непрерывный эволюционный ряд чуть ли не до *Homo sapiens*. Таким образом, можно считать доказанным, что в Восточной и Юго-Восточной Азии на протяжении более миллиона лет шло независимое эволюционное развитие азиатской формы *Homo erectus*. Что, кстати, не исключает возможности миграции сюда небольших по численности популяций из сопредельных регионов и, соответственно, возможности генного обмена. В то же время благодаря процессу дивергенции у самих этих первобытных

людей могли появляться выраженные различия в морфологии. Примером могут служить палеоантропологические находки с острова Ява, которые отличаются от аналогичных китайских находок того же времени: сохраняя базовые черты *Homo erectus*, по ряду характеристик они близки к *Homo sapiens*. В результате в начале верхнего плейстоцена в Восточной и Юго-Восточной Азии на основе местной формы эректусов сформировался гоминин, анатомически близкий к человеку современного физического типа. Подтверждением этого можно считать новые датировки, полученные для китайских палеоантропологических находок с чертами «сапиенса», согласно которым уже сто тысяч лет назад в этом регионе могли обитать люди современного облика.

Первый представитель архаичных людей, ставший известным науке, — это неандерталец (*Homo neanderthalensis*). Обитали неандертальцы преимущественно в Европе, но следы их присутствия обнаружены также на Ближнем Востоке, в Передней и Средней Азии, на юге Сибири. Эти низкорослые коренастые люди, обладавшие большой физической силой и хорошо адаптированные к суровым климатическим условиям северных широт, по объему головного мозга (1400 куб. см) не уступали людям современного физического типа. За полтора столетия, прошедших с момента открытия первых останков неандертальцев, были изучены сотни их стоянок, поселений и захоронений. Оказалось, что эти архаичные люди не только создавали весьма совершенные орудия труда, но и демонстрировали элементы поведения, характерные для *Homo sapiens*. Так, известный археолог академик А. П. Окладников в 1949 году обнаружил в пещере Тешик-Таш (Узбекистан) захоронение неандертальца с возможными следами погребального обряда.

До начала XXI века многие антропологи относили неандертальцев к предковой форме современного человека, однако после анализа митохондриальной ДНК из их останков они стали рассматриваться как тупиковая ветвь. Считалось, что неандертальцы были вытеснены и замещены человеком современного вида — выходцем из Африки. Однако дальнейшие антропологические и генетические

Стоянка Карамы 1

исследования показали, что взаимоотношения неандертальца и человека разумного были далеко не так просты. Согласно последним данным, до 4 % генома современных людей (не африканцев) было заимствовано от *Homo neanderthalensis*. Сейчас нет сомнений, что в пограничных районах обитания этих человеческих популяций происходила не только диффузия культур, но и гибридизации и ассимиляции. Сегодня неандертальца относят уже к сестринской группе современных людей, восстановив его статус «предка человека».

В остальной части Евразии становление верхнего палеолита шло по другому сценарию. Академик А. П. Деревянко и доктор исторических наук М. В. Шуньков прослеживают этот процесс на примере алтайского региона, с которым связаны сенсационные результаты, полученные с помощью палеогенетического анализа антропологических находок из Денисовой пещеры и пещеры А. П. Окладникова. Как упоминалось выше, первоначальное заселение человеком территории Алтая произошло не позднее 800 тысяч лет назад в ходе первой миграционной волны из Африки. Самый верхний горизонт культурных отложений древнейшей в азиатской части России палеолитической стоянки Карама в долине реки Ануй сформировался около 600 тысяч лет назад, а затем в развитии палеолитической культуры на этой территории наступил длительный перерыв. Однако около 280 тысяч лет назад на Алтае появились носители более прогрессивных техник обработки камня, и с этого времени, как показывают полевые исследования, здесь шло непрерывное развитие культуры палеолитического человека. За последнюю четверть века в этом регионе было исследовано около 20 стоянок в пещерах и на склонах горных долин, изучено свыше 70 культурных слоев раннего, среднего и верхнего палеолита. Например, только в Денисовой пещере выделено 13 палеолитических слоев. Наиболее древние находки, относящиеся к раннему этапу среднего палеолита, обнаружены в слое возрастом 282–170 тысяч лет, к среднему палеолиту — 155–50 тысяч лет, к верхнему — 50–20 тысяч лет. Такая длинная и «непрерывная» летопись позволяет проследить динамику изменений каменного инвентаря на протяжении многих десятков тысяч

лет. И оказалось, что процесс этот шел довольно плавно, путем постепенной эволюции, без внешних вмешательств — инноваций.

Археологические данные свидетельствуют, что уже 50–45 тысяч лет назад на Алтае начался период верхнего палеолита, а истоки верхнепалеолитических культурных традиций хорошо прослеживаются на финальном этапе среднего палеолита. Свидетельством этому служат миниатюрные костяные иглы с просверленным ушком, подвески, бусины и другие неутилитарные предметы из кости, поделочного камня и раковин моллюсков, а также по-настоящему уникальные находки — фрагменты браслета и кольцо из камня со следами шлифовки, полировки и сверления. К сожалению, палеолитические местонахождения на Алтае относительно бедны антропологическими материалами. Самые значительные находки — зубы и фрагменты скелетов из двух пещер (Окладникова и Денисовой) — были изучены в Институте эволюционной антропологии имени Макса Планка (Лейпциг, Германия) интернациональным коллективом генетиков под руководством профессора С. Паабо. Палеогенетические исследования подтвердили, что в пещере Окладникова были обнаружены останки неандертальцев. А вот результаты расшифровки митохондриальной, а затем и ядерной ДНК из костных образцов, найденных в Денисовой пещере в культурном слое начальной стадии верхнего палеолита, преподнесли исследователям сюрприз. Оказалось, что речь идет о новом, неизвестном науке ископаемом древнем человеке, который по месту своего обнаружения был назван человеком алтайским (*Homo sapiens altaiensis*), или денисовцем. Геном денисовца отличается от эталонного генома современного африканца на 11,7 % (у неандертальца из пещеры Виндия в Хорватии этот показатель составил 12,2 %). Такая схожесть свидетельствует, что неандертальцы и денисовцы являются сестринскими группами с общим предком, который отделился от магистрального эволюционного ствола человека. Эти две группы разошлись около 640 тысяч лет назад, встав на путь самостоятельного развития. Об этом говорит и тот факт, что неандертальцы имеют общие генетические варианты с современными людьми Евразии, тогда как часть генетиче-

ского материала денисовцев заимствовали меланезийцы и коренные жители Австралии, стоящие особняком от других неафриканских человеческих популяций. При этом, судя по множеству археологических находок, отражающих развитие верхнепалеолитической культуры, денисовцы не только не уступали, а в некотором отношении и превосходили человека современного физического облика, обитавшего в это же время на других территориях.

Итак, в Евразии в период позднего плейстоцена помимо *Homo sapiens* существовали еще как минимум две формы гомининов: неандертальская — в западной части материка, денисовская — на востоке. Учитывая дрейф генов от неандертальцев к евразийцам, а от денисовцев к меланезийцам, можно считать, что обе эти группы приняли участие в формировании человека современного анатомического типа. Принимая во внимание все имеющиеся на сегодня археологические, антропологические и генетические материалы из древнейших местонахождений Африки и Евразии, можно предполагать, что на земном шаре существовало несколько зон, в которых шел самостоятельный процесс эволюции популяций *Homo erectus* и развития технологий обработки камня. Соответственно, в каждой из этих зон складывались свои культурные традиции, свои модели перехода от среднего к верхнему палеолиту.

Таким образом, в основе всей эволюционной последовательности, венцом которой стал человек современного анатомического типа, лежит предковая форма *Homo erectus* (в широком понимании этого термина). Вероятно, в позднем плейстоцене из нее в конечном итоге сформировался человек современного анатомического и генетического вида *Homo sapiens*, включавший четыре формы, которые можно именовать: *Homo sapiens africanensis* (Восточная и Южная Африка), *Homo sapiens neanderthalensis* (Европа), *Homo sapiens orientalis* (Юго-Восточная и Восточная Азия) и *Homo sapiens altaiensis* (Северная и Центральная Азия). Скорее всего, предложение объединить всех этих первобытных людей в единый вид *Homo sapiens* вызовет у многих исследователей сомнения и возражения, однако базируется оно на большом объеме аналитического материала, лишь малая

часть которого приведена выше. Очевидно, не все эти подвиды внесли равноценный вклад в формирование человека современного анатомического типа: наибольшим генетическим разнообразием обладал *Homo sapiens africanensis* и именно он стал основой современного человека. Однако новейшие данные палеогенетических исследований относительно наличия генов неандертальцев и денисовцев в генофонде современного человечества показывают, что и другие группы древних людей не остались в стороне от этого процесса [11–13].

Несмотря на то что описанные здесь процессы происходили достаточно далеко от Урала, есть основание предполагать, что и уральская земля была в русле этих эпохальных событий. Так, при исследовании находок из сборов с бечевника Иртыша близ поселка Байгара выше по течению от Тобольска Тюменской области (что уже не так далеко от Урала) была обнаружена таранная кость человека. Для уточнения датировки находка была исследована радиоуглеродным (AMS) методом во всемирно известной радиоуглеродной лаборатории университета города Тусона (штат Аризона, США). В результате анализа было установлено, что возраст исследуемого образца очень древний для возможностей оборудования этой лаборатории и может определяться только как древнее 40–300 лет назад.

Палеогеографические реконструкции для времени, когда найденная кость принадлежала живому человеку в Нижнем Прииртышье, позволяют выделить наиболее благоприятные для обитания здесь человека отрезки времени: одно из межледниковий (примерно 130–110 тысяч лет назад); возможно, какая-либо из относительно теплых фаз примерно в интервале 100–75 тысяч лет назад; периоды последовавших 50–45 и 42–35 тысяч лет назад потеплений. Для этих периодов по палеоботаническим данным реконструированы лесные или степные и лесостепные ландшафты. Более точно охарактеризовать природные условия во время обитания здесь человека позволяет анализ состава и структуры сопутствующей фауны млекопитающих. Анализ сохранившихся костей (более 2800 экземпляров) показывает, что среди них очень мало остатков видов, связанных с лесной растительностью: лося, гигантского и благородного оленей, бурого медведя.

Отсутствуют такие обитатели лесов, как кабан и косуля. Зато доминируют виды, предпочитавшие открытые и полуоткрытые ландшафты: мамонт, шерстистый носорог, бизон, лошадь; встречаются холодостойкие виды: северный олень, овцебык. То есть комплекс млекопитающих характеризует фауну более холодного климатического периода. Согласно приведенным выше палеоландшафтным реконструкциям, экологическая структура этого комплекса наиболее соответствует степным и лесостепным ландшафтам. Таким образом, с учетом результатов палеоландшафтной реконструкции и полученной радиоуглеродной даты время обитания в Тобольском Прииртышье человека, которому принадлежала обнаруженная кость, может быть ограничено периодом 50–45 тысяч лет назад или, что вероятней, более широким интервалом — 55–40 тысяч лет назад.

Проведенное авторами исследование показало, что человеческая кость из Байгаринского местонахождения принадлежит взрослому мужчине. По морфометрическим характеристикам она существенно отличается от неандертальских таранных костей и очень близка к скелетным элементам палеолитических представителей людей современного физического типа, особенно представителей среднепалеолитического населения, останки которых обнаружены в пещерах Схул и Кавзех в Передней Азии.

Обнаружение следов человеческого присутствия в Урало-Сибирском регионе в палеолите имеет решающее значение для реконструкции заселения этой территории и взаимодействия в ее пределах разных форм древнего человека, а также вносит существенный вклад в понимание распространения человека по земному шару. Следует подчеркнуть важность в этом аспекте Северной Азии — экстремально холодной и значительно удаленной от места происхождения вида *Homo* территории [31].

Природные условия приледниковой зоны. Мамонтовая фауна

Каковы же в целом были природные условия в те революционные времена формирования человека современного типа — *Homo sapiens sapiens* (человека разумного)?

Около 117 тысяч лет назад началась последняя ледниковая эпоха в истории Земли, закончившаяся около 10 тысяч лет назад переходом в современный геологический период — голоцен. Это было самое холодное время за всю историю планеты, причем понижение температур шло по нарастающей с небольшим ослаблением морозов между 50 и 25 тысячами лет назад. Климат в холодные периоды отличался исключительной суровостью, длительными и малоснежными зимами. И хотя ледника на Урале снова практически не было, он распространился восточнее Урала, в бассейн Енисея, до устья Нижней Тунгуски; весь Урал стал зоной вечной мерзлоты. В периоды более теплых межледниковий тундростепь сменялась разнотравными степями. Лесная растительность тяготела к долинам рек и балкам. Среди древесной растительности в равных количествах присутствовали сосна, береза и ель.

Северный олень

Шерстистый носорог

Овцебык

Бизон

Тундростепь — некогда обширная экосистема полярных и приполярных областей Евразии и Северной Америки эпохи позднего палеолита. Во время последнего ледникового максимума тундростепь — мамонтовая степь — была самым большим по площади биомом Земли. В длину она простиралась от современной Испании на восток через всю Евразию до Канады (в тот период Евразия и Северная Америка были соединены посредством Берингии — сухопутного пути на месте нынешнего Берингова пролива), в ширину — от современных арктических островов до Китая. Климат тундростепи был холодный и сухой. В растительном по-

крове преобладали высококалорийные сорта трав и кусты ивы. Они обеспечивали надежную кормовую базу круглый год для большого количества животных мегафауны. Основными травоядными того периода являлись зубры, лошади, шерстистые мамонты. Главной чертой тундростепи было отсутствие лесов и почти полное отсутствие кустарников на огромных площадях. Сухой климат не позволял развиваться деревьям, таким как сосны, ели, березы, дубы. Когда 15 000–11 000 лет назад климат начал постепенно теплеть и увлажнение возросло, степная растительность постепенно сменилась сначала кустарниками, затем 12 900–11 700 лет назад —

лиственными деревьями и после тайгой. Тундростепи находились на окружающих ледник территориях с холодным и сухим климатом. Травяной ярус тундростепи формировали в основном мхи, как в тундре, а злаки. Несмотря на сильные морозы зимой, за короткое жаркое лето в тундростепях успевало отрасти обильное разнотравье высотой до двух метров. Солнечная и сухая осень превращала его в «сено на корню», которым питались мамонты и другие травоядные животные во время долгой зимы.

В горных районах Южного Урала в это время тундровая кустарниковая и травянистая растительность сочеталась с редкими лесами из ели и лиственницы, иногда встречалась сосна, а в предгорьях начиналась лесостепь с лиственничными колками и примесью березы и сосны. На восточном склоне гор Южного Урала были почти безлесные ландшафты с господством полыни и маревых, а также зарослей кустарничковой березы. В более благоприятных условиях произрастали лиственница, сосна и ель. Сочетание таких разных степных, тундровых и лесных видов растительности было обусловлено холодным резко континентальным климатом.

На западном склоне Урала, в предуральской лесостепи и степи, из-за похолодания и усиления континентальности климата, вызванного значительным охлаждением поверхностных вод Северной Атлантики, значительно сократилось количество лесных массивов. На всем пространстве края происходило расширение степных пространств. Растительность Волго-Камья представляла собой сложный комплекс таежных, дубравных, степных, тундровых и болотных элементов, где острова еловых, березово-еловых и сосновых лесов с примесью широколиственных пород (липа, дуб и др.) чередовались с травянистыми растениями типа эфедры, маревых, полыни, злаков. В Поволжье были распространены разреженные леса из сосны с примесью березы и степные виды растительности. Степи располагались как на плато, так и на склонах. В Вятско-Камском крае преобладали открытые травянистые ландшафты с преобладанием сложноцветных, полыней, маревых и злаковых с отдельными лесными массивами из ели, сосны, березы, а в поймах рек — луговой растительности и древесно-кустарниковых зарослей из ивы и березы. В бассейне Белой преобладали лесостепные ландшафты, которые перемежались с сосново-березовыми лесами с примесью ели и единичным участием пихты и липы.

В целом отличительной чертой заключительного этапа палеолита в Восточной Европе, на Урале и в Западной Сибири являлись сильные холода, сопровождавшиеся сильным иссушением климата. Относительно короткие теплые интервалы сменя-

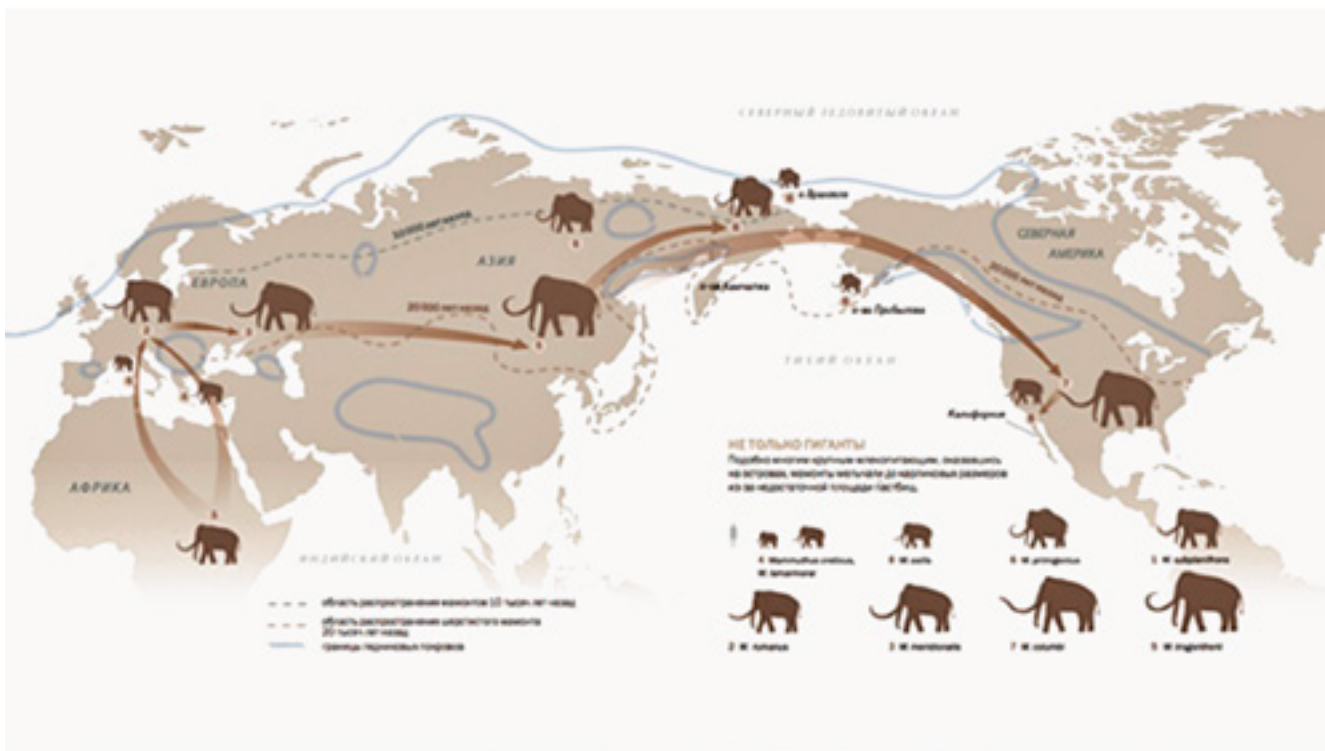
лись длительными периодами суровых похолоданий. Уникальные условия резко континентального климата способствовали возникновению огромной приледниковой зоны Северной Евразии, протянувшейся от Западной Европы до Восточной Сибири.

На территории Восточной Европы, Урала и Западной Сибири не было деления на привычные для нас степь, лесостепь и лес. Вообще, существовавшему тогда ландшафту нет аналогов в современном мире. Это была огромная тундростепь со своеобразной растительностью, составлявшей очень продуктивную кормовую базу для животных так называемой мамонтовой фауны, в которую входили кроме мамонтов шерстистый носорог, северный олень, лошадь, овцебык, бизон, пещерный медведь, сайга, песец и др.

Самым крупным представителем мамонтовой фауны был, конечно, мамонт, обитавший на огромных пространствах тундростепи Европы, Азии и Северной Америки. Он был покрыт густой и очень длинной рыжей шерстью с длиной волос до 70–80 см.

В высоту мамонт достигал 3–3,5 м (до 4 м), в длину 4–4,5 м. Длина бивней была 3,8–4 м, но известны находки и пятиметровых бивней. Вес мамонта достигал 7 тонн. Шерстный покров был мощным, покрывал все тело. На плечах, боках и бедрах мамонта росли кроющие остевые волосы длиной до 1 м и более. Под кроющими волосами находился густой подшерсток длиной 12–16 см. Сбитые в комки остевые волосы и подшерсток служили дополнительной защитой от механических повреждений. Толщина кожи составляла 1,5 см и более. Диаметр ноги равнялся 35–50 см.

Огромные травоядные звери требовали ежедневно 3–4 центнера рыхлой кормовой массы. Ее можно было раздобыть летом только в долинах рек, по окраинам озер и болот — в зарослях тростника или камыша. Вот в таких местах — открытых и заболоченных тундростепных ландшафтах — обитали и паслись мамонты. В тундре и сухой степи современного типа им не было места, так же как и в темнохвойной тайге. Зимой они, вероятно, питались, как и лоси, побегами сосны, лиственницы, ивняка и кустарничковой ольхи, образующих непроходимые заросли в поймах северных рек.

Мамонт и область его распространения

В конце верхнего палеолита территория Южного Урала и Западно-Сибирской равнины была достаточно благоприятна для увеличения популяций мамонтов. Динамика климатических ритмов оказывала влияние на растительные сообщества и, соответственно, на растительный мир. Заболоченные пространства равнины в условиях смещения к югу многолетней мерзлоты становились проходимыми и привлекательными для травоядных и млекопитающих, и в первую очередь мамонтов. Сезонные миграции стад животных в холодных ландшафтах вечной мерзлоты могли существенно повлиять на повышение мобильности групп древних охотников, вынужденных следовать за животными.

Очень интересные результаты дает изучение экологии мамонта. В Западной Сибири отчетливо проявляются солонцы, сформированные за счет различных глин. Активное посещение мамонтами солонцов носило сезонный характер (весна и осень), совпадало с периодами гона, отела и сменной диет животных. Среди необходимых животным микроэлементов особое место занимают Са, Mg, и Na. Их недостаток в организме приводит к экологическому стрессу, болезням и даже гибели. Минеральный голод особенно характерен для ландшафтов тундры и тайги. Учитывая развитие тундровых зон с многолетней мерзлотой позднего палеолита, можно говорить о периодическом минеральном голодании травоядных, особенно мамонтов. По мнению С. В. Лещинского, «нет сомнений в приуроченности миграционных путей травоядных млекопитающих, к “минеральным оазисам”», где в пики минерального голода, по-видимому, скапливались многие десятки и даже сотни животных. Вероятно, на некоторых солонцах смертность была велика, а условия захоронения останков мамонтов были достаточными для образования мощных скоплений костей. Такие местонахождения характерны для Урала и Западной Сибири, где животные могли утолять минеральный голод. Вполне вероятно, что именно особенности экологии мамонта, его уязвимость при минеральном голодании находят отражение в образовании специфических «мамонтных кладбищ» на зверовых солонцах.

Поздний палеолит на Южном Урале

Пещеры

История изучения каменного века на Южном Урале началась очень давно, еще в XVIII веке. И началась она, конечно, с изучения знаменитых уральских пещер, ведь они с глубокой древности привлекали внимание человека. Пещеры сосредоточены двумя группами в южной и северной части основных хребтов Южного Урала. В южной группе первой исследованной и самой знаменитой до сегодняшнего дня является Капова пещера (Шульган-Таш). Впервые в научной литературе она была описана в 1760 году членом-корреспондентом Российской академии наук П. И. Рычковым.

7 января 1760 года им был изучен средний уровень (этаж) пещеры. В ходе осмотра в Купольном зале Каповой пещеры найден человеческий череп — «сухая человеческая голова». В своем сочинении «Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белей, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается», опубликованном в 1760 году, Петр Иванович подробно описывает известные сегодня залы и галереи пещеры. В 1770 году, всего через десять лет, пещеру посетил руководитель одного из отрядов академических экспедиций Российской академии наук И. И. Лепехин.

Физическая экспедиция, организованная Екатериной II, состояла из пяти небольших отрядов — трех, направлявшихся в Оренбургскую губернию, и двух — в Астраханскую. Это была экспедиция академиков. Основным отрядом руководил академик П.-С. Паллас, другие отряды возглавляли академики И. П. Фальк, И. Г. Георги, И. И. Лепехин. Эти отряды должны были изучать Оренбургскую губернию. Иван Иванович Лепехин впервые осмотрел и зафиксировал верхний ярус пещеры. В настоящее время описание второго этажа, сделанное Лепехиным, не соответствует современному состоянию пещеры; вполне возможно, что ученый описывал какие-то другие подземные ходы второго этажа, куда сегодня проникнуть невозможно.

Дальнейшая история пещеры связана уже с современностью. Мощным импульсом к интенсивным

Петр Иванович Рычков (01.10.1712, Вологда — 15.10.1777, Екатеринбург) — географ, историк, экономист, естествоиспытатель, член-корреспондент Петровской АН (1759). Службу начал в 1730 году правителем стекольных заводов в Ямбурге под Петербургом. В 1734 году приступил к работе в составе Оренбургской экспедиции, занимался поначалу правлением канцелярских дел. С 1737 года работал в Оренбургской комиссии под руководством крупнейшего историка и географа В. Н. Татищева. Главными научными трудами П. И. Рычкова, принесшими ему широкую известность, являются «История Оренбургская» и «Топография Оренбургская». В этих трудах собран почерпнутый из различных источников богатый фактический материал по истории народов Южного Урала и прилегающих к нему областей, об их занятиях, быте, взаимоотношениях; обстоятельно освещена деятельность

исследованиям в Каповой пещере послужило открытие в 1959 году зоологом Башкирского государственного заповедника А. В. Рюминым наскальной живописи палеолитического возраста. Это было настоящей сенсацией в научном мире, поскольку бытовало мнение, что палеолитическая живо-

Оренбургской экспедиции; даются справки о строительстве крепостей, переселении русских на Южный Урал и хозяйственном освоении ими этого края, о развитии земледелия, имущественном состоянии и повинностях крестьян. В 1741 году Рычков возглавил Географический департамент, созданный при Оренбургской комиссии. В 1752 году по инициативе П. И. Рычкова группа геодезистов во главе с прапорщиком И. Красильниковым приступила к составлению новой генеральной карты Оренбургской губернии и десяти частных карт. Составление первого атласа края было завершено в 1755 году. В качестве пояснительной записки к атласу Рычков подготовил капитальный труд «Топография Оренбургская» (первая часть вышла в 1755 году, вторая — в 1760-м). В 1762 году труд издавался в академическом журнале в Санкт-Петербурге. Получил высокую оценку М. В. Ломоносова, русских ученых, академиков П.-С. Палласа, Г. Ф. Миллера. «Топография Оренбургская» имела большое значение для географической науки. Она являлась трудом, намного опередившим свое время; в русской и мировой географической литературе долгое время не было подобных работ. Труд П. И. Рычкова до сих пор не утратил своего историко-географического значения.

Иван Иванович Лепехин [10(21).09.1740, Санкт-Петербург — 06(18).04.1802] — российский путешественник, естествоиспытатель и лексикограф, академик Петербургской императорской академии наук (1771). Сын солдата Семеновского полка. По прошению отца и соответствующему указу Правительствующего сената был определен в 1751 году в Академическую гимназию. За показанные в науках успехи в 1760 году был произведен в студенты при академии. В 1762 году выехал из Петербурга в Страсбургский университет. Здесь получил степень доктора медицины. 23 мая 1768 года единогласно избран адъюнктом Академии наук.

пись, изображавшая животных мамонтовой фауны в глубине пещер, существовала только во Франции и Испании и более нигде. Если раньше пещеру воспринимали как природный феномен, то теперь она стала выдающимся объектом археологического, исторического и культурного наследия мирового уровня.

Вместе с П.-С. Палласом участвовал в академических экспедициях 1768 года, обследовавших Западную и Восточную Сибирь, Урал, Заволжье, Прибалтику и Белоруссию. Через Москву, Владимир, Муром, Арзамас И. И. Лепехин выехал к Волге близ Симбирска, затем двинулся по берегу вниз, был в Астрахани, затем направился в оренбургские степи, отсюда поднялся к северу по области Уральского хребта, заезжая отчасти и в Сибирь; потом по бассейну Вычегды выехал к Северной Двине, проехал в Архангельск, объехал побережье океана, отсюда через Олонецкий край — в Петербург, куда прибыл 24 декабря 1772 года. В марте 1773 года выехал в Псковскую и Могилевскую губернии, откуда возвратился в конце того же года. Так что всего провел в путешествии пять с половиной лет. По результатам экспедиций подготовил труд «Дневные записки доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1763–1772 гг.». Еще во время экспедиции в апреле 1771 года был избран академиком по естественным наукам.

Отто Николаевич Бадер (29.06.1903, с. Александровское Гадячского уезда Полтавской губернии — 02.04.1979, Москва) — советский археолог, видный специалист по каменному и бронзовому векам, создатель пермской школы археологии. Учился в гимназии в г. Белый (Смоленская губерния), где, в частности, организовал первое в городе краеведческое общество, которое представлял на 1-м Всероссийском съезде краеведения (1924). В 1926 окончил археологи-

ческое отделение факультета общественных наук 1-го МГУ. Ученик Б. С. Жукова. С 1924 года заведующий археологическим разделом Музея центральной промышленной области в Москве, в 1927–1930 годах специалист-археолог в музейном отделе Главнауки Наркомата просвещения. Участвовал в организации археологических разделов в ряде областных музеев. В 1926–1941 годах научный сотрудник, с 1931 года ученый секретарь Института и Музея антропологии МГУ, ученый секретарь «Антропологического журнала». В 1933–1941 годах научный сотрудник, с 1937 года ученый секретарь Института материальной культуры (МОГАИМК, ныне Институт археологии РАН). В 1937 году О. Н. Бадеру была присуждена степень кандидата исторических наук. В 1936–1939 годах он вел курс археологии на Высших музейных курсах, являлся председателем

Археологической комиссии Московского научно-исследовательского бюро краеведения и Комиссии по истории Москвы, с середины 1930-х годов — постоянный член Четвертичной комиссии. Одновременно участвовал в экспедициях, открыл и исследовал большое количество мезолитических и неолитических стоянок. С началом Великой Отечественной войны ушел на фронт в составе ополчения МГУ, но в конце 1941 года был отозван с фронта как этнический немец и направлен в Нижний Тагил в трудовую армию. С 1944 года работал в штате Тагильского краеведческого музея. В 1946–1955 годах доцент историко-филологического факультета Пермского государственного университета им. А. М. Горького. Возглавлял Камскую и Воткинскую археологическую экспедиции, исследовал настенные росписи в Каповой пещере. Разработал периодизацию каменного, бронзового и раннего

железного века Приуралья. С 1957 года систематически работал на палеолитической стоянке Сунгирь, где нашел знаменитые погребения. В 1966–1972 годах заместитель председателя Научно-методического совета по охране памятников истории и культуры при Министерстве культуры СССР, руководитель его археологической комиссии. Член Четвертичной комиссии отделения наук о земле АН СССР и советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA), Комиссии по изучению геологии и географии карста АН СССР, Уральской археологической комиссии, член редколлегии журнала «Советская археология». Автор более 400 научных публикаций, в том числе 12 монографий. Член Итальянского института предьистории, Общества доисторической археологии Франции.

О. Н. Бадер. «Каповая пещера. Палеолитическая живопись»

Капова пещера

В 1960 году специальную экспедицию Института археологии АН СССР возглавил один из основных исследователей палеолита в стране Отто Николаевич Бадер.

Работы в пещере велись в двух направлениях: изучение палеолитических рисунков и поиски остатков материальной культуры этого времени в культурных слоях. Исследования продолжались вплоть до смерти Отто Николаевича в 1979 году. В ходе работы экспедиции было выявлено более трех десятков рисунков, сделанных красной охрой и сохранившихся на среднем и верхнем ярусах пещеры. Часть рисунков была открыта после механической расчистки кальцитовых натечков на стенах. Изображения представляют собой образы животных эпохи позднего палеолита (мамонтной фауны) — мамонтов, лошадей, носорогов, бизонов, — а также геометрические знаки. Обнаружен и единичный загадочный рисунок — фантастическое существо, сочетающее в себе черты и человека, и животного. В раскопах и шурфах, расположенных у стен залов, непосредственно под рисунками, были обнаружены единичные угольки, обломки костей, но культурный слой так и не был открыт. По итогам исследований О. Н. Бадер издал книгу «Каповая пещера. Палеолитическая живопись» и ряд научных и научно-популярных статей. После ухода из жизни О. Н. Бадера исследования в пещере прекратились. Возникли проблемы и с сохранностью рисунков. Было решено полностью закрыть пещеру для посещения туристами.

Следующий этап изучения пещеры был связан с работой в 1982–1991 годах Южно-Уральской палеолитической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством известного ленинградского археолога Вячеслава Евгеньевича Щелинского.

Учеными было выявлено уже более 50 разнотипных красочных изображений, расположенных на среднем и верхнем уровнях пещеры на расстоянии от 170 до 300 м от входа. Исключительно важным для науки было обнаружение в 150 м от входа, в зале Знаков, культурного слоя, который сохранился в северо-западной части зала и залегал в толще рыхлых отложений на глубине около 50 см. Площадь раскопа была небольшой — 68 кв. м,

Вячеслав Евгеньевич Щелинский (р. 27.11.1939, Архангельск) — доктор исторических наук. Окончил исторический факультет Ростовского-на-Дону государственного университета (1965). Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Производственные функции мустьверских орудий (по данным экспериментального и трасологического изучения)» (1974), докторскую «Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита (по материалам Кавказа, Крыма и Русской равнины)» (1995). Научные интересы: археология, технологии, трасология, хозяйство, культурные традиции палеолита. С 1968 года трудился в Ленинградском отделении Института археологии (ЛОИА) АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры (ИИМК) РАН). Заведующий экспериментально-трасологической лабораторией. Член ученого и диссертационного советов

ИИМК РАН. С 1969 года участвовал в экспедициях по Северо-Западному Кавказу, Южному Уралу, Тамани. Был начальником Предкавказской (1979–2002) и Южно-Уральской (1982–1993) палеолитических экспедиций ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН. С 2009 года начальник Приазовской палеолитической экспедиции ИИМК РАН. Автор свыше 130 научных публикаций.

Основные публикации:
Щелинский В. Е., Коробкова Г. Ф. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб. : ИИМК РАН, 1996.

Щелинский В. Е., Праслов Н. Д. Верхнепалеолитическое поселение Золотовка I на Нижнем Дону. СПб. : ИИМК РАН, 1996.

Щелинский В. Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 1996.

Щелинский В. Е., Кулаков С. А. Ильская мустьверская стоянка (раскопки 1920-х — 1930-х годов). СПб. : Европ. дом, 2005.

Щелинский В. Е. Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа). СПб. : Европ. дом, 2007.

Shchelinskiy V.E., Shirokov V.N. Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Jgnatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. Sigmaringen : Thorbecke Verlag, 1999.

однако главным являлось то, что были получены материальные свидетельства пребывания здесь человека в палеолитическое время. Радиоуглеродные даты, полученные для культурного слоя, окончательно подтвердили, что рисунки были сделаны в эпоху верхнего палеолита. В 1991 году экспедиция прекратила работу, поскольку в связи с развалом СССР очень многие научные проекты перестали финансироваться.

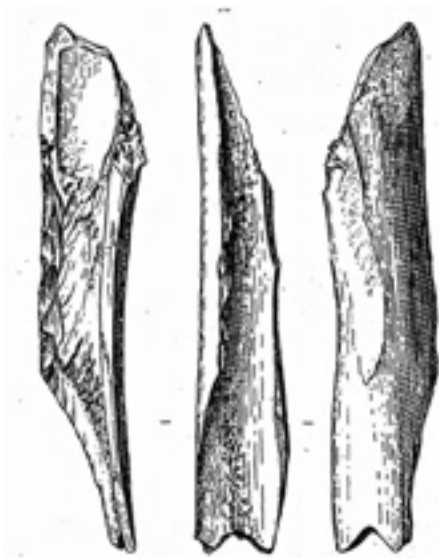
Работы в пещере продолжились спустя довольно много времени. Археологические исследования 2004–2005 годов проводились Т. И. Щербаковой в зале Рисунков, на месте грабительских раскопок. В рамках экспедиции оценку состояния настенных изображений в 2004 году дали французские исследователи-реставраторы Ж. Брюне и Ф. Малоран. Осенью 2008 года археологические работы в Ступенчатой галерее, на месте незаконного вскрытия рыхлых отложений (в процессе установки трапов для туристов), были обнаружены культурные остатки, изучением которых занимался кандидат исторических наук В. Г. Котов.

В декабре 2008 года Южно-Уральской археологической экспедицией МГУ под руководством В. С. Житенева были проведены археологические наблюдения в пещере. Работы под руководством этого исследователя продолжаются в настоящее время.

Пещера Шульган-Таш (Капова). Пещера расположена в Бурзянском районе Республики Башкортостан, на правом берегу реки Белой, в живописной местности, в зоне кряжа в южной части Уральских гор. Культурный слой верхнего палеолита, обнаруженный экспедицией В. Е. Щелинского, расположен на среднем ярусе в глубине пещеры, в 200 м от входа, в обширном зале Знаков. Площадь раскопа 68 кв. м. Это практически все, что сохранилось, поскольку остальная часть культурного слоя полностью уничтожена водой. Первоначальную площадь стоянки древнего человека установить не удалось.

Культурный слой сохранился в северо-западной части зала в толще рыхлых отложений на глубине 0,5 м. Максимальная толщина его 10–12 см, хотя в ряде мест она составляет всего 2–3 см. Слой с остатками деятельности людей представляет собой неоднородно окрашенный серый и темно-серый суглинок, местами красноватый от рассеянной охры и обжига и повсеместно насыщенный древесным углем. В суглинке много дресвы, мелких обломков сталагмитов и сталактитов, остроугольной щебенки и местами глыб известняка. Найдены также залежавшие без определенной системы истлевшие органические остатки. Здесь же зафиксирована глыба, которая, как считает В. Е. Щелинский, отвалилась от стены, с фрагментом реалистического рисунка какого-то животного (мамонта?). Каких-либо сооружений или концентраций археологического материала в культурном

Костяной нож
из культурного
слоя Каповой
пещеры

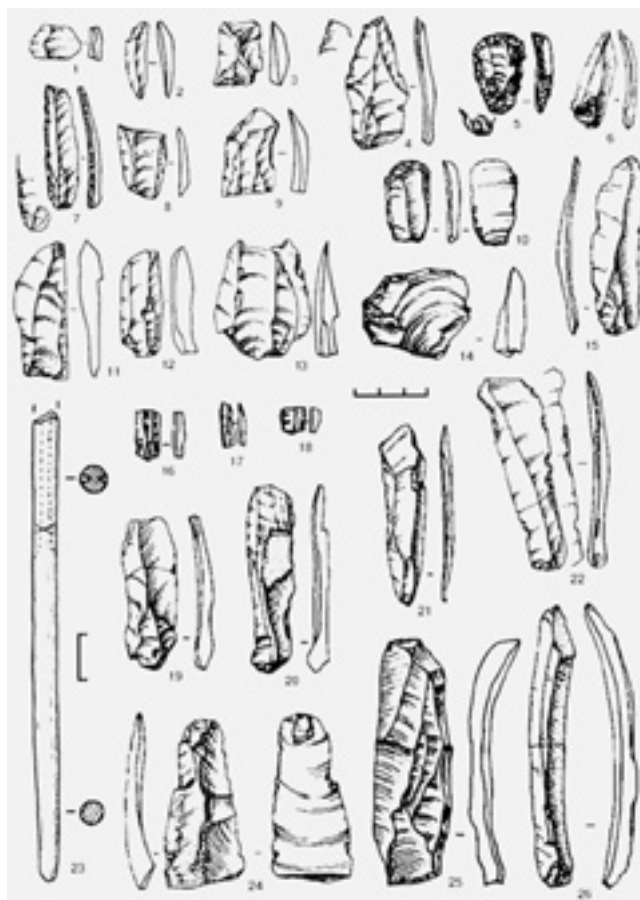

Каменные орудия из Каповой пещеры. Фото В. Г. Котова

слое не обнаружено, кроме несколько кострищ. Одно из них, приуроченное к западине в полу, было диаметром около 1 м, другие — более мелкие по размерам. Очень интересной находкой являются кусочки охры — своеобразные «карандаши», которыми, вполне возможно, на стены пещеры наносились рисунки.

Артефакты и остатки сохранившихся костей размещались как у кострищ, так и в отдалении от них. В коллекции предметов со стоянки насчитывается 193 экз., однако 120 из них — это сколы известняка и кальцита без обработки и следов использования. В качестве сырья для изготовления основного комплекса орудий использовались кремнистая порода сероватых оттенков и зеленовато-коричневая яшма, которые происходят, вероятнее всего, из Магнитогорско-Тагильской зоны Южного Зауралья. Технология расщепления пластинчатая. Пластины представлены сечениями длиной от 1,3 до 6,5 см. Целые пластины немного крупнее, у большинства отмечается неправильная огранка, края изделий извилистые. Орудия со вторичной обработкой (их 18 экз.): острие, два концевых скребка, орудие с резцовым сколом, орудие с клювовидной рабочей частью, две пластины с обработанным концом, выемчатое орудие, два зубчатых орудия, две пластины с ретушью, отщеп с ретушью, три пластинки с притупленной спинкой, образованной вертикальной ретушью, сечение со спинкой, образованной крутой ретушью, и вогнутым усечением проксимального конца, одно сечение мелкой пластинки обработано мельчайшей краевой ретушью. Среди орудий из галек выделяется крупный чоппинг длиной около 13 см. Функционально-трассологический анализ изделий из камня показал большой процент изношенных от использования в работе орудий, причем не только изделий со вторичной обработкой, но и сколов без ретуши. Орудия из кости представлены небольшим шилом с острием, подработанным ретушью, и крупным ножом длиной 21 см из обломков трубчатых костей с оббитым и ретушированным лезвием. К очень редким находкам относятся обломки костяных игл.

В культурном слое найдены также редкие для того времени украшения в виде бусин и подвесок. Бусины (четыре экземпляра) боченковидной

Каменный и костяной инвентарь. Стоянка в пещере Шульган-Таш (Каповой). 1–3, 6, 8–9, 11–13, 15–16, 18–21, 24–26 — пластины; 4 — пластина с обработанным концом; 5, 10 — концевые скребки; 7 — острие типа граветт; 14 — зубчатое орудие; 17 — пластинка с ретушью; 22 — выемчатое орудие; 23 — орудие из кости

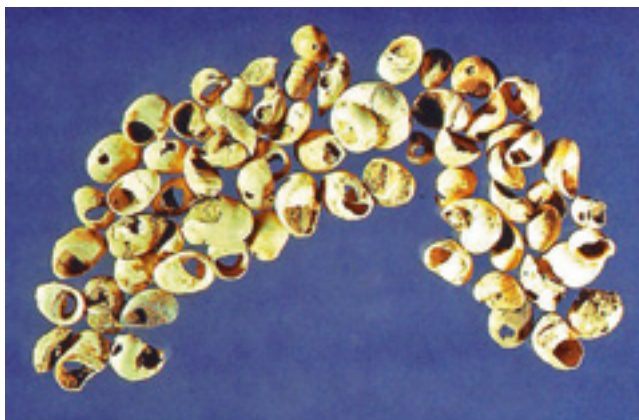
Костяные иглы из Каповой пещеры. Фото В. Г. Котова

формы, длиной менее 1 см, просверлены с двух сторон и изготовлены из мягкого камня — желтовато-зеленоватого благородного серпентинита. Две подвески выполнены из тонких пластинок кости или бивня мамонта, округлой формы, диаметром 0,6 и 0,9 см, с прорезанным отверстием. Еще одна подвеска — из плоской галечки сланцеватой породы, со сверленным с двух сторон отверстием. Встречены также многочисленные маленькие раковины ископаемых моллюсков из Прикаспия с проткнутым отверстием.

Кроме отмеченных находок рядом с одним из кострищ был обнаружен уникальный предмет — жировая лампа из обожженной глины. К сожалению, сохранилась только нижняя часть изделия, что не позволяет полностью реконструировать его в первоначальном виде. Чашечка имеет округлую форму и выпуклое донце. Диаметр ее 6 см, высота около 2 см. Стенки толщиной 5–6 мм. Судя по трехслойной окраске стенок в разрезе, изделие было слабо обожжено с обеих сторон. Оно могло быть жировой лампой. Вместе с тем нельзя исключить и того, что это фрагмент чашечки для разведения краски [39].

Спорово-пыльцевой анализ выявил пыльцу древесных пород (30 %), травяно-кустарничковых растений (66 %), споры (4 %). Среди пыльцы древесных пород определены плохо развитая пыльца ели, сосны обыкновенной, березы кустарниковой, лиственницы и можжевельника. В составе пыльцы травяно-кустарничковых растений выявлены пыльца астровых, злаков, осок, цикориевых, ириса, неопределимых травянистых, подорожника ланцетолистного. Обнаружены также споры сфагновых мхов и, что особенно важно, плауна сибирского. Данный палинологический комплекс указывает на то, что в период формирования культурного слоя климат был суровым. Среди малочисленных остеологических находок — обломок бивня мамонта, кости пещерного медведя, зайца-беляка, лисицы, песца, сурка, пищухи, тушканчика, копытного лемминга и других мелких грызунов. Наличие костей песца и копытного лемминга указывает на тундровые условия времени образования культурного слоя — одной из заключительных фаз последнего оледенения на позднем этапе верхнего палео-

Глиняная чашечка
из Каповой пещеры

Украшения
из Каповой пещеры

лита. По древесному углю из культурного слоя были получены следующие даты: 14 680 ± 150 лет назад (ЛЕ-3443), 13 930 ± 300 лет назад (ГИН-4853), 15 050 ± 100 лет назад (KN5022), 16 010 ± 100 лет назад (KN5023).

Своеобразные черты археологических остатков в пещере могут свидетельствовать о том, что люди верхнего палеолита не жили здесь постоянно, а лишь приходили сюда для совершения определенных обрядов, поскольку живопись пещеры (о которой речь пойдет ниже) являлась составной частью древнего святилища.

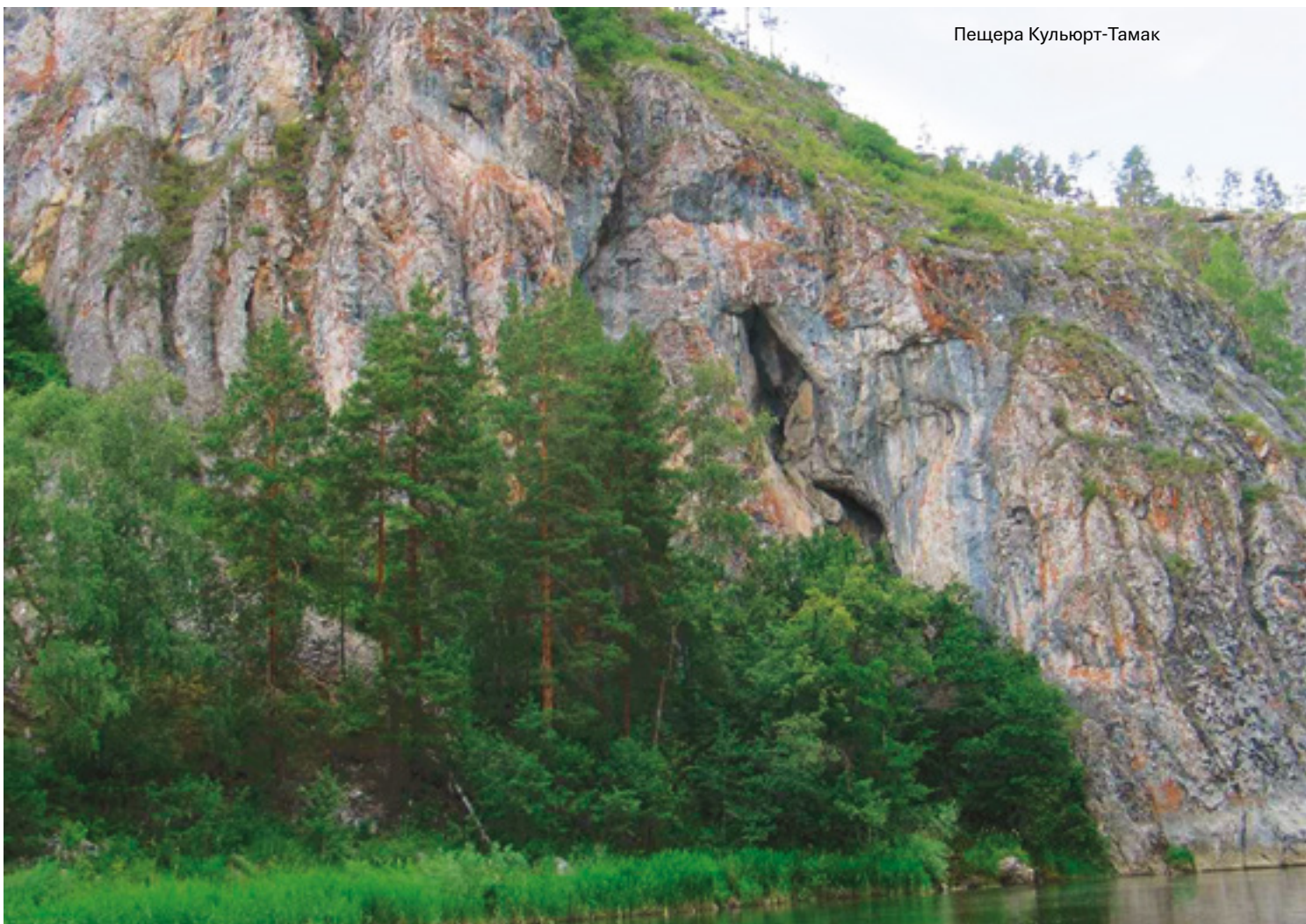
В южной части основных хребтов Южного Урала было исследовано еще несколько интересных пещерных стоянок палеолитического времени.

Пещера Кульюрт-Тамак находится в Бурзянском районе Республики Башкортостан, на правом берегу реки Белой, примерно в 1 км ниже по течению от Каповой пещеры и в приустьевой части одноименного ущелья, в его левом борту, на высоте 30 м от дна каньона и на 40 м выше уровня Белой.

Начало исследованию пещеры положил О. Н. Бадер, который в 1961 году заложил в привходовом гроте два шурфа размерами 2×2 м. В первом шурфе был обнаружен конец бивня мамонта, во втором — только сломанные кости. В траншее соседнего с пещерой Большого навеса также нашлись только раздробленные кости. В 1965 году краевед А. П. Шо-

куров прирезал к первому шурфу раскоп в 4 кв. м и обнаружил кострище диаметром 1,5 м, восемь отщепов и кремневую пластинку, а также кусочки охры и мелкие кости. В 1968 году А. П. Шокуров продолжил работу на раскопе, заложив траншеей размером 2×4...5 м, но никаких находок им не было зафиксировано. В 1971 году студентка Башкирского государственного университета Н. Климович расширила площадь раскопа 1965 года еще на 16 кв. м и нашла кремневый скребок, угольки и обломки костей. В 1973 году О. Н. Бадер провел дополнительные исследования, но информации о их результатах не сохранилось. Таким образом, в общей сложности была вскрыта площадка в 37 кв. м, где обнаружено 14 кремневых предметов (к настоящему времени часть их утеряна). В 1987–1988 годах П. Е. Нехорошев произвел в пещере новые раскопы и доисследовал раскопы О. Н. Бадера.

В 1987–1988 годах членами экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР под руководством П. Е. Нехорошева было вскрыто 4 кв. м не потревоженного участка и доисследовано 20 кв. м пола старого раскопа.

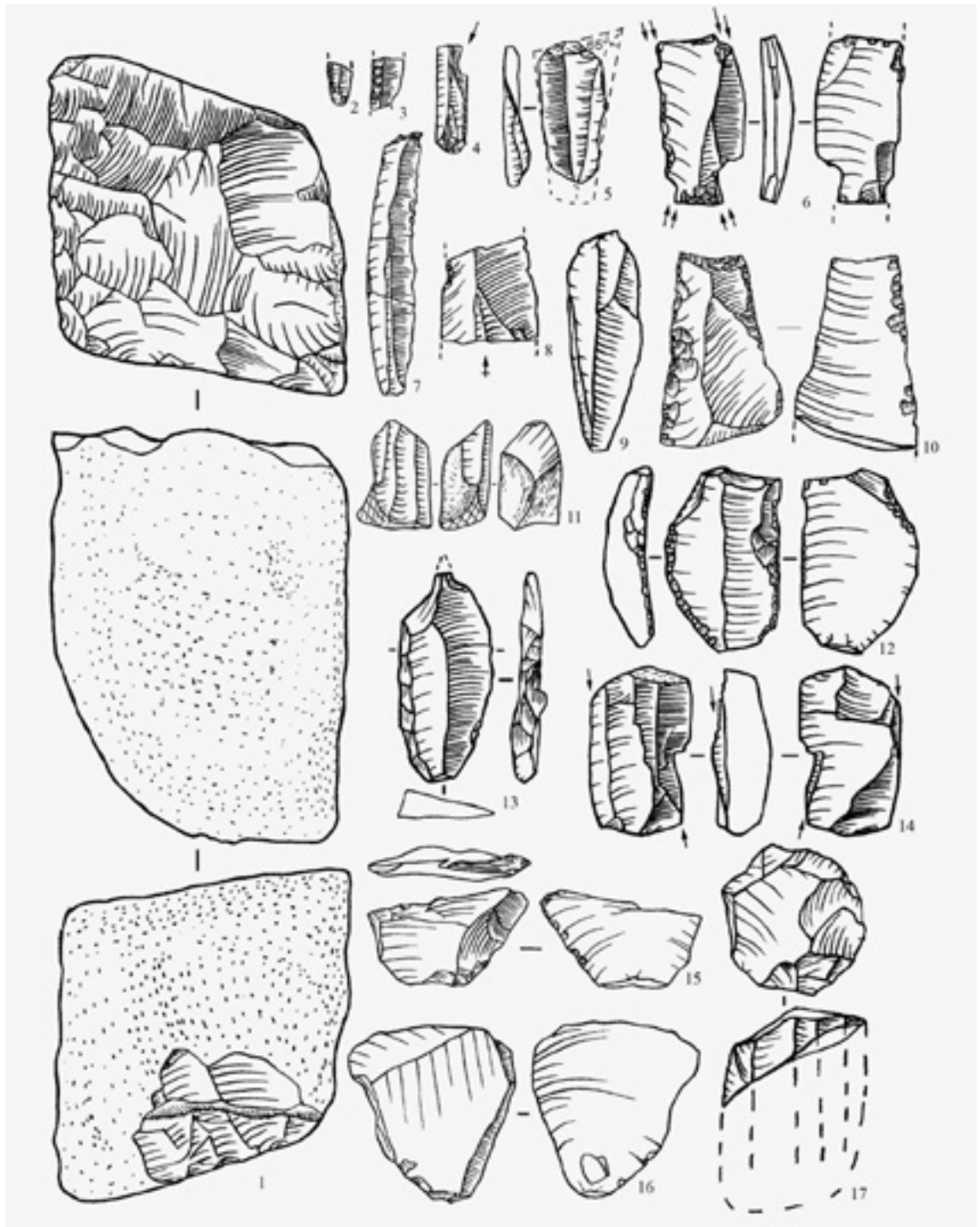

Пещера Кульюрт-Тамак

Стратиграфический шурф, который был доведен до глубины 5,7 м, выявил 12 слоев, из которых слои 5–10 представлялись единой пачкой слоев светло-коричневого суглинка, различающихся заполнителем. Культурный слой мощностью до 60 см залегал в нижней половине слоя 5 на глубине от 1 до 2,5 м от современной неровной поверхности пола пещеры, с заметным наклоном к югу, немного

выделяясь сероватым оттенком и зольными пятнами. Культурный слой включал прослойку светло-коричневого суглинка, насыщенного дресвой и щебнем. Это позволило выделить три горизонта культурного слоя. В целом культурный слой не был потревожен, а расположенные на разных уровнях зольные пятна свидетельствовали о неоднократном посещении пещеры человеком.

Каменный инвентарь. Стоянка Кульюрт-Тамак.
1 — пренуклеус; 2–3 — пластинки с ретушью; 4, 6, 14 — резцы; 5 — долото-видное орудие; 7 — пластина с шипом; 8 — фрагмент пластины с выемкой; 9 — пластина; 10 — пластина с усеченным концом; 11 — обломок нуклеуса; 12 — отщеп с ретушью; 13 — проколка; 15–16 — отщепы; 17 — поперечный скол с нуклеуса

Сырьем для изготовления орудий служили кремнистые породы черных, коричневых, серых и зеленоватых цветов и оттенков из Южного Зауралья, а также кварцит и кварцитовидный песчаник сиреневого, красноватого и светло-коричневого цвета. Коллекция каменных изделий включает 348 экз.: нуклеус (призматический, укороченных пропорций, сильно сработанный); нуклеидные изделия (сильно трещиноватые кварцитовые гальки, оббитые с одного торца, возможно, пренуклеусы с подготовленной площадкой); 11 пластин (десять изготовлено из кремнистых пород, одна — из песчаника; две пластины целые, остальные представлены сечениями); 39 микропластинок (все из кремнистых пород, неправильных очертаний); пластина с мелкой нерегулярной чередующейся по обоим краям ретушью; 14 микропластинок с ретушью (все из кремнистых пород, среди них 7 экз. с притупленным краем, 6 с косоусеченным ретушью концом); 7 резцов (все угловые на пластинах); 4 пластины с усеченным ретушью концом; 2 долотовидных орудия. В единичных экземплярах представлены: проколка на пластине; орудие с «шипом», выделенным ретушью на дистальном конце пластины; комбинированное орудие; «клювовидное» орудие (укороченная пластина с «клювом», выделенным ретушью на правом дистальном углу); фрагмент пластины с маленькой ретушированной выемкой. Кроме того, в коллекции содержатся 8 отщепов и осколков с ретушью, а также 20 отщепов, 5 осколков, 220 мелких отщепов и чешуек, 6 галечек без видимых следов использования.

В культурном слое были найдены также угольки, крупинки охры и плохо сохранившиеся остатки костей, принадлежавших мамонту, носорогу, пещерному льву, бизону, песцу, копытному леммингу, зайцу, сурку, суслику, тушканчику, слепушонке, красной полевке, пищухе, степной пеструшке, узкочерепной полевке, полевке-экономке, которые входили в состав мамонтовой фауны позднего палеолита, что и было подтверждено радиоуглеродными датами. По древесному углю были получены две радиоуглеродные даты: 14 920±660 (ЛЕ-4350), 15 870±390 (ЛЕ-3350).

Вероятнее всего, пещера Кульюрт-Тамак в позднем палеолите служила коллективам древних лю-

дей временным охотничьим лагерем, который посещался много раз на протяжении длительного времени. Здесь изготавливали, а большей частью ремонтировали охотничье снаряжение: меняли микропластинки-вкладыши на вкладышевых орудиях, делали из сухожилий крепежный материал [20].

Пещера Байсланташ расположена в Мелеузовском районе Республики Башкортостан, на правом берегу реки Белой, в 1 км к западу от хутора Актуба. По информации И. И. Лепехина, свое название пещера получила по имени башкирского сотника Байслана, который во время бунта 1745 года прятал в ней свою семью и скот. В 1961–1962 годах пещера обследовалась А. П. Шокуровым и Г. Н. Матюшиным, в 1993 году осмотрена Ю. А. Морозовым. В 1999–2003 годах раскопки производились уфимским археологом, кандидатом исторических наук В. Г. Котовым. Им был вскрыт участок площадью 70 кв. м на глубину 6 м.

Культурный слой верхнего палеолита залегал вдоль южной стенки пещеры полосой шириной в 2–3 м и мощностью от 1 до 2 м. Из костных остатков животных того времени сохранились только отдельные кости бизона и фрагменты бивня мамонта. По данным их радиоуглеродного анализа, культурный слой сформировался 13 560 ± 250 лет назад.

Коллекция, полученная при раскопках, включает 1384 предмета из камня и кости. Для изготовления каменных орудий чаще всего использовались местные кремнистые породы черного цвета (фтаниты), серые и зеленовато-серые кремнистые породы (фтанитоиды), зелено-красная и красная яшмы из Южного Зауралья, реже халцедоны и др. Поскольку черный кремь обладает невысокой способностью к расщеплению, большая часть пластин и орудий из них выполнены из зауральского кремня и яшмы.

Пластинки скалывались с нуклеусов различной формы (19 экз.). Пластин собрано 130 экз., большая их часть имеет ширину более 1 см, но есть и микропластинки шириной до 0,7 см, в том числе с притупленным ретушью краем и геометрической формы, для которых характерны правильные очертания. Среди орудий из кремнистых пород преобладают

резцы (61 экз.) различных типов: на углу сломанной пластинки, боковые с ретушированным торцовым краем, с несколькими резцовыми сколами и др. Скребки (26 экз.) изготовлены на массивных пластинчатых сколах и имеют рабочие лезвия различной конфигурации: округлые, прямые, скошенные и др. Скребла (12 экз.) с прямыми и выпуклыми лезвиями. К остриям отнесены изделия с выделенной обработкой шипом, отщепы с острием «клювовидной» формы и т. п. Кроме того, в коллекции содержатся отбойники и ретушеры, преимущественно из кварцитовых галек, а также наковальня из крупной кварцитовой гальки, предназначенные для обработки каменных орудий. Найдены также пластины и отщепы с ретушью, галечное орудие, 13 изделий из кости, три украшения из кости, кварцитовая галечка с отверстием («куриный бог»).

Набор орудий и отходов от их изготовления, характер формирования культурного слоя, а также очень небольшое количество костей животных позволяют предположить, что в данном месте была охотничья стоянка, которая посещалась древними людьми неоднократно в течение длительного времени. Более всего коллекция предметов из пещеры Байсланташ находит сходство с материалами, добытыми из пещер Кульюрт-Тамак и Игнatieвской. Близки они и по времени их посещения — около 13 тысяч лет назад. Материалы из ближайшей Каповой пещеры, хотя и имеют многие сходные черты, несколько отличаются, что можно объяснить большей древностью Каповой пещеры [17].

Пещера Байсланташ.
Фото В. Г. Котова

Вячеслав Георгиевич Котов (р. 24.08.1961, Минск, Белорусская ССР). Окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета (1988). С 1989 года преподавал в Ульяновском политехническом институте. С 1992 года сотрудник отдела археологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Круг научных интересов: материальная и духовная культура древнего населения Южного Урала в каменном веке. Исследовал древнейшие памятники: стоянки Кызыл-Яр 2, Карышкино-11, Новобелокатайская, Иманай-1, Сергеевка-1, Байсланташ и др.,

а также святилища в пещерах Шульган-Таш (Каповая), Игнatieвская, Кисилевская, Жемчужная, Заповедная, Неолитовая и др. В 1999 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Хтоническая мифология населения Южного Урала». Автор более 200 публикаций, в том числе пяти монографий.

Основные публикации:
Котов В. Г. Мифология Южного Урала : (К вопросу о реконструкции хтонических культов). Уфа, 1997.

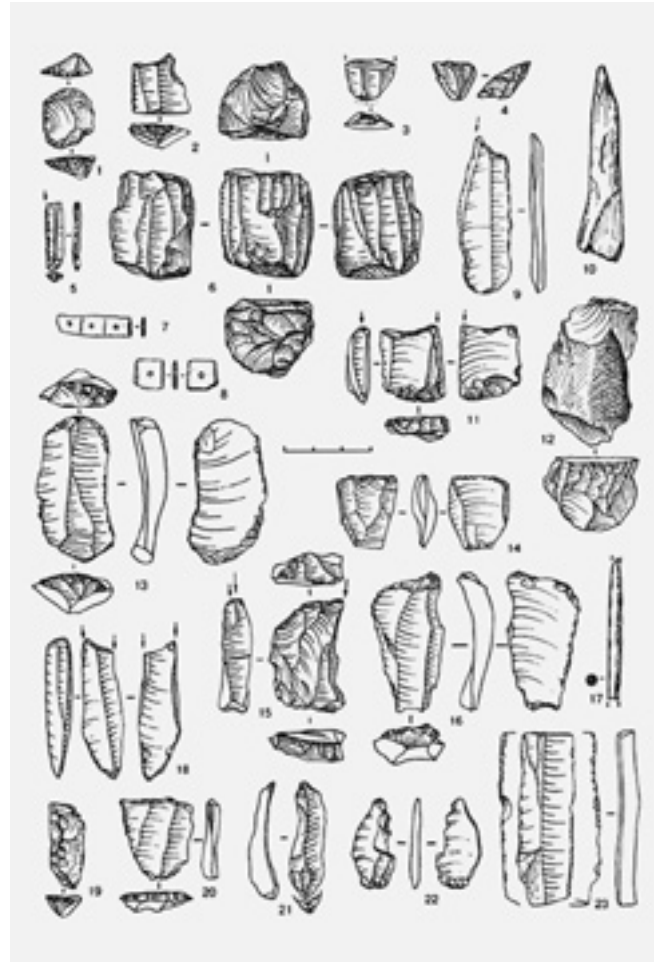
Котов В. Г. Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. Уфа, 2006.

Котов В. Г. и др. История башкирского народа : в 7 т. Т. 1. СПб., 2009.

Котов В. Г. Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая) как объект всемирного наследия // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения) : материалы междунар. конф., г. Кемерово, 19–21 окт. 2016 г. Кемерово, 2016. С. 230–239.

Котов В. Г. и др. Древности Башкирского Урала : монография. Уфа, 2018.

Пещера Мурадымовская I расположена на правом берегу реки Большой Ик, на высоте 102 м над уровнем реки, в трех км выше по течению от деревни Юлдыбаево 3-е (Мурадымово). Пещера коридорного типа, ее общая длина 69,3 м. Впервые обследовалась в 1942 году геологом Н. А. Преображенским, который заложил здесь шурф и обнаружил скребок. В 1948 году по поручению О. Н. Бадера пещеру обследовал студент Павлодарского государственного университета И. С. Захоржевский, обнаруживший в шурфе кремневую пластину. В 1960 и 1976 годах в пещере на площади 55,5 кв. м вел раскопки О. Н. Бадер. На глубине 1,6 и 2 м им были зафиксированы очажные линзы. В ходе исследований было найдено 17 каменных изделий: две

Каменный инвентарь. Пещера Байсланташ. 1, 2, 12, 13, 19, 20 — скребки; 3 — пластина; 4 — вторичный нуклеус; 5, 9, 11, 15, 18 — резцы;

6 — нуклеус; 7, 8 — заготовки для украшений из бивня мамонта; 14 — долотовидное орудие; 16, 21 — острия; 10, 17 — орудия из кости

пластины с нерегулярной ретушью, одна пластина с ретушью, три отщепы с ретушью, боковой резец на первичном сколе с кремневой гальки, нуклеидное изделие и немногочисленные фрагменты костей животных, большей частью неопределимых. Все изделия характерны для верхнего палеолита.

Пещера Мурадымовская II расположена по соседству, но начинается небольшим аркообразным входом. За ним тянется извилистый коридор, который через 60 м приводит в высокий зал, где на правой стене изображены 11 фигур, названных антропоморфными. Рисунки были открыты в 1984 году спелеологом-любителем Федотовым и осмотрены Р. Г. Кузеевым и А. Х. Пшеничнюком. В 2009 году В. Г. Котовым произведены раскопки

вблизи рисунков. Он сообщил о двух культурных слоях, содержащих изделия из камня, охру, угли, расколотые и целые кости животных.

Грот Максютковский расположен на правом берегу реки Белой, в 2 км ниже по течению от деревни Максютово Бурзянского района Республики Башкортостан. Вход ориентирован на юг, высота его около 18 м, ширина 5 м. Глубина грота 16 м. В 2003 году В. Г. Котовым был изучен культурный слой эпохи палеолита мощностью 1 м на площади около 5 кв. м. В ходе раскопок обнаружены многочисленные кости плейстоценовых животных: бизона, носорога, сурка, лошади, благородного оленя. Кроме костей найдены угольки и каменные изделия. Автор раскопок выделяет мустьерский остроконечник из яшмы, серию отбойников и ретушеров из кварцитовых галек, а также многочисленные

сколы из известняка и, возможно, орудия, которые большей частью определяются по следам сработанности рабочих участков. Предположительный возраст культурных остатков 40–30 тысяч лет. Радиоуглеродный анализ костей дал абсолютную дату $15\,650 \pm 150$ (СОАН-7755).

Северо-восточнее группы описанных пещер были исследованы еще две пещеры — **Смеловская I** и **Смеловская II**, расположенные на левом берегу реки Малый Кизил (правый приток Урала). В 1950 году в пещере Смеловская I К. В. Сальниковым было вскрыто около 10 кв. м пола, и на глубине от 0,4 до 1,3 м в слое глины и щебенки были зафиксированы пятна копоти, угольки, кости животных. Из изделий были обнаружены отщеп, пластинка и обломок пластинки с ретушью по краям. Найденные кости принадлежали животным: гигантскому

Мурадымовское ущелье

Пещера Мурадымовская I

олению, первобытному быку, дикой лошади, оленю, пещерному медведю, пещерному льву, дикому козлу. Кости были расколоты, некоторые имели следы нарезки или обжига. Опираясь на наличие костей четвертичной фауны, К. В. Сальников сделал предположение о датировке пещеры — палеолитический период.

Пещера Смеловская II

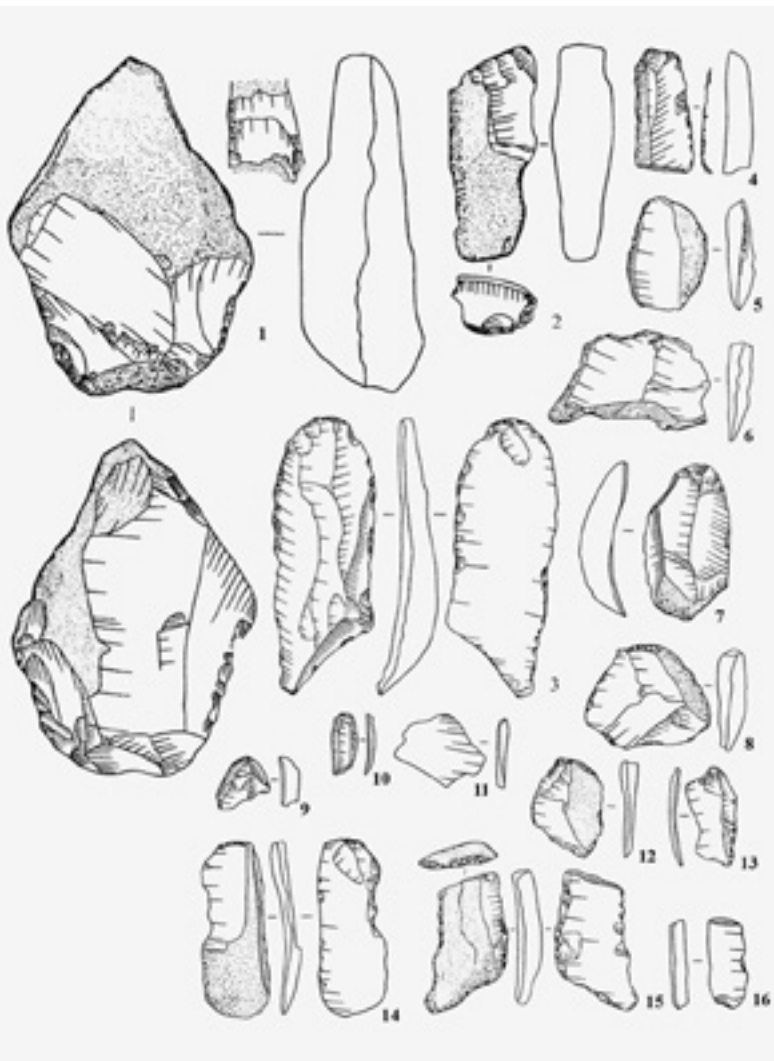
Пещера Смеловская I (ниже)

Пещера Смеловская II расположена на левом скалистом берегу реки Малый Кизил (приток Урала), в 3 км к северо-востоку от поселка Смеловского Верхнеуральского района Челябинской области. Памятник был открыт и предварительно исследован в 1950–1952 годах К. В. Сальниковым. Затем изучением пещеры занимался О. Н. Бадер. Общая площадь раскопок составила 40 кв. м [2]. Раскоп был доведен до скалы, на глубину 2,38 м. Зафиксировано три культурных горизонта. Верхний культурный слой приурочен к нижнему краю гумуса и буровато-коричневого суглинка, в котором обнаружено восемь пластинок, два отщепы и один осколок. По параметрам они близки к микропластинчатым изделиям, чем и отличаются от основного комплекса находок. Возможно, для этого горизонта была получена дата $15\,590 \pm 150$ (ЛЕ-2774).

Культурный слой палеолита обнаружен в коричневатом-желтом суглинке со щебнем на глубине примерно 1,3 м. Он беден находками, пятен кострищ в нем не сохранилось, встречены лишь единичные угольки. Раскопки К. В. Сальникова и О. Н. Бадера дали 53 предмета из кремня (два нуклеуса, пластины, отщепы). Здесь же была найдена 31 плоская тальковая галечка со сверлинами в центре (около 2–3 мм в диаметре). Галечки, по мнению К. В. Сальникова и О. Н. Бадера, нашивались на одежду (пуговицы?). Это самые ранние находки подобного рода, получившие впоследствии широкое распространение. Такая же подвеска была обнаружена при раскопках в пещере Шульган-Таш (Каповой) [38].

Река Белая
у села
Максютово

Каменные изделия. Пещера
Смеловская II

1-3 — нуклеусы; 4-7, 9, 10,
13-16 — пластины;
8, 11-12 — отщепы

Сырьем для изготовления предметов из основного комплекса служил черный желвачный кремнь хорошего качества; в единичных количествах встречаются изделия из зауральской яшмы. Нуклеусы имеют неопределенную форму. Один из них представляет собой крупный желвак кремня, с которого начата оббивка желвачной корки, другой — продолговатая окатанная галька с подготовленной скошенной ударной площадкой и негативами нескольких снятий. Пластины крупные: длина 2,7-13,5 см, ширина 1,1-5,2 см, толщина 0,3-1,9 см. На большинстве пластин и отщепов имеется мелкая краевая ретушь различной протяженности. На некоторых пластинах и отщепах мелкие заломы и сколы по краю расцениваются как следы исполь-

зования. Законченные, хорошо выраженные орудия отсутствуют.

Найдены костные остатки животных: мамонта, донского зайца, сурка, волка, песца, лисицы, пещерного медведя, пещерной гиены, пещерного льва, широкопалой лошади, плейстоценового осла, шерстистого носорога, бизона, сайги. На стоянке преобладали кости лошади (55,5 %). Наличие костей жеребят, по мнению С. А. Кузьминой, свидетельствует о том, что пещера была местом кратковременных стоянок охотников на лошадей в летне-осенний период. Радиоуглеродные даты нижнего культурного горизонта укладываются в рамки от $31\ 000 \pm 1500$ (ГИН-8401) до $41\ 000 \pm 1800$ (ГИН-8402) [30].

О. Н. Бадер отмечал, что каменный инвентарь со стоянки Смеловская II не имеет аналогов в известных коллекциях предметов из палеолитических памятников Урала. Некоторое сходство между материалами из пещеры Смеловская II и с Ириклинских местонахождений отметил В. Т. Петрин.

В северной группе уральских пещер расположена вторая знаменитая уральская пещера — **Игнatieвская**, которая была впервые исследована чуть позже Каповой, но тем же П. И. Рычковым. В 1762 году им была опубликована книга по топографии Оренбургского края, в которой имелось краткое описание Игнatieвской пещеры: «...сия пещера с половины разделилась на две части, из которых одна по мере явилась более шестидесяти сажен печатных, а в конце ее выделана весьма немалая палата о двух покоях, довольно высокая и чистой работы, и знать, что тут раскладывав бывал огонь, а в другой части, в двадцати саженях, нашли маленькое озерко, из которого вода имеет быстрое течение вдаль, и от того течения делается великий шум, ибо вода пошла вниз и затем далее идти не посмели. Повыше сей пещеры с небольшим в сорока саженях, чрез всю помянутую реку лежит высокая гора, которую гору оная река пробивает, и сквозь нея течет удивительным образом».

В 1770 году пещеру посетил руководитель основного отряда Оренбургской академической экспедиции П.-С. Паллас, составивший ее описание. Экспедиция готовилась в течение года, и в июне 1768-го Петр Симон со своим отрядом выехал из

Игнatieвская пещера

Санкт-Петербурга в путешествие, которое продолжалось шесть лет. В первый год маршрут пролегал через Новгород и Москву до Симбирска, где экспедиция провела первую зиму. В марте 1769 года Паллас с отрядом двинулся в Самару, затем в Оренбург, далее через Яицкий городок (Уральск) вдоль реки Урал до Гурьева и через степь до Уфы, где оставался до 1770 года. Летом отряд изучал Уральские горы, в том числе и хорошо известную ныне Игнatieвскую пещеру (Ямазыташ). Вот как описывал ее Паллас: «От сих ключей к северу на другой стороне до 60 сажен ширины имеющей долины в объявленной горе Ямазеташ, от которой недалеко и ручей того же имени кончается, находится вход в просторную пещеру. Утес горы Ямазеташ отвесной вышины имеет от 25 до 40 сажен и в том месте, где пещера, особливо очень высок и по причине возле текущего из реки Сима протока почти неприступен.

Отверстие пещеры, к коему с великой трудностью по каменному берегу влазят, вышиною от воды сажен на шесть, лежит к Ю-В, и наподобие верстака выскожен». В низком проходе пещеры Палласом были найдены кости различных животных, а также череп и кости человека.

В 1912 году пещеру изучал Сергей Иванович Руденко — этнолог, антрополог, гидролог, выдающийся археолог во времена Советского Союза. Он снял довольно точный план пещеры, произвел археологические раскопки на небольшой площади (10,65 кв. м). В раскопе были обнаружены в основном фрагменты керамики эпохи бронзы и Средневековья. На полу Низкого коридора и в прилегающих к нему участках пещеры исследователь собрал также многочисленный вещевой и остеологический материал поздних эпох.

Сергей Иванович Руденко (1885–1969) — этнолог, антрополог, археолог, гидролог. Учился в Петербургском университете, методы антропологических и археологических исследований осваивал во Франции. В 1906–1907 годах в экспедиционных поездках по Башкирии собрал коллекцию предметов по этнографии башкир для Русского музея, в 1909 году работал среди хантов, манси и ненцев на Нижней Оби, в 1913 году — на Южном

Урале. С целью всестороннего изучения посетил уже известную тогда Игнatieвскую пещеру. Им был снят точный план пещеры и заложен небольшой раскоп. Хотя обнаруженные при раскопках археологические материалы не содержали остатков палеолита, эти исследования показали перспективность изучения южноуральских пещер, которое было продолжено только через два с лишним десятилетия.

В 1937 году Игнatieвскую пещеру посетил Сергей Николаевич Бибииков — известный советский археолог, возглавлявший Южно-Уральскую палеолитическую экспедицию, организованную Институтом истории материальной культуры и Челябинским областным музеем. После осмотра пещеры ученый сделал вывод о том, что в ней в верхнем горизонте сохранились остатки поздней культуры, в нижнем горизонте — остатки фауны, отложившейся без всякого участия человека. С. Н. Бибииков присоединился к мнению С. И. Руденко о заселенности пещеры в железном веке.

Новые исследования в Игнatieвской пещере проводила в 1951 году М. А. Бадер. В приустьевой части пещеры общей площадью 3 кв. м было заложено три разведочных шурфа и обнаружено

С. Н. Бибииков
и М. И. Артамонов

Сергей Николаевич Бибииков (1908–1988) — известный советский археолог. Возглавлял Южно-Уральскую палеолитическую экспедицию, организованную Институтом истории материальной культуры и Челябинским областным музеем, которая в 1938–1939 годах обследовала более 40 пещер в бассейне реки Юрюзани. Во многих из них — Ключевой, Бурановской, Гребневой и др. — были обнаружены раздробленные и пережженные кости древних животных и остатки очагов,

в некоторых пещерах — отдельные изделия из камня палеолитического возраста, а также остатки погребений, орудий и керамики неолита — энеолита. В связи с этой экспедицией существует полумифическая история, что экспедиция была организована не только и не столько с научными целями, сколько с разведкой пещер на предмет размещения там баз партизанских отрядов в связи с надвигающейся войной.

несколько кремневых изделий, а также расколотые кости дикой лошади, быка, северного оленя. Находки датировались верхним палеолитом.

Значительные исследования во входной части Игнatieвской пещеры в 1960–1961 годах провел О. Н. Бадер — выдающийся советский археолог, создатель уральской школы археологов. Общая площадь раскопов составила 57 кв. м. В разрезе мощностью до 3 м было выделено несколько слоев. В ходе раскопок было впервые обнаружено пять каменных изделий, которые можно датировать верхним палеолитом, найдено несколько фрагментов человеческих костей, которые археологи также связали с поздним палеолитом, руководствуясь некоторыми признаками: массивностью и хорошо выраженным рельефом фрагмента черепа.

В. Т. Петрин, С. Е. Чаиркин,
В. Н. Широков

В 1980 году В. Т. Петрин, С. Е. Чаиркин и В. Н. Широков обнаружили в Игнatieвской пещере рисунки, датированные ими древнекаменным веком. В 1980–1986 годах под руководством В. Т. Петрина в пещере проводились комплексные исследования, в ходе которых была исследована пещерная палеолитическая живопись, равноценная по значению широко известным изображениям в Каповой пещере.

Путем нескольких раскопов был изучен «культурный слой посещений» пещеры, в итоге получена самая большая по сравнению с остальными палеолитическими памятниками Южного Урала коллекция каменных изделий. Для восстановления характера природного окружения древнего человека вместе с археологами в работе принимала участие группа палеоэкологов под руководством Н. Г. Смирнова из Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН. Всего удалось зафиксировать около 60 мест с изобразительными мотивами или их фрагментами. Раскопки проводились в разных отделах пещеры. Всего было заложено пять раскопов площадью от 2 до 4,5 кв. м.

Валерий Трофимович Петрин (04.09.1943, г. Далматово ныне Курганской области — 16.09.2002, Новосибирск) — археолог, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Окончил исторический факультет Уральского государственного университета (1970). В 1969–1978 годах работал в лаборатории археологических исследований УрГУ, в 1978–1979 годах — в Свердловском краеведческом музее. С 1979 года трудился в Институте истории, фило-

логии и философии Сибирского отделения АН СССР (позднее Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН): аспирант, младший, затем старший, ведущий, главный научный сотрудник. В. Т. Петрин — специалист в области палеолита Северной и Центральной Азии, первобытного искусства, один из ведущих ученых в области изучения древнейшего человечества. Исследовал писаницы Урала, петроглифы Центральной Азии. Проводил широкомасштабные исследования памятников палеолита на Урале, в Западной Сибири, Центральной, Средней и Северной Азии. В Челябинской области им открыт уникальный памятник с полихромной живописью возрастом 14 тысяч лет — Игнatieвская пещера. В. Т. Петрин удостоен званий «Почетный научный сотрудник Института предистории Чунбукского национального университета Республики Корея», «Почетный доктор Института истории Академии наук МНР».

В них были найдены небольшие древесные угольки, кости животных, каменные изделия и костяные украшения. Тогда же были получены первые радиоуглеродные даты для углей и костей из культурного слоя. Обнаруженные артефакты концентрировались в толще мощностью 30 см, ниже они встречались в единичных количествах. В Большом зале было найдено всего 28 каменных изделий, во Входном гроте и Низком переходе собрана представительная коллекция — более 1300 изделий из камня, включая предметы, собранные с поверхности. Проработав в пещере семь лет, В. Т. Петрин опубликовал, наверное, главную книгу своей жизни — «Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале». Это образец комплексного и нестандартного подхода к изучению археологического памятника.

В 1995 году по заданию Государственного научно-производственного центра по охране историко-культурного наследия Челябинской области экспедиция под руководством В. Н. Широкова провела дополнительные исследования. Впервые были составлены инструментальный топографический план окрестностей Игнatieвской пещеры, ее продольный разрез, выполнены замеры температуры

и влажности в различных отделах пещеры. В августе 1998 года профессором Марвином Роу (Техас, США) и В. Н. Широковым в пещере были взяты образцы краски для прямого радиоуглеродного датирования рисунков. В 2003 году под руководством В. И. Юрина проведены охранные и спасательные археологические исследования внутри полости и за ее пределами. На склоне осыпи расчищен участок

Каменный инвентарь (по В. Т. Петрину). Стоянка в пещере Игнatieвской (Ямазы-Таш). 1–5 — пластинки с притупленным краем; 6, 13, 14, 17, 21–23 — скребки; 7, 8 — пластинки с притупленным краем; 9–11 — пластины с притупленным краем; 18, 19 — концевой скребок; 20, 28, 36 — пластина с утилизационной ретушью; 15, 16, 41 — орудия с фигурным краем; 12 — пластинка с притупляющей ретушью; 24, 26, 27, 29, 31, 33, 40 — нуклеусы; 35 — срединный резец; 34 — вертикальный скол с нуклеуса с эпизодической ретушью; 39 — крупная пластина; 41 — пластина; 25, 37, 38 — долото-видное орудие; 42 — неполная пластина; 43 — частично ретушированная пластина

площадью 15,4 кв. м. Внутри пещеры на месте грабительских раскопок заложены четыре шурфа общей площадью около 14 кв. м.

В 2004–2005 годах в пещере вновь работала экспедиция под руководством В. Н. Широкова. В ходе археологических исследований произведены раскопки на площади около 44 кв. м. Один раскоп площадью около 19 кв. м был заложен внутри пещеры, в Основном коридоре. На привходовой площадке заложен второй раскоп площадью около 10 кв. м. Мощность отложений здесь составляла от 2 см до 1,5 м. Третий раскоп был заложен в основании склона осыпи, идущей от входа пещеры к реке. Он явился продолжением раскопа В. И. Юрина (2003). Площадь вскрытых отложений составила около 16 кв. м. В результате проведенных работ получена коллекция, в которую вошли более 600 предметов, а также множество фрагментов и целых костей животных. Кроме археологических работ осуществлялась топографическая съемка

пещеры и фотофиксация отдельных рисунков. Результатом обобщения многолетних исследований в Игнatieвской пещере стала книга В. Н. Широкова и В. Т. Петрина «Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале» [37].

Культурный слой пещеры получил название «слой посещения». Он насыщен многочисленными частицами угля от факелов и светильников, содержит каменные и костяные изделия, кусочки охры, украшения и кости животных. Мелкие угольки залегали рассеянно и небольшими прослойками на глубине от 5 до 50 см от современной поверхности. В Большом зале люди не обитали из-за полной темноты, высокой, почти стопроцентной влажности и отсутствия необходимой вентиляции для длительного горения костров. Зал использовался ими в качестве святилища.

В пещере найдено значительное количество костей крупных и мелких животных, которые были

Каменный инвентарь Игнatieвской пещеры (по В. Н. Широкову, В. Т. Петрину)

Ретушер. Игнatieвская пещера. Фото В. Н. Широкова

тщательно изучены П. А. Косинцевым и Н. Г. Смирновым. Оказалось, что кости слагают смешанный комплекс скелетных остатков как древних, так и современных видов животных. К древним видам относятся пещерный медведь, пещерная гиена, пещерный лев, шерстистый носорог, первобытный бизон; к животным палеолита и более поздних эпох — заяц, бобр, волк, лисица, бурый медведь, россомаха, лошадь, северный олень. Это свидетельство того, что люди, которые приходили в Игнатьевскую пещеру, жили если и не в экстремальных, то в достаточно суровых природных условиях. Кроме этого Н. К. Пановой и Г. В. Быковой были изучены остатки пыльцы растений того времени, а С. Г. Шиятовым — образцы сгоревших деревьев. Оказалось, что 23 уголька остались от сжигания сосны, и только три — от ольхи.

В результате проведенных исследований выяснилось, что человек, посещавший пещеру в позднем палеолите, жил в суровых холодных климатических условиях. Вокруг пещеры существовали ландшафты, которых сегодня нет: холодные степи (тундростепи) и лесостепи с небольшими островками лесов из березы и сосны, иногда с лиственницей.

Всего из пяти раскопов и в ходе сборов в разных частях пещеры получено 1350 экземпляров каменных изделий. В качестве сырья, представленного некрупными плитками, гальками и конкрециями, использовались преимущественно зелено-красная яшма и светло-серая кремнистая порода, а также темная глянцевая и дымчатая породы, серый песчаник.

Среди артефактов представлены изделия, характерные для позднего палеолита, — нуклеусы с одной либо несколькими площадками для скалывания небольших укороченных пластинчатых сколов. Для изготовления нуклеусов использовались некрупные гальки. Наиболее многочисленной категорией орудий являются пластинки с ретушью, среди которых можно выделить в отдельную группу микропластинки с притупленным ретушью продольным краем. Скребки представлены в трех формах: концевые, микроскребки и скребки на отщепках. Среди резцов преобладают резцы на углу сломанной пластинки и боковые с ретушированным торцовым

краем. В коллекции присутствуют также орудия с зубчатым и фигурным краем, резчики и проколки. Найдены орудия типа долота. Судя по большому количеству орудий и отходов от их производства, входной отдел пещеры (от входа до Низкого перехода) использовался верхнепалеолитическими людьми в качестве стоянки.

Помимо каменных изделий обнаружены четыре костяные поделки. Две из них — маленькие, менее 1 см в диаметре, округлые бусины из бивня с небольшими отверстиями в центре (найлены в раскопе IV в Низком переходе). В раскопе I возле панно с красной лошадью в Большом зале обнаружена подвеска из клыка песца. В коллекции сборов с пола пещеры оказалась подвеска из зуба бизона. Все эти украшения типичны для многих памятников верхнего палеолита Северной Евразии.

Пещера Серпиевская 2.
Фото В. Н. Широкова

Костяное шило
из Серпиевской 2 пещеры
(по В. Н. Широкову)

Для культурного слоя Игнatieвской пещеры получены радиоуглеродные даты: $13\ 335 \pm 192$ (ИЭМЭЖ-365) (уголь), $13\ 500 \pm 1660$ (ИЭРЖ-41) (кости), $14\ 038 \pm 490$ (ИЭМЭЖ-366) (кости), $14\ 240 \pm 150$ (СОАН-2209) (уголь), $14\ 200 \pm 660$ (ИЭРЖ-54) (кости животных), $10\ 400 \pm 465$ (СОАН-2468) (уголь). Они показывают, что древние люди посещали пещеру 13–14 тысяч лет назад. Последняя дата — 10 тысяч лет назад — вероятно, говорит о самом позднем времени использования святилища в Игнatieвской пещере [28; 37].

После открытия в 1980 году палеолитических росписей в Игнatieвской пещере внимание участников экспедиции В. Т. Петрина, руководившего исследованием этой карстовой полости, привлекли крупные пещеры 1-я и 2-я Серпиевские (соответственно Майская и Колокольная), расположенные неподалеку от Игнatieвской.

Пещера Серпиевская 2 расположена в Катав-Ивановском районе Челябинской области, на правом берегу реки Сим, в 1,5 км к юго-востоку от села Серпиевка. Свое первоначальное название (Колокольная) получила по форме Дальнего зала. Вход в пещеру имеет вид арки высотой 3 м и шириной 2,5 м и находится на высоте 4,5 м над уровнем реки. Общая протяженность всех ходов полости более 200 м. Спелеологи условно выделяют в ней четыре зала. Несмотря на сильную закопченность стен, в двух местах были найдены фрагменты рисунков, нанесенных красной охрой. В 1986 году проведено стационарное изучение пещеры. Тогда удалось обнаружить в восьми местах подземной галереи остатки рисунков и отдельные пятна краски, произвести рекогносцировочные раскопки. В 2007 году состоялась разведка южноуральских пещер, нацеленная на поиск древних гравированных мотивов. Было обследовано около 20 пещер, и в Серпиевской 2 удалось обнаружить гравировки, а в 2011 году в этой пещере зафиксировано еще несколько красочных мотивов, среди которых оказалось изображение головы животного.

В 1986 году в основном коридоре в 46 м от входа был заложен раскоп размером 1×3 м глубиной 0,4 м. Каких-либо артефактов обнаружить не удалось. Однако были найдены угольки и кости животных, которые, по определению Н. Г. Смирнова

и П. А. Косинцева, относятся к верхнему палеолиту. Среди них имелись костные остатки лисы, пещерного медведя, волка, пещерной гиены, лошади, шерстистого носорога, северного оленя, благородного оленя, лося, а также мелких животных, характерных для того времени. Было отмечено, что кости из пещеры Серпиевская 2 похожи по составу и соотношению видов остаткам из верхних горизонтов Игнatieвской пещеры. Исследователи считают, что время бытования предметов из пещеры Серпиевская 2 — 17 000–10 300 лет назад.

В. Н. Широков в 2011 году во время дополнительных исследований пещеры зачистил стенки старого раскопа и обнаружил костяное шило. По предположению ученого, создателями святилища в пещере Серпиевская 2 могли быть люди, оборудовавшие стоянку по соседству, в гротах у Каменного кольца. Эта стоянка находится примерно в 50 м к западу от пещеры Серпиевская 2 [37].

Гроты у Каменного кольца расположены на правом берегу реки Сим, в скальном массиве на высоте 12–13 м над уровнем реки. Гроты смежные, защищены навесом; первый (западный) — глубокий и узкий, второй (восточный) — широкий и короткий. С течением времени известняковый массив разрушался, обнажив одну из галерей бывшей пещеры, и она получила выход на обе стороны скального останца. О. Н. Бадер в начале 1960-х годов

Река Юрюзань

Пещера Ключевая

XX века проводил исследования в гротах, произведя раскопки на площади около 30 кв. м.. На глубине 0,5–0,8 м в первом гроте и на глубине 1,4 м во втором гроте были обнаружены культурные слои с остатками очагов, большим количеством костей животных эпохи палеолита (носорога, пещерного медведя, северного оленя, бизона и др.), а также каменными изделиями. Сырьем для изготовления орудий служили светло-серый и черный кремль, светлая кремнистая порода и зеленая яшма. Точное

количество найденных каменных изделий осталось неизвестным, поскольку не было публикаций с описанием находок. Орудия изготовлены в основном на пластинах с правильной параллельной огранкой. Среди орудий встречаются скребки, пластины с выемками, пластинки с ретушью. Позднее Т. И. Щербакова описала сохранившиеся материалы с этого памятника. Коллекция включает 57 каменных изделий, в том числе: нуклеусы (4 экз.) призматической формы размером до 5 см, с которых скалывались средние и мелкие пластинки; пластины без ретуши (12); орудия (12): скребки (4) концевые, один боковой, изделия с ретушированными выемками (4), остроконечники (2) и пластинки с ретушью (2). Кроме того, в гротах найдены нуклеидные обломки (4 экз.), отщепы (4), сколы с нуклеусов (14), обломки, осколки (7). Среди орудий на пластинах есть пластинки с притупленным краем и клювовидное изделие с выделенным выступом на углу заготовки. Остроконечники атипичные, один из них целый, у второго сохранилась верхняя часть с подтеской с брюшка. В коллекции отмечена

также тонкая пластинка из кости. В целом каменный инвентарь со стоянки характерен для позднего палеолита Урала.

В 1937 году при разработке карьера у станции Усть-Катав была открыта большая пещера с многочисленными остатками костей представителей плейстоценовой фауны [4]. Хотя культурного слоя с каменными орудиями в **пещере Усть-Катавская I** обнаружено не было, ее открытие инициировало специальные поиски палеолитических материалов в пещерах Южного Урала. Институтом истории материальной культуры и Челябинским областным музеем была организована Южно-Уральская палеолитическая экспедиция под руководством С. Н. Бибикова, которая в 1938–1939 годах обследовала более 40 пещер в бассейне реки Юрюзани. Палеолитические остатки, представленные в основном раздробленными и пережженными костями четвертичных животных, очажными прослойками

и отдельными угольками, были зафиксированы в пещерах Ключевая, Бурановская, Гребневая, Смирновская, Усть-Катавская II, Суходольная, Кочкари I и II. Небольшое количество каменных изделий, содержащихся в слое палеолитического времени, было найдено лишь в Ключевой и Бурановской пещерах.

Пещера Ключевая расположена на левом берегу реки Юрюзани, напротив поселка Лимоновка Салаватского района Республики Башкортостан. Площадь раскопок составила чуть более 10 кв. м. На глубине 1,12 м был обнаружен очажный горизонт, насыщенный угольками, жженными костями и обожженными камнями. Каменный инвентарь представлен двумя пластинками шириной до 1 см, тремя чешуйками и плиткой кремнистого сланца с ретушью на боковой выпуклой грани. Кроме того, найдено несколько костей со следами обработки и нарезками. В 2006 году культурный слой был исследован В. С. Житеневым. Всего было найдено девять предметов, в том числе нуклеус приблизительно конической формы, две пластины, острие

Река Ай. Сикияз-Тамакский пещерный комплекс

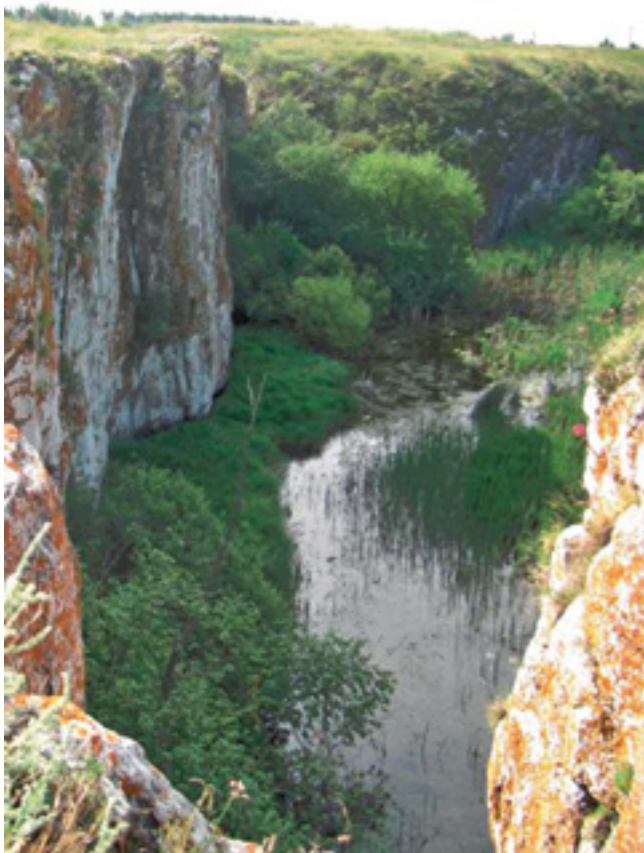

на пластине, пластинчатый отщеп с ретушью и пластинка с ретушью. В пещере обнаружены кости носорога, бизона, гигантского оленя, северного оленя, козули, пещерного медведя, песка и др.

Пещера Бурановская располагается на левом берегу реки Юрюзани, в 2 км выше по течению от пещеры Ключевой. Первоначальная площадь раскопа составляла 8 кв. м, однако по мере углубления он был уменьшен до 1 кв. м из-за нагромождения крупных блоков скалы. На глубине около 2 м выявлен очажный горизонт общей мощностью до 0,9 м. Слой был насыщен костями представителей четвертичной фауны и угольками. На глубине 2,4–2,5 м выявлен четко фиксирующийся очаг округлой формы диаметром не более 1 м, сложенный из сильно обожженных и растрескавшихся камней. В очажном слое находились три отщепы из кремня.

В остальных пещерах — Гребневой, Смирновской, Усть-Катавской II, Кочкари II, Суходольной, Кочкари I — обнаружены только кости четвертичных животных, очажные горизонты или отдельные

Устиновский каньон

угольки, а каменных изделий, относящихся к палеолиту, не было [3]. На основании имеющихся материалов С. Н. Бибиковым был сделан вывод о кратковременности функционирования пещерных стоянок, которые оказались непригодными для длительного проживания, и о необходимости поисков долговременных поселений на водораздельных плато, в низинах и на склонах возвышенностей.

В 2000-е годы исследования в Сикияз-Тамакском пещерном комплексе на реке Ай проводились В. И. Юриным и В. С. Житеневым. В **пещере Сикияз-Тамак I** в одном из залов ими обнаружен культурный слой финала верхнего палеолита с костями плейстоценовых животных, единичными каменными орудиями и костяным изделием. Возраст определен по углю — $11\,690 \pm 70$ (GrA18661). Возможно, к этому слою относится случайно найденный череп пещерного медведя, поверхность которого была окрашена охрой и имела искусственные нарезки. В другом раскопе была найдена плитка известняка, окрашенная охрой, которая, по мнению В. С. Житенева, отвалилась от стены возле входа.

В позднем палеолите люди использовали не только такие большие укрытия, как пещеры (для стоянок и святилищ), но и небольшие гроты (для кратковременных остановок и ночевки). Несколько гротов и навесов со следами жизни в верхнем палеолите были исследованы на северо-западе Челябинской области и в соседних районах Свердловской области.

Утес-навес Устиново расположен в Миасском городском округе Челябинской области, на реке Миасс, на высоте 5,5 м от уреза воды. Был исследован В. Н. Широковым. На площадке под навесом была заложена траншея площадью 7,65 кв. м. В слое бурого суглинка на глубине 0,3–0,6 м были обнаружены костные остатки животных плейстоценовой фауны, в частности лошади уральской, шерстистого носорога, северного оленя и др. Вместе с костями найдено пять изделий из сургучно-зеленой яшмы и светло-серой кремнистой породы: конический нуклеус, пластинка и три отщепы. По костям из слоя получена радиоуглеродная дата стоянки — $15\,981 \pm 705$ лет назад [34].

В 1974 году В. Т. Петриным и Н. Г. Смирновым с целью поиска новых памятников палеолита были

исследованы гrotы на территории Челябинской и Свердловской областей.

Грот Зотинский I находится на левом берегу реки Багаряк, на высоте 9,5–11 м от уреза воды, в 2–2,5 км от села Зотино Каслинского района Челябинской области. К моменту исследования размеры грота были таковы, что находиться в нем можно было только в полусогнутом состоянии. В целом было раскопано 18 кв. м, как в гроте, так и на площадке перед входом. В слое желтой глины на глубине от 0,85 до 1,97 м найдены многочисленные кости представителей мамонтовой фауны: пещерного медведя, шерстистого носорога, бизона, северного оленя, лошади, песца, сайги, зайца. Коллекция костей, которые можно было определить, насчитывала 750 образцов от 41 особи десяти разных видов. Пространство между каменными глыбами, заполнявшими грот, было буквально забито костями, частично раздробленными древними охотниками, а также обрушавшимися крупными камнями. Коллекция каменного инвентаря очень небольшая, включает всего 12 предметов. Сырьем для изготов-

ления орудий служила зелено-красная зауральская яшма. В число изделий из камня входили: комбинированное орудие на пластинке, имеющее рабочие грани ножа, резца, скребка и, возможно, резчика; два скола с призматического нуклеуса; две пластинки; два резцовых скола; пять отщепов.

Грот Безымянный расположен на левом берегу реки Пышмы, в 1,5 км ниже по течению от города Сухой Лог. Грот небольшой по размерам — 3×5,5×1,5 м. В нем была раскопана площадка в 16 кв. м на глубину до 2,9 м. Культурный слой эпохи палеолита находился в красной глине на глубине от 1 до 2,4 м. В этом же слое были обнаружены 378 костей (целых и разбитых) от 37 особей северного оленя, пещерного медведя, шерстистого носорога, лошади, бизона, зайца, сайги, песца, лисы. Видовой состав животных характерен для палеолитических стоянок Урала. Каких-либо остатков хозяйственных сооружений или следов огня обнаружить не удалось. Изделий из камня было найдено всего два: нуклеус из серой кремнистой породы и пластина с ретушью по двум длинным граням.

Очень оригинален комплекс вещей из кости: обломок браслета, три обломка овального стержня из бивня, крупная бусина цилиндрической формы, проколка. Самой интересной находкой является фигурка животного, похоже, из семейства кошачьих, выполненная из тонкой пластинки, возможно, мамонтового бивня.

Характер находок может свидетельствовать о кратковременности пребывания в гроте небольших групп древних людей. Люди приходили в грот много раз и в одно из посещений потеряли часть вещей из своего привычного набора. Немного позже В. Т. Петрин высказал предположение о том, что найденные в гроте Безымянном предметы могли относиться к разрушенному погребению эпохи палеолита.

Грот Бобылек находится верхнем течении реки Уфы, на территории Красноуфимского района Свердловской области, в 15 км к северо-западу от поселка Саргай, близ места слияния ручьев Бобылек и Безымянный. Грот являет собой хорошее естественное убежище: у него имеется вход в виде арки размерами 10×3 м, просторное помещение с площадью пола около 250 кв. м. В 1989 году

Грот Зотинский

Н. Г. Смирновым, В. Н. Широковым и А. Е. Некрасовым при обследовании грота были обнаружены артефакты различных эпох. В 1989–1991 годах экспедиция под руководством Н. Р. Тихоновой производила в гроте раскопки на общей площади 100 кв. м. Общая глубина раскопа на различных участках достигала 2,8–3,5 м. Остатки костей и предметы верхнепалеолитического возраста были обнаружены на площади 21 кв. м и залегали в слое темно-рыжего суглинка мощностью до 50 см.

Коллекция изделий из камня насчитывает около 450 предметов. Сырьем для изготовления орудий служили преимущественно кремневый известняк серого цвета, серая и черная кремнистая порода, халцедон. Из нуклеусов представлены заготовка и несколько продольных и поперечных сколов. Основной заготовкой для орудий служили пластины, различные по своим очертаниям и размерам, в том числе представленные в коллекции мелкие пластинки и микропластинки с правильной огранкой. В набор орудий входят: пластины с ретушью, в том числе пластинки с притупленным краем (14 экз.), выемчатые изделия (17), резцы (2), пластины

с конусоусеченным концом (2), ножи (2), скребок, провертка и др.

Несмотря на немногочисленность очень интересны изделия из кости и бивня мамонта, украшенные гравированными линиями: обломки вкладышевых орудий и тонкие пластинки из бивня с просверленными отверстиями, которые могли служить заготовками для бус. Возможно, к этому же комплексу относятся скребловидное орудие из расколотой кости лося и вкладышевые изделия, залегавшие несколько выше.

В целом, рассматривая особенности каменного инвентаря со стоянки, можно отметить относительную ограниченность видов использованного сырья и наличие довольно большого количества орудий из такого не очень популярного в каменном веке материала, как известняк. Большая часть орудий предназначалась для выполнения различных операций, то есть древние охотники не изготавливали новые орудия, а просто переделывали старые для новых целей. Такая особенность каменного инвентаря была характерна для лагерей охотников. Находки из грота Бобылек имеют аналоги среди предметов в коллекции из культурного слоя Капо-

Грот Бобылек

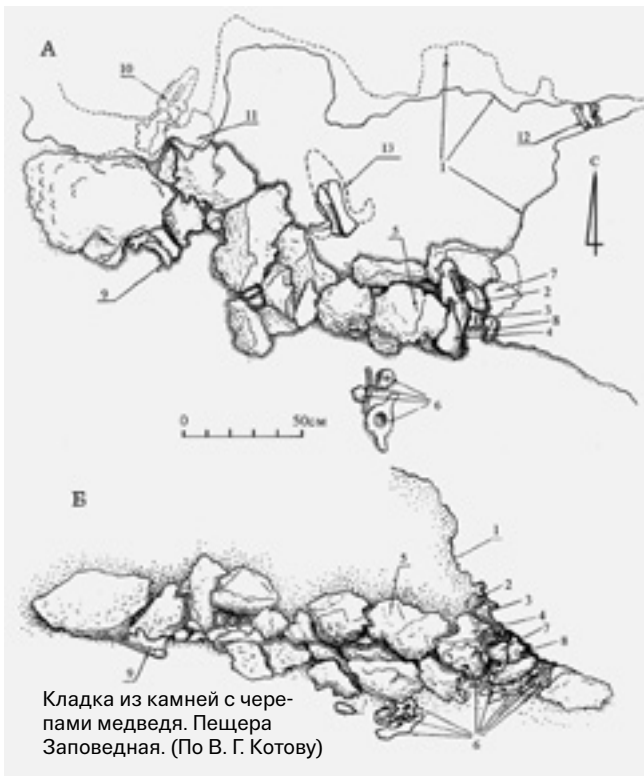

Пещера Заповедная

Пещерный медведь

Череп медведя.
Пещера Заповедная.
(По В. Г. Котову)

Кладка из камней с черепами медведя. Пещера Заповедная. (По В. Г. Котову)

вой пещеры, которая близка гроту по радиоуглеродному возрасту.

В палеолитическом слое вместе с орудиями из камня были найдены кости северного оленя, зайца, лошади, носорога, сайги, песца, пещерного медведя, мамонта, быка (или бизона), овцебыка, а также многочисленные остатки костей мелких млекопитающих. В коллекции количественно преобладают кости северного оленя и зайца, кроме того, обнаружены многочисленные эмбрионы северного оленя или лошади. По кости носорога получена радиоуглеродная дата — $14\ 200 \pm 400$ (ИЭРЖ-154) лет от наших дней. По мнению исследователей, можно предположить, что грот использовался в течение нескольких сезонов в качестве временного лагеря для охотников на северного оленя около 14 тысяч лет назад. Вероятно, это происходило во время зимних миграций этих животных, на что указывают сохранившиеся в палеолитическом слое кости и остатки эмбрионов копытных. Кроме копытных популярным объектом охоты являлись и пушные звери [7].

Пещера Заповедная стоит особняком от остальных пещерных палеолитических памятников Урала. Она находится в Белорецком районе Республики Башкортостан, на правом берегу реки Лемезы (приток реки Сим). Расположена на высоте 70 м от уровня реки, у самой вершины горы. Имеет горизонтальное строение, общая длина ходов 180 м при средней высоте 1,2 м. Пещера была открыта в 1980 году уфимскими туристами-спелеологами.

В 1981 году ее осмотрел археолог Ю. А. Морозов, зафиксировавший здесь следы пребывания древнего человека. До 1990 года вход в пещеру представлял собой узкий труднопроходимый лаз. В том же году пещера была исследована археологом В. К. Федоровым, который предположил, что эта полость — культовый памятник со следами поклонения человека пещерному медведю. С 1993 года изучением пещеры занимался В. Г. Котов.

Первым культовым объектом, обнаруженным в дальнем зале еще туристами, был крупный камень около 0,7 м высотой с водруженным на него черепом пещерного медведя. По свидетельству многих людей, в том числе археолога Ю. А. Морозова, череп был ориентирован передней частью ко входу в зал и покрыт толстым слоем натеков. Есть свидетельство, что под череп были подложены длинные кости конечностей пещерного медведя, а вокруг камня лежало полтора десятка медвежьих черепов.

Внутри пещеры и на площадках возле входа проводились археологические исследования. В раскопе 1, который был доведен до глубины 1,4 м, были обнаружены три углисто-сажистые прослойки толщиной 5–10 см, для которых была получена дата $12\ 380 \pm 260$ (ЛУ-3861). По углю из кострища 4 раскопа 2 получены радиоуглеродные даты $10\ 970 \pm 100$ ВР (ЛЕ-8257) и $11\ 880 \pm 100$ (СОАН-7735), которые, возможно, отражают последний этап существования святилища. В 2009 году по углю получена дата $10\ 010 \pm 180$ (К15567). В дальнем конце пещеры Заповедной был обнаружен новый участок культурных отложений в виде рассеянных мелких и крупных углей, а также кусочков охры, который был раскопан на площади около 4 кв. м. В ходе работ было установлено, что угли и охра концентрировались на двух уровнях, разделенных промежуток длиной 3–5 см на глубину 0,3 м. По углям была получена дата — 1175 ± 95 (СОАН-7939).

Радиоуглеродные даты, определенные для предметов из культурных отложений в пещере Заповедная, укладываются в промежуток от 10 до 12,4 тысячи лет назад. Более вероятна дата 11,8 тысячи лет назад, полученная по углю в двух раскопах из одних и тех же стратиграфических горизонтов. Очевидно, эти культурные отложения отмечают последующие

периоды существования святилища, в то время как начальный этап представлен возрастом углистого скопления при входе — 12 380 лет. Предположительно, святилище функционировало, по крайней мере, в течение нескольких столетий. Между тем для костей пещерного медведя из пещерных отложений, а также с поверхности определен возраст древнее 28 тысяч лет. Кости из культурного слоя имеют ярко-желтый цвет, и среди них кости пещерного медведя подобной сохранности не обнаружены. Это пока подтверждает выводы автора исследований о том, что древние люди почитали уже ископаемые кости и черепа пещерного медведя или кладбище медвежьих костей [18].

Следы почитания медведя встречаются здесь при археологическом изучении всех археологических периодов. С мезолитом связаны единственное изображение медведя, выполненное из медвежьей кости и обнаруженное на стоянке Давлеканово в Южном Предуралье, и клыки медведя с неолитического поселения Муллино 2.

Памятники позднего палеолита, известные на Южном Урале, представлены не только пещерными стоянками и святилищами, но и стоянками и местонахождениями открытого типа. Их относительно немного, и этому есть серьезные причины. Найти пещеру хоть и не так просто, но вполне возможно, и здесь на помощь часто приходят спелеологи. Обнаружить стоянку открытого типа позднего палеолита простой археологической разведкой практически невозможно. Со времени последнего оледенения прошли тысячи лет, и переход от древнего периода плейстоцена к современному голоцену был ознаменован кардинальными изменениями в природе. Эти процессы существенно повлияли на рельеф, русла рек, высоту речных террас. Определить сегодня, где могла находиться стоянка палеолитического человека, не представляется возможным. Древняя дневная поверхность перекрыта многометровыми толщами различных отложений. Если на стоянках позднего каменного века культурные слои находят путем закладывания поисковых шурфов размером 1×1 м и глубиной, редко превышающей 1,5–2 м, то чтобы найти палеолитическую стоянку, пришлось бы копать шурфы глубиной 4–6 м. Без представления о том, каким был рельеф

в древности, это просто сизифов труд с непредсказуемым результатом. Поэтому подавляющее количество стоянок палеолита открытого типа были обнаружены случайно, в процессе каких-либо хозяйственных работ. Исключение составляют стоянки с разрушенным природными процессами почвенным слоем, в результате чего артефакты оказались на поверхности. Большинство подобных местонахождений известны на территории Средней Азии, Казахстана, Алтая и Монголии.

На Южном Урале такими местонахождениями являются стоянки **Ириклинские I–V**, открытые и исследованные В. Т. Петриным. Они расположены на относительно ровных площадках прибрежных возвышенностей на левом берегу реки Урал, в верхней части Ириклинского водохранилища, возле села Покровка Орского района Оренбургской области. Памятники занимают площадь около 4 кв. км, находятся не ниже 25 м от уровня водохранилища. Исключением является стоянка Ириклинская IV, расположенная в зоне приобья.

Находки встречались на площади от 800 до 2000 кв. м. Количество собранных на каждой из

стоянок каменных предметов варьировалось от 7 до 56. Культурные слои не сохранились, и по этому признаку местонахождения Ириклинские I–V являются самыми северными из памятников палеолита, имеющих поверхностные культурные остатки. Сырьем для изготовления орудий служили в основном желваки и гальки зауральской зеленокрасной яшмы, а также темная кремнистая порода, окремненные сланцы, халцедон и др.

Нуклеусы (19 экз.) изготовлены на гальках в разных стадиях скалывания. Один торцовый конец гальки скалывался, и образовывалась, как правило, скошенная ударная площадка. Типологически нуклеусы не выдержаны и являются нуклеусами параллельного скалывания. Один нуклеус дискообразный и напоминает леваллуазский, хотя размеры его очень малы. Орудий немного, они представлены скребками, двусторонне обработанными орудиями, комбинированными орудиями, отщепами с ретушью.

Основываясь на анализе имеющихся материалов, автор исследований пришел к выводу, что Ириклинские стоянки — это недолговременные ма-

Ириклинское
водохранилище

стерские или стоянки-мастерские. На это указывают значительное количество нуклеусов и отщепов первичного скалывания, малое количество орудий, высокий процент встречаемости желвачной корки, значительное количество случайно использованных отщепов. Датирование комплексов палеолитическим временем основано на наличии пустынного загара, патины, общем облике нуклеусов, а также на некоторых сходных чертах с каменным инвентарем из пещеры Смеловская II.

Стоянка Сергеевка 1 также относится к стоянкам палеолита с разрушенным почвенным слоем. Расположена в Мелеузовском районе Республики Башкортостан, на левом берегу Нугушского водохранилища, в его северо-восточной части, поблизости от впадения в него реки Нугуш. Памятник открыт в 2008 году археозоологом Д. О. Гимрановым, в 2009–2010 годах обследовался экспедицией Института истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН под руководством В. Г. Котова. На поверхности стоянки были найдены 192 кости представителей мамонтовой фауны: лошади

(86 экз.), бизона (5), носорога, оленя, мамонта (по 1 кости), а также изделия из яшмы и кремнистой породы различного цвета, происходящих из Южного Зауралья. Каких-либо зольных или углистых прослоек в обнажении берега не было обнаружено. Предметы относительно равномерно встречаются по всей поверхности террасы на протяжении 200 м. Общая площадь стоянки составляет более 2 000 кв. м. Вещевой комплекс стоянки был проанализирован В. Г. Котовым.

В коллекции предметов со стоянки насчитывается 1528 изделий из камня. Среди нуклеусов из кремнистых пород (120 экз.) преобладают близкие к призматической форме и конусовидные. Особенностью памятника является значительное количество изделий из галек, большую часть которых составляют нуклеусы (70 экз.), по способу расщепления почти идентичные нуклеусам из кремня. В качестве ретушеров-отбойников использовались округлые гальки.

Среди пластин и пластинчатых отщепов (196 экз.) преобладают широкие пластины с про-

Нугушское водохранилище

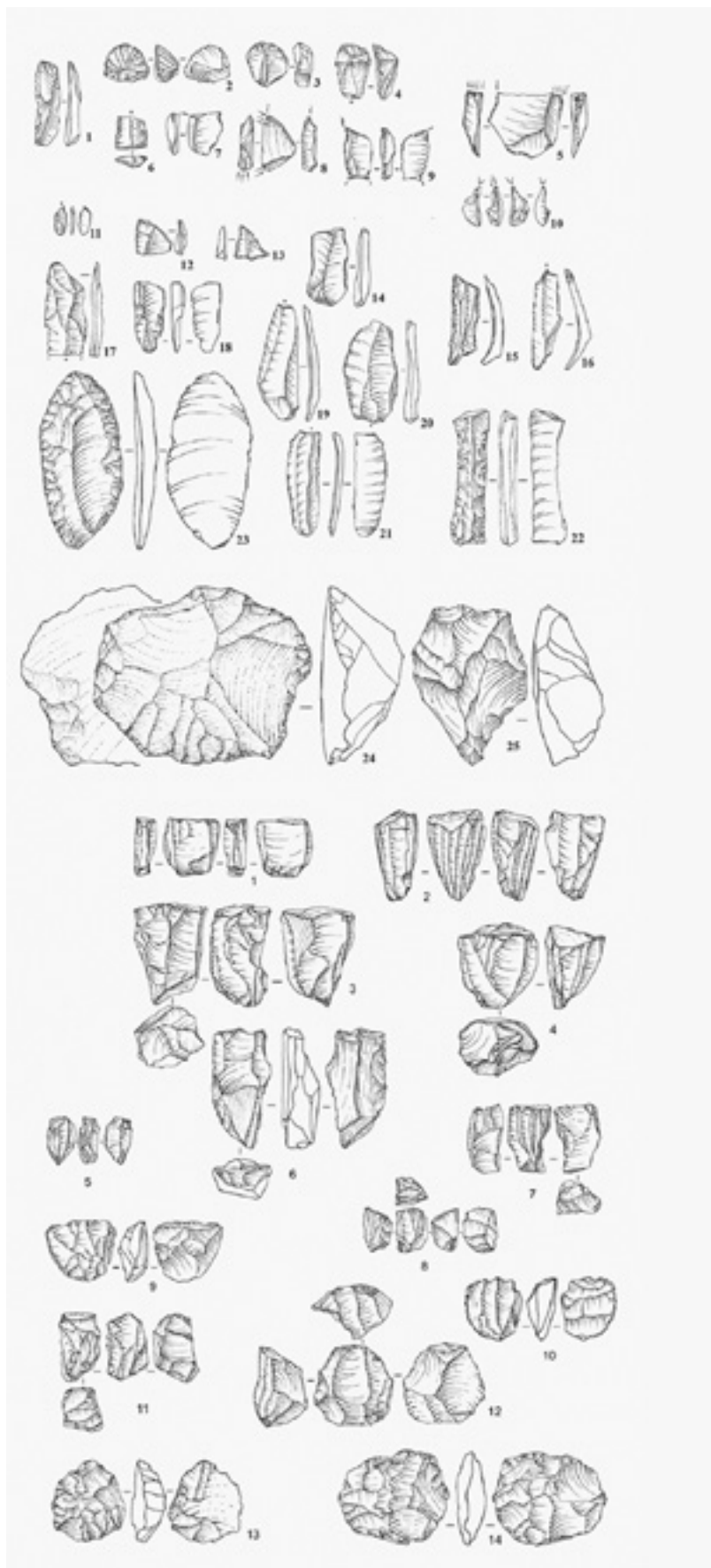

Изделия из камня.
Сергеевка 1.
Фото В. Г. Котова

дольной огранкой шириной от 1 до 2 см и более. Пластинки и микропластинки имеют правильную огранку, большинство широких пластин отличаются нерегулярной огранкой и непараллельными лезвиями. Среди скребков (173 экз.) преобладают концевые полукруглые скребки на пластинах (37) и скребки полукруглые на отщепках (33), встречаются также двойные (8), угловые (3), угловые с острием (3), с рыльцем (5), черенком (4), шипом (5), боковые (8). По конфигурации выделяется группа скребков высокой формы и микроскребков на ретушированной микропластине. В коллекции представлено девять скребел. Также многочисленны резцы (48 экз.), большинство из которых составляют боковые резцы (33), кроме них имеются ретушные резцы (5), поперечные (6), многофасеточные тройные (3), многофасеточные двойные, срединные. Оригинальной формой отличаются многофасеточные резцы с рабочим участком шиповидной формы. Среди долотовидных изделий четыре предмета имеют четырехугольные очертания, прямое рабочее лезвие и оформление боковых граней резцовыми сколами. Одно орудие изготовлено на пластине путем нанесения пологой ретуши на дистальный край заготовки. Пластин с ретушью насчитывается 70 экз., пять из них имеют вогнутые ретушированные кромки, девять — ретушированные края и выделенные ретушью шиповидные острия. Есть пластины, усеченные ретушью, две пластины с притупленной спинкой, четыре сегмента пластин с ретушированными краями треугольной и трапециевидной формы, напоминающие геометрические вкладыши. Предметы из кости представлены фрагментом шлифованного изделия с пазом, кругло в сечении, диаметром около 1 см, сделанного из бивня мамонта. В целом характеристики каменных изделий позволяют рассмотреть

Каменные изделия.
Стоянка Сергеевка 1.
1 — долотовидное орудие;
2 — нуклеус-скребок; 3, 4 — скребки высокой формы; 5, 8–10 — резцы; 6 — сегмент пластины с притупленной спинкой; 7 — двойное острие на ретушированной пластине; 11, 16 — проколка; 12, 13 — геометрический вкладыш; 14, 20, 21 — ретушированные пластины;

15, 17 — орудие с шипом;
18 — ретушированная пластинка с частичной двусторонней обработкой вогнутого края; 19 — пластинка с усеченным ретушью краем; 22 — орудие с выемчатыми лезвиями на массивной пластине; 23 — конвергентное скребло; 24 — скребло — рубящее орудие на леваллузском отщепе; 25 — скребло с зубчатым лезвием

коллекцию как единый комплекс и определить облик индустрии как верхнепалеолитический, что подтверждается и датой, полученной по костям: $18\ 000 \pm 340$ лет назад (Ле-9603).

Местонахождение Горново имеет более чем столетнюю историю изучения. Находится в Уфимском районе Республики Башкортостан, вблизи деревни Горново. Расположено в обрыве левого берега реки Белой. Местонахождение было обнаружено в скоплении костей толщиной около 1,5 м и длиной 100 м, которое залегало в серо-голубом суглинке на глубине 15 м. Памятник открыт в 1959 году А. П. Шокуровым, а в 1960–1961 годах был обследован О. Н. Бадером и В. Л. Яхимович. Ими было раскопано 90 кв. м почвы и найдены резец и отщеп с ретушью. В 1983–1984 годах местонахождение изучалось Т. И. Щербаковой.

Было сделано описание геологического разреза, собрано множество костей животных мамонтовой фауны: мамонта, бизона, носорога, лошади, оленя и др. Некоторые из них были обожжены и раздроблены палеолитическим человеком. Найдено всего восемь экземпляров изделий из камня: два фрагмента пластин, торцовый нуклеус, концевой скребок, скол с ударной площадки нуклеуса, срединный резец и остроконечник, типичный для среднего палеолита (мустье). Костяное изделие представлено обломком кости с нарезками. Только два каменных изделия были найдены непосредственно в отложениях палеолита, остальные собраны с поверхности. Коллекция орудий из камня содержит изделия как эпохи мустье (остроконечник), так и верхнего палеолита, что стало основанием для отнесения этого памятника к раннему этапу верхнего палеолита, а индустрия воспринята как переходная от среднего к позднему палеолиту. О. Н. Бадер предполагал, что памятник относится к раннему этапу верхнего палеолита. Т. И. Щербакова считала, что местонахождение может датироваться поздним этапом среднего палеолита.

Для уточнения возраста в 1996 году лабораторией геохронологии НИИ географии Санкт-Петербургского государственного университета по остаткам древесины из слоя серого гумусированного суглинка с пнями и корнями елей и сосен были получены радиоуглеродные даты $26\ 950 \pm 560$ (ЛУ-3711) для верхней и $26\ 990 \pm 150$ (ЛУ-3712) для нижней частей слоя. То, что местонахождение относится к позднему палеолиту, подтвердила и дата, полученная по зубам бизона — около 33 670 лет назад.

Несколько оригинальных стоянок связано с так называемыми «местами разделки мамонтов». Одна из них приурочена к массовому скоплению костей мамонта. Это **стоянка Гари**, или **Гаринская**, расположенная на правом берегу реки Сосьвы, практически на 60-й параллели северной широты. Это самый северный в Зауралье палеолитический памятник. Находится в районном центре Свердловской области — рабочем поселке Гари. Прямо в поселке расположено так называемое «кладбище мамонтов», которое было известно еще с древолюционных времен. Исследования проводились Ю. Б. Сериковым и О. Н. Бадером с начала 1970-х годов, впоследствии — только Ю. Б. Сериковым [32].

Местонахождение костей и изделий из кремнистых пород занимает прямой участок реки и вытянуто с севера на юг узкой полосой под обрывом 7–8-метровой поймы. Кости залегают на протяжении около 190 м, каменные изделия — около 180 м. Отдельные находки встречаются и за границами основного скопления: кости — на протяжении 230 м, кремний — около 200 м. Количественно преобладают кости мамонта, из других видов выделяются лошадь, медведь, сайга. Коллекция каменных изделий Гаринского местонахождения состоит из 577 предметов. Среди них имеются нуклеусы, пластинки без обработки и пластинки с ретушью, угловые резцы, проколки, пластинки с выемкой, с обработанным торцом, скребки на пластинах и отщепках, изделия из кости и др.

О времени существования Гаринской стоянки дают представление четыре даты, полученные сотрудницей Института геологии Сибирского отделения РАН Л. А. Орловой. Три даты по костям мамонта определяют достаточно кратковременный хронологический диапазон: $15\ 150 \pm 280$ (СОАН-4462) — $16\ 320 \pm 250$ (СОАН-4461) — $16\ 700 \pm 240$ (СОАН-4843). Дата, полученная по трубчатой кости шерстистого носорога, — $20\ 480 \pm 410$ (СОАН-5594) — выпадает из этого хронологического диапазона.

Всестороннее изучение материалов Гаринской стоянки и окружающих местонахождений позволило еще раз обратиться к одной из самых спорных проблем палеолитоведения — проблеме охоты на

мамонта. На основании собственных исследований автор приходит к выводу, что мамонт как объект охоты являлся опасным и трудноуязвимым для палеолитического охотника животным. Поселяясь вблизи от природных «кладбищ» мамонтов — источников необходимых для жизнедеятельности запасов мяса, кости и шкур, — палеолитический человек мог не подвергать себя опасности, охотясь на это большое животное. Поэтому если и существовала охота на мамонта, то она имела очень ограниченный характер.

На Южном Урале открыты два подобных местонахождения — кратковременные стоянки на месте разделки двух-трех особей мамонтов, которые находились на миграционных путях к солонцам, — **Троицкая I**, **Шикаевка II**.

Стоянка Троицкая I расположена на левом берегу реки Уй, в 10–11 км к западу от Троицка, на уровне второй речной террасы. В 1984 году при проведении строительных работ трактористом Д. Исламовым были обнаружены крупные кости древних животных. В сентябре 1984 года заведующий кафедрой анатомии и гистологии Троицкого ветеринарного института А. Н. Малявкин и группа студентов начали раскопки и нашли 126 костей, большая часть которых принадлежала трем мамонтам, и 38 костей лошади. Одна из костей лошади оказалась просверленной, поэтому А. Н. Малявкин предположил наличие поблизости «стоянки первобытных людей». Осенью 1988 года место находки костей обследовал Н. Б. Виноградов. В шурфе, заложенном к северу от места раскопок Малявкина, Н. Б. Виноградов обнаружил «мелкие обломки

Гаринская стоянка

Каменные и костяные изделия стоянки Троицкая 1. 1-4 — скребки; 5 — отщеп со следами использования;

6 — пластина со следами использования; 7-9 — резцы; 10-11 — нуклеусы; 12 — костяное изделие

обгоревших длинных костей крупных животных, один мелкий обломок кости без следов огня и пластинчатый отщеп из зеленоватой яшмы с остатками желвачной корки и следами известкования на поверхности». В июле 1990 года работы на памятнике продолжили специалисты Института истории и археологии и Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН.

На стоянке было вскрыто около 70 кв. м культурного слоя, залегавшего на глубине 0,8–1,0 м от поверхности, на контакте желтовато-коричневого и серовато-желтого суглинков и собственно

в серовато-желтом суглинке. Коллекция со стоянки включает 188 предметов из камня. В качестве сырья использовались хрусталь, желто-серая кремнистая порода, сургучная и красно-зеленая южноуральская яшма и другие породы, встречающиеся в виде галек в долине реки Уй. Среди изделий были нуклеусы (3 экз., в том числе 2 торцовых) для получения микропластинок, скребки (6 экз.), резцы (3 экз., в том числе 2 угловых, 1 двойной боковой). Также была найдена пястная кость уральской лошади со сквозным отверстием — возможно, выпрямитель или орудие для размягчения кожаных ремней.

Костные остатки от четырех особей мамонта представлены без какой-либо выборочности, так как имеются элементы всех отделов скелета у всех особей. Это, а также свидетельство местных жителей, что большое количество костей было унесено ими по домам и уже утеряно, а часть костей зарыта в траншее, позволяет с большой долей вероятности полагать, что здесь находились целые туши этих животных, а не отдельные их части.

Результаты работ свидетельствуют о кратковременном характере стоянки: каменный инвентарь немногочислен и залегает во «взвешенном» состоянии, культурный горизонт не маркирован и не структурирован. Использованное сырье типично для многих верхнепалеолитических памятников как Приуралья, так и Зауралья. Необычно лишь широкое применение горного хрусталя: из него изготовлено 58 % орудий. По этому показателю стоянка близка только памятникам у Каменных Палаток и на озере Большие Аллаки. Несколько необычный выбор материала объясняется частой встречаемостью горного хрусталя в аллювии реки Уй, что подтверждают и сборы археологов. Материал, отбираемый поблизости от стоянки, имел форму галечника, о чем свидетельствует галечная корка на краевых сколах из горного хрусталя, яшмы и кремневых пород. Об этом же свидетельствует большое разнообразие минералогического состава находок. Первичная обработка сырья производилась на стоянке: об этом можно судить по наличию краевых и технических сколов и трех нуклеусов, два из которых находились в начальной стадии использования. Расщепление производилось с целью получения микропластин, а также пластинок и пла-

стин укороченных пропорций, на что, вероятно, оказывал влияние выбор сырья. В то же время для изготовления скребков использовались отщепы и массивные сколы. Характерные приемы вторичной обработки сводятся к применению развитой техники резцового скола, использованию вертикальной, крутой и полукрутой ретуши, нанесенной с лицевой стороны. Ретушь, как правило, краевая, но мелкая и средняя, параллельная и субпараллельная. Для отделки скребка высокой формы применялась и распространенная ламилярная ретушь.

Костные остатки, обнаруженные ранее на памятнике, характер инвентаря и культурного горизонта позволяют в функциональном плане сопоставлять стоянку Троицкую 1 с такими памятниками Западной Сибири, как Гари, Шикаевка II, Волчья Грива, Новый Тартас, Томская стоянка. Сближает с ними Троицкую 1 и такая черта, как изготовление орудий на пластинчатых снятиях укороченных пропорций и их сечениях. Характер этих стоянок определяется исследователями как «кратковременные охотничьи лагеря около организованного природой “кладбища” или отдельных трупов мамонтов, найденных в замороженном состоянии или добытых в результате активных действий». В данном случае добыча четырех особей мамонта, причем трех взрослых, крайне сомнительна, поэтому с большой долей

вероятности можно предположить естественный характер их гибели. Вероятнее всего, трупы были снесены во время весеннего половодья с бортов долины водотоком, который проходил в древности по ложбине, и отложены близ его устья. Судя по набору орудий, на стоянке осуществлялись разделка этих туш и обработка шкур и кости. В относительно большом объеме производилась также обработка дерева. По диафизу бедра мамонта получена радиоуглеродная дата стоянки — $16\,300 \pm 300$ (ИЭРЖ-165) [36].

Стоянка Шикаевка II расположена в деревне Шикаевка Варгашинского района Курганской области, на западном берегу озера Слободчиково, в правобережье Тобола. В конце 1960-х годов житель деревни И. А. Маслов обнаружил в пределах своей усадьбы на глубине 2 м кости крупных животных. Осенью 1970 года старший преподаватель Курганского пединститута Т. М. Потемкина вскрыла в районе находки небольшую площадь и обнаружила среди скопления костей мамонта кремневую пластинку. Сведения о памятнике были переданы руководителю Уральской археологической экспедиции В. Ф. Генингу. В 1971–1973 годах памятник изучали участники этой экспедиции. Ими был вскрыт 741 кв. м площади стоянки. В раскопе вместе с костями двух особей мамонта были обнаружены каменные изделия.

Река Уй

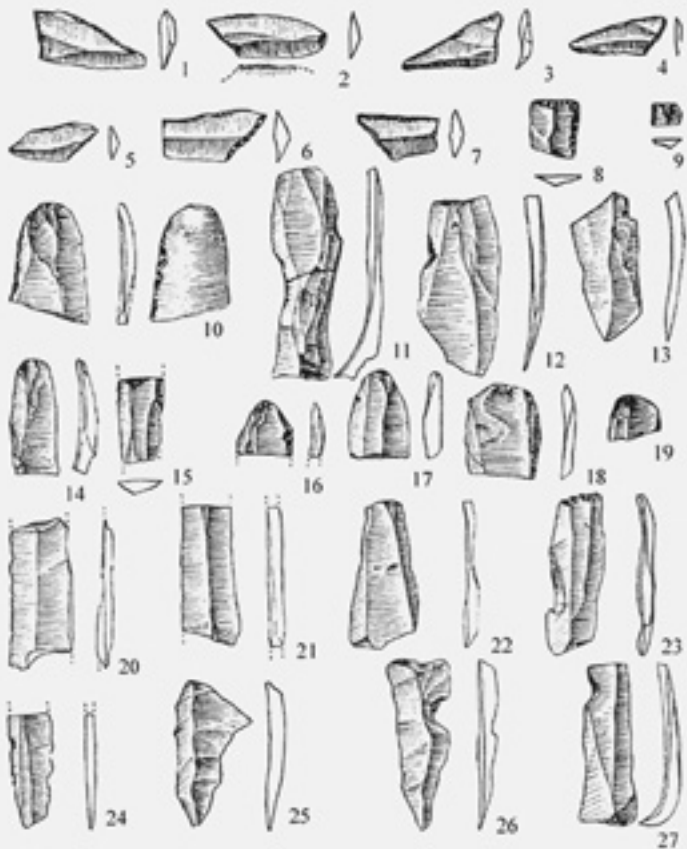
Каменный инвентарь памятника представлен 35 предметами из зелено-красной южноуральской яшмы, большая часть из них — это пластинки и орудия из пластинок. Среди орудий в первую очередь следует отметить предметы геометрических форм (9 экз.), в том числе асимметричные трапеции и треугольники. Набор пластинок включает экземпляры с ретушью, со следами обработки, с выемкой.

Основная масса костей (224 экз.) принадлежит двум особям мамонтов. Найдены практически все части скелетов, за исключением черепов и некоторых дистальных костей конечностей. Кости разных особей часто перекрывали друг друга. Анатоми-

чески правильный порядок отмечен в расположении позвонков, ребер и некоторых других костей. Все это ясно говорит о том, что туши животных не были принесены людьми по частям. Возможно, мамонты погибли на этом месте, либо их трупы были принесены водой и уже на месте разделаны людьми. Остальные 29 костей принадлежат волку, сайге, северному оленю, зайцу, желтой пеструшке, степной пеструшке и другим животным. Наличие костей мамонта и северного оленя придает всему комплексу характер остатков представителей мамонтовой фауны верхнепалеолитического времени. Остальные виды (волк и заяц) также входят в его состав.

План раскопа
стоянки
Шикаевка II

Каменные изделия стоянки Шикаевка II. 1–9 — геометрические микролиты; 10–13 — пластины с краевой ретушью;

14–19 — проксимальные части пластин с эпизодической ретушью; 20–22, 24, 25 — пластины с ретушью утилизации; 23, 26, 27 — пластины с резцовым сколом

По заключению С. М. Цейтлина и В. К. Немковой на основании стратиграфических наблюдений и спорово-пыльцевого анализа, дата образования отложений с культурными остатками может оцениваться в пределах 13–11 тысяч лет назад. Соглашаясь с этим определением в целом, В. Т. Петрин не исключал, что возраст стоянки (учитывая положение культурных остатков в самом основании покровных суглинков) может оказаться на несколько тысячелетий больше. Позже Л. А. Орловой была получена дата по кости мамонта из Шикаевки II — 18 050±95 лет назад (СОАН-2211), подтвердившая предположение В. Т. Петрина. Авторами исследований памятник интерпретируется как место разделки туш мамонтов [29].

Каменные изделия стоянки Игнatieвская 2. Фото В. Н. Широкова

Небольшая стоянка открытого типа **Игнatieвская 2** была найдена недалеко от Игнatieвской пещеры, юго-западнее ее, на большой поляне. При сооружении котлована под фундамент для дома охранника были обнаружены остатки стоянки каменного века. Памятник приурочен к тыловой части первой надпойменной террасы реки Сим, переотложенные материалы залежали на контакте гумусированной супеси и руслового галечника. Коллекция со стоянки включает 176 изделий из камня: реберчатый скол, пластины без ретуши и их фрагменты (12 экземпляров), два скребка, пластину с ретушью, две косоусеченные выемчатые пластины, резчик, две пластины с ретушью утилизации. Большая часть находок — это отходы производства каменных орудий: отщепы (75 экземпляров), чешуйки и осколки (75), пять фрагментов расколотых галек. Несмотря на незначительное количество орудий

в коллекции, они очень выразительны и находят аналоги среди материалов финального палеолита. Имеются в виду пластины с усеченным ретушью концом. Они обработаны отвесной ретушью, образующей скошенные выемки. Подобные изделия встречены в Игнatieвской пещере.

В коллекции каменных изделий из Игнatieвской пещеры есть вещи, тождественные найденным на стоянке Игнatieвская 2 как по сырью, так и по типу. В этой связи радиоуглеродную дату $10\,400 \pm 465$ лет от наших дней для слоя посещения Игнatieвской пещеры следует принять как ориентировочный хронологический рубеж завершения функционирования декорированного верхнепалеолитического святилища в Игнatieвской пещере [37].

Среди всех стоянок открытого типа на Южном Урале совершенно особняком стоит **стоянка Большие Аллаки 2**, которая находится на юго-восточном берегу одноименного озера в Каслин-

ском районе Челябинской области. На берегу озера расположены останцы высотой не более 8 м (14 м над уровнем воды), сложенные крупнозернистым гранитом. На этих останцах в 1913–1914 годах В. Я. и И. Я. Толмачевыми были обнаружены три писаницы, собран подъемный материал. Часть находок передали местные крестьяне. У подножия каменных палаток под самой крупной писаницей И. Я. Толмачев произвел раскопки на площади 8 кв. м и получил богатый археологический материал. В. Я. Толмачев собирал также сведения о других находках на озере Большие Аллаки. Он приводит данные, полученные от В. П. Трутнева, который случайно нашел в 20–30 м к востоку от скал с рисунками два человеческих черепа, закопанных на небольшой глубине, в удалении от них — медное копьё и медного птицевидного идола. Определить время захоронения человеческих черепов невозможно; копьё, вероятно, относится к раннему железному веку,

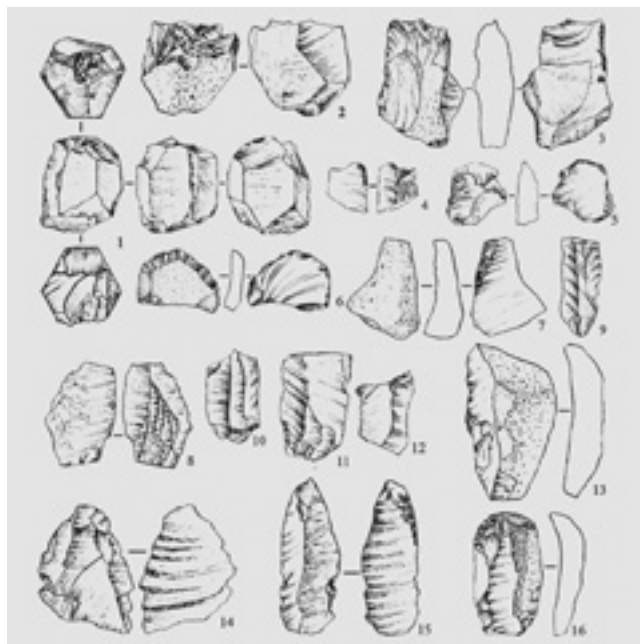
а птицевидный идол — уже к Средневековью. Позже рисунки И. А. Толмачева и описание части находок были опубликованы В. Н. Чернецовым.

В 1969 году В. Т. Петриным было осуществлено копирование уже известных наскальных изображений и найдена новая группа рисунков, а в 1972 году раскоп И. Я. Толмачева был расширен до 20 кв. м. Во время раскопок было получено несколько сотен разнообразных предметов из камня, глины, металла и кости. Только различных наконечников было собрано более ста экземпляров. Все они находились на расстоянии не более 1,5 м от скалы, причем многие из каменных наконечников оказались сломанными или имели характерный тупящий скол на острие, а кончики бронзовых наконечников были погнуты, что является неоспоримым свидетельством того, что в скалу с рисунками стреляли из луков. Найденные наконечники стрел изготовлены из кремня и яшмы, являют собой различные типы и изготовлены в разное время. Так, часть стрел была сделана из пластинок в виде геометрических микролитов — трапеций, время их бытования на Урале — от мезолита до энеолита. Другой тип наконечников — так называемые «кельтеминарские». Основной район распространения — от Арало-Каспия до Урала; они в основном использовались в неолите и энеолите. Наконечники из кремня, обработанные ретушью с двух сторон, бытовали также в неолите и энеолите. Бронзовые литые наконечники относятся уже к раннему железному веку, к скифскому времени — от VII до III века до н. э. Фрагменты керамики говорят о том, что такой посудой пользовались в эпоху камня и в бронзовом веке.

Позже раскопы 1 и 2 общей площадью около 80 кв. м были заложены в двух местах: первый — на относительно ровной площадке, ограниченной скальными выходами с юга, запада и севера; второй — на склоне. В первом сверху культурном слое были обнаружены 213 каменных изделий из различных кремнистых пород, 387 обломков глиняных сосудов, бронзовый наконечник стрелы и около 350 различных по сохранности костей животных. Во втором (нижнем) культурном слое были найдены 156 артефактов и обломки костей лошади.

Уникальным является комплекс изделий из горного хрусталя, преимущественно из кристаллов (164 экз.): заготовки нуклеусов (3 экз.) и их обломки (6), пластины без обработки (12), пластины с ретушью (11), скребки (2), пластины с ретушью утилизации (5), отходы производства (130). По костям из культурного слоя была получена радиоуглеродная дата — $24\,760 \pm 1095$ лет назад (СОАН-2213).

Своеобразие материала, использованного человеком (горный хрусталь), необычная топография (удаленность от воды и возвышенность), почитание

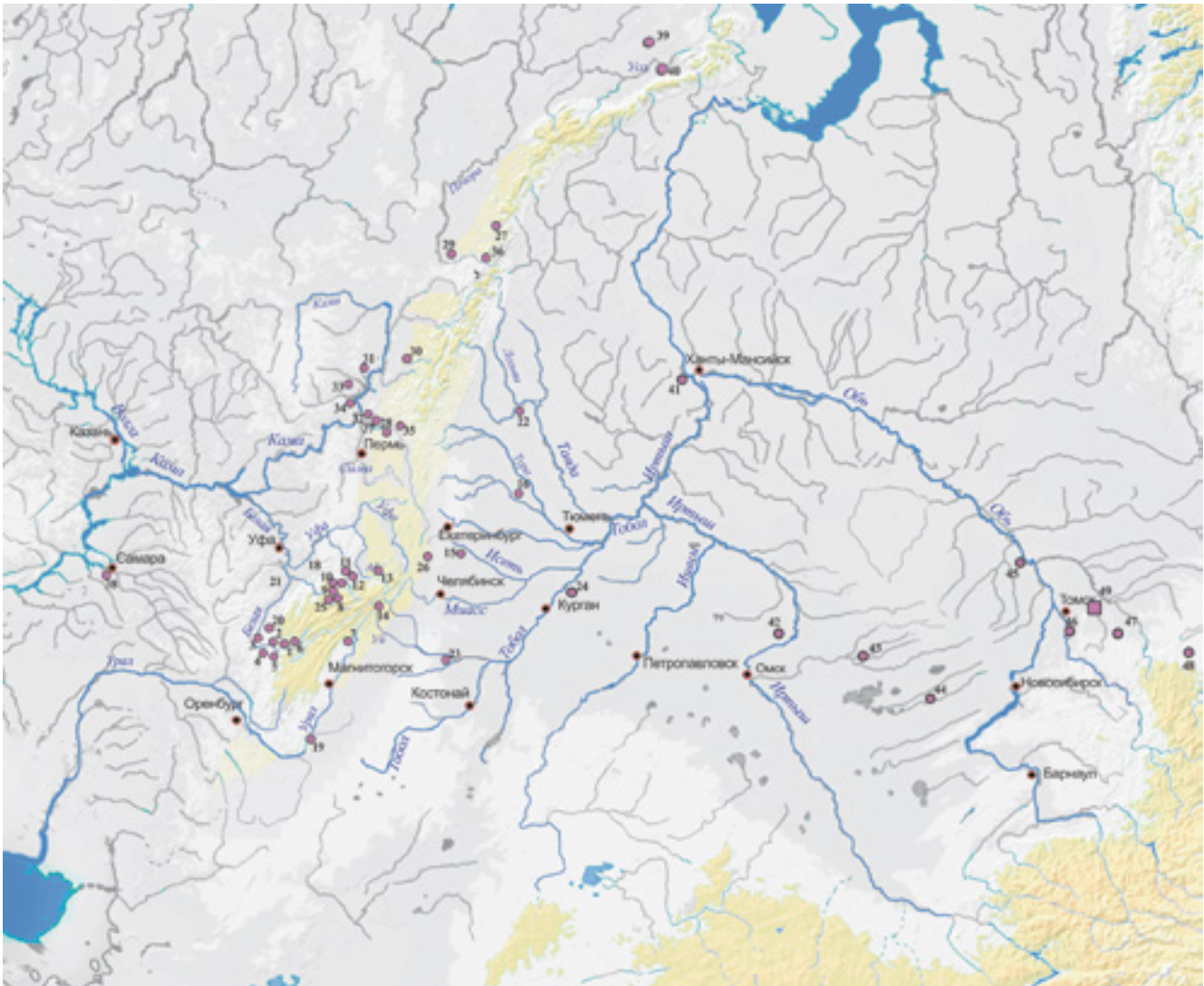

Каменные орудия из второго культурного горизонта археологического объекта Большие Аллаки 2: 1, 2 — преформы; 3 — орудие на отщепе; 4, 5, 13, 14 — отщепы; 6, 16 — скребки; 7 — орудие на отщепе; 8–12, 15 — ретушированные пластины

Горный хрусталь в природе

«каменных палаток» в различные исторические периоды позволяют сделать вывод о том, что территория около каменных палаток на юго-восточном берегу озера Большие Аллаки использовалась не только для охотничье-промысловой стоянки, но и как святилище с эпохи палеолита. Похожий хрустальный комплекс палеолитического времени был обнаружен при раскопках стоянки Троицкая I.

Таким образом, в настоящее время на Южном Урале и в Зауралье известно 25 основных памятников верхнего палеолита, содержащих наиболее значительные культурные остатки, прежде всего орудия из камня и единичные экземпляры изделий из кости. Из них восемь памятников квалифицируются как местонахождения и стоянки открытого типа и 17 — как стоянки в пещерах и гротах.

Карта памятников позднего палеолита.

1 — пещера Шульган-Таш (Капова); 2 — пещера Кульбурт-Тамак; 3 — пещера Мурадымовская I; 4 — пещера Мурадымовская 2-я; 5 — пещера Мурадымовская 2-я; 6 — грот Максютковский; 7 — пещеры Смеловские I-II; 8 — пещера Игнatieвская; 9 — пещера Серпиевская 2; 10 — гроты у Каменного кольца; 11 — пещера Ключевая;

12 — пещера Бурановская; 13 — пещера Сикияз-Тамак I; 14 — утес-навес Устиново; 15 — грот Зотинский I; 16 — грот Безымянный; 17 — грот Бобылек; 18 — пещера Заповедная; 19 — местонахождения Ириклинские I-V; 20 — стоянка Сергеевка 1; 21 — местонахождение Горново; 22 — стоянка Гари; 23 — стоянка Троицкая I; 24 — стоянка Шикаевка II; 25 — стоянка Игнatieвская 2;

26 — стоянка Большие Аллаки 2; 27 — стоянка Мамонтова Курья; 28 — стоянка Заозерье; 29 — стоянка Бызовая; 30 — грот Близначева; 31 — стоянка Гарчи I; 32 — стоянка Талицкого; 33 — стоянка Широфаново II; 34 — местонахождение Ганичата II; 35 — грот Большой Глухой; 36 — стоянка Медвежья пещера; 37 — стоянка Горная Талица;

38 — стоянка Постников овраг; 39 — грот Пывма-Шор; 40 — местонахождение Мамонтова Курья; 41 — Луговское; 42 — Черноозерье II; 43 — Новый Тартас, Венгеро-5; 44 — Волчья грива; 45 — Могочино I; 46 — Томская стоянка; 47 — Шестаково; 48 — Березовый ручей; 49 — Арышевское 1

Хронология памятников верхнего палеолита Южного Урала и Зауралья основывается на 36 радиоуглеродных датах, полученных в ходе исследования 19 памятников. Подавляющее большинство стоянок в пещерах и гротах укладываются во временной диапазон 13–16 тысяч лет назад. Исключения составляют три ранние даты пещеры Смеловская II, дата грота Безымянного и две более поздние даты пещер Балатукай [11 900 ± 130 (СОАН-7271)] и Сикияз-Тамак [11 690 ± 70 (GrA18661)]. Шесть дат функционирования стоянок открытого типа указывают на более раннее время — 16–29 тысяч лет назад.

Однако памятники позднего (верхнего) палеолита Урала имеются не только на территории Южного Урала и Зауралья. Близкие по своим характеристикам остатки материальной культуры были исследованы в Прикамье и в Западной Сибири.

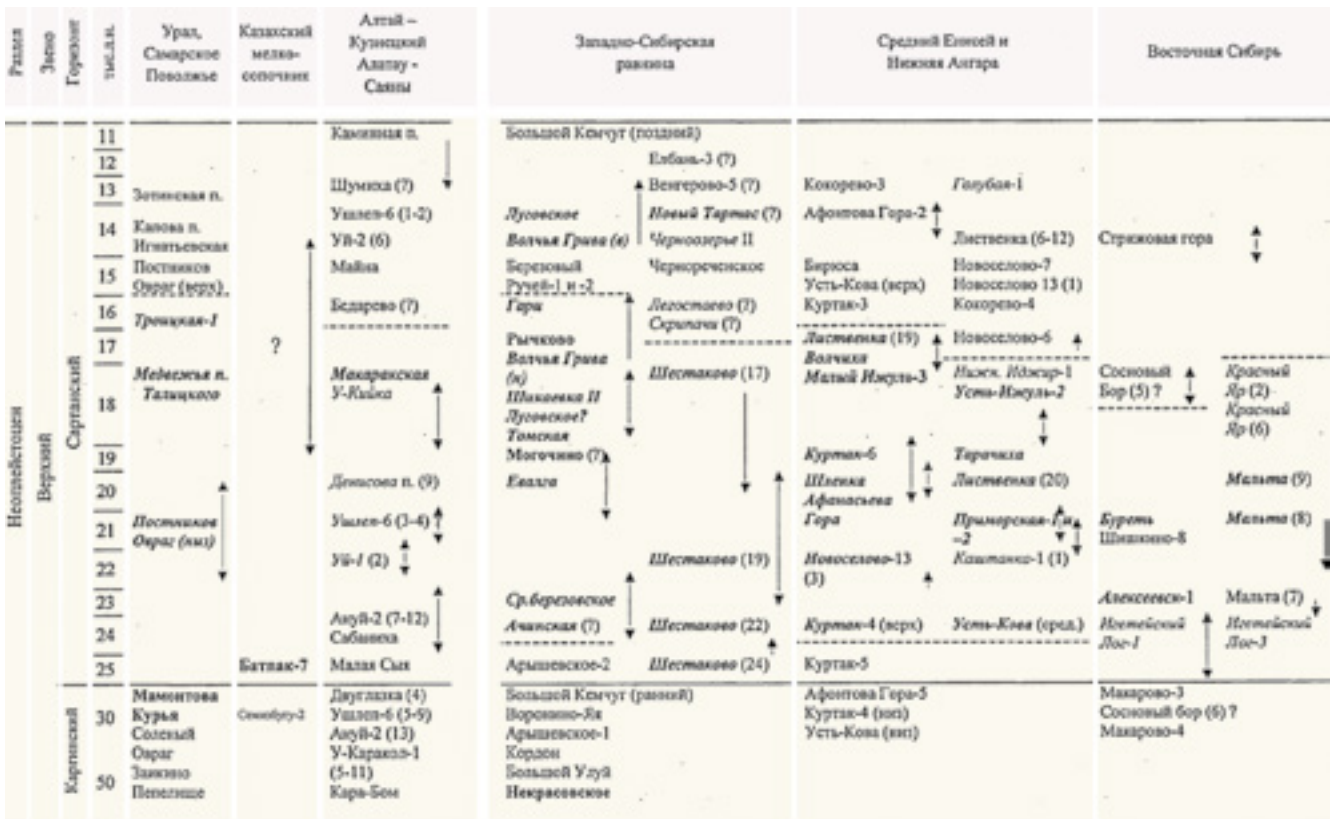
Хронология и корреляция основных палеолитических стоянок Западно-Сибирской равнины и сопредельных

территорий второй половины позднего неоплейстоцена (по В. И. Зенину)

Хронология уральского палеолита

Хронология позднего палеолита Урала основана на полученных в разные годы радиоуглеродных и AMS-датах. Все исследованные памятники позднего палеолита Урала, Западной Сибири и Волго-Уралья можно разделить на четыре достаточно условные пространственно-хронологические группы.

К первой относятся стоянки, существовавшие в Среднем и Северном Предуралье 38–33 тысяч лет назад: Мамонтова Курья (бассейн Печоры) и Заозерье (бассейн верхней Камы), а также Гарчи I (верхний слой), грот Блинецова (бассейн верхней Камы) и Бызовая (бассейн Печоры), которые функционировали 29–28 тысяч лет назад и достоверно относятся к костенковско-стрелецкой культуре ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы. Эти стоянки по характеристикам материальной культуры выделяются в общей картине позднего палеолита Урало-Сибирского региона и характерны только для Среднего и Северного Предуралья.

Примечания. Жирный шрифт указывает на присутствие костей мамонта, курсив – на наличие микролитов, штрих-линия – границы индустрий среднего этапа позднего палеолита Сибири, а – верх, н – низ, п. – пещера

Вторая группа — это позднепалеолитические стоянки Урала и Западной Сибири (Большие Аллаки 2, Шикаевка II, Гари, Троицкая I и другие), а также нижний слой Постникова Оврага в Поволжье, которые датируются хронологическим промежутком 27–16 тысяч лет назад. Сходство индустрий этих памятников отчетливо фиксируется в технике расщепления и сочетании основных категорий инвентаря: нуклеусы плоские, торцовые, сопряженные, скребки на отщепах, мелкие ретушированные пластинки, боковые и угловые резцы, долотовидные орудия. Ряд типов характерен для памятников, расположенных на весьма отдаленных территориях, но обладают поразительным сходством. Это микроострия, короткие скребки высокой формы, пластинки с ретушированным вогнутым лезвием на месте ударной площадки, пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушированными выемками и др.

К третьей группе можно отнести в основном памятники Южного Урала: Капову, Игнatieвскую и Смеловскую пещеры, гроты Бобылек, Зотинский, пещеры Байсланташ, Кульюрт-Тамак и другие — наиболее поздние в рамках верхнего палеолита Урала, которые датируются в пределах 15–13 тысяч лет назад, а также верхний слой стоянки Постников Овраг. Для этих комплексов характерно развитое пластинчатое расщепление, ретушированные пластинки, в том числе усеченные, резцы ретушные боковые и угловые, микропластинки с притупленным краем, скребки, орудия с выступом-«шипом», зубчатым и фигурным краем, долотовидные орудия.

Последняя группа — это финальнопалеолитические — раннемезолитические памятники, которые пока известны только в Пермском Предуралье, датируемые временем 11–9,5 тысячи лет назад. Наиболее ярким и представительным памятником этого времени является известная стоянка Горная Талица.

Характеристики материальной культуры памятников позднего палеолита частично перекрываются территориально и хронологически. Их каменные индустрии, основанные на технике изготовления мелких пластин, появившейся еще более 30 тысяч лет назад в карабумовской и усть-каракольской

традициях, представляют одну продолжающуюся линию развития технокомплексов позднего палеолита Урала и Западной Сибири и имеют близкие характеристики комплексов от Пермского Предуралья до юга Урала и от Среднего Поволжья до Приобья [15].

Система жизнеобеспечения в палеолите

Близкие приемы и технологии изготовления орудий, существовавшие на огромной территории от Волги до Оби и в значительном хронологическом диапазоне от 25 до 11 тысяч лет назад, могли функционировать только в единой системе жизнеобеспечения, направленной на максимальную адаптацию человеческих коллективов к окружающей, далеко не всегда благоприятной среде позднего палеолита. Система жизнеобеспечения — это целый комплекс средств и мероприятий, которые должны были обеспечить возможность выживания древнего человека. Эта система включала в себя технику и технологию изготовления орудий труда, варианты домостроения в зависимости от конкретного места, способы добывания пищи и т. п.

Около 50–40 тысяч лет назад, во время перехода от среднего палеолита к позднему (верхнему), наряду с неуклонным развитием техники обработки камня изобретаются новые способы раскалывания кремня и получения заготовок для изготовления орудий. Эволюция технологии прослеживается прежде всего в переходе от леваллуазской техники откалывания от нуклеуса крупных одиночных, часто подтреугольных пластин, из которых делали остроконечники и скребла, к серийному отщеплению от нуклеусов призматической формы пластин и микропластин правильной формы с параллельными гранями.

Возникновение новой технологии позволило в дальнейшем прийти к получению стандартных пластинчатых заготовок, которые использовались для совершенных вкладышевых орудий — накопечников, ножей, кинжалов.

Древние мастера с большим вниманием относились к материалу, из которого они изготавливали

свои инструменты. Использовался не просто камень, удобный для расщепления и производства изделия, — во главу угла ставились еще и такие его свойства, которые должны были проявиться после изготовления из него орудия. Учитывались особенности будущего взаимодействия инструмента и того сырья, которое им придется обрабатывать.

Что же был обязан знать человек, чтобы делать орудия из камня? Общие требования по результатам собственной экспериментальной работы очень четко обозначил археолог-экспериментатор из Новосибирска П. В. Волков:

1. Месторождения и свойства кремнистых пород (где, что и как добывать; характеристики камня как материала для расщепления: структура, зернистость, вязкость, износоустойчивость и т. п.).

2. Способы подготовки сырья перед расщеплением: термическая обработка (температурные режимы разогрева и охлаждения), искусственное насыщение породы влагой и способы хранения сырья.

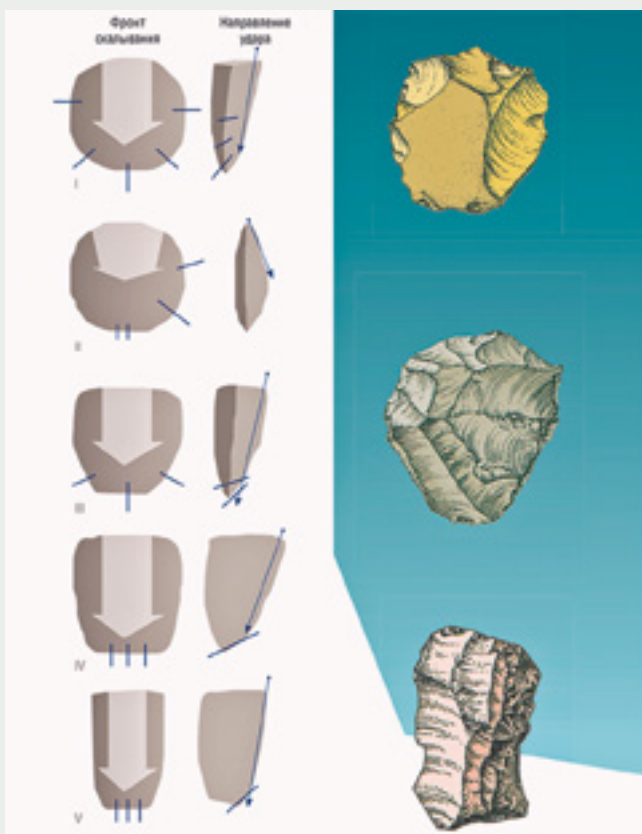
3. Оптимизация формы сырья для регулярного расщепления (какой наиболее рациональной формы должен быть камень тогда, когда с него скалывают стандартные заготовки орудий из отщепов или пластин).

4. Способы и эффективность различных способов формирования импульса силы (как воздействовать на камень: удар, отжим, удар «через посредники» различных типов, усиленный отжим, различного рода ретушь и т. д.).

5. Инструментарий для расщепления (свойства материалов отбойников, посредников, отжимников, ретушеров и т. д.).

6. Теоретические знания о распространении волн в изотропных телах различных форм (особенности движения и отражения ударной волны в расщепляемом камне).

7. Теория и практика аномалий (преодоление трудностей, создаваемых дефектами сырья, способы исправления ошибок, совершенных в процессе расщепления).

Стадии эволюции технологии подготовки и расщепления нуклеусов.

Стоянка Усть-Каракол-1 (по А. П. Деревянко, П. В. Волкову)

На Горном Алтае в результате полевых исследований хорошо стратифицированных стоянок (пещерных и открытого типа), расположенных сравнительно недалеко друг от друга, удалось проследить эволюцию технологии производства каменных орудий за последние сто тысяч лет.

Многослойная палеолитическая стоянка **Усть-Каракол 1** находится на расстоянии 3 км от Денисовой пещеры. Изучение технологического процесса изготовления найденных на этой стоянке орудий позволяет в 100–30 тысяч лет назад проследить динамику изменений в подготовке и расщеплении нуклеусов — кусков камня, с которых «снимали» заготовки для каменных орудий:

I–II стадии. Форма нуклеуса предполагает получение относительно широкого отщепа. Поддержание необходимой

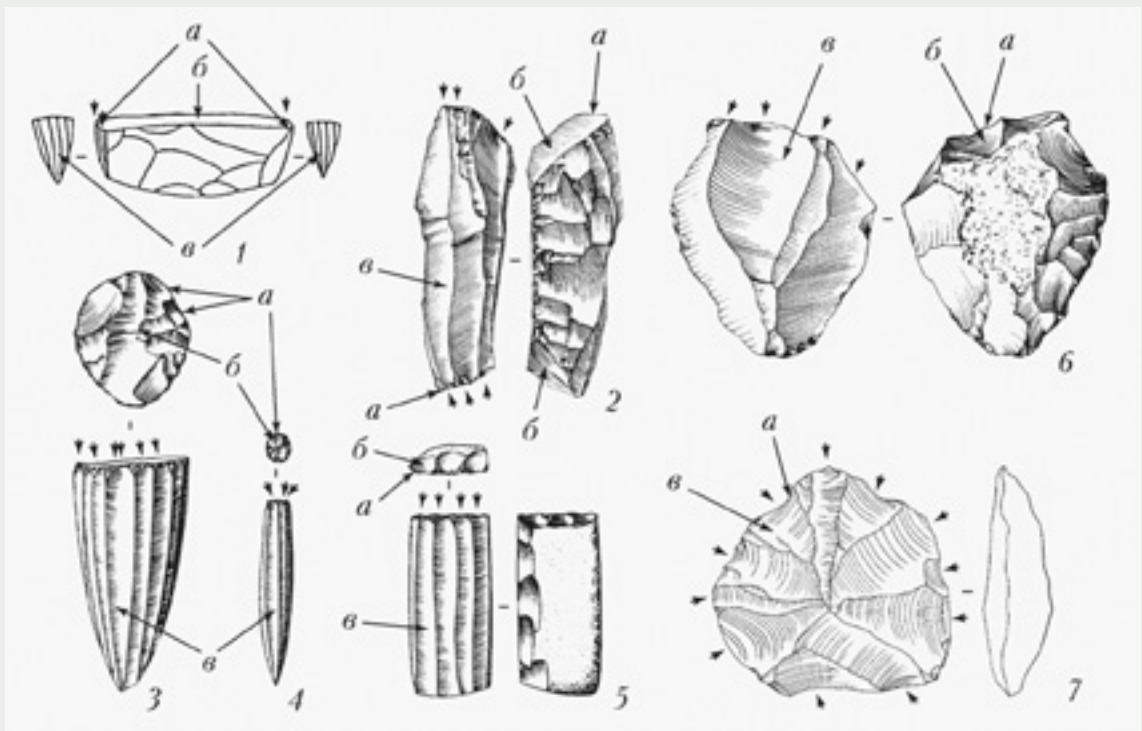
формы основного фронта нуклеуса осуществляется вспомогательными снятиями лишнего материала с его боковой и нижней частей.

III–IV стадии. Фронт нуклеуса трансформируется в подпрямоугольную форму. Процесс расщепления начинает постепенно приобретать отчетливые признаки пластинчатого.

V стадия. Вспомогательные снятия для поддержания формы основного фронта нуклеуса производятся исключительно со стороны боковой части. В основании нуклеуса появляется специально подготовленная вспомогательная площадка. Подпрямоугольный фронт нуклеуса становится более удлиненным.

Основные снятия заготовок с нуклеусов последних двух типов часто производились многократно. Нуклеусы, как и полученные с них сколы, приобретали характер пластин.

Нуклеусы: 1 — типа юбецу; 2 — призматический двуплощадочный; 3 — конусовидный; 4 — карандашевидный; 5 — уплощенный одноплощадочный; 6 — леваллуазский; 7 — дисковидный; а — рабочая кромка, б — ударная площадка, в — фронт скальвания; короткие стрелки — места нанесения ударов при скальвании

Нуклеус (от лат. nucleus — ядро) — ядрище, изготовленное из кремнистой породы, от которого отбивались или отжимались заготовки — пластины или отщепы — для изготовления каменных орудий. Нуклеус всегда имеет ударную площадку, то есть плоскость, специально подготовленную для нанесения удара при отколе отщепов или отжиме пластин. В раннем палеолите использовались дисковидные и черепашковидные нуклеусы для получения отщепов. В позднем палеолите, мезолите, неолите и энеолите Урала были распространены конические, карандашевидные и призматические нуклеусы, получившие названия по визуально наблюдаемой форме. Они изготавливались на плитках и желваках кремня и яшмы исключительно для получения тонких призматических пластинок.

Пластины — продукты расщепления нуклеуса с параллельными краями и гранями, длина которых превышает их ширину не менее чем в два раза. Для Урала в позднем палеолите, мезолите, неолите и энеолите характерны тонкие призматические пластинки с острыми краями, треугольные или трапециевидные в сечении, которые использовались как заготовки для различных орудий, или как орудия без дополнительной обработки (например, ножи), или как вкладыши для составных орудий. Та сторона пластинки, по которой проходят грани, называется спинкой, противоположная гладкая сторона, по которой пластинка откальвалась от нуклеуса, называется брюшком. Для обработки пластин и изготовления орудий использовалась ретушь.

Пластины. Графическая реконструкция

Пластина из Каповой пещеры. Фото В. Г. Котова

И это, по его мнению, только описание области знаний, что-то вроде оглавления устного «учебника» эпохи каменного века [6].

В течение всей предыдущей истории человечества для получения заготовок и изготовления орудий использовалась ударная техника раскалывания камня. Для того чтобы отделить заготовку (пластину или отщеп) от нуклеуса, требуется довольно мощный удар, направленный в определенную точку.

Для этого использовался отбойник. Но при раскалывании камня отбойником очень трудно нанести удар достаточно прицельно. Точка приложения импульса силы в реальности редко совпадает с технологически необходимым местом. При работе отбойником сколы всегда получаются нерегулярного характера — пластины и отщепы неодинаковы по объему и конфигурации. Главным изобретением в то время было использование отжима как основного способа создания импульса расщепляющей камень силы. При отжимной технике можно очень точно выбрать место приложения силы. Если при ударе импульс прилагаемой энергии очень короткий и изгибает снимаемый скол на коротком участке, то при отжиме, предполагающем плавное увеличение давления, импульс длиннее, следовательно, с помощью отжима можно снять более длинный и тонкий скол, чем при ударной технике, а это в свою очередь означает возможность получения пластин с параллельными тонкими краями — практически уже готовых режущих орудий.

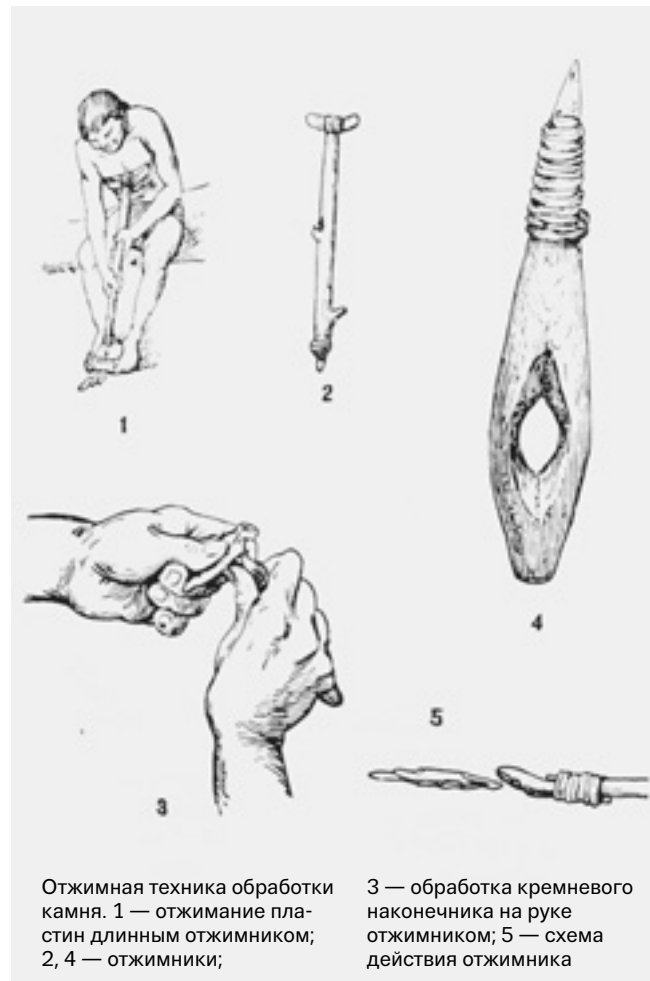
На Урале на памятниках позднего палеолита представлены плоскостные, призматические и торцовые нуклеусы небольших размеров. Основной заготовкой для изготовления орудий служили пластины длиной 2–5 см.

В числе изделий с вторичной обработкой представлены: пластины с краевой ретушью, иногда образующей выемки; усеченные пластины; пластины с притупленной спинкой; боковые, поперечные и угловые резцы; скребки концевые на пластинах и пластинчатых отщепах (встречаются также высокой формы) и округлые на отщепах; долотовидные изделия; галечные орудия. Различия в инвентаре между отдельными стоянками отмечаются в деталях вторичной отделки орудий и их типологиче-

ском разнообразии. Показательно наличие такого типа изделий, как пластинки с ретушью, нанесенной со спинки на месте ударной площадки.

Помимо изделий из камня в хозяйстве в древности использовались и органические материалы. Именно в это время обработка кости, рога и бивня достигла высочайшего уровня развития. На Урале изделия из кости, рога и бивня мамонта найдены на 22 позднепалеолитических памятниках. Для изготовления костяных изделий использовалась кость мамонта, северного оленя, шерстистого носорога, дикой лошади, лебедя, лося, бизона и зайца. Большое внимание изучению этой категории находок уделил Ю. Б. Сериков.

Наиболее полно представлены изделия из кости, которые найдены на 18 памятниках и насчитывают свыше 20 типов. Скребла, скребки и скобели, для изготовления которых применяли расколотые трубчатые кости копытных животных, найдены

Отжимная техника обработки камня. 1 — отжимание пластин длинным отжимником; 2, 4 — отжимники;

3 — обработка кремневого наконечника на руке отжимником; 5 — схема действия отжимника

Диадема из бивня мамонта.
Стоянка в Денисовой пещере

в пещерах Медвежья и Байсланташ, а также в гроте Бобылек. Из расколотых костей изготавливались проколки и шилья (обнаружены в гроте Безмянном, Каповой пещере, пещере Байсланташ и др.). Обломки игл найдены только на стоянке Талицкого и в пещере Байсланташ.

Землекопные орудия из ребра мамонта встречаются в гроте Бобылек и на Гаринской стоянке. Единичными изделиями в палеолитической коллекции Урала представлены лоцила, нож, струг, долото, разбивник и выпрямитель древков. Два лоцила выявлены на стоянке Талицкого и в гроте Бобылек. Нож из оббитой и ретушированной кости найден в Каповой пещере. Струг с Гаринской стоянки изготовлен из ребра мамонта. Долото из плечевой кости северного оленя обнаружено в Медвежьей пещере. В качестве разбивника для разминания ремней в гроте Бобылек служила трубчатая кость лошади. Также из кости лошади на стоянке Троицкой I изготовлено орудие, которое можно отнести к выпрямителям древков.

Часть костей могла использоваться в каких-то конструкциях на Гаринской стоянке, местонахождениях Евалга и Демин Мыс. У бедренной и двух берцовых костей мамонта с торца проделано каналовидное отверстие диаметром около 5 см и длиной 13–15 см. Такие кости мамонта могли исполь-

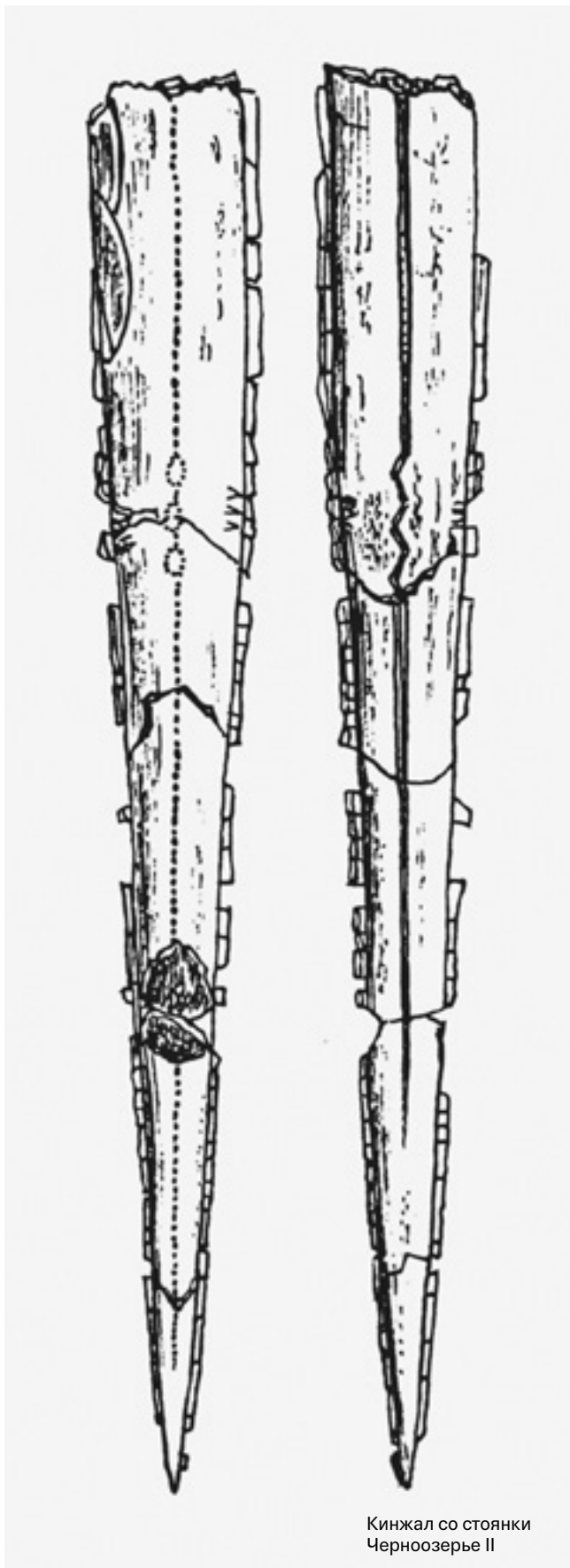
зоваться в качестве части вертельной перекладки. Еще у шести костей — берцовой мамонта, четырех берцовых носорога и метаподии носорога — выемки диаметром 4–5 см и глубиной около 3 см проделаны на боковой поверхности. Большая группа костей мамонта с Гаринской стоянки использовалась в качестве абразивов. Чаще всего (в 25 случаях) для этой цели применялись ребра мамонта. В одном случае абразивом служила плечевая кость молодого мамонта.

Известны в палеолите Урала и разного вида подставки, рабочие столики, наковальни. Для их изготовления использовались отпавшие эпифизы крупных костей мамонта, таз и позвонок мамонта, а также плечевая кость носорога. В качестве ударных инструментов применялись скуловая дуга, обломок массивного ребра и лучевые кости мамонта.

Изделия из бивня мамонта встречены на 12 памятниках. На местонахождении Мамонтова Курья найден бивень мамонта с ритмическими насечками, на стоянке Заозерье — плоское острие, 11 фрагментов пластинок со следами резания и 2 обломка шлифованных изделий из бивня мамонта. Два стержня из бивня с неглубокими пазами и землекопное орудие из концевой части бивня мамонта обнаружено в Медвежьей пещере. На Гаринской стоянке в качестве рубящего орудия использовалась концевая часть бивня молодого мамонта. Остальные находки представлены обломками бивней мамонтов со следами обработки и сбитыми с бивней отщепами.

Изделия из рога встречены на пяти памятниках. Муфта и обломок мотыги из рога северного оленя найдены в Медвежьей пещере, две мотыги, изготовленные из рога лося, — в Усть-Койвинской пещере, фрагменты рога северного оленя со следами рубки — в гроте Бобылек, на стоянках Заозерье и Гаринская [33].

Во второй половине верхнего палеолита появляются составные, или вкладышевые орудия, которые, несомненно, были очень важным новым технологическим достижением. На основе техники раскалывания призматических нуклеусов верхнепалеолитические мастера научились получать правильные миниатюрные пластинки, очень тонкие и имеющие острые режущие края. Изделия, ширина которых не превышает одного 1 см, а дли-

Кинжал со стоянки
Черноозерье II

на — 5 см, называют микропластинками. Из них изготавливалось значительное количество орудий, в том числе вкладыши — составные части лезвия. Вставляя ретушированные микропластинки в основу из дерева, кости или рога, можно было получить режущие лезвия значительной длины и разнообразной формы. При поломке составного изделия можно было заменить только поврежденную часть лезвия, а не делать его целиком заново. Особенно широко этот прием применялся при изготовлении наконечников копий и кинжалов.

Вкладышевые кинжалы из кости отмечены на стоянке Талицкого и в гроте Бобылек, кинжал из трубчатой кости — в гроте Безымянном, вкладышевое изделие из ребра северного оленя — в Медвежьей пещере. Замечательные вкладышевые изделия из бивня мамонта найдены в Шайтанской пещере. Одно из них — это наконечник стрелы или дротика длиной 22 см. От второго наконечника сохранился только обломок. Обломок вкладышевого кинжала обнаружен в гроте Бобылек.

Прекрасным образцом вкладышевого орудия является костяной кинжал со стоянки позднего палеолита Черноозерье II. Кинжал изготовлен из трубчатой кости быка длиной почти 40 см, шириной 4 см и толщиной чуть более 1 см. Клинок обоюдоострый, правильной сильно вытянутой формы. Поверхность его очень тщательно заполирована. Лезвие кинжала длиной 20,3 см и шириной 0,6–0,3 см составлено из пластинок-вкладышей: на одной грани сохранилось 28 вкладышей, на другой — 45. Пластины аккуратно вставлены в пазы треугольной формы глубиной 2,5–3 мм, причем глубина паза уменьшается к острию. Пластины-вкладыши были закреплены в пазах каким-то органическим веществом, которое за прошедшие тысячи лет превратилось в известь. Рукоять кинжала обломана по двум просверленным отверстиям, вероятно, использовавшимся для подвешивания кинжала к поясу или на шею. Поверхность клинка украшена орнаментом — по центральной оси расположен целый ряд высверленных точек глубиной 1,5 мм. Линия точек прерывается тремя примыкающими друг к другу ромбами. На обратной стороне прорезаны желобок и зигзаги. Хотя кинжал сохранился не очень хорошо, ведь ему 13 тысяч лет,

понятно, какую ювелирную работу могли выполнять мастера того времени. Все это свидетельствует о высоком уровне развития древних технологий, о большом опыте и мастерстве косторезов позднего палеолита.

Система жизнеобеспечения в эпоху позднего палеолита включала в себя несколько вариантов хозяйственной специализации стоянок.

Остатки палеолитических жилищ выделены практически во всех ареалах позднепалеолитической культуры. Наиболее часто при раскопках поселений и стоянок позднего палеолита встречаются некоторые элементы и структуры культурного слоя. Прежде всего это очаг — естественный центр хозяйственной деятельности древнего человека. Выделяются несколько разных очажных конструкций, созданных с использованием каменных плит и валунов. Простейший способ ограждения огня — кольцевая плоская выкладка. Углубленные в землю очаги окружали поставленными наклонно или вертикально каменными плитами. В последнем случае очаги представляли собой прототип примитивной печи. Иногда очаг использовали для нагревания камней, которые затем уносили в жилище или на которых готовили пищу. Подобные очаги представлены набросами из множества растрескавшихся от огня обломков камня. Рядом с очагом находились небольшие ямки, в которых пекли. Каменные плитки использовали не только для обкладки очага, но и для сооружения плоских вымосток, вероятно, прикрывавших влажные топкие места поблизости от жилья.

Другой вид хозяйственной структуры — так называемые рабочие площадки, или остатки мастерских по расщеплению камня и изготовлению орудий. Обычно они имеют вид округлых или овальных скоплений предметов, расщепленного камня. Известны случаи, когда рядом с подобными площадками лежали крупные камни, которые могли быть использованы как сиденья для древних умельцев. Мастерские находились близ очагов или в изолированных местах. По характеру находок различают скопления с большим количеством отходов производства (места, где проводилась обработка камня по полному циклу или осуществлялось преимущественно первичное раскалывание) и с высоким содержанием орудий, что указывает на разную специализацию рабочих площадок. Кроме того, на палеолитических стоянках часто встречаются разнообразные ямы: от очень крупных жилищ костей до мелких углублений.

На Урале сезонные селища с остатками жилых конструкций верхнего палеолита в виде очагов, ям, «точков» и тому подобного встречены в Среднем Предуралье на стоянках Талицкого, Гарчи I, Широфаново II, а также в Западной Сибири на стоянке Черноозерье II. На стоянке Талицкого зафиксированы остатки как минимум трех наземных жилищ и выкладки из плиток сланца. Находки локализовались преимущественно вокруг очагов, образуя несколько крупных скоплений. Внутри этих скоплений найдены очажные ямы округлой или неправильной округлой формы. Они были заполнены пережеванными и обугленными костями. Вблизи очагов находились многочисленные узкие

Поселок верхнего палеолита.
Реконструкция

Палеолитическое стойбище.
Реконструкция

ямки, в ряде случаев с остатками вертикально стоящих крупных трубчатых костей. О. Н. Бадер предполагал, что это остатки конструкций ветровых заслонов. Основной хозяйством была сезонная охота на северного оленя, кости которого преобладают в культурном слое наряду с костями мамонта, лошади, носорога и других животных [41].

На стоянке Гарчи I выявлено два скопления культурных остатков овальной формы. Площадь одного из них, с линией очагов в центральной части, составляет не менее 20 кв. м. Особенности планировки и характер залегания культурного слоя в скоплениях позволяют сделать вывод о том, что они представляют собой остатки сравнительно больших наземных жилых сооружений. Состав находок в скоплениях, представленных в подавляющем большинстве отходами изготовления треугольных наконечников стрел или копий, позволяют отнести этот памятник к числу базовых охотничьих лагерей.

На стоянке Широфаново II на расстоянии около 60 м было выявлено два скопления каменных изделий и костей животных, принадлежавших преимущественно лошади, а также северному оленю, мамонту и носорогу. Оба скопления имеют округлую форму, размерами 20×10 м и площадью около 200 кв. м. В целом общая площадь стоянки могла составлять не менее 2000 кв. м. Стоянка Широфаново II имеет общие черты со стоянкой Талицкого в группировке культурных остатков на площади памятника.

Остатки скелетов основного вида промысловых животных на стоянках Талицкого и Широ-

фаново II представлены почти исключительно раздробленными костями конечностей и черепами. Это, вероятно, может говорить о том, что основой хозяйства была охота на крупных стадных копытных и большая часть стоянок верхнего палеолита, исследованных в Среднем Предуралье, относятся к числу временных охотничьих лагерей. Для стоянок — охотничьих лагерей характерно преобладание костей крупных копытных — лошади, северного оленя (до 90 %) — с минимальным присутствием костей других животных. Можно предположить, что основные промысловые животные сезонно менялись, и в периоды летних откочевок стад северного оленя основным объектом охоты становилась лошадь [21–26].

Типичным зимним селищем была стоянка Черноозерье II на Западно-Сибирской равнине. Характер формирования культурного слоя позволяет сделать вывод о многократном посещении площадки памятника в течение длительного времени и цикличности хозяйственной деятельности. Наличие остатков весенних паводков в культурном слое стоянки свидетельствует о том, что остановившиеся в конкретном месте площадки жители стоянки проводили здесь лишь один сезон. Значительное количество костной золы и пепла, сохранившееся в долговременных очагах в жилищах, указывает нам на очень холодное зимнее время года. Об этом же свидетельствуют немногочисленные сохранившиеся кости животных — большая часть их сжигалась при отоплении жилищ.

Основным занятием жителей Черноозерья II в осенне-зимний период была охота на бизонов,

Палеолитическая стоянка.
Реконструкция

Древние бизоны.
Реконструкция

кости которых преобладают на стоянке. Также добывались сайга и лошадь, достаточно внимания уделялось охоте на зайца-беляка, бобра и росомаху. Эти животные нужны были прежде всего из-за меха, который использовался для шитья одежды. На стоянку приносили убитых зверей целиком, затем разделывали, пуская мясо в пищу, мех — на одежду, кости — в костры. Зафиксированы также признаки охоты на птиц. На стоянке найдены значительные скопления костей и чешуи рыбы, что свидетельствует о практике рыболовства, что в целом не характерно для палеолита.

О сезонности поселения говорит и малочисленность кремневого инвентаря. Изготовлением орудий занимались преимущественно в теплое время года, когда можно было собрать кремнистое сырье. На зимовку люди приносили с собой заготовки и готовые орудия. Исследователи поселения предполагают, что зимние стоянки на площадке Черноозерья II устраивались не менее 10–15 раз. Одновременно существовали одно-два жилища, в которых могли зимовать от 15 до 25 человек [8].

Другим вариантом адаптации древнего человека в позднем палеолите являются так называемые «места разделки мамонтов» или «мамонтные кладбища». Часть их приурочена к массовым скоплениям костей мамонта, которые образовывались в процессе длительного накопления на участках зверовых солонцов — «минеральных оазисов». В Предуралье это стоянки в бассейне Печоры — Мамонтова Курья и Бызовая, в Западной Сибири — Шестаково, Волчья Грива и Луговское, где доля костей мамонтов превышает 90 %. Анализ западносибирских «кладбищ» показывает, что животные погибали в границах природных зверовых солонцов. Возможно, часть животных становилась добычей палеолитических охотников. На основе археологических исследований пока невозможно точно определить, что все или большая часть мамонтов погибли в результате охоты древнего человека. Существуют и другие объяснения.

Есть понятие «литофагия» — процесс минерального питания животных и человека. Минеральное питание включает употребление в пищу продуктов, содержащих различные химические элементы, которые принимают участие в обмене веществ

Одежда палеолита. Стоянка Сунгирь. Реконструкция

в организме, а также употребление минеральной воды. Они необходимы для построения и обновления тканей мышц, скелета, крови и т. д. Дело в том, что растительность в основном относительно бедна натрием и богата калием. Натрия в растительной пище обычно не хватает, а содержание калия зачастую избыточно для физиологических потребностей травоядных. Избыточное поступление с молодым сочным кормом калия является причиной сложных нарушений минерального обмена в организме травоядных животных и быстро и тяжело отражается на их здоровье. К весне дикие животные часто слабеют от бескормицы, а последующий переход к питанию свежей растительностью приводит к пресыщению организма калием, вызывает резкие пищеварительные расстройства, обезвоживание и резкий вывод натрия из организма. Это может происходить в течение считанных дней. Если животные не могут вовремя утолить минеральный

голод, часть из них обречена на гибель. Иногда жизненных сил животных хватает лишь на то, чтобы добраться до источника минерального питания. В период минерального голодания более других страдают молодняк и беременные самки (вплоть до массового падежа).

В зоологической литературе, среди охотников и охотоведов места, посещаемые дикими животными с целью поедания минеральных солей, обозначаются термином «зверовой солонец». Зверовые солонцы как природные объекты являются естественными местами концентрации диких животных. Этим объясняется пристальный интерес к солонцам охотников. Описываемые в специальной литературе современные зверовые солонцы Северной Азии массово посещаются копытными травоядными. Авторы считают, что вымершие в плейстоцене представители мамонтовой фауны, равно как и современные травоядные животные, скорее всего, были литофагами, то есть им необходимы были минеральные добавки к пище. Вполне вероятно, что именно особенности экологии мамонта, его значительно большая уязвимость при минеральном голодании находят отражение в образовании специфических «мамонтных кладбищ» на зверовых солонцах позднего палеолита.

Конечно, мамонт для древнего населения являлся объектом добычи. Однако способы добычи, по-видимому, имели в основном пассивный характер. Зависимость палеолитического человека от травоядных животных вынуждали его следовать путями их миграций, осваивая кальциево-натриево-магниевые геохимические ландшафты. Исследователи оценивают длину миграционных маршрутов мамонтов в 650–2500 км. Стабильные миграционные пути проходили через «минеральные оазисы», и люди возвращались на эти освоенные ими ранее участки, чем, по-видимому, и объясняется многослойность культурных отложений на стоянках в местах, малопригодных для постоянного обитания.

По мнению сибирских археологов и специалистов естественных наук А. П. Деревянко, В. Н. Зенина, С. В. Лещинского и др., постоянные места охоты давали возможность сводить к минимуму усилия по ее организации, выслеживанию живот-

Мамонты. Реконструкция

ных, переносу добычи к местам обитания. Отличное знание поведения животных, их миграционных маршрутов, зон или участков сезонной концентрации позволяло палеолитическим охотникам прогнозировать время и место добычи мамонтов. Зверовые солонцы, различные природные ловушки и вероятные места переправ через реки для этих целей подходили идеально. Воздействие на животных путем установки на зверовых тропах всевозможных приспособлений (острых колов, шильев и т. д.) для травмирования конечностей или хобота могло способствовать ослаблению животного и отделению его от стада и ускорить его добычу уже путем добывания. Назначение многих фрагментов остроконечных изделий из кости (шильев, стержней и т. д.), часто встречаемых в составе инвентаря стоянок, в ряде случаев остается неясным, и их возможное использование в качестве инструментов для пассивной охоты представляется весьма вероятным. К пассивным способам добычи также следует относить сбор костных остатков и использование трупов павших животных, в том числе и в заморозившем состоянии.

Потенциальная добыча сама приходила к охотнику. Кроме того, выявленный в последние годы очень высокий процент заболеваний крупных ископаемых млекопитающих (в первую очередь мамонтов) позволяет с уверенностью говорить

о большом падеже животных в позднепалеолитическое время. При весьма низкой среднегодовой температуре это создавало благоприятные условия для консервации (замораживания) мяса и его возможного использования в пищу. Таким образом, относительное обилие пищевых ресурсов в целом могло компенсировать отрицательное воздействие природно-климатических факторов и способствовало успешной адаптации людей и освоению ими новых территорий для обитания в конце завершающей поры палеолита. Если люди и охотились на мамонтов, то на ослабленных болезнями, травмированных, старых или попавших в природные ловушки (например, зыбуны) малоподвижных животных, а также на детенышей, отбившихся от стада.

В любом случае тот или иной способ добычи мамонтов с целью обеспечения охотников мясной пищей должен найти подтверждение в конкретных свидетельствах. К ним можно отнести следы разделки и расчленения, предметы охотничьего вооружения, инструменты для обработки мяса и шкур, одновременность возникновения культурных материалов и костей мамонта. Идеальным свидетельством охоты человека на мамонта являются застрявшие в костях или между ними каменные или костяные наконечники. Однако такие факты исключительно редки. Реальность охоты на мамонтов подтверждается уникальной находкой на местонахождении Луговском позвонка взрослой самки мамонта, пораженного вкладышевым наконечником метательного орудия. Следы деятельности древних охотников указывают на периодическое посещение ими участков сезонной концентрации животных, часть которых при определенных обстоятельствах становилась охотничьей добычей [15].

С этим же процессом связаны и местонахождения — кратковременные стоянки на месте разделки двух-трех особей мамонтов, которые были на миграционных путях к солонцам, — Троицкая I, Шикаевка II, Томская. На стоянке Троицкой I выявлены остатки четырех мамонтов: крупного самца, двух самок и детеныша. Здесь же находились 188 каменных предметов — орудия и отходы их изготовления. Анализ с помощью микроскопа следов работы на орудиях показал, что здесь использова-

лись резцы для прорезания пазов в дереве и кости, ножи для резания мяса шкур, орудия для обработки дерева, кости, и шкур. Судя по набору орудий, на стоянке производились разделка туш мамонтов и обработка шкур и кости. Конечно, трудно себе представить, что небольшая община охотников смогла убить сразу четырех мамонтов, три из которых были взрослыми и очень мощными. Вероятнее всего предположить, что погибли животные в силу естественных причин, а после их туши были разделаны людьми для добычи шкур, бивней, кости и, возможно, мяса.

Подобный сюжет можно было наблюдать и на стоянке Шикаевка II. Здесь были выявлены останки двух мамонтов и 35 каменных орудий. Фактов, указывающих на насильственные причины смерти животных, не обнаружено, и исследователи предположили их естественную гибель. Каменный инвентарь, найденный вместе с костями, представлен пластинками из южноуральской яшмы сургучно-зеленого цвета и орудиями на них. Большая часть орудий была предназначена для резания, что предполагает основную цель деятельности людей — разделку мамонтовых туш [29; 36].

Еще одним направлением в системе жизнеобеспечения были кратковременные охотничьи стоянки, расположенные в основном в пещерах и гротах Урала — Кульюрт-Тамак, Байсланташ, Бобылек, Безымянный, Зотинский. Некоторые из них, например Байсланташ, посещались периодически в течение длительного срока. Охотничья деятельность в горах была направлена на добывание преимущественно северного оленя и лошади.

Интересные наблюдения были сделаны В. Т. Петриним и Н. Г. Смирновым в гротах Безымянный и Зотинский. При анализе костных остатков в гротах не обнаружено костей ни одного типично лесного вида, все животные обитали на открытых пространствах или могли жить в различных зонах. Это свидетельствует о преобладании в позднем плейстоцене Зауралья безлесных пространств и отсутствии крупных лесных массивов. Главными особенностями климата были сухость и холод. Таким климатом должен был обладать ландшафт, сочетавший в себе элементы лесостепи и лесотундры. То, что зимой снежный покров был незначительным,

подтверждают находки костей лошади и северного оленя — животных, которые зимой добывали себе корм из-под снега и не могли обходиться вспомогательными кормами.

Соотношение остатков костей разных видов говорит о явном преобладании двух видов — лошади и северного оленя. В условиях открытых ландшафтов наиболее эффективна охота на этих крупных стадных животных путем загона. Убедительные доказательства этого предположения дают материалы из грота Зотинского I. Количество найденных костей лошади среди десяти обнаруженных здесь видов составляет 63 %. По минимальному количеству особей (34 %) этот вид также занимает первое место, значительно превосходя другие. Костей северного оленя меньше — 18 % от общего количества костей и 15 % от минимального количества особей, но доля его в добыче первобытных охотников была высока и несравнима с количеством остальных видов животных. В гроте Безымянном преобладание лошади и северного оленя не так выражено, северного оленя здесь больше, чем лошади. Эти соотношения также свидетельствуют о явном преобладании охоты на крупных стадных животных. Интересно, что, судя по соотношению разных костей, туши лошади и северного оленя приносились в грот целиком.

Грот Зотинский I, несмотря на то что не являлся самым удобным убежищем для охотников, содержал много остатков охоты. Его преимущество, на взгляд исследователей, заключалось в том, что он находился близ места добычи животных. Грандиозная, отвесно обрывающаяся к реке скальная гряда, в западной оконечности которой находится грот Зотинский I, вероятно, служила удобным местом, куда загоняли стада лошадей и северных оленей древние охотники. Мысообразная форма скалы делала ее своеобразной ловушкой для животных. Охотникам стоило перекрыть с одной стороны выход с нее, и добыче оставался только один путь — в обрыв. При таком способе охоты ближайшим местом, где можно было укрыться от непогоды, разделать туши, был грот Зотинский I. Возможно, так же можно объяснить и обилие материала в пещере Медвежьей, так как местность, где находилась стоянка, имела для охотников особую привлека-

тельность. Здесь, у края плато, отвесно обрывающегося к логу, можно было вести загонную охоту.

Археологический материал, накопленный при исследовании пещер и гротов на всей территории Урала, дает стабильную картину временных остановок небольших групп людей. Это вполне объяснимо: уральские пещеры в большинстве своем имеют очень маленькие входные гроты с низким потолком. Они к тому же, как правило, сырые. Посещение пещер диктовалось суровой необходимостью: группе людей проще было устроиться на короткий период в пещере, даже неудобной, чем разбивать лагерь под открытым небом. Чаще всего побуждающими к этому причинами, видимо, были погодные условия или же, как мы видим из примера грота Зотинского I и, возможно, пещеры Медвежьей, определенные виды хозяйственной деятельности. На основании изученных материалов исследователи сделали вывод о том, что весьма специфические, повторяющиеся по своим показателям и компонентам культурные отложения пещер свидетельствуют об относительно густом населении Урала в верхнем палеолите. Именно значительное количество человеческих коллективов вело к тому, что малоудобные для жизни пещеры и гроты, тем не менее, регулярно посещались. Это явление было характерным для всей территории Урала.

Имеющиеся в нашем распоряжении археологические факты позволяют говорить о немногочисленном составе человеческих коллективов позднего палеолита в Урало-Сибирском регионе. Охотничьи группы, оставившие нам такие памятники, как местонахождения на путях миграций мамонтов, сезонные селища или кратковременные охотничьи лагеря, могли состоять из: 1) семьи — почти универсального социального объединения с первичными хозяйственными и репродуктивными функциями, или 2) общины — первичной локальной группы, объединяющей несколько родственных семей, возможно, к тому же и не родственных членов коллектива, и имеющей целью хозяйственное освоение определенной территории. Община могла делиться при необходимости на хозяйственные и целевые группы, выполнявшие различные функции в рамках системы жизнеобеспечения.

Социокультурное пространство позднего палеолита в Урало-Сибирском регионе

Вопросы взаимодействия различных коллективов древнейшего населения Уральского региона всегда привлекали внимание исследователей палеолита Урала. Это прежде всего было связано с промежуточным культурно-географическим положением региона — между ареалами двух зон развития палеолитической культуры: восточноевропейской и западносибирской. Ввиду ограниченной источниковой базы вопрос о культурной принадлежности палеолита Урала в XX веке решался практически на базе материалов только стоянки Талицкого. В ходе дискуссии сформировались три точки зрения. М. В. Талицкий, М. В. Воеводский и О. Н. Бадер относили стоянку к кругу памятников сибирского верхнего палеолита. Сторонниками принадлежности восточноевропейским индустриям верхнего палеолита были П. П. Ефименко, А. Н. Рогачев, А. А. Формозов, М. В. Аникович и А. А. Сеницын. Чуть позже за выделение уральского палеолита в особую историко-культурную область, более тесно связанную с Сибирью, выступили О. Н. Бадер, З. А. Абрамова, А. Х. Халиков, Г. П. Григорьев, М. Ш. Галимова. К этой же позиции можно отнести точки зрения В. Т. Петрина и Т. И. Щербаковой, которые считали уральский палеолит полностью самобытным.

Во второй половине XX — начале XXI века исследования палеолита Урала были продолжены Т. И. Щербаковой [40; 41] и П. Ю. Павловым [21–26]. Щербаковой была поддержана точка зрения О. Н. Бадера на палеолит Урала как особую историко-культурную область и выделено две традиции, или линии развития: более ранняя представлена стоянками Заозерье, Горново и Бызовая и гротами Близнецова, у Каменного кольца. По мнению исследователя, эта традиция связана с памятниками среднего палеолита Южного Урала — Мысовой и Богдановкой. Население, представлявшее эту традицию, появилось на Южном Урале еще в конце среднего палеолита, затем в начале верхнего палеолита оно распространилось в Среднее и Северное Предуралье — в бассейны верхней Камы и Печоры.

В середине и конце позднего палеолита на Урале получила распространение другая культурная традиция — типа стоянки Талицкого. Т. И. Щербакова подчеркивала, что эти традиции, или линии развития, четко не разделяются друг от друга, вероятно, подразумевая их генетическую преемственность.

Наиболее полная концепция развития палеолита Урала в последние годы была предложена П. Ю. Павловым. Им были исследованы в Среднем Предуралье новые палеолитические памятники, расположенные в бассейне верхней Камы. Первоначально памятники верхнего палеолита были разделены на две хронологические группы. Первая группа (30–20 тысяч лет назад) включала памятники ранней поры верхнего палеолита, разделенные на два культурных варианта. Среднеуральский вариант включал памятники, близкие по характеристикам каменного инвентаря к стоянке Талицкого. Второй культурный вариант, представленный стоянками Бызовая и Заозерье, был отнесен к памятникам ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы. Вторая хронологическая группа стоянок (12–10 тысяч лет назад) характеризовала завершающие этапы позднего палеолита.

Комплексные исследования, проведенные в 1990-е годы и в начале текущего столетия, позволили автору дополнительно аргументировать основные положения концепции развития палеолитической культуры Уральского региона [23]. В конце ранней поры верхнего палеолита в бассейне верхней Камы появляется население костенковско-стрелецкой культуры с Восточно-Европейской равнины. Вероятно, костенковско-стрелецкие коллективы продвигались на территорию, где уже было население. П. Ю. Павлов предполагает, что отражением контактов пришельцев и аборигенов может служить индустрия стоянки Бызовой, в которой несмотря на преобладание изделий среднепалеолитического облика присутствуют орудия, характерные как для более ранней индустрии типа Заозерья, так и для костенковско-стрелецкой культуры.

Практически все памятники позднего и финального палеолита Уральского региона были объединены автором в уральскую позднепалеолитическую культуру, разделенную на три этапа [24]. Ранняя группа памятников (возраст 19–16 ты-

сяч лет) почти вся находится в бассейне Камы. Это стоянка Талицкого, Широфаново II, вероятно, местонахождения Драчево и Ганичата III; на Южном Урале — стоянка Троицкая I. На втором этапе развития культуры (15–12,5 тысячи лет назад) стоянки распространились уже по всему Уралу: Кумышанская, Гари, грот Бобылек, пещеры Медвежья, Усть-Койвинская, Котел, Кульюрттамак, Байсланташ, Капова и Игнатьевская. Третий этап — это стоянки финального палеолита (12,5–9,5 тысячи лет назад): Горная Талица, грот Столбовой, Усть-Пожва II–VI, Горка, Рязановский Лог, третий культурный слой грота Большой Глухой, стоянка Пымва-Шор I.

Стоянки уральской культуры представлены в регионе различными типами памятников: охотничьими лагерями (стоянка Талицкого и Широфаново II), пещерными святилищами (Капова и Игнатьевская), стоянками на природных кладбищах мамонтов (Гаринская). Ареал памятников уральской культуры и их количество расширяются к среднему и позднему этапам ее существования, около 15 тысяч лет назад появляются пещерные святилища, что, скорее всего, отражает постоянство и возрастающую плотность населения. Истоки формирования уральской позднепалеолитической культуры автор предварительно связывает с мелкопластинчатыми индустриями средней стадии позднего палеолита Сибири [21].

Сравнительный анализ комплексов позднего палеолита сопредельных регионов приводит П. Ю. Павлова к выводу о близости уральских комплексов каменного инвентаря сибирской мелкой пластинчатой индустрии. Территориально наиболее близки памятникам позднего палеолита Уральского региона стоянки культурно-хронологической группы возрастом 17–25 тысяч лет, расположенные на юге Западной Сибири: Шестаково (уровни 24–17), Ачинская, Томская, Евалга. Их каменный инвентарь имеет общие черты, которые четко проявляются в технике расщепления и сочетании основных категорий орудийного набора. В коллекциях представлены плоскостные, призматические и торцовые нуклеусы небольших размеров. Основной заготовкой являются пластины длиной 2,5 см. Среди изделий с вторичной обработкой есть пластины с краевой ретушью, в том числе образующей

выемки; усеченные пластины; скребки концевые на пластинах и пластинчатых отщепах, в том числе высокой формы и округлые на отщепах; долотовидные изделия; галечные орудия. По мнению автора, сходные черты каменного инвентаря памятников уральской культуры и комплексов сибирских мелкопластинчатых индустрий превалируют над различиями.

Черты сходства стоянок позднего и финального палеолита уральской культуры автор находит в соседних с Уралом регионах — в Среднем Поволжье (стоянка Постников Овраг), на нижней Каме (Лобач 2, нижний слой Камского Устья 2, нижний слой Долгой Поляны 2, Сюкеевский Взвоз, Тетюшская III и др.), на юге и севере Западной Сибири (Черноозерье II, Луговское).

Результатом проведенного анализа явился вывод о возникновении во второй половине позднего палеолита региональной уральской позднепалеолитической культуры, генетически связанной с североазиатским палеолитом, а также о формировании в конце палеолита в Евразии уральской историко-культурной области [21].

Ранее к выводам о сходстве уральских и западносибирских комплексов позднего палеолита 25 (27) — 18 (16) тысяч лет назад пришел В. Н. Зенин. По материалам палеолитических местонахождений Западно-Сибирской равнины он выделил две группы памятников. Для первой группы характерна общая микролитизация каменных индустрий на фоне «прогрессирующего» похолодания климата и преимущественно тундростепных ландшафтов около 25–17 тысяч лет назад. Стоянки располагались от Восточного Зауралья на западе до Чулымо-Енисейского междуречья на востоке (Рычково, Евалга, Шикаевка II, Томская стоянка, Шестаково (горизонты 4–8)). В последующее («переходное») время, около 17–15 тысяч лет назад, мелкопластинчатые индустрии продолжали существовать в бассейне Иртыша (Гари, Троицкая I, Волчья Грива), а на юго-востоке равнины появились индустрии с типичными клиновидными нуклеусами, скреблами и орудиями на крупных сколах (Могочино I, нижние горизонты стоянок Березовый Ручей 1 и 2). Во вторую группу (15–10 тысяч лет назад) вошли местонахождения Черноозерье II, Луговское,

Шестаково (горизонт 3) и верхние культурные комплексы стоянок Березовый Ручей 1 и 2. Проведенные В. Н. Зениным комплексные исследования с привлечением данных естественных наук позволили смоделировать природно-историческую и социокультурную ситуацию позднего палеолита региона.

«Для времени около 25–17 тысяч лет назад на территории Западно-Сибирской равнины реконструируются преимущественно открытые и заболоченные тундростепные ландшафты. Палеоэкологические условия, при всей своей изменчивости во времени, были, по-видимому, достаточно благоприятны для популяций мамонтов и отдельных их спутников. Динамика климатических ритмов оказывала влияние на растительные сообщества и, соответственно, на животный мир. Возможно, что... заболоченные пространства равнины в условиях смещения к югу многолетней мерзлоты становились проходимыми и привлекательными для травоядных млекопитающих, и в первую очередь мамонтов. Сезонные миграции стад животных в перигляциальных ландшафтах могли существенно повлиять на увеличение мобильности групп древних охотников, вынужденных следовать за животными. Исследователи оценивают миграции мамонтов в 650–2500 км. Дальность перемещений охотничьих групп, их направленность и ритмичность, зависела, вероятно, от очень многих факторов — социальных и природных. К числу природных факторов можно отнести широтную зональность, высотную поясность, местные условия рельефа, доступность литоресурсов и геохимические свойства ландшафтов. Петрографический состав каменного инвентаря из Шикаевки II, Волчьей Гривы, Гари, указывает на их удаленность от источников сырья от 300 до 500 км и направленность движений групп охотников в центральные районы Западно-Сибирской равнины. Перемещения обитателей Шестаково от коренных источников горных пород к месту стоянки оцениваются в несколько десятков км.

Повышенная мобильность древнего населения, вызванная необходимостью следования за мигрирующими крупными травоядными животными, может быть одним из вероятных объяснений

причин “микролитизации” каменных индустрий. Стремление получить более легкие полифункциональные орудия приводило к определенной унификации техники расщепления и сокращению набора специализированных инструментов. Более отчетливо эта тенденция проявляется в инвентаре местонахождений, удаленных от источников литоресурсов, — Шикаевка II и Волчья Грива. Мобильность охотничьих групп предполагает высокую вероятность межгрупповых контактов, пересечения маршрутов передвижения. Это допускает вероятность “эстафетной” или “волновой” передачи культурных или технических “образцов”, составляющих особенные элементы сходства между удаленными индустриями, но возникшими на основе различных предшествующих культур. Возможным примером тому могут служить индустрии местонахождения Постников Овраг в Самарском Поволжье или стоянки Талицкого на Урале. Готовность восприятия технических или морфологических “изобретений” извне могла быть обусловлена сходством “стратегий выживания” обитающих на разных территориях групп населения» [16].

Опираясь на фундаментальные исследования представленных выше авторов, подведем некоторые итоги изучения позднего палеолита Уральского региона.

1. К настоящему времени на Урале открыто немногим более 150 палеолитических памятников разных типов: поселения с сезонными жилищами, кратковременные стоянки, святилища. Большая часть памятников являются местонахождениями с небольшим количеством артефактов. Раскопками исследовано около 50 памятников.

2. Памятники позднего палеолита Урала, Западной Сибири и Волго-Уралья можно разделить на четыре условные пространственно-хронологические группы. В первую группу включены стоянки, существовавшие в Среднем и Северном Предуралье 38–33 тысяч и 29–28 тысяч лет назад и которые относятся к костенковско-стрелецкой культуре ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы. Остальные памятники (19–10 тысяч лет назад) объединены в уральскую верхнепалеолитическую культуру с тремя этапами.

3. Система жизнеобеспечения в эпоху позднего палеолита включала в себя несколько вариантов хозяйственной направленности стоянок, связанных с необходимостью адаптации человеческих коллективов к неблагоприятной природной обстановке последнего ледниковья: охотничьи лагеря, кратковременные стоянки в пещерах и гротах, стоянки на природных «кладбищах мамонтов», стоянки у «мест разделки мамонтов», пещерные святилища.

4. Повышенная мобильность общин древних охотников, вынужденных следовать за животными в приледниковой тундростепи до нескольких сотен км, предполагает высокую вероятность пересечения маршрутов отдельных общин, частые межобщинные контакты и допускает возможность передачи и преемственности некоторых технических стандартов, составляющих особенные элементы сходства между достаточно удаленными друг от друга каменными индустриями.

Все перечисленные факторы явились предпосылками к образованию около 20 тысяч лет назад социокультурного пространства населения позднего палеолита от Волго-Уралья до Обь-Енисейского междуречья, нашедшего свое выражение в технокомплексах, обладающих выразительным и сходным микроинвентарем. На следующем хронологическом этапе (15–13 тысяч лет назад) различия становятся более контрастными и региональные варианты приобретают более отчетливые собственные характеристики.

Ожерелье из зубов лося со стоянки в Денисовой пещере

Искусство ледниковой эпохи

Эпоха позднего палеолита (последняя ледниковая эпоха) — это время появления человека современного физического типа *Homo sapiens*, время формирования сложной и развитой материальной культуры. И наиболее ярким выражением зрелости человеческого общества в эпоху верхнего палеолита служит появление искусства. Только *Homo sapiens* был способен к такому виду духовной деятельности. Все его предшественники на пути становления человека ничего подобного не могли.

Первобытные художники стали зачинателями всех видов изобразительного искусства: графики (рисунки и силуэты), живописи (в пещерах Франции, Испании, Италии и Урала сохранились превосходные образцы наскального творчества), скульптуры (фигуры, высеченные из камня или вылепленные из глины). Преуспели они и в декоративном искусстве — резьбе по камню и кости, рельефах. Особая область первобытного искусства — орнамент. Геометрическим узором покрыты каменные и костяные орудия, браслеты, всевозможные фигурки, вырезанные из бивня мамонта. Рукоятки ножей и копьеметалок украшались затейливой резьбой.

В верхнем палеолите впервые в истории человечества широко распространились украшения из кости животных и просверленных клыков, зубов, раковин: ожерелья из бусин, изготовленных из бивня мамонта, зубов животных и раковин моллюсков; нередко в них включались более крупные подвески или бляхи. На голове носились скрепляющие волосы орнаментированные обручи из бивня мамонта, на руках — различные браслеты, вырезанные из бивня или составленные из нанизанных бус. Бусы и раковины украшали головные уборы или прически и одежду, что хорошо видно по материалам погребений и деталям антропоморфных статуэток. Ношение украшений — одна из отличительных черт *Homo Sapiens*.

На уральских памятниках встречены украшения разных типов: в культурном слое Каповой пещеры — редкие для того времени бусины и подвески; в пещере Смеловская II — тальковые галечки со сверлинами в центре; в Игнatieвской пещере —

округлые бусины из бивня с небольшими отверстиями в центре, подвеска из клыка песца и подвеска из зуба бизона; в гроте Безымянном — обломок браслета, три обломка овального стержня из бивня, крупная бусина цилиндрической формы и фигурка животного; в гроте Бобылек — пластинки из бивня с просверленными отверстиями. На стоянке Талицкого была найдена тонкая костяная пластина с девятью глубокими поперечными бороздами, нанесенными на внутреннюю вогнутую сторону, имеющую губчатое строение. Возможно, она представляла собой часть какого-то орнаментированного предмета. Там же были найдены три небольшие бусинки, одна из которых изготовлена из раковины, а две другие — из кости. Очень интересно орнаментированное ребро мамонта, найденное на берегу реки чуть выше по течению от стоянки Талицкого.

Несомненно, выдающейся находкой является кремневая фигурка мамонта, найденная на стоянке Широфаново. Размеры фигурки 60×60 мм. Она изготовлена из плитки коричневого кремня. Двусторонней краевой ретушью смоделирован контур туши зверя с характерной покатою спиной и выступающим черепом и изогнутым хоботом. Стопа передней ноги мамонта с характерной подушкой выделена пологой ретушированной выемкой. С двух сторон плитки глубокими гравированными (?) линиями выделены задние ноги зверя. Аналоги этой фигурки в палеолитических памятниках как Восточной Европы, так и Сибири, автору находки П. Ю. Павлову неизвестны.

Уникальной является находка фигурки животного в гроте Безымянном. Она выполнена из тонкой пластинки, возможно, мамонтового бивня. Поверхность хорошо отшлифована, края заглажены. Возможно, изображено животное из семейства кошачьих. Исходя из формы и расположения изломов на выступах, авторы исследования предположили, что это могло быть навершием какого-то украшения, поскольку из-за хрупкости оно никак не могло использоваться в хозяйственных целях.

Самые ранние украшения начала верхнего палеолита (их возраст около 40 тысяч лет, о есть они намного старше подобных изделий из Европы) были найдены в культурных слоях начальной стадии верхнего палеолита пещеры Денисовой на Алтае. Это миниатюрные иглы с просверленным ушком, острия-проколки, пронизки с симметричными рядами глубоких кольцевых нарезок, бусины и кольца из бивня мамонта, подвески из зубов марала и лисицы, плоские бусины-колечки из окаменевшей скорлупы яиц страуса, раковины пресноводных моллюсков с просверленным отверстием в основании, подвески из мягкого поделочного камня, кольцо из белого мрамора и браслет из темно-зеленого хлоритолита. Уникальным примером высокого уровня развития материальной культуры человека, его производственных и технических возможностей стал браслет из темно-зеленого хлоритолита с гладкой, почти зеркальной поверхностью, обнаруженный археологами в Денисовой пещере. Возраст находки — более 30 тысяч лет. Детальное трасологическое и технологическое ис-

Фигурка животного
из грота Безымянного

Хлоритовый браслет.
Общая реконструкция
изделия.
Рис. А. В. Абдульмановой

следования изделия показали, что древний мастер владел приемами обработки камня, считавшимися ранее нехарактерными для палеолита: скоростным станковым сверлением, расточкой инструментом типа рашпиля, шлифовкой и полировкой с использованием кожи и шкур разной степени выделки. Он представлен двумя обломками, ширина которых составляет 2,7 см, толщина — 0,9 см. Предположительный диаметр целого изделия — 7 см. Рядом с одним из разломов просверлено отверстие диаметром около 0,8 см.

Судя по следам, скорость вращения сверла была достаточно высокой, колебания минимальными, а оборот сверла вокруг своей оси многократным, то есть применено станковое сверление — технология, характерная для более поздних времен. Хлоритолит, из которого изготовлен браслет, в окрестностях пещеры не встречается. Ближайшие выходы породы найдены в Рудном Алтае. Как и другие украшения из Денисовой пещеры, он изготовлен из материала, добытого не менее чем за 200 км от этих мест. Без сомнения, такие изделия имели для древних людей высокую ценность. При носке браслет подвергался различным механическим повреждениям. На его внешней поверхности видны царапины, следы ударов. Некоторые выбоины пытались зашлифовать с помощью крупнозернистого абразива. Рядом с отверстием на внешней поверхности браслета просматривается четко ограниченная отполированная зона интенсивного контакта с неким мягким органическим материалом. Ученые предположили, что это кожаный ремешок, на котором крепилась подвеска, причем эта подвеска была достаточно тяжелой, раз она задавала строго определенную амплитуду колебаний. По расположению отполированного участка удалось определить «верх» и «низ» изделия и установить, что браслет носили на правой руке.

Хлоритолит — достаточно хрупкий материал, неудивительно поэтому, что он как минимум два раза ломался. В первый раз место разлома оказалось достаточно гладким, чтобы попытаться склеить фрагменты браслета между собой. Для этого плоскости разлома были тщательно подготовлены. Сперва их зашлифовали с помощью абразива, потом завальцевали края, а затем загладили каким-то

относительно мягким материалом. Подготовка плоскостей была выполнена безупречно, но после склеивания изделие не приобрело нужную прочность, и браслет снова сломался. Восстановить его оказалось невозможным. Судя по небольшому диаметру, браслет был разъемным — с прорезью для руки. Торцы его тщательно отшлифованы и отполированы. Надетый на руку, он плотно обхватывал кисть руки владельца.

Кем был этот человек? Учитывая то, что браслет сделан из редкого материала, отличается тщательностью ювелирной отделки, можно предположить, что статус владельца был достаточно высоким. Кроме всего прочего, браслет очень красив. При ярком освещении он эффектно отражал солнечные лучи, при свете костра отливал глубоким темно-зеленым цветом. Маловероятно, чтобы он относился к предметам повседневного пользования. Скорее всего, эту красивую и очень хрупкую вещь надевали в исключительных случаях.

Обнаружение на Алтае подобных шедевров верхнепалеолитической культуры стало для многих ученых настоящим сюрпризом. Не все оказались готовы к тому, что в Южной Сибири переход от среднего к верхнему палеолиту произошел 50—45 тысяч лет назад — раньше, чем в Европе.

Монументальное искусство представлено настенной живописью, преимущественно в пещерах. Больше всего памятников с пещерной живописью сосредоточено в Западной Европе: во Франции их 130, в Испании — 106, в Италии — 21, в Португалии — 2 и в Румынии — 2. При создании изображений использовались краски из минеральных соединений (охра, оксиды металлов), древесного угля и растительных материалов, смешиваемых с жиром или кровью животных либо с водой.

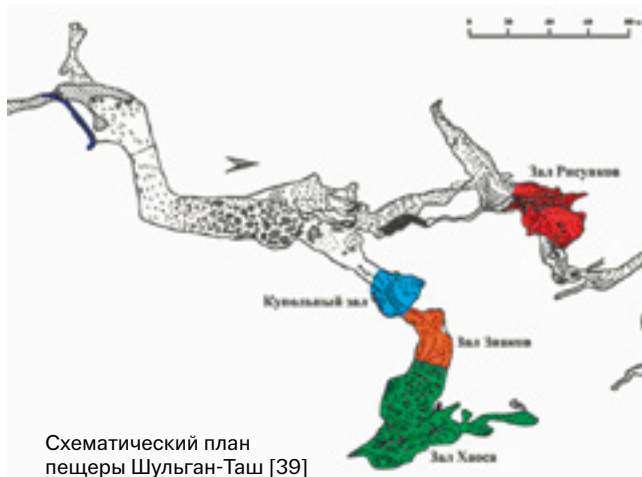
На Южном Урале наскальная живопись известна пока в трех пещерах: Каповой (Шульган-Таш), Ингatieвской (Ямазы-Таш) и Серпиевской 2. Долгое время единственным в мире центром, где была известна пещерная палеолитическая живопись, была Западная Европа, поэтому поистине сенсационным стало открытие в 1959 году наскальных рисунков в Каповой пещере. Эта заслуга принадлежит зоологу из Башкирского государственного заповедника А. В. Рюмину, сумевшему не только увидеть

эти изображения, но и, к его чести, правильно оценить их значение. Затем, в течение 1960–1978 годов, работы в пещере проводил О. Н. Бадер, который выявил более трех десятков рисунков, представляющих собой изображения зверей (мамонта, лошади и других млекопитающих) и стилизованные геометрические знаки.

Наиболее полные исследования в пещере были произведены в 1982–1994 годах под руководством В. Е. Щелинского. В результате этих весьма продолжительных работ был уточнен общий план пещеры, описаны, сфотографированы и зарисованы все настенные рисунки в пещере, в том числе ранее неизвестные, и, кроме того, в одном из залов был обнаружен и раскопан на значительной площади хорошо выраженный культурный слой, синхронный настенным рисункам. Все это позволило составить более полное представление о пещере как палеолитическом святилище и установить более точное время его существования [38; 39].

Описания рисунков в Каповой пещере были сделаны в разное время О. Н. Бадером [1], В. Е. Щелинским [38; 39], В. Г. Котовым [19], В. С. Житеневым [14]. Ниже приводится описание В. Е. Щелинского с небольшими сокращениями.

В пещере Шульган-Таш (Каповой) выявлено более 50 разнотипных красочных рисунков. Эти рисунки во многом сходны с классическими настенными изображениями в пещерах Франко-Кантабрийской области (Западная Европа), служивших святилищами в эпоху позднего палеолита, хотя по художественной выразительности они заметно уступают им. Отчетливо проявляются также особенности сюжетов и техники нанесения изображений. Из рисунков представлены изображения зверей, особенно часто мамонта, различные условные знаки и расплывшиеся красные пятна. Последние зачастую являются остатками некогда четких изображений, погибших от воздействия избыточной сырости и колебания температуры. Показательно, что эти пятна располагаются ближе к выходу из пещеры. Рисунки размещаются на среднем и верхнем ярусах пещеры на расстоянии от 170 до 320 м от входа в нее. На среднем ярусе они располагаются в трех залах (Купольном, Знаков и Хаоса), следующих один за другим. На верхнем

Схематический план пещеры Шульган-Таш [39]

Рисунки в Каповой пещере

ярус пещеры рисунки зафиксированы лишь в одном зале Рисунков.

Рисунки на обоих ярусах пещеры различаются по составу и компоновке. Большинство рисунков находится довольно низко над полом, и только два-три из них располагаются на значительной высоте. Изображения нанесены и на относительно вертикальные, и на наклонные, нависающие стены. Некоторые из них находятся на потолке небольших гротов в нижних частях стен. Наиболее крупное изображение составляет в длину 120 см, самое маленькое — 6 см. Красочные изображения в целом имеют плохую сохранность, что опять же связано с неустойчивостью микроклимата пещеры в недавнем прошлом и в наше время (в основном колебание влажности). Яркий и сочный красочный слой представлен на единичных рисунках, главным образом на тех, которые еще в древности были перекрыты защитной кальцитово-корковой и освобождены от этого натека реставраторами. Для большинства изображений характерна довольно тусклая окраска. Целый ряд рисунков в разных местах пещеры лишь едва проявляется на сером фоне стены. Все изображения выполнены охрой на очень плотных известняках. Может быть, именно по этой причине в пещере нет гравированных рисунков, нередких в западноевропейских пещерах. Краской, используемой для нанесения рисунков, в основном служила охра не менее трех разновидностей. Для подавляющего большинства изображений использовалась красная охра. Несколько рисунков сделано другой, более темной охрой — красно-коричневой и фиолетово-коричневой. Важно подчеркнуть, что имеются и рисунки, выполненные двумя совершенно разными красками — красной охрой и черной краской (вероятно, углем или окисью марганца).

Основными элементами рисунков являются линии разной ширины и конфигурации. Линии, образующие рисунки, иногда наносились очень тщательно и, надо думать, на сухие стены. Тогда краска сильно не растекалась, легче проникала в поры известняка и быстрее высыхала. Красочные изображения зверей в целом имеют реалистический характер, хотя и не лишены схематизма. Звери показаны достаточно живо, в движении — видимо, такими, какими видел их первобытный художник.

Хорошо узнаются мамонты — наиболее популярные персонажи анималистических рисунков пещеры. С большой выразительностью переданы лошади. Можно распознать в изображениях носорога и, по-видимому, быка. Однако есть изображения и не вполне узнаваемых зверей.

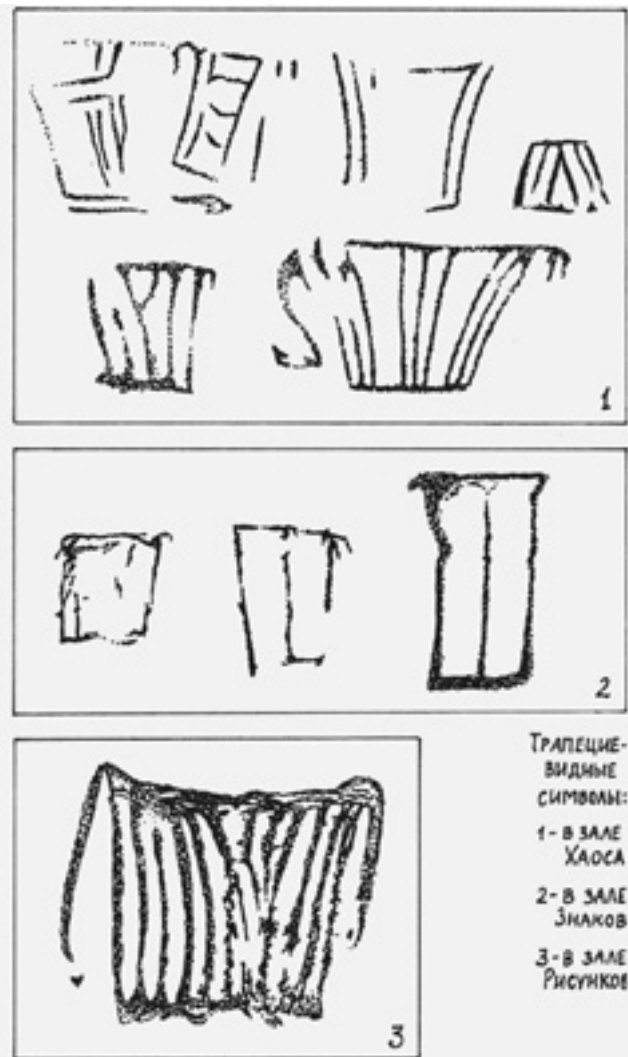
Обращают на себя внимание разные манеры исполнения рисунков. Одни из них контурные (преобладают), другие — контурно-силуэтные (контурные с заливкой) и силуэтные. Это хорошо видно на изображениях мамонтов и лошадей. Выделяется и специфический тип исполнения — контурный с поперечно расчерченным внутренним пространством. Он наиболее отчетливо проявляется в единственном в пещере крупном рисунке носорога. Трудно однозначно ответить на вопрос, являются ли эти манеры исполнения рисунков хронологическим или культурным показателем? Скорее всего, они сосуществовали и использовались одновременно, возможно, для передачи нюансов семантики. Подтверждением этому может служить наличие изображений, выполненных в разных манерах, в одних, по всей вероятности, композиционных группах рисунков. Следует указать и на другие стилистические особенности изображений зверей в пещере. Интересно, например, что на рисунках, в частности мамонтов, не показана шерсть. Кроме того, звери нарисованы в полный рост с четырьмя ногами. Сказываются стилистические особенности и в фигурах лошадей. У всех лошадей обращает на себя внимание такая характерная черта, как очень маленькая, узкая и как бы дельфинья мордочка. Неестественно маленькие головы особенно контрастируют с пышными гривами этих животных. Трудно отрешиться от мысли, что перед нами не только точно переданные древним художником характерные видовые особенности лошадей, но и некоторое намеренное искажение (канон) в изображении отдельных признаков этих персонажей. Это тем более вероятно, что, например, копыта некоторых лошадей проработаны очень тщательно.

Важнейшим и численно преобладающим компонентом живописи в Каповой пещере являются условные знаки часто геометрического облика. Техника знаков ничем не отличается от техники изображения зверей, но именно среди условных

знаков имеются рисунки, выполненные разной по цвету охрой. Можно говорить о четырех типах условных знаков, представленных в пещере: 1) усеченный конус, или трапеция, повернутая основанием вверх, с «ушками» и по-разному расчерченным внутренним пространством; 2) трапеция с линиями внутри и вписанным в нее треугольником; 3) треугольник с вписанным в него другим треугольником; 4) прямоугольник с «ушками» и вертикальной чертой посередине. Количественное соотношение отмеченных типов знаков различно. Наиболее характерными для пещеры являются знаки в виде трапеции с «ушками» и по-разному расчерченным внутренним пространством. Интересно, что все эти знаки встречаются как по одиночке, так и в совокупности с изображениями зверей. Причем в по-

следних случаях размеры тех и других изображений приблизительно пропорциональны. Знаки, судя по всему, несли какое-то особое содержание, которое нельзя было выразить изображением зверя. Возможно, они играли роль пояснительных деталей в контексте общего образного повествования. Выделяются три варианта распределения рисунков: 1) крупными группами по четыре и более изображений, 2) малыми группами по два-три изображения и 3) обособленными изображениями. Композиционные единства демонстрируют в первую очередь крупные группы рисунков, состоящие из изображений зверей и в некоторых случаях символических знаков. Интересны и показательны распространение, состав и техника исполнения рисунков.

Две группы рисунков находятся в зале Рисунков на верхнем ярусе пещеры. Расстояние между ними 30–35 м. Наиболее крупной является восточная группа, располагающаяся в отдаленной части зала напротив арочного входа. Она включает в себя восемь относительно отчетливых изображений: четыре мамонта, две лошади, носорог и большая трапеция с «ушками». На самом деле рисунков в этой группе было больше, так как заметны слабые следы, по крайней мере, еще трех изображений. Рисунки нанесены одинаковой красной охрой. Крайним слева в композиции является рисунок мамонта, выполненный контуром, голова и ноги животного залиты краской. Высота его 60 см, длина 74 см. Мамонт изображен идущим справа налево. Он идет по слегка наклонной плоскости вверх, так как стопы его передних ног выше задних. Линия головы и спины, особенно выемка, разделяющая голову и горб, имеют довольно четкие границы. Правее располагается изображение еще одного мамонта, выполненное контуром с элементами заливки. Высота его 50 см, длина 70 см. Контур животного довольно отчетлив, в особенности в области шишковатой головы и передних ног. Вся задняя часть ниже хвоста и задние ноги читаются с трудом. Мамонт передан не строго в профиль, он обращен головой вправо. Центральное место в группе занимает контурное изображение лошади высотой 70 см и длиной 80 см. Животное на рисунке движется справа налево.

Геометрические знаки
в Каповой пещере

Рисунки в Каповой пещере.
Фото В. Г. Котова

Далее справа в этой группе один над другим, как бы в диагональном построении располагаются три рисунка. Верхний представляет собой изображение мамонта. Высота его 85 см, длина 90 см. Он размещается несколько выше первой лошади. Мамонт показан идущим спокойным шагом в общем направлении справа налево. Изображение сделано в целом контурной линией, ноги даны заливкой. В целом фигура этого мамонта выглядит бледнее фигуры лошади. Под третьим мамонтом с небольшим смещением вправо и непосредственно за первой лошадью располагается изображение носорога, идущего справа налево. Рисунок составляет в высоту 80 см, в длину 120 см. В целом носорог изображен контуром с заливкой отдельных частей и внутренним членением вертикальными полосами, выглядит ярко и контрастно. Непосредственно под носорогом с некоторым смещением вправо находится крупный условный знак. Высота рисунка 65 см, длина 90 см. По форме знак напоминает равнобедренную трапецию с выпуклыми ручками.

Видна расчерченность внутреннего пространства фигуры. Красочный слой на этом рисунке сохранился заметно лучше, чем на других ближайших рисунках. В верхнем правом углу рассматриваемого панно изображена небольшая лошадь высотой 30 см и длиной 50 см. Рисунок контурный, имеет очень нечеткие очертания. Лошадь изображена в профиль, смотрящей налево. Более интенсивные пятна краски видны в области гривы, кончика морды и плеча передней ноги. Непосредственно под этой маленькой лошадью располагается изображение такого же небольшого мамонта высотой 50 см и длиной 45 см, идущего справа налево. Изображение мамонта профильное, однако, похоже, сделано оно силуэтом. Залиты голова, ноги, передняя часть туловища. Контурной линией показана только спина.

Таковы рисунки восточной группы. Компактное и организованное размещение их свидетельствует о том, что они составляют единую, довольно сложную композицию с участием трех видов ископаемых

Рисунки в Каповой пещере.
Фото С. М. Арканова

животных (мамонта, лошади и носорога) и специфического символического знака. Диссонирует в ней лишь одно, вероятно, подрисованное изображение мамонта (вторая особь). Этот мамонт единственный из всех зверей обращен головой направо, то есть в сторону, противоположную общему направлению движения зверей в композиции.

Западная группа изображений меньше и включает в себя четыре рисунка и только зверей, скомпонованных иначе. Все они выполнены красной охрой. Рисунки выразительные, хотя нанесены на крайне неровную стену. Построение изображений в этой группе более простое — линейное, хотя площадь и рельеф стены, безусловно, позволяли разместить рисунки и по какой-либо другой схеме. Все рисунки находятся на уровне человеческого роста и снижаются от горизонтали по мере снижения глиняного пола. В этой группе три мамонта и одно не совсем понятное животное, похожее на быка (бизона) или оленя. Звери изображены в профиль, идущими справа налево один за другим. Начинает шествие бык — крайний левый рисунок высотой 70 см, длиной 110 см. Хвост и ноги животного выполнены за-

ливкой, хотя толщина их приблизительно такая же, как толщина контурных линий. Очертание морды лишь угадывается. В 150 см правее и на 50 см выше быка располагаются два сближенных изображения мамонтов — большого впереди и маленького сзади (мамонта и мамонтенка). Оба животных изображены в профиль в движении. Изображение большого мамонта высотой 82 см и длиной 110 см в основном контурное, но бивни, ноги и верхняя часть головы выполнены сплошной заливкой. Мамонт изображен очень живо, как будто бы идущим чуть в гору. На расстоянии 35 см от хвоста большого мамонта изображен маленький мамонт высотой 51 см и длиной 68 см. Рисунок выразительный, выполнен контуром, а ноги и голова — сплошной заливкой. Вполне возможно, что это самка мамонта с детенышем. На расстоянии около 80 см и несколько выше нарисован третий мамонт, замыкающий колонну зверей. Изображение высотой 50 см и длиной 60 см сделано сплошной заливкой охрой внутренней части контура. Контур очень расплывчатый. Все рисунки данной группы воспринимаются как одновременные, образующие законченную компози-

цию. Других рисунков, кроме как образующих две описанные группы, на верхнем ярусе пещеры пока не обнаружено.

На среднем ярусе пещеры рисунки более многочисленны и размещаются в трех смежных залах. В целом они существенно отличаются от рисунков верхнего яруса, прежде всего по объектам изображения. Подавляющее большинство рисунков здесь — это разнообразные условные знаки. Изображений зверей совсем немного. Причем среди них нет достоверных изображений мамонтов. Большинство из них являются неясными расплывшимися пятнами красной охры.

Первые красочные изображения на этом ярусе были обнаружены в дальней части Купольного зала приблизительно в 170 м от входа в пещеру. Большинство из них являются неясными расплывшимися пятнами красной охры. Только под аркой, в узком проходе, ведущем в зал Знаков, на восточной стене сохранилась группа более или менее распознаваемых рисунков. Они располагаются на уровне человеческих глаз и выполнены красной охрой на участке стены площадью 150×60 см. Практически не читается крайнее правое изображение. Оно представляет собой ряд окрашенных полос и пятен, расположенных довольно бессистемно, и воспринимается как незамкнутый овал с точкой в центре. Слева от этого неясного изображения нарисована крупная «трапеция с ушками» размерами 55×55 см. Внутреннее пространство этого условного знака заштриховано поперечными косыми линиями шириной 1,5–2 см, возможно, встречной направленности, что придает внутренней штриховке характер сетки с ромбическими ячейками. Нижняя часть изображения сохранилась плохо. В 14 см левее расположена ярко окрашенная маленькая трапеция размером 12×12 см, мало отличающаяся от квадрата. Внутреннее пространство фигуры слегка закрашено. К верхним углам изображения примыкают слабые пятна краски, делающие его похожим на «трапецию с ушками».

Непосредственно под этим изображением прослеживаются отдельные мелкие пятна, полоски и подтеки краски. Еще в 80 см левее, прямо в узком проходе в зал Знаков, нарисована другая «трапеция с ушками». Высота ее 45 см, ширина сверху

15, внизу 4 см. Нижняя часть фигуры равномерно окрашена. В верхней же части можно различить продольную центральную линию, идущую от верхней поперечной стороны.

Отмеченными изображениями как бы символически открывается вход в следующий обширный зал Знаков. В нем довольно много настенных рисунков, и они рассредоточены на двух его стенах — западной и северной. Все изображения выполнены красной охрой, и те из них, которые сохранились достаточно хорошо, можно с уверенностью отнести к условным рисункам геометрического облика. Исходя из размещения рисунков, можно выделить несколько их групп.

Первая группа рисунков находится на западной стене в трех-четыре метра от входа в зал на высоте около 150 см от поверхности. Она состоит из трех сближенных рисунков, вероятно, составляющих композицию. Рисунки расположены на двух соседних плоскостях неровной стены на разных уровнях. Одна из плоскостей, что ближе к входу, имеет площадь 60×80 см. На ней два изображения. Нижнее воспринимается как крупное ярко-красное пятно неправильной формы. Выше и несколько правее от этого пятна находится довольно тусклый рисунок «трапеции с ушками». Параллельно верхнему основанию на расстоянии 0,5 см от него проходит красочная линия шириной около см. На расстоянии около 0,5 см от обоих ее концов берут начало линии, которые пересекаются на нижнем основании трапеции, приблизительно в том месте, где проходит вертикальная ось рисунка, образуя фигуру, напоминающую равносторонний треугольник. Внутри его изображена еще одна маленькая треугольная фигура, полностью залитая краской. Третий рисунок описываемой группы помещен рядом, на соседней плоскости стены размером 85×75 см. Охра, которой выполнен рисунок, имеет вишневый оттенок. Это изображение тоже представляет собой «трапецию с ушками», но с другими деталями. Высота фигуры 16 см, максимальная ширина 19 см. Линия верхнего основания продлена с обеих сторон за пределы основной части изображения, повернута вниз и продлена параллельно вертикальной оси рисунка. Эти выступы («ушки») имеют высоту около 3,5 см и отстоят от боковых краев фигуры на 1 см.

Их ширина совпадает с шириной красочной линии верхнего основания. Степень сохранности рисунка позволяет определить не только его общий контур, но и основные детали его внутренней поверхности. На ней отчетливо видны линии, параллельные боковым сторонам и верхнему основанию. Находясь на расстоянии около 1 см от них, эти линии повторяют почти весь основной контур фигуры, как бы усиливая его. Кроме того, на линии, параллельной верхнему основанию, начинается фигура, близкая по форме к треугольнику, ориентированная вершиной вниз.

Приблизительно в 7 м севернее отмеченных рисунков расположено одиночное ярко-красное изображение. Оно нанесено на плоскость, наклоненную в сторону зала, и находится на высоте всего 50 см от пола. Сохранность изображения плохая. Тем не менее перед нами, несомненно, «трапеция с ушками». Она довольно большая, равноугольная, с меньшим основанием внизу. Высота ее 40 см, ширина 60 см. Еще в 3 м по направлению к северной стенке зала и в 180 см от пола обращает на себя внимание крупное красно-бурое пятно размерами 35×85 см, определить в котором какой-либо определенный рисунок не представляется возможным. Однако в 45 см ниже под ним прослеживается отчетливое изображение в виде маленького красного треугольника, направленного вершиной вниз. Высота фигуры 13 см, ширина 10 см. Вся внутренняя поверхность изображения приблизительно с одинаковой интенсивностью заполнена краской.

На северной стене зала на расстоянии около 3 м от стыка ее с западной стеной прослеживается другая группа изображений. Ее составляют три небольших условных знака, выполненных красной охрой и размещенных диагонально довольно близко один от другого. Первый рисунок расположен низко, на высоте всего 30 см. Он имеет форму треугольника, повернутого вершиной вниз. Внутри этого треугольника расположен меньший по размерам треугольник. Основания фигур сближены, промежуток между ними составляет около 1 см. Следующее изображение находится в 50 см выше и несколько правее. Сохранность его довольно плохая. Изображена фигура в форме трапеции высотой и шириной около 10 см. Внутренняя поверхность

закрашена. Третий знак расположен в 60 см выше и несколько смещен вправо. По очертаниям он напоминает треугольник с закрашенной внутренней поверхностью, повернутый вершиной вниз. Высота изображения 9 см, ширина 7 см. В 17 м в восточном направлении на этой же стене фиксируется группа красных охряных пятен, приуроченных к потолку неглубокой ниши в основании стены. Пятна находятся довольно низко от пола, размещаются бессистемно и не имеют определенных очертаний. Наконец, в 6 м восточнее их, у самого завала из больших известняковых глыб, спускающихся из зала Хаоса, имеется еще одно и последнее в этом зале красочное изображение. Оно нарисовано красной охрой на высоте 130 см от находящихся под ним камней. Основная часть этого рисунка представляет собой вытянутый в высоту прямоугольник. Высота его 35 см, ширина 25 см.

Весьма многочисленные рисунки сосредоточены в следующем, более отдаленном зале Хаоса. Особенно примечательна здесь группа изображений, получившая название «Композиция лошади и знаки», расположенная на границе передней и дальней частей этого зала. Место, где находится эта композиция, представляет собой своего рода нишу треугольной формы, образованную нижним краем высокой арки, как бы разделяющей зал на две части, и участком его южной стены. Если подниматься в зал вдоль южной стены (наиболее оптимальный путь), эта группа рисунков сразу же бросается в глаза. Видимая сейчас группа рисунков расположена на ровном участке выступа стены, совсем немного наклоненного в сторону зала, и занимает площадь приблизительно 1,5×1,5 м. Основой этой группы, несомненно, являются расположенные друг над другом немного стилизованные изображения двух лошадей и крупная трапециевидная фигура с «ушками» между ними. Еще один трапециевидный знак располагается спереди от них на некотором расстоянии. Вследствие нахождения под известковым натеком они прекрасно сохранились, поэтому видна техника их нанесения. Линии условных знаков совершенно не расплывшиеся, удивительно прямые и нередко одинаковой ширины.

Несомненно, рисунки были нанесены на сухую стену, и охра успела высохнуть. Рисунки этой

Рисунки в Каповой пещере.
Фото С. М. Арканова

группы, в отличие от других рисунков, выполнены тремя видами краски: красной, фиолетово-коричневой и черной. Изображения лошадей контурно-силуэтные, в основном красные, но, как оказалось, с частичным черным обводом. Кроме того, на туловище нижней лошади имеются черные полосы (стрелы?). При этом в том и в другом случае черная краска нанесена поверх готового красного рисунка. Учитывая этот факт, можно думать, что черная краска широко использовалась при изготовлении и других рисунков в пещере, однако, будучи поверхностной, она была стерта естественными процессами.

В рассматриваемой группе особенно выразительны лошади. Обе лошади переданы в движении,

головы их направлены налево, в сторону прохода под арку; лошади кажутся движущимися несколько вверх. Изображения контурные, основным формообразующим средством является линия. Голова, ноги и хвост полностью закрашены. Поверхность внутри изображений, возможно, была тонирована красным. Образы лошадей имеют ярко выраженные характерные различия. Несмотря на то что изображение верхней лошади (высота в холке 53 см, наибольшая длина 75 см) сохранилось несколько хуже, явно видно, что пропорции ее несколько более тяжелые, чем у нижней (высота 45 см, длина 60 см). Хвост ее значительно длиннее, чем у второго животного. Черного цвета на гриве верхней лошади гораздо больше. Шаг лошадей

передан также различно: нижняя, более мелкая лошадь изображена как будто идущей иноходью, а верхняя — обычным шагом. У верхней лошади морда более вытянута и тяжеловата. Обращает на себя внимание аналогичное изображение живота у обоих животных. Линия его сильно вытянута вниз и не отличается той плавностью, с которой очерчены другие части изображений. Между фигурами лошадей находится рисунок, основной силуэт которого по форме близок к перевернутой трапеции высотой 40 см, шириной 60 см. Ось рисунка отклонена от вертикали на 17 градусов. Изображение выполнено контурной четкой линией шириной 1–1,5 см, одинаковой по всему контуру. Линия верхнего основания выходит с обеих сторон за пределы основного контура на 7 см, разворачивается вертикально вниз, образуя «ушки». Внутреннее пространство трапеции расчленено линиями. Они соединяют верхнее и нижнее основания фигуры и размещены тремя группами. Цвет этого рисунка идентичен с красным цветом изображений лошадей и не имеет следов полихрома. Трапеция слева от этих трех рисунков — другого типа. Особенности ее видны, несмотря на то что расчищена она еще не до конца. Изображение расположено на 45 см левее морды верхней лошади и немного ниже ее. Это равнобедренная трапеция, повернутая более длинным основанием вверх. Цвет ее красно-коричневый. В центре рисунка образована фигура, близкая по форме к равностороннему треугольнику, с вершиной, ориентированной вниз. Не вызывает сомнений, что в данном единстве рисунков основную смысловую нагрузку несут изображения

Рисунки в Каповой пещере.
Антропоморф. Графическая
реконструкция и фото (слева)

лошадей. Трапециевидные же фигуры дополняют и поясняют смысл и цель всей группы рисунков.

Значительная и очень интересная концентрация изображений находится в самой дальней части зала Хаоса, на его юго-восточной стене, приблизительно в 20 м к востоку от композиции «Лошади и знаки». Стена эта сильно наклонена в сторону зала. На высоте около 3,5 м от завала камней, образующих пол, зафиксированы два первых сближенных красочных изображения. Они выполнены красной охрой. Одно из них является силуэтом антропоморфного существа высотой 35 см. Существо, природу которого трудно определить, идет в согнутом положении на двух ногах как бы вверх по склону. Оно показано в профиль, двигающимся справа налево. Голова изображена достаточно обобщенно. Она имеет форму треугольника, обращенного вершиной вниз. Передние конечности параллельны друг другу, одинаково согнуты в локтях приблизительно на 45 градусов. Линии спины и живота относительно четкие. Задние ноги длиннее передних и находятся в положении движения шагом. По расположению суставов они напоминают ноги лошади. У существа, похоже, есть маленький хвостик. Контур фигуры достаточно четкий, но краска внутри него нанесена неравномерно. Наиболее интенсивно окрашены верх головы, правая задняя нога и локоть левой руки. Другие места

более бледны. Изображение покрыто кальцитовый коркой, которая в углублениях имеет непрозрачный молочно-белый цвет.

Над ним располагаются остатки силуэта какого-то крупного животного. Размеры его приблизительно вдвое больше размеров «антропоморфа». Контур фигуры имеет в разных местах разную четкость. Верхняя часть вообще не просматривается. Скорее всего, здесь нарисовано копытное животное, идущее, как и антропоморф, справа налево. Очень приблизительно видна длинная заостренная морда, контуры которой скорее угадываются, чем читаются. Более яркое пятно краски видно также в районе груди или верха передних конечностей, но и в этой части нет отчетливого контура. Очень смутно угадываются две передние ноги в положении движения шагом. Относительно хорошо видна горизонтальная линия брюха. Задние ноги, тоже в положении движения шагом, видны несколько лучше, чем передние.

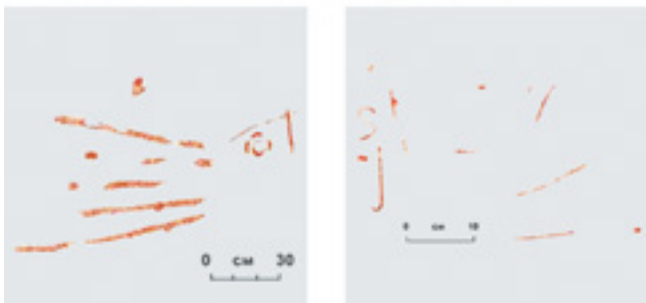
Таковы основные рисунки пещеры Шульган-Таш (Каповой). Они многочисленны и разнообразны, хотя при внимательном рассмотрении можно увидеть у них немало общих черт как в технике исполнения, так и в типах изображений ископаемых зверей и условных символических знаков геометрического облика, безусловно, имеющих специфические особенности. Примечательно, что наряду с одиночными рисунками представлены системно организованные композиции изображений. Рисунки распространены на обширной площади пещеры, при этом размещение их четко взаимосвязано с морфологическими особенностями интерьера конкретных участков пещерного пространства, что, несомненно, должно было усиливать восприятие настенных изображений древними людьми [38; 39].

Следующей по значимости пещерой с палеолитической живописью является Игнatieвская. Первые рисунки позднего палеолита в Игнatieвской пещере были обнаружены в 1980 году В. Т. Петриным, С. Е. Чаиркиным и В. Н. Широковым. Первоначальное подробное описание рисунков было сделано В. Т. Петриным [28]. Ниже приводится сокращенное описание с дополнениями, сделанное позже В. Н. Широковым [37].

За все время исследований в Игнatieвской пещере обнаружено около 60 мест с рисунками или их фрагментами двух цветов — красного различных оттенков и черного. Начинает ансамбль росписей фигура мамонта, нанесенная примерно в 120 м от входа в пещеру, на блоке в конце Основного коридора, откуда открывается вид на Большой зал, что кажется очень символично (группа 1). Несмотря на плохую сохранность изображения, видны два бивня, хобот, две задние ноги и остатки двух передних. Хорошо выражен характерный для мамонтов шейный перехват — впадина между холкой и головой зверя. Рисунок длиной около 31 см, силуэтный, красного цвета. Мамонт кажется приподнятым на задних ногах из-за того, что условная линия опоры ног не горизонтальная, а диагональная. Судя по массивности и бивням, изображен взрослый самец, обращенный головой в сторону Большого зала, в глубину пещеры.

Справа от него под натеком кальцита виден еще один рисунок, по очертаниям также напоминающий мамонта. Здесь же имеются первые следы черной краски в виде ломаной линии. Напротив, на углу восточной стены Основного коридора, нанесены два красных пятна. Их положение, вероятно, маркирует вход в параллельный Основному коридору отдел пещеры. Через 6 м вдоль южной стены зала можно наблюдать скопление знаков, нанесенных на стене и своде (группа 2). На низком своде нанесены пять широких (до 3–4 см) параллельных линий красного цвета, самая длинная из которых достигает 85 см. У двух из них есть небольшие боковые выступы. Пятно охры и знак в виде круга, обрамленного с трех сторон овальными пятнами, дополняют рисунки.

Рядом с этим знаком видна черная линия, пересеченная красной, разветвляющейся на одном конце на три тонкие линии, оставшиеся от использования древним рисовальщиком своего инструмента. Здесь же есть фрагменты еще четырех черных линий. Другие черные линии нанесены ниже на стене, в трех местах расчерчивая пространство по горизонтали и вертикали. Некоторые из этих линий смыкаются, образуя подобие меандров. Все остальные изображения южной стены также представлены только знаками, нанесенными на своды и стены

ниш. В одной из них видны только фрагменты краски (группа 3), в другой три линии (группа 4), в третьей — пять линий (группа 5). В четвертой, самой крупной нише нанесены пятна краски, S-видный знак, вертикальная линия, загнутая внизу, и знак «клавиформа». На стене рядом с этой нишей видны пятна краски и три линии, две из которых напоминают редуцированный контур туловища животного (группа 6). Неясные остатки знаков есть и в месте перехода от Большого зала к Южному коридору (группа 7), в котором обнаружены только отдельные фрагменты краски.

Передвигаясь вдоль западной стены зала с юга на север, в нескольких местах можно заметить аморфные пятна охры, среди которых одно пятно

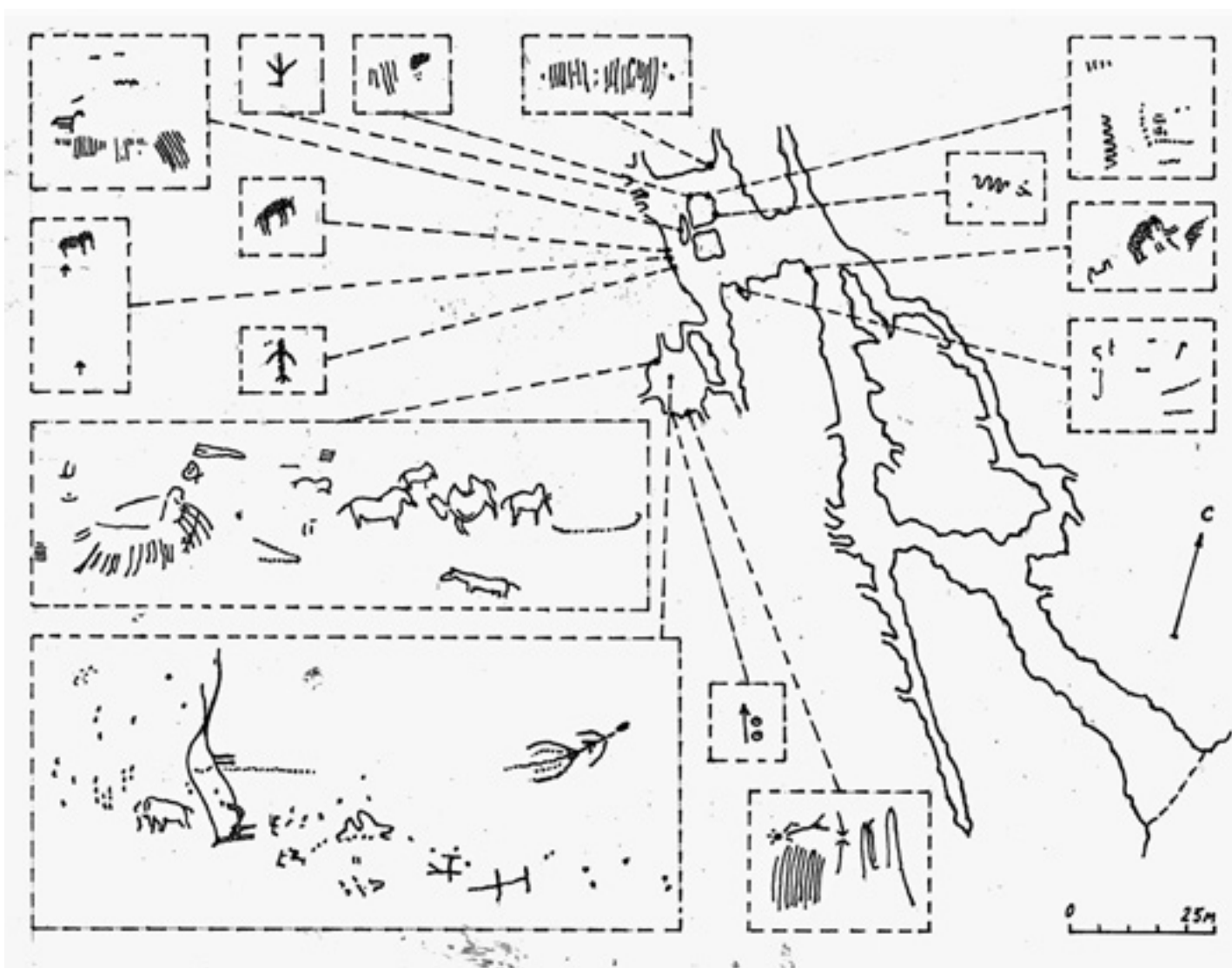
размером около 0,5 м может быть остатками фигуры животного (группа 8). Далее в широком углублении стены видны красные пятна, образующие две дуги — внешнюю и внутреннюю. Во внешней дуге восемь пятен, во внутренней — шесть. Выше видны аморфные красные пятна (группа 9). Заканчивается широкая ниша рисунком в небольшом углублении. Изображение, расположенное здесь, напоминает отчасти схематичное антропоморфное существо анфас величиной чуть менее 20 см. Вполне вероятно также, что перед нами одно из существ, нередких в настенном искусстве палеолита, «составленных» из антропо- и зооморфных частей.

Далее в стене имеется еще одна ниша, вокруг которой нанесены животные и знаки. Слева и выше ниши находится силуэт мамонта удлинённых пропорций, с хоботом и без бивней, каждая пара его ног показана одной линией. Ниже зверя нарисованы два стреловидных знака: один, частично перекрытый кальцитом, находится непосредственно под мамонтом, второй — на стене ниши (группа 10). По другую сторону ниши изображен силуэт еще одного животного. Его задние ноги массивные и короткие, передние тоньше и длиннее, их дистальные части подогнуты под брюхо. Плохая сохранность головы затрудняет определение вида животного, но слабые потеки краски впереди головы могут быть интерпретированы как остатки хобота.

Напротив, на западной стенке колонны, невысоко над полом нанесены знаки и фигура лошади. Изображения разворачиваются справа и выше овального углубления в стене, находящегося на уровне пола, сыгравшего, вероятно, важную роль в выборе участка стены для этой композиции (группа 23). На правой стене этого углубления заметны горизонтальные штрихи. В нижней части панно — длинный ряд вертикальных и наклонных линий (их общее количество — около 27). Над ними находится изображение лошади плохой сохранности длиной около 25 см. Сейчас видны только корпус, выполненный тремя линиями, шея, узкая морда и прямая передняя конечность. Следы краски указывают на тонирование тела животного в прошлом. Под фигурой лошади видны одна или более горизонтальных линий. Прямо над лошадию — наклонная линия,

Рисунки в Игнatieвской пещере и схема их расположения

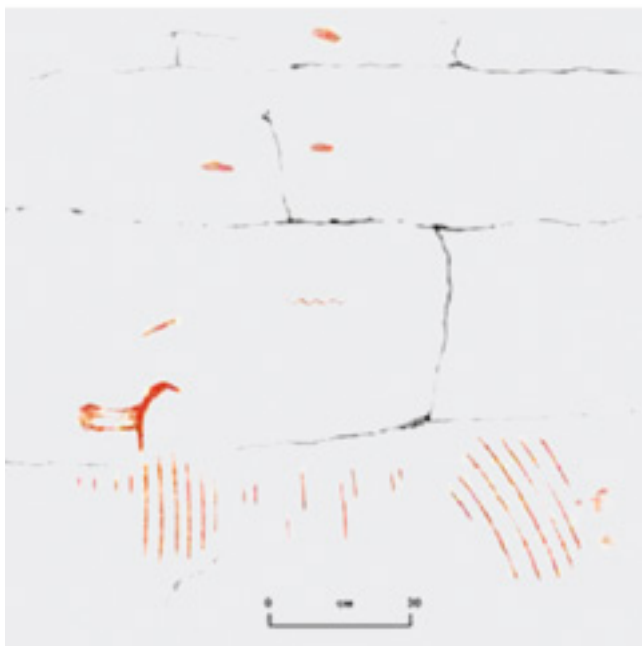

справа — как будто маленькая горизонтальная волнистая линия, а выше — наклонная линия и пятна краски. На одном из блоков под слоем мондмилха, вскрытого в нескольких местах, виден слой охры. Кроме этого основного панно на западной стене колонны в нескольких местах заметны фрагменты краски (группа 24).

Вернувшись к западной стене зала и двигаясь вдоль нее к III Северному тупику, можно заметить пятна и фрагменты линий, некоторые из них могут быть остатками знаков, другие — животных (группы 12 и 13). Слева от тупика на выступающем блоке размером 0,8×0,5 м нанесен знак в виде трезубца, а справа, на потолке, на трехметровой высоте — два крупных пятна краски (группа 15). Основная группа изображений на северной стене, на площади около 1,5×0,65 м, состоит из 19 параллельных вертикальных линий и примерно 9 пятен (группа 16), над которыми на своде в углублении нанесены еще восемь широких линий различной длины и пятна краски (группа 17).

Напротив, на северной стене колонны — две группы рисунков. Одна из них (группа 25) состоит из пяти вертикальных линий и аморфного пятна краски, которое может быть остатками фигуры животного. Другая группа (26) состоит только из знаков, нанесенных на два блока, сходящихся почти под прямым углом. На одном из блоков нарисована вертикальная волна с семью изгибами с одной стороны, которая может быть воспроизведением как змеи, так и ее следовой дорожки. На другом блоке по краю друг под другом нанесены семь пятен, а на его основной плоскости — знак из круга и обрамляющих его трех овальных отрезков, как во второй группе, остатки еще двух или трех аналогичных знаков и две горизонтальные линии под ними. Знак в виде круга с овальными отрезками вокруг него напоминает, как уже говорилось, отпечаток ступни носорога. С восточной стороны колонны в четырех местах отмечены фрагменты краски и знаков, а также линии и пятна на потолке лаза, проходящего через колонну (группы 27–31).

В углублении II Северного тупика в двух нишах отмечены знаки. В одной из них свод украшен несколькими группами параллельных линий, расположенных перпендикулярно друг другу: удастся

Рисунки в Игнatieвской пещере

насчитать по пять и по четыре линии в каждой группе. Напротив, в другой нише, очертаниями напоминающей силуэт мамонта, нарисованы десять параллельных полос. На восточной стенке изображения нанесены на своде блоков и невысоко над землей. Одно из них, сильно разрушенное, воспроизводит маленькую силуэтную фигуру мамонта с высоко задранной и изогнутой хоботом, под брюхом которого четыремя длинными прямыми линиями изображены ноги. Другой рисунок на своде блока возле глубокой ниши напоминает схематичную, стилизованную голову лошади. Возможно, это знак. Кроме них в нескольких местах заметны отдельные пятна краски (группы 20 и 21).

В Дальнем зале изображения выполнены также краской двух цветов — красной и черной. Наиболее значительная концентрация рисунков наблюдается в северной части зала на потолке, сложенном в этом месте громадными ровными плитами. В центральной части зала на высоком куполообразном потолке с характерной мелкоячеистой структурой рисунков нет. Отдельные знаки — пятна и изогнутая линия — отмечены лишь ближе к западной и южной стенам, там, где до свода можно легко дотянуться с осыпи. Немногочисленные рисунки нанесены также на южной стенке, на восточной их не видно, возможно, из-за перекрывающего плоскости сильно закопченного кальцита.

Попав через Нижний ход в Дальний зал, в свете яркого факела можно охватить взглядом сразу весь объем этого отдела пещеры. Вблизи выхода из нижнего лаза на низком своде под кальцитовый пленкой находятся рисунки 37-й группы. Она состоит из схематичного изображения антропоморфного существа с линейными туловищем, руками и ногами, между которыми обозначен фаллос, округлой головой и тремя чертами над ней. Руки существа согнуты в локтях и опущены на бедра. Длина фигуры около 32 см. У ног существа нанесены два стреловидных знака, смыкающиеся острыми концами. По обе стороны от них изображены субпараллельные линии, некоторые из них изогнуты и смыкаются концами. Ширина линий от 1 до 1,5 см. Напротив этой композиции на наклонной стене под кальцитовым натеком с трудом просматриваются черные рисунки 38-й группы. Вверху виден якоробразный

знак размером приблизительно 25×30 см, ниже которого — лесенкообразный мотив и параллельные линии рядом с ним.

Примерно в пяти метрах в глубину зала на этой же стене нанесен вертикально ориентированный стреловидный знак длиной около 27 см и два округлых радиально закрученных пятна справа от него (группа 39). Все мотивы черного цвета. Неподдалеку на своде над осыпью хорошо видна изогнутая красная линия длиной более 1 м и шириной от 3 до 4 см. Вправо от нее веером разворачивается группа красных пятен в сторону двух основных панно в этом зале — Красного и Черного. Количество пятен — более десяти.

Центральное положение на своде занимает Красное панно, названное так по цвету преобладающих на нем рисунков, нанесенных на площади около 20 кв. м. Перекрытые тонкими кальцитовыми натекками на постоянно влажном потолке, изображения выглядят сочно и ярко, с тех пор как с поверхности была смыта копоть. Самые замечательные по сохранности и размерам фигуры этого панно — зверь и женщина — расположены почти в трех метрах друг от друга. Фигура женщины в высоту составляет более 1 м, голова ее показана округлым, немного размытым пятном, длинная шея не сохранилась. Туловище, ноги и руки обозначены широкой линией: руки опущены вдоль тела, ноги широко раздвинуты. Между ногами женщины — три красных пунктира из 28 точек, из которых хорошо заметны только 21 (12 в центре, 4 справа и 5 слева).

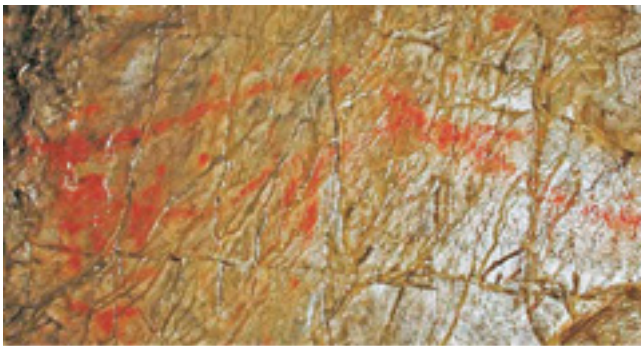
Центральный пунктир прямо спроецирован на пунктир из 21 такой же точки, отходящий от груди животного — самого крупного изображения в пещере: его длина около 2,3 м. Корпус зверя очерчен широкой контурной линией и немного затонирован лишь у задних ног и небольшого приподнятого вверх хвоста. Четыре коротких конечности, удлиненное тяжеловесное тело и два массивных рога, один из которых длиннее другого, придают фигуре черты носорога, судя по половому признаку — самца. Несколько пятен на теле дополняют его облик. Конечно, сильная стилизация рисунка допускает и иные трактовки видовой принадлежности зверя: в одном из ракурсов он напоминает схематичную фигуру мамонта. Можно также считать его и неким

обобщенным образом животного, порожденного мифологической фантазией. Ясно другое: пунктиры из точек, отходящих от животного, композиционно объединяют его с фигурой женщины, придавая им характер особых отношений и наделяя всю сцену комплексным содержанием.

Другие красные изображения на этом панно представлены знаками — пятнами, множество которых разбросано без видимого порядка за спиной зверя и между ним и женщиной, а также двумя крестообразными фигурами. На этой же плите есть и фрагменты существовавших здесь когда-то черных рисунков, перекрытых в настоящее время кальцитовым натеком. За спиной носорогообразного животного изображена фигура мамонта черного цвета. Контур изображения выполнен тонкой линией шириной около 1 см. Показаны хвост,

короткий прямой бивень, длинный хобот, одна передняя и одна задняя конечности, положение которых придают зверю характер движения по направлению к западной стене. Для воспроизведения головы животного использовано небольшое углубление потолка, специально затонированное и легко подведенное тончайшей линией.

На соседней плите, отделенной от Красного панно тридцатисантиметровым уступом, нанесены преимущественно черные рисунки, благодаря чему эта часть потолка получила название «Черное панно». Изображения исполнены на площади более 8 кв. м. Кроме черных фигур в отдельных местах видны пятна красной краски. С запада на восток панно начинают пять горизонтальных отрезков, за которыми следует фантастическое зооморфное существо длиной около 1,3 м. Линии спины и жи-

Красные панно в Игнatieвской пещере

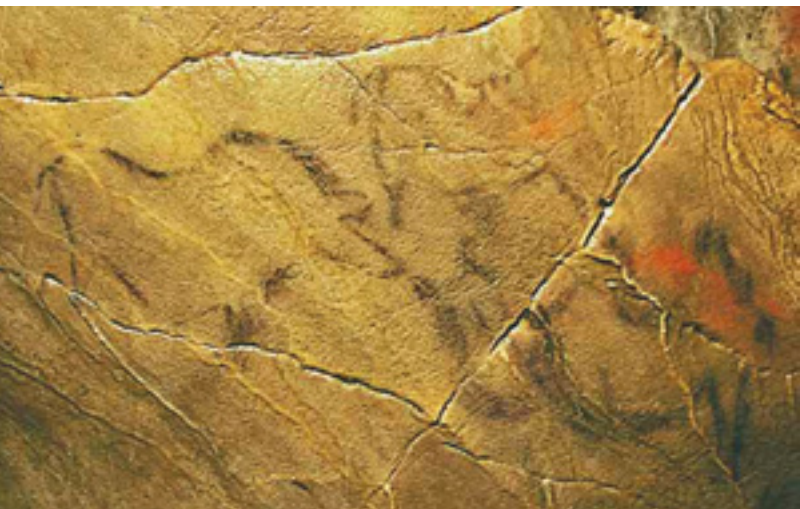
Черное и красное панно в Игнatieвской пещере

Черное панно
в Игнatieвской пещере

вота плавно изогнуты, куполообразная голова сближает это существо с обликом мамонта. Это впечатление усиливают многочисленные линии, обрамляющие фигуру по бокам и снизу и передающие, вероятно, бивни, шерсть и конечности зверя. Над головой существа нанесены два мотива — треугольник с короткой линией, опущенной на основание, и «фантом» «сердцевидной» формы с небольшим «воротничком» снизу и тремя пятнами внутри контура, напоминающими глазные и ротовую впадины. Длина треугольника около 50 см, ширина «фантома» на уровне «глаз» около 21 см. Далее к востоку следует незаконченный контур лошади длиной около 30 см, у которой показаны хвост, спина, «воздвигнутая» грива и небольшая клювовидная морда. Выше спины нанесены дуга и знак в виде расчерченного параллельными линиями четырехугольника длиной около 17 см. Ниже незаконченной лошади — три отрезка, под кото-

рыми нанесена диагональная полоса, углом сходящаяся с горизонтальным рядом из 17 небольших вертикальных штрихов: вместе они явно передают редуцированный образ животного.

Следующее изображение (одно из лучших по сохранности на Черном панно) — контурный рисунок лошади длиной около 60 см с массивными туловищем и шеей, обрамленной маленькой гривой. Ухо показано с небольшим выступом, морда узкая и длинная, передняя и задняя ноги короткие, брюхо отвислое, хвост вееровидный, передан двумя тонкими линиями. Над мордой животного воспроизведена, судя по характерным очертаниям корпуса, также лошадь, только меньших размеров (длина около 30 см) и без головы. Рядом с большой лошадью находится уникальная для всего палеолитического настенного искусства фигура животного с туловищем верблюда длиной около 70 см. Хорошо выделены контуры двух высоких горбов,

Черное панно
в Игнatieвской пещере

небольшой хвост, задняя нога и отвислое брюхо, очерченное четырьмя линиями, одна из которых примерно на середине туловища загнута вверх. Передняя конечность на рисунке почти не сохранилась. К верблюжьему туловищу вместо головы и шеи приставлена анфас морда-маска овальной формы с двумя ушами, а под брюхом нанесен большой знак из сдвоенных дуг. Следом за «верблюдом» можно с трудом, из-за кальцитовых налетов, различить фигуру мамонта, после которого изображена длинная (около 1 м) горизонтальная линия с загнутыми вверх концами. Ниже «верблюда» расположен рисунок, воспроизводящий, возможно, быка. У него контуром очерчены массивная морда с глазом, направленный вперед небольшой рог, шея, крестцовая часть с хвостом, брюхо и признак пола. Передняя и задняя конечности едва намечены, линия спины сильно разрушена. Но следует признать, что это видовое определение условно, так как фигура одновременно напоминает лошадь. А может быть, перед нами фантастическое животное. Перед мордой зверя нанесен овальный знак, нижняя часть которого разрушена. Все зооморфные существа на этом панно, за исключением «верблюда» и быка, обращены головой по направлению к Большому залу. Остается добавить, что немногочисленные красные и черные пятна и линии видны также на стенах Верхнего хода в Дальний зал и отмечают пребывание в этой важной части пещеры людей верхнего палеолита [37, с. 47–71].

Рисунки были обнаружены и в пещере Серпиевская 2, однако они плохо сохранились из-за изменений воздухотока в различные сезоны года в силу специфики морфологии полости и постоянного подтопления во время паводков. Всего известно девять групп изображений.

Первая группа рисунков находится в Круглом зале, на южной стенке, в 39,2 м от входа. На высоте от 1,4 до 1,7 м над полом на площади 0,5×0,35 м видны следы красной краски. Через 11 м на той же стене фиксируются фрагменты второй группы изображений. Рисунки были нанесены по желтоватой корочке на высоте 1,3 м от пола на площади 0,5×0,25 м. Сохранились фрагменты от трех субпараллельных линий, поперек которых тянется фрагмент одного отрезка. В 0,9 м справа от них видны остатки двух линий. Ширина всех полос не превышает 1 см.

Третья группа изображений обнаружена в устьевой части входа в зал Метро близ северной стены пещеры. На высоте около 0,5 м от пола на молочно-желтый натек кальцита нанесен рисунок светло-красного цвета размерами 27×12 см. Рисунок явно сделан человеком, сидевшим на очень удобном естественном выступе противоположной стены. Вероятно, это изображение северного оленя. Фигура выполнена контурной линией в профиль, очень схематично. На голове зверя показан длинный изогнутый рог; шея и голова находятся в характерном именно для северного оленя положении.

Четвертая группа расположена в 7,6 м от второй группы. Рисунки светло-красного цвета нанесены на плоскости, обращенной к северу, на высоте от 0,7 до 1,2 м над полом, занимают площадь 0,35×0,5 м. Вверху прослеживается прямая горизонтальная линия, ниже которой — еще четыре наклонных линии. Ширина всех полос около 1 см.

Пятая группа находится уже на противоположной, северной стене основной галереи, в 6 м к северо-западу от предыдущих рисунков. Изображение светло-красного цвета плохой сохранности отмечено на высоте около 1,45 м над полом. Это шалашевидный мотив, выполненный четырьмя линиями шириной около 1,2 см. Размер изображения 0,14×0,15 м.

Шестая группа рисунков находится в 13,6 м к северо-западу от пятой, у входа в Сталактитовый зал. На выступах северной и южной стен симметрично относительно оси коридора друг напротив друга нанесены два красочных пятна. На северной стене на высоте 1,1 м от пола на ровной поверхности закопченной кальцитовый корки находится овальное пятно, вытянутое по вертикали. Его размер 0,6×0,36 м, границы размыты. Цвет светло-красный. На противоположной, южной стене на высоте 1,5 м над полом на неровной поверхности кальцитовый корки заметно другое светло-красное пятно размером 10,5×26,5 см.

Седьмая группа зафиксирована на северной стене, на расстоянии 8,3 м от предыдущих изображений, на высоте 1,25 м от пола. На выступе стены с положительным наклоном по кальцитовому натеку нанесены три вертикальные субпараллельные линии. Длина центральной полосы 14,5 см, ширина 1,2 см, цвет светло-красный.

Восьмая группа находится на той же северной стенке, в 8,3 м от предыдущих рисунков, в узком проходе между Сталактитовым и Дальним залами. На высоте 1,1 м над полом на кальцитовом натеке видны пятна красного цвета на площади 0,33×0,35 м. В 1 м к западу на поверхности выступающего из стены блока в максимальном сужении коридора находится горизонтальная линия с зубцом длиной 0,32 м и шириной 3,2 см. Зубец обращен вверх.

Девятая группа рисунков находится в начале Сталактитового зала, в 80 м от входа. Над крупной нишей овальной формы на высоте около 2,8 м от пола обнаружен фигуративный мотив красного цвета, нанесенный на площади 0,4×0,4 м. Рисунок стилизованный, контурный, выполнен линией шириной около 2–3 см. Хорошо проработан крупный лоб животного, затем линия плавно изгибается вниз, образуя приостренную морду. Примерно от «рта» вниз опускается изогнутая линия. Над головой животного — два вертикальных выступа, один из которых сохранился хуже другого. Общие пропорции и изгиб линий, по мнению палеобиолога П. А. Косинцева, передают силуэт молодого животного.

В целом, несмотря на плохую сохранность и малое число хорошо дешифруемых рисунков, можно отметить сходство групп линий с подобными композициями в Игнatieвской пещере. Достаточно хорошо фиксируются одинаковые по числу повторы изображений, которые можно считать ритмообразующими группами. Они наделены, вероятно, особым смыслом. Отдельные красочные пятна в разных частях полости можно рассматривать с большой долей уверенности как маркирующие знаки. Такими же по функции можно считать отдельные пятна в Игнatieвской пещере, в частности на потолке Первого северного тупика и стенах Верхнего хода, соединяющего Большой и Дальний залы. Возможно, данные знаки вычленяют пространственные части подземных галерей, позволяя правильно ориентироваться в них и вместе с тем, вероятно, придавая разным отделам пещеры различный статус. Таким образом, в наборе знаков и образов есть как сходство, так и различия. Рисунки, нанесенные в пещере Серпиевская 2, отражают непосредственное влияние палеолитической традиции. Вместе с тем вопрос о возрасте этих изображений пока остается открытым. В обеих пещерах, в их глубинных частях, обнаружены культурные остатки в местах, где культурный слой может быть определен как «культурный слой посещений», а не поселений: люди приходили в эти карстовые полости, скорее всего, для осуществления неких обрядов [37].

Таким образом, рисунки как в Каповой, так и в Игнatieвской пещерах размещены в глубине полостей и, по единодушному мнению исследовавших их ученых, созданы с целью проведения обрядовых церемоний. Имеются в них и археологические свидетельства посещения людей для выполнения обрядов. Пещера, являясь частью действительности, одновременно выступает и как запредельный мир, и человек старается приобщиться к нему, поборов страх перед мраком. Это идеальное место для проведения различных ритуалов. В. Т. Петрин считал, что основным среди обрядов, проводимых в пещерах, являлся обряд инициации — посвящения, перехода человека из одного состояния в другое (например, подростка — в мужское звание). Эти обряды существовали у всех первобытных

народов, известных в этнографии. Человек палеолитического времени жил и мыслил одновременно и в реальном, и в мифологическом времени и мире. В его понимании время периодически возвращалось к своему началу, и это обновляло все силы, давало новую жизнь. В пещерной живописи и были заключены основные сюжеты первобытной мифологии. Композиции Большого зала Игнatieвской пещеры и Зала рисунков Каповой пещеры в основном связаны с охотничьей темой — это рисунки различных животных и знаки, похожие на стрелы и копья, загонные изгороди и ловушки. Зал Хаоса в Каповой пещере и Дальний зал в Игнatieвской, возможно, были главными в проведении обрядов, и в их рисунках, вероятно, отражены мифы о сотворении мира.

Общество конца палеолита представляется уже довольно развитым социальным организмом, в котором обряды посвящения (инициации) играли важную стабилизирующую роль. Структуру общества определяло половозрастное разделение труда, и целью обряда было ознакомление молодого человека с природным и социальным содержанием культуры, включение его в действующую систему отношений и представлений. Пещера представляет собой модель мира, с этим связано многообразие различных тем и сюжетов, отраженных в живописи.

Существование южноуральского центра пещерной живописи свидетельствует о стабильности связей многочисленных коллективов охотников, единстве их мировосприятия, что и является основным условием функционирования каждого отдельного общества. Кроме того, пещерная палеолитическая живопись Урала показывает, что это искусство было частью сложных мировоззренческих систем позднего палеолита, оно не ограничивалось Западной Европой и распространялось далеко на восток, свидетельствуя о некоторых духовных связях и единстве позднепалеолитического населения огромной территории Евразии.

Помимо пещерных святилищ с палеолитической живописью на Урале изучены и другие культовые места или святилища. В целом святилища — это объекты, почитаемые людьми, в которых совершались ритуальные действия, например, в честь

духов местности, умерших предков или покровителей общины. Отправление культов (поклонение, молитвы и т. п.) обычно связано с той или иной сферой жизнедеятельности человека и требует учитывать специфику того или иного ритуала и его направленность. Можно выделить, в зависимости от различных признаков, присущих различным святилищам, различные типы таких комплексов — производственные, поселенческие (общинные) и погребальные.

Кульг медведя на Урале появился еще в эпоху палеолита, о чем свидетельствуют находки в пещере Заповедной, расположенной в горной части Южного Урала, у самой вершины крутого склона на высоте около 70 м над урезом воды в реке Лемеза Белорецкого района Республики Башкортостан. Культурный слой, обнаруженный в пещере, имеет, согласно радиоуглеродной датировке, возраст около 13 тысяч лет. Пещера открыта в 1969 году В. М. Марушиным, но долгое время оставалась необследованной, пока в начале 1980-х годов не была вновь обнаружена туристами-спелеологами из Уфы. С пуском железнодорожного сообщения в этом районе начался наплыв туристов, что губительно сказалось на состоянии пещеры. До массового посещения на полу пещеры лежало как минимум около сотни черепов пещерного медведя и огромное количество костей. За короткий срок туристской деятельности значительная часть комплекса пещеры была уничтожена или вынесена. Профессиональные исследования археологов были начаты только в 1990 году уфимским археологом В. К. Федоровым, продолжены В. Г. Котовым. Было обнаружено 26 черепов большого пещерного медведя, составлявших не менее пяти культовых комплексов. Наиболее значительным был комплекс, приуроченный к одной из ниш пещеры, отгороженной специальной кладкой из камней, с использованием черепов медведя. Внутри этого «придела медвежьего храма» были свои потаенные уголки — кости спрятаны под навес свода, а череп — в расщелину скалы. Череп, обнаруженный в каменной кладке, имел следы ритуального повреждения и тщательно заклинен камнями. Другой череп, также поврежденный, был старательно установлен в расщелине скалы. Пещерная ниша, как и сама пещера, могла

восприниматься древними людьми как нечто способное возродить душу зверя. Остальные комплексы оказались к приходу археологов значительно разрушены туристами.

Поскольку в мировоззрении уральских народов центральное место среди хозяев — покровителей наряду с птицей занимает образ медведя, можно предполагать существование в прошлом ритуальных медвежьих «жилищ». Таковыми могли быть прежде всего пещеры, поскольку они часто становились берлогами для бурых медведей в горных районах, да и сам медведь всегда связывался с нижним миром. В прошлом у хантов и манси местом специального захоронения костей медведя служили пещеры, в которых и совершались жертвоприношения убитому зверю. Таким местом захоронения для угорских народов и их предков на протяжении нескольких тысяч лет служила Канинская пещера на Северном Урале.

Аналоги комплексов с черепами пещерного медведя из пещеры Заповедной можно найти на целом ряде памятников в Центральной и Западной Европе. Истоки этой традиции — выставления черепов животных — уходят своими корнями в более ранние эпохи.

Также нет оснований рассматривать сброшенные рога северных оленей как запас материала для изготовления орудий, поскольку рог для поделок использовался крайне редко. П. Ю. Павлов предполагает, что рога на стоянку были принесены людьми в культовых целях. Известно, что среди современных северных народов одним из наиболее почитаемых животных является северный олень, поскольку это животное составляет основу их хозяйства. Отражением культа северного оленя являются ритуальные кучи из оленьих рогов и черепов, широко распространенные у народов, населяющих тундровую и лесотундровую зону Евразии. Не исключено, что подобная ритуальная куча существовала и в Медвежьей пещере. Разрушение ритуального объекта, состоявшего из рогов северного оленя, в результате природных процессов могло привести к накоплению большого количества сброшенных рогов в слое с культурными остатками. Возможно, гипотеза о существовании верхнепалеолитическо-

го ритуального объекта в Медвежьей пещере не лишена оснований.

Еще один объект, который можно назвать святилищем или жертвенным местом, выявлен в третьем культурном слое грота Большой Глухой в Среднем Предуралье. Культурный слой был здесь окрашен охрой, охристые пятна обнаружены на стенке грота, каменный инвентарь очень беден. Все это говорит о неординарности памятника. Приведенные признаки позволяют считать этот комплекс палеолитическим святилищем или культовым местом [23].

Практически все стороны жизни любого древнего общества были в большей или меньшей степени связаны с мистическим, божественным, мифологическим миром. Мировоззрение древних людей было основано на взаимосвязи с миром духов-покровителей, предков или богов. Эти связи были очень важными, поскольку разными путями обеспечивали существование, выживание и благоденствие общества. Создание людьми ритуальных (священных) центров характерно для каждой исторической эпохи, начиная с каменного века и до современности. Главной задачей деятельности таких центров являлось обеспечение выживания социума.

Список литературы

1. Бадер О. Н. Каповая пещера. М. : Наука, 1965. 32 с.
2. Бадер О. Н. Смеловская II палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1971. № 173. С. 200–208.
3. Бибииков С. Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала // *Совет. археология*. 1950. Т. 12. С. 66–104.
4. Бибииков С. Н. Раскопки Усть-Катавской костеносной пещеры и археологическое обследование правобережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав (Южный Урал) // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1941. № 2.
5. Вишняцкий Л. Б. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб. : Нестор-История, 2010. 312 с.
6. Волков П. В. Опыт эксперимента в археологии. СПб. : Нестор-История, 2013. 416 с.
7. Волокитин А. В., Широков В. Н. Верхнепалеолитическая стоянка в гроте Бобылек (Средний Урал) // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале* : сб. ст. Вып. 1. Екатеринбург : Екатеринбург, 1997. С. 8–15.
8. Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1985. 88 с.
9. Гуслицер Б. И., Канивец В. И. Пещеры Печорского Урала. М. ; Л. : Наука, 1965. 134 с.
10. Деревянко А. П. Родословная человечества: теории и факты // *Наука из первых рук*. 2010. № 4 (34).
11. Деревянко А. П., Шуньков М. В. Новый взгляд на заселение человеком Евразии // *Наука в России*. 2012. № 2 (188). С. 20–28.
12. Деревянко А. П., Шуньков М. В. Откуда пришел Homo sapiens? [Электронный ресурс] // *Наука из первых рук*. 2015. № 5/6 (65/66). URL: <http://scfh.ru/papers/otkuda-prishel-homo-sapiens>
13. Деревянко А. П., Шуньков М. В., Маркин С. В. Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования Homo sapiens. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2014. 228 с.
14. Житенев В. С. Капова пещера — верхнепалеолитическое пещерное святилище с настенными изображениями : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017. 66 с.
15. Зенин В. Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // *Археология, этнография и антропология в Евразии*. 2002. № 4 (12). С. 22–44.
16. Зенин В. Н. Поздний палеолит Западно-Сибирской равнины : дис. д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003. 432 с.
17. Котов В. Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская). Предварительные итоги // *Уфим. археол. вестн.* 2004. № 5. С. 36–55.
18. Котов В. Г. Палеолитическое святилище в пещере Заповедная на Южном Урале // *Рос. археология*. 2012. № 2. С. 15–25.
19. Котов В. Г. Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая). Мифологическая структура и семантика изображений // *Уфим. археол. вестн.* 2009. № 9. С. 5–21.
20. Нехорошев П. Е., Гирия Е. Ю. Некоторые итоги исследований верхнепалеолитической стоянки в пещере Кульбурт-Тамак (Южный Урал) // *Уфим. археол. вестн.* 2004. № 5. С. 12–35.
21. Павлов П. Ю. Культурные связи населения Уральского региона в эпоху палеолита // *Вестн. Перм. ун-та*, 2012. Сер. История. № 1 (18). С. 6–23.
22. Павлов П. Ю. О первоначальном заселении севера Урала // *Урал. ист. вестн.* 2015. № 2 (47). С. 50–60.
23. Павлов П. Ю. Палеолит северо-востока Европы : дис. ... д-ра ист. наук. Сыктывкар, 2009.
24. Павлов П. Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2008. № 1 (33). С. 33–45.
25. Павлов П. Ю. Палеолитические памятники северо-востока европейской части России. Сыктывкар : Ин-т яз. и лит. Коми науч. центра Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 1996. 200 с.
26. Павлов П. Ю. Стоянка Гарчи I — памятник костенковско-стрелецкой культуры на Верхней Каме (Северный Урал) // *Археол. вестн.* 2010. № 16. С. 16–28.
27. Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск : Наука, 1986. 144 с.
28. Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск : Наука, 1992. 204 с.
29. Петрин В. Т., Смирнов Н. Г. Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье Тобола // *Вопросы археологии Урала*. Вып. 13. Свердловск, 1975.
30. Пещерный палеолит Урала : материалы Междунар. конф., г. Уфа, 9–15 сент. 1997 г. Уфа : Принт, 1997. 140 с.
31. Ражев Д. И., Косинцев П. А., Кузьмин Я. В. Плейстоценовая таранная кость (os talus) человека с местонахождения Байгара (центр Западной Сибири) // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. 2010. № 1 (12). С. 119–131.
32. Сериков Ю. Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Ниж. Тагил : Нижнетагил. гос. социал.-пед. акад., 2007. 137 с.
33. Сериков Ю. Б. Костяная индустрия уральского палеолита в контексте древней истории Урала // *Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития* : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, 4–5 марта 2008 г. Екатеринбург, 2008. С. 121–125.
34. Широков В. Н. Об открытии двух палеолитических памятников на Южном Урале // *Археологические открытия Урала и Поволжья*. Сыктывкар, 1989. С. 162–163.
35. Широков В. Н., Волков Р. Б., Нестерова Г. М. Палеолит и мезолит Урала : учеб. пособие. Екатеринбург, 2005. 159 с.
36. Широков В. Н., Косинцев П. А., Волков Р. Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // *Новое в археологии Южного Урала* : сб. науч. тр. Челябинск, 1996. С. 3–17.
37. Широков В. Н., Петрин В. Т. Искусство ледникового века. Игнатиевская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург, 2013. 191 с.
38. Щелинский В. Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа : Ин-т истории, яз. и лит. УНЦ РАН, 1996. 30 с.
39. Щелинский В. Е. Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш / Каповой (Башкортостан): настенные рисунки и археологические свидетельства // *Древние святилища: археология, ритуал, мифология* : материалы междунар. науч. симпозиума. Уфа : Ин-т истории, яз. и лит. УНЦ РАН, 2016. С. 4–40.

40. Щербакова Т. И. Каменный инвентарь гротов Столбового и Близначева на фоне палеолитических индустрий Урала // Проблемы первобытной культуры. Уфа : Гилем, 2001. С. 156–169.

41. Щербакова Т. И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкой (Островской). Екатеринбург : Ин-т истории и археологии Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 1994. 64 с.

Зюраткуль.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

1
ТОМ
глава
3

НА
ПЕРЕЛОМЕ
ВРЕМЕН

Глава 3. НА ПЕРЕЛОМЕ ВРЕМЕН

Природа голоцена

Около 10 300 лет назад на интересующей нас территории Северной Евразии открывается новая страница в истории. Происходит резкий природно-климатический перелом, связанный с потеплением и смягчением континентальности климата. Повышение летней температуры воздуха в средних широтах Северного полушария во время потепления на границе позднего неоплейстоцена и голоцена, по палеоботаническим данным, составляло в среднем около 1,7 °С в сто лет. Приледниковая зона распадается, происходит перестройка структуры ландшафтов, вместо огромной тундростепи появляются различные природные зоны. Закончилась ледниковая эпоха, наступил новый геологический период — голоцен, который продолжается и по сей день.

Голоцен, как и предшествующий ему плейстоцен, делится на несколько периодов: пребореал, бореал, атлантик, суббореал, субатлантик. Разница только в том, что если в плейстоцене эти периоды исчислялись десятками тысячелетий и за счет влияния ледника характеризовались кардинальными изменениями в природе, то в голоцене периоды колебаний климата стали короче (2–3 тысячелетия) да и природные изменения не были так существенны. Содержание этих периодов мы будем раскрывать

по мере повествования. В историческом аспекте эти геологические периоды связаны с определенными археологическими эпохами: мезолитом, неолитом, энеолитом, бронзовым веком и т. д.

Сложность геологической истории Южного Урала в первую очередь связана с неоднократным периодическим преобладающим воздействием то южных, то арктических, то атлантических воздушных масс. Это вызывало значительные изменения палеоландшафтов, отражающие соответствующую климатическую ситуацию. При этом, как показали исследования, ландшафтно-событийные процессы отличались высокой динамичностью. С ними было связано возникновение как оптимальных, так и кризисных палеоэкологических обстановок, что сказывалось не только на жизненном укладе древнего человека, но и на процессах его расселения.

Для пребореала (9700–9000 лет назад — по исследованиям Ю. А. Лаврушина и Е. А. Спиридовой, или 10 300–9200 лет назад — согласно исследованиям Н. А. Хотинского, В. К. Немковой и Т. Г. Суровой) на Южном Урале выявляется достаточно сложная картина изменения природных условий во времени. По имеющимся материалам, пребореал Южного Урала можно подразделить на три интервала. Для наиболее раннего из них были характерны островные березово-сосновые леса с господством на открытых пространствах полных группировок с примесью разнотравья. Средний пребореал характеризовался более теплым и влажным климатом с господством сосновых

лесов и участием ели и березы. Локальные степные группировки были представлены разнотравьем и злаками. По существу, именно этот интервал можно рассматривать как время становления современного типа зональных ландшафтов Южного Урала — разнотравно-ковыльных степей со степными борами и березовыми колками. В конце пребореала существенно уменьшились облесенность и разнообразие древесных пород (исчезла ель), возросла роль полыни, ею стали зарастать большие участки, что обуславливалось похолоданием и возросшей аридизацией климата.

В бореале (9000–8000 лет назад или 9200–8000 лет назад) палеоландшафтная обстановка на Южном Урале была достаточно изменчивой. В целом для этого этапа голоцена выделяются два интервала. Первый характеризовался теплыми и сухими климатическими условиями (бореальный термический максимум) с господством лесостепи. Среди древесных пород преобладала сосна, а открытые пространства были заняты маревополынными степями с незначительным разнотравьем. Второй, заключительный этап бореала связан с похолоданием и увеличением влажности климата. В лесах стало больше березы, а на открытых пространствах — разнотравья [14; 29].

В Южном Предуралье отмечается значительное увеличение лесных массивов с преобладанием березы и, в меньшей степени, хвойных и широко-

Голоцен — второй и завершающий раздел четвертичного периода (антропогена). Берет начало около 12 тысяч лет назад и длится по наши дни. Это сравнительно теплый период одного из межледниковий, пришедший на смену одному из наиболее масштабных оледенений, отметившемуся последним сильнейшим ледниковым максимумом, на фоне которого произошло массовое вымирание разнообразных представителей плейстоценовой фауны. За рубежом принято подразделять голоценовую эпоху по климатическим стадиям, определяемым по так называемым пыльцевым зонам. Первая стадия (пребореал) имела место с 9,6 по 8,7 тысячи лет до н. э.

Далее идут бореал (8,7–7,3 тысяч лет до н. э.), атлантик (7,3–3,7 тысяч лет до н. э.), суббореал (3,7 тысяч лет до н. э. — 450 лет до н. э.), субатлантик (начинается с 450 лет до нашей эры и длится поныне). При смягчениях климата происходило расширение зоны лесов, и за несколько столетий граница леса продвигалась к северу на расстояние до тысячи километров. Наиболее благоприятные условия для лесной растительности сложились в атлантикский период — климатический оптимум голоцена (около 6500–4700 лет назад), обусловивший максимальное расширение лесной зоны в южном и северном направлениях.

Лес

Северная тайга

Лесостепь

лиственных пород. О наличии лесной растительности в Волго-Уральском регионе в периоды раннего голоцена свидетельствует наличие в мезолитическом слое стоянки Чекалино II на реке Сок остатков костей и зубов типично лесных животных: лося, благородного оленя и медведя, в настоящее время неизвестного на юге Среднего Поволжья.

В зоне кряжа Южного Урала в пребореале произрастали разреженные елово-лиственничные и березово-сосновые леса, а в предгорьях существовали лесостепные ландшафты с лиственнично-березово-сосновыми лесными колками с единичной примесью ели. В бореале здесь господствовали березово-елово-сосновые леса с примесью лиственницы и кедра сибирского, единично вяза, липы и дуба, в предгорьях — березово-сосновые леса с примесью лиственницы и ели.

На юге Западной Сибири с начала голоцена начинается прогрессивное потепление и чередование теплых и относительно холодных периодов примерно каждые 500 лет. В целом изменения растительности отражают тысячелетний ритм и почти совпадают с ритмом изменения температур, полученным по инструментальным и косвенным данным за последние 2000 лет. При этом учитывается, что изменения растительности проявляются с запаздыванием по сравнению с изменениями климата. Каждый ритм состоит из двух интервалов — теплого и холодного — продолжительностью около 500–600 лет. Так, в пребореале для теплого-сухого и теплого-влажного интервалов характерны полынные степи с сосновыми перелесьями, для холодного-влажного — сосново-еловые редколесья

с лиственницей, для холодного-сухого — лесотундровые ландшафты [11].

В бореальный период проявляются существенные различия в климатической обстановке северных и южных районов Урала. Граница между северной и южной климатическими областями проходит примерно по линии Соликамск — Нижняя Тура. В северной половине отмечается значительное потепление — бореальный термический максимум, что способствует значительному увлажнению и смягчению континентальности климата. В южной половине создаются условия холодного, засушливого и континентального климата. Эти различия объясняются особенностями циркуляции атмосферы над Северной Евразией [29].

Завершается процесс консолидации растительных зон Урала: тундровой, лесной и степной. В Пермском Предуралье темнохвойные деревья играют роль доминирующей зональной формации, и леса носят среднетаежный облик, близкий к современному. Максимальный расцвет темнохвойной тайги происходит 8700 лет назад. В более южных районах в этот период преобладают сосновые и сосново-березовые леса с елью и липой, а в юго-западных отмечается пыльцевой спектр с содержанием вяза, липы и лещины. В бассейне реки Белой преобладают вначале березово-хвойные, затем сосново-еловые леса, примесь широколиственных пород увеличивается. Юго-западнее Уфы в лесах преобладают березы, но большее значение имеют травянистые виды, особенно разнотравье и полыни, что свидетельствует о близости степи. На восточном склоне Южного Урала в начале бореала

Природные зоны голоцена

фиксируется приблизительное количество пыльцы сосны, березы и лиственницы. Во второй половине бореала полностью исчезает пыльца ледниковых растений, господство принадлежит сосне и березе с проникновением широколиственных пород. В Зауралье формируются сомкнутые леса с преобладанием сосны, примесью березы, ели, лиственницы, сибирского кедра. В составе лесов местами присутствуют пихта, ильм, реже — дуб и липа. Состав растительности свидетельствует о более теплых климатических условиях по сравнению с пребореалом.

На самом юге Урала палеоландшафтная обстановка достаточно изменчива. В целом для этого этапа голоцена выделяются два интервала. Первый характеризуется теплыми и сухими климатическими условиями (бореальный термический максимум) с господством лесостепи. Среди древесных пород преобладает сосна, а открытые пространства

занимают марево-попынные группировки с незначительным участием разнотравья. Второй, заключительный этап бореала связан с похолоданием и увеличением влажности климата. В составе лесных участков возрастает роль березы, а на открытых пространствах — разнотравья. В междуречье Тобола и Ишима к концу бореала в южных районах устанавливаются лесостепные ландшафты, характеризующиеся обилием березовых лесов, возможно, с осинкой, часто с примесью ольхи; в северных районах — березовые перелески с примесью вяза или сосны. На юге Западной Сибири в это время отмечаются степные ландшафты с березовыми перелесками.

В целом для Урала бореальный период окончательно завершил процесс распределения растительных зон Урала: тундровой, лесной и степной. Имеющиеся данные позволяют предполагать, что материальная культура и хозяйство населения Южного и Среднего Урала, а также Казахстанского и Курганского Притоболья этого времени формировались в близких природных условиях.

Мезолит как эпоха в истории

По археологической периодизации, время раннего голоцена — пребореала и бореала (10–7,5 тысяч лет назад) — называется мезолитом (средним каменным веком).

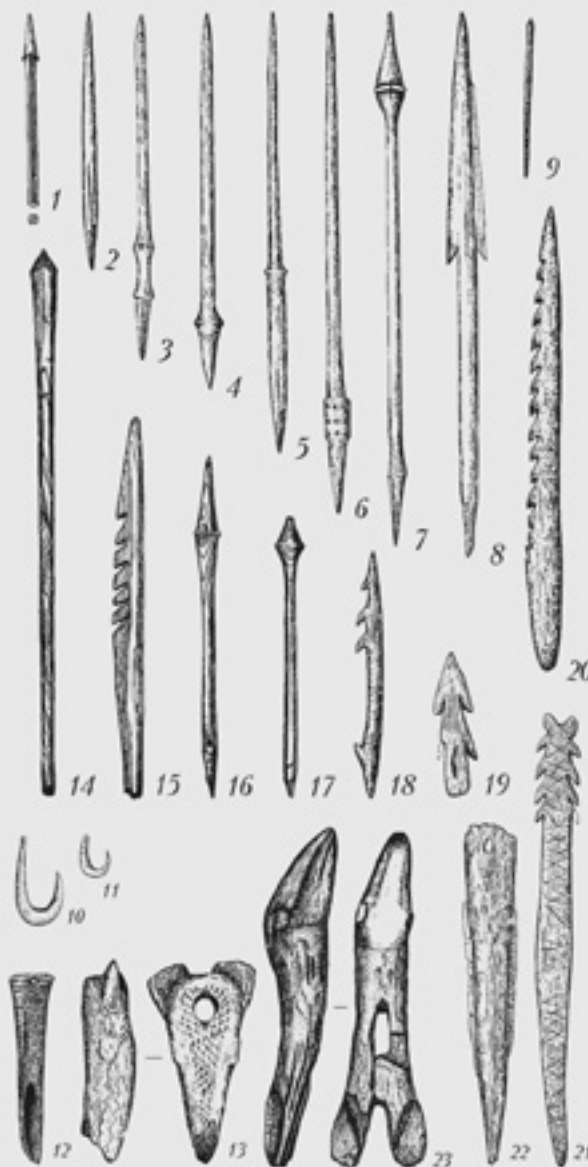
Средний — в том смысле, что это время перехода от древнего каменного века (палеолита) к новому каменному веку (неолиту). Вопрос о выделении мезолита как эпохи достаточно дискуссионный и включает в себя различные критерии: хронологический, культурный, хозяйственно-экономический. В западноевропейской археологической литературе термин «мезолит», обозначающий комплексы каменных орудий, занимающих промежуточное положение между палеолитом и неолитом, впервые был употреблен А. Брауном в 1893 году. В начале XX века в Западной Европе этот термин существовал параллельно с термином «эпипалеолит» и окончательно утвердился после выхода работ Г. Кларка, который отверг концепцию эпипалеолита и отстаивал мезолит как самостоятельную археологическую эпоху, критерием выделения которой являются кардинальные изменения природной среды и адаптация к ним человеческих коллективов.

В советской археологической науке первой половины XX века термин «мезолит», введенный М. Я. Рудинским, также употреблялся параллельно с термином «эпипалеолит». К началу 1960-х годов в связи с выходом в свет работ М. В. Воеводского, Д. А. Крайнова, А. А. Формозова понятие мезолита как археологической эпохи довольно прочно утвердилось в советской археологической литературе. Тем не менее и до настоящего времени часть исследователей употребляют термины «эпипалеолит», «голоценовый палеолит», «докерамический неолит», «мезолит с керамикой». В целом можно выделить несколько основных критериев в определении понятия «мезолит»: экономический, хронологический, технологический, культурно-исторический.

При применении экономического критерия мезолит понимается как этап кардинальных изменений в хозяйственно-экономическом устройстве древнего общества: изменение типа охоты, выход из кризиса охотничьего хозяйства конца плейстоцена,

Мезолит (от мезо — средний, и литос — камень) — этап в развитии древней культуры эпохи камня (10,3–8 тысяч лет назад), переходный от палеолита к неолиту, хронологически неоднородный на различных и в особенности на удаленных друг от друга территориях. Мезолитическое время характеризуют раннеголоценовые памятники, основой

материальной культуры которых является микропластинчатая техника, зародившаяся в позднем палеолите. Наиболее характерными орудиями мезолита являются геометрические микролиты, резцы, острия и др., выполненные из кремневых пластинок, а также орудия из кости и рога, в том числе вкладышевые, оснащенные кремневыми пластинками.

Орудия мезолита

движение к освоению производящего хозяйства. Применять экономический критерий к выделению мезолита Урала, как, впрочем, и соседних регионов Поволжья и Западной Сибири, вряд ли уместно, поскольку зачатки производящего хозяйства здесь стали появляться только к концу энеолита, а данных о хозяйстве конца плейстоцена — начала голоцена крайне мало. Стоянки позднего палеолита и мезолита имеют маломощные культурные слои, как правило, без жилищных конструкций или с наземными сооружениями, фиксируется практически полное отсутствие остеологических материалов.

Хронологический критерий подразумевает рассмотрение мезолита как чисто хронологического понятия. При таком подходе мезолитическое время памятника определяется геологическими или палеогеографическими методами независимо от историко-культурного или экономического содержания. При таком подходе содержание понятия «мезолит» для разных территорий становится различным. Для территории Урала позднеплейстоценовый рубеж датируется периодом около 10 300 лет назад; на Южном Урале и в Поволжье переходным от позднеледникового к голоцену Ю. А. Лаврушин и Е. А. Спиридонова считают пребореальный период — 10 000–9000 лет назад.

Большинство исследователей Урала и прилегающих территорий связывают начало эпохи мезолита с началом голоцена. Но этот фактор также не может быть универсальным, и каждая конкретная территория требует индивидуального подхода. Так, сумнангинская культура Якутии датируется Ю. А. Мочановым периодом 10 000–6000 лет назад и интерпретируется как заключительный этап одной из линий развития палеолита Северной Азии. В то же время на Дальнем Востоке на памятниках Гася и Госян В. Е. Медведевым в слоях осиповской «мезолитической» культуры зафиксирована древнейшая керамика. Новейшие исследования на Дальнем Востоке, в Японии и Китае показывают: в настоящее время можно считать установленным, что осиповская и громатухинская культуры существовали около 13 000–10 000 лет назад в условиях темнохвойных лесов с примесью широколиственных пород. Таким образом, памятники этих культур (Гася, Хумми, Гончарка, Громатуха) являются

древнейшими неолитическими комплексами Дальнего Востока, России и Сибири и относятся к начальному неолиту Восточной Азии. К этому же времени относится появление керамики в Японии и Китае. То есть, по сути, в одно и то же время на Урале и в Западной Сибири господствовал мезолит, в Якутии — эпипалеолит, а на Дальнем Востоке — неолит.

Технологический, а точнее, типолого-технологический критерий подразумевает рассмотрение в первую очередь комплексов материальной культуры и выделение суммы признаков, характерных для групп памятников достаточно широкого региона. Основным моментом при данном подходе выступает появление индустрии микропластин и вкладышевой техники. Е. Ю. Гиря и П. Е. Нехорошев предложили определять начало мезолита по

Отжимная техника.

Главным изобретением в это время было использование отжима как основного способа создания импульса расщепляющей камень силы. При отжимной технике можно очень точно выбрать место приложения силы. Если при ударе импульс прилагаемой энергии очень короткий и он изгибает снимаемый скол на коротком участке,

то при отжиме, предполагающем плавное увеличение давления, импульс длиннее. Следовательно, с помощью отжима можно снять более длинный и тонкий скол, чем при ударной технике, а это в свою очередь означает возможность получения пластин с параллельными тонкими краями — практически уже готовых режущих орудий.

Вкладышевые орудия.
Реконструкция

распространению отжимной техники получения пластин [3].

С распространением такой техники появляется стандартизация микропластин с правильной огранкой и возможность массового изготовления вкладышевых орудий. Однако же подобные процессы проходили не на всех территориях одновременно. Например, для Сибири зарождение техники получения микропластин связывается с рубежом среднего и позднего палеолита. Иркутские археологи, основываясь в основном на технологическом принципе, определяют хронологические рамки мезолита в пределах с 13–12 до 7 тысяч лет назад. Для районов Урала и Западной Сибири в вопросе о появлении микропластинчатых индустрий мезолита своеобразным эталоном является стоянка Черноозерье II, материалы которой фиксируют пример жизнедеятельности охотничье-рыболовецкого населения в финальном палеолите.

Наиболее приемлемым критерием может являться культурно-хронологический, в более общем виде обозначенный О. Н. Бадером: «Мезолит — это определенный этап в развитии первобытной культуры каменного века, переходный от палеолита к неолиту, но хронологически неоднородный на различных и, в особенности, на удаленных друг от друга территориях» [1]. Уточняя это определение применительно к региону Урала и сопредельных территорий Преуралья и Западной Сибири, можно констатировать, что выделение мезолита как эпохи здесь, безусловно, правомерно. Мезолитическое время характеризуют раннеголоценовые памятники, основой материальной культуры в которых является микропластинчатая техника, зародившаяся в позднем палеолите. Имеющиеся в регионе радиоуглеродные даты показывают существование эпохи мезолита в рамках X–VIII тысячелетий до н. э. Верхним рубежом мезолита является время возникновения комплексов с керамикой и двусторонней обработкой орудий, органично сочетающихся с традиционной микропластинчатой индустрией.

О понятии «микропластинчатая техника» в Зауралье

Материальная культура Северной Евразии в мезолитическую эпоху характеризуется прежде всего высочайшим уровнем развития техники отделения пластин и изготовления пластинчатых орудий. Однако в понятие «пластинчатая индустрия» при применении его к различным территориям разные исследователи далеко не всегда вкладывают одинаковое содержание. Так, сама категория «пластина» в зависимости от длины, ширины и толщины заготовки подразделяется на «пластина», «пластинка», «микропластинка», иногда употребляются термины «средняя пластина», «узкая пластина» и т. п. При этом метрические показатели, в частности такой важный параметр, как ширина, варьируется в довольно значительных пределах: например, для «узких» или «микропластинок» и «пластинок» он колеблется от 0,7 до 1,5 см.

Для мезолитических памятников Зауралья конкретизация понятия «микропластинчатая техника» крайне важна, так как именно эта техника является основой материальной культуры мезолитического времени. Так, по мнению А. П. Деревянко, С. В. Маркина и С. А. Васильева, «микропластинчатая техника — это совокупность специальных технических приемов, позволяющих получать стандартные очень мелкие пластинки. Характерна для позднего палеолита и последующих эпох. Микропластинчатая техника может быть основана на расщеплении мелких призматических ядрищ (конусовидной или карандашевидной формы), а также плоских нуклеусов и форм с попеременным скалыванием. Для азиатского круга культур более характерно получение микропластинок в рамках техники торцового расщепления. Торцовое ядрище представляет собой уплощенный с боковых сторон предмет с узкой удлиненной ударной площадкой и острым основанием, которое фиксировалось при расщеплении в подставке. Основание могло оставаться необработанным, в виде острого края отщипа (в этом случае нуклеус классифицируют как просто торцовый) или подвергаться специальной

ретушной подправке» [5]. В Зауралье торцовые нуклеусы изготавливались на плитках кремня и яшмы.

А. А. Ластовский считает, что «микропластины — это кремневые сколы небольших размеров и правильной формы, которые благодаря своим размерам резко выделяются из общей массы инвентаря мезолитических памятников. От пластинчатых сколов эпохи верхнего палеолита микропластины отличаются, прежде всего, небольшими размерами и правильностью очертаний. В отдельных памятниках верхнего палеолита также могут быть представлены в большом количестве микропластины. Но мезолитические микропластины и микропластины верхнего палеолита резко отличаются друг от друга. Это отличие, главным образом, связано с кривизной профиля и состоянием микропластины — она может быть целая или фрагментированная, сломанная. Если в эпоху верхнего палеолита преобладают целые микропластины, то в мезолите

мы сталкиваемся преимущественно с фрагментированными экземплярами. Появление микропластин неразрывно связано с усовершенствованием призматической техники расщепления, которая, появившись еще в верхнем палеолите, достигает расцвета в мезолите посредством применения отжима и усовершенствованного скола. Несмотря на некоторую спорность факта повсеместного распространения отжимной техники, мы можем констатировать повышение качества и увеличение степени стандартизации мезолитических пластин по сравнению с палеолитическими. Дальнейшее развитие типов каменных орудий неразрывно связано с употреблением пластин и микропластин» [15]. В целом такое определение может быть применено и для зауральских материалов, однако в нем опять же не уточняются метрические параметры пластин и микропластин.

Е. Ю Гирей и П. Е. Нехорошевым предложен технологический критерий, позволяющий определять начало мезолита по распространению отжимной техники получения пластин-сколов [3]. Пластины, полученные таким путем, отличаются высокой степенью стандартизации — совершенством огранки и параллельностью краев, тонкостью, прямизной профиля. Стандартизация пластин свидетельствует о простоте их получения и возможности использования почти без предварительной обработки. Становится возможным массовое и быстрое производство различного рода вкладышевых орудий, которые вытесняют традиционное техно- и материалоемкое охотничье вооружение.

В литературе широко употребляются термины «микропластинчатая индустрия» и «микролитическая индустрия», однако необходимо отметить, что исследователи вкладывают в них разное значение. А. В. Виноградов, специально рассматривая этот вопрос, выделяет два основных направления, объединяющих разные точки зрения исследователей [2]:

1. Микролитические комплексы — это комплексы, содержащие изделия геометрических форм (трапеций, треугольников, сегментов).

2. Основным моментом микролитической техники является совершенная пластинчатая индустрия — техника расщепления пластины на части

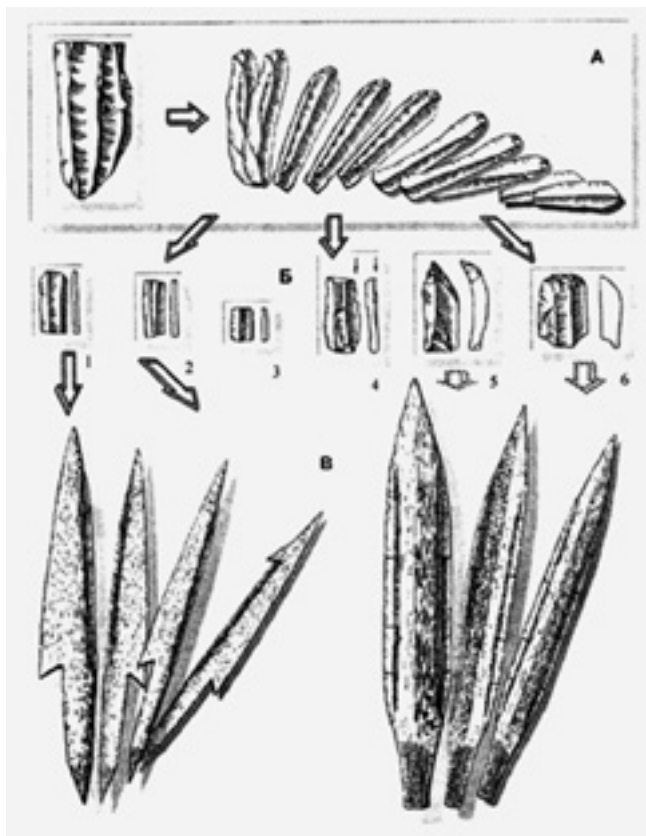

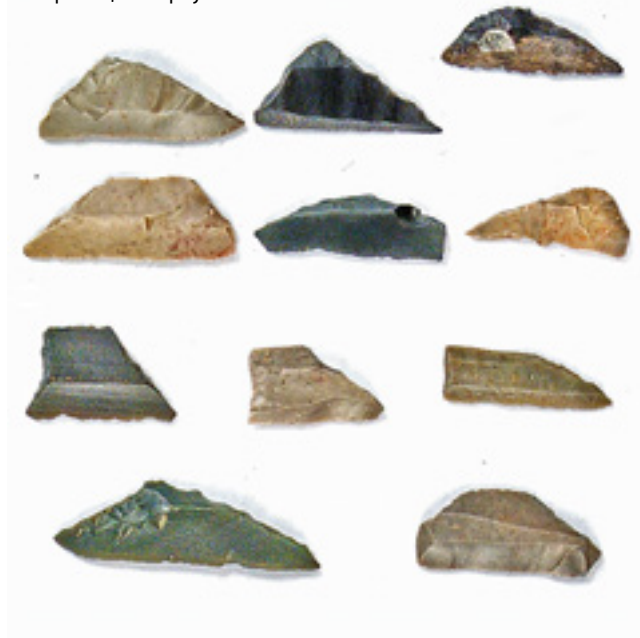
Схема получения сколов и их дальнейшего использования в мезолите. А — расщепление нуклеуса; Б — изготовление орудий из кремня;

В — изготовление орудий из других материалов. 1–3 — вкладыши из пластин; 4 — угловой резец; 5 — острие; 6 — концевой скребок

Геометрические микролиты — очень своеобразный тип изделий, чаще всего неясного назначения. Свое название получил, потому что пластинкам ретушью придавалась правильная геометрическая форма (на Южном Урале — трапеции или треугольники). Функциональное назначение можно определить только предположительно — наконечники стрел, вкладыши и т. п. Геометрические микролиты в различные периоды каменного века имели очень широкое распространение — от Африки и Передней Азии до Западной Сибири.

Геометрические микролиты — трапеции и треугольники

и использование сечений с дополнительной обработкой или без обработки.

Действительно, исследователи называют микролитическими индустрии как Крыма, Причерноморья, Южного Урала и т. д. (содержат в массовых количествах орудия геометрических форм), так и Якутии, Среднего Урала, Казахстана и других регионов (где эти формы или полностью отсутствуют, или имеются в единичных экземплярах).

Последователи и того и другого направлений, оперируя понятием «микролитическая техника», не определяют, какие технологические показатели они в него вкладывают. А. В. Виноградов, справедливо указывая, что из этимологии слова «микролиты» вытекает общее измельчение каменного инвентаря, также не анализирует параметры пластин. Следует отметить, что абсолютное большинство археологов основным, а часто и единственным параметром считают ширину пластин, произвольно сводя их в группы.

Подобные обобщенные характеристики позволяют объединить под понятием «микропластинчатый» большинство пластинчатых индустрий. Вероятно, решающим аспектом данной проблемы является вопрос о вкладышевых орудиях. Практи-

чески все исследователи, описывающие комплексы с орудиями геометрических форм, считают, что данные предметы служили вкладышами. Это представление считается настолько очевидным, что даже орудия, изготовленные в экспериментальных экспедициях, имели вкладышевые лезвия из геометрических микролитов. Вместе с тем известны лишь единичные предметы с пазами, где в качестве вкладышей служили данные изделия.

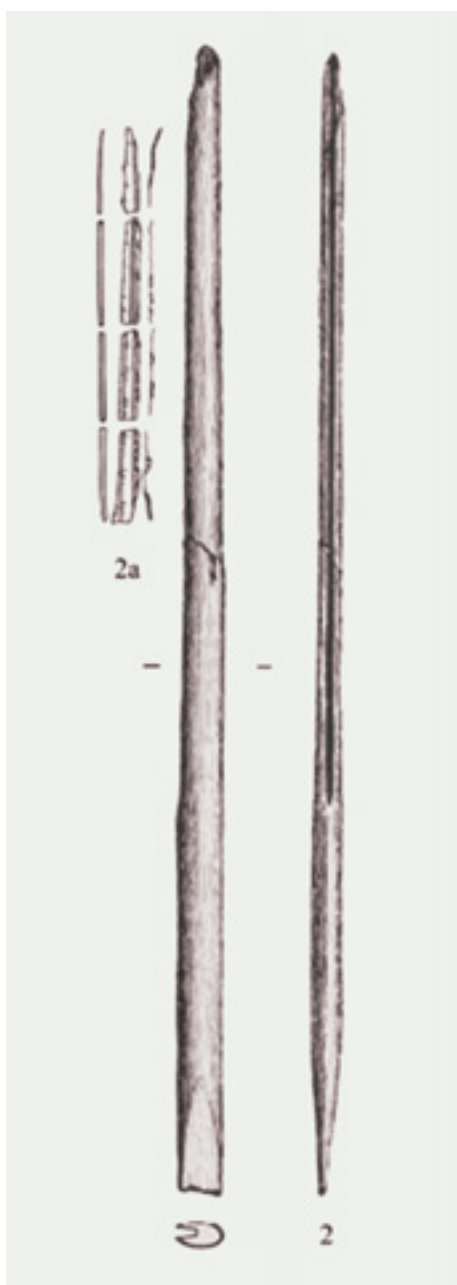
На территории Северной Евразии обнаружены тысячи костяных и деревянных оправ с пазами, во многих из которых сохранились вкладыши. К какому бы периоду они не относились — палеолиту или мезолиту — и на какой бы территории не были обнаружены, их объединяет ряд общих признаков:

1) все вкладышевые орудия имеют составные лезвия из плотно пригнанных друг к другу отрезков пластин. Геометрические микролиты иногда использовались в сочетании с костяными оправками, но без образования сплошного лезвия, отдельными элементами — шипами, выступами и т. д.;

2) вкладыши всех составных орудий имеют ширину не более сантиметра, а абсолютное большинство — 0,5–0,8 см, причем толщина их, как правило, не превышает 0,2 см. Этому соответствуют и размеры пазов в костяных оправках;

3) ретушь применялась далеко не всегда. Обычно ею оформлялся край, противоположный рабочему, значительно реже — торцовый. Она, как правило, мелкая, притупляющая, не заходящая на плоскость заготовки. Необходимо разграничивать ретушь оформления — хорошо выраженную, регулярную, с равновеликими фасетками, и ретушь утилизации — эпизодическую, нерегулярную, не имеющую механического однообразия, так как совмещение этих понятий может привести к искажению показателей технологических приемов оформления вкладышевых лезвий.

Наконечник
с вкладышами.
Лобвинская
пещера

Таким образом, под понятием «микропластинчатая техника» в Зауралье нужно понимать комплекс изделий, в котором господствует техника расщепления на пластины шириной не более сантиметра при толщине 0,1–0,2 см, и изготовление основных типов орудий на их основе, в том числе составных вкладышевых орудий, причем большей частью без преднамеренной обработки вкладышей. Геометрические микролиты, встречающиеся в Зауралье, как правило, имеют ширину 1–1,3 см.

Естественно, что даже в самом микропластинчатом комплексе будут присутствовать в небольшом количестве пластины более крупных размеров, но это или заготовки определенных орудий (например, концевых скребков) или отходы производства (с искривленными гранями, изогнутым профилем и т. д.).

Примером могут служить материалы Лобвинской пещеры на севере Свердловской области. Помимо обломков костяных оправ в мезолитическом слое пещеры найдены и выпавшие из наконечников вкладыши — 81 микропластинка правильной огранки, изготовленная в отжимной технике. Ширина вкладышей колеблется от 2,5 до 6 мм, преобладают микропластинки шириной около 4–5 мм (63 экз.). Толщина колеблется от 0,6 до 1,5 мм, наибольшее количество имеют толщину около 1 мм. Большинство вкладышей сильно фрагментировано при ударе стрел в стены пещеры, длина сохранившихся фрагментов от 4,6 до 19 мм. Показательная длина вкладышей, сохранившихся в оправе — 16, 17, 17, 19 мм, — что, вероятно, соответствует средней норме. Целых пластинок не найдено, дистальных концов два, проксимальных пять, остальные — медиальные фрагменты микропластинок. Только 22 микропластинки обработаны ретушью. Различная выкрошенность заметна на краях большинства микропластинок. На углах шести вкладышей отмечены сколы, напоминающие резцовые, часто идущие наискось — типичные повреждения вкладышей метательного оружия [30].

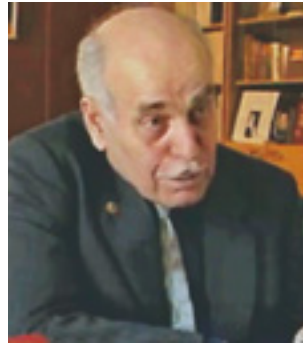
Микропластинчатая техника как основа материальной культуры является главным показателем эпохи мезолита в Зауралье. Применение этого признака позволяет отделить мезолитические комплексы от комплексов позднего палеолита, где

микропластинчатая техника только зарождается, и еще не свойственны серийность и типологическая устойчивость нуклеусов и микропластинок как основных заготовок. Для человеческих коллективов это период адаптации к новым, послеледниковым, уже близким к современным географическим и климатическим условиям. Места проживания охотников этого времени можно обнаружить уже во всех природно-ландшафтных зонах Урала — от холмистых и равнинных степных районов до горной тайги.

Памятники эпохи мезолита

На Южном Урале планомерные поиски и исследование мезолитических стоянок были начаты в 1961 году Южноуральской экспедицией Института археологии Академии наук СССР под руководством Г. Н. Матюшина.

Районом работ были выбраны озера, расположенные в степной и лесостепной зоне зауральской части Башкирии. В 1963, 1966 и 1967 годах проводились раскопки стоянки Янгелька на озере Чеваркуль; с 1962 по 1969 год исследовались стоянки на озере Карабалыкты: многослойная стоянка Мысовая (Карабалыкты VII), Ташбулатово II

Геральд Николаевич Матюшин (14.11.1927, Уфа — 07.08.2000, Москва) — видный российский археолог, доктор исторических наук (1988), член-корреспондент РАЕН (1992), член Американского археологического общества. Участник Великой Отечественной войны. Окончил исторический факультет Башкирского государственного педагогического института им. К. А. Тимирязева (1952). С 1961 года работал в Институте археологии АН СССР, окончил здесь аспирантуру (1964). Свыше 30 лет занимался исследованием памятников каменного века на Южном Урале.

В 1964 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Мезолит и неолит Башкирии», в 1987 году — докторскую «Каменный век Южного Урала: Предуралье. Проблема становления производящего хозяйства». Был председателем возрожденного Российского археологического общества, председателем бюро Секции археологии и антропологии Российской академии естественных наук. Автор более 300 научных публикаций.

Основные публикации:
Матюшин Г. Н. У колыбели истории : монография. М. : Просвещение, 1972.

Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала : монография. М. : Наука, 1976.

Матюшин Г. Н. Яшмовый пояс Урала : монография. М. : Искусство, 1977.

Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала : монография. М. : Наука, 1982.

Матюшин Г. Н. У истоков человечества : монография. М. : Мысль, 1982.

Матюшин Г. Н. Неолит Южного Урала: Предуралье : монография. М. : Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1996.

Матюшин Г. Н. Археологический словарь : слов.-справ. М. : Просвещение, 1996.

Озера Банное, Сабакты, Карабалыкты

(Карабалыкты Ха); в 1972, 1975 и 1976 годах — стоянки Кусимовская и Якты-Куль на озере Банном. Кроме этого в 1963–1966 годах была раскопана стоянка Мурат на озере Узун-Куль, в 1967–1969 годах — стоянки на высокогорном озере Зюраткуль. Также мезолитические слои были отмечены на стоянках Суртанды VI и VII, раскопанных в 1967–1968 годах на озере Суртанды [17].

Стоянка Янгелька расположена на северном берегу озера Чебаркуль, занимает мыс высотой 20 метров недалеко от впадения в озеро реки Янгельки, принадлежащей к бассейну реки Урал. Вскрытая площадь составила 284 кв. м. Культурный слой мезолита представлен суглинком, перекрытым гумусом с керамикой и кремневым инвентарем энеолитического времени. Находки располагались на

Озеро Банное.
Фото С. Арканова

площади раскопа неравномерно, в виде скоплений. В центральной части раскопа зафиксировано углубление в скальном основании, к которому приурочено утолщение культурного слоя и, соответственно, концентрация находок. Наличие остатков очагов, зольников и столбовых ямок говорит о вероятном существовании наземных жилищ. Коллекция каменных изделий довольно многочис-

ленна — более 16 тысяч различных артефактов (нуклеусы призматической, конической и карандашевидной форм, резцы на углу сломанной пластинки, концевые скребки на пластинах, скошенные острия, пластины с притупленным краем, пластины с выемками, острия, микроскребки, вкладыши на микропластинах, геометрические микролиты,

Каменный инвентарь. Стоянка Яхты-Куль. 1–9 — нуклеусы; 10–15 — геометрические микролиты; 16–28 — резцы; 29–31 — острия; 32–34 — пластины с ретушью; 36 — концевой скребок с выемкой; 37–38 — пластины с выемками; 39–43 — концевые скребки; 44–46 — скобели; 47–58 — скребки

Озеро Карабалыкты

преимущественно ассиметричные трапеции и треугольники, проколки и др.).

На озере Банном были исследованы стоянки Якты-Куль и Кусимовская. **Стоянка Якты-Куль** расположена в седловинках северо-западного берега озера на высоте 20–23 м от уреза воды. Вскрытая общая площадь трех раскопов и двух траншей составила 571 кв. м. Культурный слой мезолита представлен тонким слоем супеси и щебенки, лежащим на скале и перекрытым суглинком с наличием изделий из кремня с двусторонней обработкой. В центре одной из ложбинок зафиксированы остатки очага. Находки концентрировались в утолщениях культурного слоя, приуроченных к ложбинкам в скале. Г. Н. Матюшин, исследуя стоянку, предполагал, что это могли быть следы легких наземных сооружений. Находки несколько отличаются от материалов со стоянки Янгелька, что может быть связано, по мнению исследователя, с разным возрастом памятников. В 2004 году В. Г. Котовым были исследованы методом шурфования седловинки на возвышенности к югу от раскопов Г. Н. Матюшина, в одной из них зафиксирован стратифицированный культурный слой эпохи мезолита глубиной до 1 м.

Стоянка Кусимовская расположена в седловине мыса северо-западного берега на высоте 7,5–12 м от уровня воды в озере. В одном из понижений был заложен раскоп площадью 250 кв. м. Культурный слой мезолита представлен бурой супесью мощностью 0,1–0,15 м, лежащей на скале и перекрытой

слоем гумуса с керамикой и изделиями из камня энеолитического времени. В скальной западине, которая могла быть использована как наземное жилище круглой формы, было обнаружено скопление изделий из камня пластинчатой индустрии с геометрическими микролитами.

На озере Карабалыкты слои с мезолитическими предметами встречены на стоянках Ташбулатово II и Карабалыкты II. Они также расположены в седловинах между скальными выходами. Стоянки Мысовая, Мурат, Суртанды VI и VII являются многослойными и содержат изделия периода от мезолита до энеолита включительно без стерильных прослоек [17].

Г. Н. Матюшиным для исследованного района Южного Зауралья была выделена янгельская мезолитическая культура. Основой для выделения послужило широкое использование яшм при изготовлении орудий и наличие геометрических микролитов в составе инвентаря. Кроме того, в качестве аргумента приводилось отсутствие на территории прилегающих к Южному Уралу областей Западной Сибири и Казахстана мезолитических или каких-либо других достаточно четко выраженных культур этого времени, к которым можно было бы отнести исследуемые памятники. Происхождение мезолитической культуры в Южном Зауралье Г. Н. Матюшин связывал с миграцией населения из Южного Прикаспия. Характеристики янгельской культуры прочно вошли в научный оборот, тиражируются в научных и научно-популярных изданиях. В связи с этим необходимо все же обратить внимание на ряд весьма существенных моментов, освещенных в итоговой монографии Г. Н. Матюшина «Мезолит Южного Урала» [17]. Без этих замечаний невозможно современное понимание проблем мезолита Южного Урала.

1. Практически все основные стоянки с мезолитическими материалами в перекрывающих слоях содержат керамику и каменный инвентарь более поздних эпох — неолита и (или) энеолита. Так, на Янгельке это энеолит, на стоянке Якты-Куль — неолит или энеолит, на Кусимовской — эпоха металла, неолит или энеолит, на Мысовой — ранний неолит, поздний неолит, на Мурате — неолит, энеолит, на стоянке Суртанды — неолит, энеолит.

2. Многолетний опыт работ на озерных стоянках Южного Зауралья однозначно свидетельствует о том, что при отсутствии четко выраженных стерильных прослоек достаточной мощности смешение материалов из различных горизонтов мало-мощных четвертичных отложений южноуральских озер практически неизбежно ввиду воздействия корневой системы деревьев, кустов, деятельности землероек, возможных «выворотней» и т. п. В качестве примера можно привести ситуацию с опорным памятником — стоянкой Янгелька. Как отмечает автор, «слой с мезолитическими остатками лежит в суглинке, перекрытом гумусом с единичными находками керамики и орудий энеолитического времени». В более подробном описании автор говорит, что «значительная часть фрагментов орнаментирована с помощью прокаченной раковины или шнура. По характеру орнаментации керамики материал верхнего слоя Янгельки ближе всего к поселению Суртанды III... и, очевидно, синхронен ему» [17а]. В том, что керамика этих памятников близка и синхронна, можно полностью согласиться с автором. Дело в другом. На сегодняшний день керамика, орнаментированная отпечатками шнура («веревочки» в современном понимании), встречается в памятниках раннего энеолита типа Агаповки I в Южном Зауралье. Керамика в памятниках этого типа сопровождается каменным инвентарем, сочетающим в себе изделия из пластин и отщепов, причем с преобладанием пластинчатого комплекса. В коллекции присутствуют пластины (причем значительная часть имеет ширину до сантиметра), пластины с ретушью, острия, концевые скребки на пластинах и т. п. На стоянке Агаповка I встречена симметричная трапеция, на стоянке Шувакиш I — наконечник стрелы кельтеминарского типа. Ввиду приведенных фактов вряд ли было возможно разделить пластинчатые комплексы верхнего и нижнего слоя. Вполне вероятно, что часть орудий из пластин энеолитического возраста отнесена к эпохе мезолита. Подобная ситуация, вероятно, характерна и для остальных памятников янгельской культуры.

3. На протяжении мезолита, неолита и энеолита в Южном Зауралье использовалось одно и то же сырье — преимущественно местные фтаниты, фтанитоиды и яшма. Основные типы пластинчатых

орудий — угловые резцы, концевые скребки, пластины с ретушью и т. д. — характерны для неолитических и, частично, энеолитических памятников Южного Зауралья. Геометрические микролиты также встречаются в памятниках нео-энеолитического времени.

4. В монографии не приведены подробные метрические характеристики пластинчатых комплексов из разных слоев, что могло бы обосновать разделение мезолитического и неолитического инвентаря. Выбранные для классификации разделы по параметрам (очень узкие — шириной до 0,7 см, узкие — от 0,7 до 1,5 см и т. д.) на сегодняшний день представляются очень неудачными, так как в промежутке от 0,7 до 1,5 см по ширине вписываются все пластинчатые комплексы неолита и энеолита Зауралья. Вычленив статистически собственно микропластинчатые комплексы мезолита из неолитических и энеолитических с более крупными показателями оказалось практически невозможным. Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что приведенные в монографии характеристики материальной культуры памятников на озерах Башкирского Зауралья на современном уровне развития археологии Урала возможно использовать только в историографическом контексте или в сравнительных операциях на уровне «есть — нет».

В степной зоне Зауралья были исследованы такие мезолитические памятники, как стоянки Андреевка III, Мариинская I, Евгеньевка I, Убаган III, Камышное I.

Стоянка Андреевка III расположена на ровной площадке террасы, приуроченной к высокому древнему руслу правого берега реки Синташты. Высота площадки от уровня воды в реке в 1988 году составляла около 4 м, поверхность стоянки интенсивно распахивалась. Памятник исследовался В. С. Мосиным в 1988–1989 годах. В связи со строительством водохранилища на стоянке было заложено три раскопа общей площадью 706 кв. м. Стратиграфия раскопов одинакова: пахотный слой темной гумусированной супеси с находками кремня (мощность 0–0,25 м); серо-коричневая супесь — основной культурный слой (0,25–0,5 м); желтая супесь, изрытая землеройками — материк. Остатков жилищных

Река Синташта.
Фото С. Арканова

сооружений не зафиксировано. В раскопе II на уровне материка были обнаружены три ямы овальной формы размерами 1,5×1,25×0,8 м, 1,38×1,2×0,45 м и 1,9×1,35×0,68 м, заполненные культурным слоем с находками. Назначение ям неясно. Находки по площади раскопов распространялись равномерно,

не образуя отдельных скоплений. Всего в коллекции стоянки 2527 изделий исключительно из камня: нуклеусы, пластинки и микропластинки без ретуши и с обработкой, угловые резцы, геометрический микролит — асимметричная трапеция, пластинки с притупленным краем, острия, концевые скребки, отбойники.

Стоянка Мариинская I расположена недалеко от места слияния рек Синташта и Берсуат, на правом берегу. Находится на территории Казахстана. Обследована В. С. Мосиным в 1986 году. Памятник занимает ровную площадку береговой террасы высотой 4 м. Культурный слой частично разрушен и представлен серо-коричневой супесью мощностью до 0,25 м, подстилаемой скалой. По результатам шурфовки и сбора подъемных материалов была получена коллекция, включающая 683 предмета из камня. Основу коллекции составляют микропластинки и орудия на них. В число орудий входят: нуклеус, пластинки без обработки, пластинки с ретушью, пластинки с притупленным краем, скошенные острия, концевые скребки на пластинах, скребки на отщепках.

Стоянка Евгеньевка I находится на правом берегу Тобола, примерно в 16–20 километрах от реки, на развеевной поверхности песчаной дюны между озерами Балдан и Угловое. Исследовалась В. Н. Логвиным в 1975 году [16]. Предметы, относящиеся к каменному веку, концентрировались в южной оконечности котловины на площади при-

Каменный инвентарь.
Стоянка Андреевка III.
1–4 — нуклеусы; 5–34 — пластинки; 35–59 — пластинки

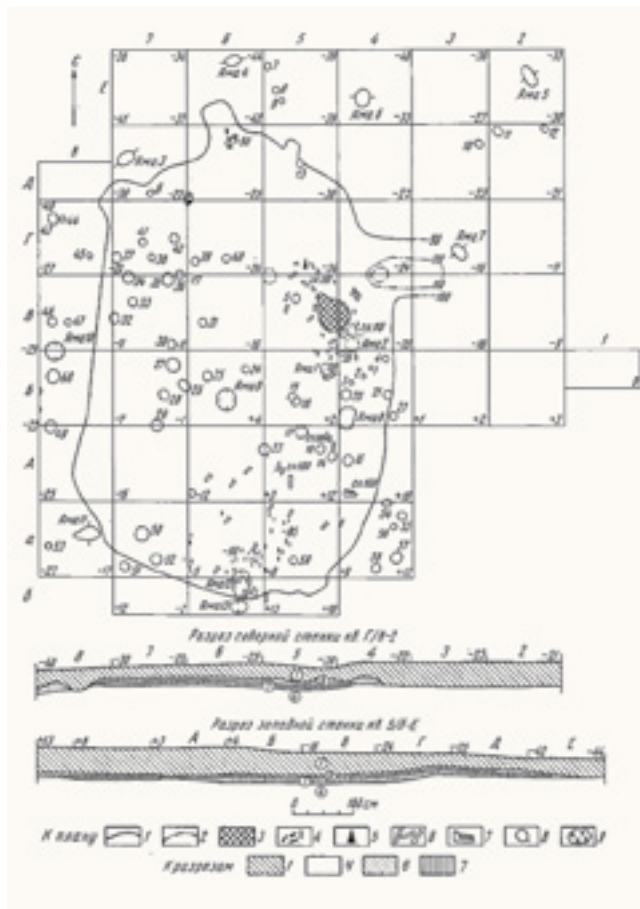
с ретушью; 60 — трапеция;
63, 64 — резцы;
61, 62, 65–67 — скребки

Каменный инвентарь. Стоянка Евгеньевка I. 1–2 — трапеции; 4–5 — пластины с обработанным торцом; 7, 9 — пластины с притупленной спинкой; 3, 6, 8, 14, 15 — острия; 11–13 — резцы; 16–27 — пластинки с ретушью; 28–34 — скребки; 35–37 — сколы с нуклеусов; 39–40 — отщепы с ретушью; 41 — нуклеус

мерно 725 кв. м. При этом в западной части они залежали совместно с алакульской керамикой. Коллекция предметов со стоянки характеризуется преобладанием пластин (60,4 % всего инвентаря). Она включает также нуклеус, пластины и орудия на них с ярко выраженным микропластинчатым характером, геометрические микролиты — асимметричные трапеции, пластины с обработанным торцом, пластины с притупленной спинкой, острие, резцы угловые, концевые скребки из пластин. В целом орудий из пластин намного больше орудий из отщепов.

Стоянка Убаган III расположена на границе Курганской области и Республики Казахстан, в месте впадения реки Убаган в Тобол. Исследовалась В. Ф. Зайбертом и Т. М. Потемкиной в 1977–1978 годах [10]. Стоянка расположена на тупом

План раскопа. Стоянка Убаган III [10]

мысу, образованном Убаганом и его старицей. На памятнике двумя раскопами была вскрыта площадка в 280 кв. м. Мезолитический слой (186 кв. м.) обнаружен только в одном раскопе. Памятник многослойный. Культурный слой мезолитической стоянки мощностью 0,05–0,25 м приурочен к сероватому, слегка гумусированному вязкому суглинку на глубине 0,9–1,1 м от поверхности. Сверху залегал мощный (0,6–1 м) слой гумусированной супеси с включениями кремневых изделий и керамики эпохи позднего неолита — энеолита. Два культурных слоя разделяла прослойка стерильного светло-серого песка толщиной 0,06–0,18 м, местами с затеками темной супеси. При зачистке площадки мезолитической стоянки на уровне материка были выявлены следы наземного жилища близкой к прямоугольной формы площадью до 80 кв. м. Внутри зафиксировано два скопления предметов — у кострища и у южной стенки жилища. Это были

изделия из зеленой яшмы и кремня, расколотые трубчатые кости животных плохой сохранности, фрагмент рога лося, обломок костяного изделия типа остря с тщательно обработанным рабочим концом, челюсти крупного быка типа зубра, тура. Изделия из камня представлены пластинками и микропластинками с ретушью и без обработки, пластинками с выемкой, угловыми резцами, пластинами с обработанным торцом. Компактное залегание в виде двух скоплений под плотной стерильной прослойкой позволяет считать комплекс одновременным. Ряд изделий мезолитического облика, типологически близких к предметам из вышеописанной коллекции, собран на поверхности в разрушенной части памятника. Это конические нуклеусы из горного хрусталя и темно-зеленого кремня, пластины с притупленным краем, развертка, угловой дублированный резец и скребки на отщепках. Материалы стоянок степного Притоболья — Камышное I, Убаган I, V, VII, VIII, Звериноголовская VI, Верхняя Алабуга,— полученные в ходе раскопок или собранные с поверхности, несут признаки ярко выраженной микропластинчатой вкладышевой индустрии зауральской традиции.

В лесостепной зоне Зауралья, включающей бассейны четырех крупных рек — Тобола и его левых

притоков (Миасс, Исеть и Уй),— до настоящего времени были известны только три исследованных раскопами стоянки, содержащие культурные слои мезолита.

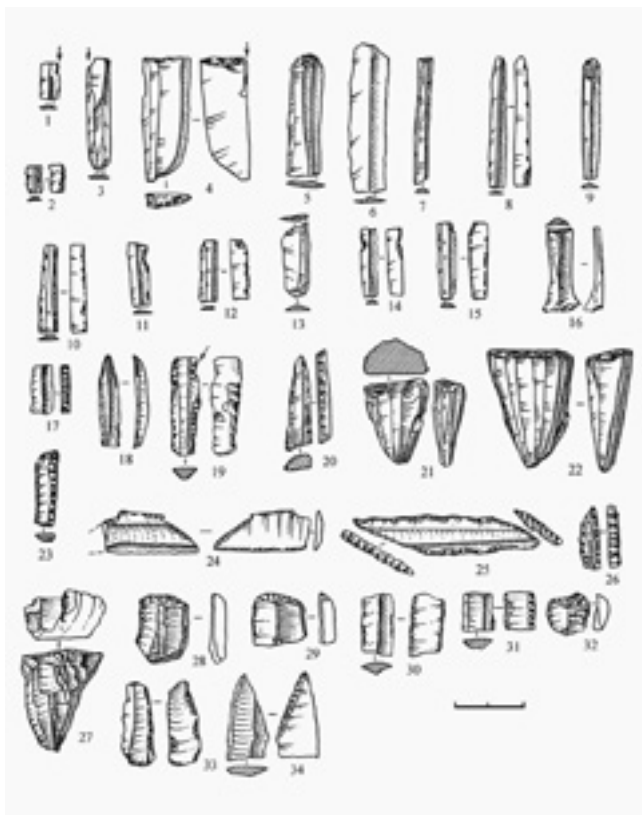
Стоянка Сухрино I, расположенная на берегу реки Исеть в Шадринском районе Курганской области, исследовалась в 1965 году экспедицией под руководством В. Е. Стоянова. Раскоп I был приурочен к обнаженному краю террасы и состоял из одного ряда участков, вытянутых на 30 м, и двух перпендикулярных этому ряду траншей 10×1 м, уходящих вглубь террасы. Раскоп II был разбит по стандартной сетке квадратов 2×2 м общей площадью 200 кв. м, однако вскрытая площадь составила 108 кв. м. Культурный слой начинался с поверхности и содержал три основных горизонта: 1) дерн толщиной от 2 до 16 см, ниже которого лежала оподзоленная темно-серая, а местами серая супесь — остаток древней погребенной почвы. Общая толщина горизонта колебалась от 12 до 30 см, а в местах западания слоя достигала 52 см; 2) светло-серая супесь толщиной от 10 до 60 см — основной культурный слой эпохи мезолита, включающий многочисленные западины и углубления, из которых наиболее значительным является обширное углубление, выходящее к склону террасы

Река Тобол близ места впадения в нее реки Убаган

Каменный инвентарь.
Стоянки Убаган III — 1–23,
Убаган V — 24–34 [13].
1–4 — резцы; 5–9 — пла-
стинки; 10, 12, 30, 31 —
пластинки с ретушью;
11, 12, 15, 19 — резчики; 14,
33 — пластинки с выемкой;

17, 23, 26 — пластинки
с притупленной спинкой;
13, 16 — пластины с обрабо-
танным торцом; 18, 20,
34 — острия; 24, 25 — гео-
метрические микролиты;
28, 29, 32 — скребки;
21, 22, 27 — нуклеусы

и южному краю раскопа, а также две глубокие запа-
дины, которые были вырыты ниже древней поверх-
ности в материке, представляющем собой плотную
светлую супесь или же коричневый и краснова-
тый суглинок. Обе были врезаны в подстилающий
слой двумя уступами (20 и 48 см), имели плоское
основание и скошенные стенки. Одна из них, по-
видимому, служила кострищем: в южном углу ее,
у дна, сохранились следы прокала и мелкие, едва
заметные углистые включения.

Основным материалом для изготовления орудий
служил кремень серого и черного цвета различных
оттенков (1066 экз.), а также халцедон (393) и сур-
гучного цвета яшма (71). Коллекция памятника со-
держит 2440 изделий из камня, среди которых мож-
но выделить пять основных категорий: нуклеусы
(13 экз.), пластинки и сечения без ретуши (1099),
пластинки и сечения, имеющие вторичную обра-
ботку (516) — резцы, резчики, острия, микропла-
стинки с ретушью; изделия из отщепов, в основном
скребки (26), отщепы (910). Каменную индустрию
стоянки характеризуют микропластинчатость
и развитая вкладышевая техника, при полном от-
сутствии, однако, геометрических микролитов —
трапеций и треугольников [27].

Река Исеть
в Шадринском районе

Стоянки Ташково IV и Ташково Па, расположенные также на реке Исети, недалеко от места впадения в нее Миасса, были открыты В. Т. Ковалевой и М. Ю. Штадлер. Исследовались в 1987 году Л. Я. Крижевской [13].

На стоянке Ташково IV была вскрыта площадка в 119 кв. м. В пределах раскопа зафиксированы два очага и скопление угля. Всего в коллекции находок 513 предметов, из которых 291 экземпляр — это отходы. Остальные артефакты представляют собой различные категории и типы орудий: нуклеусы, пластины, сечения, разные типы изделий пластинчатого комплекса. Орудия составляют 15 % в общем количестве инвентаря. Орудийный набор наделен определенными признаками, позволяющими рассматривать его как выразительный микропластинчатый комплекс. Стоянка Ташково Па расположена в 150–200 м от стоянки Ташково IV и составляет нижний слой на поселении бронзового века Ташково II. Площадь мезолитического слоя 50 кв. м, коллекция содержит 184 предмета, помимо орудий в ней есть пластинки с ретушью, угловые резцы. Комплекс также микропластинчатый.

Каменный инвентарь. Стоянки Ташково 2а, 4. Ташково 2а. 1–6 — нуклеусы; 17–22 — резцы; 29–33 — скребки. Ташково 4: 7–16 — нуклеусы;

23 — пластина с выемками и резцовым сколом; 25 — пластины с выемками; 26–28 — пластины с ретушью; 34–38 — скребки

Слияние рек Миасс и Исеть

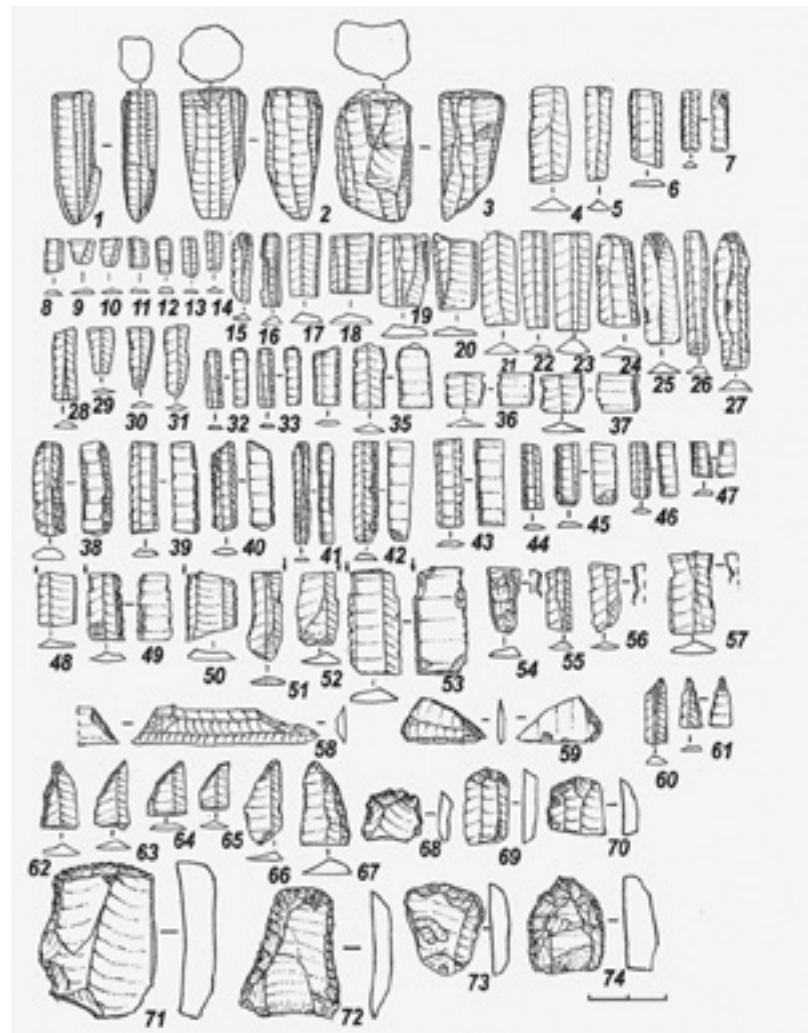

За последние годы количество материалов эпохи мезолита значительно увеличилось. Две стоянки расположены на левом берегу реки Увельки, притока реки Уй в Уйском и Троицком районах Челябинской области. При исследовании **стоянки Краснокаменка**, в основном относящейся к неолиту — энеолиту, был выявлен комплекс более раннего времени, залегавший на полу жилища, устроенного древним населением в естественной западине скального основания береговой террасы. Коллекция изделий из камня жилища 1 насчитывает 319 экземпляров. Это нуклеусы (5 экз.; один — карандашевидный одноплощадочный со слегка скошенной площадкой и круговой огранкой, 3,5×1,2×0,9 см; второй — конический с прямой площадкой, круговой огранкой и небольшим ребром на контрфронте, 3,5×2×1,5 см; два — призматические уплощенные, 3,3×2×1,7 и 2,8×2,4×2,5 см; один нуклеус в обломках); негативы снятий микропластинчатые. Кроме того, пять продольных сколов и один поперечный.

Среди пластин без обработки с параллельной огранкой (99 экз.) отмечаются целые (6), проксимальные (24), медиальные (44), дистальные (25). Пластин с неправильной (непараллельной) огранкой 43 экз., с ретушью утилизации — 64 (в том числе проксимальных — 20, медиальных — 35, дистальных — 9). Следы работы фиксируются как отдельные нерегулярные фасетки, заломы и зазубрины по краям пластинок.

Пластин с ретушью 16 экз.. Среди них есть пластинки с ретушью по одному краю со спинки (4 экз.), с притупленной спинкой (3), с ретушью по одному краю с брюшка (7), по двум краям с брюшка (1), с противоположной ретушью со спинки и брюшка (1). В шести случаях зафиксирована крупная ретушь, на остальных пластинках — мелкая краевая обработка.

Резцы угловые (8 экз.): с одним резцовым сколом (6), с двумя лезвиями (2). У пяти резцов дополнительно обработаны ретушью края пластинок. Резчики (12 экз.) представлены короткими сечениями пластинок с обработанным мелкой ретушью краем, прилегающим к углу излома. Пластинок с выемками 2 экз. Неглубокие выемки оформлены мелкой

Мезолитический инвентарь стоянки Краснокаменка. 1–3 — нуклеусы; 8–23 — пластины без обработки параллельной огранки; 4–7, 24–37 — пластины с ретушью утилизации;

38–47 — пластины с ретушью; 48–53 — резцы угловые; 54–57 — резчики; 69–70 — скребки концевые; 58–59 — геометрические микролиты; 60–67 — острия; 68, 71–74 — скребки на отщепе

ретушь с брющка. Скребки концевые (3 экз.) на коротких сечениях, рабочий край округлой формы.

Геометрические микролиты (2 экз.) представлены двумя асимметричными трапециями. У обоих изделий длинная скошенная грань оформлена крутой ретушь со спинки, короткая — крутой ретушь с брющка. Острия (11 экз.) скошенные крутой ретушь со спинки (8) и симметричные (3), среди которых одно с обломанным жалом, оформленным ретушь со спинки, одно с мелкой ретушь с брющка, одно на диагональном сломе пластинки с мелкими фасетками на самом кончике. Развертка выполнена с характерной противоположающей ретушь на верхней части пластинки возле ударного бугорка.

Скребков на отщепах 8 экз.. Их форма обусловлена конфигурацией отщепов-заготовок. Так, есть среди них концевые (3 экз.), один приостренной формы, два двойных скребка, два микроскребка. Кроме того, в коллекции присутствуют семь отщепов без оформленных ретушь рабочих лезвий, но по результатам трасологического анализа опреде-

ленных как скребки. Отходы производства орудий представлены отщепами и чешуйками (91 экз.). По рогу тура получена радиоуглеродная дата — 8040 ± 210 (СОАН-5754), пока единственная для мезолита лесостепного Зауралья.

На **стоянке Родники 2** в раскопе площадью 64 кв. м была исследована часть наземной постройки. Коллекция изделий из камня включает 3481 экз.: 11 нуклеусов (2 — на плитках, с плоским контрфронтом, сохранившим плиточную поверхность и выпуклой зоной снятий пластин, 1 торцовый, 6 конических), 3 пренуклеуса, 5 микронуклеусов (4 с прямыми площадками, 1 с приостренной площадкой, снятиями почти по всей окружности и микропластинчатыми негативами). Призматических 2 экз.

Пластин без обработки — 1281 экз.: 5 целых, 83 проксимальных стандартных пропорций, 127 проксимальных укороченных пропорций (ударный бугорок и небольшая часть пластинки), 109 собственно отсеченных ударных бугорков, 653 медиальных, 218 дистальных. Преобладают

Река Увелька в районе
стоянки Родники 2

пластинки шириной до 1 см. Пластин с ретушью утилизации — 76 экз., пластины с ретушью — 101. Ретушь расположена следующим образом: по одному краю со спинки (34 экз.), по двум краям со спинки (14), по одному краю с брюшка (33), по двум краям с брюшка (16), с противоположной ретушью (2) — по одному краю со спинки и одному противоположному с брюшка; с ретушью по двум краям с брюшка и одному краю со спинки (3).

Резцов угловых 14 экз.: с одним резцовым сколом (13 экз.), с двумя рабочими лезвиями (1). Комбинированное орудие — концевой скребок на пластине — угловой резец. Резчиков 10 экз., с прямым (5) и клювовидным (5) рабочим краем. Пластин с выемкой 7 экз. Рабочий край в пяти случаях образует одна выемка — со спинки (3 экз.) или с брюшка (2). Острия (13 экземпляров) достаточно разнообразны: 1 симметричное, обработанное крутой ретушью со спинки и плоской ретушью с брюшка; 2 симметричных обработанных крутой ретушью со спинки и брюшка, имеют лезвие, характерное для сверл; 2 обломка, обработанных крутой ретушью

со спинки; 4 острия, образованных с одной стороны сломом пластинки, с другой — краевой ретушью; 2 микроострия, оформленных ретушью по спинке; 2 скошенных острия, один край со спинки срезан крутой ретушью. Пластин с обработанным торцом (усеченных) 4 экз., все на медиальных сечениях. Скребков концевых на пластинах 12 экз., в том числе 4 с округлым лезвием, 2 со скошенным, 5 с прямым. Скребков на продольных сколах 2 экз., у одного лезвие прямое, у другого округлое. Имеется один концевой скребок на поперечном сколе площадки нуклеуса. Скребков на отщепках 16 экз., они выполнены без определенного стандарта, на отщепках случайной формы. Двусторонне обработанные орудия (2 экз.) — обломки листовидных наконечников стрел. У долотовидного орудия на краевом сколе рабочее лезвие прямое, оформлено приостряющими сколами по спинке; имеются отдельные заломы с брюшка. Имеются отбойник и ретушеры на кварцитовых гальках (5 экз.), абразив размерами 3×3×1,3 см со следами работы по одной стороне, обломки кремнистой породы (12),

Стоянка Родники 2

Каменный инвентарь. Стоянка Родники 2. 1–4 — нуклеусы; 5–20 — пластины; 20, 25–32 — пластины с ретушью;

21 — пластина с ретушированным торцом; 23, 24, 33 — острия; 34 — резчик; 35–39 — резцы; 40–45 — скребки

Заготовки орудий из кости

первичные сколы (18), отщепы средние (56), отщепы мелкие (548), чешуйки (1243).

На стоянке обнаружена небольшая выкладка заготовок для орудий из костей лошади и лося и скопление артефактов из кремня возле нее (поперечный скол, два продольных скола, две пластины). Все предметы — продукты обработки одного нуклеуса. Сколы, поставленные вертикально по обе стороны, крепили уложенные кости.

Основной комплекс каменных орудий стоянки Родники 2 по технологическим и типологическим признакам предварительно, до получения радиоуглеродных дат, можно отнести к периоду мезолита.

Комплекс памятников **Черная Гора** находится на юге Курганской области, неподалеку от поселка Озерного Звериноголовского района и представляет собой ряд местонахождений на песчаных площадках с разрушенным дерновым покровом — «выдувах». На Черной Горе обнаружены четыре скопления артефактов площадью в среднем 40×40 м, располагавшихся неподалеку друг от друга. Выдувы образуются в результате эрозии почвы, из-за выпаса овец, вытаптывающих дерн, и продолжают расширяться из-за сильных ветров. Наиболее представительным является местонахождение Черная гора 2.

Коллекция памятника включает 2224 изделия из камня: нуклеусы (14 экз.: 2 призматических, 1 торцовый на тонкой плитке, 10 микронуклеусов, среди них два призматических, шесть конических, два уплощенных); пластины без обработки (630), пластины с ретушью утилизации (139), пластины с ретушью (211); резцы угловые (45), резчики (19), пластины с выемкой (15), две пластины с зубчатым краем; пластины с обработанным торцом (усеченные) (15).

Острия (39 экз.) достаточно разнообразны: 11 симметричных, обработанных мелкой краевой ретушью со спинки, 3 симметричных обработанных мелкой ретушью с брюшка, 3 симметричных со слегка выделенными «плечиками», 8 с короткими скошенными лезвиями, выполненные на пластинах с «притупленной спинкой», 14 традиционных скошенных, один край у которых со спинки срезан крутой ретушью. Сверла (4 экз.) выполнены на пластинах с высокой спинкой, крутой ретушью

со спинки и плоскими фасетками с брюшка по острию. Имеется один обломок лезвия.

Геометрических микролитов 12 экз.; 5 асимметричных трапеций и 5 треугольников оформлены по длинной стороне крутой ретушью со спинки, по короткой — подтесывающей ретушью с брюшка, в двух случаях — только со спинки. Симметричная трапеция оформлена крутой ретушью со спинки. Один геометрический микролит с обломанным концом близок к сегменту.

Скребков концевых на пластинах 46 экз.: с округлым лезвием (14), со скошенным (8), с прямым (12), микроскребки (12), в том числе дублированный — с лезвиями на противоположных торцевых краях, и др. Скребков на отщепах 12 экземпляров: концевые (9), округлый (1), подтреугольный (1) и концевой-боковой (1) с лезвиями по торцовому и боковому краям отщепа.

Имеются также два обломка скребковых лезвий, скребло на крупном отщепе со скребковой ретушью по одному краю и приостряющей противоположной ретушью по двум боковым краям, отщепы с резцовым сколом (6 экземпляров), перфоратор на краевом

скомле с обломанным с одной стороны лезвием, скобель на сколе с нуклеуса с боковым лезвием, оформленным ретушью, орудие типа стамески на продольном сколе с нуклеуса, с лезвием, оформленным ретушью под острым углом к внешней поверхности, с остатками негативов от снятия пластинок, отщепы с ретушью (12), сколы с ретушью (8), сколы со шлифованных орудий (53), обломок абразива; отходы: отщепы (514), чешуйки (309) [18].

По основным типологическим и технико-технологическим показателям материальная культура стоянок Краснокаменка, Родники 2 и Черная гора типична для мезолитического времени Уральского региона. Характерные черты этой культуры: каменный инвентарь основан на микропластинчатой технике; количество пластинок шириной до сантиметра — до 80 % и более; используются призматические, конические и торцовые нуклеусы. Для обработки пластин наиболее характерна крутая краевая ретушь со спинки и брюшка. Повсеместно встречающиеся орудия: пластинки с краевой ретушью, угловые резцы, пластинки с выемкой, концевые скребки, скребки на отщепах. Наиболее

Черная гора.
Фото И. К. Новикова

выразительными типами изделий являются остря, обработанные крутой ретушью со спинки, реже с брюшка, отдельные геометрические микролиты — асимметричные трапеции и треугольники, скошенные остря, пластинки с обработанным торцом, боковые ретушные резцы, отдельные шлифованные орудия. Перечисленные типы орудий встречаются на всех известных стоянках Зауралья, но в разных сочетаниях.

Анализ ряда стоянок Южного Урала, произведенный И. В. Горашуком с использованием технологического и трасологического методов, позволяет сделать вывод о единстве технологии изготовления орудий и внутренней структуре орудийных комплексов. Везде на первом месте — мясные ножи, на втором — вкладыши охотничьего вооружения, на третьем — резчики, далее — скребки и скобели. Критерий отбора — износоустойчивость, которая требовала от мастера четкого подбора заготовки

по ширине и толщине. Своеобразным эталоном здесь служили мясные ножи и резчики. Пластина, подходившая по износоустойчивости для этих орудий, имела ширину 9–10 миллиметров и толщину 2–3 миллиметра. Меньшей износоустойчивостью обладали вкладыши наконечников метательного вооружения (ширина 6–7 миллиметров, толщина 1 миллиметр), большей — большинство типов орудий для обработки твердых материалов и скребки.

Геометрические микролиты, в частности такие знаковые, как асимметричные трапеции и треугольники, часто использовались как головные части вкладышевых наконечников стрел. Эти изделия были присущи не только мезолитическим комплексам Южного Урала, как это считалось совсем недавно — стоянки с трапециями и треугольниками в настоящее время известны на востоке от Урала вплоть до Павлодарского Прииртышья.

Трапеции, треугольники и остря со стоянки Черная гора

К северо-востоку от зауральской лесостепи И. В. Усачевой было исследовано местонахождение **Звездный**, расположенное недалеко от Тюмени, на южном берегу Андреевского озера, в глубине основания мыса Козлова Перейма. В раскопе площадью 48,5 кв. м было выявлено 406 артефактов мезолитического облика, сгруппированных в виде двух скоплений. Сырьем для изготовления орудий служила преимущественно темно-серая яшма. В коллекции представлены нуклеусы (11 экз.), сколы с нуклеусов (7), пластины без ретуши (48), орудия на пластинах (9), отбойники (2), отходы расщепления — отщепы и чешуйки. Нуклеусы небольших размеров (высота не больше 2 см), одноплощадочные, торцовые клиновидные и сработанные — карандашевидной формы. Пластины длиной до 2 см, шириной от 0,3 до 0,8 см. Среди орудий на пластинах: пластинка с ретушью, резец, скребок на пластине, пластины с выемкой, резчики. Микропластинчатость ком-

плекса, характерный набор орудий, преобладающее количество отходов, топография и планиграфия находок позволяют определить местонахождение Звездный как кратковременную мезолитическую стоянку, предназначенную для изготовления и ремонта орудий [28].

В лесной зоне южной части Зауралья исследованы озерные стоянки Чебаркуль XVII, Мыс Безымянный, Остров III.

Стоянка Чебаркуль XVII расположена на западном берегу озера Чебаркуль. Занимает ровную площадку на берегу высохшего залива высотой 1 м от уреза воды. С запада и юга ограничена скальными гривами, с севера вдоль залива проходит береговой вал. Стоянка исследовалась Е. М. Беспрозванным в 1981–1982 годах.

Памятник, находящийся в подобных топографических условиях, в Южном Зауралье встречается впервые. Общая площадь раскопа составила

Озеро Чебаркуль

Евгений Минович Беспрозванный (р. 11.06.1953, Москва) — археолог, генеральный директор ООО «Научно-аналитический центр «АВКОМ — Наследие»» (Екатеринбург). С 12 лет участвовал в полевых экспедициях. В 1969 году работал в отряде О. Н. Бадера на раскопках знаменитой стоянки Сунгирь (Владимирская область). В 1970 году поступил на исторический факультет Уральского государственного университета, с первого курса специализировался по археологии. Принимал участие в раскопках палеолитических памятников: стоянок Черноозерская в Омской области (1971), Шикаевка в Курганской области (1972–1973), Могочино в Томской области (1977), Игнатиевской пещеры в Челябинской области (1981) и др. С 1978 года работал в археологической лаборатории Челябинского государственного университета, проводил исследования памятников каменного века на озере Чебаркуль. С 1981 года в УрГУ, сначала на кафедре истории СССР, затем в археологической лаборатории. С того же года осуществляет археологические изыскания на территории Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО). В общей сложности им обнаружено более 500 археологических объектов, исследованы

мезолитические и неолитические поселения с долговременными сооружениями, укрепленные поселения эпохи бронзы, могильник Сатыга XVI сейминского времени. С конца 1980-х гг. занимается вопросами сохранения археологического наследия. В частности, является одним из инициаторов введения в первый Земельный кодекс РСФСР понятия «земли историко-культурного назначения». С 1991 года исполнительный директор программы «Археология» в Свердловском отделении Российского фонда культуры «АВКОМ», с 1997 года директор научных программ ООО «НАЦ «АВКОМ — Наследие».

Основные публикации:

Беспрозванный Е. М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // From the Mesolithic to the Neolithic : Proceeding of the International Archaeological Conference held in the Damjanich Museum of Solnok, September 22–27, 1996. Budapest, 2001.

Беспрозванный Е. М., Вайсман Г. З., Шатунов Н. В. Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 15 декабря 1978 г. // Законодательство Российской Федерации в области сохранения и использования недвижимых объектов историко-культурного наследия : сб. нормативных правовых актов. Екатеринбург : Урал. ун-т, 2002.

Беспрозванный Е. М. и др. Коренные малочисленные народы Севера: направления социально-экономического развития в условиях интенсивного недропользования : препр. Екатеринбург : УрО РАН, 2002.

Беспрозванный Е. М., Косинцев П. А., Бобковская Н. Е. Радиоуглеродная хронология археологических памятников

таежной зоны Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск ; Ханты-Мансийск, 2004.

Беспрозванный Е. М. и др. Поселение Еня 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита — энеолита верховьев Конды) // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга) : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. С. 48–86.

Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. Мезолитические стоянки в нижнем течении р. Большая Учинья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3. Томск ; Ханты-Мансийск, 2006.

Беспрозванный Е. М. и др. Кондинский край XVI — начала XX в. в документах, описаниях, записках путе-

шествников, воспоминаниях. Екатеринбург, 2006.

Беспрозванный Е. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Сатыга XVI сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург ; Сургут, 2011.

Беспрозванный Е. М., Лбова Л. В., Нохрина Т. И. Принципы, термины и понятия в практике современной полевой археологии : слов.-справ. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018.

Besprozvannyi E.M., Kiryakov Y.S., Vaisman G.Z. Regional aspects of state policy relating to the protection of the cultural heritage and natural environment in the Russian Federation // Cultural Resource Management in Contemporary Society. Perspectives on Managing and Presenting the past. L. ; N. Y., 2000.

100 кв. м. Культурный слой эпохи мезолита приурочен к слою голубовато-серой илистой супеси мощностью до 0,5 м, перекрытой гумусом толщиной до 0,2 м. Верхние слои супеси имеют сильное ожелезнение, выраженное в ржавых разводах и свидетельствующее о том, что данное место заливалось водой. В слое сильного ожелезнения и гумуса содержалась группа предметов энеолитического времени. В частности, здесь найдены два каменных дисковидных грузила, два шлифованных рубящих орудия, два наконечника стрел и др. Мезолитический слой стоянки частично перекрыт береговым валом высотой 0,5 м от уровня площадки и шириной до 6 м. Непосредственно под дерном залегал слой довольно крупных камней и валунов, ниже — слой желтого песка мощностью до 0,5 м. Под ним была прослойка гумусированной супеси (погребенная почва) мощностью 0,1–0,15 м. Мезолитические изделия располагались под погребенной почвой в слое голубовато-серой супеси. Материком служили серый песок, густо насыщенный галькой и щебнем, или глина. Основная масса вещественного материала залегала в виде скопления подпря-

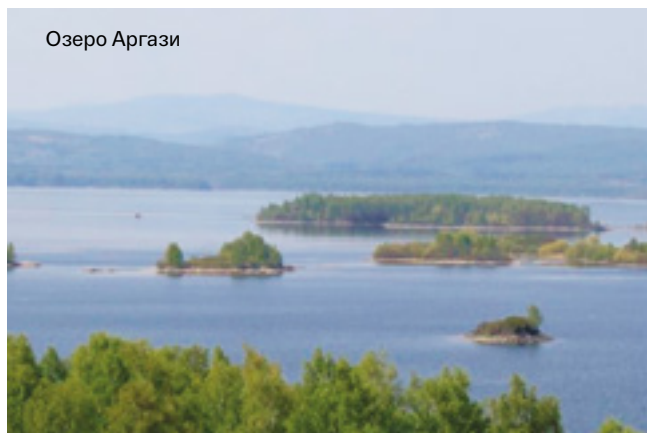
моугольной формы размером 5×8 м, вытянутого по линии ЮЗ–СВ. За пределами скопления находок практически не было. Можно предположить существование здесь наземного жилища.

Коллекция предметов со стоянки включает 374 изделия из камня: нуклеусы, микропластинки и пластинки с ретушью, геометрические микролиты — асимметричные трапеции, пластины с обработанным торцом, скошенные острия, угловые резцы, резчики, концевые скребки на пластинах, скребки на отщепах, отщепы с ретушью. Обнаружена также подвеска из талька.

Стоянка Остров III расположена на северной оконечности острова на Аргазинском водохранилище (Челябинская область). Это наиболее древняя из аргазинских стоянок [21]. Материалы собраны с поверхности и мелководья на площади около 6000 кв. м. Сырьем для изготовления орудий служили зелено-красная, серая, сургучная яшмы, халцедон и т. п. В коллекции каменного инвентаря

4402 предмета, в том числе орудия, изготовленные из микропластинок (27,56 %) и микропластинки без следов обработки (47,96 %). Большинство составляют нуклеусы небольших размеров, ширина негативов сколов 2–7 мм, что соответствует ширине орудий из пластин, и пластины без следов работы. Высокий процент вкладышей в составе орудий из пластин может свидетельствовать о мезолитическом возрасте данной части комплекса.

Стоянка Мыс Безымянный расположена в Саткинском районе Челябинской области, на северо-восточном берегу озера Зюраткуль. Занимает береговую террасу высотой 2–3 м над водной гладью. Уровень воды в озере в 1942–1950 годах поднимался на 7 м, и памятник частично был затоплен. Стоянка исследовалась Г. Н. Матюшиным. В 1969 году на наиболее сохранившемся участке Мыса Безымянного была вскрыта площадка в 168 кв. м [17]. После схода воды сохранились останцы надпойменной террасы — дерн, травянистый покров и гумус под

ними. Эти останцы содержат преимущественно ранне- и среднеголоценовые отложения. Слой их относительно тонок и не превышает 0,3–0,4 м. Под ним залегают желтоватые суглинки мощностью 0,5–0,7 м, еще ниже — скальные породы. В коллекции предметов со стоянки всего 176 изделий из кремня и яшмы различных цветов, в том числе сургучно-зеленой: нуклеусы, пластинки, геометрические микролиты, угловые резцы, концевые скребки на пластинах.

В лесной зоне средней части Зауралья исследованием стоянок и поселений эпохи мезолита многие годы занимался Ю. Б. Сериков.

С 1970-х и до начала 2000-х годов им было открыто свыше 140 памятников мезолита на всех основных реках региона: Туре, Салде, Тагиле, Нейве, Исети. На некоторых проточных озерах, в том числе заболоченных (торфяниках) — Юрьинском, Черном, Шигирском, Аятском, Шайтанском, Таватуй, Балтым, Полуденковском и Горбуновском — выявлены целые серии мезолитических стоянок. Иногда они образуют своеобразные «кусты». Наибольшее количество памятников было обнаружено в центральной части района, в окрестностях Нижнего Тагила. На многих из них были произведены раскопки. Автор исследований выделил основные типы памятников: долговременные поселения, кратковременные стоянки, мастерские, святилища, погребения.

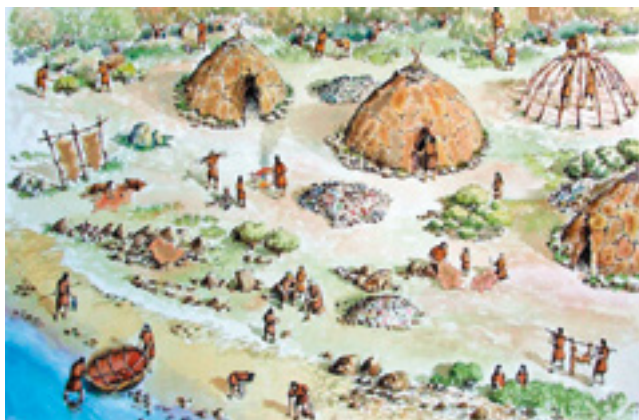
К одним из основных, хорошо изученных, долговременных поселений автор отнес **поселение Серый Камень**. Оно было открыто в 1976 году Нижнетагильским отрядом экспедиции Уральского

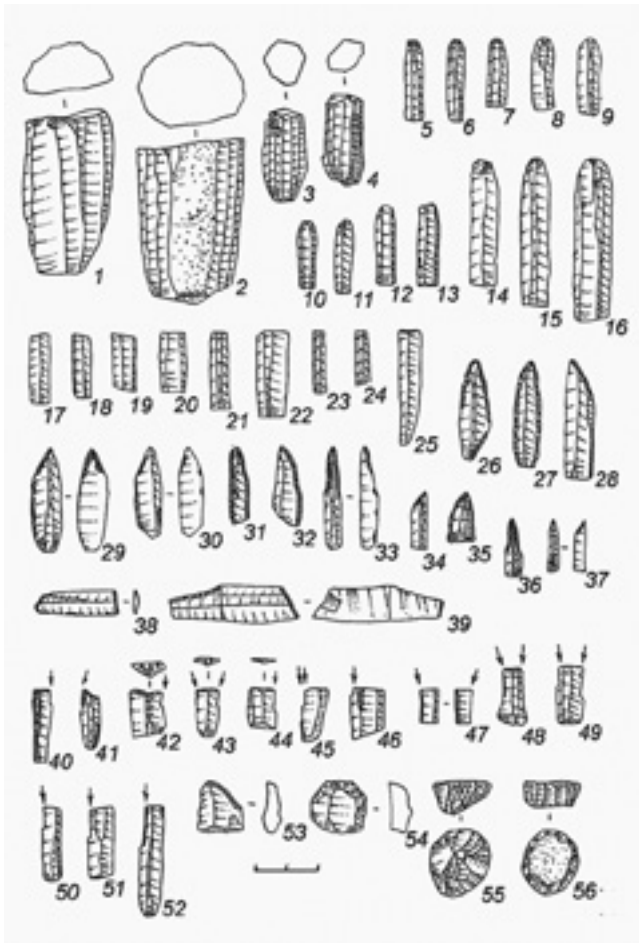
Юрий Борисович Сериков (р. 13.12.1945, Тамбов) — археолог, доктор исторических наук, профессор. По окончании исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (1969) был направлен на работу в Нижнетагильский государственный педагогический институт. В 1970 году перешел в Нижнетагильский краеведческий музей на должность старшего научного сотрудника, затем стал заместителем директора музея по научной работе. В 1975 году приглашен на работу в Уральский государственный университет им. А. М. Горького: младший, затем старший научный

сотрудник. В 1984 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Мезолит Среднего Зауралья», в 2001 году — докторскую «Палеолит и мезолит Среднего Зауралья». С 1985 года работает в Нижнетагильском государственном педагогическом институте, прошел путь от старшего преподавателя до профессора (1997). Ведет несколько учебных курсов, руководит археологической лабораторией, на базе которой создан археологический кружок. Автор около 500 научных публикаций, в том числе 9 монографий, член авторского коллектива 10 монографий.

Мезолитическая стоянка

Озеро Зюраткуль

Каменный инвентарь.
 Стоянка Серый камень.
 (по Ю. Б. Серикову) 1–4 —
 нуклеусы; 5–25 — пластинки;
 26–37 — острия; 38–39 —
 геометрические микролиты;
 40–52 — резцы;
 53–56 — скребки

государственного университета под руководством Ю. Б. Серикова, исследовалось в 1977–1979 годах. Памятник находится на восточном краю Горбуновского торфяника, на расстоянии 1,7 км к западу от поселка Чащино Пригородного района Свердловской области. Поселение расположено на останце террасы высотой до 8 м, сильно выступающем в болото. Останец имеет вид острова, но на самом деле сухоходом соединяется с основным массивом коренного берега. Площадь поселения около 900 кв. м, раскопками было вскрыто 112 кв. м. Культурные остатки залегают сразу под дерном в слое светло-коричневого супесчаного суглинка мощностью до 30 см. Материком являются камень-рухляк или скала. Основная масса культурных остатков относится к мезолитическому времени. В процессе раскопок были выявлены следы двух полуземляночных жилищ. Коллекция предметов с площадки поселения включает 8946 каменных изделий: 182 нуклеуса, 103 скребка, 452 резца и резчика, 29 острий, 4393 пластинки с и др. Исследования позволили предположить, что на этом месте находилось долговременное мезолитическое поселение. Возможно, отсюда в теплое время года его обитатели расселялись по берегам древнего озера для занятий рыболовством или охотой. Следы таких сезонных расселений зафиксированы уже на девяти береговых стоянках. В 2013 году М. Г. Жилиным и С. Н. Савченко на части стоянки Серый Камень, занятой торфяником, выявлены культурные слои неолита, позднего, среднего и раннего мезолита.

Особо стоит отметить находку в верхнем мезолитическом слое обломка лука из лиственницы.

К долговременным поселениям относится и **стоянка Крутяки I**, расположенная на Черноисточинском пруду, в 21 км к югу от Нижнего Тагила. Памятник был открыт в 1954 году тагильским краеведом П. Э. Рикертом, исследовался В. М. Раушенбах (1955) и Ю. Б. Сериковым (1975–1978). Стоянка находится в юго-восточной части полуострова Крутяки. В древности, вероятно, располагалась на берегу озера Черное, в месте, где из него вытекала река Каменка.

Памятник практически полностью разрушен, остатки культурного слоя сохранились только на возвышенных мысах, ограничивающих северный и южный концы бухты. На северном мысу была вскрыта площадка в 44 кв. м, на южном — 30 кв. м. Выявлена периферия культурного слоя, однако, судя по количеству собранных артефактов (6367 предметов), Крутяки I можно отнести к числу долговременных поселений. В коллекции находок насчитывается 120 нуклеусов, 90 скребков, 675 резцов и резчиков, 39 острий, 4564 пластинки с ретушью и без нее, 8 геометрических микролитов

Каменные орудия мезолитической стоянки Крутяки I:
1–7 — геометрические микролиты; 8–13 — острия; 14–16 — скошенные острия; 17–27 — микропластинки с отретушированным концом;

28 — боковой резец; 29–50 — угловые резцы; 51–53 — резцы-резчики; 54–64 — резчики; 65–76 — микропластинки с отретушированными краями

Черноисточинский пруд

и т. д. Незначительные мезолитические комплексы выявлены еще на 13 береговых памятниках полуострова Крутяки. Они представляют собой следы сезонных расселений по берегам озера в теплое время года.

Исследования на Полуденковском торфянике (древнем озере) показали, что, возможно, на озере в разное время функционировали два долговременных мезолитических поселения — Полуденка II и Малая Горка II. Общая площадь первого из них — не менее 1500 кв. м. Основная часть его не исследована, данных о наличии на памятнике жилищ пока нет. Малая Горка II исследована В. А. Арефьевым. В центре поселения обнаружена жилищная впадина диаметром около 6 метров и глубиной 40 см. Мощность слоя в жилищной впадине 90–95 см. Общая площадь памятника оценивается в 1200 кв. м. В 1991 году В. А. Арефьевым были проведены рекогносцировочные раскопки, которые показали наличие на памятнике очагов и ям. Несмотря на небольшую площадь раскопок, здесь обнаружено 1595 предметов, представляющих собой все основные типы каменных изделий мезолитического времени. Следы кратковременных расселений на

Полуденковском торфянике в эпоху мезолита зафиксированы уже на 13 береговых стоянках.

На Юрьинском озере обнаружено 37 береговых и 5 торфяниковых мезолитических стоянок. Ю. Б. Сериков считает долговременным поселением стоянку Юрьино VII, разрушенную карьером. На сохранившейся части удалось собрать значительное количество каменных изделий, в том числе 27 нуклеусов [25].

К сезонным поселениям Ю. Б. Сериков относит памятники Выйка II и Баранча II. **Поселение Выйка II** находится в Красноуральском районе Свердловской области, близ места слияния рек Выя и Салда. Памятник открыт в 1973 году и исследовался Ю. Б. Сериковым в 1974–1978 годах. Площадь поселения около 700 кв. м. Культурные остатки залегают сразу под дерном в слое светло-коричневого или светло-серого супесчаного суглинка мощностью 20–35 см. Памятник однослойный. В процессе его исследования выявлены остатки трех наземных жилищ диаметром 5,5–7 м. Комплекс находок содержит 3289 предметов: нуклеусы, их обломки, пластинки с ретушью и без нее, резцы, резчики, острия, скребки, шлифованные орудия и их

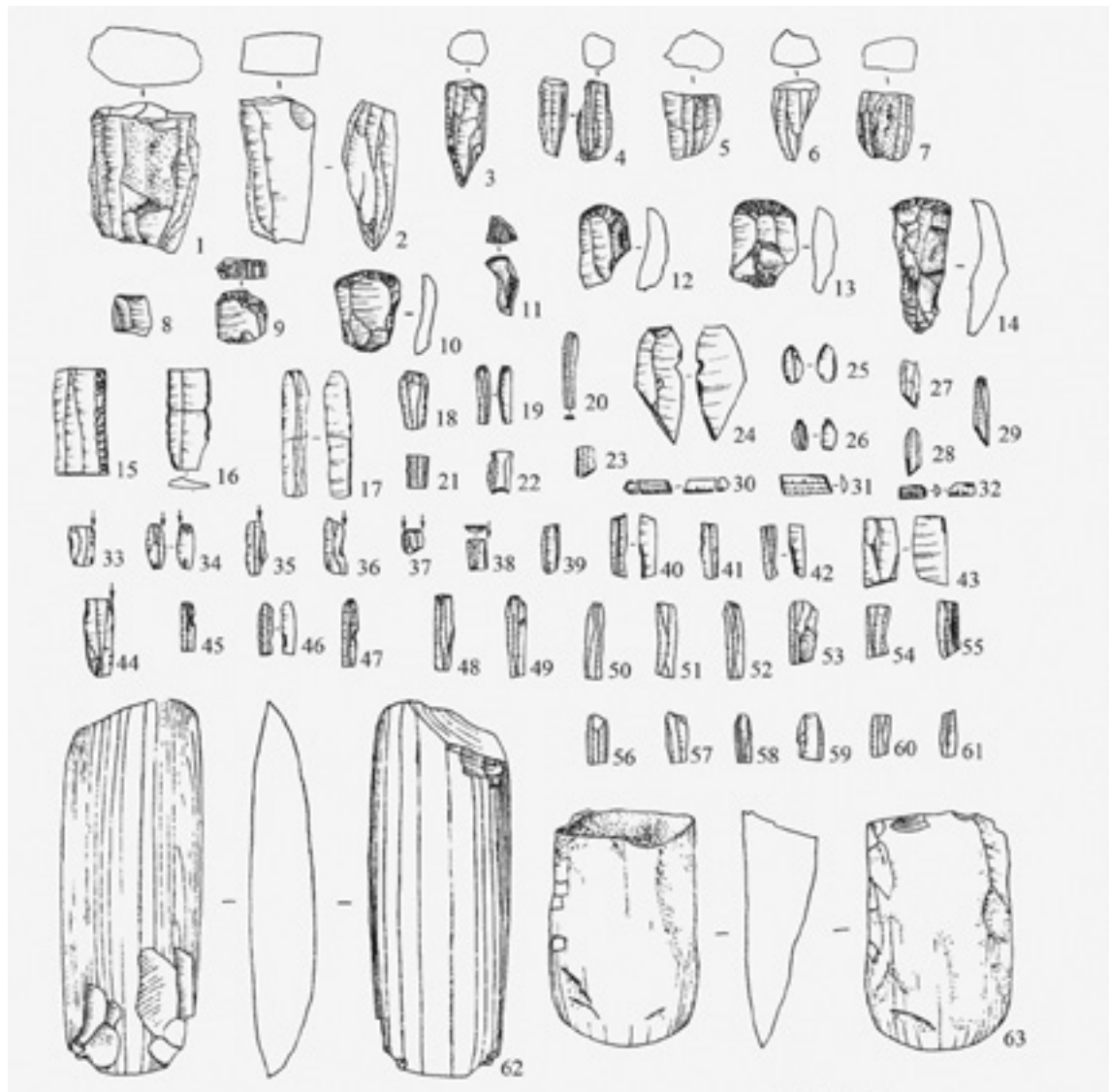
Река Салда

обломки, геометрические микролиты, отбойники, чоппингообразные орудия, гальку, отщепы и чешуйки, а также кристаллы, обработанные мелкой краевой ретушью.

То, что поселение существовало недолго, доказывается немногочисленностью найденных предметов и их размещением только в очажных и жилищных комплексах. Учитывая расположение поселения на уровне второй надпойменной террасы, можно предположить, что население Выйки II появилось здесь ранней весной, когда уровень воды в реке не позволял остановиться на мысу первой надпойменной террасы, где также обнаружен мезолитический слой. Таким образом, Выйка II представляла собой сезонное поселение.

Памятник **Баранча II** находится в границах Нижнего Тагила, на одном из мысов правого берега реки Баранча. Занимает выступающий в пойму мыс высотой до 6 м, образованный поворотом реки. Общая площадь поселения около 500 кв. м. Оно исследовалось Ю. Б. Сериковым в 1979 году. Культурные остатки залегают в слое светло-серого супесчаного суглинка мощностью от 20 до 40 см. В ходе исследований было выявлено три очага мезолитического времени. Очаг 1 размером 1×0,85 м был полностью выложен камнями; сразу под камнями находилась углистая прослойка мощностью всего 1–1,5 см. Прокала (прокаленного грунта на месте костра) не зафиксировано. На расстоянии 4,8 м к юго-западу от этого очага находилось пятно прокала сердцевидной формы диаметром около

Каменный инвентарь. Стоянка Выйка 2. 1–7 — нуклеусы; 8–14 — скребки; 15–24 — пластинки с ретушью; 25, 26 — остря; 27–29 — скошенные остря; 30–32 — геометрические микролиты; 33–38 — резцы; 39–43 — резчики; 44 — резец-резчик; 45–47 — пластинки с боковой выемкой; 48–61 — пластинки без ретуши; 62 — топор; 63 — тесло

50 см — очаг 2. Ближе к матерiku прокал сменился углями, пятно увеличилось в размерах. По расположению артефактов Ю. Б. Сериков выделил два их скопления вокруг очагов 1 и 2 диаметром соответственно около 4,5 м и около 4 м. Скопления практически примыкают друг к другу. Несмотря на то что вокруг очагов столбовых ямок не обнаружено, автор предположил, что по крайней мере одно скопление предметов с каменным очагом в центре является собой остатки небольшого и недолговременного наземного жилища. Подобные жилища были изучены им на сезонном мезолитическом поселении Выйка II [25].

Своеобразным памятником мезолита Среднего Зауралья является **Голокаменная мастерская**, открытая в 1954 году тагильским краеведом П. Э. Рикертом и исследованная в 1954–1955 годах В. М. Раушенбах. Мастерская по первичному расщеплению камня находится на юго-восточном склоне горы Голый Камень в границах Нижнего Тагила. Общая площадь памятника оценивается не менее чем в 7 тысяч кв. м. Раскопками вскрыто 56 кв. м. Коллекцию находок составили более 6 тысяч каменных изделий (отбойники и ретушеры, нуклеидные куски и заготовки нуклеусов), а также сотни тысяч отщепов. Здесь древние мастера проверяли свойства необходимого кремнистого сырья и производили заготовки нуклеусов, дальнейшая обработка которых происходила уже непосредственно на поселениях. По мнению Ю. Б. Серикова, Голокаменная мастерская использовалась только в мезолите.

Первая в Зауралье специализированная мезолитическая мастерская по производству рубящих орудий на выходах валунного сырья — стоянка Береговая IXa — была раскопана М. Г. Жилиным и С. Н. Савченко в 2014 году [8]. Здесь были обнаружены заготовки, позволившие реконструировать процесс производства топоров и тесел. Особо следует отметить материал для изготовления короткого и длинного топоров с «ушками», или цапфами, характерных для мезолитических памятников Сибири.

Большинство выявленных мезолитических памятников на территории Среднего Зауралья представляют собой кратковременные стоянки. Ю. Б. Сериков рассматривает характерные черты

такого типа памятников на примере кратковременных стоянок на Юрьинском озере, которое находится почти в центре Кокшаровского торфяника (Верхнесалдинский район Свердловской области). Озеро округлой формы (диаметр водной поверхности около 1,7 км), с заболоченными берегами. По периметру Юрьинского озера выявлено 57 стоянок — 50 береговых и 7 торфяниковых. Стоянки разделены более или менее ярко выраженными логами. Мезолитические материалы найдены на 38 береговых и 5 торфяниковых стоянках.

В горной части Урала исследована стоянка **Юрюзанская I**, расположенная на правом берегу реки Юрюзань. Река в этом районе характеризуется быстрым течением, малой глубиной, множеством перекатов. Правый берег высокий (8–20 м), скалистый, зарос густым лесом. Левый берег низкий (до 2 м), песчаный, имеет характер пойменной террасы. Стоянка занимает свободную от леса и наклоненную к юго-западу площадку высотой 8 м от летнего уреза воды. Исследовалась В. С. Мосиным

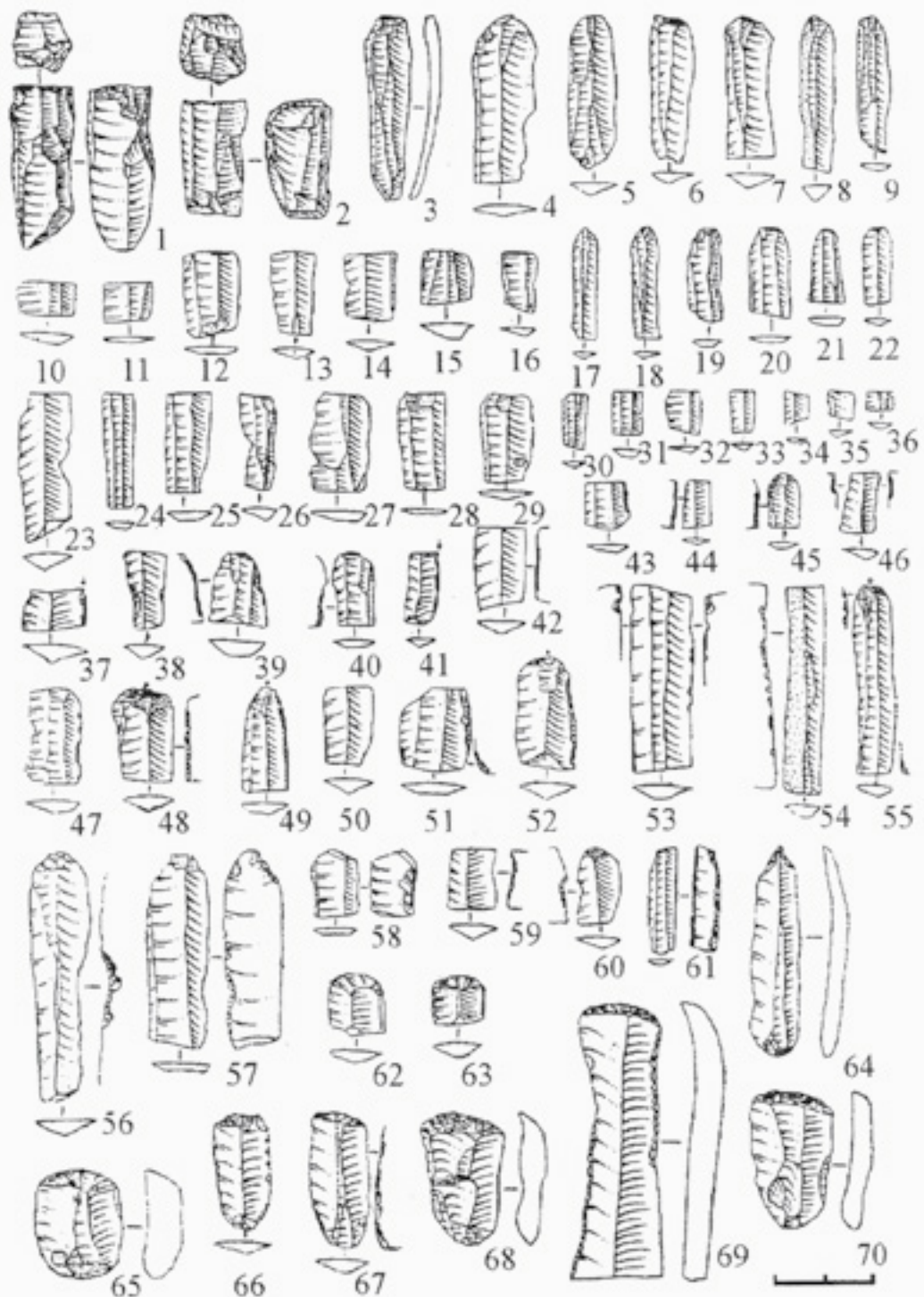

Заготовка топора.
Береговая IX a

в 1984 году. На стоянке были заложены раскоп и стратиграфическая траншея общей площадью 80 кв. м. Культурный слой стоянки мощностью 0,15–0,5 м, представленный коричневым суглинком с вкраплением щебня, расположен под дерном и подстилается желто-красной глиной с большим количеством щебня или остатками разрушенной скалы. В культурном слое встречаются мелкие угольки. В траншее слой, соответствующий культурному горизонту в раскопе, составлял 0,1–0,15 м и не содержал археологических материалов.

В центральной части раскопа зафиксировано углубление аморфной формы, ориентированное по линии СВ–ЮЗ. Средние размеры углубления 4×2 м, глубина до 0,4 м. Углубление заполнено более темным суглинком с вкраплениями угольков. Одна стенка углубления наклонная, другая вертикальная, дно округлое. В северо-восточной части раскопа зафиксировано очажное пятно овальной формы размерами 0,75×0,5×0,1 м; очаг имел наклонные стенки и округлое дно. В заполнении отмечены прокал и угольки. Археологический материал большей ча-

Каменный инвентарь. Стоянка Юрюзанская I. 1–2 — нуклеусы; 3–36 — пластинки; 37, 41 — резцы; 38–40, 42–55, 61 — пластинки с ретушью; 56–60 — пластинки с выемкой; 64 — острие; 62–63, 65–70 — скребки

стью концентрировался у северо-восточной части углубления. Вероятно, на стоянке функционировало наземное жилище. В числе находок 191 изделие из кремня, в том числе нуклеусы, микропластинки и пластинки с ретушью, угловые резцы, пластинки с выемкой, острие, концевые скребки на пластинах.

Мезолитические памятники в торфяниках представляют особый интерес, поскольку в них встречаются изделия из органических материалов — кости, рога, дерева, — не сохраняющиеся в обычных условиях. Культурные слои эпохи мезолита зафиксированы на шести торфяниковых памятниках Зауралья: Кокшаровско-Юрьинской I, Кокшаровско-Юрьинской II, Кокшаровско-Юрьинской III, Кокшарово I (болотная), Береговой I (торфяниковая) и Береговой II (торфяниковая). На трех многослойных торфяниковых стоянках, содержащих культурные слои эпохи мезолита, были произведены раскопки: на Кокшаровско-Юрьинской I, Кокшаровско-Юрьинской II [6] и Береговой II [8; 9].

Наиболее известной среди памятников Юрьинского озера является торфяниковая стоян-

ка **Кокшаровско-Юрьинская I**, исследованная Ю. Б. Сериковым в 1980–1981 годах. Стоянка площадью 140 кв. м состоит из двух частей — береговой и прибрежной. На берегу мезолитический слой имеет очень незначительную мощность, присутствует в виде примеси. В прибрежной части культурные остатки эпохи мезолита находятся в нижней части темно-серого песка, галечника толщиной около метра и светло-серого песка [24].

Автор исследований реконструирует следующую картину. Мезолитическое население, впервые заселив берега озера, жило прямо на прибрежной песчано-галечниковой косе. В периоды весеннего подъема воды оно вынуждено было подниматься на коренной берег. Когда же в летне-осеннее время уровень воды в озере понижался и стабилизировался, люди переселялись поближе к воде и опять занимали прибрежную песчаную отмель. Коллекция находок из нижнего мезолитического слоя незначительна: всего в слое галечника найдено 804 каменных и 186 костяных изделий. В коллекции присутствуют нуклеусы, скребки, резцы, резчики, пластинки с ретушью и без нее, шлифовальные

Река Юрюзань

плиты, шлифованные орудия, рыболовные грузила, острия, геометрические микролиты. Представлены также классические костяные изделия шигирского типа: игловидные, биконические и вкладышевые наконечники стрел, ножи, кинжалы, гарпуны, украшения. Некоторые костяные изделия украшены орнаментом.

В мезолитическом слое найдено много костей животных: лося, северного оленя, бурого медведя, волка, бобра, черного хоря, барсука, куницы, птиц и рыб. Преобладают кости лося и бобра. Большой интерес представляют найденные в мезолитическом слое восемь костей от двух особей домашней собаки.

Небольшие мезолитические комплексы выявлены и на других торфяниковых стоянках Юрьинского озера: Кокшаровско-Запроточной VI (болотная), Кокшарово I (болотная), Кокшарово-Юрьинской III. Два мезолитических слоя, причем разделенных стерильной прослойкой, обнаружено на стоянке Кокшаровско-Юрьинской II. Береговые стоянки различаются по площади и насыщенности мезолитическими материалами.

Результаты исследования мезолитических памятников Юрьинского озера показывают, что

Орудия из кости. Стоянка Кокшаровско-Юрьинская I. Фото Ю. Б. Серикова

практически все они представляют собой кратковременные сезонные стоянки. Площадь их обычно невелика — от 100 до 800 кв. м. Незначительна и насыщенность слоя культурными остатками. Тем не менее автор отмечает, что факт бытования по берегам озера сезонных стоянок может свидетельствовать о хозяйственных циклах в жизни здешних обитателей.

С 2003 года М. Г. Жилин и С. Н. Савченко проводили комплексные исследования торфяниковых стоянок мезолита и раннего неолита Зауралья, в 2008 году начаты поиски мезолитических памятников на Горбуновском торфянике.

Наиболее интересные результаты получены при изучении стоянки Береговая II. Она находится в 5 км к югу от Нижнего Тагила, на скалистом мысу северо-восточного коренного берега Горбуновского торфяника, на правой стороне пересохшего русла ручья. Памятник открыт в 1944 году О. Н. Бадером. В 1948–1949 годах А. Я. Брюсов произвел раскопки на площади 39 кв. м. В 1991–1992 годах О. В. Рыжкова вскрыла 112 кв. м. Выявлены материалы мезолита, неолита, энеолита и раннего железного века. В 2008–2012 годах М. Г. Жилин и С. Н. Савченко исследовали 127 кв. м торфяника к югу от подножия скал.

Учеными установлено пять культурных слоев, залегающих в озерно-болотных отложениях. К эпохе мезолита относятся третий, четвертый и пятый культурные слои. Каменные предметы в третьем слое были типичны для мезолитических стоянок Зауралья. Основная хозяйственная деятельность на раскопанном участке велась на узкой полосе шириной 3–4 м у подножия скал, примерно в 5 м от кромки заболоченного берега озера. Прослежены ведущие к озеру мостки в виде уложенных на поверхность болота массивных преднамеренно расколотых, подтесанных и обожженных плах. Найдены изделия из кости, рога и дерева. Особо следует отметить фигурку в виде головы зверя из рога лося и деревянный стержень для добывания огня.

В южной части раскопа в четвертом культурном слое зафиксированы остатки сооружений в виде затесанных колов, вбитых в озерное дно. Участок у подножия скал был в это время затоплен, и для хозяйственной деятельности, требовавшей воды,

Светлана Николаевна Савченко (р. 19.08.1957, Свердловск) — археолог, музейный работник. Окончила исторический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького. С 1976 года работает в Свердловском областном краеведческом музее им. О. Е. Клера, более 30 лет является хранителем уникального собрания археологических предметов из органических материалов — Шигирской коллекции. В настоящее время главный научный сотрудник отдела древней истории народов Урала. Научные интересы связаны с изучением каменного века лесной зоны Урала, Восточной Европы и Западной Сибири (от позднего палеолита до неолита), проблемами генезиса и развития костяной индустрии, процессами заселения и миграций в мезолите — раннем неолите, проблемами изучения предметов перво-

было сделано что-то типа плотов, закреплявшихся вбитыми колами. Помимо костей зверей, птиц и рыб найдены каменные орудия, нуклеусы, пластины, заготовки и отщепы. В значительном количестве представлены обломки и заготовки шлифованных рубящих орудий. Разнообразны изделия из кости и рога. Особо следует отметить «клад», содержащий 11 костяных наконечников

бытного искусства и духовной культуры. Разработала типологическую классификацию уральских костяных артефактов эпохи мезолита. С 1984 года проводит археологические исследования торфяниковых памятников каменного века Среднего Зауралья. Благодаря последним раскопкам многослойных мезолитических стоянок на Горбуновском торфянике, осуществленным совместно с М. Г. Жилиным и Л. Л. Косинской, убедительно доказано, что постоянное население в Среднем Зауралье появилось в самом начале раннего мезолита, более 11 тысяч лет назад, а не в позднем мезолите, как считалось ранее. С. Н. Савченко является автором более 90 научных публикаций, в том числе член авторского коллектива трех монографий и методического пособия «Археология в музее. Пошаговая стратегия».

Михаил Геннадиевич Жилин (р. 24.05.1956, Москва) — доктор исторических наук. Окончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (1978), аспирантуру (1984). Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Технологико-функциональное исследование мезолитических каменных изделий Волго-Окского междуречья» (научный руководитель Л. В. Кольцов), посвященную анализу каменных изделий основных памятников буттовской и иеневской культур (всего им было изучено около 100 000 кремней). С 1988 года специализировался на изучении орудий из кости и рога мезолитического времени Восточной Европы. По этим материалам защитил докторскую диссер-

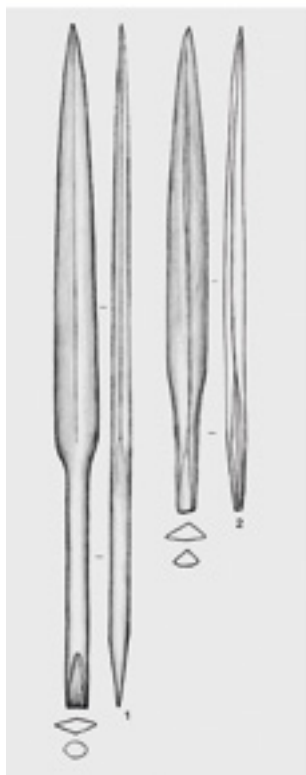
тацию «Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы» (1999), через год опубликовал монографию. В своем труде проанализировал изделия из кости и рога с 30 опорных памятников Прибалтики, Карелии, Русского Севера и центральной части Восточной Европы — всего около 12 000 предметов. Показал развитие костяной индустрии на этой обширной территории, особенности орудий из кости и рога, характерных для определенных мезолитических культур. С 1978 года работает в Институте археологии РАН, пройдя все ступени от лаборанта до ведущего научного сотрудника отдела каменного века. Научные интересы связаны с изучением каменного века, от позднего палеолита до неолита, на территории от Западной Европы до Западной Сибири. Основное внимание уделяет проблемам мезолита Восточной Европы и Урала. С 1988 года принимает участие в комплексных исследованиях торфяниковых памятников каменного века от Прибалтики до Зауралья. Руководитель археологических экспедиций с 1975 года. Автор более 200 научных публикаций, в том числе 11 монографий.

Фигурка из рога лося. Стоянка Береговая II [по: 28]

стрел. Из деревянных изделий интересны дротики с иволистным или коническим острием.

При исследовании пятого культурного слоя были найдены кости зверей, птиц и рыб, отщепы, нуклеусы и каменные орудия, в том числе топор с шлифованным лезвием, различные изделия из кости и рога. Особый интерес представляет деревянный наконечник остроги или дротика с редкими длинными зубцами по краям.

Костяные наконечники со Второй Береговой стоянки [28]

По материалам стоянки Береговая II получены 42 радиоуглеродные даты, в том числе 15 дат — по образцам торфа и сапропеля, 27 дат — по артефактам. Девять дат для позднемезолитического культурного слоя III укладываются в интервал 8360 ± 40 — 7960 ± 30 лет назад; календарный возраст этого слоя — 7500–6750 лет до н. э. Для культурного слоя IV было получено двенадцать дат: от 9170 ± 90 до 8405 ± 40 лет назад; календарный возраст — 8200–7450 лет до н. э. Для ранне-мезолитического культурного слоя V получено 12 дат, распавшихся на две хронологические подгруппы. Молодые даты — 8230 ± 60 — 9215 ± 40 лет назад (8600–8300 лет до н. э.) — получены по образцам, отобранным на значительном удалении от берега. Образцы, давшие более древние даты — $10\ 060 \pm 80$ — 9800 ± 40 лет назад (9400–9200 лет до н. э.), — отобраны ближе к берегу. Палинологический анализ показал, что нижний культурный слой (V) откладывался в пребореальном периоде, слой IV — в первой половине бореального периода, слой III — в его конце. Определения фаунистических остатков из раскопа 2008 года, выполненные П. А. Косинцевым, показывают, что во всех слоях представлена лесная фауна. Преобладают кости лося и бобра, встречаются кости рыб и водоплавающих птиц.

В 2013 году на стоянке Береговая I было раскопано 44 кв. м, зафиксировано пять культурных слоев. Первый залегает в нижней части слоя I и относится к аятской культуре. Второй культурный слой залегает в основании слоя III, относится к позднему мезолиту. Третий культурный слой залегает в слое IV. Радиоуглеродная дата (8780 ± 40 лет назад) соответствует среднему мезолиту. Четвертый культурный слой связан с нижней частью слоя V. Его радиоуглеродная дата 8940 ± 30 лет назад, что соответствует началу среднего мезолита. Нижний, пятый культурный слой залегал на озерном дне и частично в перекрывающем его слое VI. Радиоуглеродные даты (9590 ± 70 и 9320 ± 60 лет назад) относят его к раннему мезолиту. В этом слое найдены нуклеусы, пластинки, скребок, заготовка рубящего орудия, костяной наконечник стрелы и обломок деревянного дротика [8; 9].

Основные характеристики материальной культуры

Время окончания последнего оледенения, отступления ледника, глобального изменения климата (10–11 тысяч лет назад) было труднейшим для населения Урала. Упрощая ситуацию, можно сказать, что человеческие коллективы, пережившие эти события, получили «опыт», в значительной мере обеспечивший их выживание в последующие тысячелетия. Резкое повышение влажности и температуры в начале голоцена, таяние вечной мерзлоты привели к полному разрушению, нарушению старых миграционных путей животных, утрате мест стоянок, изменению флоры и фауны. Стремительность этих трансформаций, безусловно, была катастрофичной для обитателей многих территорий. Если в предшествующие эпохи господствовали сухой воздух и довольно низкие температуры, то в начале голоцена на самые разные стороны жизни человеческих коллективов стали влиять влажность и повышение температуры. В самом общем виде, с точки зрения экологии человека, основной задачей раннеголоценового мезолитического населения являлось приспособление к формирующимся условиям умеренного климата. При этом возникали свои сложности. Если адаптация к резко континентальному климату значительно расширяет норму биологической реакции, то переход к более мягкому климату не представляет больших трудностей для организма. Основные проблемы раннемезолитического населения были связаны с освоением новых ландшафтов и источников пищи, появлением новых комму-

никационных возможностей. Необходимость их решения обуславливала изменение материальной культуры, которую приспособляли к новой природной обстановке.

Вероятно, общее смягчение климата привело к тому, что энергетические потребности организма человека снизились. Вследствие этого не столь необходимыми стали высокая калорийность и питательность еды. Заложенные в эпоху верхнего палеолита основы принципа наиболее широкого использования пищевых ресурсов не получили развития. Человек на постоянной основе осваивал такой новый источник белковой пищи, как некрупная рыба и беспозвоночная фауна, добыча которой не сопряжена с опасностью для жизни. Они стали надежным источником еды в самые тяжелые и неблагоприятные сезоны года. Обеспеченность легкодоступными пищевыми ресурсами значительно облегчила жизнь менее защищенным членам общества — женщинам и детям. Результатом этого стал рост численности населения, особенно заметный у охотников-рыболовов-собираателей.

Достоверно зафиксированных жилищ типа полупземлянок, относящихся к мезолитическим слоям, в Южном Зауралье не выявлено, что связано с малой мощностью четвертичных отложений и близким подступанием скальных оснований к поверхности. Встречающееся иногда утолщение культурного слоя, как правило, связано с естественными прогибами скал в седловинках между возвышенностями. Выдалбливание в скалах углубленных жилищ вряд ли было возможным. Так, при исследовании стоянки Краснокаменка,

Реконструкция жилищ и быта населения эпохи мезолита

в основном относящейся к периодам неолита — энеолита, был выявлен комплекс мезолитического времени, залегавший на полу жилища, устроенного древним населением в неглубокой, до 30 сантиметров, естественной западине в скальном основании береговой террасы. Тем не менее на стоянках Янгелька, Якты-Куль, Ташково IV, Чебаркуль XVII, Юрюзанская I зафиксированы очаги, хозяйственные углубления, скопления предметов определенной конфигурации, приуроченные к утолщениям культурного слоя. Вполне вероятно, что это остатки наземных жилищ, что характерно для лагерей охотников с подвижным образом жизни.

Наземное жилище сооружалось из жердей, которые укреплялись в земле, создавая каркас, затем покрывались шкурами. Снаружи шкуры прижимались камнями. Какой формы были такие жилища, восстановить практически невозможно, но, следуя логике и месторасположению камней и ямок от жердей, можно предполагать округлую форму как наиболее оптимальную и менее трудоемкую. Внутри сооружался очаг, для него делали небольшое углубление в полу, которое обкладывали камнями. Такие жилища были сезонными и функционировали в теплое время года, поскольку недостаточно хорошо сохраняли тепло. Если бы эти постройки использовались в зимнее время, в них должны были фиксироваться следы мощных очагов, а такие встречаются крайне редко. В Притоболье было выявлено слабо углубленное наземное жилище близкой к прямоугольной формы площадью до 80 квадратных метров (стоянка Убаган III). Материальные остатки концентрировались в виде двух скоплений у кострища и у южной стенки жилища.

В лесной зоне средней части Зауралья остатки более капитальных жилищ — полуземлянок — были изучены на **поселении Серый Камень**. Два жилища располагались близко к центральной части площадки останца террасы и были углублены в материк на 40–60 см. Следы первого жилища выглядели на материке как незамкнутый овал размерами 4,5×2,9 м. Жилищный котлован заполнял суглинок культурного слоя с пятнами прокала и углей. Вход находился, скорее всего, с западной стороны жилища, где прослежен небольшой «язык» суглинка, отходящий от котлована и перекрытый крупными

камнями. В процессе изучения жилища стало ясно, что крупное скопление камней размерами 3,0–2,6 м к юго-западу от сооружения связано с выкапыванием котлована. Такая же картина прослежена и для второго жилища: восточнее его котлована находилось крупное, диаметром до 3,5 м, скопление камней. На дне первого жилища обнаружено около 400 предметов, в том числе шесть нуклеусов, пять скребков, скребло, скобель, обломок шлифованного орудия, сильно сработанный отбойник и свыше 300 пластинок и отщепов. В заполнении жилища материальных остатков обнаружено в несколько раз больше. Прямо в пятне прокала найдена низкая асимметричная трапеция, изготовленная из светло-серой пятнистой яшмы.

Внимательное изучение поверхности поселения позволило выявить следы еще нескольких жилищ. Этому способствовало то обстоятельство, что жители поселения при выкапывании котлованов вынуждены были извлекать десятки камней, которые складывали в кучи рядом с постройками. Оказалось, что и котлованы, и кучи камней возле них в виде сильно затянутых углублений и более выраженных бугров неплохо прослеживаются на современной поверхности. Следуя этим наблюдениям, удалось выявить еще пять-шесть жилищных котлованов в центральной части поселения.

В процессе исследований на поселении **Выйка II** выявлены остатки трех наземных жилищ диаметром 5,5–7 м. Жилища располагались по большой дуге вдоль берега реки Салды на расстоянии 8–10 м друг от друга. Внутри них находились очаги диаметром 0,5–1 м, обложенные камнями. Каменные очаги предохраняли жилище от пожара и служили аккумуляторами тепла. Входы в жилища располагались с подветренной стороны, в 4–5 м от них находились наружные очаги диаметром около 2 м. Изучение найденных на площадках жилищных комплексов предметов показывает, что именно жилища являлись центрами хозяйственной жизни древнего человека. Жилища и наружные очаги составляли своеобразные производственно-жилые комплексы. В двух жилищах находились наковальни в виде крупных камней. В жилищах и возле наружных очагов выявлены многочисленные рабочие места мастеров. Имелось специальное место

для обработки шкур — крупный (1,3–2 м) камень с ровной поверхностью. На периферии поселения обнаружены ямы диаметром около 2 м и глубиной до 1 м, предназначавшиеся, видимо, для хранения пищевых запасов.

Остатки углубленного жилища частично были исследованы на стоянке Малая Горка II.

На существование наземных жилищ на сезонных стоянках указывают очаги, в том числе с каменной обкладкой (Баранча II, Уральские Зори I, Гаревая II), скопления каменного инвентаря, оконтуренные крупными и средними по размерам камнями (Уральские Зори XI) или столбовыми ямками (Уральские Зори I) [25].

На территории Южного Зауралья основным сырьем для изготовления орудий служили темный кремь (фтаниты и фтанитоиды) и яшмы сургучного, сургучно-зеленого, коричневого и других цветов, иногда кремнистые сланцы, горный хрусталь. На стоянках по берегам озер Башкирского Зауралья распространены изделия из черного и серого кремня, выходы на поверхность которого отмечены в непосредственной близости от стоянок, в меньшем количестве фиксируются изделия из сургучно-зеленой яшмы. На стоянке Андреевка III обнаружен светлый кремь. На стоянке Евгеньевка I преобладали микрокварциты, кварцито-песчаники, кремнистые алевролиты. В лесостепном Зауралье на стоянке Сухрино I основным матери-

алом для изготовления орудий служил кремь серого и черного цвета различных оттенков, а также халцедон и сургучного цвета яшма. На стоянках Родники 2, Краснокаменка, Ташково II и IV преобладают южноуральские фтанитоиды зеленоватых и серых тонов, фтаниты и яшмы, реже встречается халцедон. Во всех комплексах содержатся изделия из серого кремня, «боборыкинской яшмы» — субновакулита, на стоянке Черная гора такого сырья около 40 %. На стоянках вокруг Нижнего Тагила преобладают изделия из сырья с Голого Камня — туфопорфиритов серо-зеленых оттенков. В мезолитическом слое Лобвинской пещеры на севере лесного Зауралья для изготовления вкладышей для костяных наконечников использовали кремнистые породы синего, темно-синего и черного цветов, встречались также халцедон и светло-серый кремь.

Материалы мезолитических памятников Зауралья по основным характеристикам обнаруживают очень близкое сходство между собой. В чем же конкретно проявляется это сходство? Во-первых, основу дошедших до нас остатков материальной культуры составляют микропластинчатые комплексы, характеризующиеся наличием пластинок шириной не более сантиметра. В коллекциях таких пластинок и сечений более 80 %, а на некоторых памятниках — более 90 %. Пластинки без дополнительной подработки, как и часть пластинок с краевой

Кремневый инвентарь. Орудия: 1 — Скребок на отщепе; 2, 4 — концевой скребок на пластине; 3 — острие; 5 — угловой резец; 6 — пластинка с притупленной спинкой; 7 — пластинка с выемкой

Вкладыши составных орудий

Геометрические микролиты

ретушью, использовались в качестве вкладышей составных орудий, что подтверждается трасологическими исследованиями. Во-вторых, вторичную обработку ретушью имеют, как правило, менее 15 % пластинок. Ретушь наносилась в большинстве случаев по одному краю со спинки или брюшка. В-третьих, в основные наборы орудий входят угловые резцы, концевые скребки на пластинах, острия, в том числе скошенные, пластинки с обработанным торцом, пластинки с выемкой, скребки на отщепках.

В-четвертых, среди нуклеусов представлены изделия трех основных форм: конические, призматические, торцовые. Нуклеусы изготавливались на плитках камня или на гальках. В-пятых, на части памятников встречаются геометрические микролиты, в частности такие знаковые, как асимметричные трапеции или треугольники, которые, по прежним представлениям, были присущи только мезолитическим комплексам Южного Урала. В настоящее время это далеко не так однозначно, поскольку комплексы с трапециями известны на востоке от Урала вплоть до Павлодарского Прииртышья.

Ко всем перечисленным общим чертам можно добавить еще одну — использование наземных построек в качестве жилищ и хозяйственных сооружений.

Некоторые отличия можно отметить между отдельными памятниками лесостепного и лесного Зауралья. Так, на памятниках вокруг Нижнего Тагила, на Юрьинском озере, Горбуновском и Шигирском торфяниках обращают на себя внимание

Нуклеусы.
1, 3 — торцовый;
2 — призматический;
4 — конический

Пластины с ретушью — наиболее распространенный тип орудий. Ретушью чаще всего подправлялись только края пластин. Использовались для различных видов работ: резания, скобления, строгания.

Пластинки с выемками — пластинки, на боковых гранях которых ретушью оформлены одна или две небольшие выемки. Использовались как скобели для обработки древков стрел.

Острия — пластинки, у которых ретушью на одном конце оформлено острое жало. Острия бывают разной формы — симметричные и скошенные. Использовались как проколки при работе со шкурами и, возможно, в других операциях, связанных с прокалыванием.

Резцы — орудия для прорезания пазов для вкладышевых орудий, разрезания кости, дерева и т. п. Рабочее лезвие практически идентично по форме и назначению современным металлическим резцам.

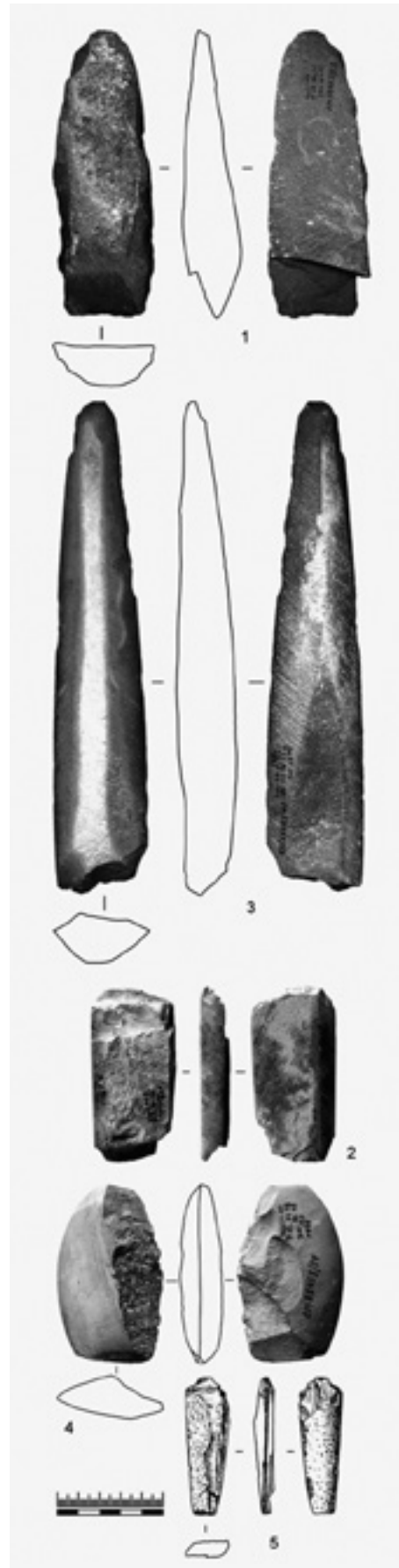

Орудия. 1, 2 — пластины с ретушью; 3 — резцы; 4 — пластины с выемками; 5 — острия

следующие факты: преобладают торцовые нуклеусы; большая часть скребков изготовлена на отщепках; присутствуют боковые (поперечно-ретушные, косо-ретушные, вогнуто-ретушные) резцы, обычно отсутствующие в лесостепи; встречаются рубящие шлифованные орудия, пластинчатые накопечники стрел [25]. По наличию изделий из кости и рога выделяются торфяниковые поселения, так как на других стоянках и поселениях они просто не сохраняются.

Необходимо также отметить наметившуюся дуальность мезолитических комплексов Зауралья: часть стоянок (Выйка II, Сухрино I, Родники 2, Ташково II и IV) не содержат в коллекциях таких характерных типов орудий, как геометрические микролиты — трапеции и треугольники; в коллекциях другой части стоянок (Серый Камень, Янгелька, Андреевка, Чебаркуль XVII, Черная Гора) геометрические микролиты присутствуют. Однако отмеченные своеобразные черты не нарушают общей картины близости кремневых микропластинчатых комплексов материальной культуры мезолита Зауралья.

До недавнего времени единичными находками являлись крупные рубящие орудия (некоторые со шлифованной поверхностью), обнаруженные на стоянках Выйка II, Серый Камень, Сухрино I. Исследования последних лет на Кокшаровском и Горбуновском торфяниках показали наличие шлифованных изделий и шлифовальных плит в слоях раннего, среднего и позднего мезолита. Больше всего подобных артефактов было найдено в датированном среднем мезолитом культурном слое IV стоянки Береговая II. Целые шлифованные орудия обнаружены здесь в единичных количествах, серийно представлены орудия с обломанным рабочим концом, имеется несколько сколотых лезвий. Изучение орудий под микроскопом показало, что это были топоры, тесла, стамески и клинья. Свидетельства изготовления крупных рубящих орудий из тех же пород камня, что и на Береговой II, обнаружены также в заторфованных мезолитических культурных слоях стоянок Береговая I и Серый Камень.

Шлифованные рубящие орудия. Стоянка Береговая II. Культурный слой IV, средний мезолит. 1—3, 5 — орудия со сколотыми лезвиями; 4 — лезвие топора [по: 7]

Мезолитические памятники Восточной Европы и Урала с костяным инвентарем.

1–3 — Сулягалс, Звидзе, Оса; 4 — Звейниекы 2; 5 — Пулли; 6 — Кунда-Ламмасяги; 7 — Нарва; 8 — Оленеостровский могильник; 9, 10 — Веретье 1 и Нижнее Веретье; 11, 12 — Озерки 5 и 17; 13–15 — Нушполы 11, Окаемово 5, Замостье 2; 16, 17 — Ивановское III, VII; 18 — Становое 4;

19, 20 — Сахтыш 9, 14; 21 — пещера Камень Дыроватый; 22 — Шигирский торфяник; 23 — Вторая Береговая торфяная; 24, 25 — Кокшаровско-Юрьинская I, II; 26 — Лобвинская пещера; 27 — Шайтанская пещера; 28 — Сюнь II; 29 — Муллино II; 30 — Давлеканово; 31 — пещера Гебауэра; 32 — Лаксейская пещера; 33 — пещера Подземных охотников [22]

Территория Среднего Зауралья также бедна кремневым сырьем, но здесь в большом количестве встречаются различные сланцы, окремненные туфы, туффиты, алевротуфы, которые прекрасно подходили для изготовления шлифованных орудий — топоров, тесел, долот, стамесок и пр. В то же время на Урале сосредоточено множество выходов абразивных пород камня, прежде всего гранитов, которые служили сырьем для шлифовальных плит и брусков. Очевидно, что все эти факторы в совокупности и послужили причиной столь раннего появления на Урале каменных шлифованных рубящих орудий [7].

Для изготовления костяных орудий в основном употреблялись кости крупных млекопитающих, прежде всего лося, реже — мелких животных и птиц. Изученные мезолитические памятники с изделиями из кости в Зауралье немногочисленны. Как правило, костяной инвентарь мезолитического времени находят в пещерах и торфяниках. На торфяниковых стоянках, таких как Кокшаровско-

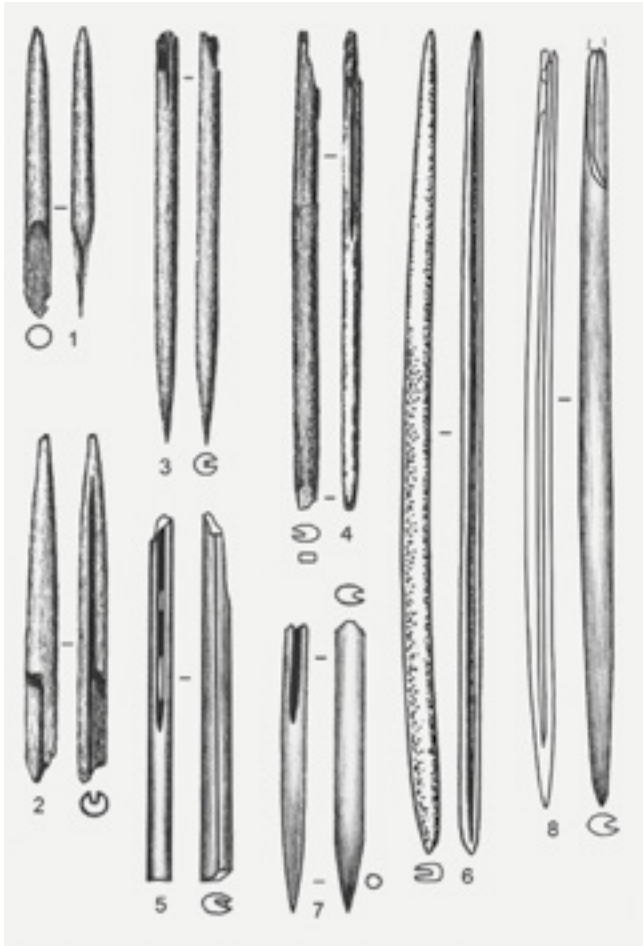
Юрьинская I и II и Береговая II, найдены не только предметы охотничьего вооружения, но и орудия рыболовства, различные бытовые орудия и инструменты, фрагменты заготовок и костей со следами обработки и др. [8]. Большое количество костяных и роговых артефактов мезолитического облика содержит коллекция случайных находок, собранная в конце XIX — начале XX века при добыче золота на Шигирском торфянике. Подробный анализ костяных изделий мезолитического времени Зауралья был проведен С. Н. Савченко [22].

Система жизнеобеспечения

В культурных слоях исследованных стоянок и поселений раннего мезолита (10 200–9000 лет назад) преобладают кости лося, встречаются также кости бобра, благородного оленя (изюбря), северного оленя, медведя, куницы, водоплавающих, лесных и луговых птиц. Состав костей птиц говорит о мозаичности ландшафта при весьма значительной площади открытых пространств. На торфяниковой стоянке Береговая II найдены кости рыб: щуки, карася, окуня, плотвы, карповых пород.

На памятниках среднего мезолита (9000–8000 лет назад) в большом количестве встречаются кости лося, реже — кости бобра, далее кости волка, медведя, зайца, благородного оленя (изюбря), северного оленя, росомахи, выдры, пушных зверей (соболя, куницы, хоря). Найдены многочисленные остатки костей различных водоплавающих и лесных птиц. В большом количестве зафиксированы кости рыб: щуки, карася, окуня, плотвы, карповых, тайменя. На торфяниковой стоянке Береговая II остатки рыб часто встречаются в виде скоплений, образовавшихся, вероятно, при чистке улова. На всех стоянках присутствуют кости собаки, которая сопровождала человека на охоте. На Кокшаровско-Юрьинских стоянках найдены кости лошади и сайги, что может говорить о наличии лесостепных ландшафтов, хотя основная часть территории была покрыта лесами [6].

В слоях позднего мезолита (8000–7400/7300 лет назад) преобладают кости лося и бобра, имеется значительное количество костей водоплавающих

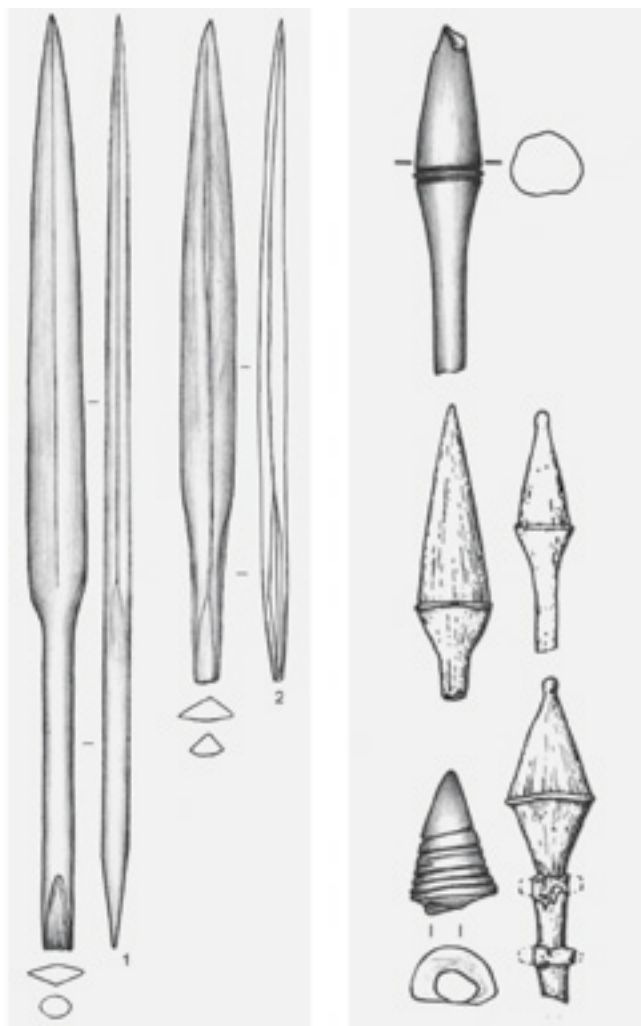

птиц, глухаря, вальдшнепа, тетерева и др. Встречаются кости медведя, волка, лисицы, северного оленя, зайца, соболя, выдры и барсука. Как и на памятниках среднего мезолита, обнаружены скопления костей рыб — щуки и окуня [22].

Образ жизни охотника, постоянно находящегося в движении, вынуждал иметь очень легкий, компактный, быстро воспроизводимый охотничий инвентарь. Основным вооружением охотников в мезолите являлся лук со стрелами. Среди костяных наконечников стрел в Зауралье было выделено несколько разновидностей, также отличающихся и по времени существования [22]. В раннем мезолите появляются массивные игловидные наконечники стрел округлого сечения и уплощенные, цельные и вкладышевые, с одним длинным пазом. В среднем мезолите возникли другие разновидности игловидных наконечников — тонкие, округлого сечения и уплощенные, затем узкие плоские симметричные цельные без пазов, для вкладышей

и вкладышевые с двумя пазами. Узкие плоские наконечники с двумя пазами дожили до раннего неолита, на их основе сформировался характерный местный уральский тип узких плоских асимметричных наконечников с одним длинным пазом.

В конце раннего мезолита появляются цельные однокрылые наконечники стрел с шипом и без шипа. Специфической уральской формой являются однокрылые наконечники с шипом на крыле и пазом на краю крыла. На Урале серии однокрылых вкладышевых наконечников разных типов и вариантов обнаружены на памятниках со смешанным или переотложенным культурным слоем (святылище Камень Дыроватый, пещера Лаксейская) и на шигирских стоянках. Во второй половине мезолита были распространены цельные двукрылые симметричные (весловидные) наконечники стрел. В это же время появились наконечники стрел с утолщенной головкой и стержнем между головкой и насадом.

Представительная серия костяных наконечников стрел (62 обломка от 47 изделий) происходит из мезолитического слоя святилища в пещере Лобвинской. Пять костяных наконечников стрел, шило и пронизка найдены в мезолитическом слое пещеры Шайтанской в Северном Зауралье. Небольшие серии костяных артефактов мезолитического облика происходят из пещер Лаксейская, Гебауэра. Вкладышевые наконечники стрел — узкий плоский асимметричный и игловидный уплощенный с коротким пазом у острия — найдены в пещере Подземных Охотников в Среднем Предуралье [36].

Трасологический анализ позволил воссоздать технологию изготовления наконечников стрел из мезолитического слоя пещеры Лобвинской. Заготовками, вероятно, служили пластины, вырезанные из трубчатых костей копытных (судя по контексту, лося или северного оленя). Черновая

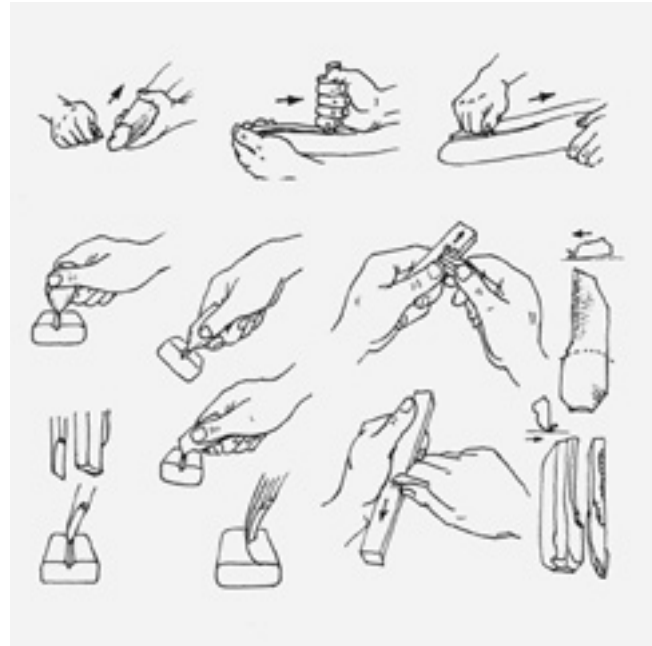
обработка велась скоблением, чистовая обработка — продольным строганием, а затем тонкой поперечной шлифовкой на мелкозернистом абразиве. У одного из наконечников продольным скоблением подправлен кончик острия — вероятно, после поломки, поскольку следы скобления перекрывают следы тонкой шлифовки. У другого продольно подскоблен конический насад — вероятно, для лучшего сцепления при закреплении в древко. Несколько наконечников обработаны путем тонкой поперечной шлифовки после чистового продольного строгания. Пазы во вкладышевых наконечниках прорезались после скобления, перед чистовым строганием. Об этом говорит полное отсутствие следов срывов резца — они были сняты строганием. Пазы прорезались очень аккуратно, возможно, по линейке, края паза и следы резчика на его стенках и дне строго параллельны. В качестве резчи-

ка использовались сломанные пластинки с очень острым точечным лезвием.

Кость, вероятно, предварительно сильно размягчалась, поскольку на ряде наконечников почти незаметно выкрашивания кромки лезвия резчика. В этом случае паз имеет V-образное поперечное сечение. Поскольку сечение пластинки вследствие огранки асимметрично, сечение паза также асимметрично, что говорит о движении резчика сломом вперед в одном направлении. Паза двух наконечников имеют W-образное сечение, что указывает на изменение направления движения резчика: в этом случае паз начинали прорезать от насада к острию (или наоборот), а заканчивали в другом направлении. Трапециевидное сечение паза указывает на применение резчика с узкой кромкой, оформленной очень тонким резовым сколом. Паза U-образного сечения на ряде изделий прорезаны инструментами с затупившейся выкрошенной кромкой. Орнамент гравировался уголком сломанной пластинки после чистового строгания, перед тонкой шлифовкой и полировкой. В последнюю очередь выстругивался обычный клиновидный насад узких плоских наконечников, выпуклые боковые края которого сохраняют следы шлифовки наконечника, полностью снятые строганием на плоскостях. Боковые края четырехгранных клиновидных насадов также не несут следов шлифовки.

Микропластинки-вкладыши могли закрепляться в узких глубоких пазах распаренной основы и без клеящего вещества: при высыхании кость сжималась, плотно удерживая вкладыши. Однако в пазах нескольких обломков наконечников сохранились остатки темного клеящего вещества, а в одном в массе клея хорошо заметны два длинных тонких сегментовидных обломка микропластинок. Примечательно, что вкладыши, сохранившиеся в оправах наконечников стрел из шигирской коллекции, также закреплены при помощи темного клеящего вещества. Этот же способ использовался и для закрепления вкладышей в пазах составных наконечников в мезолите лесной зоны Восточной Европы [36].

Вкладышевые наконечники имели определенные преимущества. Раны, наносимые им, были более опасными. Дротик с роговым коническим

Работа резцом.
Прорезание пазов

наконечником мог выпасть из раны, которая быстро заживала. В этом отношении каменные наконечники превосходили роговые и костяные тем, что чаще ломались в теле зверя, рана долго не заживала, и животное в конце концов становилось добычей охотника. Вкладышевая техника позволяла создавать оружие, наносящее более опасные раны, вкладышевые наконечники не столько прокалывали, сколько прорезали тело жертвы. Из широкой раны они чаще выпадали вместе с древком, охотник реже терял оружие, имел возможность наносить несколько ударов. Вкладышевые орудия являются в прямом смысле армированными изделиями, здесь производилось механическое упрочнение очень твердого, но хрупкого кремня и яшмы путем соединения с менее твердым, но более упругим и стойким деревом, костью или рогом.

Орудия рыболовства этого периода также представлены находками из культурного слоя V стоянки Береговая II. Для добычи крупной рыбы или охоты на водных животных (бобр, выдра) использовали гарпуны с костяными наконечниками. Вероятнее всего, зубчатые острия могли служить наконечниками либо острог для добычи рыбы, либо метательных копий или дротиков и применяться при наземной охоте. Впервые на Урале найден

Вкладышевые
кинжалы. Фото
С. Крылова

Рыболовный
крючок [22]

Наконечники
гарпунов. Фото
Е. Ф. Тамплона

мезолитический рыболовный крючок. Его длина 37 мм, ширина 8 мм, глубина поддева 15 мм, глубина поддева изнутри 10 мм. Орудие сделано из стенки трубчатой кости птицы или небольшого зверя. Форма крючка сохранила природный изгиб кости и участки ее внешней и внутренней поверхности. В центре изгиба обушка сохранились остатки биконической сверлины. Выделенная головка на конце прямого стержня выполнена в виде утолщения на его внешнем крае.

Костяные бытовые орудия и инструменты этого времени немногочисленны: рукоятка для бокового скребка или скребеля, бытовые ножи, обломок шила

из тонкой трубчатой кости для прокалывания тонких шкурок, вероятно, пушных зверьков [30]. В охотничьем вооружении появляются массивные рогатины с костяными наконечниками, сделанными из продольно разрезанных крупных трубчатых костей. Разнообразны охотничьи кинжалы и ножи [22].

В целом можно сказать, что уже в раннем мезолите в Зауралье сложилась развитая костяная индустрия. Набор изделий был достаточно разнообразным и включал все основные орудия, которые продолжали существовать на протяжении всего периода мезолита.

Искусство мезолита

Артефакты, которые можно связать с искусством и духовной культурой эпохи мезолита, немногочисленны. Самым известным памятником духовной культуры населения Зауралья разных периодов — от мезолита до современности — является пещерное святилище **Камень Дыроватый**, в котором обнаружено не менее 10 000 наконечников, изготовленных из разных материалов эпохи мезолита — позднего Средневековья.

Около 3000 костяных и каменных наконечников стрел датируются эпохой мезолита, более 600 из них — с гравированными изображениями. В шигирской коллекции и в мезолитических слоях

Камень Дыроватый — уникальное святилище, связанное с проведением охотничьих обрядов. Находится в одной из пещер на реке Чусовой, в окрестностях села Усть-Утка. Впервые описано еще в XVIII веке И. Георги, археологические раскопки в 1932–1933 и 1937 годах проводил ленинградский археолог Н. А. Прокошев. В конце прошлого века в течение семи лет святилище исследовалось известным уральским археологом Ю. Б. Сериковым.

Километровой длины скала заканчивается отвесным 60-метровым монолитом. Здесь на высоте 20 м и находится святилище с историей в более чем десять тысяч лет. По мнению Ю. Б. Серикова, если смотреть на пещеру с противоположного берега или с реки, то на скале можно рассмотреть лицо «хозяина-духа». Хорошо различимы глаза в углубленных участках скалы и нос в виде выступа. Сама пещера напоминает открытый в крике рот, а остатки колонн в ней — как зубы. Особенно хорошо лицо «хозяина» просматривается с поляны на противоположном берегу.

Если же спускаться или подниматься по реке на лодке, то черты «лица» принимают угрожающее выражение. Без специального снаряжения подняться в пещеру невозможно, поскольку отвесная скала перед входом в нее на протяжении 6–8 м имеет отрицательный угол. Какого-либо выхода на поверхность на вершине скалы не обнаружено, а от вершины до пещеры 40 м по вертикали. «Попасть» в пещеру можно было только вместе со стрелой, выпущенной из лука. Исключение составляют 47 предметов культового назначения, среди которых различного рода подвески, клыки разных животных, кости с пробитыми отверстиями, шесть стеклянных бусин, а также так называемый «куриный бог» — камень с естественным отверстием. Эти предметы попадали в святилище привязанными к древкам стрел.

Наконечники, найденные в Камне Дыроватом, очень разнообразны: одни изготовлены из кремня и яшмы (бытовали у уральского населения от конца палеолита до энеолита), другие костяные — от вкладышевых

торфяниковых памятников Зауралья присутствует большое количество предметов из кости и рога, в основном наконечников стрел с гравированными изображениями. Основными элементами их декора являются точки, насечки-нарезки, прямые и волнистые линии, зигзаги, заштрихованные треугольники, ромбы. Орнамент нанесен путем прорезывания, нарезки, насечки, в единичных случаях — своеобразным отступанием [25]. Гравированные рисунки исследователи сопоставляют с композициями на уральских писаницах, рассматривая их как изображения рыболовных ловушек или охотничьих засек и ловчих ям. Вероятно, они наносились во время сезонных обрядов с целью привлечения в ловушки добычи и размножения зверя.

мезолитических до «бронзобойных» утяжеленных средневековых, бронзовые трехгранные и трехлопастные втульчатые (относятся к скифскому времени), наконеч, железные, дожившие до XV века.

В процессе обследования пещеры было обнаружено 16 наконечников — 11 костяных, два бронзовых и три железных, — воткнувшихся в стены. По ним можно определить, как и откуда стреляли. Анализ угла залегания наконечников показывает,

что стрельба происходила с разных направлений: и сверху по течению, и снизу, и с середины реки напротив пещеры, и с противоположного берега, и даже от подножия скалы. По имеющимся фактам можно предполагать, что мы имеем дело с охотничьим обрядом стрельбы из лука в пещеру с целью жертвоприношения украшений, костей животных, самих наконечников стрел или посланий богам и духам.

Голова рычащего волка.
Фото Е. Ф. Тамплона

Большой Шигирский идол [31]

Уникальным артефактом мезолита Зауралья является Большой Шигирский идол, выполненный из цельного ствола лиственницы сибирской или ели сибирской. Был найден в 1880 году на Шигирском торфянике. Возможно, он обнаружен не там, где был установлен первоначально, и являлся составной частью прибрежного участка поселения или культовой площадки, а после выполнения своих функций был преднамеренно погружен на заболоченную поверхность, в торф. Согласно реконструкции В. Я. Толмачева, скульптура была высотой не менее 530 см и состояла из антропоморфной головы размером 21×34 см и доски шириной 23–25,5 см с вырезанными схематичными антропоморфными изображениями и не соединяющегося с ними конца ствола размером 66×20 см. Средняя часть изделия длиной около 193–200 см была утрачена. На Большом Шигирском идоле хорошо распознаются антропоморфные личины, сопровождающий их гравированный декор мог быть изображением тела, одежды, головного убора; возможно — стили, того или иного качества персонажа, количество которых определяется числом антропоморфных личин, а нумерация — расположением на вертикальной оси скульптуры. Большой Шигирский идол — самая большая и самая древняя (возраст около 10 000 лет) деревянная антропоморфная скульптура в мире, аналогов которой нет в археологических материалах других эпох. Огромный размер, уникальный декор и структурированность изображений явно предполагают множественность его семантических текстов, в одном из которых, возможно, отражена мифологическая картина мира мезолитического населения Зауралья [31].

Примерно к этому же времени относится зооморфное навершие в виде головы рычащего волка (по С. Н. Савченко), мастерски выполненное из рога лося в технике объемного резания, гравировки, шлифовки и полировки.

Происхождение мезолита Зауралья

Как основу мезолитических комплексов Зауралья В. Т. Петрин рассматривал материалы со стоянки Черноозерье II. Каменные изделия из всех горизонтов стоянки Черноозерье II сходны по материалу, типологии и технологии изготовления. Коллекция костяного инвентаря включает: 1) вкладышевые кинжалы или наконечники копий, ножи; 2) предметы хозяйственного назначения; 3) украшения; 4) изделия неясного назначения. Сочетание искусной обработки кости и микролитической вкладышевой техники позволяло получать весьма совершенные орудия — кинжалы, наконечники копий и ножей. В целом костяная индустрия обитателей Черноозерской стоянки была необходимым и существенным элементом, тесно связанным с потребностями и условиями ведения охотничьего хозяйства на равнинах Западной Сибири. Таким образом, материалы со стоянки Черноозерье II являются своего рода «эталонном» археологической действительности, фиксирующим пример жизнедеятельности охотничье-рыболовецкого населения в финальном палеолите. Комплексы, подобные Черноозерью II, предшествовали индустриям голоцена с господствующим положением микропластин (Черноозерье VIa, Сухрино, Ташково VI, Выйка I, Убаган, Берчикуль и др.) [25].

Вывод В. Т. Петрина в полной мере можно отнести и к проблеме происхождения мезолита Южного Зауралья. Радиоуглеродные даты Черноозерья II, пещер Каповая, Игнatieвская и Кульюрт-Тамак близки. В составе инвентаря из Каповой пещеры присутствуют микропластины, пластины с обработанным торцом, микропластины с притупленным краем, концевые скребки. В Кульюрт-Тамаке зафиксирована микропластинчатая техника расщепления, пластинки с ретушью, угловые резцы, пластинки с обработанным торцом. В. Т. Петриным отмечено «сходство инвентаря из Каповой пещеры с каменными изделиями из Игнatieвской пещеры... по исходному сырью и по наличию пластинок с притупленным краем и ретушированных пластинок. Определенное сходство есть и с материалами из грота Зотинский» [26]. Таким образом, общая территория, единое сырье, наличие одинаковых

типов изделий в палеолите и мезолите позволяют считать указанные комплексы верхнего палеолита Южного Урала исходными для автохтонного генезиса зауральского мезолита.

На стоянке Шикаевка II зафиксированы геометрические изделия из пластин — трапеции и треугольники асимметричной формы, несколько отличающиеся от трапеций и треугольников из мезолитических памятников Южного Зауралья. Однако они изготовлены из южноуральской яшмы и вполне могли являться прототипами мезолитических форм. Это обстоятельство позволяет предполагать самостоятельное возникновение геометрических форм в Зауралье в эпоху мезолита.

Список литературы

1. Бадер О. Н. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое Озеро I // Материалы и исследования по археологии. 1951. № 22. С. 14–32.
2. Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. М.: Наука, 1968. 178 с.
3. Гирия Е. Ю., Нехорошев П. Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // Рос. археология. 1993. № 4. С. 5–24.
4. Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.
5. Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994. 288 с.
6. Жилин М. Г. и др. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. М., 2012. 167 с.
7. Жилин М. Г., Косинская Л. Л., Савченко С. Н. Рубящие орудия из камня в мезолите Среднего Зауралья (по материалам стоянок Горбуновского торфяника) // Stratum plus. 2017. №1. С. 271–290.
8. Жилин М. Г., Савченко С. Н. Многослойные мезолитические стоянки Горбуновского торфяника // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани: в 2 т. Т. 1. Казань: Отечество, 2014. С. 255–259.
9. Жилин М. Г., Савченко С. Н. Первый многослойный торфяниковый памятник мезолита в Зауралье // III Северный археологический конгресс: тез. докл. Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2010. 374 с.
10. Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // Совет. археология. 1981. № 3. С. 107–129.
11. Зыкин В. С., Зыкина В. С., Орлова Л. А. Стратиграфия и основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 3–22.
12. Котов В. Г. Мезолит // История башкирского народа: в 7 т. Т. 1. М.: Наука, 2009. С. 54–63.
13. Крижевская Л. Я. Мезолитическое поселение Ташково IV и некоторые общие вопросы мезолита Урала // Вопр. археологии Урала. 1991. № 20. С. 30–45.
14. Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1999. С. 66–103.
15. Ластовский А. А. Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.
16. Логвин В. Н. Новый памятник каменного века Кустанайской области // Совет. археология. 1977. № 4. С. 270–275.
17. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.
- 17а. Митрошин Е. Н. История изучения мезолита Пермского Прикамья // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. 13. Пермь, 2017. С. 4–9.
18. Мосин В. С. Мезолитические стоянки лесостепного Зауралья // Вестн. Перм. ун-та. 2012. История. Вып. 1 (18). С. 50–66.
19. Петрин В. Т. Об истоках западносибирских микро-индустриальных комплексов раннего голоцена // Северный археологический конгресс: тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. С. 245–246.
20. Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 204 с.
21. Петрин В. Т., Нохрина Т. И., Шорин А. Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск: Наука, 1993. 211 с.
22. Савченко С. Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // Stratum plus. 2014. №1. С. 181–208.
23. Савченко С. Н., Лилли М., Жилин М. Г. Новые AMS-даты предметов вооружения из кости и рога Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 49–55.
24. Сериков Ю. Б. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // Рос. археология. 1992. № 4.
25. Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
26. Старков В. Ф. Мезолит Среднего Приуралья // Мезолит СССР. М., 1989. С. 125–129.
27. Стоянов В. Е., Крижевская Л. Я., Старков В. Ф. Мезолитическая стоянка Сухрино I на Исети // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 72–84.
28. Усачева И. В. Мезолитический памятник на Андреевском озере // Охранные археологические исследования на Среднем Урале: сб. ст. Вып. 3. Екатеринбург, 1999. С. 22–29.
29. Хотинский К. А., Немкова В. К., Сурова Т. Г. Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск: УрГУ, 1982. С. 145–153.
30. Чаиркин С. Е., Жилин М. Г. Мезолитические памятники из пещерных памятников лесного Зауралья // Каменный век лесной зоны Европы и Зауралья. М.: Академия, 2005. С. 252–273.
31. Чаиркина Н. М. Большой Шигирский идол // Урал. ист. вестн. 2013. № 4 (41). С. 103–108.
32. Zaretskaya N.E. et al. Radiocarbon chronology of the Shigir and Gorbunovo archaeological bog sites, Middle Urals, Russia // Proceedings of the 6th International Radiocarbon and Archaeology Symposium "Radiocarbon". 2012. Vol. 54, No. 3–4. Pp. 783–794.

Озеро Большие Аллаки.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

1
ТОМ
глава
4

ОХОТНИКИ
И РЫБОЛОВЫ.
НЕОЛИТ.
ЭНЕОЛИТ

Глава 4. **ОХОТНИКИ И РЫБОЛОВЫ. НЕОЛИТ. ЭНЕОЛИТ**

Климатический оптимум голоцена

Следующий за мезолитом отрезок истории позднего каменного века делится на два периода в археологической периодизации — неолит (новый каменный век и энеолит (медно-каменный век)). Несмотря на разделение в периодизации на два периода, или даже на две эпохи, это время становления и расцвета общества охотников и рыболовов, время, когда люди жили не по законам, установленным кем-то сверху, а следуя исключительно традициям, свойственным своему роду и своей общине. В это время древние люди окончательно заселили все пространство Урала — от горной тайги до сухих степей, на сегодняшний день археологам известны остатки тысяч стоянок и поселений этого времени. Становление и дальнейшее развитие основных черт материальной культуры в неолитический период эпохи камня (вторая половина VII — V тысячелетие до н. э.), которое сегодня принято обозначать термином «неолитизация», — это сложный процесс, сочетающий различные факторы материального мира: изменения природного окружения, развитие техники и технологии. В материальной культуре конкретных человеческих коллективов этот процесс отражается, с одной стороны, как стремление к сохранению существующих традиций, поскольку они являются основой

стабильности, с другой стороны — как необходимость выработки и принятия новых элементов материальной культуры и, соответственно, формирования новых традиций. Не в последнюю очередь это связано с уникальными природными условиями геологического периода, который называется атлантическим, или атлантиком.

Продолжавшееся потепление в течение атлантического периода, начало которого разные исследователи относят ко времени около 8000–7500 лет назад, привело в середине периода к климатическому оптимуму — наиболее благоприятному сочетанию тепла и влаги. В это время окончательно сформировались природно-ландшафтные зоны Урала и установились границы, близкие современным ландшафтным зонам. Окончательное исчезновение остаточных ледников в Скандинавии привело к установлению господства западного направления влажных ветров из Атлантики на восток, причем более интенсивного, чем в предшествующий и последующий периоды. В то же время в первой половине атлантического периода отмечались отдельные фазы похолоданий и потеплений, сопровождавшиеся увлажнениями и иссушениями (аридизацией) климата. Ведущую роль в формировании ландшафтов играли такие климатические факторы, как повышение температуры летнего периода и уменьшение суровости зимы. Увеличение продолжительности и температуры безморозного периода привело к полному исчезновению на Урале ледников. Сомкнулись еловые леса западного

и восточного склонов Полярного Урала, а широколиственные леса из южных районов Урала продвинулись далеко к северу. В конце атлантического периода произошел максимальный расцвет темнохвойных и широколиственных лесов. В Зауралье вяз, липа, дуб и орешник достигали примерно широты Нижнего Тагила, а в Предуралье — еще более северных районов.

На Южном Урале граница между лесом и степью, перемещавшаяся в предшествовавшие этапы последнедевья к югу, достигла в атлантическом периоде положения, близкого к современному, и в дальнейшем оставалась более или менее стабильной. Общей особенностью всего атлантического периода в этой части Урала является значительное присутствие широколиственных пород — вяза, дуба, липы, а также лещины. В самом конце атлантического периода отмечалось некоторое расширение степных пространств в лесостепных районах и незначительное остепнение самой южной окраины лесной зоны.

В зоне основных хребтов Урала это время отмечался расцвет темнохвойных и широколиственных лесов из сосны, ели и березы с участием вяза, липы, дуба, лещина, реже — граба и клена. В предгорьях преобладали кедровые леса с участием ели

и широколиственных пород. В Зауралье в первую половину атлантика преобладали березово-сосновые леса с примесью ели, лиственницы, кедра сибирского. Примесь широколиственных пород постепенно увеличивалась. Вторая половина была представлена смешанными сосново-березовыми лесами с примесью ели, пихты, сибирского кедра и наибольшим участием широколиственных видов, в том числе граба, отсутствующего на Урале в настоящее время.

В Западной Сибири зона лесов также существенно расширилась за счет продвижения лесов на 300–350 км, на территорию современной тундры. Северный предел лесной растительности образовывали елово-лиственнично-березовые редколесья (лесотундра), которые занимали южную половину полуострова Ямал и районы, прилегающие к Тазовской губе. Южнее, почти до Сибирских Увалов, распространились еловые леса северотаежного типа с участками сосновых и березовых лесов. К югу от Сибирских Увалов, занятых сосновыми лесами, располагалась полоса кедрово-еловых среднетаежных лесов с участием березы. Южнее 60° с. ш. прослеживалась полоса темнохвойных лесов, которые относятся к южной тайге, так как в их составе помимо перечисленных выше пород отмечалось

Географические зоны голоцена

значительное количество пихты. На юге Западной Сибири в течение атлантика происходило чередование степных ландшафтов и березово-сосновых лесов и лесостепей.

В Среднем Зауралье на рубеже атлантика и начального периода суббореала произрастали елово-кедрово-сосновые леса с лиственницей южнотаежного или подтаежного облика и были умеренно влажные и теплые климатические условия. Затем климат изменился в сторону уменьшения влажности и теплообеспеченности, повсеместного усыхания и заторфовывания водоемов. На территории Притоболья и на юге Западной Сибири начало суббореального времени также было связано с умеренным похолоданием и увлажнением. В долинах распространились березовые леса, часто с ольхой. В целом господствовали ландшафты лесостепного типа, отмечалось продвижение на юг лесной растительности — кедра, сосны, ели.

Суббореальный период в Южном Зауралье характеризуется наиболее сложным, скоротечным и контрастным изменением ландшафтов. Отчетливо выделяются три продолжительных этапа, а также несколько более мелких интервалов, когда происходили коренные перестройки в ландшафтной зональности территории. Начальный этап суббореала — это период глобального похолодания продолжительностью около 500 лет, который вызвал серьезные изменения в палеоландшафтах, сформировавшихся в атлантический период. На юге региона появились леса с сосной и елью, а также луговое разнотравье и злаки. Данный интервал можно охарактеризовать как первое и самое значительное проникновение к югу темнохвойных лесов в голоцене, обусловленное усилением влияния воздушных масс сибирского антициклона.

Средний этап суббореала связан с экстремальным потеплением около 4100–3800 лет назад, что способствовало расширению в южных районах зоны пустынь. В Южном Зауралье в растительности стала доминировать полупустынная кустарничковая растительность. Подобная очень быстрая смена лесостепных ландшафтов на полупустынные может рассматриваться как катастрофическое природное явление. Немаловажным фактом является также нахождение среди костных остатков жи-

вотных фрагментов челюсти верблюда, существование которого, по-видимому, можно связать во временном плане с рассматриваемым этапом суббореала. Схожие процессы аридизации отмечены и на материалах из торфяников Среднего Зауралья, где на начало суббореала, по-видимому, пришелся своеобразный переломный период. Увеличение сухости климата привело к обмелению и заболачиванию водоемов, ставшему в большинстве случаев необратимым процессом. В результате водоемы превращались в торфяные болота, что приводило к коренной перестройке состава растительности. В конечном счете эти процессы обусловили завершение эпохи камня не только на чувствительном к изменениям климата Южном Урале, но и в лесном, более стабильном климатически Среднем Урале [1; 24; 39; 51–53; 62].

История изучения неолита и энеолита Зауралья

История изучения неолита и энеолита Зауралья насчитывает уже около 150 лет, хронология и результаты этих исследований уже неоднократно публиковались в различных монографиях и статьях [23; 28; 59; 61; 63; 68].

На Южном Урале с конца 1950-х годов регулярные работы по изучению неолита проводила экспедиция Института археологии Академии наук СССР под руководством Л. Я. Крижевской.

Раскопками были исследованы стоянки Усть-Юрюзанская, Усть-Айская, Черкасская и Айдоская в Предуралье; стоянка Чебаркуль II на озере Чебаркуль, Учалинская и Карагайлы I на одноименных озерах в лесостепной части Зауральской Башкирии, стоянки Кораблик, Няшевка IV на озере Миассово; заново осмыслены артефакты из раскопок Н. П. Кипарисовой [34–36]. Основные выводы по исследованным памятникам изложены в монографии «Неолит Южного Урала». Необходимо отметить, что на сегодняшний день уже нет того понимания историко-культурного единства региона Южного Урала, какое было присуще взглядам Л. Я. Крижевской, а еще раньше — К. В. Сальникову. Сегодня мы понимаем неолит Урала в трех

Ли́я Яковлевна Крижевская (30.05.1916 — 27.04.1995) — ведущий исследователь в области изучения археологических культур позднего каменного века Урала. Родилась в Петрограде в семье врачей. В 1933–1938 годах студентка исторического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ). С марта 1936 по май 1937 года она уже работала по договору научно-техническим сотрудником Государственной академии истории материальной культуры. Сразу после получения диплома в июне 1938 года была принята научно-техническим секретарем в сектор палеолита и неолита Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра и получила направление в заочную аспирантуру. В мае 1939 года ее научным руководителем был назначен П. П. Ефименко — ученик Ф. К. Волкова, который, в свою очередь, был учеником и соратником Г. де Мортилье. Обучение было прервано в июле 1941 года в связи с эвакуацией в Куйбышев, где Ли́я Яковлевна работала следователем прокуратуры. Вернувшись в Ленинград в декабре 1944 года, она восстановилась в аспирантуре и начала работать над своей диссертацией под руководством П. П. Ефименко. 20 июня 1950 года в ЛГУ состоялась успешная защита кандидатской диссертации по теме

«Неолитические памятники Валдайского Приозерья». Встреча с О. Н. Бадером в 1951 году на раскопках камской стоянки Боровое озеро I привела к решению резко сменить проблематику и начать практически с чистого листа изучение позднего каменного века Южного Урала. Результатом этой четвертьвековой самоотверженной и плодотворной деятельности стали десятки раскопанных, нередко в труднодоступной местности, памятников: Усть-Юрюзанская, Усть-Айская, Чебаркуль II, Латочка, Кораблик и др. Две монографии — «Неолит Южного Урала» (1968) и «Раннебронзовое время в Южном Зауралье» (1977), — сохранившие свое научное значение до настоящего времени, стали настольными книгами специалистов-археологов. Среди учеников Ли́и Яковлевны В. А. Бузин, А. А. Выборнов, Е. Ю. Гиря, Т. М. Гусенцова, В. И. Зайтов, И. В. Калинина, Л. Л. Косинская, В. С. Мосин, Г. В. Силицына, Е. А. Устинова.

Основные труды:

Крижевская Л. Я. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 13. М.; Л., 1950.

Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала. Л.: Наука, 1968. 183 с.

Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 287 с.

Крижевская Л. Я. 40 лет изучения каменного века на Урале: итоги и перспективы // Совет. археология. 1990. № 2. С. 5–17.

Крижевская Л. Я. К вопросу о раннем неолите Урала и его генезисе // Археолог. вести. 1999. № 6. С. 491–409.

соседствующих и, безусловно, имевших разнонаправленные связи социокультурных пространствах — Зауральском, Волго-Уральском и Камском. Поселения Усть-Юрюзанское и Усть-Айское, стоянки Черкасовская и Айдосская в Южном Предуралье расположены в контактной зоне зауральских и камских традиций, что проявилось в своеобразии материальной культуры и было прозорливо отмечено Л. Я. Крижевской.

Конечно, за прошедшие более чем полвека многое изменилось, и прежде всего понимание исторической части археологии. Кардинальные изменения коснулись ранее основных понятий археологии «археологическая культура», «этнокультурная общность», а также вопросов периодизации и хронологии. Ко времени написания книги на Южном Урале было исследовано 19 неолитических памятников: 15 — в зауральской части, 4 — в предуральской. Главными источниками для анализа послужили материалы с поселений Чебаркуль I и II, со стоянок Учалинское и Карагайлы 1, Абсеямовская. К настоящему времени источниковая база увеличилась в несколько раз: в Южном Зауралье неолитические материалы представлены на 43 стоянках, причем на 33 стоянках производились раскопки, на 10 стоянках произведен сбор артефактов с поверхности. Памятники расположены во всех природно-

Книга «Неолит Южного Урала»

ландшафтных зонах, представленных в регионе: степной, лесостепной и лесной.

Причинами, обусловившими своеобразие южноуральского неолита, по мнению Л. Я. Крижевской, являлись, во-первых, зарождение его на местной мезолитической основе и дальнейшее развитие под влиянием юга, а во-вторых, своеобразие форм хозяйства, обусловленное месторасположением в лесостепи. Лия Яковлевна считала, что в широком круге родственных культур южноуральский неолит ближе всего казахстанскому. Это сходство позволило ей говорить об южноуральско-казахстанской этнокультурной общности, которую она делила на восточноказахстанскую, западноказахстанскую, западносибирскую лесостепную и собственно южноуральскую. Датировка была произведена на основании радиоуглеродных дат для материалов с других территорий, и неолит был ограничен временем с середины IV до рубежа III и II тысячелетий до н. э. Периодизация выстраивалась по традиционной тогда схеме: ранний, развитый, поздний неолит. И все же, несмотря на полное отсутствие данных для хронологии и периодизации, Лия Яковлевна отнесла к раннему неолиту отступающе-накольчатую и прочерченную керамику, что подтвердилось впоследствии.

Какие же выводы спустя много лет остаются неизменными? Несмотря на увеличение количества изученных памятников, не изменились представления о топографии объектов. На озерах это мысы, выдающиеся в водоем; ровные площадки берега, приуроченные к протокам и речкам, соединяющим рядом расположенные озера, и прикрытые скалистыми грядами; площадки в седловинах между двумя возвышенностями. На реках — ровные участки террас или мысы при слиянии основной реки и ее притоков. В качестве жилищ использовались естественные углубления в скальном основании: в них фиксируются утолщения культурного слоя, остатки очагов, скопления кремневого инвентаря и керамики. Не изменились и предложенные характеристики материальной культуры. Основу кремневого комплекса составляют изделия пластинчатой индустрии. Пластинки в основном некрупные, в сечении удлиненные. Наиболее характерный прием вторичной обработки — краевая ретушь. Единый ком-

плекс составляют орудия на пластинках и отщепах. Среди пластинчатых орудий наряду с основным набором типов орудий предшествующего мезолитического времени появляются новые: например, сверла, пилки, наконечники на пластинах и др. Керамические комплексы представлены сосудами с прочерченным, прочерченно-гребенчатым, гребенчатым и, частично, отступающе-накольчатым орнаментом.

Остались незыблемыми тезисы о том, что культурогенез неолита Южного Урала, как и всего Зауралья, происходил на местной мезолитической основе. Это подтверждается сохранением в неолите целого ряда мезолитических форм каменных орудий, а также сходством некоторых черт неолита Зауралья и Приаралья.

Не повторяя уже давно известные факты, необходимо все-таки заострить внимание на некоторых проблемах изучения позднего каменного века всего Зауралья. Прежде всего это еще сохраняющееся представление о том, что Среднее и Южное Зауралье в конце каменного века — это отдельные территории с населением с разными, хотя и близкими культурами. Психологическим препятствием к целостному рассмотрению историко-культурного развития региона как единого жизненного пространства служит его современное деление на Южный и Средний Урал. В реальности за географические рубежи можно принять южные отроги основных хребтов и понижение рельефа в широтном течении реки Урал на юге и начало хребтов Северного Урала севернее Нижнего Тагила. Жизненным пространством неолитического и энеолитического населения восточного склона Урала было сочетание горнолесной зоны, холмисто-увалистой лесостепи и частично северной степи.

На протяжении 1960–80-х годов применялась трехчленная периодизация неолита Зауралья, разработанная В. Н. Чернецовым, О. Н. Бадером и В. Ф. Старковым [3; 59; 64].

Поскольку радиоуглеродных дат почти не было, основанием для деления на этапы служили представления ученых об эволюции морфологии, техники декорирования и стилистики декора керамической посуды: от прочерченной и отступающе-накольчатой к прочерченно-

Валерий Николаевич Чернецов (17.03.1905 — 29.03.1970) — этнограф и археолог, специалист по угорским народам. Родился в Москве. В 1925–1930 годах принимал участие в этнографических исследованиях по заданию Комитета Севера ВЦИК СССР в Остяцко-Вогульском национальном округе, соединяя эту работу с занятиями на этнографическом отделении Ленинградского государственного университета. С 1930 года являлся сотрудником Института народов Севера. С 1935 года был старшим

научным сотрудником и заведующим отделом Сибири в Институте этнографии; в 1940 году перешел в московское отделение Института истории материальной культуры (позднее Институт археологии Академии наук СССР), где и проработал до конца жизни.

Все его работы характеризуются не только знанием конкретного исторического материала, но и точной методикой исследования. Он неоднократно выступал по вопросам методики этногенетических исследований — области, в которой считался общепризнанным авторитетом. Для работ В. Н. Чернецова характерна широта привлекаемого материала, который давал ему возможность рассматривать все явления не в узких рамках, а на широком историческом фоне, что, в частности, позволило ему правильно решать вопросы этногенеза. Уже в одной из своих ранних работ «Очерк этногенеза обских угров», опубликованной в 1941 году, разбирая матери-

алы от позднего неолита до Средневековья, в том числе касающиеся важнейшего памятника нашего севера, Усть-Полуя, он пришел к хорошо обоснованным выводам, которые подтвердились всеми последующими работами.

Большой этап в изучении угорских народов был завершен его кандидатской диссертацией «Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X века». Весьма значителен вклад Валерия Николаевича в разработку систематики археологических культур севера Сибири. Это позволило ему осуществить периодизацию памятников Нижнего Приобья, начиная с неолита и заканчивая XIII веком. При анализе археологического материала исследователь все время обращался к этнографическим данным, помогавшим ему не только разобраться в назначении вещей, но и воссоздать исторические и этнические процессы. Много лет своей жизни он отдал изучению интересного и важного для

понимания исторического процесса материала — наскальным изображениям Урала. Это капитальное исследование было подготовлено Валерием Николаевичем в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Основные труды, посвященные археологии Урала:

Чернецов В. П. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 35. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 7–71.

Чернецов В. П. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 41–53.

Чернецов В. П. Наскальные изображения Урала. Вып. 2. М., 1971.

Чернецов В. П. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

гребенчатой и гребенчатой. Ранний неолит ассоциировался у исследователей с керамикой, декорированной волнисто-накольчатый орнаментом, происходившей в основном с памятников козловского этапа, средний или развитой неолит полуденского этапа — с посудой, украшенной волнисто-гребенчатым орнаментом, к позднему этапу неолита исследователи бесспорно относили гребенчатые комплексы сосновоостровского типа (объяснение происхождения названий всех этапов, археологических культур и культурных традиций будет дано ниже).

Весьма оригинальную по тем временам концепцию зауральского неолита во второй половине 1980-х годов предложила В. Т. Ковалева.

Отмечая своеобразие кошкинских и козловских керамических комплексов, она рассмотрела материалы с точки зрения двух различных, парал-

лельных культурных традиций. В таком варианте козловская и полуденковская культуры представляли автохтонную линию развития, а линию с участием мигрантов с юга — кошкинская и боборыкинская культуры. Неолит делился на две стадии: ранний этап, представленный памятниками с прочерченно-накольчатой техникой декорирования посуды (козловская и кошкинская культуры), и поздний этап (полуденковская и боборыкинская). Сосновоостровские памятники, ранее относимые к позднему неолиту, были датированы энеолитом [30]. Позднее концепция была более тщательно проработана и уточнена. Миграцию носителей кошкинской традиции В. Т. Ковалева и С. Ю. Зырянова связали с орловским, каиршакским и джангарским населением Нижнего Поволжья и Прикаспия. Было подчеркнуто, что кошкинская и боборыкинская традиции абсолютно не связаны между собой, и появление боборыкинского

Валентина Трофимовна Ковалева — кандидат исторических наук, доцент. Известный советский и российский археолог. Многие годы работает в Уральском государственном университете (ныне УрФУ). Главные научные интересы связаны с изучением неолита Зауралья. Валентиной Трофимовной были исследованы такие опорные неолитические памятники, как Козлов Мыс I, Ташково I, Боборыкино II, стоянки на Андреевском озере и многие другие. Многолетний редактор сборника статей «Вопросы археологии Урала».

Основные публикации:
Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск : УрГУ, 1989. 80 с.
Ковалева В. Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995. 62 с.
Ковалева В. Т., Чаиркина Н. М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // *Вопр. археологии Урала*. Вып. 20. 1991. С. 43–54.
Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и обзор основных памятников кошквинской культуры Среднего Зауралья // *Вопр. археологии Урала*. Вып. 25. Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2008. С. 3–113.

Вадим Федорович Старков (р. 22.02.1936, г. Нижние Серги Свердловской области) — археолог, кандидат исторических наук. После восьмого класса поступил в Нижнетагильский горно-металлургический техникум, который окончил в 1955 году. В 1955–1958 годах служил в армии. В 1958 году поступил на исторический факультет МГУ, который окончил в 1963 году по специальности «Археология». В 1967–1970 годах учился в аспирантуре на кафедре археологии МГУ. С 1970 года работает в Институте археологии РАН. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Поздний неолит лесного Зауралья». Научным руководителем В. Ф. Старкова был Отто Николаевич Бадер, о котором у Вадима Федоровича сохранились самые теплые воспоминания. Материалы диссертации нашли отражение в монографии «Мезолит и неолит лесного Зауралья», опубликованной в 1980 году. В начале 1970-х годов В. Ф. Старков впервые сталкивается с позднесредневековой арктической археологией: он принимает активное участие в раскопках Мангазеи. Результаты исследований нашли отражение в двухтомной коллективной монографии «Мангазея: материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев

XVI–XVII вв.» (соавторы М. И. Белов и О. В. Овсянников). Опыт и наработанная методика ведения археологических работ в условиях вечной мерзлоты в дальнейшем пригодилась при исследованиях памятников архипелага Шпицберген. Первая археологическая экспедиция Института археологии РАН на Шпицберген состоялась в 1978 году. С тех пор работы на архипелаге под руководством Вадима Федоровича не прерывались ни на один сезон. В течение почти тридцати лет члены экспедиции в основном пешком обследовали сотни, если не тысячи, километров прибрежной территории островов Западный Шпицберген, Эдж, Принца Карла, Медвежий, Надежда, Полумесяца и ряд мелких островов на юге архипелага. Большая часть этих маршрутов пройдена В. Ф. Старковым, который в долгих и сложных походах ни в чем не уступал более молодым коллегам. В ходе этих нелегких маршрутов открыты, а впоследствии и исследованы десятки поморских памятников. В результате вскрыт новый, практически не известный ранее пласт поморской промысловой культуры. В 1987 году В. Ф. Старков защитил докторскую диссертацию по теме «Освоение Шпицбергена и общие проблемы русского арктического мореплавания», в целом посвященную проблеме освоения русскими людьми Арктики в XVI–XVIII веках.

населения в Зауралье — это результат миграций из Северной Месопотамии и Кавказа [31].

Практически параллельно свою оригинальную концепцию развития неолита Тоболо-Ишимья (по сути, речь идет о всей территории Зауралья, поскольку активно использованы все зауральские материалы) предложил В. А. Зах [23].

Основные труды:
Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.
Старков В. Ф., Белов М. И., Овсянников О. В. Мангазея: Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л. : Гидрометеоиздат, 1980.
Старков В. Ф., Белов М. И., Овсянников О. В. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. : в 2 ч. Ч. 2. Л. : Наука, 1980.
Старков В. Ф. Очерки истории освоения Арктики : в 2 т. Т. 1: Шпицберген. М., 1998.
Старков В. Ф. Очерки истории освоения Арктики : в 2 т. Т. 2: Россия и Северо-восточный проход. М., 2001.
Старков В. Ф. и др. Русские морские экспедиции XVIII века. М., 2001.
Старков В. Ф., Черношвилов П. Ю., Дубровин Г. Е. Материальная культура русских поморов (по данным исследований на архипелаге Шпицберген). Вып. 1: Остатки судов. М., 2002.
Старков В. Ф. и др. Исторические памятники Второй камчатской экспедиции. М., 2002.
Старков В. Ф., Державин В. Л. Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). М., 2004.
Старков В. Ф. и др. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. Вып. 2: Поселения и погребения. М., 2005.

Виктор Алексеевич Зах (р. 26.06.1954, г. Александровск Александровского района Томской области) — российский археолог, доктор исторических наук, заведующий лабораторией археологии Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН. В 1977 году окончил исторический факультет Новосибирского государственного педагогического института. В 1990 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Неолит и бронзовый век Присалаирья», в 2006 году — докторскую. Занимается изучением каменного и бронзового веков Западной Сибири.

По его мнению, ранний неолит региона представлен комплексами боборыкинской культуры, делившейся на два этапа — боборыкинский и кошкинский, датирующиеся VI — первой половиной V тысячелетия до н. э. (некалиброванные значения). Формирование как отступающе-прочерченной орнаментальной традиции, представленной боборыкинской культурой, так и ранней гребенчатой автор связывает с миграцией из районов Прикаспия и Приаралья в горно-лесное Зауралье, лесостепное Приишимье, Прииртышье и далее в Барабу населения, у которого аборигены перенимали навыки изготовления посуды. Первый период позднего неолита в Притоболье — со второй половины V по первую треть IV тысячелетия до н. э. — представлен полуденковской культурой с козловским и полу-

Основные работы:

Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Иртышья. Новосибирск : Наука, 2009. 320 с.

Зах В. А., Рябогина Н. Е. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4. С. 85–100.

Зах В. А. Орнаментальные традиции в Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 6. Тюмень, 2005. С. 4–11.

Зах В. А., Скочина С. Н., Пархимович С. Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 6. Тюмень, 2005. С. 24–41.

Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.

Зах В. А., Еньшин Д. Н. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2015. Т. 6, № 2 (62). С. 34–43.

денковским этапами. При этом козловские керамические комплексы являются переходными между кошкинскими и полуденскими. В Приишимье в этот период формируется кокуйская культура, керамический комплекс которой представлен круглодонными сосудами с отступающе-гребенчаточным орнаментом. Во второй период позднего неолита — со второй до последней трети IV тысячелетия до н. э. — на смену полуденковской культуре приходит сосновоостровская с посудой, орнаментированной в гребенчатой традиции. В Приишимье продолжает развиваться кокуйская культура.

Считаю необходимым сделать замечание по поводу обеих вышеупомянутых концепций раннего неолита: неоднократное обращение непосредственно к керамическим коллекциям с Нижней Волги, из Прикаспия и того же Ракушечного Яра позволяют сделать заключение, что ни кошкинская, ни боборыкинская, ни тем более гребенчатая посуда никакого отношения к технологии и стилю декора керамики из Прикаспия, с Нижней Волги и Кавказа не имеют.

Таким образом, в первом десятилетии XXI века в изучении неолита интересующих нас регионов сложилась следующая ситуация. В Зауралье (восточные склоны Урала и Притоболье) к раннему неолиту отнесены кошкинские и козловские (кокшаровско-юринские, евстюнихские) комплексы, к позднему неолиту — полуденские и боборыкинские комплексы (по В. Т. Ковалевой); либо к раннему — боборыкинские и кошкинские, а к позднему — козловские, полуденские и сосновоостровские (по В. А. Заху). По сути, это означает полный отказ от предшествующих трехчленных периодизаций и перенос материалов, ранее относимых к развитому неолиту, в поздний. Собственно гребенчатая традиция декорирования посуды стала рассматриваться как компонент самого позднего (финального) неолита или же часть энеолита. Обе концепции основывались на порой противоречивых стратиграфических ситуациях и единичных (иногда тоже противоречивых) радиоуглеродных датах. Создавшееся положение в изучении неолита Зауралья можно обозначить как проблемную ситуацию, разрешение которой требует дальнейших

полевых, аналитических и естественно-научных исследований.

Изучение энеолита Зауралья и прилегающих районов западносибирской лесостепи имеет обширную историографию [23; 33; 37; 45; 49; 63; 68], поэтому история изучения и формирования основных научных концепций не нуждается в подробном анализе. Итогом указанных исследований было выделение целого ряда археологических культур и культурно-исторических общностей. В Зауралье были выделены кысыкульская, суртандинская, липчинская, аятская, шувакишская культуры; в Притоболье и Тоболо-Ишимье — шапкульская, байрыкская, лыбаевская; в Северном Казахстане — ботайская и терсекская; в Прииртышье — екатерининская и александровская. Обозначенные археологические культуры в дальнейшем были объединены в культурно-исторические общности: для Зауралья, Притоболья и Северного Казахстана — в Урало-Иртышскую, Южноуральско-Североказахстанскую, Зауральско-Североказахстанскую, Зауральско-Казахстанскую, Зауральскую общности энеолитических культур геометрической керамики; для Тоболо-Ишимья и Прииртышья — в гребенчато-ямочную общность эпохи раннего металла. Помимо этого было выделено несколько культурных — орнаментальных традиций, которые исследователи связывали с этнокультурными общностями: гребенчатая, гребенчато-ямочная, отступающе-накольчатая. Основными проблемами в изучении энеолита Зауралья остаются подробная хронология и невозможность пока разделить весь период на какие-либо этапы, а также культурная идентификация целого ряда памятников, которые разные исследователи относят к различным археологическим культурам.

Неолит Зауралья

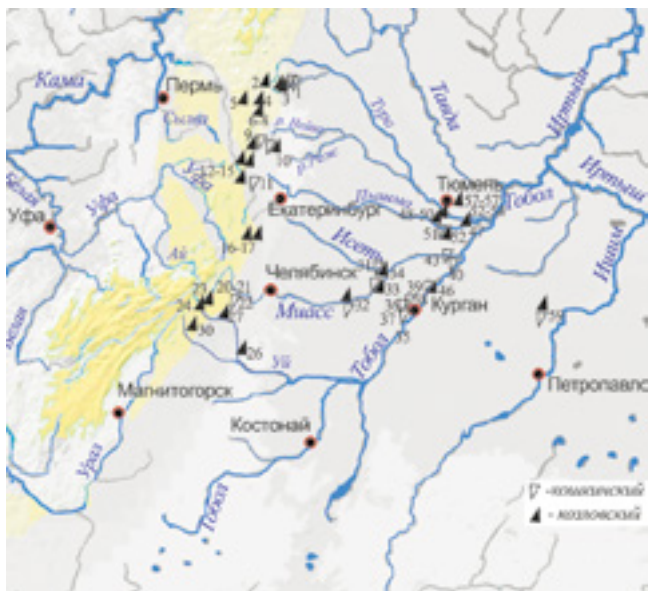
Основной маркер неолитического периода для территории Северной Евразии — это керамическая посуда, которая является инновацией, но включенная в материальную культуру, уже не может не нести в себе часть ранее существовавших традиций конкретного социума. Керамика представляется наиболее очевидной и яркой чертой неолитического времени, орнаментация ее способна донести до нас образы, отражающие часть существовавших в тех или иных социумах традиций, которые люди воплощали в изобразительном искусстве. Керамические комплексы позволяют четче отграничивать ареалы жизнедеятельности отдельных сообществ. При этом необходимо иметь в виду, что в рамках системы жизнеобеспечения керамическая посуда имеет в определенной степени второстепенную роль, поскольку не связана со сферой производства, а задействована исключительно в сфере потребления, в основном в домашнем хозяйстве, являвшемся прерогативой женской части социума. Принимая во внимание преимущественную распространенность вирилокальных браков и, как следствие, постоянное перемещение женщин между различными, порой весьма отдаленными в пространстве коллективами, нужно признать значительную вариативность керамических комплексов относительно стабильной традиции в изготовлении каменного инвентаря, передающейся по мужской линии.

Изобретение в неолите посуды из обожженной глины (керамики) было одним из крупнейших событий в созидательной деятельности человека в эпоху камня. Она лучше всего сберегала продукты питания, в ней можно было варить пищу, и поэтому керамика решала важнейшие хозяйственные потребности. В начале неолита, около 7500 лет назад, сосуды были ручной лепки — круглодонные, остродонные, редко плоскодонные, украшенные узорами, выполненными прочерчиванием и наколами костяным орудием с округлым кончиком.

К настоящему времени в Зауралье в той или иной степени исследовано около 160 памятников эпохи неолита. Они расположены преимущественно в лесной и лесостепной зонах восточного склона

Вирилокальный брак (от лат. *vir* — муж) — установившееся в этнологии и социальной антропологии

наименование формы брачного поселения, при которой жена переходит на жительство в общину или дом мужа.

Карта памятников раннего неолита Зауралья: 1 — Кокшаровский холм; 2 — Уральские Зори 2; 3 — Юрьинская стоянка; 4 — стоянка Евстуниха; 5 — стоянка Стрелка; 6 — стоянка Береговая 2 торфяниковая; 7 — Варга; 28 — Шайдурихинское V; 59 — Исетское Правобережное I; 10 — Иткульская I;

11 — Абселямовская; 12 — Чебаркульские стоянки; 13 — Боборыкино II; 14 — Ташково I; 15 — Долговское 3; 16 — Кочегарово I; 17 — Кошкино V; 18 — Лисья Гора; 19 — Охотино; 20 — Усть-Суерка 4; 21 — Ново-Шадрино 1; 22 — Козлов Мыс 1; 23 — ЮАО 3, 5, 6, 12, 13а, 15, 16, 18; 24 — Дуванское V; 25 — Мергень 7

Урала и Притоболья. Однако практически белым пятном на карте неолита Зауралья остается пока большая часть берегов рек Тура, Ница, Пышма, Миасс, Уй, что отрицательно влияет на возможность анализа распространения той или иной традиции. Степная зона изучена крайне слабо (за исключением памятников маханджарской традиции в Костанайском Притоболье).

Ранний неолит Зауралья представлен материальными комплексами двух основных традиций — козловской и кошkinsкой. Памятники расположены в лесной, лесостепной и частично степной зонах восточного склона Урала и Притоболья. Поздний неолит Зауралья изучен также по двум основным культурным традициям — полуденской и боборыкинской.

К настоящему времени в той или иной мере исследовано более шестидесяти памятников, содержащих материалы (преимущественно керамику) раннего неолита козловской и кошkinsкой традиций. Представить более точную статистику исследованных памятников как раннего, так и позднего

неолита практически невозможно, поскольку далеко не все материалы, на которые опираются археологи в своих обобщениях, полностью опубликованы. Большая часть работ содержит описания или выборочных жилищных комплексов, или типологически выделенных комплексов керамики.

Большой проблемой остается относительная хронология комплексов раннего и позднего неолита. Так, из памятников, в которых встречены «чистые» комплексы козловской традиции в лесной зоне, пока можно назвать Уральские Зори II и часть жилищ Исетского Правобережного; в лесостепной зоне это нижние слои жилищ 4 и 6 поселения Ташково I, в степной зоне — Черников Брод I. Для кошkinsкой традиции это торфяниковая стоянка Береговая II в лесу, Кошкино V и нижний слой одного из жилищ Ташково III в лесостепи [21; 90]. Есть памятники, на которых зафиксировано совместное залегание керамики обеих традиций. В лесной зоне это Кокшаровский холм и Варга 2, где в нижнем слое встречена кошkinsкая и козловская керамика [20; 71]. В лесостепной зоне на поселении Мергень 6 вместе зафиксированы кошkinsкая и боборыкинская керамика, а на поселении Мергень 7 — козловская и полуденская [18]. Памятников с «прямой» стратиграфией, где культурные слои раннего неолита перекрывались бы «чистыми» слоями позднего неолита, почти нет. Имеющиеся материалы по относительной хронологии создают спорные ситуации, по сути — научные проблемы, которые не могут разрешиться уже много лет.

Но, несмотря на сложности в изучении неолита Зауралья, необходимо, тем не менее, привести описание основных памятников или отдельных комплексов, относящихся к различным традициям. Иначе представление о неолите региона будет далеко не полным. Не всегда возможно произвести однозначное разделение памятников раннего и позднего неолита. В последние годы было исследовано несколько поселений (например, Кочегарово I, Кедровый Мыс I, Мергень 7), в которых керамические комплексы включали керамику как раннего неолита козловской традиции, так и позднего неолита полуденской традиции. Вполне возможно, что эти комплексы являются «переходными» между двумя стадиями неолита. В настоящее время, судя

по технологическим, морфологическим и декоративным показателям, установлено, что козловская традиция раннего неолита и полуденская традиция позднего неолита генетически связаны и полуденская культурная традиция является продолжением козловской.

Ранний неолит. Козловская традиция

Козловская культурная традиция (название происходит от козловской фазы в периодизации неолита Зауралья по В. Н. Чернецову) представлена такими поселениями и стоянками, как Евстюниха I, Уральские Зори II, Шайдуринское V (жилище 3), Черников Брод I, Ташково I, Южный берег Андреевского озера XV, Дуван V и др., а также святилищем Кокшаровский холм.

В степной зоне памятников раннего неолита открыто и изучено крайне мало. Кроме того, есть одна особенность, характерная только для степных районов Зауралья: в культурных слоях неолита и энеолита встречается очень мало керамики, она сильно раздроблена, фрагментирована, плохой со-

хранности. По мнению геологов, это связано с геохимией местных почвенных слоев. По фрагментам керамики форма сосудов, как правило, не восстанавливается. В тесте обычно отмечают примеси песка и талька. Для большинства степных стоянок можно лишь констатировать, что в их культурных слоях присутствует керамика двух типов: волнисто-прочерченная и гребенчатая.

Стоянка **Черников Брод I** расположена на левом берегу старичного русла реки Малый Кизил (правый приток Урала), на расстоянии 4,5 км к юго-востоку от поселка Смеловского Агаповского района Челябинской области. Обнаружена в 1950 году разведочным отрядом Южно-Уральской археологической экспедиции под руководством К. В. Сальникова. Тогда же было проведено первое полевое обследование памятника, определена его хронологическая позиция. В 1972 году отрядом Магнитогорской археологической экспедиции под руководством Ю. Ф. Рыжова были произведены раскопки. Был вскрыт участок в 35 кв. м в юго-западной части стоянки. Полученные материалы дали возможность предполагать однослойность памятника и датировать его эпохой неолита. В 2003 году археологической экспедицией Южноуральского отдела

Вид со стоянки
Черников Брод I

Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИА УрО РАН) под руководством В. С. Мосина на стоянке проводились стационарные исследования.

Стоянка расположена на мысу, образованном с севера логом, с юга — естественным изгибом русла реки, представляющим собой остатки первой надпойменной террасы. Высота над урезом воды около 4,5 м. Площадка покрыта степным разнотравьем с фрагментами плоских выходов известняка. Раскоп общей площадью 63 кв. м был заложен в центральной части памятника на относительно ровной площадке. Культурный слой представлен темным гумусом, залегающим под незначительным слоем дерна, и перемешанными слоями различных цветовых оттенков, подстилающимися слегка прозоленным легким желто-белым суглинком. В качестве материка выступали монолиты скальных выходов, разборная скала и желто-красная материковая глина. Мощность культурного слоя на межжилищной территории составляет 30–45 см, в пределах жилищного котлована — до 70 см.

Очертания жилищного котлована зафиксированы в южной части раскопа. Жилище было сооружено в карстовой воронке и имело форму искривленного овала. Длина котлована составляла 6,6 м, ширина — 3,8 м, площадь — около 25 кв. м; ориентирован он по линии запад — восток, параллельно руслу реки. Котлован углублен в материк на 0,35–0,45 м, понижение в материк ступенчатое со всех сторон, кроме южной, где зафиксирован крутой спуск непосредственно от скального выхода, который одновременно является стеной жилища. Наиболее глубокая часть жилища — центральная. При сооружении котлована края скальных выходов подчищались от рухляка для придания стенам большей вертикальности. Особенно хорошо это фиксировалось в юго-восточной части постройки. Северо-западная стена жилища была сложена из средних и мелких необработанных камней, которые были уложены непосредственно на разборную скалу. Развал данной стены начал фиксироваться уже с самых верхних горизонтов. Искусственная кладка фиксировалась также вдоль восточной стенки выхода из жилища. Вдоль южной стены сооружения отмечены два канавообразных углубления в раз-

План и разрез жилища стоянки Черников Брод I

борной скале. Длина этих углублений 1,6 и 1,3 м, ширина — 0,2–0,25 м, глубина — 0,15–0,2 м. Жилище относится к типу полуземлянок. Конструкцию перекрытия можно реконструировать как шалашеобразную. Подобный вывод был сделан исходя из расположения столбовых ямок и канавок в южной стенке. В длинной северной стенке жилища был сооружен коридорообразный выход.

Коллекция стоянки включает 964 предмета, более 98 % которых — каменный инвентарь. Кроме того, имеется несколько фрагментов керамики и остеологических остатков. Стратиграфические исследования показали, что все категории инвентаря распределялись в слоях стоянки равномерно. Различные по ширине пластины и отщепы, а также орудия, изготовленные из них, залежали совместно по всей площади раскопа. В планиграфическом отношении наибольшее количество находок пришлось на участки, где был зафиксирован жилищный котлован.

Нуклеусы характеризуют различные этапы процесса расщепления камня. Среди них отмечены: це-

лые нуклеусы (10 экз.), два из которых уплощенные подтреугольной и прямоугольной в плане формы, одноплощадочные, со скошенной к контрфорсу площадкой и параллельным снятием заготовок-пластин, которое производилось по одной или двум сторонам; торцевые нуклеусы (4 экз.), три из которых изготовлены на кремневых плитках, покрытых галечной коркой, один — из кремневой гальки; один конический нуклеус. Пластины без обработки (543 экз.) делятся на пластины с правильной огранкой (371 экз.) и пластины с неправильной огранкой (172). Пластины с ретушью (17 экземпляров) представлены небольшой серией изделий, различных по размерам и огранке.

Орудия на пластинах: пластины с выемкой — скобели (3 экз.), угловые резцы (5), резчик, острия (4), развертка, пластина с ретушированным торцевым краем, концевые скребки (3), геометрический микролит (низкая асимметричная трапеция, изготовленная на пластине шириной 1 сантиметр). Торцевые стороны ретушированы противоположающей ретушью.

Орудия на отщепах: скребки (4 экз.; форма орудий зависит от конфигурации отщепа, скребло имеет на противоположной от ударного бугорка стороне оформленный приострающей ретушью подтреугольный рабочий край), резчики (2 экз.; изготовлены на пластинчатых отщепах), скобели (3). Наконечник стрелы изготовлен на мелком отщепе длиной 1,5 сантиметра. Лезвие обработано противоположающей ретушью, с одной стороны краевой, с другой — захватывающей. Двусторонне обработанные орудия представлены двумя наконечниками стрел и ножом. Оба наконечника в обломках. У одного сохранилась только верхняя часть, другой, представленный фрагментом нижней части, бесчерешковый, с прямым насадом, имел иволистную форму. Нож подпрямоугольной формы, размерами 11,5×3,3 см, хорошо разделен на лезвие и рукоять. Лезвие составляет 2/3 длины, оформлено крупными сколами и подправлено двусторонней краевой ретушью. Нож имеет тщательно подработанную спинку и естественный обушок, покрытый галечной коркой. Рукоять с одной стороны подработана

Расчистка жилища
стоянки Черников Брод I

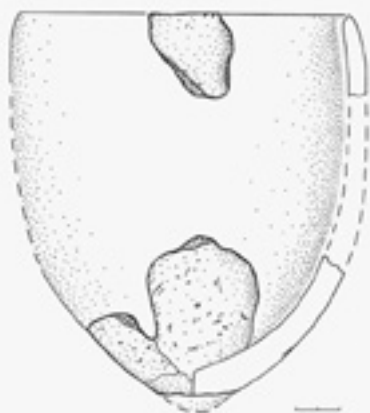
крупными сколами, с другой покрыта галечной коркой.

Отщепов без обработки — 332 экз. Найдено одно грузило, изготовленное на кремневой плитке. Изделие имеет овальную форму и размеры 11,3×8,2 см. По длинным боковым сторонам фиксируются выемки для перевязи.

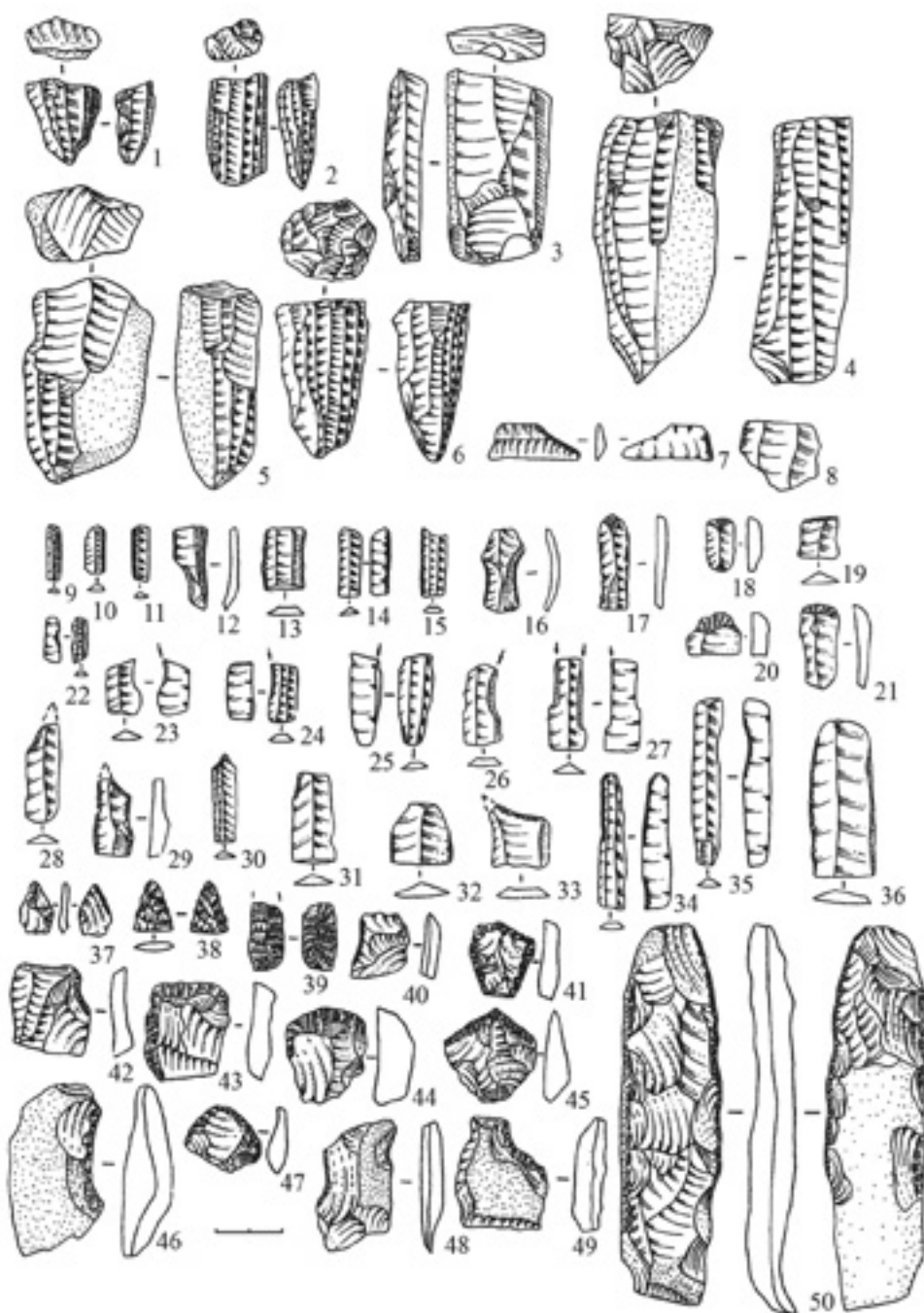
Каменному инвентарю стоянки соответствуют остатки одного сосуда — восемь фрагментов венчика и донышка. Сосуд реконструируется как остро-

донный, с закрытой горловиной и слегка раздутым туловом. Венчик приостренный, со срезом по внутреннему краю. Толщина стенок от 0,5 (в верхней части) до 1,1 (у дна) см. Цвет фрагментов серо-коричневый, поверхность хорошо заглажена, в тесте фиксируется примесь песка и талька. Сосуд не орнаментирован.

Коллекция предметов со стоянки Черников Брод I представлена микропластинчатым комплексом и небольшим количеством орудий на отщепках

Сосудик со стоянки Черников Брод I

Каменный инвентарь. Стоянка Черников Брод I. 1–6 — нуклеусы; 7 — трапеция; 8–15, 17, 32, 36 — пластинки с ретушью; 16, 22, 35 — пластинки с выемкой; 18–21 — концевые скребки на пластинах; 23–27 — угловые резцы; 28–30, 33, 37 — острия; 31, 34 — резчики; 38–39 — двусторонне обработанные наконечники; 41, 43–45, 47 — скребки на отщепках; 42, 46, 48, 49 — скобели; 50 — заготовка для рубящего орудия

с двусторонней обработкой. Микропластины шириной до 1 см составляют 79,6 %, при этом доля микропластин с правильной огранкой — 87,6 %, с неправильной — 62,2 %. Типологический набор орудий: торцевые и конические нуклеусы, пластины с ретушью, скошенные острия, низкая асимметричная трапеция и т. д. Уровень микропластинчатости предельно сближает комплекс с Черникова Брода I с комплексами с мезолитических памятников Южного Зауралья, таких как стоянка Андреевка III. В то же время присутствие двусторонне обработанных наконечников стрел и ножа свидетельствует в пользу послемезолитического возраста каменного инвентаря. Зафиксированная в жилище неорнаментированная керамика безусловно соответствует каменному инвентарю и, вероятно, является древнейшей на сегодняшний день в Южном Зауралье. Технологический анализ сосуда, выполненный И. Н. Васильевой, позволил отнести комплекс к козловской культурной традиции. Наиболее близкими типологически и территориально являются материалы со стоянок Карабалыкты VIIa и Карабалыкты V. Аналогичную керамику можно видеть в елшанской культуре Волго-Уралья. В целом стоянку Черников Брод I можно с уверенностью датировать ранним неолитом.

Группа степных стоянок исследована на расположенных рядом озерах Башкирского Зауралья — Карабалыкты, Сабакты, Банное,— на правом берегу реки Урал [40–44]. Особенностью здесь является то, что озера окружены невысокими хребтами предгорий Урала, сложенных кремнем и яшмой. Берега озер и сегодня усыпаны кремневым сырьем — плитками, галькой, крупными и мелкими обломками. Это обстоятельство сформировало своеобразный облик стоянок. На берегах озера Карабалыкты Г. Н. Матюшиным в разные годы были исследованы стоянки Карабалыкты I, Карабалыкты V, Карабалыкты X (Ташбулатово I), Карабалыкты VIIa, а также неолитический слой многослойной стоянки Мысовая (Карабалыкты VII). Само озеро очень небольшое, всего 2–3 км в диаметре, и все более или менее удобные площадки заняты стоянками каменного века различных периодов — от мезолита до энеолита. Неолитические слои зафиксированы также на многослойных стоянках

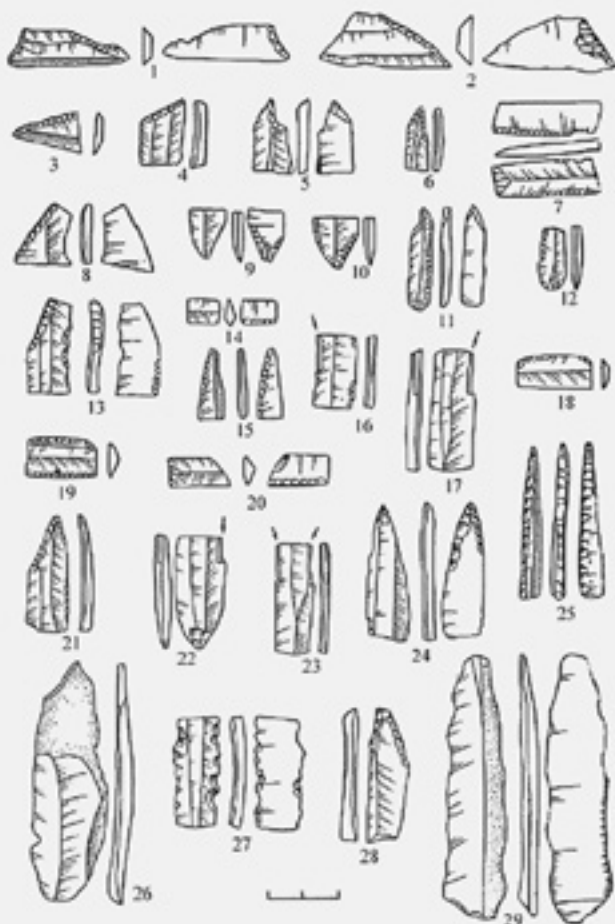
Озеро Карабалыкты

Карабалыкты VII (Мысовая), Березки на озере Банном и Мурат на озере Узункуль. Поскольку на этих памятниках присутствуют предметы как более раннего (мезолит), так и более позднего (энеолит) времени, собственно неолитические материалы выделяются только типологически.

К раннему неолиту, в основном на основании анализа кремневого инвентаря и отдельных фрагментов керамики, украшенной прочерченными линиями и отступающими наколами, можно отнести ряд стоянок.

Стоянка Карабалыкты VIIa располагалась в небольшой седловинке между двумя возвышенностями. Раскопками вскрыто 36 кв. м. Культурный слой представлен бурым гумусированным суглинком мощностью 0,2 м, залегающим под дерном и гумусом на глубине 0,6–0,8 м. Коллекция находок включает 3818 изделий и отходов из камня и 104 фрагмента керамики. Среди изделий есть нуклеусы, пластинки без ретуши и с ретушью, две асимметричные трапеции, угловые резцы, пластинки с выемкой, острия и сверла, скребки, двусторонне обработанные орудия, грузила, абразивы. Среди находок преобладают отходы производства (3000 экз.): отщепы, чешуйки и т. п.

Стоянка Карабалыкты V расположена на береговом мысу. Раскопки произведены на площади 104 кв. м. Культурный слой представлен бурым суглинком с камнем, залегающим под дерном и гумусом до глубины 0,55–0,6 м. Основная масса находок связана с углублением в скальном основании площадью 80 кв. м, которое могло использоваться в качестве жилища. Предметы концентрировались в виде скоплений вокруг крупных камней.

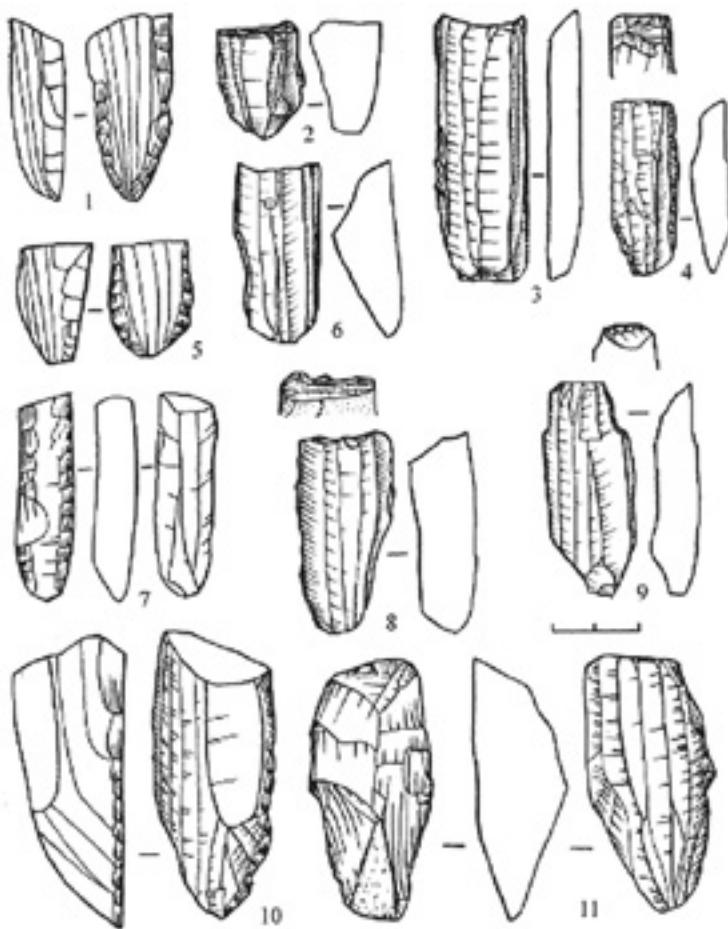

Каменный инвентарь.
Стоянка Карабалыкты
VIIIa (по Г. Н. Матюшину).
1, 2 — трапеции; 3–6, 8–11,
15, 21, 24, 25, 28 — остряя;

7, 14, 18, 19, 29 — пла-
стины с ретушью;
16, 17, 22, 23 — резцы;
12, 13 — резчики; 13, 27 —
пластины с выемками

Коллекция находок включает 13 389 предметов, в том числе 300 фрагментов керамики. Основную массу составляют отходы производства (8596 экз.). Среди изделий есть нуклеусы, асимметричная трапеция, угловые резцы, пластины без обработки и с ретушью, остряя и сверла, концевые скребки, двусторонне обработанные орудия, скребки на отщепках, рубящие орудия. Памятник можно интерпретировать как стоянку-мастерскую.

Материалы раннего неолита отмечены также на многослойных стоянках Карабалыкты VII (Мысовая) и Мурат на озере Узункуль. Материалы козловской традиции раннего неолита были встречены на памятниках степной зоны Притоболья — Дюна, стоянке в устье реки Убаган и некоторых других [11]. Стоянки представителей кошкинской куль-

Нуклеусы. Стоянка Караба-
лыкты V (по Г. Н. Матюшину)

турной традиции в степной зоне Зауралья пока не найдены.

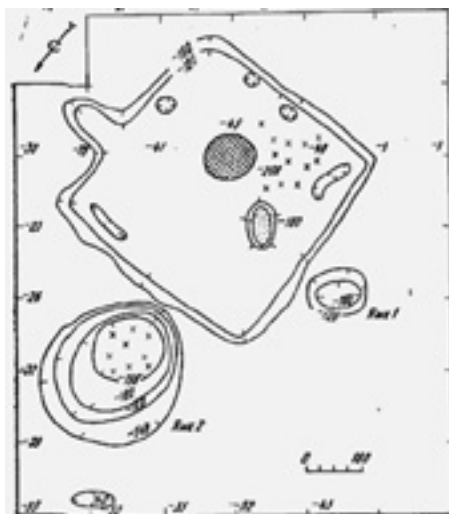
В лесостепной зоне памятники раннего неолита козловской традиции более представительны. Так, стоянок и поселений, где основной комплекс составляет посуда козловской традиции, около 15, кроме того, изучены комплексы, где отмечены обе традиции — и козловская, и кошкинская.

Наиболее представительные материалы козловской культурной традиции лесостепной зоны исследованы на поселениях Ташково I и Долговское 3.

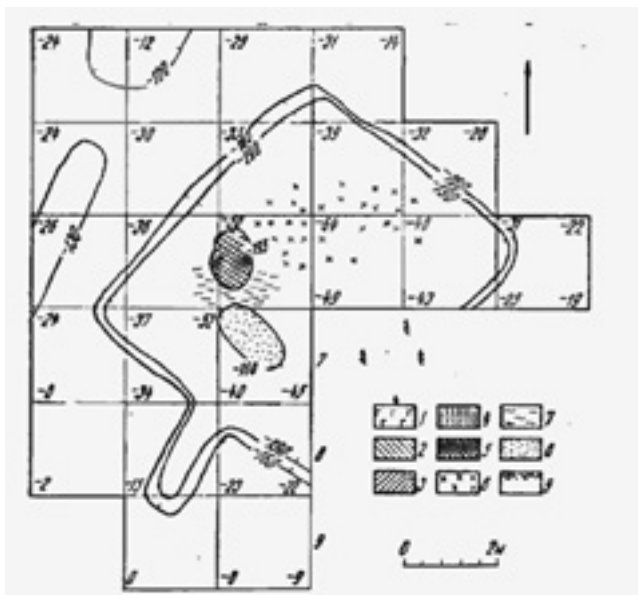
Поселение Ташково I расположено в Каргапольском районе Курганской области, в двух километрах к северо-востоку от деревни Ташково по дороге в село Усть-Миасское, на высоком (до 2 метров) участке правого коренного берега реки Исети, недалеко от места ее слияния с Миассом. В 1982 и 1986 годах здесь работала экспедиция под

руководством В. Т. Ковалевой, в 2018 году раскопки производил отряд под руководством В. С. Мосина.

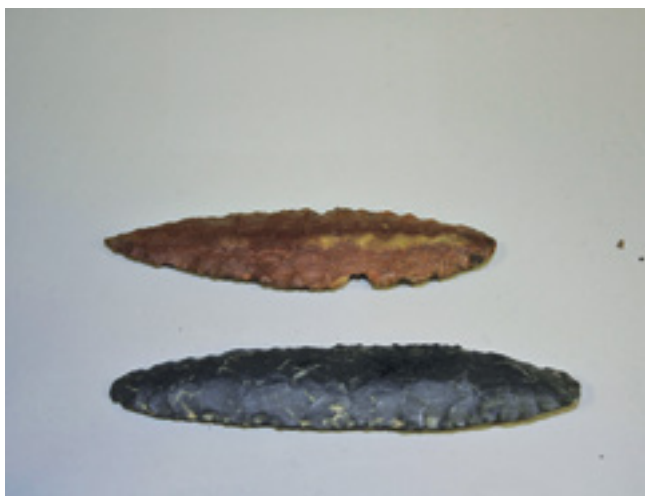
В. Т. Ковалевой были исследованы два жилища раннего неолита [32]. Жилище 4 — прямоугольной формы, площадью 38 кв. м, со ступенчатым выходом, устроенным в западной стенке. На полу сохранились провал от очага овальной формы размером 1,1–1,5 м и останец из материкового песка размером 0,8×1 м, приподнятый на 0,3–0,4 м. Жилище 6 площадью около 37 кв. м раскопано не полностью из-за растущих здесь крупных сосен. Оно имеет близкую к прямоугольной форму; в его юго-западной стенке устроен выход в виде пологих ступенек. Очаг имел овальную форму, размеры 0,8×1,2 м, был углублен в пол на 0,1 м, в настоящее время фиксируется по прокаленному песку и пятну из супеси с золой и углистыми включениями. Напротив входа довольно близко к очагу находился останец из материкового песка размером 0,8×1,6 м и высотой до 0,3 м. Между очагом и «столом» зафиксирован значительный слой золы, вероятно, растащенной от очага. Оба раскопанных жилища имеют сходные черты: полуземлянки площадью 38 и 37 кв. м, глубина котлованов до 0,8 м от уровня материка, коридорообразные входы, оформленные пологими ступеньками, останцы из материкового песка и очаги. По мнению авторов раскопок, полуземлянки с очагами могли быть, скорее всего, зимними жилищами.

План жилища 4. Поселение Ташково I (по В. Т. Ковалевой)

План жилища 6. Поселение Ташково I (по В. Т. Ковалевой)

Каменные наконечники со стоянок в Башкирии

Общий вид площадки поселения Ташково I

Сосуды козловской традиции
с поселения Ташково I

Сосуды кошкинской традиции
с поселения Ташково I

Раскопки поселения
Ташково I в 2018 году

В жилище 4 найдено 508 изделий из камня, в жилище 6 — 497. В основном это нуклеусы, пластины без обработки и пластины с ретушью, резцы, резчики, остря, концевые скребки и скребки на отщепках, шлифованные орудия, абразивы. Керамический комплекс представлен 114 остродонными или круглодонными сосудами закрытой формы. В верхних горизонтах культурного слоя располагались сосуды позднего неолита и энеолита.

В 2018 году поселение Ташково 1 исследовали члены Лесостепного отряда ИИА УрО РАН под руководством В. С. Мосина. Ими были произведены раскопки на площади 200 кв. м и изучены остатки трех жилищ неолита и энеолита. Выявлены комплексы керамики козловской, полуденской, боборыкинской и единично кошкинской традиций. Коллекцию составили 7500 находок.

Поселение Долговское 3 находится в Каргапольском районе Курганской области, на левом берегу старичного русла Миасса. Расположено в основании мыса, который является частью крупного пойменного останца, находящегося посередине широкой поймы Миасса.

Поселение многослойное, исследовалось в 2005 году С. Н. Шиловым и И. К. Новиковым [65]. Были произведены раскопки на площади 76 кв. м, исследованы материалы эпох от неолита до раннего железного века. В границы раскопа попали жилище и два углубления; частично затронуты границы двух других сооружений, уходящих в борт раскопа. Жилище размером 5,5×4 м было заглублено в материк на 60 см. Постройка имела прямоугольные очертания. Выход располагался с восточной стороны, был оформлен в виде пропорционального укороченного тамбура размером 1,2×1,6 м. Пол тамбура уступами (возможно, полого) нисходил к дну жилища, образуя перед входом небольшое углубление. По мнению И. К. Новикова, участвовавшего в анализе материалов с поселения, это может быть оплыв материковых останцов, использовавшихся для сооружения лежанок вдоль стен. Центральную и южную части жилища занимала крупная яма со скругленным юго-западным углом размером приблизительно 2×2 м и глубиной от уровня пола до 1,6 м. Возможно, яму использовали в качестве погребка. Описанное жилище можно считать построй-

Сосуд козловской традиции с поселения Долговское 3. Фото И. К. Новикова

кой полуземляночного типа, пригодной для стационарного обитания, в том числе в холодное время года.

Комплекс керамических предметов раннего неолита представлен круглодонными сосудами козловской культурной традиции, орнаментированными прочерченными линиями и отступающенакольчатый декором. Каменный инвентарь раннего и позднего неолита разделить оказалось невозможным.

Материалы раннего неолита козловской традиции в лесостепной зоне зафиксированы, кроме уже отмеченных памятников, на стоянках Карагайлы, Учалинская, Краснокаменка, Красносельская, Речная I, Путиловская Заимка, Мурат, Ташбулатово I, Боборыкино II и IV.

Памятники козловской традиции лесной зоны более многочисленны и изучены лучше. Большая часть материалов по ним уже опубликована ранее разными авторами, поэтому здесь приводятся наиболее характерные комплексы раннего неолита козловской традиции лесной зоны Зауралья. Исследованные стоянки лесной зоны Южного Зауралья сосредоточены исключительно на озерах

так называемого Южноуральского Приозерья (Чебаркуль, Большое и Малое Миассово, озеро-водохранилище Аргази, Иткуль).

По берегам озера Большое Миассово известно более 40 памятников, содержащих материалы неолитического времени. Наиболее важными для нас являются материалы стоянки Кораблик, исследованной Л. Я. Крижевской в 1967–1968 годах [37].

Стоянка Кораблик расположена на мысу северо-западного берега, прикрытого скалами. Памятник раскопан на площади 100 кв. м. На участке в 36 кв. м выявлена четкая стратиграфия. Верхний культурный слой эпохи энеолита представлен пестроцветной супесью желтого, а ниже бурого и черного цветов в виде аморфных пятен, явившихся результатом смешения зольной массы из очагов нижнего слоя мощностью 0,4–0,45 м. Далее шла прослойка чистого песка с гравием мощностью 0,15–0,4 м. Ниже до глубины 0,8–0,85 м залегал культурный слой эпохи неолита. На остальных

участках раскопа слои были перемешаны. К остаткам жилого комплекса можно отнести три очага, вытянутых по линии с севера на юг. Один очаг был устроен на каменистом склоне берега, примыкал к скальным выходам. Имел удлиненные очертания, в виде узкой канавки. В качестве обкладки стенок использовались естественные выходы камней. Центральная часть очага была углублена до 1,07 м. Заполнение состояло из темного углистого песка. Другой очаг, неправильно-овальной формы, представлял собой линзу толщиной 0,2 м. Третий очаг — почти квадратной формы. К нему примыкала столбовая ямка. Кроме того, в раскопе были зафиксированы клад из семи грузил, развал сосуда у края второго очага и клад пластинок в третьем очаге. В коллекции материалов стоянки 1150 предметов из камня и остатки шести-семи сосудов. Каменный инвентарь Кораблика тоже типичен для зауральского неолита. В качестве основного сырья использовалась южноуральская сургучно-зеленая

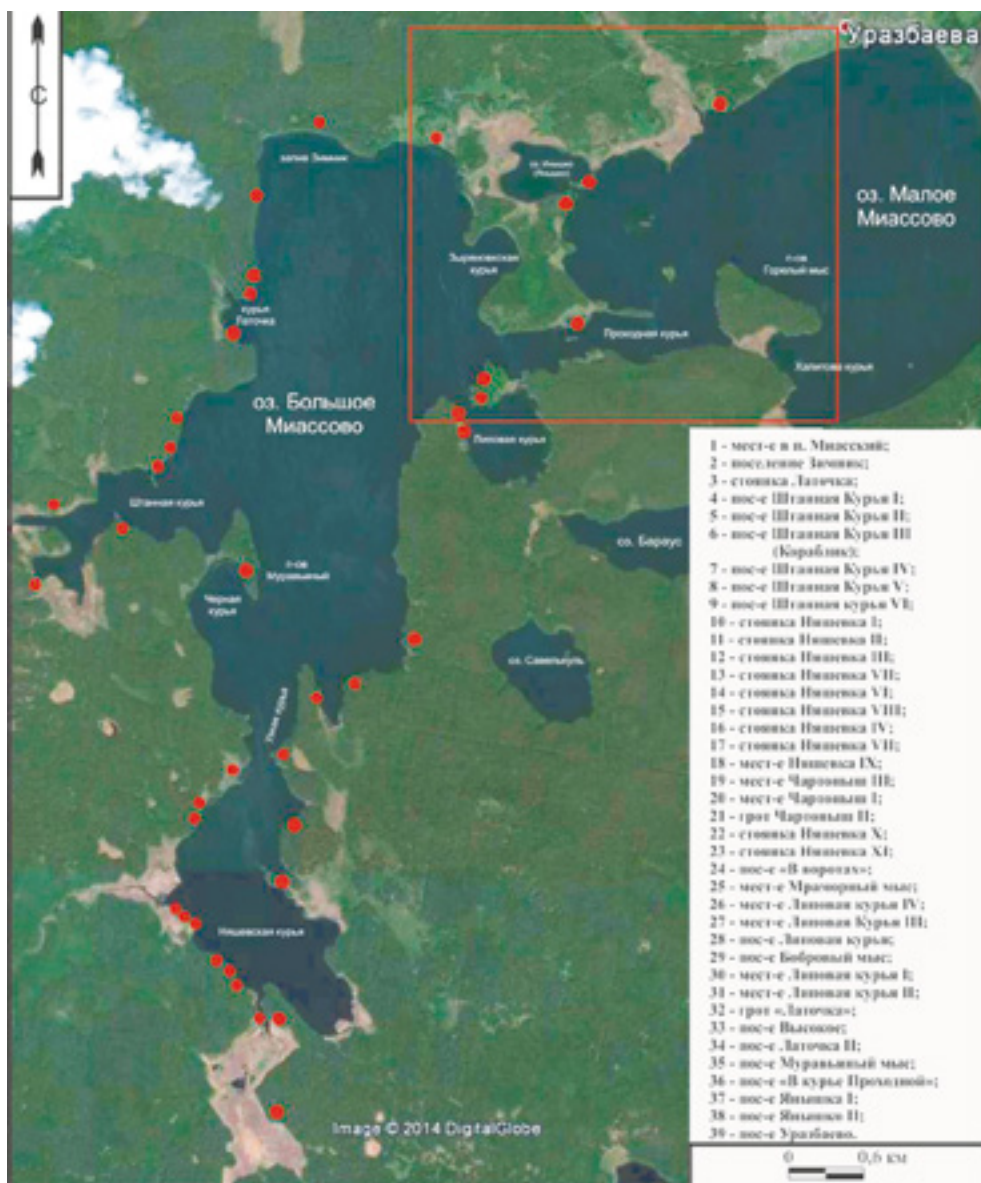
Озеро Большое Миассово

яшма (в плитках). На стоянке зафиксировано 20 нуклеусов: 10 экз. — плоские односторонние, характерные для всех неолитических памятников Южного Зауралья, один — карандашевидный, остальные — призматические. Среди основных орудий — пластинки с ретушью, использовавшиеся в качестве ножей, проколки и сверла, угловые резцы, скребки на пластинах и отщепях, скобели. Среди архаичных форм орудий, часто встречающихся на неолитических памятниках, можно отметить два долотца. Большинство орудий изготовлено из пластин, к двусторонне обработанным относятся наконечники стрел и копий. Кроме того, на Кораблице обнаружены тесло, грузила из плиток и желваков с выемками, ножи из каменных плиток,

отбойник из кварцитовой гальки, различные абразивные инструменты.

В керамический комплекс стоянки входят шесть-семь сосудов, из которых два-три сосуда происходят из нижнего слоя стратифицированного участка. Тесто содержит большую примесь песка, доля гальки незначительна. На внутренней стороне венчиков фиксируются характерные «карнизки». Сосуды из нижнего стратифицированного участка покрыты орнаментом, выполненным исключительно в волнисто-прочерченной и накольчатой технике, характерной для козловской традиции.

На остальных стоянках лесной зоны Южного Зауралья — Чебаркуль I, II, Ха, Хб, XV, XVI, Абселямовская и других — материалы раннего неолита

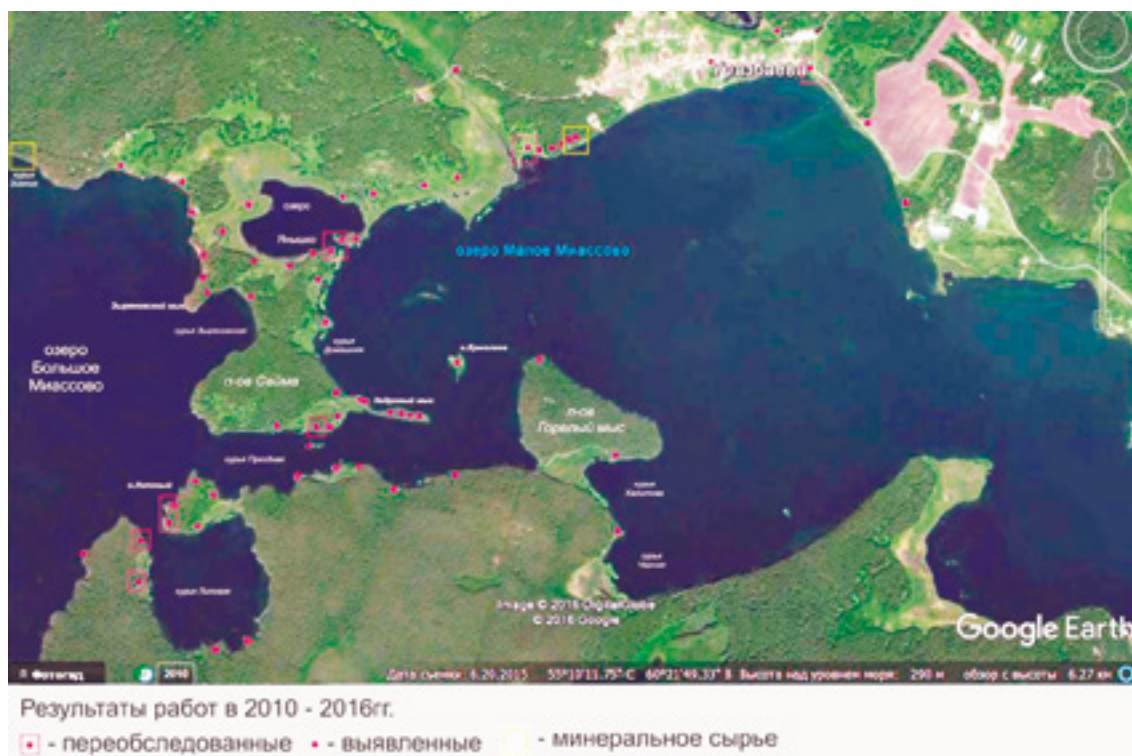

Карта памятников по берегам озер Большое и Малое Миассово

Карта археологических памятников Миассовых озер по результатам работ экспедиций Л. Я. Крижевской

□ район исследований экспедиции Южно-Уральского филиала

Карта памятников по берегам озер Большое и Малое Миассово

выделяются типологически из смешанных комплексов [48].

В лесной зоне Среднего Зауралья и Притоболья наиболее яркие и представительные материалы, характерные для козловской традиции, были получены при исследовании стоянок Уральские Зори II, Евстюниха, Шайдурихинское V, Южный берег Андреевского озера XV [28; 31].

Стоянка Уральские Зори II расположена в 6 километрах к северо-западу от города Кушва Свердловской области, на правом берегу реки Туры. Под одной из отвесных скал прямо в болоте был заложен шурф, который неожиданно дал неолитический материал. Стоянка исследовалась Ю. Б. Сериковым в 1986 и 1988 годах [58]. Была раскопана площадка в 25 кв. м, изучен весь культурный слой стоянки. Культурные остатки залежали вдоль береговых скал узкой полосой длиной около 12 м и шириной не более двух метров, благодаря чему можно фиксировать узкую прибрежную отмель, находившуюся в небольшой бухточке, образованной отвесными скалами берегового обнажения. Общая мощность отложений в раскопе доходила до 1,7 м. Таким образом, стоянка раннего неолита находилась на прибрежной отмели в каменистой бух-

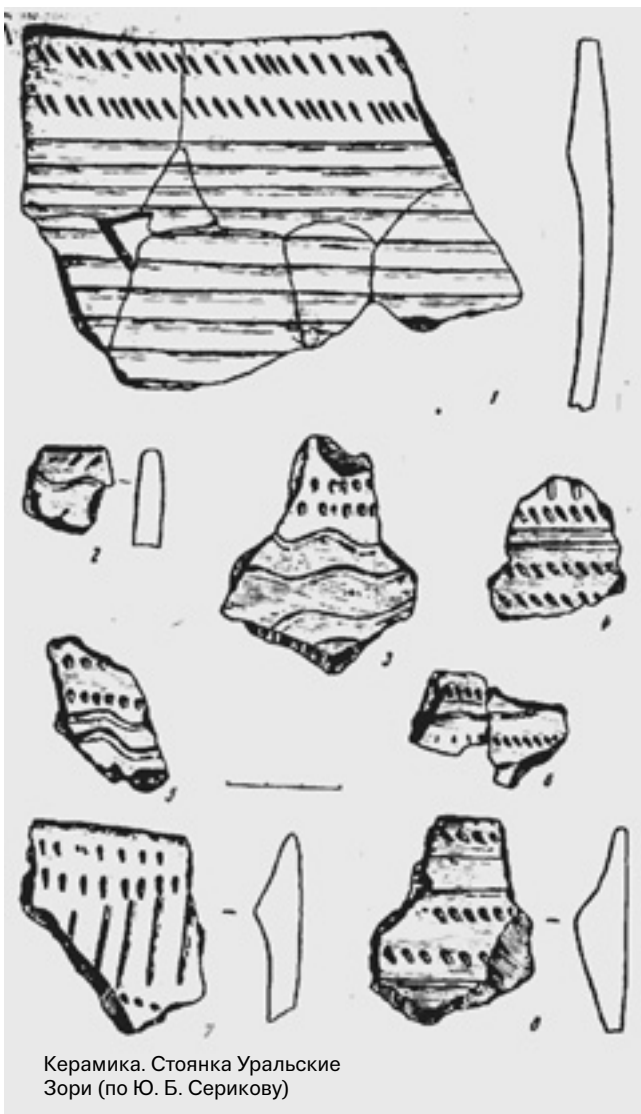
точке. Существовать там она могла только в сильно засушливый период. С изменением климата и, следовательно, водного режима реки стоянка была затоплена водой и перекрыта илистыми и торфяными отложениями. Не исключено, что стоянка приурочена к броду через реку или к роднику.

Коллекция найденных на стоянке артефактов включает 673 предмета. Среди изделий из камня преобладают пластинки, присутствуют также скребки, наконечник стрелы, стамеска. Керамический комплекс представлен фрагментами порядка 30 сосудов, орнаментированных сочетаниями наколов и прочерченных линий, выполненных палочкой. Венчики сосудов сильно вытянуты, с внутренней стороны всегда присутствует наплыв. Орнаментальная композиция сосудов очень простая и единообразная: один или два горизонтальных ряда наколов, ниже — широкий горизонтальный пояс, заполненный прямыми или волнистыми прочерченными линиями, затем идет разделительный пояс из нескольких горизонтальных рядов наколов. Форма днищ сосудов неясна, но по сохранившимся фрагментам придонной части ее можно реконструировать как полуяйцевидную. Орнаментация сосудов, форма венчиков, отсутствие гребен-

чатого штампа, наличие в комплексе микропластин и стамесок позволило автору раскопок датировать стоянку концом раннего неолита.

Река Тура

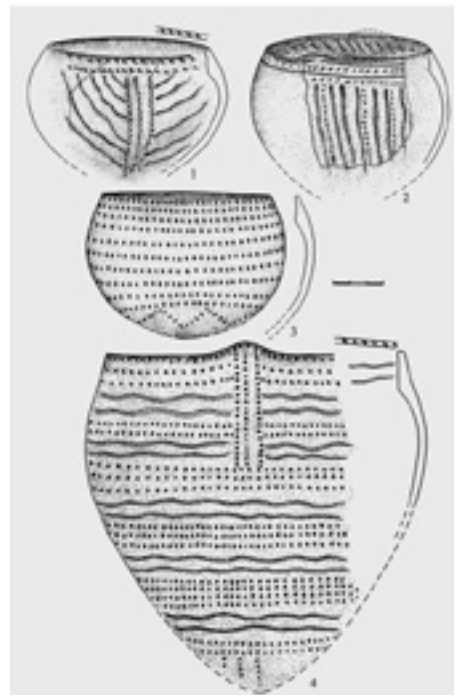

Керамика. Стоянка Уральские Зори (по Ю. Б. Серикову)

Поселение Евстюниха I расположено на северной окраине Нижнего Тагила, в поселке Евстюниха, на левом устьевом мысу реки Евстюнихи, при впадении ее в реку Тагил. Памятник обследовался в 1971 и 1972 годах экспедицией Нижнетагильского краеведческого музея под руководством А. И. Россадович, в 1973 году — Ю. Б. Серикова. В 1974–1975 годах А. И. Россадович производила

Керамика с поселения Евстюниха (по А. А. Герасименко)

на памятнике раскопки. Общая площадь поселения около 800 кв. м, в ходе раскопок вскрыто около 200 кв. м. Выявлено жилище размером в плане 6,7×6,0 м с отвесными стенками и неровным дном. В южной части жилища был расположен вход, снаружи — кострище. В центральной части жилища зафиксирован очаг размером 2,0×1,6 м, мощность прокала 0,60 м. Вокруг жилищной впадины — с западной стороны, к югу и востоку — находились три ямы.

На поселении обнаружено 5640 фрагментов от 123 неолитических керамических сосудов. Сосуды остродонные, закрытой формы, с внутренней стороны венчика есть наплыв, орнаментированный волнистыми или прямыми прочерченными линиями, реже — зигзагом. Вся внешняя поверхность сосудов покрыта плотным орнаментом, выстроенным горизонтальными зонами. Отмечено только два приема нанесения орнамента — прочерчивание и накалывание. Для этого использовались инструменты типа палочки, иногда расщепленной. Основные элементы орнамента — прямые и волнистые линии. Наиболее распространенная схема нанесения узора — параллельные ряды таких линий. К характерным мотивам относятся взаимопроникающие и по-разному заштрихованные треугольники, которые образуют целые пояса и чаще всего встречаются в верхней трети сосуда. Орнамент может состоять из чередующихся горизонтальных зон, заполненных наклонными линиями, меняющими направление наклона в каждом поясе. Часто один или два таких пояса покрывают верхнюю треть сосуда. Разделительные зоны оформлены одним-двумя рядами наколов миндалевидной формы [15].

Коллекция каменного инвентаря включает всего 124 изделия: в большом количестве нуклеусы, пластинки и микропластинки без ретуши и с ретушью, резцы, пластинки с выемкой, проколки и др. [59].

Поселение Исетское Правобережное располагалось у подножия одного из хребтов на северном берегу древнего водоема, на расстоянии 2,5 км к северо-востоку от поселка Палкино (Железнодорожный район Екатеринбурга). Остатки поселения, примерная площадь которого около 2000 квадратных метров, представлены жилищными впадинами, в два ряда тянующимися вдоль кромки

болота. Верхний ряд составляли впадины блюдцеобразной формы размером в плане 6×7...7×8 м и глубиной 30–65 см от поверхности, расположенные почти вплотную друг к другу. Нижний ряд впадин, примыкавших к болоту, был обнаружен лишь в процессе исследования поселения, по нему проходила дорога. Поселение было открыто и исследовано В. Ф. Кернер [25].

Жилища представляли собой четырехугольные, углубленные в землю постройки каркасно-столбовой конструкции с бревенчатой крышей и полом, выходами в виде коротких выступов или длинных коридоров. Отапливались очагами-кострищами, в некоторых случаях имелись «столы» или пристенные лавки из материковой дресвы, вероятно, обшитые досками. Хозяйственные ямы находились внутри жилищ и за их пределами. Наиболее ранним, относящимся к населению козловской культурной традиции, являлось жилище 1, имевшее в плане форму четырехугольника размером около 6,6×6,8 м со слегка закругленными углами, ориентированными по сторонам света, с глубиной котлована 0,4–0,8 м от уровня материка.

Коллекция каменного инвентаря, поднятого с пола жилища 1, включает 1119 предметов. Нуклеусы в основном имеют коническую и призматическую форму. Основными заготовками для изготовления орудий служили пластинки, причем в жилище 1 до 82 % заготовок составляли микропластины шириной не более 10 миллиметров, что является показателем их близости к мезолитическим комплексам Зауралья. Набор орудий также говорит о соответствии ранним комплексам: пластинки с ретушью и без ретуши, угловые резцы, резчики, пластины с выемками, острия, скребки на пластинах. Орудия на отщепках — скребки, отщепы с ретушью. Также встречены шлифованные орудия и сколы с них, двусторонне обработанные орудия, абразивы и т. д.

На полу жилища 1 зафиксировано пять сосудов закрытой полуяйцевидной формы с приостренным или округлым дном. Сосуды сплошь украшены горизонтальными волнистыми или прямыми линиями (иногда их сочетанием), нанесенными в технике гладкого прочерчивания или отступления при помощи двузубого штампа. Исключение составляет

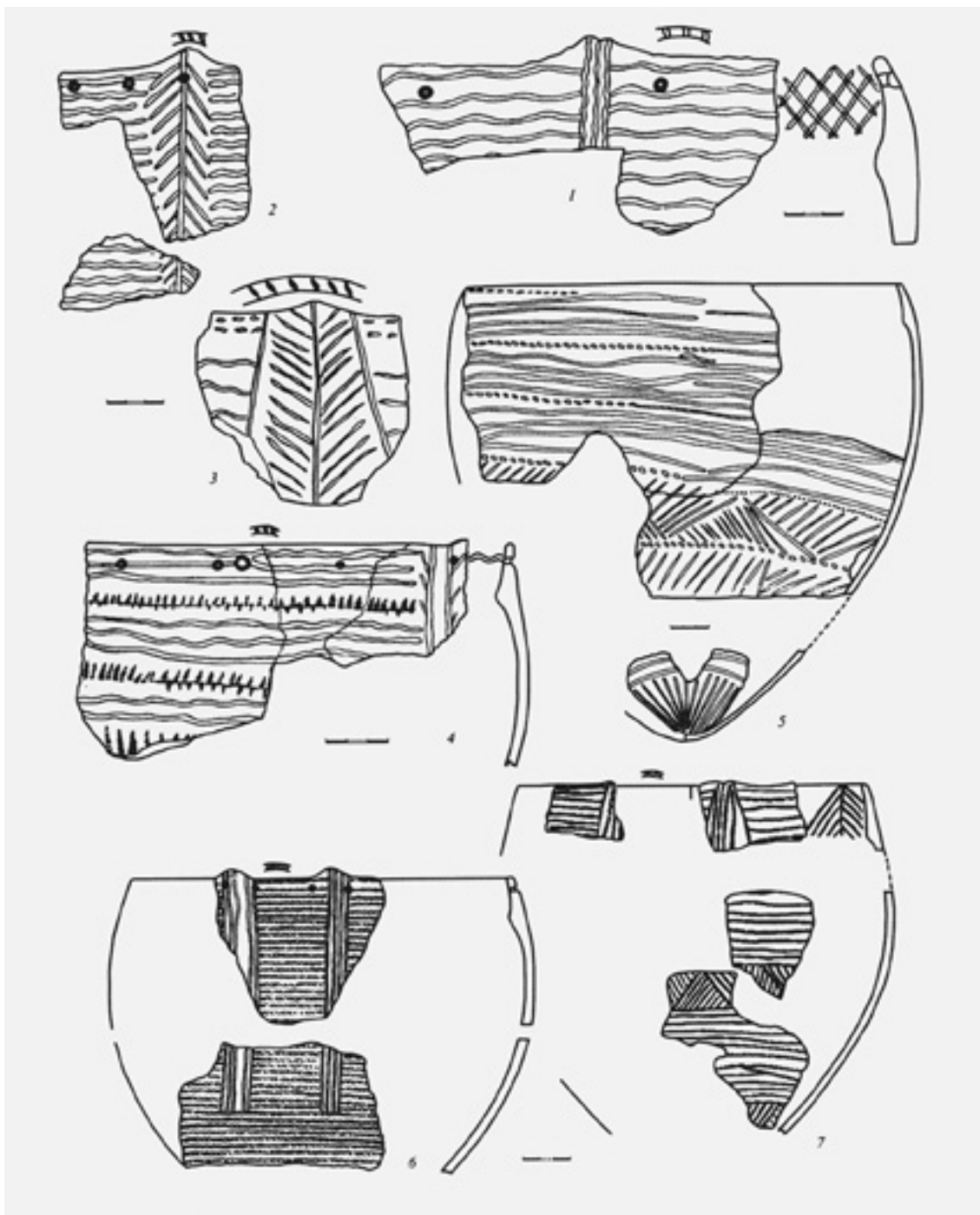
сосуд, нарядно декорированный взаимопроникающими треугольными зонами, сеткой, рядами неглубоких округлых наков, выполняющих роль разделительных поясков, основной же орнамент также нанесен двузубым штампом. По всем признакам комплекс жилища 1 поселения Исетское Правобережное является классическим для козловской культурной традиции.

Керамические комплексы жилищ 2 и 3 содержат сосуды уже не только козловской традиции, но и более поздние — полуденские. Орнаментальные композиции состоят из горизонтальных полос, выполненных протаскиванием, оттисками гребенчатого штампа или «шагающей гребенкой».

В качестве орнаментов использовались также двузубый штамп или уголок гребенчатого штампа, которыми наносились прочерченные или отступающее-накольчатые линии. Комплексы жилищ 2 и 3 можно отнести к полуденской культурной традиции или же к «переходной» от козловской к полуденской.

Важные керамические комплексы козловской традиции были получены при исследовании поселений Южный берег Андреевского озера XV (ЮАО XV) в 18 километрах от Тюмени и Шайдурихинское V.

Поселение ЮАО XV исследовалось под руководством Л. А. Дрябиной в 1979–1982 годах [31].

Керамика с поселения ЮАО-XV (по В. Т. Ковалевой и С. Ю. Зыряновой)

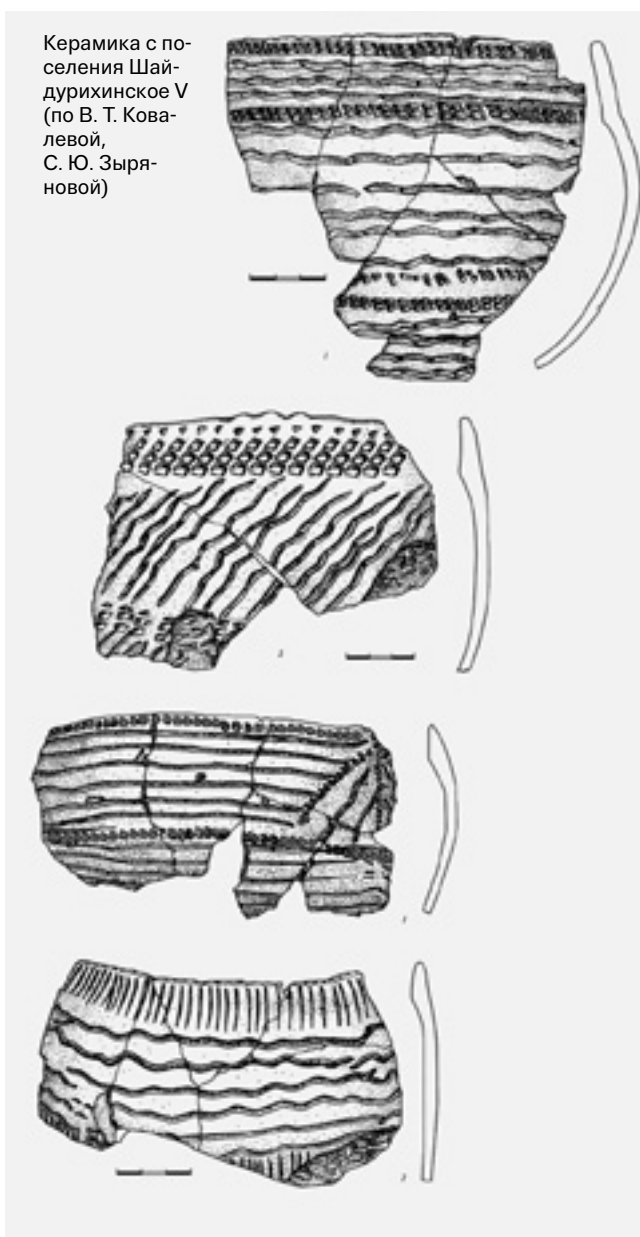
Очертания жилища на поселении Шайдурихинском V

Здесь были изучены остатки семи компактно расположенных жилищных котлованов, в заполнении которых присутствовала неолитическая керамика, орнаментированная с использованием прочерченной, накольчатой и гребенчатой техники. К раннему неолиту отнесены материалы жилищ 1–4 и нижнего слоя жилища 6. Описание каменного инвентаря пока не опубликовано, авторы раскопок лишь отметили преобладание орудий на пластинах и микропластинах, наличие архаичных типов орудий — резцов, скошенных острий, в том числе и орудия геометрической формы — трапеции.

Керамический комплекс представлен сосудами закрытой формы с приостренными днищами, напльвами на внутренней стороне венчика; края некоторых сосудов оформлены выступами. В декорировании преобладает прочерченный волнистый или прямолинейный орнамент, который наносился инструментом типа стержня с округлым, заостренным или расщепленным концом. Отступающе-накольчатый орнамент, выполненный этим же инструментом, встречается реже. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов, включая дно, узоры расположены горизонтальными зонами. Мотивы и композиции на сосудах довольно разнообразны. Наряду с зонами, заполненными прямыми и волнистыми линиями, присутствуют зоны с заштрихованными, взаимопроникающими треугольниками, ромбической сеткой. Наиболее

Керамика с поселения Шайдурихинское V (по В. Т. Ковалевой, С. Ю. Зыряновой)

интересны мотивы из вертикальных параллельных прямых или волнистых линий, сгруппированных по три или четыре и заканчивающихся у края сосуда выступами, мотивы в виде дерева с параллельными ветвями, а также вертикальных расходящихся линий, спускающихся от венчика.

Поселение Шайдуринское V расположено на северо-восточном заболоченном берегу озера Аятское. Исследовалось в 2003–2004 годах под руководством С. Ю. Зыряновой и В. Т. Ковалевой. Были изучены остатки трех жилищ, в двух из ко-

торых найдена керамика раннего неолита. Сосуды остродонные и округлодонные, сплошь орнаментированные с внешней стороны, с наплывами по внутреннему краю, в большинстве случаев тоже орнаментированными. Прочерченная техника нанесения орнамента является основной, гребенчатый штамп использовался только для оформления бордюрной и разделительных зон. Данных о каменном инвентаре не опубликовано, авторы отметили лишь находки на месте обоих жилищ «утюжков» — глиняного и каменного [31].

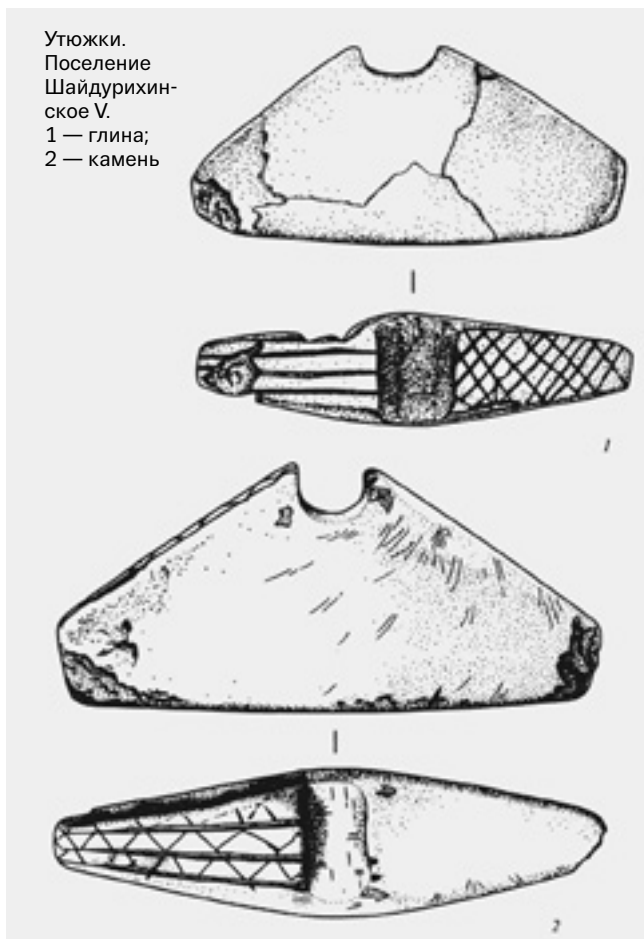

Изделия из талька

Глиняный утюжок. Козловское жилище (слева)

Керамика козловского типа (по В. Т. Ковалевой, С. Ю. Зыряновой)

Уникальные предметы раннего неолита козловской традиции были обнаружены близ озера Увильды, в 25–30 м от края берега, в районе базы отдыха «Красный камень» [72]. На глубине около 22–23 м в донном иле челябинские дайверы обнаружили своеобразную «матрешку»: в крупном остродонном сосуде находился еще один, меньшего размера, с круглым дном, в котором, в свою очередь, лежал небольшой деревянный ковш длиной 14,5 см и шириной 8,4 см. Рукоятка ковша не сохранилась, поскольку была вставной и, вероятно, потерялась когда сосуды поднимали со дна. Можно предположить, что это атрибуты, использовавшиеся в обряде погребения: умершего положили на дно лодки (или на плот), присовокупив погребальный инвентарь, затем оттолкнули лодку от берега, отправив таким образом умершего в Нижний мир. Согласно существовавшей в то время традиции, лодка могла быть намеренно испорчена (пробита), и поэтому затонула в скором времени недалеко от берега.

Ранний неолит. Кошкинская традиция

Кошкинская культурная традиция (выделена В. Т. Ковалевой; название происходит от стоянки Кошкино V, исследованной Л. Я. Крижевской) представлена поселениями и стоянками Кошкино V, Береговая II (торфяниковая), Ташково III, Кокшаровско-Юрьинская, Убаган I, III, Южный берег Андреевского озера V, VI, XII, XV и др., а также святилищем Кокшаровский холм.

Материалы, которые можно отнести к кошкинской культурной традиции, большей частью выделяются типологически из коллекций, содержащих разновременные или разнокультурные артефакты. При этом каменный инвентарь данной традиции типологически отделить не представляется возможным, поэтому, как правило, основой для выявления присутствия кошкинской традиции на той или иной стоянке является керамика. Стоянки и поселения с культурным слоем и жилыми постройками, достоверно принадлежавшими носителям этой традиции, немногочисленны и расположены преимущественно в лесной и лесостепной зонах Зауралья. В степной зоне немногочисленные находки керамики кошкинской традиции встречаются на поселениях в районе впадения реки Убаган в Тобол. В лесостепной зоне основными памятниками этой традиции являются эпонимная стоянка Кошкино V и Ташково III.

Стоянка Кошкино V расположена в 1 км к югу от деревни Кошкино, на левом берегу Тобола, на восточном крае верхней пойменной террасы. Пойменная возвышенность имеет форму треугольника размером 0,7×1,7 км, покрыта сосновой растительностью. Стоянка открыта в 1962 году В. Т. Юровской (Ковалевой) и А. Г. Ширяевым, исследована Л. Я. Крижевской в том же году. Раскоп площадью 25 кв. м показал, что памятник однослойный. Культурный слой небольшой мощности (до 0,3 м) представлен супесью светло-серого цвета. В ходе раскопок были найдены фрагменты 13–15 керамических сосудов и единичные изделия из камня.

Оригинальная керамика представлена сосудами закрытой или прямостенной формы с округлым или плоским дном. Венчики приостренные с одной

Керамика. Стоянка Кошкино V
(по Л. Я. Крижевской)

или двух сторон, с треугольным утолщением на внутренней стороне, с карнизом или воротничком по внешнему краю сосудов. Такая форма верхнего края сосуда ранее в неолитических коллекциях не встречалась. Орнамент выполнен прочерчиванием или отступающими наколами, иногда встречаются пояса из неглубоких ямочных вдавлений. Декоративные композиции представлены горизонтальными поясами из прямых, наклонных и волнистых линий, расположенных в верхней и придонной частях сосуда. Один сосуд украшен по всей внешней поверхности, включая дно, горизонтальными поясами из прямых линий. Впервые встреченные плоские днища тоже были орнаментированы. Необычный для того времени керамический комплекс вызвал многочисленные споры, не утихающие по сей день [29].

Поселение Ташково III находится на расстоянии 1,2 км к востоку от деревни Ташково, на правом берегу Исети, в бору на пологой верхней террасе, на

Стоянка Кошкино V.
Фото М. П. Вохменцева

высоте 2–3 м от уровня воды. Открыто и исследовано под руководством В. Т. Ковалевой и Н. В. Варанкина в 1987–1988 годах. Выявлены четыре жилищные впадины, одна из которых раскопана. Жилище представляло собой квадратную землянку площадью 56 кв. м и глубиной 1,6 м. В центре находился очаг, в одном из углов был вход со ступенями. Жилище перекрывалось слоем, содержащим керамику боборыкинского типа. В ходе исследований была получена новая коллекция сосудов с округлыми или плоскими днищами [28].

Основные материалы для атрибуции кошкинской культурной традиции были получены в лесной зоне, практически на культурно-исторической границе Зауралья и Западной Сибири, разными авторами и в разные годы при раскопках на участках ЮАО V, VI, XII, XIIIа, XV и др. [29]. Остатки жилищ исследовались на участках ЮАО XII и XV.

На **поселении ЮАО XII** В. Д. Викторовой, Н. В. Варанкиным и Н. А. Алексашенко в 1975–1978 годах были исследованы три жилища, оставленные носителями кошкинской традиции. Одно

Керамика.
Поселение
Ташково III
(по В. Т. Ковалевой)

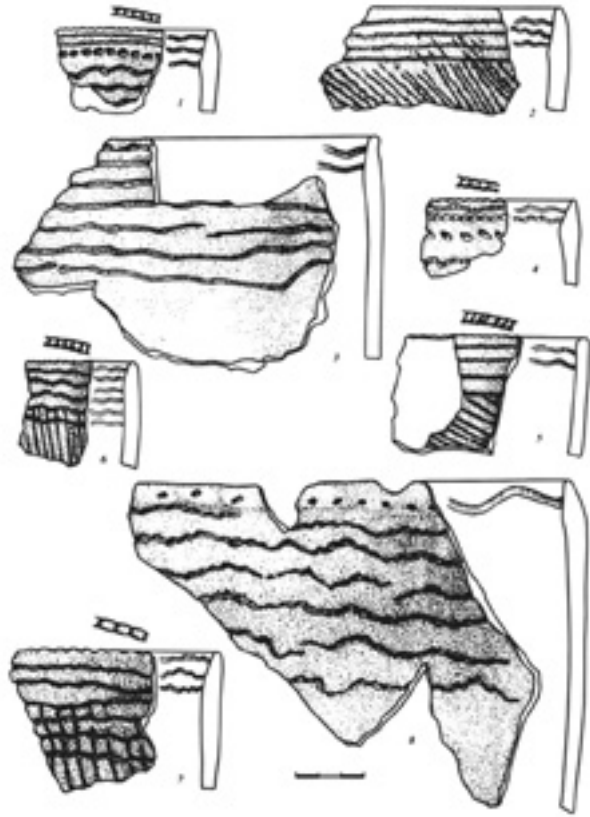
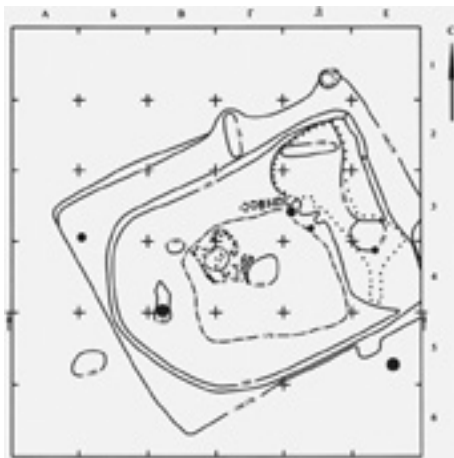

жилище имело почти квадратную в плане форму, размеры 8,3×8,0 м, глубина котлована составляла 0,6–0,8 м. В центре находился очаг, возможно, немного приподнятый над полом. По периметру котлована, вдоль северной и восточной стенок, зафиксирована небольшая канавка. Центральная часть жилища была несколько углублена, по краю этого углубления зафиксированы восемь ямок от столбов и неглубокие канавки. С пола жилища собрана керамика кошкинского типа.

Пол другого жилища имел форму прямоугольника размером 9,6×7,2 м, глубиной котлована составляла 0,4–0,6 м. В центре также имелся очаг, вероятно, приподнятый над полом. Зафиксирована также небольшая канавка длиной 1,6 м и шириной 0,35 м. Рядом с очагом находилась яма диаметром 0,8 м, заполненная золой, стенки ее были укреплены деревянными плахами. Ниже уровня пола вдоль стен жилища шла канавка, на некоторых участках в ее заполнении сохранились остатки дерева. В жилище найдены фрагменты 24 сосудов, а также многочисленны изделия из камня, в том числе два сломанных наконечника стрел на пластинах, концевой скребок и скребок на отщепе, пластина с односторонней приострающей ретушью, ретушер на пластине, миниатюрное тесло, пластины без ретуши.

Третье жилище тоже имело в плане форму квадрата размером 11,5×11,0 м, глубина котлована составляла 0,35–0,50 м. У одной из стен также зафиксирована канавка шириной 0,15–0,25 м и глубиной 0,35 м; в южной стенке находился коридорообразный выход шириной 0,8 м. Предметы, найденные

План раскопа и очертания котлована жилища. Поселение ЮАО XII

Керамика. Поселение ЮАО XII (по В. Т. Ковалевой, С. Ю. Зыряновой)

в жилище, немногочисленны: несколько каменных изделий и фрагменты керамики кошкинского типа.

В 1976–1977 годах В. Т. Ковалевой и Н. В. Варанкиным на **поселении ЮАО XV** исследовались остатки трех жилищ кошкинской культурной традиции. Жилища находились на расстоянии 2–3 м друг от друга и, возможно, составляли одно поселение. Все жилища почти прямоугольные в плане, углублены в материк на 0,5–0,8 м. Одно из жилищ имело площадь 38,4 кв. м и коридорообразный выход размером 2,8–0,8 м. На полу зафиксированы два пятна прокала — возможно, остатки очагов. Внутри жилища по периметру шла канавка, углубленная в пол на 0,1–0,2 м. В канавке зафиксированы ямки от столбов. В результате раскопок на поселении ЮАО XV было отмечено компактное расположение жилищ кошкинской традиции, зафиксировано перекрытие кошкинского жилища боборыкинским, что стало еще одним свидетельством о более раннем возрасте древностей кошкинского типа [29].

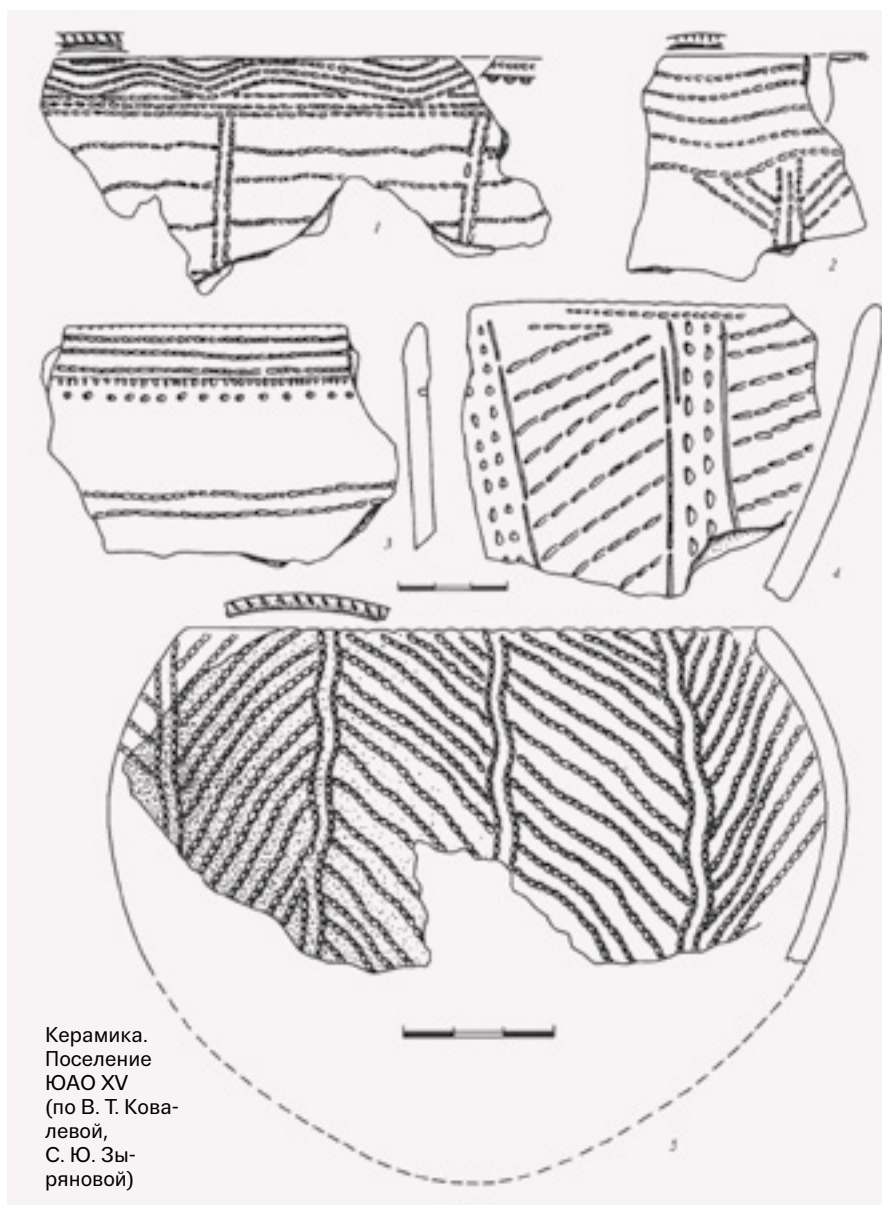
Таким образом, в раннем неолите Зауралья к настоящему времени выделены две культурные традиции — козловская и кошкинская. Основные черты козловской культурной традиции заключаются в следующем. Жилища — прямоугольные полуземлянки (Ташково I) глубиной до 0,8 м, площадью 37–46 кв. м, с очагом в центральной части. В Южном Зауралье исследовано жилище, сооруженное в карстовой воронке, овальной формы, площадью около 25 кв. м, с коридорообразным выходом по направлению с севера на юг (Черников Брод I). Котлован жилища углублен в материк на 0,35–0,45 м. На поселении ЮАО XV к сооружениям козловской традиции были отнесены жилища 1–4 и нижний слой

жилища 6. Два жилища исследованы на поселении Шайдурихинское V.

Керамика представлена сосудами открытой, на крупных экземплярах слегка закрытой формы, с напылом на внутренней стороне венчика и округлыми, приостренными или, редко, уплощенными днищами. В технологии изготовления посуды наблюдается преимущественная однородность сырья — илестые глины с добавлением органического раствора. Техника орнаментации сочетает несколько приемов: преимущественно отступающие наклы, выполненные инструментом с округло-приостренным концом и двузубым штампом; около 15 % посуды орнаментировано со-

План раскопа и очертания котлована жилищ. Поселение ЮАО XV (по В. Т. Ковалевой, С. Ю. Зыряновой)

Керамика. Поселение ЮАО XV (по В. Т. Ковалевой, С. Ю. Зыряновой)

четанием отступающего накола и оттисков зубчатого штампа. Орнамент покрывал всю поверхность сосудов, преимущественно горизонтальные зоны разделялись поясками более крупных наколов или оттисками зубчатого штампа. Каменный инвентарь микропластинчатого облика представлен призматическими, коническими и торцовыми нуклеусами, пластинками и микропластинками, пластинками с ретушью, угловыми резцами, пластинками с выемкой, остриями, сверлами, наконечниками стрел на пластинах. Реже встречаются геометрические микролиты, двусторонне обработанные наконечники, «утюжки», шлифованные топоры и тесла.

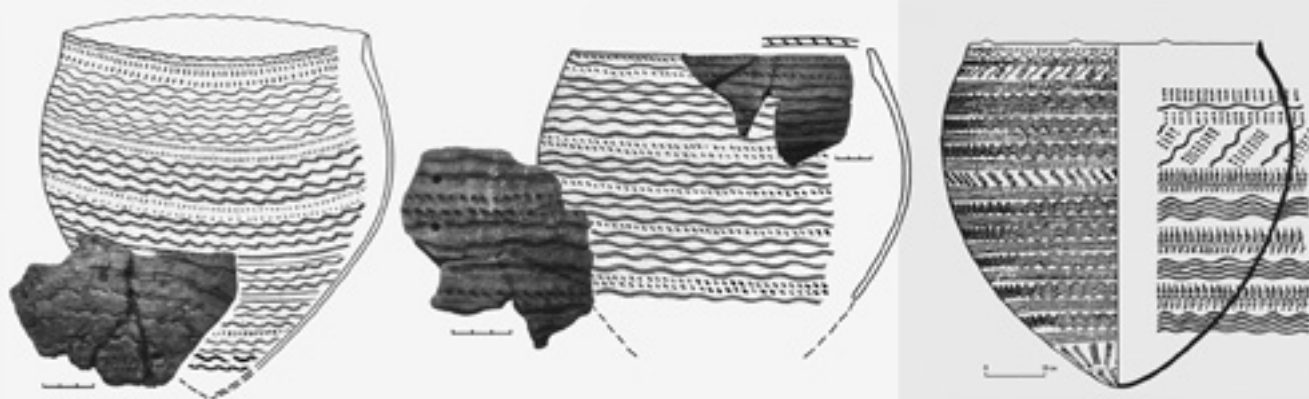
Кошкинская культурная традиция характеризуется следующими чертами. Раскопками на поселениях Ташково III, ЮАО XII и ЮАО XV выявлен тип жилища, который исследователи соотнесли с керамикой кошкинского типа. Жилища почти прямоугольные в плане, площадью от 50 до 120 кв. м, углубленные в материк на 0,5–0,8 м. Очаги устраивались в центральной части домов и были несколько приподняты над полом. На поселении Ташково III вход оформлен ступеньками. Особенность жилищ кошкинского типа — наличие канавок и ям в полу. Керамика кошкинской традиции представлена сосудами закрытой и прямостенной открытой форм, с воротничком на внешней стороне венчика, приостренными, округлыми и, в меньшей степени, плоскими днищами. В технологии кошкинского гончарства зафиксирована разнородность традиций. Часть сосудов изготовлена из илистой глины с добавлением органического раствора, часть содержит примесь шамота. В технике орнаментации основными приемами являются отступающие наколы и прочерчивание. Часть сосудов без орнамента либо с одним пояском из волнистых или прямых горизонтальных линий по верхнему краю. В расположении узоров отмечается сочетание горизонтальной и вертикальной разбивки орнаментального поля, чаще всего в верхних и придонных частях сосудов. Наиболее распространены мотивы из прямых и волнистых линий, реже встречаются мотивы в виде концентрических окружностей, крестов, спиралей на днищах, в виде дерева с параллельными ветвями. Производство каменного инвентаря основано на пластинчатой технике рас-

щепления. Ширина пластин преимущественно 0,8–1,2 см. Из орудий встречаются ножи, проколки, скребели, наконечники стрел; единичны геометрические микролиты. Скребки выполнены на пластинах и отщепах, часто попадаются шлифованные орудия.

В целом каменный инвентарь козловской и кошкинской традиций по своим характеристикам очень близок к предшествующему мезолитическому комплексу. При использовании тех же типов нуклеусов микропластинчатость сокращается до 70–60 %, однако как основной набор пластинчатых орудий (пластинки с ретушью, угловые резцы, концевые скребки, скребки на отщепах), так и характерные изделия (острия с крутой ретушью, отдельные геометрические микролиты и скошенные острия) сохраняются с небольшими изменениями. Появляются отдельные пластинчатые и двусторонне обработанные наконечники стрел, чаще встречаются шлифованные орудия. В целом мезолитический и неолитический комплексы можно считать генетически связанными.

Поздний неолит. Полуденская традиция

Материалы полуденской традиции представлены на многочисленных стоянках и поселениях Зауралья: Полуденка I, II, Чебаркуль I, II, Карьер II, Ташково I, Краснокаменка, Речная I, Кочегарово I и многих других. Однако еще в 1989 году В. Т. Ковалева обозначила основную проблему полуденской традиции: «...из всех групп неолитических памятников в Среднем Зауралье полуденские остаются наименее изученными, среди раскопанных памятников нет ни одного однослойного, который можно было бы считать своеобразным эталоном» [28]. За прошедшие тридцать лет, несмотря на многочисленные исследования вновь открытых неолитических памятников, ситуация практически не изменилась. Как правило, культурные слои, содержащие материалы полуденской традиции, залегают на многослойных стоянках и поселениях, и даже при имеющейся стратиграфии выделить четкий комплекс материальных остатков, принадлежащих

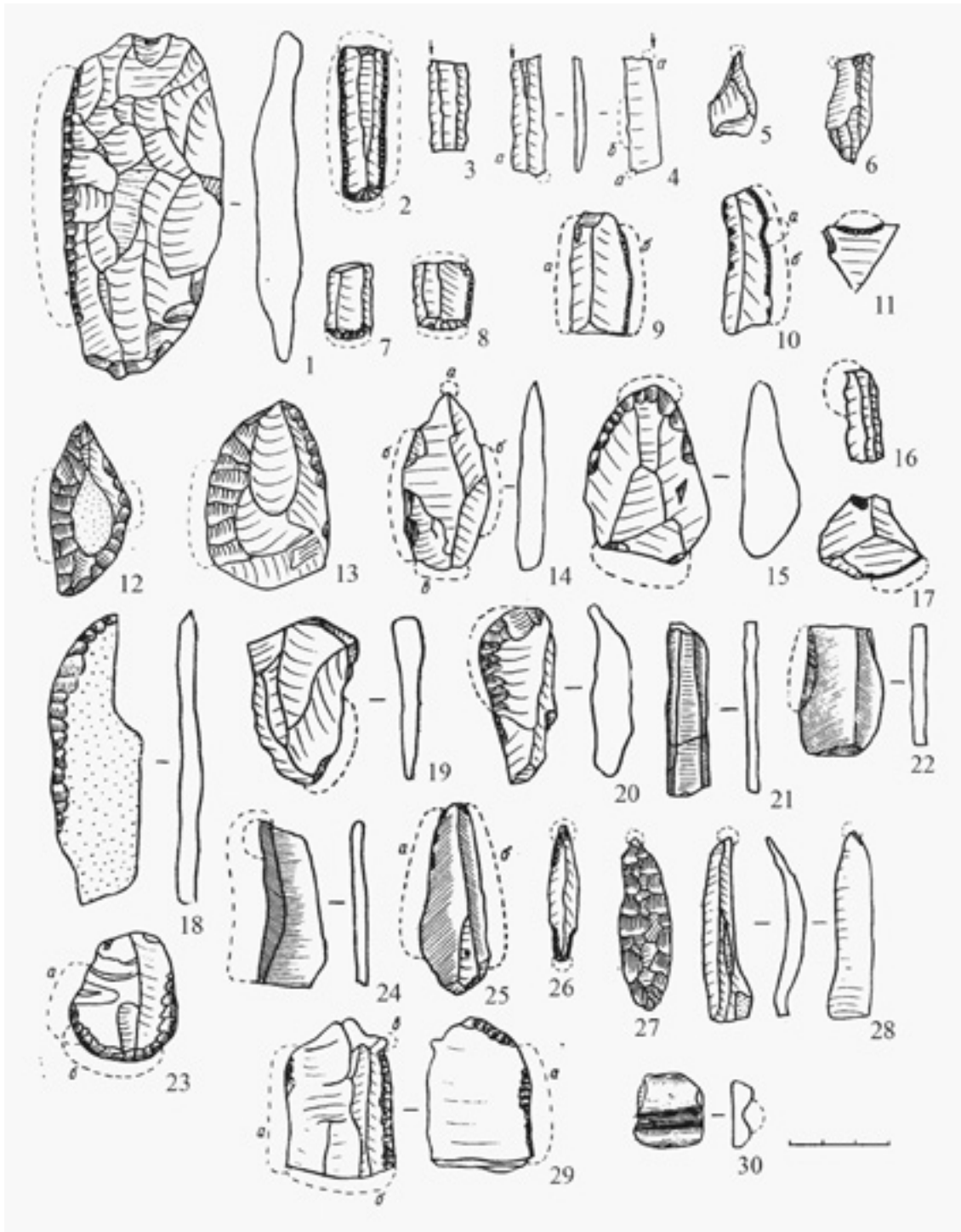
Керамика. Поселение Полуденка I (по А. А. Буньковой)

именно этой традиции, не представляется возможным. При отсутствии стерильных прослоек между разновременными культурными горизонтами в силу природных факторов и деятельности человека неизбежно происходит частичное перемещение артефактов из одного слоя в другой. В результате оказывается возможным типологически выделить лишь керамические комплексы, каменный инвентарь остается не может быть четко привязан к культурному слою и, как правило, не идентифицируется с конкретным комплексом керамики. Часто материалы о нем даже не публикуются. Основным индикатором полуденской традиции по-прежнему является комплекс керамической посуды. Основные черты такого комплекса лучше всего проследить по материалам эпонимного памятника.

Поселение Полуденка I находится в 12 км к западу от Нижнего Тагила, на правом берегу реки Полуденка. В трудных условиях 1944–1946 годов О. Н. Бадер, будучи в ссылке в составе трудармии, при активной поддержке Нижнетагильского горисполкома, треста «Тагилстрой» и краеведческого музея, смог организовать исследования этого памятника. За три года было раскопано 375 кв. м площадки поселения, изучены остатки двух неолитических жилищ. В 1948–1950 годах исследования продолжила Н. П. Кипарисова. В 1954 году на Полуденке I работала экспедиция Государственного исторического музея, которую возглавляла В. М. Раушенбах. В 1970-е годы памятник обследовал Ю. Б. Сериков.

По сведениям О. Н. Бадера, культурный слой залегал непосредственно под дерном и делился на два горизонта — верхний коричнево-глинисто-песчаный с примесью большого количества камней и нижний, тоже глинисто-песчаный, но черный. Общая мощность культурных отложений составляла около 50 сантиметров. Заметных различий между материальными остатками обеих культур в разных горизонтах замечено не было, поэтому О. Н. Бадер посчитал памятник однослойным. В процессе раскопок были обнаружены хорошо выраженные остатки двух жилищ-полуземлянок четырехугольной формы. Исследованное жилище 1 сохранилось только наполовину, а от жилища 2 остался один угол. Стоянка была окружена бревенчатой оградой овальной формы, которая прослеживалась в виде неглубокой заполненной культурным слоем канавки шириной 0,5 м. На дне канавки обнаружены следы ям от столбов диаметром около 20 см. Анализ результатов раскопок позволил О. Н. Бадеру сделать вывод, что полуземлянки могли являться постоянными зимними жилищами. Вокруг ограды, главным образом со стороны речки, были обнаружены очажные ямы и ямы без следов очагов. По мнению О. Н. Бадера, это «следы легких поверхностных сооружений летнего характера, которые население поселка использовало в теплое время года».

А. А. Буньковой (Герасименко) в фондах Нижнетагильского музея-заповедника были проанализированы материалы, собранные на полу-

Каменный инвентарь. Поселение Полуденка 1. 1 — боковой скребок; 2 — двойной концевой и боковой скребок; 3, 4 — боковые резцы; 5 — срединный резец; 6 — клювовидный резец; 7 — концевой скребок; 8 — двойной концевой скребок; 9 — боковой скребок (а); нож (б); 10 — скобель (а); боковой скребок (б); 11 — скобель; 12, 13 — наконечник дротика, боковой скребок; 14 — концевой скребок (в), двойной боковой скребок (б), сверло (а); 15 — лошילו; 16–20 — мясной нож; 21, 22 — шлифованные ножи; 23 — нож (а), скребок (б); 24 — шлифованный строгальный нож (а), коженый нож (б); 25 — нож (а), пила (б); 26 — двулезвийная проколка; 27 — сверло; 28 — проколка; 29 — мясной нож (а), скребок (б), сверло (в); 30 — кусок мела для шлифования древков стрел

и в заполнении жилища 1. Коллекция керамики включала 1054 фрагмента от не менее 95 сосудов [6]. Самую многочисленную группу составила керамика, которую О. Н. Бадер определял как волнисто-гребенчатую. Это фрагменты сосудов полуденской культурной традиции. Они были найдены в заполнении и на дне жилища. К этому ком-

плексу относятся остатки не менее чем 54 сосудов. Днища полуденских сосудов имели приостренную форму. Диаметр устья варьируется от 14 до 36 см. В глиняном тесте зафиксированы примеси талька, дровсы, иногда песка, толщина стенок сосудов 0,4–0,8 см. Край венчика прямой или волнистый, срез широкий и плоский, часто орнаментированный

наколами. С внутренней стороны венчика обязательно присутствует наплыв высотой от 1,5 до 3 см с острым или сглаженным ребром. В некоторых случаях наплыв орнаментирован волнистой линией, которая наносилась гребенчатым штампом. На одном фрагменте наплыв оформлен прочерченной «ромбической сеткой», на двух других «палочкой» была проведена волнистая линия. Орнамент плотно покрывает поверхность сосудов, нанесен исключительно с помощью гребенчатого штампа с использованием разнообразных приемов — печатания, шагания, шагания с протаскиванием, отступания.

По композиции можно выделить три группы декора. Самая многочисленная — это чередующиеся зоны, заполненные прочерченными и шагающими оттисками гребенчатого штампа. Во второй группе пространство между разделительными поясками заполнено наклонными прямыми или волнистыми линиями, образующими взаимопроникающие зоны или заштрихованные треугольники. В третьей группе не использовался такой прием, как прочерчивание. Для этой группы характерны горизонтальное членение композиции, чередование рядов из прямых и волнистых линий, наличие поясов из вертикальных оттисков гребенчатого штампа. Весь набор вероятных орнаментальных схем на полуденских сосудах из жилища включает 12 вариантов.

В коллекции присутствует в небольшом количестве посуда, как кажется, более раннего возраста — например, козловская и кошкинская раннего неолита, — однако за то, что это, возможно, не случайно, говорят факты такого же сочетания на других стоянках (Кедровый Мыс I, Кочегарово I, Мергень 7), о которых речь пойдет ниже.

Тем не менее описанный керамический комплекс является индикатором для идентификации полуденской традиции на любом памятнике неолита Зауралья.

Коллекция каменных изделий, включающая 2523 предмета, была изучена Ю. Б. Сериковым [57]. Она содержит: скребки (235 экз.), стрелы (57), острия (32), ножи (20), отбойники (1), шлифованные плитки (23), шлифованные орудия (33), обломки шлифовальных орудий (104), отщепы с краевой ретушью (71), нуклеусы (96), ножевидные

пластины (211), отщепы (1405), осколки (235). При изготовлении орудий использовался разнообразный материал: кремь, кварцит, туфо-порфирит, окремненный туф, молочно-белый кварц, горный хрусталь, зеленоватый нефрит, сланцы и другие породы местного происхождения. Результаты трасологического анализа позволили Ю. Б. Серикову говорить о наличии на неолитической стоянке Полуденка I развитого производства: обработки кожи (скребки, лощила, проколки, гладильник, кожевальные ножи), пиления и сверления камня (пилки, сверла, развертки), обработки дерева и кости (строгальные ножи, скребки, сверла), шлифования и полирования различных орудий от наконечников стрел и ножей до тесел и топоров.

Несмотря на то что памятник был исследован более 70 лет назад, исследователи до сих пор обращаются к коллекции керамики с поселения как к эталону полуденской культурной традиции.

К памятникам «переходного времени» (от козловской к полуденской традиции позднего неолита) можно отнести керамические комплексы поселений (с запада на восток) Кедровый Мыс I, Кочегарово I, Мергень 7. В керамических коллекциях данных поселений сочетаются сосуды как с «классической» полуденской орнаментацией, так и посуда более раннего облика — с орнаментацией, выполненной прочерчиванием «палочкой», отступающим наколом. Такое сочетание, возможно, могло быть результатом механического смешения разновременных культурных слоев. Площадки памятников заселялись в разное время коллективами с различными традициями. Однако регулярно повторяющиеся факты могут свидетельствовать и о закономерности в единстве таких комплексов.

Стоянка Кедровый Мыс I расположена на площадке в основании мыса Кедровый на полуострове (острове) Сайма, разделяющем озера Большое и Малое Миассово в Южном Зауралье. Западный берег озера расположен в горнолесной зоне, тогда как восточный — уже в лесостепной. Таким образом, можно считать, что стоянка находится на границе лесостепной и горнолесной зон. Исследовалась экспедицией Южно-Уральского филиала ИИА УрО РАН под руководством В. С. Мосина в 2014 году.

Площадь раскопа составила 250 кв. м, охватив практически всю площадку памятника. Обобщенно стратиграфия стоянки представлена следующей последовательностью слоев: дерн (5–10 см, без материальных остатков); темная гумусированная супесь или суглинок (10 см, с артефактами раннего железного века и Средневековья иткульского, гамаянского, бакальского и кушнаренковского облика); слой желто-серой или желто-коричневая супеси или суглинка с вкраплениями гумуса (пестроцвет) (15–25 см, вмещал перемешанные вещественные остатки неолита и энеолита); сохранившийся отдельными пятнами, в основном по краям площадки, слой ярко-желтого или желто-коричневого суглинка с комплексом артефактов позднего неолита (5–15 см); материк — желтая глина, рухляк или скала.

В слоях каменного века каких-либо остатков орудий не обнаружено. Коллекция каменных изделий из неолитического слоя включает 621 предмет: нуклеусы (8 экз.; один — одноплощадочный на

плитке, со скошенной площадкой; три конических; один — торцово-фронтальный, со скошенной площадкой; два — в обломках); пластины без обработки (214, в том числе 33 целых, 75 проксимальных, 60 медиальных, 46 дистальных); пластины с ретушью (49 экземпляра); девять пластин с ретушью утилизации; семь угловых резцов (в том числе шесть с одним резцовым сколом, один с двумя лезвиями); две пластинки с выемками; геометрический микролит (обломок или заготовка асимметричной трапеции или треугольника); пластина с обработанным крутой ретушью торцом и мелкой ретушью по двум краям со спинки; семь остриев (из них три на микропластинках с притупленной вертикальной ретушью спинкой и выведенным на острие необработанным краем, пять симметричных, среди которых одно образовано крутой ретушью со спинки, другое — ретушью со спинки и брюшка, два — ретушью с брюшка); три сверла на пластинах с рабочим лезвием, обработанным характерной ретушью и разворотом рабочего края; две развертки (перфораторы) с характерной противоположной ретушью

Стоянка Кедровый Мыс I

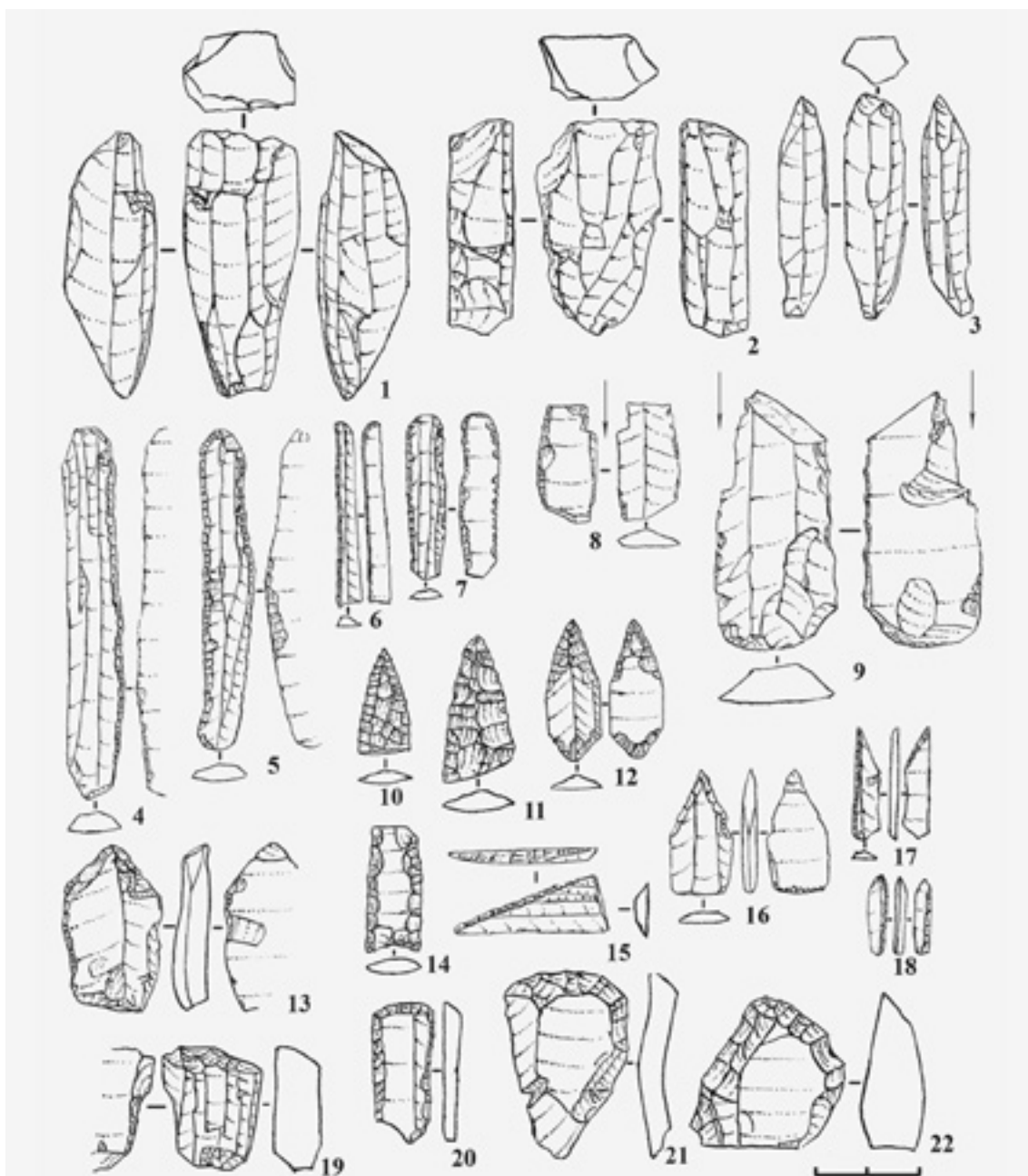
на верхней части пластинки возле ударного бугорка; шесть наконечников стрел (два экземпляра — на пластинах: один целый, с обработанными со спинки и брюшка плоской приостряющей ретушью пером и насадом; другой с обломанным пером, обработанным крутой ретушью со спинки и плоской ретушью с брюшка и насадом, оформленным плоской прилежащей ретушью); 17 концевых скребков на средних и удлинённых проксимальных и медиальных сечениях, с рабочим краем прямой (9 экз.), округлой (5) и скошенной (3) форм.

Орудия на отщепках: двустороннеобработанные наконечники (4 экз.); скребки на отщепках (6); ретушеры (2) с рабочим краем, содержащим характерные заломы и смятости; отщепы с ретушью (9). Деревообрабатывающие орудия: две заготовки для

небольших топориков, а также три скола со шлифованных орудий. Обнаружены также отбойник на крупной кварцитовой гальке с характерными забитыми краями и сколами с поверхности, пять абразивов на плитках песчаника, сланца, хлорита.

Комплекс каменных изделий из неолитического слоя демонстрирует характерный для зауральского неолита пластинчатый характер индустрии. Общее количество пластин (303 экземпляра) почти втрое превышает общее число отщепов (104). Количество орудий на пластинах (35) также превышает число орудий на отщепках (13) почти втрое; треть пластин — это орудия и вкладыши; среди отщепов орудия составляют 13 %. Преобладающая ширина пластин 0,8–1,2 см; у пластин без обработки — 0,8 см, у орудий 1–1,2 см. В половине случаев пла-

Каменный инвентарь. Стоянка Кедровый Мыс I. 1–3 — нуклеусы; 4–7 — пластины с ретушью; 8–9 — угловые резцы; 10–12, 14 — наконечники стрел; 13 — перфоратор; 15 — обломок геометрического микролита; 16–18 — остря; 19–22 — скребки

стины обработаны по спинке — по одному и двум краям в равной степени, с преобладанием мелкой краевой ретуши. Набор орудий в комплексе отражает весь спектр хозяйственной деятельности обитателей стоянки.

Керамический комплекс эпохи неолита представлен 1300 фрагментами, из которых по венчикам и крупным фрагментам стенок можно выделить 36 сосудов. Археологически реконструировать возможно 31 сосуд. В технике декорирования коллекции керамики из неолитического слоя можно выделить две традиции: гребенчато-прочерченную (полуденскую) и прочерченно-накольчатую (козловскую).

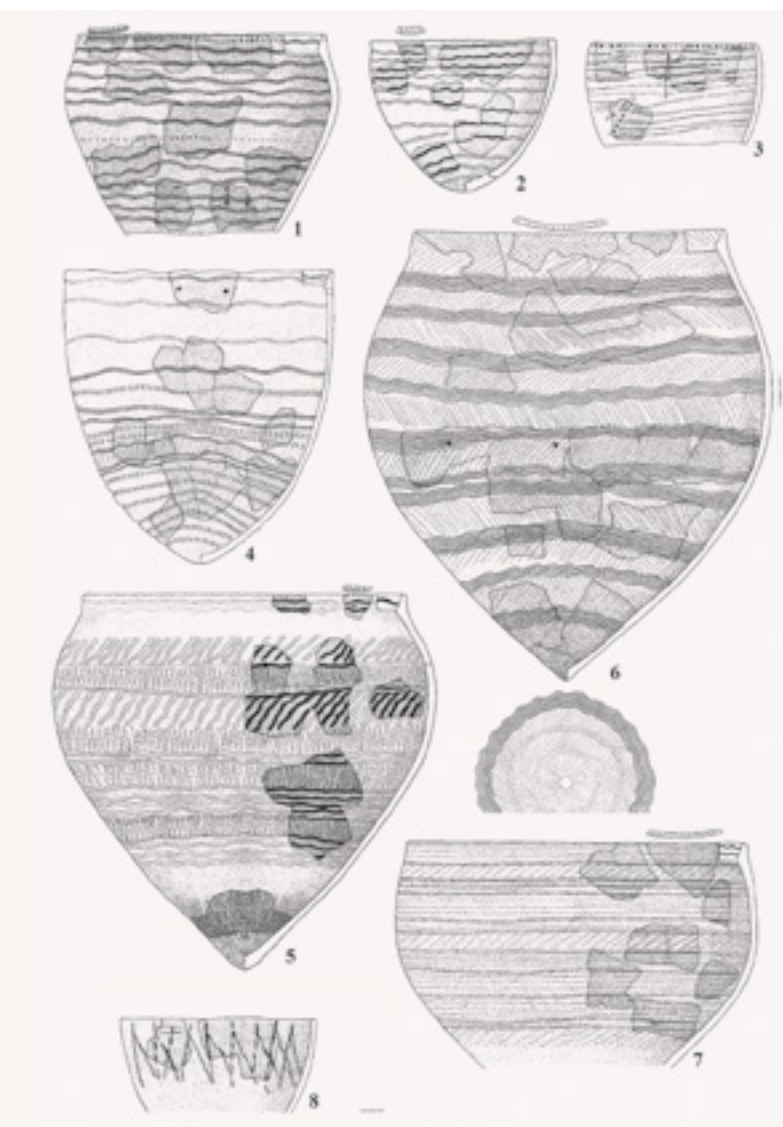
К козловской традиции можно отнести 16 сосудов с прочерчено-накольчатым орнаментом, среди

которых выделяются пять сосудов с прочерчиванием приостренной или двузубой палочкой, два неорнаментированных (отнесены к данной группе по сходному составу теста), четыре сосуда со смешанной техникой (прочерчивание, отступающие наколы треугольной формы, оттиски гребенчатого штампа). Орнаментальная схема проста и связана с горизонтальным зонированием, узор состоит из прямых либо волнистых линий. Срез венчика нередко орнаментирован наколами, насечками, вдавлениями; также в половине случаев сосуды орнаментированы с внутренней стороны венчика волнистым прочерчиванием или наколами. По форме сосуды закрытые, округлодонные; наплывы треугольные, сглаженные или хорошо выраженные.

Сосуды полуденской традиции: два прочерченно-гребенчатых, покрытых следами «шагающей» гребенки и прочерчивания палочкой с широким концом; десять волнисто-гребенчатых, орнаментированных преимущественно движущимся гребенчатым штампом в техниках прочерчивания, отступания, «шагания»; два сосуда, покрытых только оттисками гребенчатого штампа. Орнаментация сосудов усложненная: прочерчивание гребенкой чередуется с оттисками или «шаганием» штампа, наклонными и горизонтальными оттисками для штампованных сосудов; у миниатюрных сосудов горизонтальная орнаментальная схема дополняется или сменяется вертикальной.

Найденные на стоянке каменный инвентарь и керамику можно отнести к «переходным» козловско-полуденским комплексам Зауралья.

Поселение Кочегарово I занимает площадку невысокого мыса на высохшей старице правобережья реки Миасс, в километре к западу от деревни Кочегарово на границе Юргамышского и Мишкинского районов Курганской области. Изучение поселения было начато в 1992 году экспедицией Курганского педагогического института под руководством М. П. Вохменцева, в 2007 году продолжено совместной экспедицией Южно-Уральского филиала ИИА УрО РАН, Южно-Уральского государственного

Неолитическая керамика.
Стоянка Кедровый Мыс I

университета и Курганского государственного университета под руководством В. С. Мосина.

Старица на данном участке огибает мыс в направлении с запада-юго-запада на восток-северо-восток, имеет ширину около 5–7 м. Русло извилистое, местами заболоченное, берега поросли ивняком. Площадка поселения до начала исследований была хорошо задернована, растительность представлена разнотравьем и кустиками чилиги. Изначально на поверхности фиксировались 11 впадин овальной формы, различные по глубине и размерам, принятые за остатки жилищных котлованов. Однако дальнейшие исследования показали, что это природные образования — суффозионные западины, которые в каменном веке были использованы для сооружения построек.

На площадке размером около 2000 кв. м произведен раскоп, изучены остатки восьми жилых сооружений эпох неолита и энеолита, составлена коллекция предметов из культурного слоя поселения, в которую вошло около 20 000 изделий из камня и керамики. Исследования

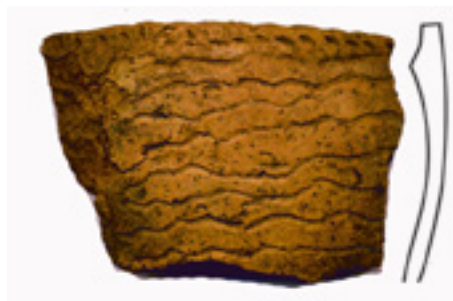
специалистами-почвоведом стратиграфического строения территории поселения, геохимические и споро-пыльцевые анализы, выполненные в Институте физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН и Институте криосферы Земли Сибирского отделения РАН, позволили установить, что шесть из восьми жилищ располагались в суффозионных котловинах, возникших до первоначального заселения площадки памятника в неолите. Неолитическое поселение располагалось только в южной части площадки памятника, на своеобразном мысе. К приходу неолитического населения именно эта часть была свободна от воды, тогда как остальная территория подвергалась сезонным затоплениям. По распространению ожеженных песков установлено, что река протекала в пяти метрах от поселения (в настоящее время это старица в 40 м от площадки памятника). Особенности почвенных горизонтов и местоположение артефактов позволяют предположить, что население неолита жило на речном пляже.

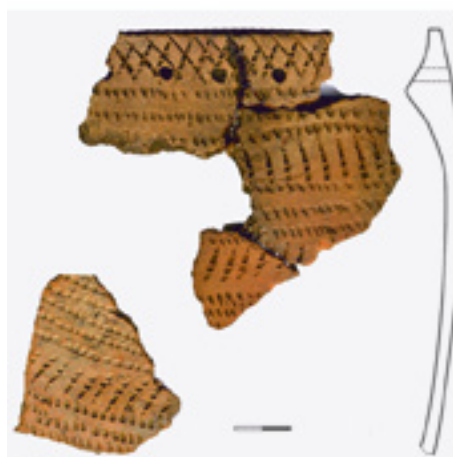
Вид на поселение
Кочегарово I

Неолитический каменный инвентарь.
Поселение Кочегарово I

Керамика раннего неолита.
Поселение Кочегарово I

Вид на расчищенные котлованы жилищ.
Поселение Кочегарово I

Керамический комплекс козловской традиции представлен полуяйцевидными сосудами с острыми днищами, прямыми или загнутыми внутрь верхними краями с наплывами на внутренней стороне. Орнамент нанесен на стенки сосудов прочерчиванием и отступающими наколами. Сосуды полуденской традиции близки по форме к более ранним, но в орнаментации наряду с прочерчиванием и наколами все больший вес приобретают узоры, выполненные с помощью различных вариантов оттисков гребенчатого штампа, «шагающей гребенки» и др. Комплекс каменного инвентаря включает преимущественно традиционный набор пластинчатых изделий: пластины с ретушью, угловые резцы, пластины с выемкой, острия, в единичных количествах геометрические микролиты, концевые скребки на пластинах, скребки на отщепах, двусторонне обработанные наконечники стрел. В целом поселение можно отнести к «переходным» козловско-полуденским комплексам Зауралья.

Поселение Мергень 7 расположено на террасе северо-восточного берега озера Мергень в Нижнем Приишимье. На площадке памятника зафиксировано 11 жилищных впадин диаметром 6–10 м и глубиной 0,3–0,6 м. Поселение исследовалось в 2011 году Д. Н. Еньшиным, который осуществил раскопки на площади 233 кв. м. Им было полностью

изучено двухкамерное жилище площадью около 120 кв. м, а также частично еще два сооружения. Памятник многослойный, содержит материалы боборыкинской, кокуйской, екатерининской и андреевской культурных традиций. Наиболее представительным оказался козловско-полуденский комплекс Зауралья [18].

В заполнении жилищных котлованов были обнаружены фрагменты от 58 сосудов баночной и слабопрофилированной форм. Донышки приотстренные или округлые, толщина стенок 0,5–0,8 см. У большинства сосудов на внутренней стороне венчика имеется наплыв треугольной или округлой формы. Можно выделить следующие техники нанесения орнамента: прочерчивание, накол, «шагающая гребенка» и оттиски штампа. Основными являются прочерчивание и накол. Один сосуд не орнаментирован. Основные мотивы декора: монотонные горизонтальные ряды наколов и волнистые линии; сочетания горизонтальных рядов наколов и волнистых линий, рядов «шагающей» гребенки и горизонтальных волнистых линий. Характерно преимущественно сплошное расположение орнамента и горизонтальная зональность. В качестве разделителей выступают прочерченные линии, ряды наколов, реже пояса «шагающего» гребенчатого штампа. Один сосуд относится к маханджар-

Памятники позднего неолита Зауралья: 1 — Кокшаровский холм; 2 — Юрьинская стоянка; 3 — Шайдурихинское V; 4 — Исетское Правобережное I; 5 — Иткульская; 6 — Абселямовская; 7 — Аргазинские стоянки; 8 — Чебаркульские стоянки; 9 — Краснокаменка; 10 — Красносельская; 11 — Путиловская Заимка; 12 — Боборыкино II; 13 — Ташково I; 14 — Долговское 3; 15 — Кочегарово I; 16 — Пикущка 1; 17 — Усть-Суерка 4; 18 — Увал 5; 19 — Лисья Гора; 20 — Охотино; 21 — Убаган 2–5; 22 — Ново-Шадрино 1; 23 — Остров 2; 24 — Двухозерное; 25 — Ук 6; 26 — Гилево 8; 27 — ЮАО 3, 5, 6, 12, 13а, 15, 16, 18; 28 — Сосновый Остров; 29 — Исток 4; 30 — Чечкино 2; 31 — Юртобор 3; 32 — Мергень 3–7

ской культурной традиции, преимущественно характерной для Кустанайского Притоболья. Материалы по каменному инвентарю поселения, к сожалению, пока не опубликованы.

По основным характеристикам материалов поселение Мергень 7 сближается с кругом козловско-полуденских «переходных» памятников Зауралья.

В лесостепной зоне комплексы полуденской традиции встречены на таких памятниках, как Речное I, Краснокаменка, Путиловская Заимка, Кочегарово I, Долговское III, Ташково I и др. Часть материалов выделена типологически из нестратифицированных слоев.

На **поселении Долговское III** керамика позднего неолита полуденской традиции представлена более чем десятью сосудами. При орнаментации сосудов этой традиции использовались оттиски гребенчатого штампа, «шагания» и отступания инструментов, а также накалывание и прочерчивание «палочкой». По форме сосуды однотипные — полуяйцевидные; напльвы разнообразны — как выраженные треугольные, так и не крупные, оформленные в виде ребра; в некоторых случаях отсутствуют вовсе. Один сосуд представляет собой чашу, сделанную из доньшка со сточенным краем.

В орнаментальных схемах преобладают простые линейные мотивы, распространены «елочки» из оттисков штампа, часто разделенные прочерченными линиями, наколами или горизонтальными рядами оттисков штампа. В двух случаях композиция построена с использованием геометрических фигур — ромба и прямоугольника — и мотива взаимонаклона для штриховки, образующей эти фигуры. Для нанесения орнамента использовались многозубые штампы, а также короткие тонкие трехзубые инструменты.

На **поселении Ташково I** в 2018 году были найдены остатки 19 сосудов позднего неолита, выполненных в полуденской традиции. По имеющимся фрагментам можно реконструировать сосуды яйцевидной и овально-сферической форм, в некоторых случаях с коническим и округло-коническим дном. Оформление напльвов разнообразное: имеются и подтреугольные напльвы, расположенные под венчиком (низко или высоко), и слабо выраженные скругленной формы, и скосы изнутри, подчеркнутые ребром. Один сосуд представляет собой чашу, сделанную из доньшка со сточенным краем.

Орнаментация сосудов достаточно разнообразна за счет использования различных техник:

Раскопанное жилище.
Поселение Долговское 3

Керамика позднего неолита.
Поселение Долговское 3

Керамика полуденской традиции. Поселение Ташково 1

волнистое прочерчивание гребенчатым штампом, «шагание», вертикальные и горизонтальные отски инструмента, в одном случае — отступление. «Разделители» нанесены в технике отступающего накола, а также прочерчивания «палочкой». Композиции орнамента просты и основаны на линейных мотивах, иногда не имеют разделительных зон. Только дно сосуда со сточенным краем орнаментировано, по-видимому, тонким веревочным штампом: оно покрыто «древовидными» мотивами в виде взаимонаклонных треугольников и прямоугольников.

Кроме того, в коллекции есть несколько сосудов, связанных с козловской традицией, орнаментированных в отступающе-накольчатой технике, но трехзубым инструментом (то есть формально — гребенчатым штампом), поставленным под углом к поверхности, так чтобы он оставлял следы «раздвоенной палочки». Видимо, такие сосуды отражают процесс трансформации материальной культу-

ры при переходе от раннеолитических традиций к позднеолитическим.

Необходимо отметить, что у некоторых сосудов имеются очень близкие аналоги в коллекциях с недалеко расположенного поселения Кочегарово I, а также находящейся в предгорьях Южного Зауралья стоянки Кедровый Мыс 1 — их объединяет употребление для лепки характерной красной глины из горнолесной зоны. Керамика иных типов немногочисленна, но «стандартна», что говорит о наличии традиционных связей между носителями полуденской и боборькинской традиций, а также с «соседями» со смежных территорий.

В лесной зоне комплексы полуденской традиции за долгие годы исследований изучены намного лучше и представлены не только керамикой, но и остатками жилых сооружений. В разные годы были исследованы поселения Козлов Мыс I, Карьер II, Исетское Правобережное, Чащиха, Сосновый Остров и другие, содержащие остатки жилищ,

а также стоянки с типологически выделенными комплексами: Чебаркуль I и II, Абселямовская, Аргазинские стоянки и другие [3; 28; 48; 59].

Материалы практически по всем исследованным жилищным комплексам лесной зоны опубликованы в разные годы, поэтому достаточно будет дать краткий обзор основных памятников.

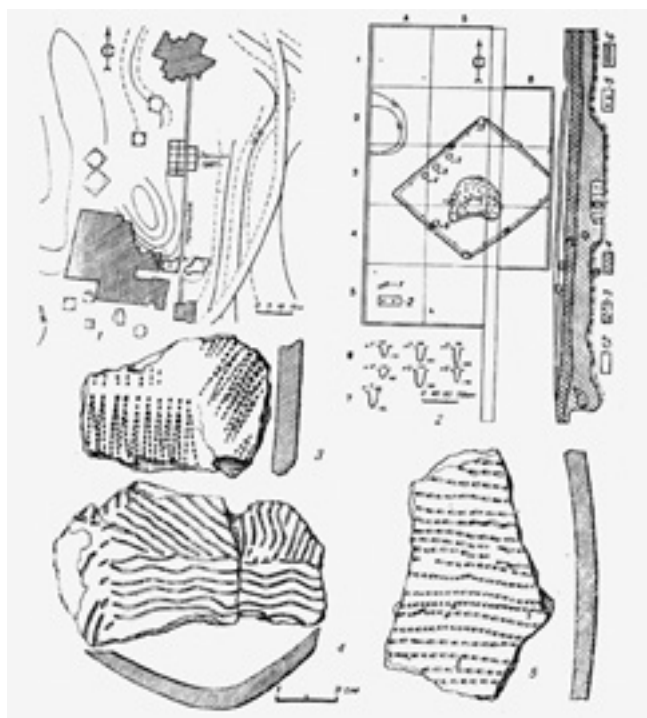
Стоянка Козлов Мыс I, расположенная на мысу, разделяющем Большое и Малое Андреевские озера, была частично исследована В. Н. Чернецовым, затем С. А. Зотовой; в 1967 году раскопки на площади 52 кв. м производились Л. Я. Крижевской и В. Т. Юровской (Ковалевой). Был изучен котлован от жилища размером 3,8×4 м и глубиной 0,4 м от уровня материка с черным углистым пятном в центре пола — видимо, от очага. Сохранившиеся ямки от столбов в полу позволяют реконструировать прямоугольную полуземлянку с вертикальными стенками.

Комплекс керамики с площадки жилища включает фрагменты 25 сосудов прямостенной или закрытой форм, с приостренным дном и наплывом на внутренней стороне венчика. Сосуды орнаментированы волнистыми, горизонтальными, наклонными линиями, а также заштрихованными треугольниками, выполненными в технике отсту-

пающего накола, прочерчивания и «шагающей гребенки». Каменный инвентарь стоянки представлен всего 29 предметами, и связать его с жилищным комплексом не представляется возможным [73].

Поселение Дуванское V расположено в 40 км от Тюмени, на берегу реки Дуван. Исследовалось в 1975–1977 годах В. И. Стефановым. В раскопе было зафиксировано два жилища, одно из которых (жилище 2) представляет значительный интерес. Жилище прямоугольной формы со скругленными углами, размером 11,5×10 м и глубиной до 0,75 м, с коридорообразным выходом длиной до 2 м и шириной до 1,2 м. На полу зафиксирована система канавок, представлявшая собой дренажную систему. Удалось выявить три уровня пола, что свидетельствует о продолжительном, но прерывистом использовании постройки. Почти в центре жилища зафиксированы остатки двух разновременных очагов, расположенных один над другим.

В слоях, близких к полу жилища, найдено девять сосудов — один целый, остальные разрушенные. Сосуды полуяйцевидной формы, с загнутыми внутрь венчиками, раздутым туловом и приостренным дном. Венчики чаще всего плоские, на внутренней стороне стенок под венчиком имеется рельефное утолщение — наплыв. Все

Река Дуван

Общий план, разрез и керамика стоянки Козлов Мыс I (по В. Т. Ковалевой)

сосуды декорированы с внешней стороны. Основные приемы нанесения орнамента: гладкое прочерчивание, наколы и отступающие наколы, реже использование гребенчатого или гладкого штампа. В целом характерна горизонтальная зональность орнамента, но встречается и вертикальная разбивка узоров. Один из основных мотивов — взаимопроникающие треугольные зоны. Горизонтальный пояс из сопряженных треугольников помещался обычно в верхней части сосудов и мог повторяться в средней части тулова. Довольно многочисленна группа сосудов, поверхность которых украшена поясами из наклонных линий, нанесенных гладким прочерчиванием. Орнаментальные поля разбиты на зоны при помощи разделительных поясков из двух-трех или большего числа горизонтальных рядов наколов, либо из нескольких горизонтальных ровных или волнистых линий, выполненных гладким прочерчиванием или способом отступающего накола, либо поясков из наклонных отпечатков гребенчатого штампа. Большая часть каменного инвентаря найдена в слоях, содержащих одновременно предметы более позднего времени, поэтому привязать его к жилищному комплексу не представлялось возможным. Исследователи отмечают лишь пластинчатый характер орудий в коллекции [60].

На **Юрьинской стоянке**, расположенной в Верхнесалдинском районе Свердловской области, на берегу Юрьинского озера, в конце 1950-х — начале 1960-х годов работы проводились А. И. Россадович (материалы не опубликованы), в 1964 году — В. Ф. Старковым. Им были исследованы остатки двух сооружений жилого и хозяйственного назначения. Хозяйственная постройка наземного типа, размером 4,9×2,8 м, прямоугольной формы ограничивалась по контуру столбовыми ямками. В северной части к ней примыкала овальная хозяйственная яма размером 1,3×0,7 м, в которой было найдено десять сосудов, скомпонованных по дватри и вставленных друг в друга. Автор раскопок предположил, что постройка погибла в результате пожара, так как следы слабого кострища были распространены по всей площади постройки. В прибрежной части раскопа были исследованы остатки двухкамерной полуземлянки, котлованы соединя-

лись проходом метровой ширины. Автор исследований предположил существование общего перекрытия [59].

В течение многих лет исследования на Кокшаровском холме, расположенном на территории Юрьинского поселения, проводил А. Ф. Шорин. По его мнению, поселение не однослойное, как предполагали ранее. В культурном слое зафиксированы керамические комплексы, относящиеся практически ко всем культурным традициям раннего и позднего неолита Зауралья: кокшаровско-юрьинской (козловской), кошкинской, полуденской, басьяновской [67], что предполагает наличие смешанного культурного слоя. Шориным же было высказано сомнение в существовании двухкамерного жилища [67].

В далеком 1963 году В. М. Раушенбах на Горбуновском палеоозере недалеко от Нижнего Тагила была исследована **стоянка Чашиха**. В раскопе зафиксированы остатки четырехугольного жилища площадью около 40 кв. м; глубина котлована составляла до 0,5 м. Вход в виде небольшого коридора длиной 0,7 м и шириной 1,2 м был расположен возле северо-восточного угла. Возле стен выявлены следы очагов с остатками кострищ, на трех зафиксированы развалы камней. Углы наклона расположенных по углам жилища ямок позволили В. Ф. Старкову предположить, что жилище могло иметь форму усеченной пирамиды. Керамический комплекс жилища представлен сосудами с гребенчатой и прочерченной орнаментацией [59]. Остатки жилых сооружений были обнаружены также на стоянках Карьер II и Сосновый Остров (нижний слой).

На юго-восточном склоне Урала, на границе лесостепи и степи, в районе озер Банное, Карабалькты, Узун-Куль, на таких памятниках, как Мысовая, Мурат, Ташбулатово I и др., встречены немногочисленные фрагменты неолитической керамики, в том числе относящейся к козловской и полуденской традициям. Однако ее раздробленность и плохая сохранность не позволяют однозначно характеризовать комплексы в целом.

Поздний неолит. Боборыкинская традиция

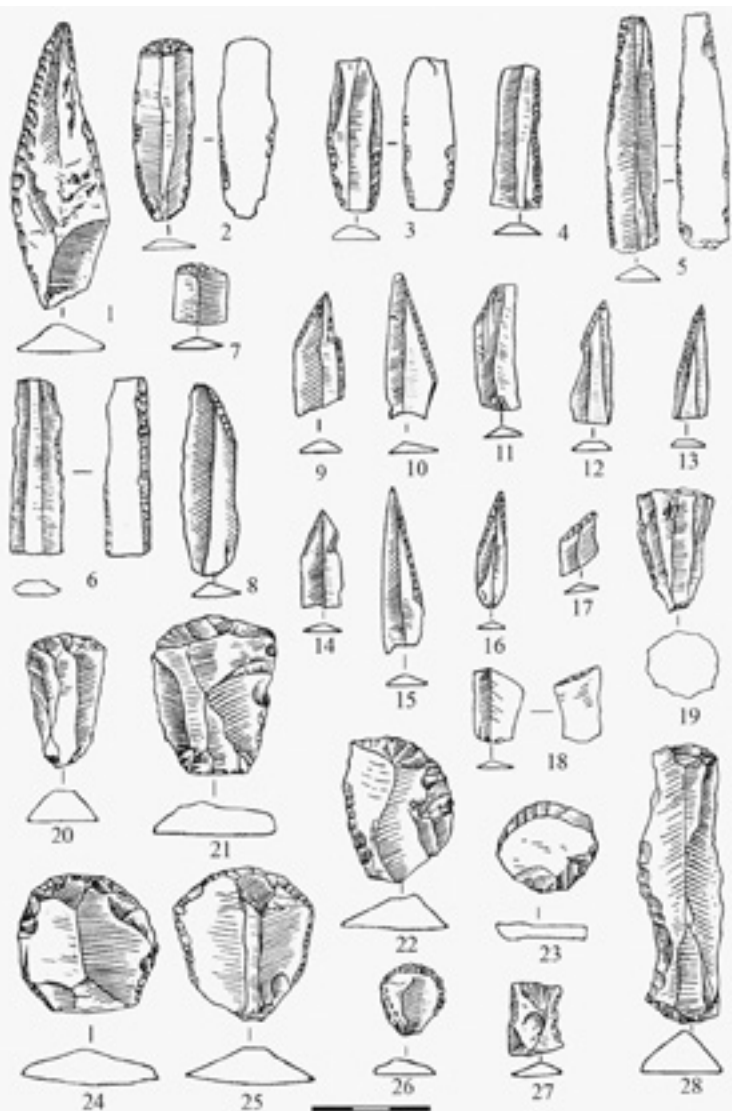
Своеобразной и не имеющей аналогов в уральском неолите является боборыкинская культурная традиция. Ее изучение с момента открытия в конце 1950-х годов и по настоящее время сопровождается постоянными дискуссиями о происхождении этого феномена. Этой теме посвящено много публикаций и фундаментальная монография В. Т. Ковалевой, долгие годы изучавшей боборыкинскую традицию, и ее ученицы С. Ю. Зыряновой [30].

Поселение Боборыкино II находится на расстоянии 0,2 км к западу от бывшей деревни Боборыкино, на левом берегу Исети, на южном склоне песчаной дюны высотой 3 м. В 1957 и 1958 годах Южно-Уральской археологической экспедицией Уральского университета под руководством К. В. Сальникова на этом памятнике были заложены пять раскопов и траншея общей площадью 745 кв. м. Раскопы I и II в центральной части дюны охватили две хорошо заметные на поверхности впадины, где были вскрыты остатки двух жилищ, а также еще одно плохо сохранившееся жилище и яма неясного назначения. Раскопы III и IV были разбиты к западу от первых двух и частично захва-

тили западный и южный склоны дюны. В них было вписано также по одной чуть менее заметной впадине. Жилищ здесь обнаружено не было. В раскопе V исследованы участки стоянки у основания дюны, за ее пределами к югу, в сторону реки. На этой площадке обнаружены три жилища, которые на современной поверхности не были заметны. Траншея прорезала западный склон дюны и вышла далеко за ее пределы. Слабые признаки культурного слоя в траншее найдены только на склоне дюны. В раскопе V и частично в раскопе IV в 1958 году К. В. Сальниковым была обнаружена керамика неизвестного ранее вида, названная им «боборыкинской». Это были в основном плоскодонные сосуды со слегка отогнутыми венчиками и немного выпуклыми плечиками, имелись и более профилированные экземпляры. Было найдено также несколько мелких чашечек. Объединяющим все сосуды элементом являлись насечки по краю горла и выступа на днище. Орнаментирована была только верхняя часть сосудов, иногда небольшая зона у дна. Было отмечено полное отсутствие гребенчатого орнамента. Прочерченный орнамент образовывал горизонтальные или вертикальные зигзаги, вертикальные или наклонные ряды отрезков линий, треугольники, ряды насечек или ямок.

Поселение Боборыкино II.
Вид с севера.
Фото М. П. Вохменцева

Каменный инвентарь.
Поселение Боборыкино II.
1 — наконечник стрелы; 2,
7, 20 — концевые скребки;
3–5 — пластины;
6, 27, 28 —
пластины с выемкой;

8–16 — острия со скошенным краем; 17, 18 — пластины со скошенным краем; 19 — нуклеус; 21–26 — скребки на отщепках (по К. В. Сальникову)

Каменный инвентарь был представлен пластинчатыми изделиями: нуклеусом, пластинами с ретушью, пластинками с выемкой, остриями, геометрическими микролитами — асимметричными трапециями, концевыми скребками и скребками на отщепках. Не имевший тогда аналогов боборыкинский комплекс был отнесен К. В. Сальниковым к энеолиту рубежа III–II тысячелетий до н. э. [55; 56]. В разные годы на поселении Боборыкино II разными исследователями было вскрыто в общей сложности 1135 квадратных метров.

В настоящее время известно около 50 памятников, где встречены материалы боборыкинской традиции. Это поселения лесостепной зоны (Боборыкино II, Ташково I, Пикушка I, Ук VI, Усть-Суерка 4, Юртобор 3, Южный берег Андреевского озера V, IX, XII, XV), горно-лесной зоны (Шайдурихинское V, Палатки I) и многие другие, расположенные в Зауралье.

В лесостепной зоне наиболее представительные комплексы, включающие керамику и каменный инвентарь боборыкинской культурной традиции, были получены при раскопках поселений Пикушка I, Ук VI, ЮАО XII.

Поселение Пикушка I находится на расстоянии 1,3 км к северо-востоку от села Кетово, в 12 км к югу от Кургана. Расположено на песчаном останце правого берега реки Пикушки, на высоте 3 м от современного уровня воды. Открыто и исследовано в 1999 году С. Н. Шиловым.

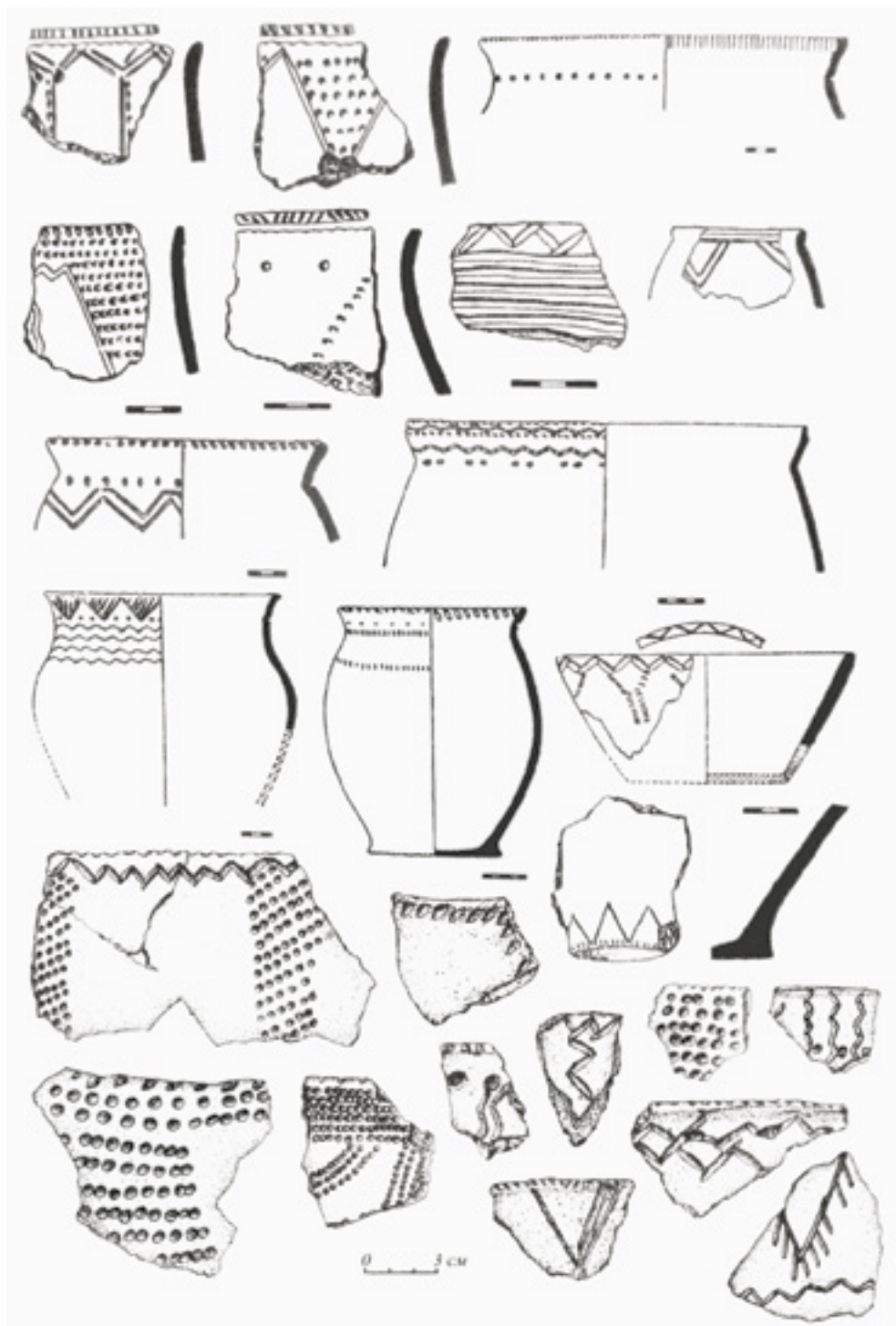
В раскопе площадью 65 кв. м были выявлены остатки трех сооружений, из которых два относятся к раннему железному веку, а постройка № 3 — к боборыкинской культурной традиции. Это четырехугольное сооружение полуземляночного типа размером в плане 3,9×2,8 м. Глубина котлована 0,4–0,5 м. Отмечены внутренние очертания в виде неправильного овала, вытянутого с северо-запада на юго-восток. Коллекция предметов с поселения включает 759 фрагментов от более 40 сосудов и 98 изделий из камня.

Развалы пяти сосудов, выполненных в боборыкинской традиции, планиграфически фиксировались на линии север — юг в центре сооружения № 3 со смещением к западной половине. Один развал был найден в северо-восточном углу. Полностью реконструированы четыре сосуда: два плоскодонных хорошо профилированных горшка с плавно отогнутой шейкой; один округлодонный с плавно отогнутой шейкой; один остродонный с выпуклыми боками и слегка отогнутым венчиком. Большая часть сосудов с поселения крупные, высотой 25–30 см, с диаметром венчиков 22–37 см. Выделено десять сосудов баночной формы, четыре слабо профилированных, десять сильно профилированных; форму остальных емкостей сложно определить по сохранившимся фрагментам. Толщина стенок по-

суды 0,7–0,9 см. Венчик чаще всего округлый, приостренный или уплощенный. Сохранились фрагменты 20 дниц (плоских и округлых) и придонных частей.

В орнаментации боборыкинской керамики преобладают техники прочерчивания и отступающего накола, а также нанесения неглубоких ямок.

Мотивы и композиции наносились орнаментом с округло-приостренным концом. На одном из реконструированных сосудов мотив, характерный для боборыкинской посуды, выполнен оттисками, имеющими сходство с негативом трех-четырёхзубого гребенчатого штампа. Возможно, в данном случае орнаментир представлял собой

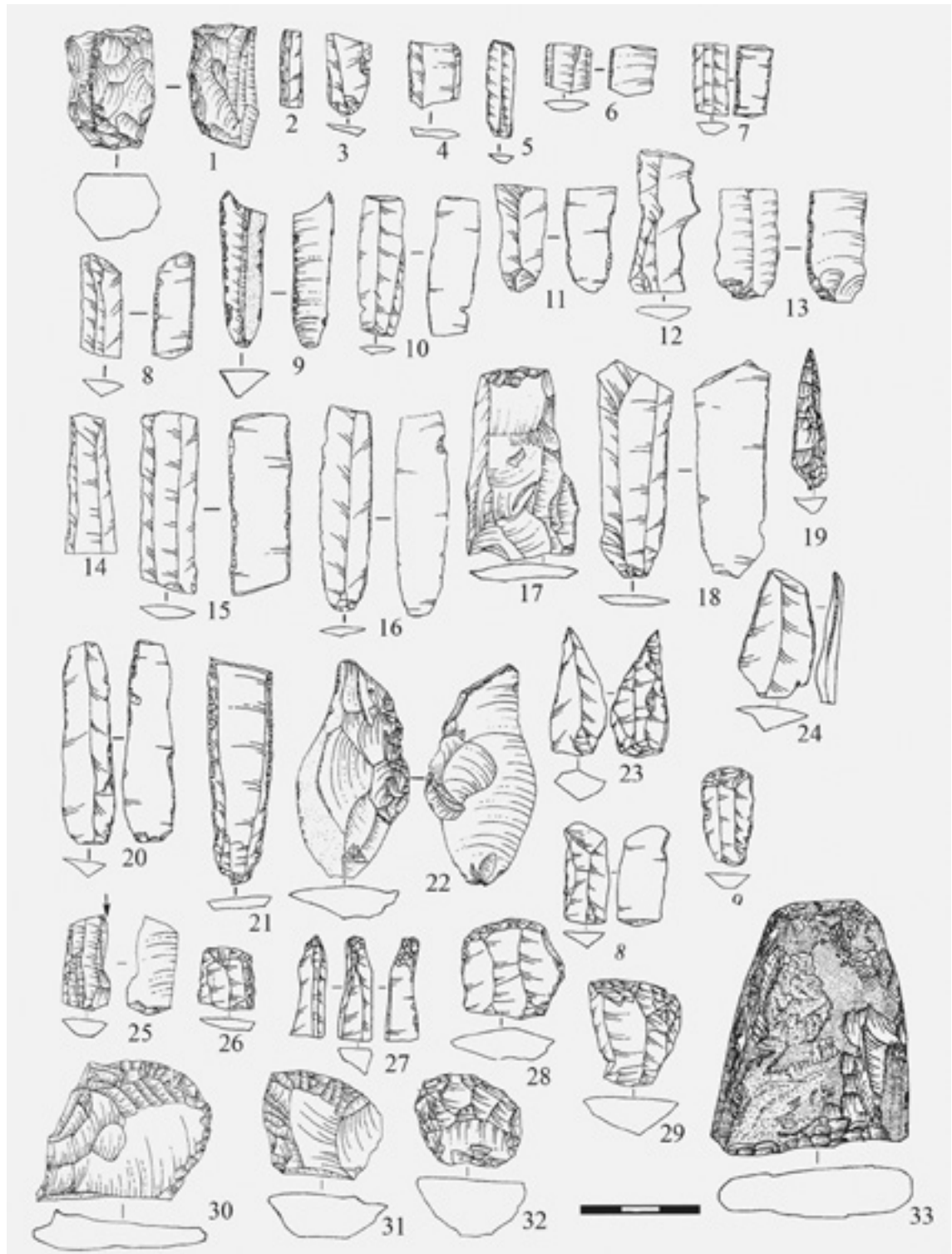

Керамика. Поселение Боборыкино II (по К. В. Сальникову)

щепу, так как контуры зубцов слабо выражены и могли быть негативами волокон дерева. Орнамент на внешней поверхности, как правило, расположен в верхней части сосудов либо сильно разрежен и спускается до дна. Основные мотивы орнамента: горизонтальные и вертикальные линии, зиг-

заги, горизонтальные и вертикальные волнистые линии. Геометрические мотивы: заштрихованные треугольники вершиной вниз, ромбическая сетка, горизонтальные и вертикальные цепочки чередующихся полых и заполненных ромбов, вертикальная «елочка», горизонтальный зигзаг с «отростками».

Каменный инвентарь. Поселение Пикушка 1.
1 — нуклеус;
2–18, 20 — пластина с ретушью; 19, 23, 27 — остря; 22, 24 — отщепы с ретушью; 25 — резец; 26, 28–32 — скребки; 33 — рубящее орудие

Особый интерес представляет плоскодонный сосуд с плавно отогнутой шейкой, в которой имеется ряд сквозных отверстий диаметром 3–5 мм. Между отверстиями прочерчены узоры — группы наклонных отрезков, образующих вертикальную «елочку». Ниже под шейкой нанесен такой же мо-

Керамика. Поселение
Пикушка I

тив. На внешней стороне плоского дна сосуда имеется контурное изображение фигуры человека, развернутого вправо.

Комплекс находок из камня включает: нуклеус, нуклевидные куски, реберчатые сколы (в том числе два скола с ретушью, одно острие), 56 пластин (в том числе 18 с ретушью, а также острия, резчик, резец, скребки — всего 11 экз.), 25 отщепов (в том числе пять отщепов с ретушью, 13 скребков), шлифованное орудие, отщепы со шлифованных орудий.

Поселение Пикушка I представляет собой редкий случай хорошо стратифицированного боборькинского памятника, где можно дать более точную характеристику коллекции каменного инвентаря. Трасологическое исследование изделий из камня позволило классифицировать памятник как стационарное поселение, на котором производилась обработка продуктов охоты и были развиты домашние производства: обработка кожи, изготовление деревянных изделий.

Поселение Ук VI расположено в 5 км к востоку от города Заводоуковска Тюменской области, на высокой стрелке старицы реки Ук (правый приток Тобола). Открыто в 1987 году А. С. Сергеевым. Первоначально на площадке памятника были зафиксированы 22 впадины различных размеров и глубины, расположенных двумя параллельными рядами. Поселение заселялось неоднократно, часть жилищных впадин относится к энеолиту и бронзовому веку. В 1991 году совместной экспедицией Самарского и Петропавловского педагогических институтов при участии В. И. Стефанова был произведен раскоп на площади около 300 кв. м, исследована одна из впадин, которая оказалась остатками жилища площадью 120 кв. м, глубина котлована составляла до 1,5 м. Жилище имело форму четырехугольника и соединялось переходом с соседним сооружением.

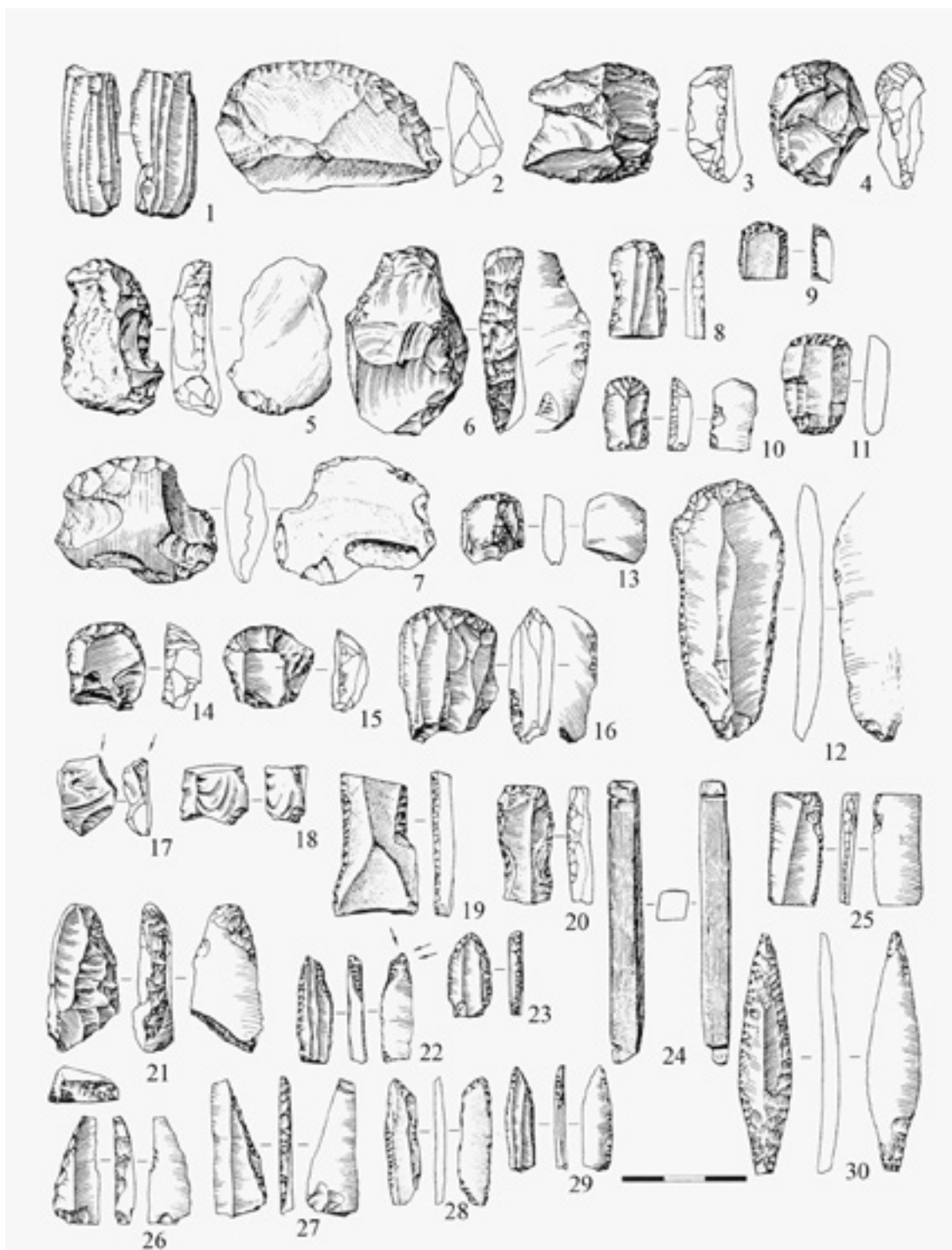
Коллекция предметов с поселения включает остатки 124 керамических сосудов и 263 изделия из камня. К боборькинской культурной традиции отнесено 114 сосудов различной формы: профилированные сосуды, сосуды баночной формы с прямыми стенками, с плоскими или округлыми днищами. При орнаментации использовались

прочерчивание, отступающие наколы, ямочные вдавления. Украшалась либо верхняя часть сосуда, либо вся его поверхность, но разреженно. Основные мотивы декора: горизонтальные и вертикальные линии и зигзаги, цепочки ромбов и треугольников, вертикальная «лесенка». С использованием гребчатого штампа орнаментированы десять сосудов; здесь основными мотивами являются горизонтальные ряды шагающей гребенки и ряды наклонных оттисков штампа. Сосуды боборыкинской традиции и украшенные гребчатым штам-

пом одновременны и составляют один комплекс (часть «гребчатых» сосудов относится к маханджарской традиции, распространенной на территории Северного Казахстана).

Каменный инвентарь представлен нуклеусами призматической, клиновидной, плоской, торцевой форм и с выраженной пластинчатой техникой. Преобладают средние по ширине пластины, микропластины в составе комплекса 13 %. Орудия на пластинах составляют большую часть коллекции, среди них имеются пластины с ретушью, острия,

Каменный инвентарь. Поселение Ук VI. 1 — нуклеус; 2–16 — скребки; 17, 22 — резцы; 18 — отщеп с ретушью; 19–21, 25 — пластины с ретушью; 23, 26–29 — острия; 24 — подвеска; 30 — наконечник стрелы

Керамика. Поселение Ук VI

Керамика. Поселение
Ук VI (по И. Б. Василь-
еву, В. А. Выборнову)

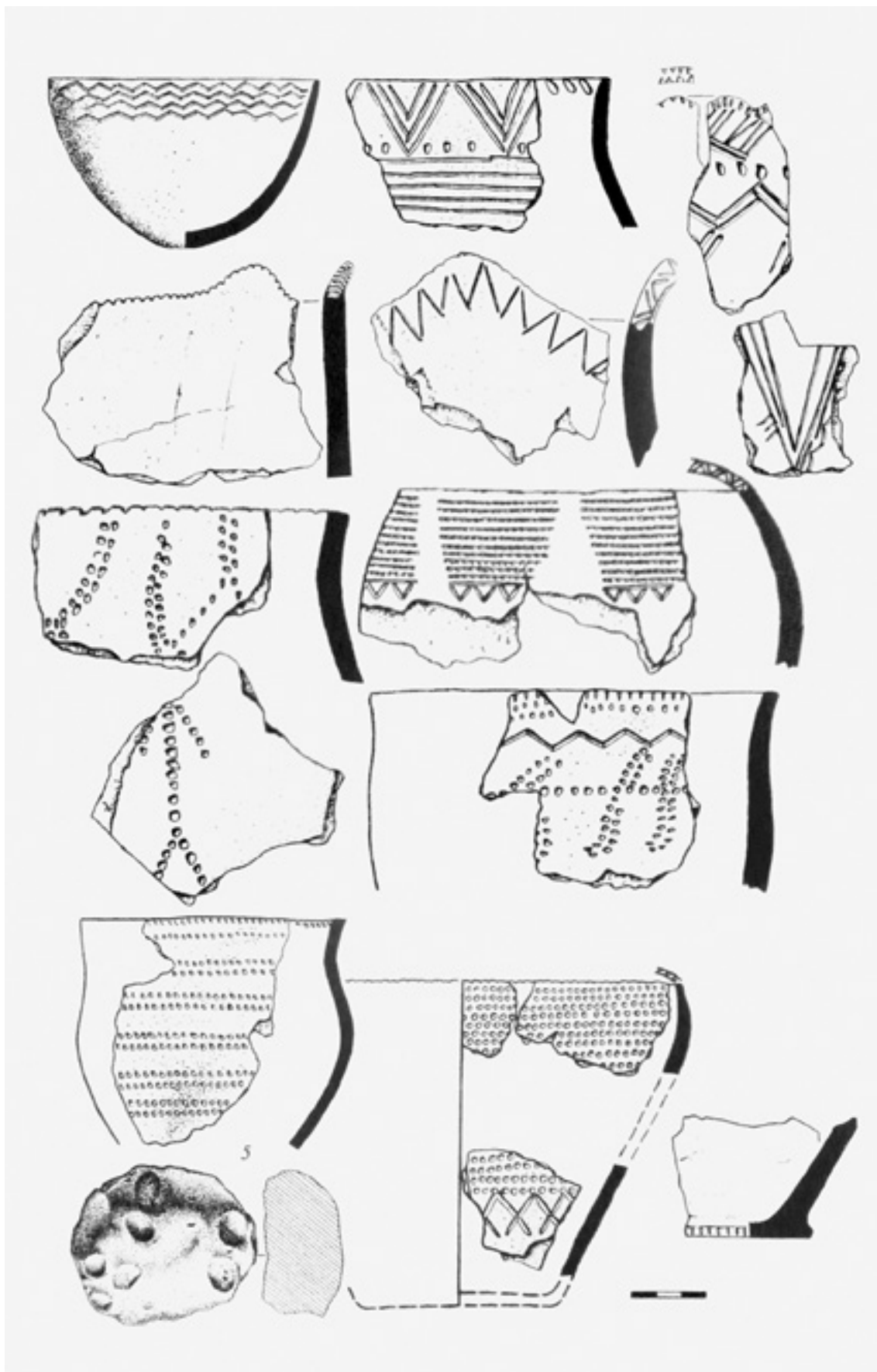
геометрический микролит (трапеция), концевые скребки, наконечник стрелы. На отщепках большей частью выполнены скребки и отщепы с ретушью. Найдены шлифованное тесло, орудия и сколы со шлифованных орудий. Трасологический анализ показал высокую степень использования орудий для разных целей [7; 30].

Интересный комплекс, сочетающий керамику и каменный инвентарь, был получен при раскопках участка **Южный берег Андреевского озера XII**. Здесь в 1974–1975 годах В. Т. Ковалевой были произведены раскопки на площади 412 кв. м. Исследованы три жилища с изделиями боборыкинской традиции. Жилища типа полуземлянок прямоугольной формы имели размеры 38, 42 и 44 кв. м, были углублены в материк на 0,4–0,5 м. Выходами ориентировались в сторону озера. На полу жилищ

находились очаги, ниже уровня пола — небольшие дренажные канавки.

В коллекции предметов с поселения насчитывается 122 сосуда боборыкинской традиции и 275 изделий из камня. Сосуды профилированные либо закрытой баночной формы, с плоскими и округлыми днищами. У некоторых плоских днищ фиксируется характерный для этого типа посуды небольшой наплыв с насечками по краю. В большинстве случаев сосуды украшены в верхней части, иногда и в придонной, или же разреженно по всей поверхности. Орнамент выполнен прорисовыванием палочкой, отступающими наколами, неглубокими ямочными наколами. Встречаются сосуды без орнамента. Основные мотивы декора: горизонтальные зигзаги, полые и заштрихованные треугольники вершиной вниз, ромбическая сетка, горизонтальные

Керамика.
Поселение
ЮАО XII
(по В. Т. Кова-
левой)

и наклонные линии. Интересны фрагменты сосуда с изображением человеческой фигуры и сложными композициями из ломаных линий. Найден также глиняный утюжок с орнаментом.

Коллекция изделий из камня включает: семь нуклеусов призматической и конической форм, пластины с ретушью (в основном со спинки), наконечники стрел на пластинах, угловые резцы на пластинах, остря, резчики, скребки концевые на пластинах и скребки на отщепках, шлифованные орудия и их обломки, отщепы с ретушью. Трасологический анализ, проведенный Ю. Б. Сериковым, показал разнообразие функционального назначения орудий, распространение комбинированных орудий, переоформление орудий, вышедших из употребления. Наиболее употребляемыми были различные ножи и скребки [30].

В лесной зоне восточного склона Урала наиболее представительным памятником боборыкинской традиции является поселение **Шайдурхинское V**, открытое в 2003 году С. Ю. Зыряновой и исследованное в 2003–2006 годах В. Т. Ковалевой и С. Ю. Зыряновой. Это единственное в горнолесном Зауралье полностью раскопанное поселение боборыкинской традиции. Находится в Невьянском районе Свердловской области, на северо-восточном берегу озера Аятское. В границах двух раскопов были изучены три жилища раннего неолита козловской традиции (раскоп I), три жилища боборыкинской традиции (раскоп II), а также предположительно культовый комплекс к востоку от жилищ раннего неолита, также боборыкинской принадлежности. Комплекс состоял из канавы Г-образной формы, двух ям и очага. Примечательны находки из комплекса: каменный утюжок ромбической формы, фрагмент каменного диска с двусторонним сверлением из того же материала, что и утюжок, и развал боборыкинского сосуда.

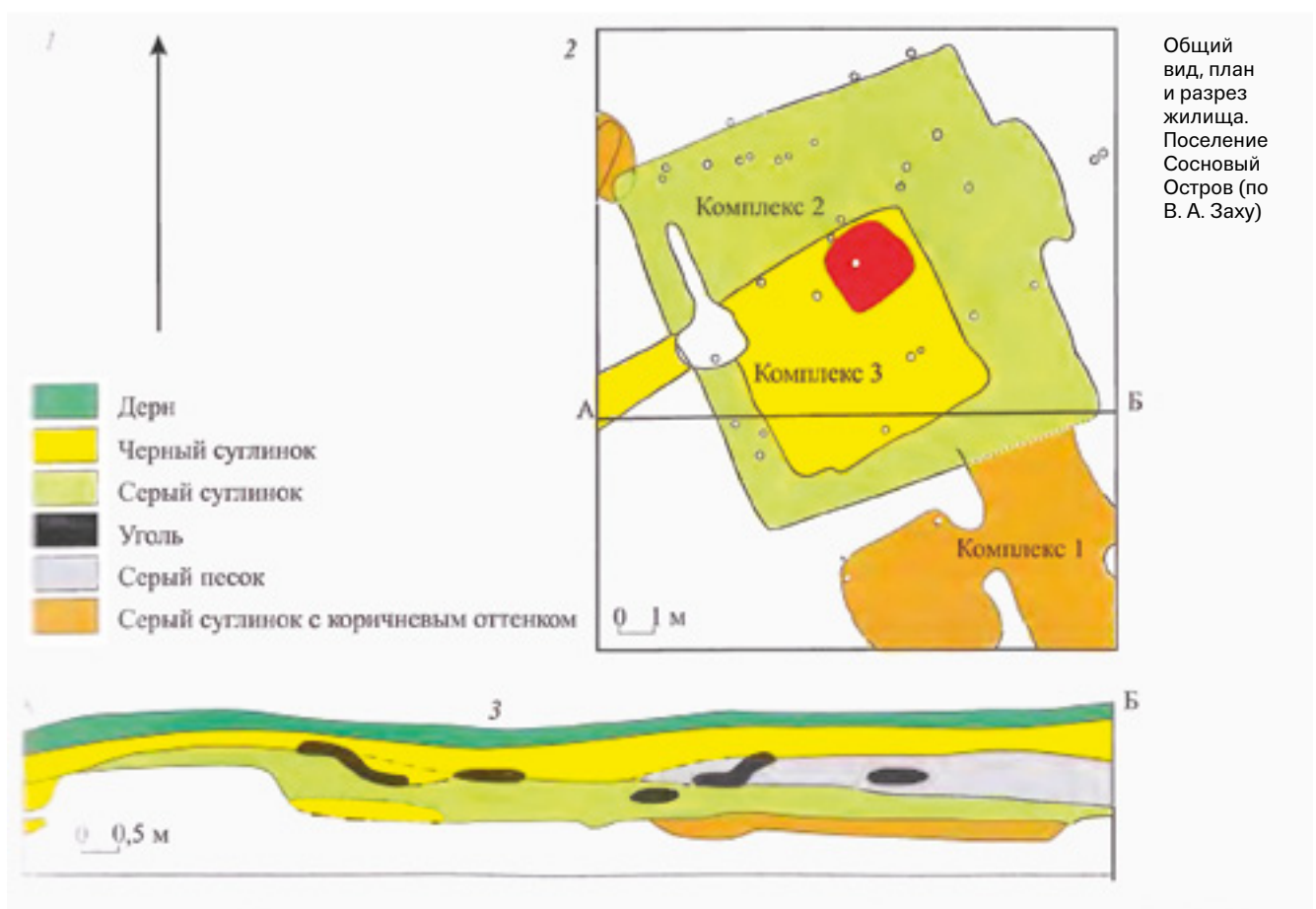
Четырехугольной формы жилища были размером 5,4×6, 4,5×5,7 и 5,9×5,95 м (глубина котлованов 0,2–0,4 м), с очагами на полу. У жилищ 1 и 2 имелись коридорообразные выходы. Коллекция керамических изделий включает 332 сосуда боборыкинской традиции. Сосуды профилированные, с резко отогнутой или прогнутой шейкой; имеются также банки с прямыми или слегка закрыты-

ми стенками. Днища преимущественно плоские, с характерным наплывом, есть также округлые и округло-уплощенные. Выделяются сосуды с горизонтальными валиками у верхнего края и украшенные ямками треугольной и ромбической формы. Большинство сосудов орнаментировано прочерчиванием, неглубокими ямками или их сочетанием. Орнамент занимает преимущественно верхнюю часть сосудов. Основные мотивы достаточно просты: горизонтальные прямые и волнистые линии, зигзаги, треугольники. Композиции выстроены по горизонтальной схеме.

В коллекции каменного инвентаря 1248 предметов, преимущественно из кремнистых пород. Нуклеусы конической, клиновидной и призматической форм. Среди орудий преобладают орудия на пластинах средней ширины, микропластины составляют 20 %. Набор изделий из камня включает пластинки и сечения с ретушью и без таковой, скребки, остря, резчик, обломок наконечника стрелы, рубящие и шлифованные орудия. Наиболее многочисленны пластины с ретушью, а также скребки (как на пластинах, так и на отщепках). Выделяются также остря — симметричные, асимметричные, одно скошенное и обломок наконечника на пластине. Рубящие орудия представлены топорами, теслами и стамесками, выполненными двусторонними плоскими сколами, со следами сработанности на рабочих лезвиях. Компактное расположение строений и характер остатков материальной культуры позволяют сделать вывод об одновременном функционировании жилищ в пределах одного поселка.

На заключительной стадии неолита выделяется локальный (нижнетуринский) сосновоостровский тип памятников. Стоянка Сосновый Остров была первоначально исследована В. Д. Викторовой. В 1970-е годы О. Н. Бадером выделен сосновоостровский этап позднего неолита лесного Зауралья.

Наибольшая концентрация памятников наблюдается в Нижнем Притоболье, по берегам озер Андреевской системы, в пределах Тарманского озерно-болотного массива. Сосновоостровские поселения расположены на возвышенных участках или склонах речных и озерных террас. Нередко

Валентина Дометьяновна Викторова (р. 11.08.1933, Москва) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии каменного века Института истории и археологии Уральского отделения РАН. В 1951–1955 годах училась на историческом факультете Уральского государственного университета, в 1960–1962 годах — в аспирантуре. В 1970 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Население эпохи железного века лесной полосы Среднего Зауралья» (научный руководитель доктор исторических наук В. Ф. Генинг). В 1956–1960 годах преподавала историю в школе рабочей молодежи № 11. В 1963–1981 годах работала на кафедре философии Уральского политехнического университета ассистентом, затем старшим преподавателем. Доцент (1974). С 1981 года старший научный сотрудник отдела истории Института экономики Уральского научного центра АН СССР, с 1988 года старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. В конце 1980-х годов одна из инициаторов создания историко-ландшафтного парка «Истоки Исети». Член Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Опубликовала 128 научных работ.

Удостоена серебряной медали ВДНХ за научное обоснование проекта «Истоки Исети» (1992).

Основные публикации:

Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси) / науч. ред. Л. Н. Корякова. Екатеринбург : Квадрат, 2008. 208 с.

Викторова В. Д. Вещь и знак в археологии. Екатеринбург : Квадрат, 2017. 272 с.

Викторова В. Д. и др. О предмете археологической науки // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977. С. 3–9.

Викторова В. Д. Эмпирическое и теоретическое в археологическом познании // Вопр. археологии Урала. 1981. № 15.

Викторова В. Д. Актуальная культура и археологическая культура // Вопр. археологии Урала. 1991. № 20. С. 15–23.

Викторова В. Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // Наука. Общество. Человек. Вестн. Урал. отд-ния РАН. 2008. № 1 (23). С. 31–45.

Викторова В. Д. Образы предков в представлениях древних людей (эпоха камня) // Наука. Общество. Человек. Вестн. Урал. отд-ния РАН. 2011. № 4. С. 117–127.

Викторова В. Д. Образы предков в представлениях древних людей (эпоха металла) // Наука. Общество. Человек. Вестн. Урал. отд-ния РАН. 2012. № 4 (42). С. 97–107.

Викторова В. Д. Системный подход к анализу сакрального пространства культовых памятников // Наука. Общество. Человек. Вестн. Урал. отд-ния РАН. 2013. № 3. С. 83–94.

поселки возводились на останках среди обширных пойменных или заболоченных пространств. Например, Сосновый Остров занимает северо-восточную часть «острова — песчаной дюны, возвышающейся на 2 м над уровнем заболоченной части озера» Средний Тарман. Жилища представляли собой полуземлянки подквадратной или подпрямоугольной формы площадью от 46 до 100 кв. м и более, глубиной до 1,5 м от материка. В центральной части жилищ и по периметру внутри и за пределами котлованов находились столбовые ямки. Иногда внутри жилищ вдоль стены отмечались углубленные канавки или углистые следы от сторевших плах. В центре жилищ обнаружены прокалы и очаги.

Посуда имеет полуяйцевидную форму, украшена горизонтальными поясками «шагающей» гребенки, перемежающимися двумя-тремя рядами горизонтальных линий зигзагов или поясков из мелких треугольников и ромбов. Обязательным элементом

Кокшаровский холм. Вид на памятник. Фото А. Ф. Шорина

Раскопки святилища Кокшаровский холм

украшений является поясок жемчужин по верхнему краю сосуда. Каменный инвентарь носит ярко выраженный пластинчатый характер. Пластинки в большинстве случаев узкие, с параллельными гранями, шириной от 0,7 до 1,7 см, представлены в основном сечениями. На пластинах изготовлены концевые скребки, остря, резцы, наконечники стрел и, вероятно, ножи. Выделяются удлиненные листовидные, подтреугольные и треугольные наконечники стрел. Из сланца выполнены ножи, топоры и тесла. Из песчаника изготовлены различные абразивные плитки [23].

Отдельного внимания заслуживает такой феномен неолита Зауралья, как Кокшаровский холм.

Святылище Кокшаровский холм расположено в лесной зоне Среднего Зауралья, на берегу озера Юрьинское, в границах Верхнесалдинского городского округа (Свердловская область). Долгие годы исследовался А. Ф. Шориным.

Кокшаровский холм представляет собой искусственное земляное сооружение диаметром около 40 м, высотой более 1 м в южной и около 3,5 м в северной части, созданное в неолитическое время в центре Юрьинского поселения, функционировавшего в то же время. Данные, полученные во время

Александр Федорович Шорин (р. 15.08.1952, г. Первоуральск Свердловской области) — профессор, главный научный сотрудник сектора археологии каменного века Института истории и археологии Уральского отделения РАН. В 1974–1977 годах работал учителем в средней школе, в 1977–1980 годах был младшим научным сотрудником в лаборатории археологических исследований Уральского государственного университета. В 1980–1982 годах служил в армии. В 1982–1988 годах преподавал на кафедре истории Нижнетагильского государственного педагогического института. В 1988 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы», в 1995 году — докторскую «Энеолит Среднего Зауралья: проблемы культурогенеза». С 1988 по 2013 год научный сотрудник, заведующий отделом археологии и этнографии, заместитель директора по научным вопросам, с 2013 года главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. С 1997 года одновременно профессор кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета. Член ученого совета. Начальник Среднеуральского отряда

археолого-этнографической экспедиции вуза. Член редколлегии журнала «Уральский исторический вестник» и редакционного совета журнала «Археология, этнография и антропология Евразии». Эксперт РНФ и РФФИ. Автор 170 публикаций, в том числе семи монографий и учебных пособий.

Основные публикации:
Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза : монография. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1999. 182 с.

Шорин А. Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий : учеб. пособие к спецкурсу. Екатеринбург : УрГПУ : ИИиА, 1999. 91 с.

Шорин А. Ф. Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма в Среднем Зауралье // Рос. археология. 2000. № 3. С. 88–101.

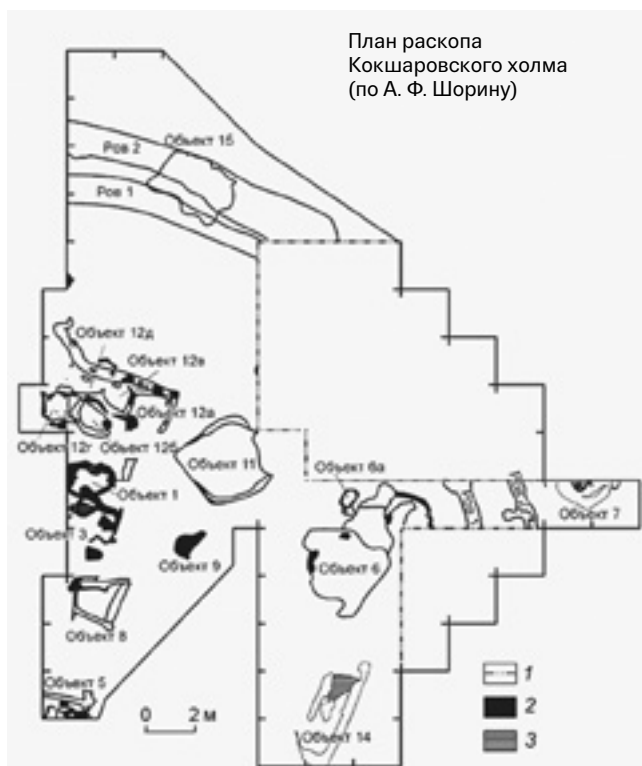
Шорин А. Ф. История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной). Курган : Изд-во Курган. ун-та, 2007. С. 30–42.

Шорин А. Ф. Святылище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Урал. ист. вестн. 2010. № 1 (26). С. 32–42.

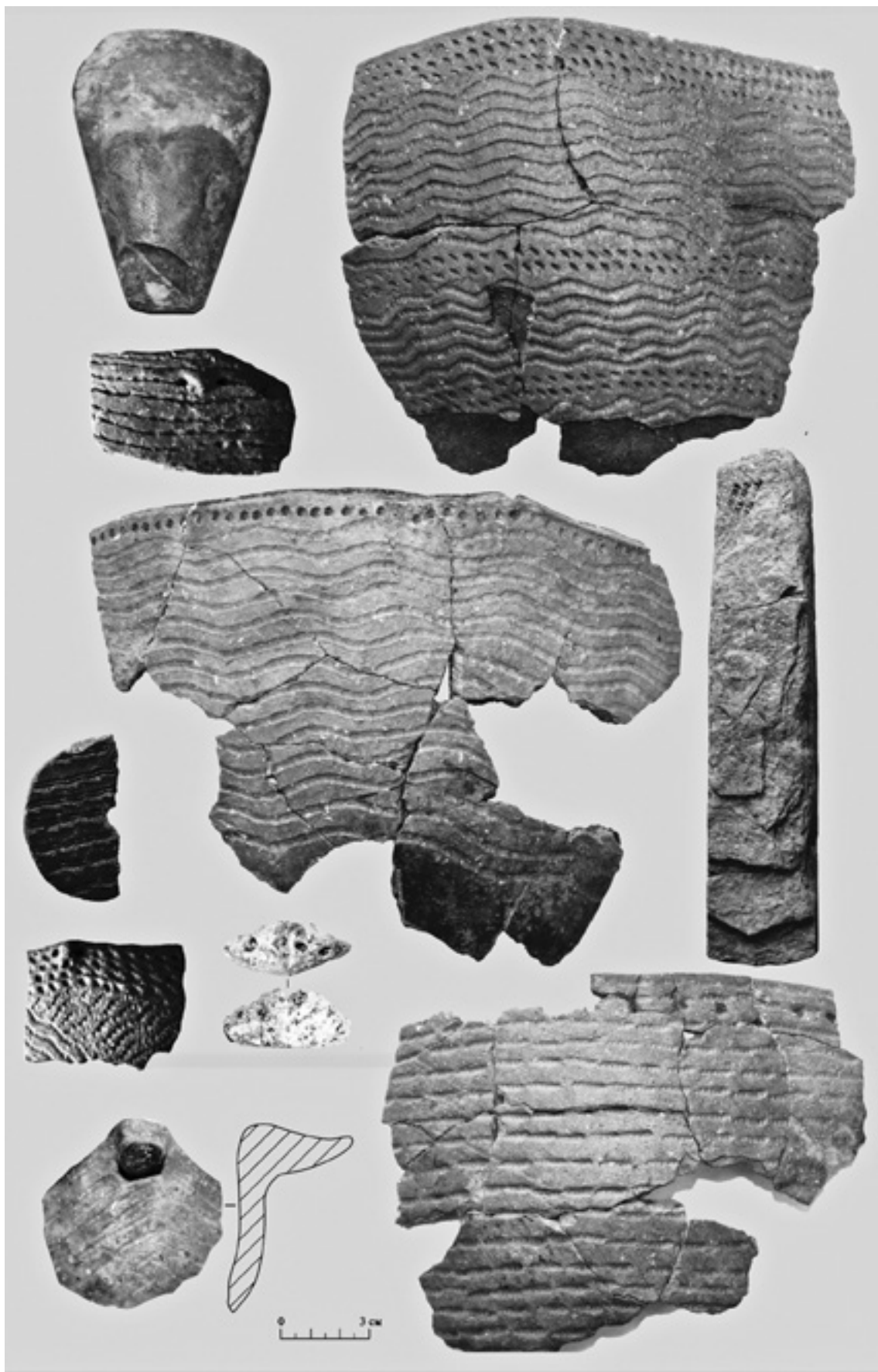
Шорин А. Ф. и др. Басьяновский археологический комплекс эпохи позднего неолита: основания выделения // Рос. археология. 2015. № 1. С. 5–18.

Шорин А. Ф. и др. Каменный инвентарь святылища Кокшаровский холм // Рос. археология. 2016. № 3. С. 20–33.

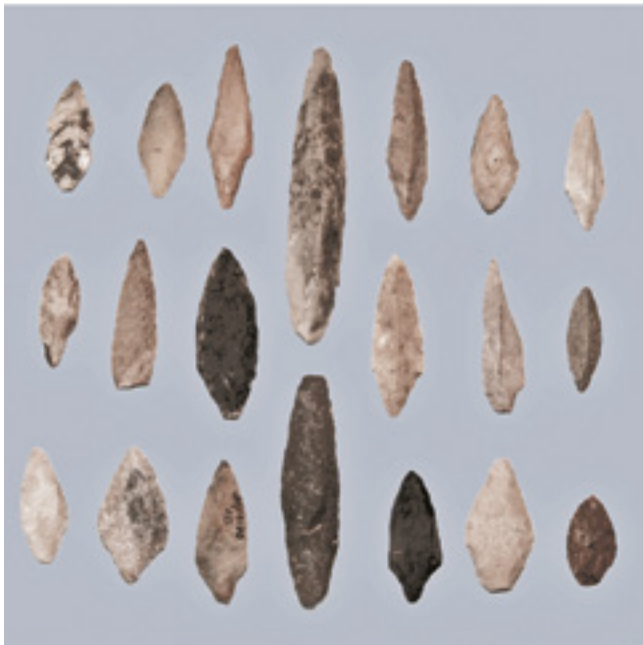
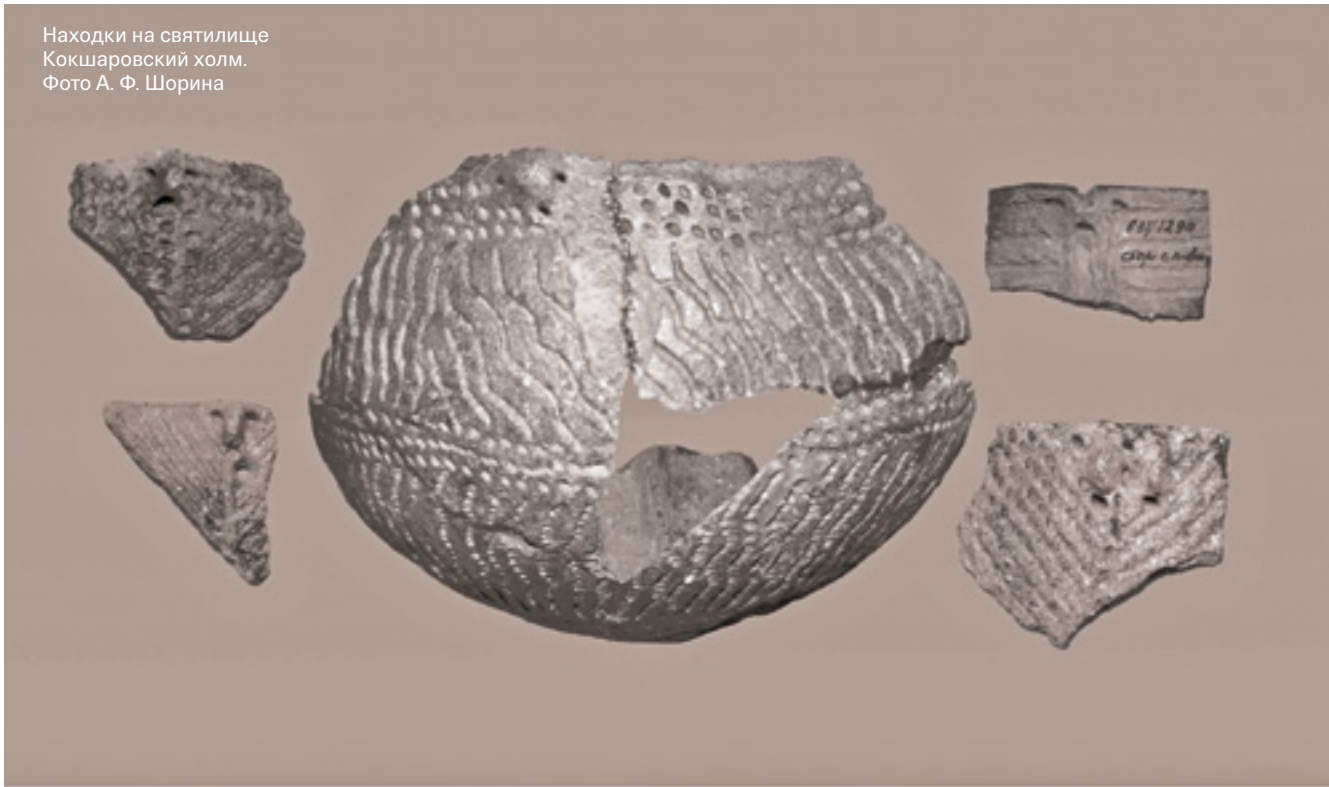
Шорин А. Ф. и др. Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Кокшаровского холма // Урал. ист. вестн. 2018. № 3 (60).

Находки на
святилище
Кокшаровский
холм. Фото
А. Ф. Шорина

Находки на святилище
Кокшаровский холм.
Фото А. Ф. Шорина

раскопок Кокшаровского холма, позволили автору исследований считать памятник святилищем высокого ранга. На территории поселения для обрядовых действий была сооружена возвышенная площадка, что потребовало значительных трудозатрат. Было зафиксировано не менее трех этапов подсыпки холма в неолитическое время. Затем терри-

торию холма отделили от Юрьинского поселения двумя рвами.

В насыпанных слоях холма зафиксированы остатки 15 деревянных строений размерами 2×2 и 5×5 м, высотой не менее 1 м, которые образовывали огороженное канавками четырехугольное пространство. В канавках удалось зафиксировать

уголь от сгоревших жердей, из которых, вероятно, были сложены стены. Исследователь памятника предполагает, что это были деревянные «домики для духов», подобные тем, что существовали у хантов и манси. Рядом или внутри некоторых из них отмечены конструкции меньших размеров — 55×30 и 80×55 см. Эти объекты либо перекрыты чередующимися прослойками светлого материкового песка и углистого материала, либо сооружены на подушках из таких прослоек. Внутри или рядом с некоторыми из таких построек найдены перевернутые вверх дном сосуды. Обнаруженные следы мощных кострищ свидетельствуют, что после проведения обрядов на площадке деревянные конструкции сжигались. Культовый характер холма подтверждают и необычные находки: сверленная орнаментированная каменная булава в виде стилизованной головы животного, тальковые стержни с насечками, глиняная головка уточки, керамические «пряслица» и диски, обломок обушковой части сланцевого шлифованного ножа серповидной формы, оформленный в виде головки птицы, глиняные предметы сферической и биконической формы, обычно орнаментированные, глиняные «утюжки», свыше 60 сосудов с зооморфными налечами и др. В слоях святилища представлена посуда всех культурных традиций неолита Зауралья: кошкинской, козловской, боборыкинской, полуденской. Вполне вероятно, что Кокшаровский холм являлся святилищем для неолитического населения Зауралья, и что очень важно — для носителей различных культурных традиций.

Энеолит Зауралья

К настоящему времени исследовано более ста памятников, материалы которых полностью или частично можно отнести к энеолиту. На восточных склонах Урала и Зауральском пенеппене это поселения Агаповка I, Суртанды VIII, Мурат, Путиловская Заимка, Кысы-Куль, Шувакиш, Горушки I, Аятское I и II, Разбойничий Остров и др., погребение у села Дружного, могильник Скворцовская Гора V, культовые места Кокшаровский холм и Усть-Вагильский холм; в Притоболье: стоянки Боборыкино II, Кочегарово I, Коршуново I, Вавилон I, Двухозерное I, Липихинское 5, Сазык 9, Нижнеингальское 3, Старолыбаево 4, Липчинская, Чечкино 2, Юртобор 21 и др., а также святилища Савин I и Слабодчики I и грунтовые могильники Бузан 3, Чепкуль 21 и могильник на озере Большое Андреевское.

Интересующий нас временной отрезок — вторая половина V — IV тысячелетие до н. э. — относится к энеолиту, или периоду раннего металла. Зафиксированные следы появления металлургии и металлообработки меди, как и, собственно, металлические орудия, единичны и практически не повлияли на общую картину эволюции каменного инвентаря и хозяйства в целом. На Урале предметы из меди или следы металлургии обнаружены на 20 памятниках из более чем сотни изученных, несмотря на богатую рудную базу Урала. Ножи найдены на стоянках Кысы-Куль, Няшевка II, Чебаркуль IV, Карагайлы I, Янышка, Малый Липовый X [37; 56]. Изготовлены с помощью ковки. Различаются по размеру, форме рабочей и рукояточной частей. Медные шилья встречены на стоянках Чебаркуль Ха и Карабалыкты IX [48; 45]. В погребении у села Дружного найдены два медных колечка диаметром 11 миллиметров с несомкнутыми концами. Кроме готовых изделий на стоянках Суртанды VI–VIII, Латочка, Мурат, Малый Липовый X, Путиловская Заимка и др. обнаружены следы металлургического производства: медные пластинки, слиточки, сплески и капли меди. На стоянке Бурли II найдены кусочки медной руды [48; 37]. Кроме того, встречаются фрагменты энеолитической керамики со следами металлургических процессов в виде капелек

меди или ошлакованности на внутренней поверхности. Как правило, это обломки небольших сосудов, поверхность которых от воздействия высокой температуры видоизменилась (имеет белесый цвет и шероховатость). Спектральный анализ образцов показывает, что в подавляющем большинстве случаев основу сплава (99 %) составляет медь и только 1 % распределяется между естественными примесями. Эти данные отчетливо характеризуют начальный этап металлургического производства в Южном Зауралье.

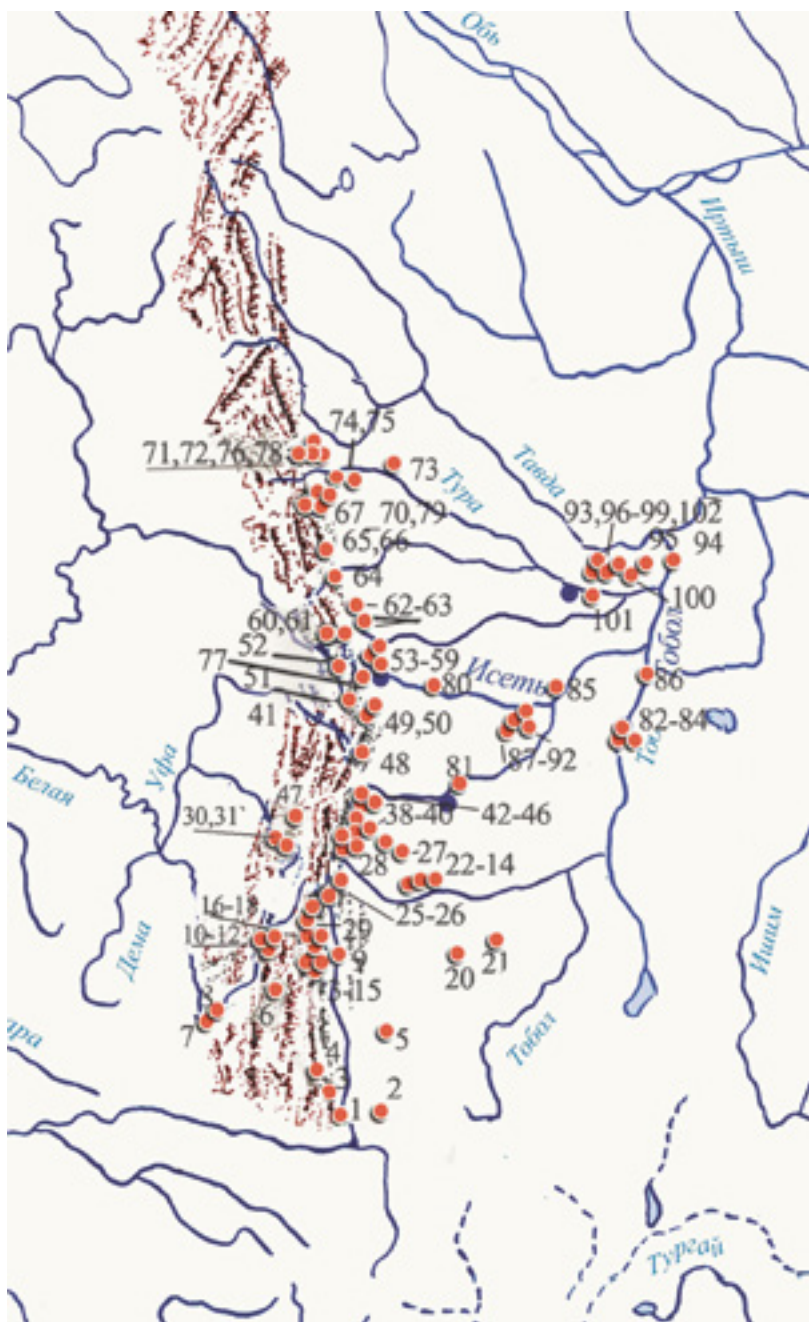
На поселении Кочегарово I в Притоболье зафиксированы обломки мелких пластинок, проволок, капли меди. В Приишимье следов металла не обнаружено, в Прииртышье известны три металлических предмета [47], в Приобье — достоверно один [27]. По основному критерию выделения энеолитических памятников к этому времени можно относить комплексы, в которых присутствует керамика, орнаментированная отпечатками гребенчатого штампа, с простыми и геометрическими мотивами, шагающей гребенкой, крупногребенчатыми

Карта энеолитических памятников Зауралья.

Основные энеолитические памятники:

1. Ново-Кумакская
2. Ударник
3. Ишкиновка
4. Макан I
5. Александровский IV
6. Карагай-Мурун 1
7. Батран 1
8. Грот археологов
9. Агаповка I
10. Бельская
11. Кага I
12. Кага II
13. Суртанды III
14. Суртанды VI
15. Суртанды VIII
16. Банное I
17. Карabalыкты IX
18. Мысовая
19. Бакшай (Ново-Байрамгулово)
20. Дружный
21. Бурли II
22. Стрелецкая II
23. Стрелецкая IV
24. Путиловская Займка
25. Карагайлы I
26. Речной I
27. Красносельская
28. Краснокаменка
29. Мурат
30. Юрюзанская IIб
31. Юрюзанская IIв
32. Чебаркуль I
33. Чебаркуль II
34. Чебаркуль IV
35. Чебаркуль X
36. Чебаркуль XV
37. Чебаркуль XVI
38. Латочка
39. Кораблик
40. Няшевка II
41. Песчаное I
42. Кысы-Куль
43. Остров Веры
44. Аргазы VII
45. Малый Липовый
46. Березки
47. Веселовка
48. Шатанов 3
49. Уфа IV

50. Абселямовская
51. Чусовское Озеро III–IV
52. Половинное I, II, V
53. Верхняя Макуша
54. Макуша III
55. Шувакиш I
56. Шувакиш XI
57. Палатки I, II
58. Карасьеозерская Ia
59. Малый Шарташ
60. Шитовской исток XI
61. Таватуй
62. Аятское I
63. Аятское II
64. Шайтанское Озеро I
65. Горушки I
66. Шигирское городище
67. Береговая I
68. Береговая II
69. Береговая III
70. Горбуновский торфяник, VI разрез
71. Кокшарово I
72. Кокшаровско-Юрьинская I
73. Боровая 1
74. Малый Таушкан
75. Першинская I
76. Юрьино IV
77. Разбойничий Остров
78. Кокшаровский холм
79. Шайдурихинское V
80. Боборыкино II
81. Кочегарово 1
82. Вавилон 1
83. Савин 1
84. Слабодчики 1
85. Коршуново 4
86. Усть-Суерка 4
87. Двухозерное I
88. Липихинское 5
89. Сазык 9
90. Старолыбаево 4
91. Нижнеингальское За
92. Бузан 3
93. Чепкуль 21
94. Юртобор 21
95. Чечкино 2
96. Шакуль 1
97. Малый Барашек 1
98. Велижаны 1
99. Велижаны 2
100. Сосновый Остров
101. ЮАО 8
102. Липчинская

и рамчатыми штампами, гусеничками, веревочкой и отступающими наколами (ложношнуровая). Все эти типы керамических изделий встречены на памятниках со следами металлургии или металлообработки. Остальные уральские памятники мы относим к энеолиту на основании совпадения типологических признаков керамики и каменного инвентаря.

Основные изделия, связанные с системой жизнеобеспечения, изготовлены из кремнистых пород, что позволяет рассматриваемый исторический отрезок — энеолит (эпоха раннего металла) — считать заключительным этапом каменного века.

На Южном Урале граница между лесом и степью в энеолите достигла положения, близкого к современному, и в дальнейшем оставалась более или менее стабильной. В лесостепном Зауралье в период функционирования поселения Кочегарово I в энеолите (около 5400–5200 лет назад) окружающий ландшафт представлял собой пойменный луг. Предварительно можно предположить, что в то время залесенность была выше, чем в настоящее время. Об этом свидетельствует и остеологический анализ костных остатков с поселения. Среди костей млекопитающих преобладают кости медведя, зафиксировано также наличие костей лошади, лося, благородного оленя, косули, барсука, куницы и выдры. В Притоболье, Тоболо-Ишимье и на юге Западной Сибири в течение атлантика происходило чередование степных ландшафтов с ксерофитной растительностью и кустарниковой березой и березово-сосновых лесов и лесостепей. Ландшафты современной северной лесостепи были сопоставимы с южными лесостепными. Около 5100–5000 лет назад в результате воздействия умеренно-сухого и теплого климата произошло некоторое остепнение ландшафтов. В долинах рек сохранялись крупные участки леса, на равнинах доминировали березовые колки с примесью ольхи ивы и калины. Возможно, в это время типичная лесостепь немного продвинулась к северу. Начало суббореального времени связано с умеренным похолоданием и увлажнением. Лесостепные ландшафты, однако, занимали часть современной подтайги. В долинах распространялись березовые леса, часто с ольхой. Господствовали ландшафты

лесостепного типа, отмечалось продвижение на юг бореальных лесных компонентов — кедра, сосны, ели [24]. В целом для энеолитического периода региона характерны лесостепные ландшафты, ближе к широте Тюмени граничившие с южной кромкой лесной зоны, а на юге захватывавшие районы северной степи с реликтовыми сосновыми борами, по экологии близкими к лесостепным.

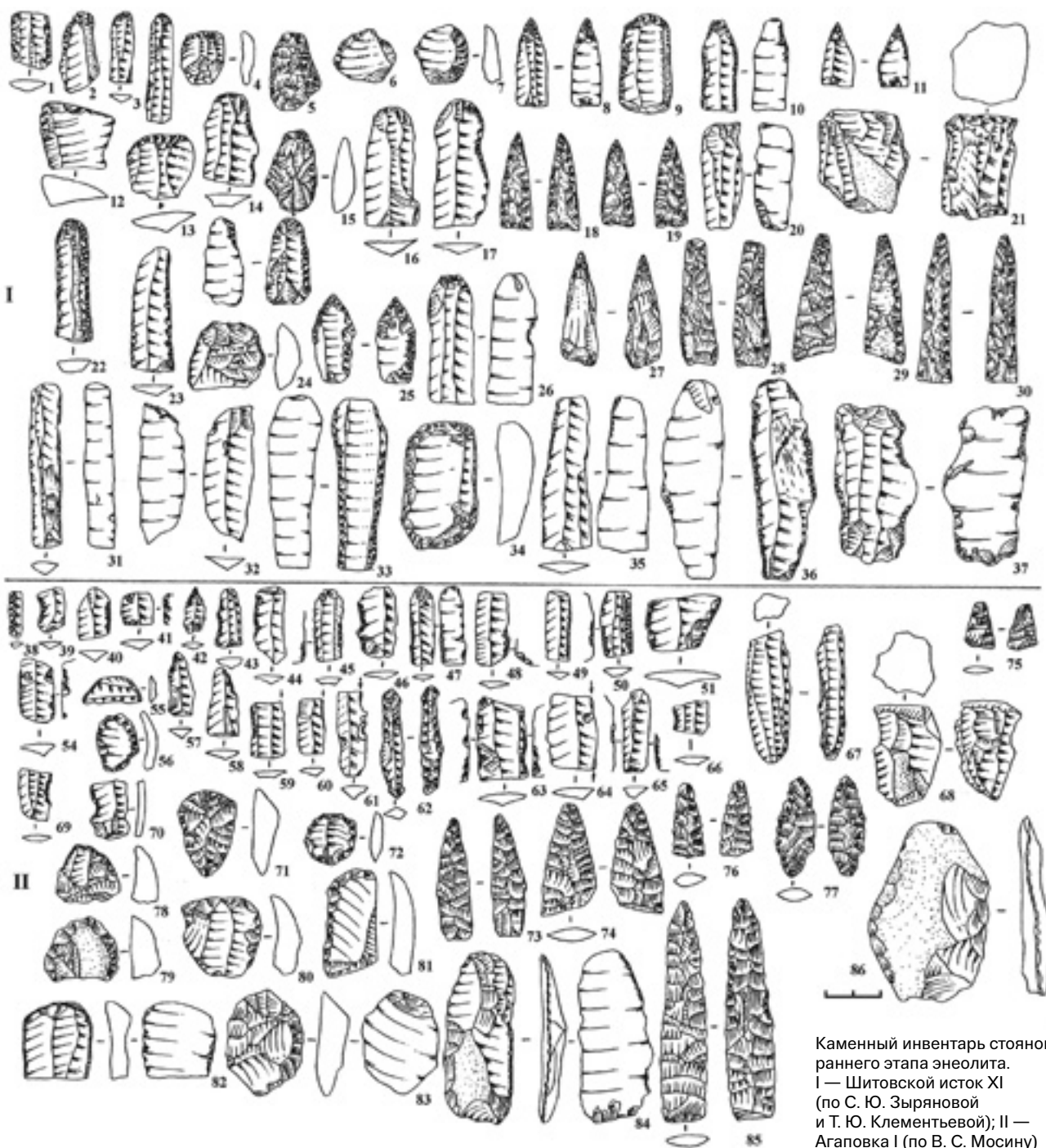
Основные памятники и материальная культура

Материальная культура населения энеолитического периода характеризуется как рядом отличительных черт, выделяющих отдельные регионы Зауралья и Западной Сибири, так и общими для всех элементами. Керамические комплексы представляются наиболее очевидной и яркой чертой как неолитического, так и энеолитического времени и позволяют четче отграничивать ареалы жизнедеятельности отдельных сообществ. Орнаментация керамики способна донести до нас образы, отражающие часть существовавших в тех или иных социумах традиций. Анализировать каменный инвентарь сложнее, поскольку он непосредственно связан с особенностями технологии и техническими приемами, традиционными для конкретного общества, хозяйственной деятельностью, которая весьма разнообразна и имеет десятки вариаций в зависимости от условий возникновения археологического памятника. Вариации зависят также от времени года, хозяйственной принадлежности памятника, продолжительности его существования, посещаемости, наличия (отсутствия) поблизости сырья и т. д. Более того, из-за малой площади раскопов на многих исследованных памятниках ученым не удалось получить достаточно представительные комплексы изделий из камня, которые можно полноценно использовать при анализе. Поэтому большая часть современных исследований по энеолиту базируется в основном на всестороннем изучении именно керамических комплексов.

На восточном склоне Урала на участке от Магнитогорска до Нижнего Тагила в культурных слоях памятников присутствуют, часто одновременно,

основные типы энеолитической керамики: орнаментированная оттисками гребчатого штампа с простыми и геометрическими мотивами, ложношнуровая, гребчатая с «косой нарезкой» зубцов, частично с гусеничками, крупногребчатый штампом, веревочкой. Такое характерно для всей указанной территории, но на конкретных памятниках посуда встречается в разных вариациях. Отличительной особенностью керамических ком-

плексов с памятников восточного склона является использование при приготовлении формовочного теста тальковых глин или же добавление в тесто толченого хлоритового сланца (талька), месторождения которого встречаются только в этом регионе Зауралья. Анализ комплексов каменных орудий показывает очень плавный переход от неолитической пластинчато-отщеповой техники изготовления орудий к отщепово-пластинчатой

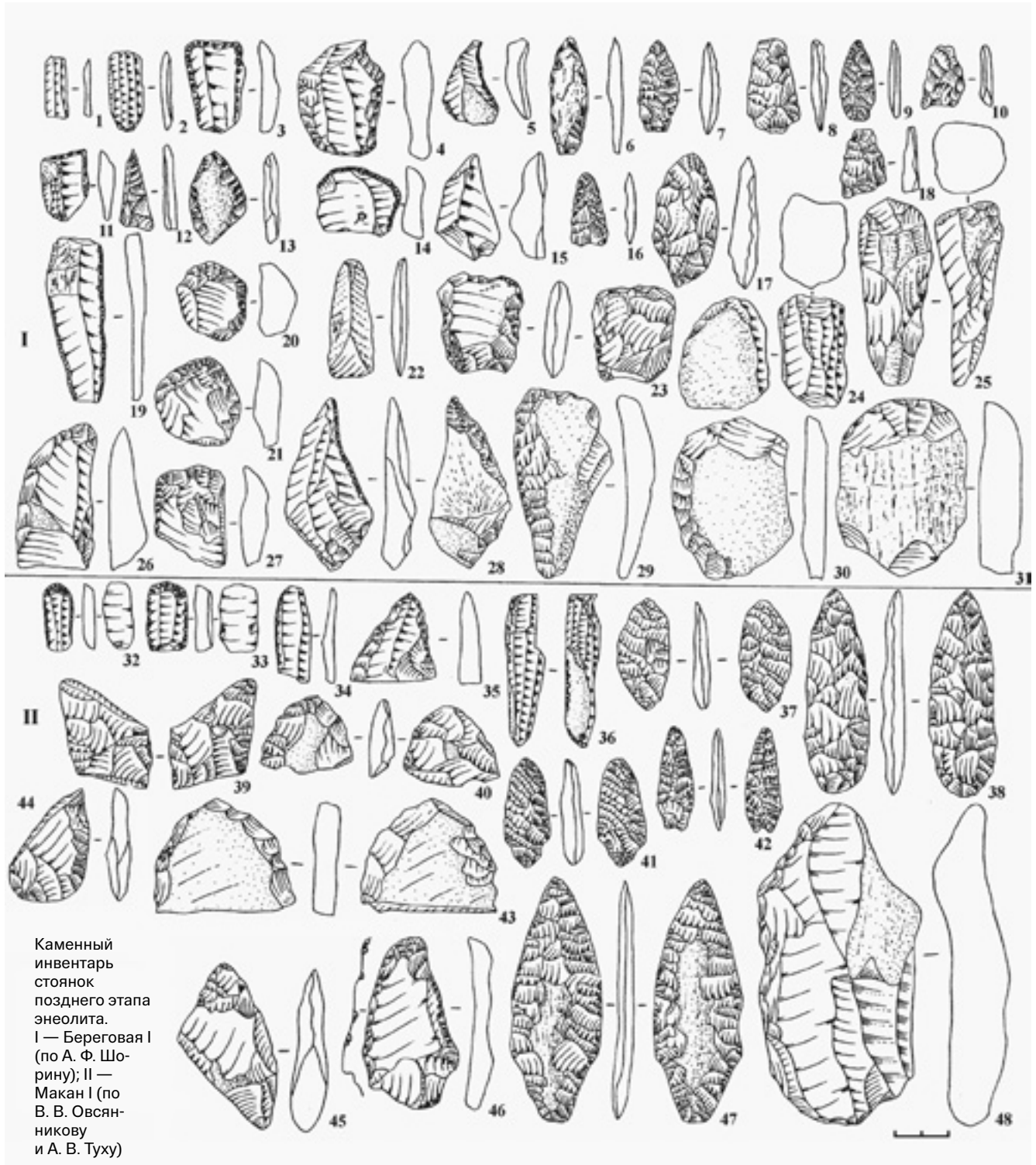

Каменный инвентарь стоянок раннего этапа энеолита. I — Шитовской исток XI (по С. Ю. Зыряновой и Т. Ю. Клементьевой); II — Агаповка I (по В. С. Мосину)

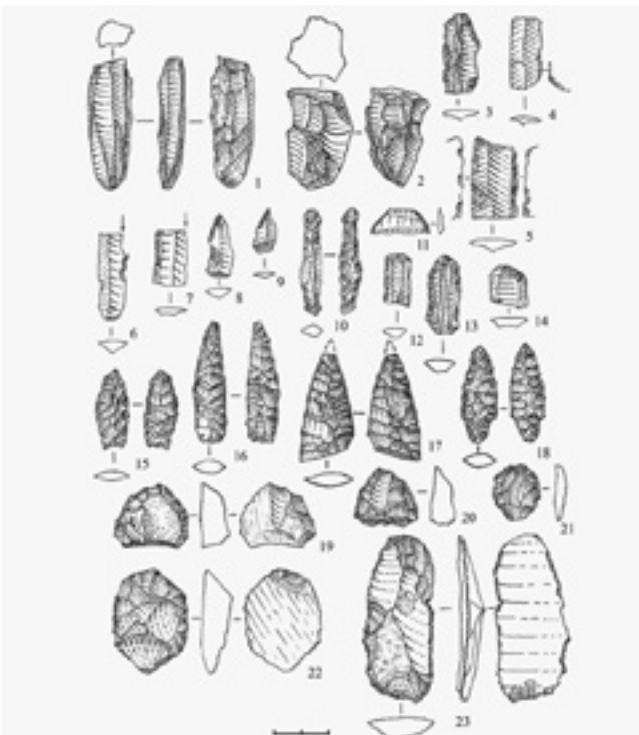
в позднем энеолите, причем появление металла не сыграло определяющей роли в изменении каменного инвентаря. Технология расщепления кремнистого сырья и типологические наборы, определяющие своеобразие зауральского энеолита, характерны для всей территории.

В степной зоне исследовано 19 стоянок. Все они находятся в западной части, по берегам рек бассейна реки Урал и озер Зауральской Башкирии.

Стоянка Агаповка I расположена на террасе левого берега реки Урал, в 1 км ниже по течению от места впадения в него Гумбейки. Занимает ровную

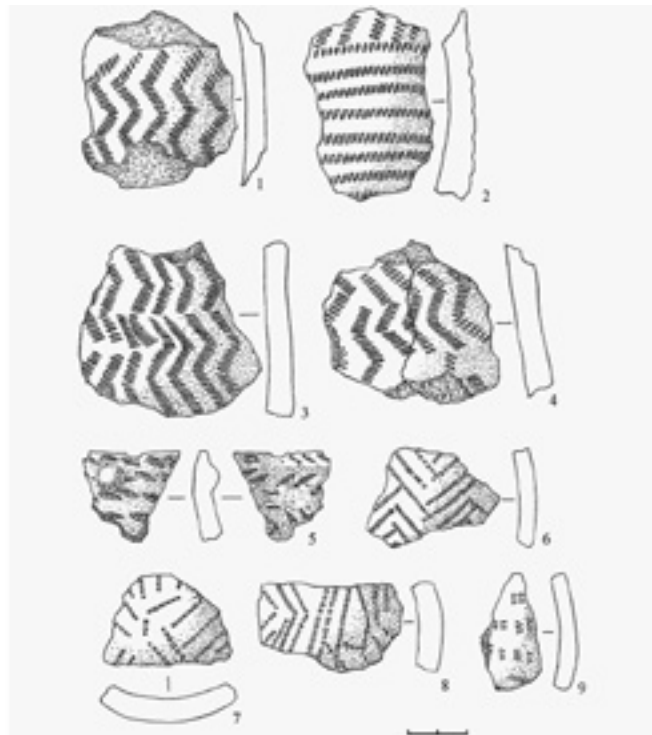

Стаянка Агаповка I.
Раскопки 1997 года

Каменный инвентарь. Стаянка Агаповка I. 1, 2 — нуклеусы; 3–5 — пластинки с ретушью; 6, 7 — угловые резцы; 8, 9 — острия; 10 — сверло; 11 — симметричная трапеция;

12–14 — концевые скребки на пластинах; 15–18 — двусторонне обработанные наконечники стрел; 19–23 — скребки на отщеплах

Керамика. Стаянка Агаповка I

площадку на мысу, образованном изгибом берега и логом (в древности являлся водостоком, сейчас прорезан оврагом глубиной 2 м). Исследовалась В. С. Мосиным в 1997 году. Площадь вскрытия составила 48 кв. м. Культурный слой представлен коричневым суглинком мощностью 0,12–0,3 м, более темным в верхней части, перекрытым дерном мощностью 0,05–0,1 м и подстилаемым светлой материковой глиной. В основании культурного слоя зафиксированы камни (единичные экземпляры и беспорядочные скопления). Концентрация находок в раскопе увеличивалась в направлении поймы реки. Коллекция предметов со стоянки включает 4590 изделий из камня и 210 фрагментов керамики. Среди изделий из камня 892 пластины и орудия из них, 156 орудий из отщепов. Среди остеологических материалов — кости лошади, быка-тура. Керамика представлена мелкими фрагментами. Выделяется развал сосуда с «веревочной» орнаментацией, зафиксированный на уровне материка. Толщина стенок 6–8 мм, черепок на изломе черно-коричневый. Тесто с примесью дресвы, шамота, крупного кварцевого песка. Орнаментальные мотивы просты: горизонтальные полосы, многорядный зигзаг. Гребенчатая керамика очень фрагментарна, однако среди ее характерных черт можно отметить наличие шагающей гребенки.

Поселение Новокумакское занимает каменистый мыс, вдающийся с юга на 0,5–0,6 км в левобережную пойму реки Урал и возвышающийся над ее поверхностью на 7–8 м. С северной и восточной сторон берег окружен заболоченной старицей реки

Большой Кумак, устье которой расположено на расстоянии 0,75 км северо-восточнее. Поселение открыто в 1971 году Г. Г. Русаковым, в разные годы обследовалось С. Н. Заседателевой и О. Ф. Бытковским путем закладки шурфов и сбора подъемного материала. Выявлено следующее стратиграфическое строение площадки поселения: дерн (0,1–0,15 м), темная гумусированная супесь (0,2 м), светло-серая золистая супесь (0,2–0,25 м) — культурный слой эпохи бронзы; коричневая плотная супесь (0,4 м) — культурный слой эпохи энеолита. Основная часть коллекции — это подъемные материалы с распахиваемых участков. В коллекции 1537 предметов из камня и 8 фрагментов керамики. Среди изделий из камня нуклеусы, пластины и орудия на них, скребки и двусторонне обработанные наконечники из отщепов.

Поселение Ударник находится в Орском районе Оренбургской области, расположено на берегу озера Мишкино, в 9 км к востоку от поселения Новокумакского. Общая площадь памятника 2,2 га, которые в основном заняты поселением эпохи бронзы. Культурный слой эпохи энеолита выявлен в ходе распашки на глубине 0,5 м, представлен серой золисто-гумусированной супесью мощностью до 0,3 м. Памятник обследовался О. Ф. Бытковским. Коллекция предметов с поселения включает подъемные материалы, в том числе нуклеусы, пластины и орудия на них, орудия на отщепах, фрагменты керамики.

Все озерные стоянки степной зоны расположены по берегам озер Зауральской Башкирии: Сур-

Река Большой Кумак

Озеро Суртанды

танды, Банное, Карабалыкты. В разные годы памятники исследовались Г. Н. Матюшиным [45]. На озере Суртанды энеолитические материалы зафиксированы на пяти памятниках. На одном из мысов юго-западного берега озера находятся сразу три стоянки: Суртанды VI, VII и VIII.

Стоянка Суртанды VIII расположена на юго-западном берегу одноименного озера. Занимает площадку в седловинке между возвышенностями. Исследовалась в 1967–1968 годах Г. Н. Матюшиным. Общая площадь раскопа составила 440 кв. м. Культурный слой представлен гумусом мощностью 0,25–0,3 м (в углублениях — до 1,5 м), подстилаемым скалой. На отдельных участках в пределах раскопа отмечены углубления с остатками очагов, прокаленной почвой и т. п. Г. Н. Матюшин предположил наличие остатков шести жилищ, которые окружали ровную площадку.

Стоянка Суртанды VI расположена на самом высоком участке мыса, в небольшой ложбине между тремя скальными возвышенностями. Общая площадь раскопа 72 кв. м. Культурный слой, представленный гумусом и гумусированной супесью мощностью до 0,35–0,4 м, в верхней части содержал остатки энеолитического времени, в нижней — неолита и мезолита.

Стоянка Суртанды VII занимает ложбину между стоянками Суртанды VIII и Суртанды VI. Здесь вскрыто 88 кв. м. Стратиграфическое строение раскопа: сверху до глубины 0,2–0,25 м — гумус, содержащий единичные предметы, далее до 0,6–0,65 м — гумус энеолитического периода, ниже — буроватый сильно гумусированный суглинок неолитического времени, еще ниже, на глубине 0,115–0,125 м — светлый суглинок с мезолитическими остатками.

Стоянка Суртанды III расположена на западном берегу озера, в седловинке, на возвышенности высотой 5 м от уровня воды. Вскрытая площадь — 24 кв. м. Культурный слой представлен бурым гумусированным суглинком с пятнами желтого суглинка, перекрытым сверху дерном и гумусом. Каменный инвентарь: пластины, орудия на пластинах и отщепках. Керамика орнаментирована отщепками гребенки, гусеничкой и веревочкой.

Стоянка Суртанды II расположена на северо-западном берегу озера, занимает широкий мыс. Общая площадь вскрытия 24 кв. м. Культурный слой представлен гумусом мощностью до 0,5 м с фрагментами гребенчатой керамики и пластинчато-отщеповым инвентарем.

На озере Банном исследовано четыре памятника эпохи энеолита [45].

Поселение Березки расположено на северо-западном берегу озера, на ровной площадке между берегом и склоном возвышенности. На площади около 500 кв. м были произведены раскопки и заложены шурфы. Г. Н. Матюшин предположил наличие трех вытянутых в линию жилищ на участке, примыкавшем к береговому валу. Они выделялись благодаря углублениям в скальном основании, а также концентрации материальных остатков внутри этих углублений, преимущественно среди крупных камней (ими укреплялись стенки жилищ). В разных раскопах присутствовала керамика возраста от неолита до эпохи бронзы, но с преобладанием энеолитической, а также изделия из меди.

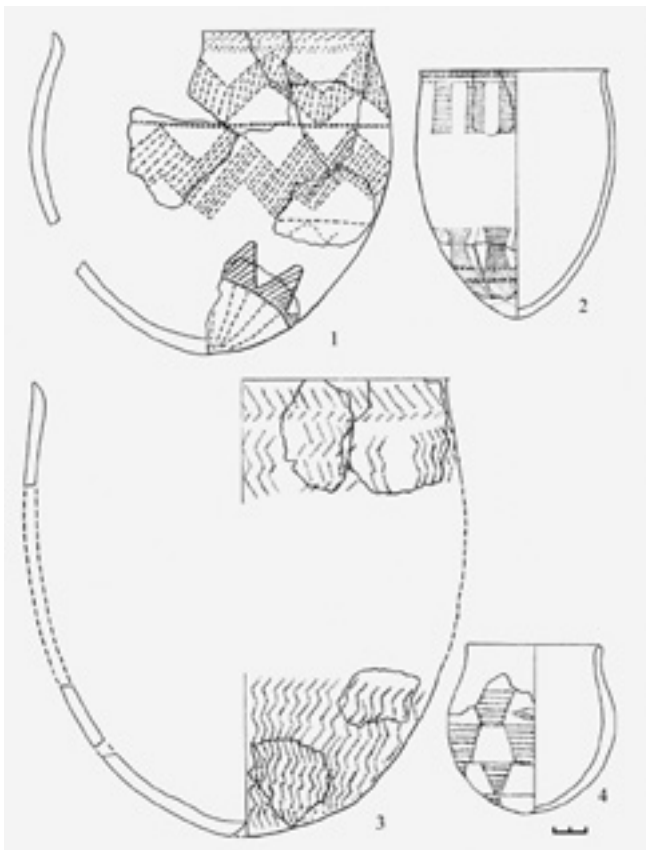
Стоянка Банное II расположена на юго-восточном берегу озера. Площадь вскрытого участка составила 96 кв. м. Культурный слой представлен гумусом мощностью 0,5–0,6 м, содержащим немногочисленные изделия из кремня и керамики.

Стоянка Банное VI (Кусимовская) расположена на северном берегу озера. На ней вскрыта площадка в 240 кв. м. Культурный слой представлен гумусом мощностью до 0,2 м, подстилаемым суглинком (0,1–0,15 м), содержащим предметы эпохи мезолита.

На **стоянке Банное IV** были заложены два раскопа площадью 23 и 28 кв. м. Культурный слой представлен гумусом, который содержит немногочисленные предметы из кремня и керамику.

На озере Карабалыкты энеолитические материалы найдены на пяти памятниках.

Стоянка Карабалыкты IX расположена на береговой площадке высотой 2–3 м от уровня озера. Всего здесь вскрыто 60 кв. м. Культурный слой представлен гумусированной супесью мощностью 0,3–0,5 м. Материальные остатки встречаются по всей толще от уровня современной поверхности до скального основания. В нижней части слоя

Керамика суртандинского типа

зафиксирован очажный участок размером 1,6×2,4 м с пятном прокала и углистой прослойкой. Материальные остатки, располагавшиеся в виде крупных скоплений, представлены нуклеусами, изделиями из пластин и отщепов, крупными орудиями из камня, керамикой, изделиями из меди. Памятник однослойный.

Однородный энеолитический материал получен также на расположенной недалеко **стоянке Карабалыкты VIIIб**. Здесь вскрыто 56 квадратных метров. Культурный слой зафиксирован также от поверхности до глубины 0,6 м. Кроме этих однослойных памятников энеолитические материалы встречены на расположенных рядом разновысотных площадках, на стоянках Карабалыкты VIII и VIIIа.

Большое многослойное **поселение Мурат** на широком мысу юго-западного берега озера Узункуль исследовалось Г. Н. Матюшиным в 1963–1967 годах [45]. Здесь были произведены раскопки общей площадью 310 кв. м. Стратиграфическое строение основного раскопа: гумус с фрагментами керамики

раннего железного века — 0–0,2 м; бурый сильно гумусированный слой энеолитического времени — до глубины 0,4–0,55 м; более плотный слой с остатками очагов, углублениями и неолитическими материалами — 0,55–0,7 м; коричневатобурый суглинок с мезолитическим инвентарем — до глубины 1–1,2 м.

Суртандинская керамика очень фрагментарна и всегда составляет весьма незначительный процент в коллекциях. Реконструируемые сосуды — полуяйцевидной формы, с округлым, изредка уплощенным дном, прямым или отогнутым наружу венчиком. В технике орнамента почти абсолютно преобладают оттиски гребенчатого штампа, хотя встречаются и фрагменты с «веревочным» (ложношнуровым) орнаментом. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда, но, в отличие от неолитических традиций, между орнаментальными зонами здесь появляются просветы. Орнаментальные композиции становятся более сложными и многофигурными. В них преобладают геометрические элементы: ромбы, треугольники, соты, шевроны и т. д.

Кремневый инвентарь характеризуется массовостью орудий из отщепов и двусторонне обработанных форм — наконечников, ножей и т. п. Орудия из пластин немногочисленны, хотя на поселении Суртанды VIII они составляют 25 % орудий. Кроме кремня и яшмы использовались и другие породы, из которых изготавливались шлифованные орудия, отбойники, молоты землеройные орудия. Встречаются тальковые утюжки прямоугольной формы, в большинстве случаев неорнаментированные.

В лесостепной зоне исследованы как однослойные поселения, так и те, в которых энеолитические материалы залежали вместе с неолитическими. Все памятники, за исключением поселения Ново-Байрамгулово, расположены на реках Тобольского бассейна (Миасс, Увелька, Уй, Тогузак).

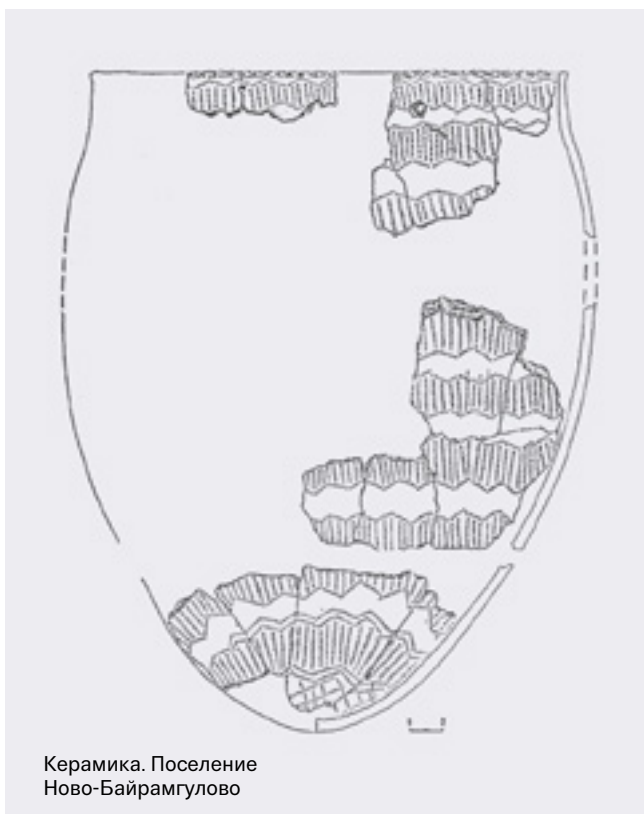
Поселение Ново-Байрамгулово находится на левом берегу реки Урал, напротив устья впадающей в него реки Миндяк, в 2 км к северо-востоку от деревни Ново-Байрамгулово. Занимает береговую площадку высотой 2–3 метра от уреза воды. Поверхность поселения распахивается. Памятник исследован Я. В. Рафиковой и А. В. Турасан

Изделия из пластин.
Стоянка Суртанды VIII

Изделия с двусторонней обработкой. Стоянка Суртанды VIII

Керамика. Поселение
Ново-Байрамгулово

в 1997 году. Раскоп площадью 64 кв. м имел следующее стратиграфическое строение: дерн — 0,15–0,2 м, гумус — 0,8 м, гумус с камнями — 0,1–0,15 м, желтый гравий — материк. Остатков жилых и хозяйственных сооружений здесь не обнаружено. Кроме основного (энеолитического) комплекса найдена керамика алакульской и черкаскульской культур эпохи бронзы. В коллекции предметов с памятника 879 изделий из камня, 18 фрагментов керамики и развал сосуда.

Стоянка Бурли II расположена на левом берегу реки Тогузак, в 6 километрах к ЮЮВ от села Терентьевка Комсомольского района Кустанайской области. Занимает останец первой надпойменной террасы высотой 2 м от уреза воды. Останец представляет собой песчаную косу, с запада прикрытую высоким коренным берегом. Исследовалась В. С. Мосиным в 1987 году, раскопки произведены на площади 96 кв. м. Культурный слой мощностью 60–65 см, представленный серо-коричневой гумусированной супесью и содержащей материалы

остатки, перекрыт балластным слоем дерна и черной супесью (25–30 см) и подстилается желто-серой супесью, изрытой животными. Из остатков хозяйственных сооружений зафиксировано только одно углубление в материке на глубине 87 см. Углубление трапецевидной формы, размером 80×65 см, глубиной 23 см, с овальным пологим дном. В заполнении ямы обнаружены обломок нижней челюсти лошади и скребок на отщепе. Наибольшая концентрация артефактов зафиксирована на глубине 20–70 см, в пределах раскопа они располагались равномерно. В коллекции предметов со стоянки 470 изделий и отходов из камня, 400 фрагментов керамических сосудов, изделия из глины, талька, кости, кусочки медной руды и шлака.

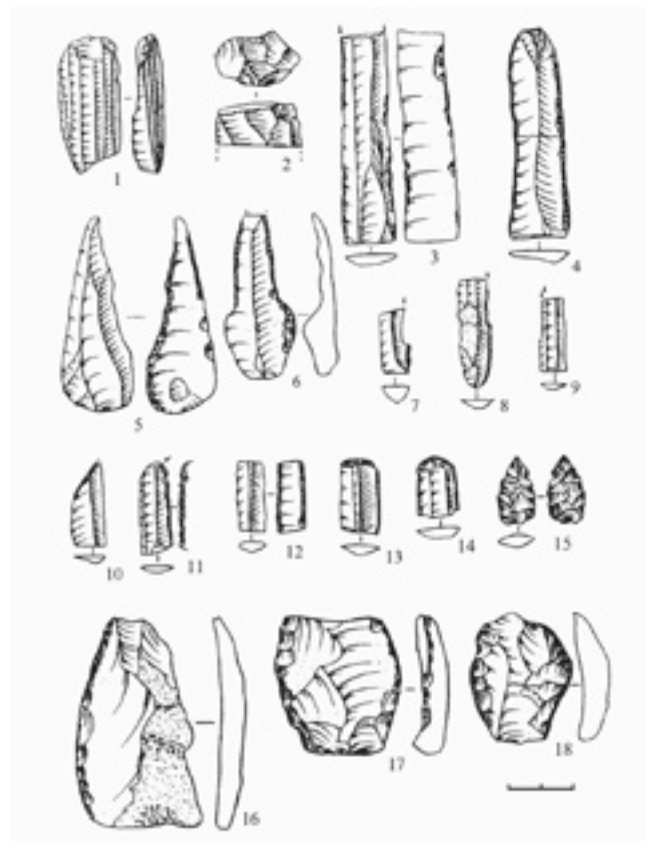
Стоянки Стрелецкое II, III и IV находятся на левом берегу реки Уй. Занимают слегка наклонные площадки трех расположенных рядом мысов, образованных изгибом береговой террасы, высотой соответственно 5, 6 и 3 м от уровня поймы. Берег

поймы обрывистый, высотой 2 м от современного уровня воды в реке. Стоянки исследованы В. С. Мосиным в 1986 году. Поверхность их задернована. Часть площадки стоянки Стрелецкая II разрушена при возведении современной хозяйственной постройки (не сохранилась). В 120–200 м ниже по течению реки на склоне высокого берега имеются выходы пород, использовавшихся обитателями стоянок. Сырьем для изготовления орудий им служили кремь желто- и темно-коричневого тонов, окремненный в процессе выщелачивания серпентинит цвета от светло-серого до темно-серого с синевой, реже кварцит и халцедон.

На всех стоянках производились раскопки: на Стрелецкой II вскрыто 116, на Стрелецкой III — 48, на Стрелецкой IV — 72 кв. м. Стратиграфическое строение раскопов сходно: дерн — 5–10 см; черная или темно-серая гумусированная супесь — 10–45 см (культурный слой); желтая, темно-коричневая супесь со щебнем или скала (материк).

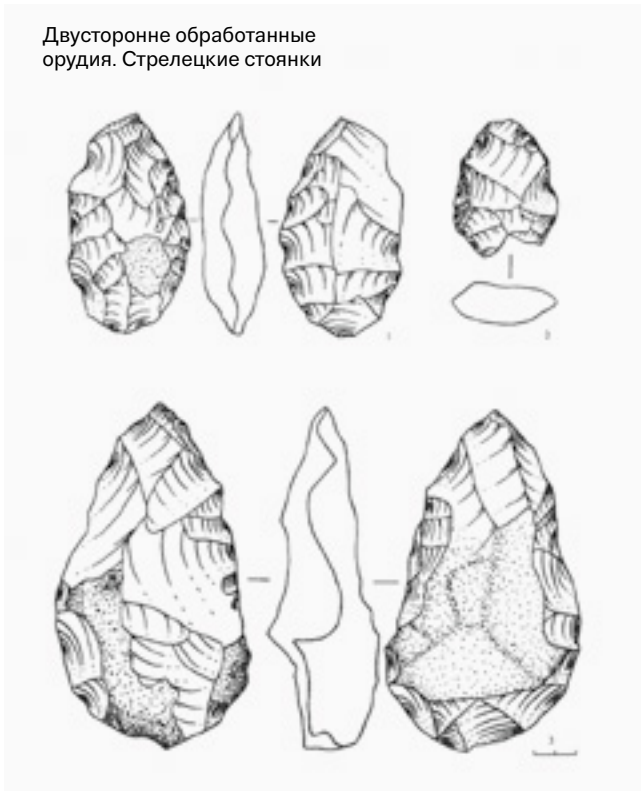
Керамика. Стоянка Бурли II

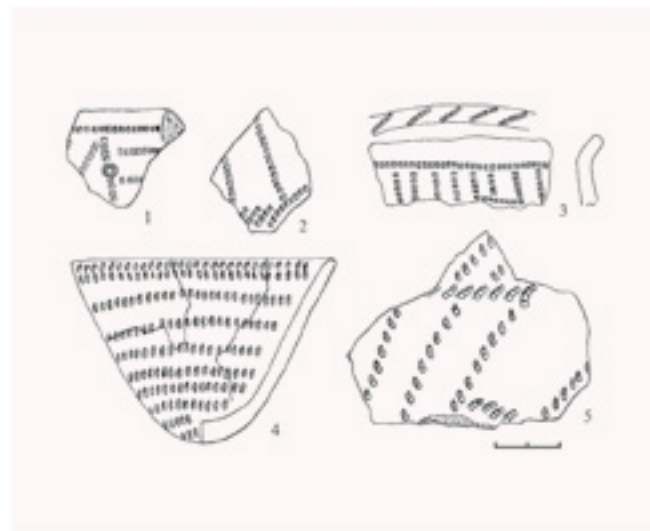
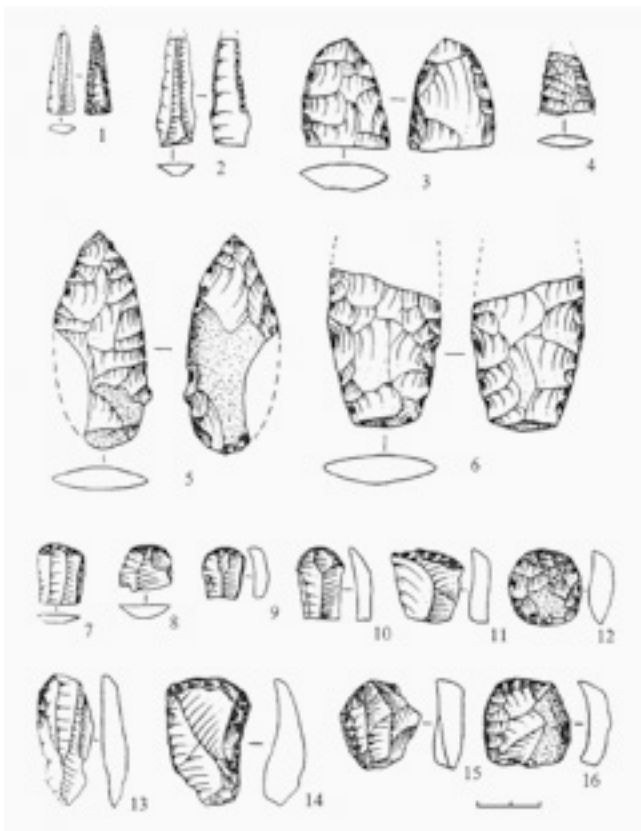
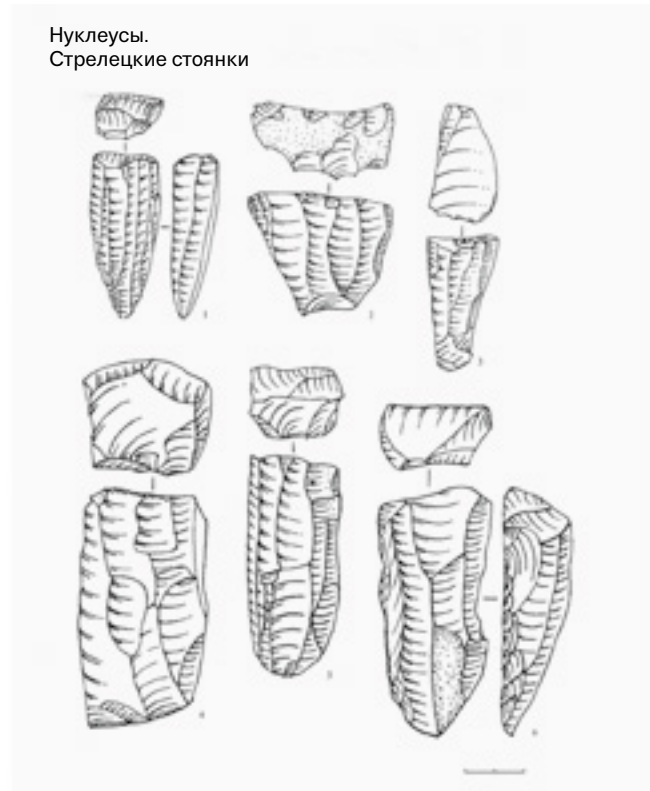
Каменный инвентарь. Стоянка Бурли II. 1 — нуклеус; 2 — поперечный скол с нуклеуса; 3, 7–9 — угловые резцы; 4, 11, 12 — пластины с ретушью;

5, 6 — остря; 10 — скошенное острие; 13, 14 — концевые скребки; 15 — наконечник стрелы; 16–18 — скребла

Двусторонне обработанные орудия. Стрелецкие стоянки

Нуклеусы. Стрелецкие стоянки

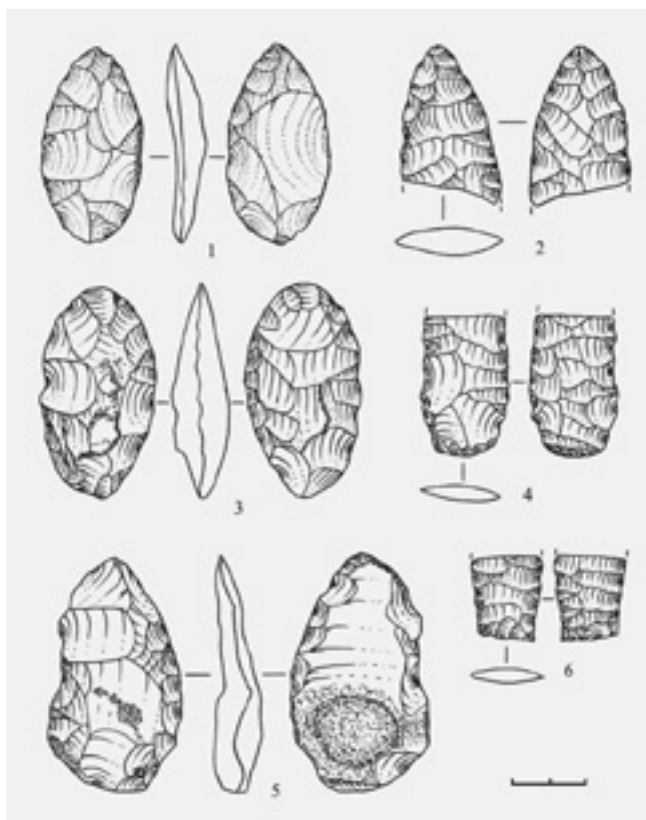
Керамика. Стрелецкие стоянки

Каменный инвентарь. Стрелецкие стоянки. 1, 2 — наконечники стрел с пильчатой ретушью; 3—6 — двусторонне обработанные наконечники; 7—11 — концевые скребки на пластинах; 12—16 — скребки на отщепках

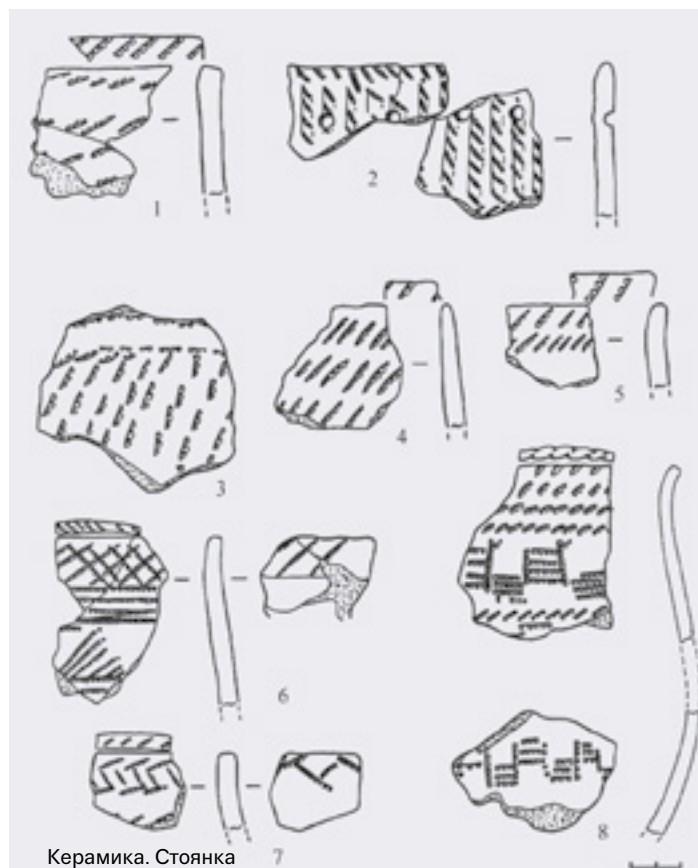
Жилых или хозяйственных сооружений на стоянках не было либо они представляли собой легкие наземные постройки, следов которых не сохранилось. В культурном слое зафиксированы отдельные камни и их скопления, расположенные на уровне материка или слегка углубленные в него. Материальные остатки располагались на площадке раскопа в виде скоплений, на стоянке Стрелецкая IV они были приурочены к углублению меж скальными выходами. В крупных скоплениях (по 300–400 и более предметов на один квадратный метр площади при толщине условного горизонта 5 см) присутствовали артефакты, иллюстрирующие весь процесс изготовления орудий: от расколотых кусков кремня с первичными сколами и заготовок нуклеусов до пластин и законченных изделий.

Энеолитический комплекс **Путиловской Заимки** представлен 641 фрагментом от 32 керамических сосудов, 7688 изделиями из кремневых пород и отходами их изготовления, 47 изделиями из других пород камня, остатками металлургического

производства. Для изготовления орудий использовались кремневые породы не очень высокого качества, белого, желтого, красно-коричневого, серо-синего и других цветов. Пластины без ретуши (442 экз.), как правило, неправильных очертаний, грубые, что объясняется низким качеством сырья. Среди орудий на пластинах — концевой скребок, два скребля, острие, 23 пластины с ретушью. Подавляющее большинство орудий изготавливалось на отщепках. Наиболее представительна серия двусторонне обработанных орудий (125 экз.). Среди целых орудий — пять наконечников листовидной формы, четыре бифаса, два остроконечника, слегка изогнутые в профиле. Остальное — обломки готовых орудий и заготовки. Скребки (117 экз.) различной формы: концевые, округлые, боковые, миндалевидные, фигурные, аморфные. К скребкам же отнесены более крупные, массивные скребковые орудия (6 экз.). Скобели (3 экз.) выполнены на отщепках с выемками по краям. Ножи (3 экз.) представлены отщепками с плоской приостряющей

Двустороннеобработанные орудия. Стоянка Путиловская Заимка

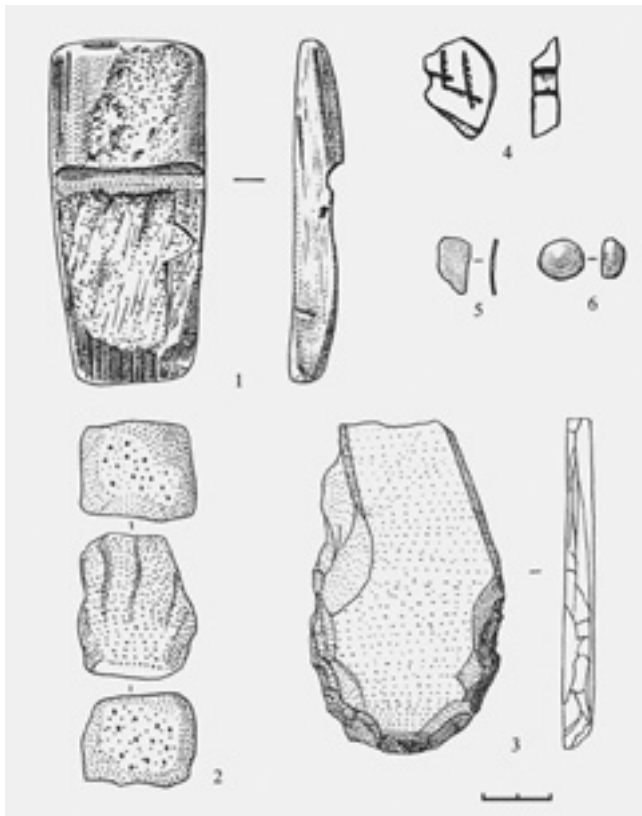
Керамика. Стоянка Путиловская Заимка

ретушью по краю. Среди изделий из других пород камня зафиксированы шлифовальные сланцевые плитки, грузила из оббитых по краю каменных литок, сколы со шлифованных орудий, «утюжок» из талька. Подавляющую часть коллекции (88 %) составляют отщепы и чешуйки, связанные с доработкой двусторонне обработанных орудий, которая осуществлялась на стоянке.

Керамический комплекс включает фрагменты от 32 полуяйцевидных сосудов с прямыми или слегка отогнутыми наружу венчиками и округлым дном. В тесте фиксируется примесь талька, реже песка. Толщина стенок 0,5–0,8 см. Орнамент на подавляющем большинстве фрагментов имеет вид оттисков гребенчатого штампа различных конфигураций. Основные элементы орнамента: горизонтальные и вертикальные ряды оттисков, ромбы, треугольники, сетка и др. На одном из сосудов изображены уточки, расположенные в ряд. Кроме того, 16 мелких фрагментов покрыты ложношнуровым орнаментом липчинской культуры.

Керамика. Стоянка
Краснокаменка

Изделия из камня и меди.
Стоянка Путиловская Заимка.
1 — утюжок; 2 — терочник;

3 — скребло; 4 — пряслице;
5–6 — изделия из меди

Остатки металлургического производства представляют собой кусочки шлака, две медные пластинки, капли меди (одна из них зафиксирована на внутренней стороне фрагмента от гребенчатого сосуда). Спектральный анализ показал, что это чистая медь.

На стоянке **Краснокаменка** слой позднего энеолита перекрывает слой позднего неолита, содержащий характерную прочерченно-гребенчатую керамику. Энеолитический комплекс включает фрагменты от пяти-шести полуяйцевидных сосудов, слегка профилированных, с отогнутыми наружу венчиками волнистые за счет пальцевых защипов. Тесто содержит примесь талька различной концентрации. Толщина стенок 5–8 мм. Сосуды орнаментированы оттисками гребенчатого штампа различной конфигурации. Исключением является один неорнаментированный сосуд, на котором зафиксированы лишь отдельные редкие наколы по верхнему краю. Орнаментальные мотивы составляют традиционный набор позднего энеолита: горизонтальные и наклонные полосы оттисков штампа, треугольники, заштрихованные ромбы.

Стаянка Краснокаменка.
Раскоп
1998 года

Каменный инвентарь.
Стоянка Краснокаменка

Полностью охарактеризовать каменный инвентарь пока не представляется возможным. Однако уже можно отметить преобладание орудий на отщепах, большое количество сланцевых плиток, сколы со шлифованных орудий, грузила на каменных плитках.

На стоянке Красносельской энеолитическая керамика была выделена типологически из смешанного нео-энеолитического слоя. Коллекция керамики включает 211 фрагментов от 18 сосудов, выделенных по оригинальным венчикам. Форма сосудов полуяйцевидная, днища округлые (в одном случае — уплощенное). Сосуды слегка профилированные, с отогнутым наружу венчиком. Тесто имеет примесь песка и талька, толщина стенок сосудов 0,6–0,8 см. Поверхность темного или характерного красноватого цвета. Орнамент имеет вид оттисков гребчатого штампа (12 сосудов), наколов (2). Орнаментальные мотивы: вертикальный зигзаг, сетка, полосы из наклонных оттисков штампа. На 16 фрагментах зафиксирован ложношнуровой орнамент.

В центральной части Притоболья энеолитические материалы были получены при исследовании более 20 поселений (Кочегарово I, Ташково I, Долговское 3, Усть-Суерка 4, Коршуново, Дачное 2 и др.), а также святилищ Савин I и Слабодчики I.

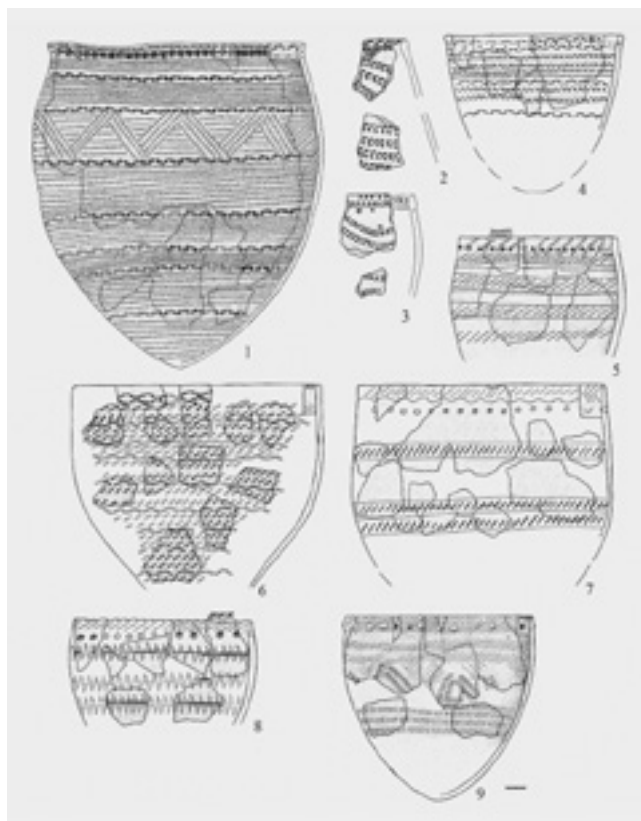
Стоянка Краснокаменка

Керамика. Стоянка
Красносельская

Энеолитическая керамика.
Поселение Ташково I

Энеолитический комплекс поселения **Ташково I** по насыщенности артефактами уступает неолитическому периоду и представлен всего 49 сосудами. Посуда весьма разнообразна. Морфологически это простые баночные формы с округлым дном и прямыми или чуть закрытыми стенками; встречено также несколько профилированных горшков и сосудов горшечно-баночной формы с едва намеченной шейкой. Значительную часть составляет керамическая посуда шапкульского типа с плотным орнаментом, нанесенным мелким гребенчатым штампом, с орнаментальными мотивами в виде прямых линий, зигзагов, иногда треугольников. Встречено также несколько сосудов байрыцкого типа со специфическими «раздвоенными» наколами. Характерно, что в коллекции нет ни одного «классического» ложношнурового липчинского сосуда, но имеется один шнуровой с очень крупными грубыми отпечатками. Остальные сосуды покрыты разреженным орнаментом, нанесенным тонким коротким и средним гребенчатым штампом; они очень близки к южнозауральским сосудам из круга гребенчатого геометризма. Орнаменты имеют

вид наклонных отпечатков, располагающихся в виде лент, разделенных (либо не разделенных) горизонтальными линиями. Характерная особенность энеолитической керамики Притоболья, в отличие от посуды из смежной зоны Зауралья, — наличие поясков вдавлений под венчиком, нанесенных изнутри и снаружи.

Кроме сосудов в комплекс также входят керамические изделия — грузила и иные поделки. Из грузил 19 экз. — целые, 3 фрагментированы. Все они довольно однотипны. Два обломка орнаментированы: первый — отпечатками длинного гребенчатого штампа, второй — косыми наколами. Еще один обломок — от грузила сигаровидного типа. Таковы же и 16 целых грузил, одно из них со скошенным концом, другое, более миниатюрное, с тонким концом, еще одно — миниатюрное, биконическое. Масса всех сигаровидных грузил довольно «стандартна» — 27 ± 2 грамма. Все грузила такого типа имеют расширения с одного или обоих концов: вероятно, при изготовлении их слегка сдавливали с торцов. По окружности (ребру) расширений и поверхности более узкой «шейки» фиксируются забитости,

повреждения. Можно предположить, что именно в этом месте грузила крепились к сети — с одного или двух концов в зависимости от конфигурации.

Пряслице не орнаментировано, изготовлено из стенки сосуда. Поделки — миниатюрные глина-

ные шарик, цилиндр и орнаментированный шарик с несквозным отверстием — не поддаются точной культурно-хронологической атрибуции; возможно, они как-то связаны с детскими поделками.

Энеолитическая керамика. Поселение Ташково I

Энеолитический комплекс **поселения Долговское 3** включает шесть сосудов, девять венчиков и одно «скопление». Три сосуда очень хорошо сохранились, профиль их реконструирован полностью. Как и на всех нео-энеолитических памятниках лесостепного Притоболья, керамика на площадке этого поселения сильно запесочена и тонкостенна по сравнению с неолитической. Морфологически сосуды однотипны: практические прямостенные, с чуть отогнутым наружу венчиком, округлым дном. Орнамент имеет вид оттисков гребенчатого штампа, в основном с мелким рабочим краем, в ряде случаев дополненных оттисками более крупного штампа с квадратными зубцами. Керамические фрагменты и дно в «скоплении», по-видимому, принадлежавшие одному сосуду, украшены в отступающе-накольчатой технике, близкой к прочерчиванию с отрывом от поверхности, орнаментиром с очень тонким рабочим краем. Судя по остаткам композиции в верхней части дна и на фрагментах сосуда, он относится к липчинскому типу. Гребен-

чатые сосуды, в свою очередь, близки к керамике аятского и шапкульского типов.

Коллекция энеолитической керамики с **поселения Усть-Суерка 4** включает остатки 25 сосудов, реконструируемых частично или полностью, четыре венчика и три грузила. Семь сосудов покрыты накольчатым орнаментом, причем в четырех случаях узор наносился с помощью раздвоенной палочки (расставленные под углом оттиски), в остальных ставились отдельные вытянутые наколы. Один сосуд почти полностью покрыт рядами наклонных оттисков гребенчатого штампа, но имеет ряд наколов на шейке. На всех сосудах имеются также несколько рядов ямочных вдавлений. Орнаментальная композиция основана как на рядах оттисков, так и на включении геометрических элементов: треугольников, наклонных полос, диагональных отрезков. По форме сосуды слабопрофилированные, с невыраженным горлом или совсем без него.

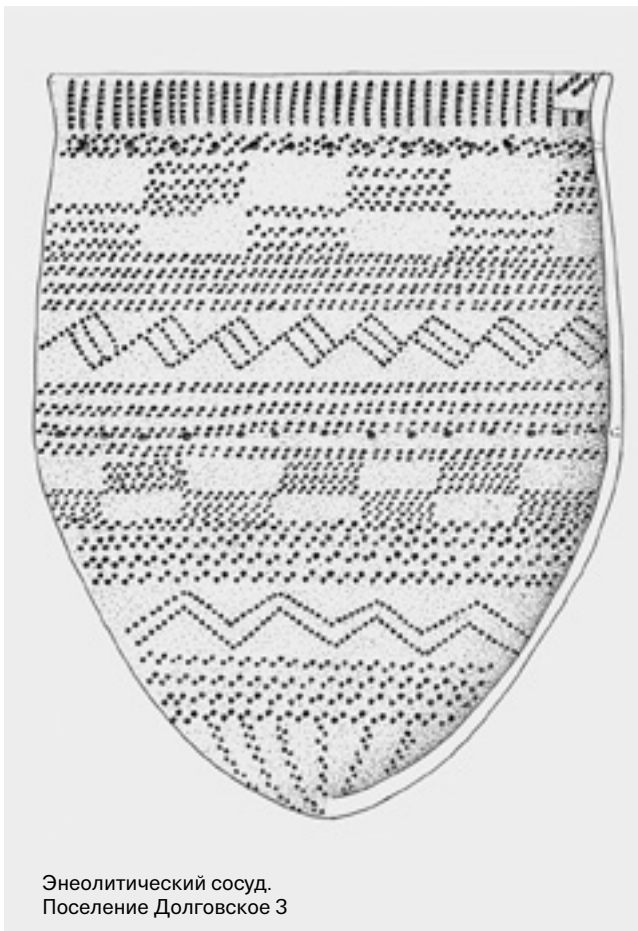
Гребенчатых сосудов насчитывается семь экземпляров. Орнаментальная схема проста — это ряды

Грузила и подделки из глины. Поселение Ташково I

Керамика.
Поселение
Усть-Суерка

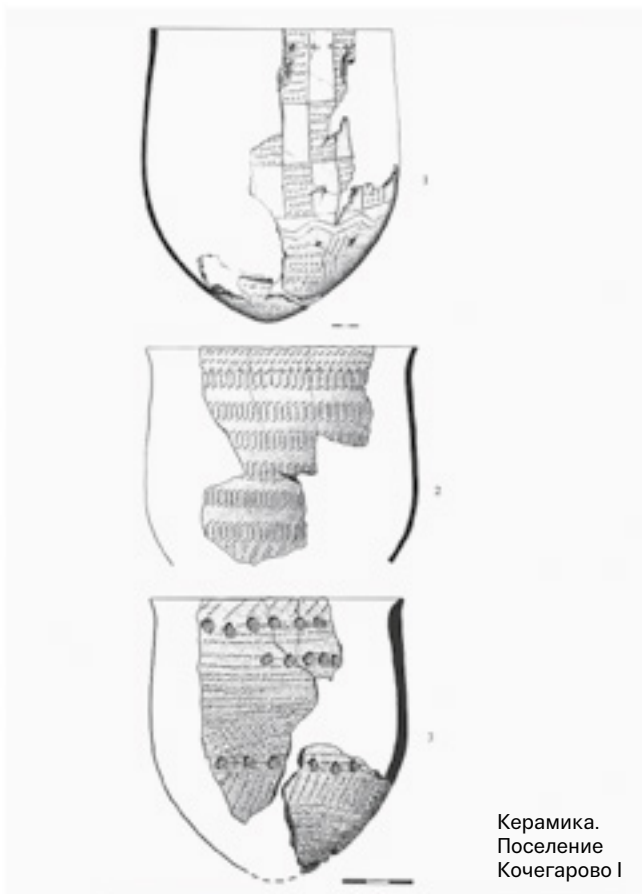
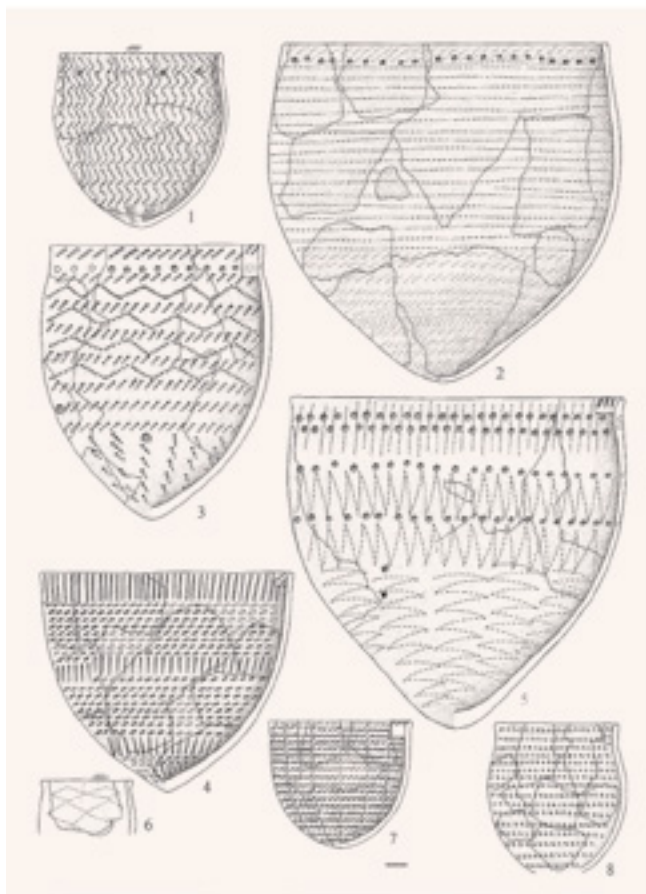
Энеолитический сосуд.
Поселение Долговское 3

оттисков штампа или зигзагов. На двух сосудах композиция включает узоры, нанесенные в технике ямочных вдавлений или близкой к ней. Морфология сосудов такая же, как у накольчатой посуды: слабопрофилированная форма, в некоторых случаях прямая шейка.

Сосудов с длинноребенчатым орнаментом также семь экземпляров. Они достаточно неоднородны: есть среди них сосуды с простым орнаментом (чередование по тулову зигзагов и рядов оттисков или горизонтальной елочки и вертикального зигзага) и с более сложными геометрическими композициями из ромбов, напоминающие посуду зауральского энеолита, выполненную в стиле «ребенчатого геометризма». Также к этой группе отнесены сосуды с «паркетным» узором (плотно орнаментированные оттисками штампа), с горизонтальной штриховкой и сеткой в придонной части. Наконец, один миниатюрный сосуд покрыт вертикальными полосами, выполненными шагающим штампом. В этой группе горшки с прямыми или чуть отогнутыми шейками и две банки.

Восемь сосудов отнесены к короткоребенчатой орнаментальной группе. Схема нанесения узора такая же, как и в «накольчатой» группе: вертикальные столбцы из рядов вертикальных и наклонных оттисков. Морфологически сосуды представляют собой банки и профилированные горшки с прямым и отогнутым венчиком. Керамический комплекс энеолитического времени существенно меньше комплекса предыдущего периода — эпохи камня, хотя сохранность энеолитических сосудов несколько лучше. Тесто у энеолитических сосудов близко к неолитическому, но более запесочено. Кроме того, стенки у всех энеолитических сосудов намного тоньше, чем у неолитических (0,3–0,5 см). В отличие от керамической коллекции предыдущего исторического этапа, энеолитическая выглядит более гомогенно, несмотря на разнообразие используемых орнаментов.

На **поселении Кочегарово I** артефакты энеолитического времени залегали в гумусированной супеси над неолитическим слоем — как в суффузионных котловинах, так и на межжилищном пространстве. Здесь изучено также энеолитическое жилище-полуземлянка с предварительно выкопанным

Керамика.
Поселение
Кочегарово I

котлованом. Очертания его фиксировались на глубине 0,7 м от поверхности, пол находился на отметке 1,2 м. Котлован подквадратной формы размером 6,5×7,5 м был ориентирован по линии СЗ–ЮВ. Жилище состояло из углубленной части и примыкавшей к нему с севера и запада неуглубленной площадки, читавшейся на материке в виде полосы темно-желтой глины шириной до 2,3 м. На неуглубленной части жилища найдены развалы сосудов и обломки крупных костей, а также остатки угольных плашек и угольки. На полу жилища, на его наземной части и в культурном слое зафиксированы комплекс традиционной для Зауралья гребенчатой керамики и набор отщепово-пластинчатого каменного инвентаря. Для жилища и в целом для энеолитического слоя получено несколько радиоуглеродных дат: для гребенчатой керамики с геометрической орнаментацией — 5410 ± 90 (Ki-15962), 5240 ± 80 (SPb-2152) (нагар) и 5090 ± 200 (SPb-2148) (нагар); для гребенчато-ямочной керамики с орнаментацией шагающей гребенкой — 5220 ± 80 (Ki-15544) (нагар); для посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом — 5420 ± 80 (SPb-2150) (нагар); для угля с пола — 5170 ± 95 (СОАН-7067); для сосудов липчинского типа — 4428 ± 70 (SPb-2147) (нагар), шапкульского типа — 4788 ± 80 (SPb-2149) (нагар).

Комплекс энеолитических сосудов с поселения Кочегарово I включает 160 предметов. Их радиоуглеродный анализ показал, что сосуды принадлежат как минимум двум хронологическим пластам с разницей порядка 500 лет. Керамика разнообразна: имеется посуда липчинского, шапкульского, байрыкского, андреевского, сургандинского и ботайского типов. В орнаментации абсолютно преобладает гребенчатая техника.

Большая часть посуды тонкостенная, изготовлена из сильно запесоченного теста, иногда с примесью талька. Сосуды с круглым или округлоконическим дном, баночной и горшечно-баночной формы, часто с чуть отогнутым наружу венчиком, приземистые или вытянутые. Напльвы, характерные для неолитической посуды, отсутствуют либо редуцированы до незначительного утолщения венчика или небольшого скоса изнутри. На большинстве сосудов имеются пояски ямочных вдавлений под венчиком, нанесенных как снаружи (преиму-

щественно), так и изнутри. Часть керамического комплекса, по-видимому, отражает переход от позднего неолита к энеолиту и представлена сосудами полуяйцевидной формы, без напльвов с внутренней стороны венчика, с примесью шамота и/или талька в тесте и простым орнаментом из рядов горизонтальных и наклонных оттисков длинного и короткого тонкого гребенчатого штампа, а также лент, выполненных в технике отступающего штампа. Среди орнаментальных композиций распространены как сложные геометрические узоры, так и простые линейные орнаменты из повторяющихся оттисков штампа. Орнамент разреженный, кроме линейных мотивов использованы геометрические элементы — треугольники, зигзаги, сетка и т. п.

Более поздняя керамика представлена липчинской и шапкульской посудой. Несмотря на различие в выборе инструмента, сосуды данного типа не только имеют идентичные орнаментальные композиции — плотные ряды оттисков в виде простых линий, треугольников, прямоугольников,

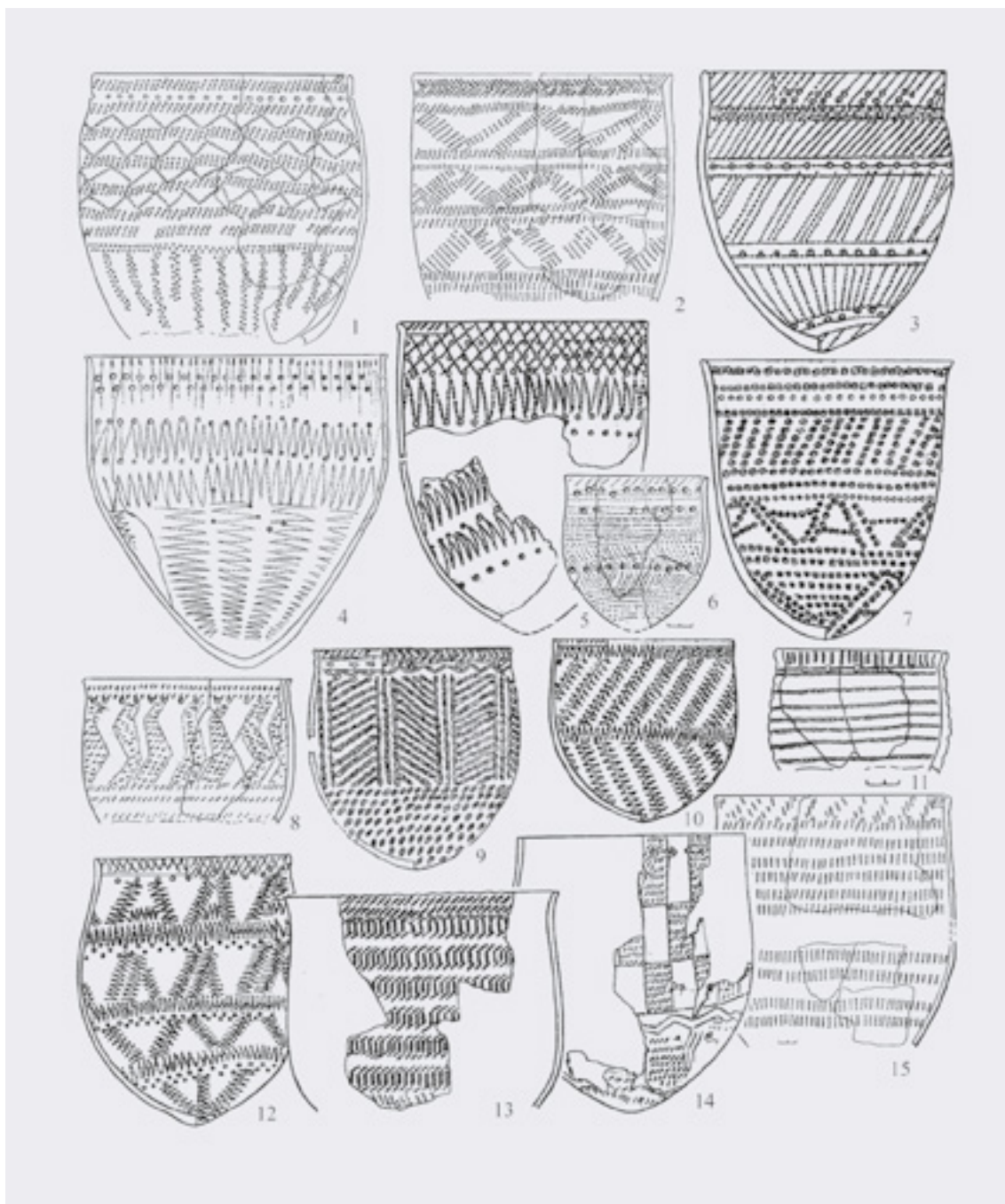

Каменный инвентарь.
Поселение Кочегарово I

зигзагов,— но и сами оттиски инструмента на шапкульской посуде (овальные вдавления некрупного штампа с тремя-пятью зубцами, часто сглаженными и плохо читаемыми) визуально трудно отличимы от типичных липчинских наколов. К этой же хронологической группе, вероятно, относится ряд сосудов суртандинского типа с геометрическим орнаментом в виде лент треугольников, ромбов и сот, нанесенных длинным тонким гребенчатым штампом с косой и прямой нарезкой.

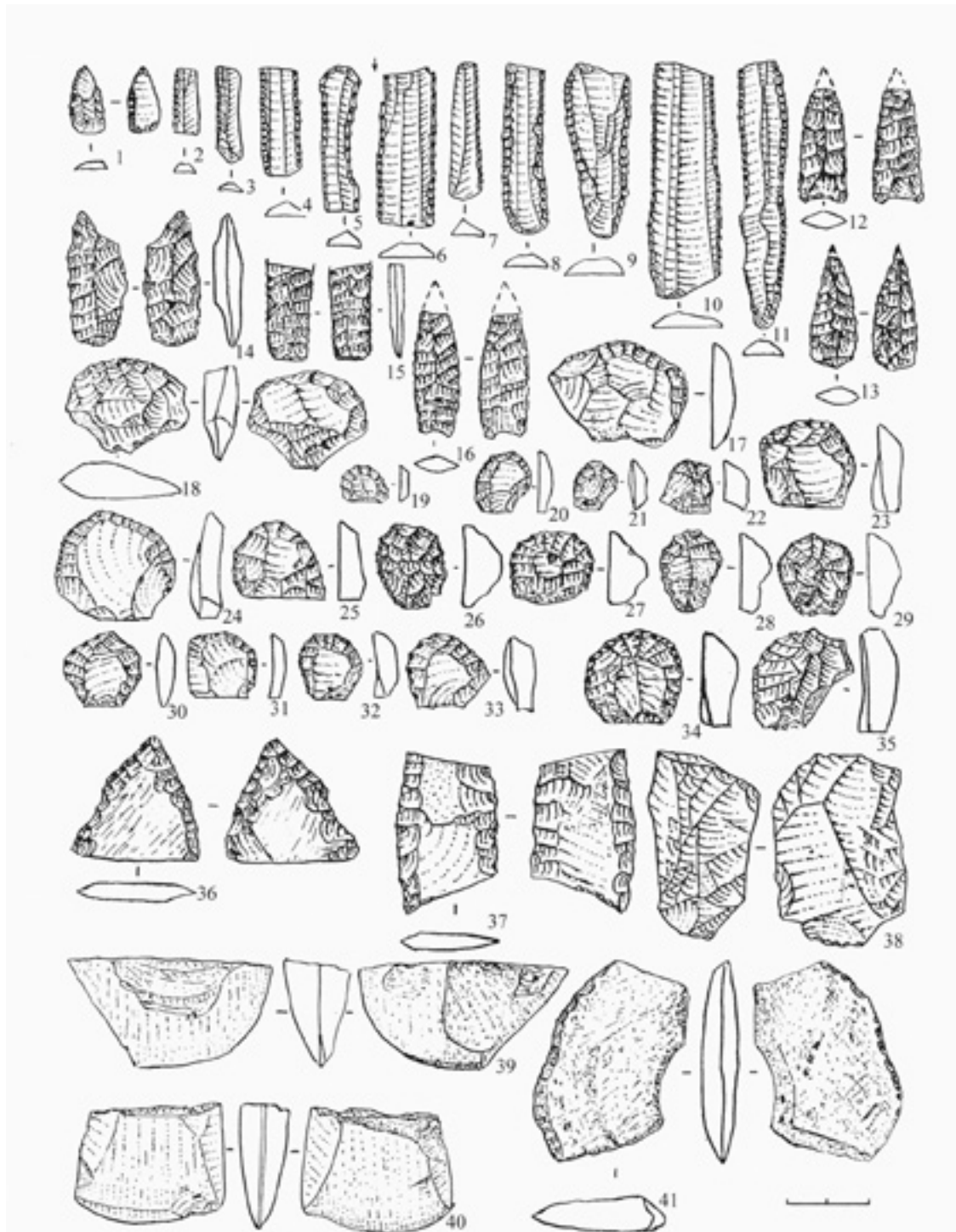
Набор каменного инвентаря полностью соответствует современным представлениям об энеолитической каменной индустрии речных поселений Притоболья, основанной на большей, по сравнению с неолитом, доле использования отщепов в качестве заготовок для орудий, расширении ассортимента за счет использования некремнистых пород камня, общем укрупнении, большем разнообразии типов скребков и двусторонне обработанных орудий.

Керамика
Центрального
Притоболья.
1, 2, 4, 6, 8,
11, 13–15 —
Кочегарово I;
3, 5, 7, 9, 10,
12 — Савин I

В целом в центральной части Притоболья керамические комплексы представлены открытыми либо закрытыми сосудами полуяйцевидной формы, со слегка отогнутым, реже прямым венчиком с округлым, плоским или приостренным верхним срезом. Днища сосудов округлые и округло-приостренные. Цвет темно- и серо-коричневый, в отдельных случаях желтые или темно-серые. Внешняя поверхность хорошо заглажена, на внутренней у некоторых сосудов фиксируются следы загла-

живания зубчатым штампом («расчесы»), изредка встречается нагар. Визуально фиксируемые примеси в тесте — песок и шамот. Большинство сосудов орнаментировано оттисками гребенчатого штампа в различных вариациях: штампом с квадратной или прямоугольной нарезкой зубцов, с постановкой орнамента под прямым или небольшим углом к поверхности сосуда, с дополнением поясов шагающей гребенки и «жучков», а также угловыми оттисками того же штампа. Использовались также

Каменный инвентарь Центрального Притоболья (Кочегарово I). 1 — наконечник стрелы; 2-11 — пластины с ретушью; 12-16 — наконечники стрел; 17-35 — скребки; 36, 37, 41 — ножи; 38 — нуклеус; 39, 40 — шлифованные орудия

штампы с косой и треугольной нарезкой зубцов. Большинство орнаментов содержат простые (линейные) мотивы: горизонтальные ряды наклонных, вертикальных, реже горизонтальных оттисков, горизонтальный и вертикальный многорядный зигзаг, вертикальные и горизонтальные ряды шагающей гребенки, а также елочки. Из геометрических мотивов использовались ромбическая сетка, горизонтальные и вертикальные цепочки ромбов и треугольников, многоугольники. В значительно меньшем количестве представлена посуда с орнаментом, выполненным углом гребенчатого штампа (так называемая шапкульская), а также с отступающе-накольчатый (ложношнуровая), кольчатый (с отдельными наколами) и крупнонакольчатый узором, составляющая с гребенчатой единые комплексы. Отличительной чертой керамических сосудов являются ямки различной формы (круглые, овальные), неправильной формы и различной глубины, проставленные поверх отпечатков гребенчатого штампа с оставлением «жемчужин» на внутренней поверхности и в основном по венчику в виде однорядных, реже двухрядных горизонтальных поясов.

Набор каменного инвентаря полностью соответствует современным представлениям об энеолитической каменной индустрии на речных поселениях Зауралья, основанной на большей, по сравнению с неолитом, доле использования отщепов в качестве заготовок для орудий, расширении ассортимента за счет использования некремнистых пород камня, общем укрупнении, большем разнообразии типов скребков и двусторонне обработанных орудий.

Зауральская холмисто-увалистая лесостепь на востоке без видимых географических границ переходит в лесостепную Западно-Сибирскую равнину, протянувшуюся от Притоболья до Приобья. Определенное однообразие окружающего ландшафта не могло не отразиться и на образе жизни, и на характере опредмечивания, выраженного в комплексах артефактов. Различия между составляющими материальных культур поселений, изученных в Притоболье, Приишимье и Прииртышье, не так очевидны и на общем фоне фиксируются по отдельным деталям орнаментации керамики или типологии каменного инвентаря. Это обстоятельство вызывает трудности при идентификации комплексов. Как результат, материалы с одних и тех же памятников «падают» в разные археологические культуры либо появляются синкретические названия (например, «байрыкско-лыбаевский» или «посуда, сочетающая лыбаевские и андреевские черты» [10]). Именно поэтому и было предложено отнести имеющиеся археологические материалы с указанных территорий к «гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла» [46].

Энеолитические памятники горнолесной и лесной зоны расположены на озерах (Кысы-Куль, Большое Миассово, Чебаркуль, Аргази, Иткуль, Аятское, Шувакиш, Карасье и др.) и реках (Исеть, Нейва, Уфа и Юрюзань и др.).

Стоянка Кысы-Куль расположена на юго-восточном берегу одноименного озера в 10 км от города Миасса Челябинской области. Занимает две разноуровневые площадки, разделенные метровым уступом. Исследовалась в 1937 году К. В. Сальниковым [37]. Раскопки произведены на площади 244 кв. м. Культурный слой мощностью 0,15–0,4 м подстилался материковой глиной. В раскопе были зафиксированы округлое углубление размером 2,5×3 м и глубиной 0,45 м от уровня материка (возможно, остатки жилищного котлована) и две столбовые ямки. На одном из участков раскопа обнаружено скопление отщепов и изделий из камня — вероятно, «рабочее место» мастера.

В коллекции каменного инвентаря орудия и другие изделия из кремня и яшмы. Нуклеусов на плит-

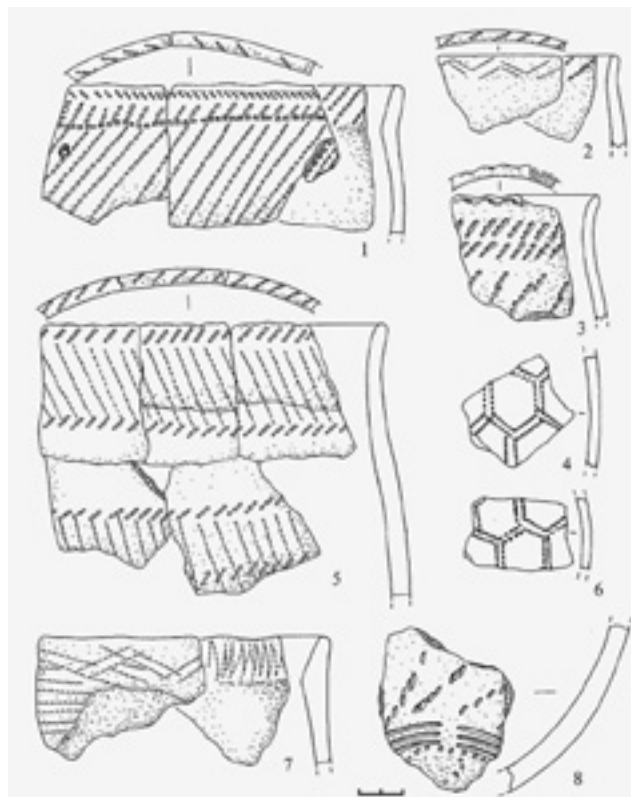
ках зелено-красной яшмы, с негативами от узких длинных пластин правильной огранки — 9 экз. Пластинок с ретушью и их сечения — 19 экз.; преобладает ретушь по двум граням. В основном это вкладыши ножей, многие из которых носят макро-следы изношенности по краям. Наконечники стрел с двусторонней обработкой (7 экз.) представлены обломками пера и одним обломком черешковой части. Один черешок от наконечника с вогнутым основанием отличается строго параллельной ретушью более высокого качества. Скребок из отщепов и пластинчатых отщепов — 18 экз.; лезвие занимает значительную часть периметра, реже ограниченный его участок. Ретушь параллельная, иногда ступенчатая. Из сланца выполнены в основном топорovidные тесла, в том числе два хорошо отшлифованных, одно из которых — с асимметричным вследствие длительного употребления

лезвием. Второе тесло, желобчатое, также сильно сработано и заново подправлено путем подтески, снявшей ранее сделанную шлифовку. Найдены также ножичек из тонкой сланцевой пластинки, крупные массивные заготовки топорovidных орудий, подготовленные с помощью обивки, и «утюжок» из талькового сланца в виде прямоугольного бруска с поперечным желобком. Многочисленны различные крупные орудия из гранита и плитчатого камня: массивный молот с перехватом для крепления, грузила из тонких плиток, шлифовальные плитки и бруски из песчаника. Встречены поделки из обломков сосудов — три кружка диаметром 5–5,5 см с просверленными в середине отверстиями. Единственным металлическим предметом оказался обломок однолезвийного медного ножичка длиной 5,6 см, определить первоначальную форму которого (черешковый или бесчерешковый?) не представляется возможным.

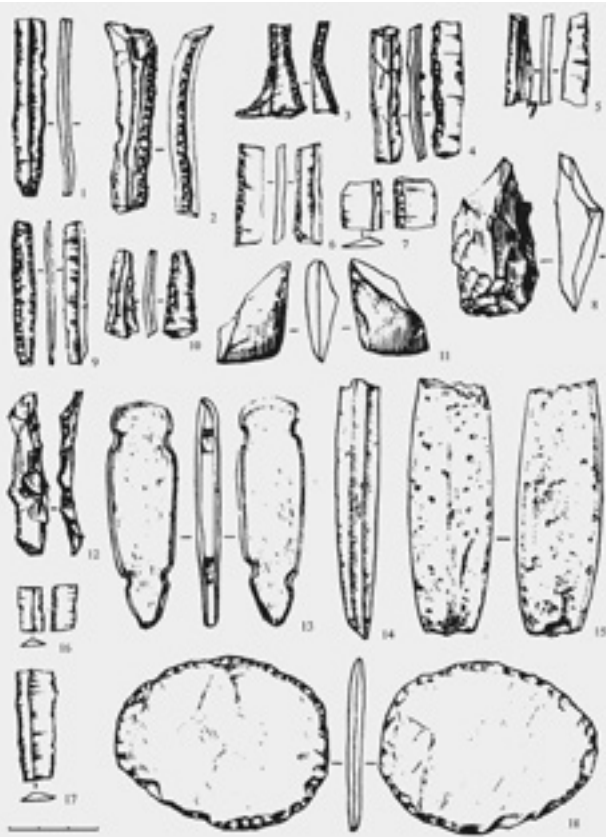
Каменный инвентарь.
Стоянка Кысы-Куль. 1–3,
5–7, 11, 13, 15 — пластины
с ретушью; 4 — пластина
с выемкой; 8, 9, 12 — двусто-
ронне обработанные орудия;

10 — обломок шлифован-
ного орудия; 14, 16, 17, 19,
20 — скребки; 18 — нож; 21,
22 — нуклеусы; 23, 27 — гру-
зила; 24 — пластинка; 25,
26, 28 — рубящие орудия

Коллекцию керамических изделий составляют фрагменты от 11 энеолитических и 3 поздне-неолитических сосудов. К энеолитическому времени

Керамика.
Стоянка Кысы-Куль

Каменный инвентарь.
Стоянка Латочка. 1, 2, 5-7,
9, 10, 16, 17 — пластины
с ретушью; 3 — скобель;
4 — пластинка с выемкой;
8 — рубящее орудие;

11 — обломок шлифо-
ванного орудия; 12 —
реберчатый скол с ретушью;
13-15 — поделки из камня;
18 — скребло на плитке

относятся полуяйцевидные сосуды с отогнутым наружу венчиком и округлым дном. В составе теста есть примесь талька, поверхность сосудов характерного красновато-бурого цвета. Орнамент представляет собой оттиски гребенчатого штампа; мотивы: горизонтальные полосы оттисков, зигзаги, ромбы, соты.

Три энеолитические стоянки исследованы на озере Большое Миассово. **Стоянка Латочка** расположена на северо-западном берегу озера, занимает скалистый мыс высотой 4-4,5 м над урезом воды. Исследована в 1967-1968 годах Л. Я. Крижевской [37]. Строение стоянки прослеживалось довольно четко, что обуславливалось естественными условиями. Жилая площадка разделялась на западную и восточную части высокой каменной грядой, по разные стороны которой были сосредоточены разновременные материальные остатки. Западную часть занимало энеолитическое поселение площадью свыше 100 кв. м. Культурный слой представлял собой супесь мощностью 0,45 м, залегающую под тонким (5-7 см) дерновым покровом. Материковой породой являлись либо суглинок (без артефактов), либо скала. На некоторых участках культурные остатки залежали в скалистых складках и расщелинах вне почвенного слоя. Энеолитические артефакты распределялись по площадке равномерно, следов жилищ или каких-либо других сооружений не обнаружено. Можно лишь отметить два скопления каменных изделий, обозначавших, очевидно, расположение рабочих мест мастеров. На восточной площадке найдены материальные остатки неолита и раннего железного века. Среди каменного инвентаря преобладают изделия из кремня и яшмы, сохранившие в основных чертах неолитический облик. Керамика гребенчатая и ложношнуровая.

Стоянка Няшевка II расположена на юго-западном берегу Няшевской курьи на озере Большое Миассово, приблизительно на расстоянии 1,5 километра от устья реки Няшевка, на ее левом берегу. Исследовалась Л. Я. Крижевской в 1967-1968

Каменный инвентарь.
Стоянка Латочка. 1, 8, 9,
15 — наконечники стрел;
2-7, 10, 12, 19 — скребки;

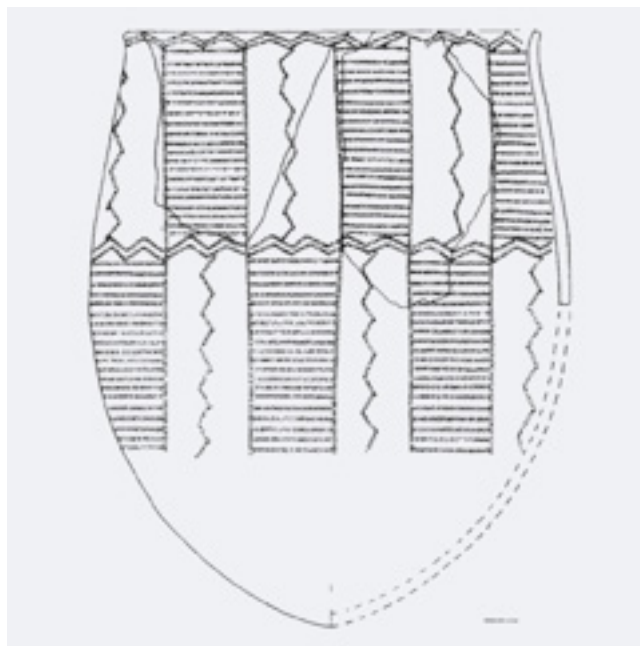
11, 14 — двусторонне
обработанные орудия;
17 — нуклеус; 20 — гру-
зило; 21 — отбойник

годах [37]. Памятник занимает невысокую (около двух метров над урезом воды) ровную площадку, примыкающую к небольшой скалистой возвышенности, защищающей ее от восточных ветров. Территория стоянки общей площадью около 200 кв. м была занята в основном в гамаюнское время. Культурный слой залегал непосредственно под дерном и представлял собой темный гумусированный суглинок, содержащий культурные остатки и постепенно переходивший в нижележащий слой светлого суглинка. Толщина его не превышала 40–45 см. В основании слоя находилось большое количество камней — часть культурных остатков. Подстилающим слоем являлся очень плотный суглинок (почти глина).

Энеолитические остатки немногочисленны: в основном керамика, небольшое количество каменных орудий и металлический нож. На значительной части площадки памятника они залегали в смешанном слое. Только на небольшом участке энеолитическая керамика оказалась сконцентриро-

ванной ниже гамаюнского слоя — под сложенным из камней очагом и грудой других камней. Таким образом, она составила нижний горизонт. Общая характеристика стоянки Кораблик дана в главе, посвященной неолиту. Кроме того, в районе озера Большое Миассово обнаружены еще четыре местонахождения, содержавшие остатки энеолита: Янышка, Зимник, «В воротах», Чартоныш.

На озере Чебаркуль энеолитические материалы получены при раскопках шести памятников: Чебаркуль II, IV, Ха, ХБ, XV, XVI [37; 48]. Стоянки расположены в основном на западном обрывистом берегу, заросшем лесом. Южный и восточный берега сравнительно пологие, безлесные, с редкими выходами скальных пород. Памятники занимали ровные площадки, ограниченные скальными гривами, и мысы высотой до 9–11 м. Площадь стоянок невелика — 500–600 кв. м, культурные остатки залегают в слоях серо-желтой супеси и суглинка мощностью до 30–40 см, перекрытых гумусом, в котором содержалась керамика поздней бронзы — раннего

Керамика. Стоянка Кораблик

Керамика. Стоянки Латочка, Кораблик, Няшевка II

железного века. Материком, как правило, являются скала или рухляк. Из остатков хозяйственных сооружений на стоянках можно отметить очаги с кольцевыми каменными выкладками, которые, вероятно, использовались как подставки под сосуды. На стоянке Чебаркуль XV внутри такой выкладки обнаружен развал энеолитического сосуда.

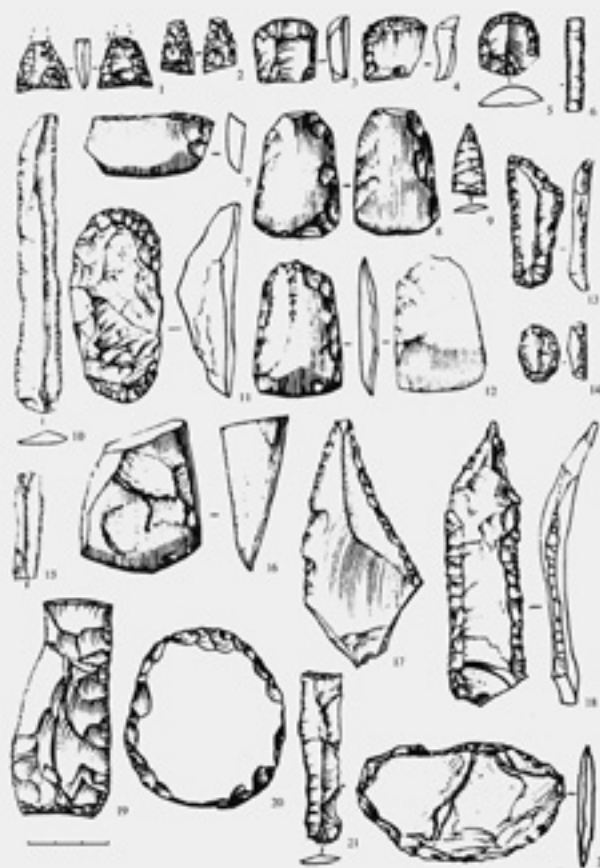
Стоянка Чебаркуль IV расположена на юго-западном берегу озера Чебаркуль, на мысу Крутик, глубоко вдающемся в озеро и соединенном с берегом небольшой перемычкой. Исследована Л. Я. Крижевской [37]. К моменту раскопок часть стоянки, находящаяся ближе к берегу (по всем данным, это именно центральная часть), была уничтожена при добыче здесь строительного материала. Площадь раскопок составила 40 кв. м, остатки же энеолита довольно четко локализовались на площади около 20 кв. м. Разновременные артефакты стоянки Чебаркуль IV в основном были стратифицированы. Верхний культурный горизонт мощностью около полуметра, содержащий гамаюнскую керамику и залегающий непосредственно под дерном, отделялся от нижележащего слоя тонкой (5–7 м) прослойкой суглинка. Нижний горизонт был также тонкий, как и стерильная прослойка (не более 8–10 см).

Энеолитическая гребенчатая керамика представлена на стоянке Чебаркуль II — 10–11 сосудами, на Чебаркуле IV — 3 сосудами, на Чебаркуле Ха — 10 сосудами, на Чебаркуле XV — 9 сосудами, на Чебаркуле XVI — 10 сосудами. К этой группе примыкает и стоянка Чебаркуль I, исследованная Н. П. Кипарисовой. В коллекции предметов со стоянки типологически было выделено 17 энеолитических гребенчатых сосудов, по своим характеристикам полностью совпадающих с керамикой вышеописанной чебаркульской группы памятников. Кроме того, на Чебаркуле I было зафиксировано небольшое количество керамики, сопоставимой с гаринской, и керамика с «рамчатым» штампом.

На стоянке Чебаркуль Ха найдено четырехгранное в сечении шило, острое с обоих концов, длиной 6,5 см и толщиной 0,2 см. Судя по результатам спектрального анализа, шило изготовлено из чистой меди и может быть соотнесено с энеолитическим комплексом. На Чебаркуле IV обнаружен небольшой медный однолезвийный ножичек дли-

Озеро Чебаркуль

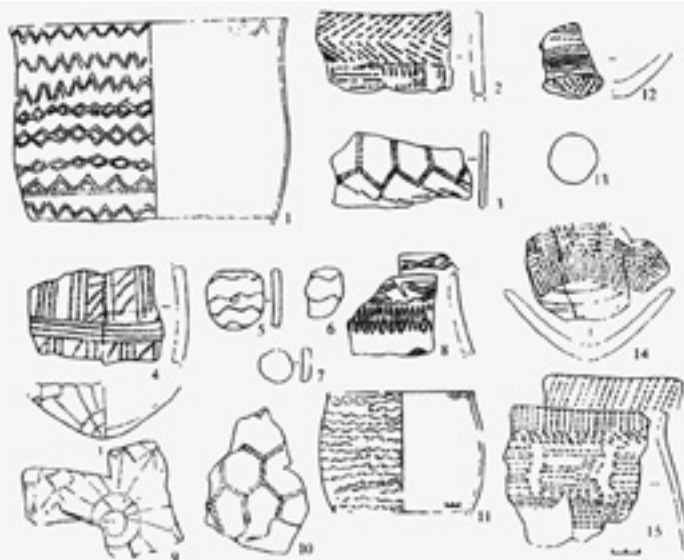
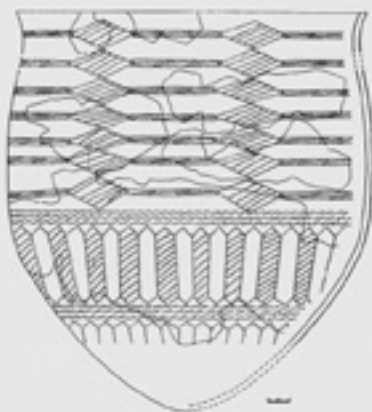
Каменный инвентарь. Стоянки Няшевка II и Чебаркуль IV. 1, 2, 9 — наконечники стрел; 3–5, 14 — скребки; 7, 8, 12, 16 — шлифованные топоры и тесла; 10, 15 — пластины с ретушью; 11, 13 — скребла;

17–19, 22 — ножи; 20 — скребло на плитке; 21 — пластина с притупленным концом

Раскопки на стоянке Чебаркуль XV

Керамика. Стоянка Чебаркуль IV

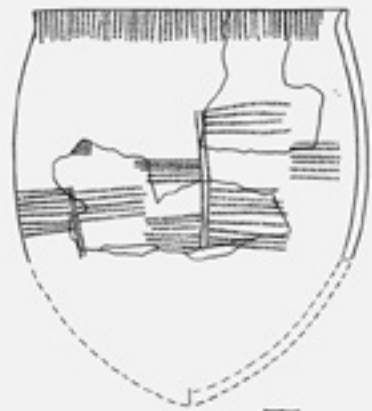

Керамика со стоянок Чебаркуль XV, XVI

ной 4,3 см со слегка скругленной тыльной гранью, прямым лезвием и намечающимся черешком [37].

Среди материалов с многочисленных исследованных памятников по берегам Аргазинского озера-водохранилища для эпохи энеолита основными являются коллекция со стоянки Аргазии VII, где энеолитический слой выделялся планиграфически и стратиграфически, и коллекция со стоянки Березки I, где слой энеолита был основным, но содержал также остатки эпохи бронзы и раннего железного века. Еще одну группу энеолитических стоянок лесной зоны на севере Южного Зауралья

Керамика. Стоянка Чебаркуль Ха

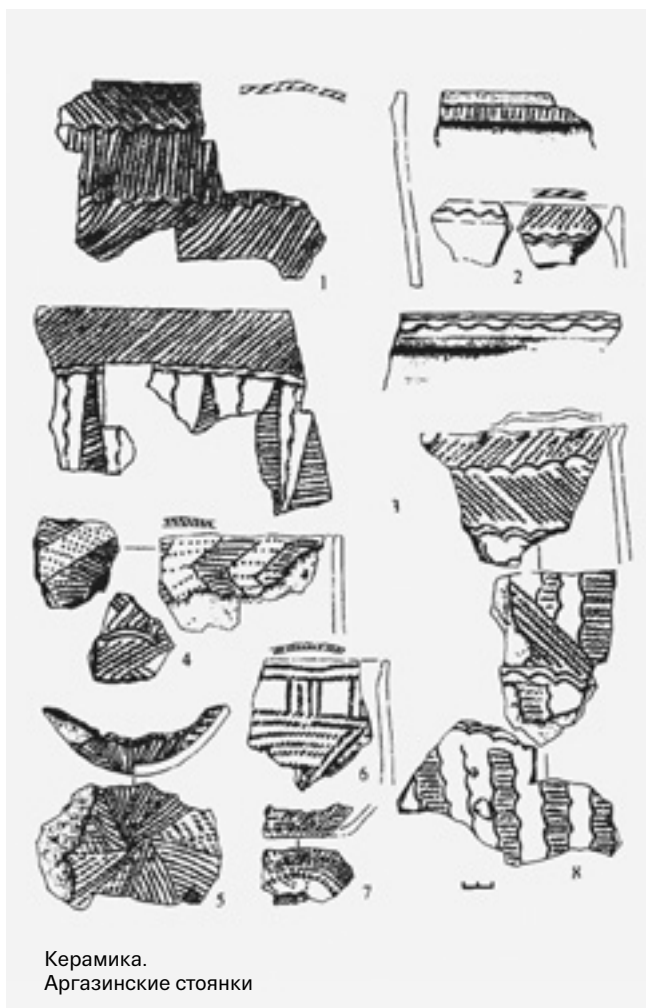

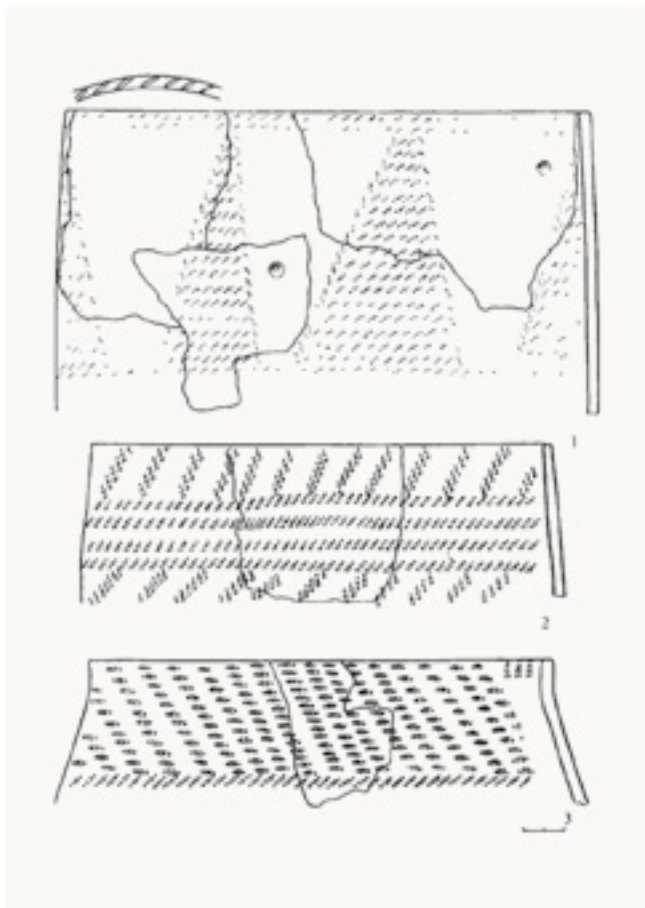
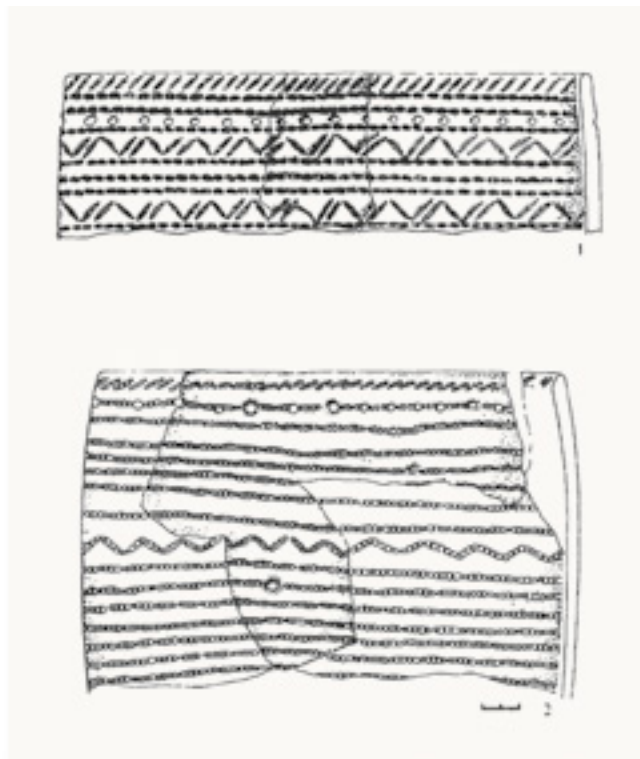
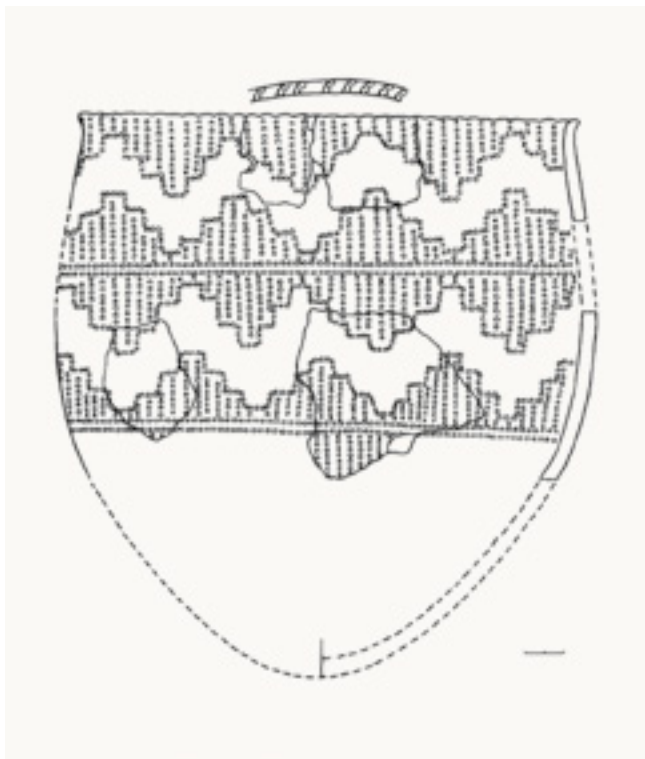
составляют стоянки на озере Иткуль — Иткульская I и II, Абселямовская [26]. Энеолитическая керамика была выделена в материалах стоянок типологически при просмотре коллекций в фондах Челябинского областного краеведческого музея. Среди энеолитической керамики со стоянки Абселямовской имеются 81 сосуд с гребенчатой орнаментацией, 10 сосудов — с ложношнуровой, а также мелкие фрагменты венчиков с замытым орнаментом, но морфологически относящихся к энеолиту (17 сосудов).

Стоянка Уфа IV расположена на правом берегу реки Уфы, в месте впадения в нее реки Кизил. Памятник занимает слегка наклонную площадку в подошве небольшой сопки высотой 4 м над урезом воды. Исследовалась Т. С. Малютиной при участии В. С. Мосина в 1977 году. Основная часть стоянки была уничтожена во время строительства Долгобродского водохранилища, на сохранившемся

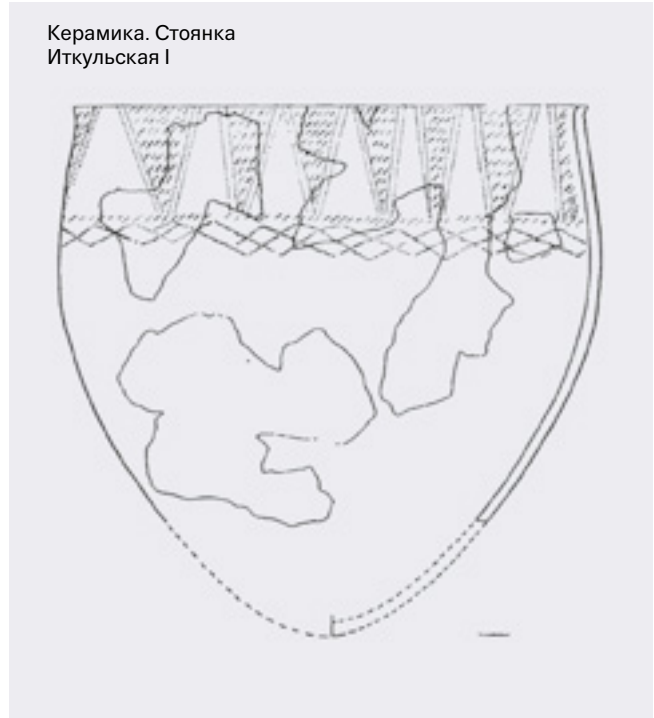
участке был заложен раскоп площадью 280 квадратных метров. Стратиграфия раскопа: 0–0,1 м — дерн, 0,1–0,25 м — гумус, 0,25–0,65 м — серый подзолистый слой, ниже — материковая глина. Основу культурного слоя составляют нижняя часть гумуса и подзолистый слой, с которым связана основная масса находок. В раскопе зафиксированы три каменные выкладки овальной формы, расположенные на уровне материка. Их размеры — 0,6×0,3; 0,65×0,5 и 2,1×1,1 м. В двух выкладках обнаружены зола и угольки. Кроме того, в раскопе зафиксировано три небольших углубления и девять столбовых ямок. Коллекцию предметов со стоянки представляют 295 изделий и отходов из камня и 678 фрагментов керамических сосудов.

Стоянка Юрюзанская IIб расположена на правом берегу реки Юрюзань, в 1 км ниже по течению от стоянки Юрюзанская I. Занимает центральный из трех рядом расположенных мысов,

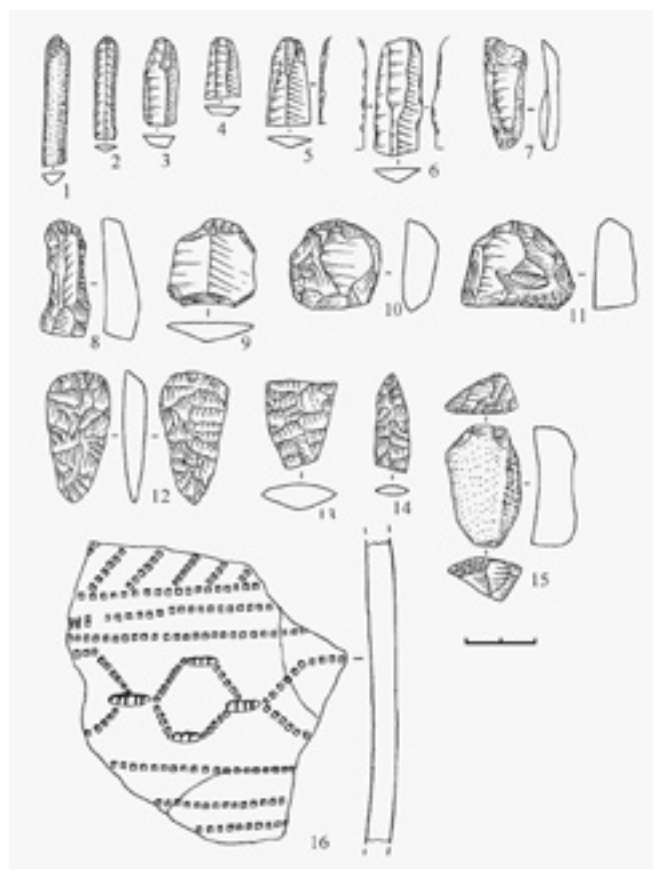

Керамика. Стоянка
Абселямовская

Керамика.
Стоянка Уфа IVКерамика. Стоянка
Иткульская IКаменный инвентарь. Стоянка
Уфа IV. 1 — нуклеус; 2, 5, 10,
11, 12-14 — пластинки; 3, 4,
6-10 — пластинки с ретушью;
15, 16 — острия; 17, 18 — тра-
пеции; 19-23, 25 — скребки;

24 — перфоратор-скобель;
26 — обломок шлифованного
орудия; 27-29 — отщепы
с ретушью; 30, 31 — наконеч-
ники стрел; 32 — скребло;
33-34 — грузила на плитках;
35 — «утюжок»

Каменный инвентарь,
керамика. Стоянка Юрюзан-
ская IIв. 1-4 — пластинки;
5-7 — пластинки с ретушью;
8-12 — скребки; 13, 14 —
наконечники стрел; 15 —
ретушер; 16 — керамика

Керамика. Поселение
Аятское Правобережное

Керамика.
Стоянка
Юрюзанская IIв

образованных в результате прорезания берега глубокими логами. Берег здесь обрывистый, скалистый, высотой от 16 до 20 м. Стоянка занимает слегка наклонную площадку, поросшую лесом. Исследовалась В. С. Мосиным в 1984 году. На стоянке был заложен раскоп площадью 64 кв. м. Культурный слой представлен желто-серым суглинком мощностью 0,2–0,25 м, перекрыт дерном (0,1 м) и подстиляется красноватым суглинком с включением щебня. Каких-либо остатков жилья или хозяйственных сооружений в пределах раскопа не обнаружено. Материальные остатки распределялись достаточно равномерно, не образуя отдельных скоплений. Всего в коллекции предметов со стоянки 161 изделие из камня и керамики.

Стоянка Юрюзанская IIв расположена на правом берегу реки Юрюзани, на последнем (ниже по течению реки) из трех мысов, рядом со стоянкой Юрюзанская IIб. Занимает наклонную площадку, поросшую лесом. Исследовалась В. С. Мосиным в 1984 году. На стоянке были произведены раскопки на площади 36 кв. м. Культурный слой представлен желто-серым суглинком мощностью 0,2–0,25 м, который сверху перекрыт дерном (0,1 м) и подстиляется красноватым суглинком с включениями щебня. В центре раскопа на уровне материка

зафиксировано очажное пятно неправильной овальной формы размером 0,45×0,35×0,3 м. Углубление заполнено прокаленным грунтом, стенки наклонные, дно округлое. Каких-либо других остатков жилых или хозяйственных сооружений в раскопе не обнаружено. В районе очага зафиксировано скопление керамики — 121 фрагмент сосудов. Коллекция предметов со стоянки включает 40 изделий из камня и 158 фрагментов керамики.

Поселение Аятское Правобережное находится в Невьянском районе Свердловской области, на мысу, образованном восточным берегом озера Аятское и правым берегом реки Аят, вытекающей из озера. Памятник расположен на поляне площадью около 4000 кв. м, подходы к озеру и реке заболочены. В 1956–1959 годах Е. М. Берс исследовала 950 кв. м памятника.

Мощность культурного слоя превышала метра. Характер почвенных напластований различен. На основе планиграфических и стратиграфических данных, типологического анализа материала Е. М. Берс разделила памятник на несколько участков: Первое Аятское поселение, Первую Аятскую стоянку, Второе Аятское поселение, Вторую Аятскую стоянку, селище, могильник. В эпоху энеолита — ранней бронзы, по ее мнению, функционировало Первое и Второе Аятские поселения. Аятское поселение — один из опорных памятников эпохи энеолита в Среднем Зауралье. В 1970-е годы его материалы послужили основой для выделения аятской археологической культуры.

К **Первому Аятскому поселению** исследовательница отнесла материалы, обнаруженные почти исключительно в раскопах 1956 и 1959 годов в двух постройках, нескольких хозяйственных ямах и погребении. Котлован хозяйственной постройки — округлой в плане формы (3×3,4 м), выход представляет собой коридор размером 0,6×1,2 м и обращен к реке. Котлован был углублен в материк на 0,15 м. У входа располагался небольшой очаг мощностью 0,1 м, на дне постройки — две ямы, углубленные в материк на 0,15–0,2 м, заполненные кварцевым песком, по мнению исследователя, приготовленным для лепки сосудов. Между ямами обнаружен сосуд, рядом с очагом — шлифовальная плита, обломки еще двух плит и зернотерки найдены в за-

Елизавета Михайловна Берс (26.07.1906, г. Юхнов Смоленской губернии — 05.01.1981, Новосибирск) — ученый-археолог. Совместно с супругом А. А. Берсом проводила полевые исследования археологических памятников в горнолесном Зауралье (поселение и могильник Калмацкий Брод, мыс Толстик, берега и острова Исетского озера). После ареста мужа в 1935 году была вынуждена трудиться в различных учреждениях Екатеринбурга. С 1946 года работала в кабинете археологии Уральского университета, принимала участие в научной обработке архива Уральского общества любителей естествознания. После Великой Отечественной войны составила каталог археологических коллекций Свердловского областного

краеведческого музея. В 1949–1959 годах руководила раскопками экспедиции Уральского государственного университета в верховьях Исети. Ею открыты и исследованы следующие археологические памятники: Аятские поселения и Аятский могильник, Макуша Верхняя и Нижняя, литейное производство на горах Думная и Петрогром, Палкинское селище на горе Маленькой, жертвенное место на озере Мелкое, укрепленное жилище Шайдурихинское, стоянка на горе Раструс. Ввела в научный оборот понятие о новых археологических культурах: аятской, гамаюнской, иткульской, петрогромской; предложила свою концепцию генезиса археологических культур горнолесного Зауралья.

Основные публикации:

Берс А. М. Археологическая карта Свердловска и его окрестностей // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 21. М., 1951.

Берс А. М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск, 1959. 83 с.

Берс. А. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.

полнении постройки. Во входе в сооружение найден раздавленный горшок.

Постройка 1 (землянка, по Е. М. Берс) четырехугольной в плане формы, площадью 36 кв. м, углублена в материк на 0,45–0,5 м. Стенки прямые, в некоторых местах слегка осыпались. На северной стенке имеются следы поздней «подрубки», она смята. В центре сооружения зафиксированы две овальные очажные ямы размером 0,8×1,2 м и глубиной 0,15 м, разделенные земляной перемычкой. Выход протяженностью более 2 м обращен к северо-западу и выполнен в виде ступенек, по краю которых расположены столбовые ямки. Вероятно,

постройка заселялась дважды или перестраивалась после пожара, на что указывают наличие двух очажных ям, осыпь стен. Вокруг котлована фиксировались столбовые ямки, внутри постройки их нет.

На дне постройки найдена только керамика — сосуды с прямыми стенками, острым или округлым дном. Венчики у них прямые, иногда слегка отогнуты наружу, некоторые имеют слабо выраженный наплыв. Поверхность сосудов сплошь покрыта горизонтально расположенными узорами — монотонно чередующимися зонами прямых горизонтальных линий и ломаных линий или пояском из наклонных отпечатков гребенчатого штампа.

Котлован постройки 2 (землянки, по Е. М. Берс) имеет в плане форму четырехугольника размером 4,5×6 м (27 кв. м). Стенки котлована прямые, врезаны в материк на 0,4–0,5 м. Выход шириной около 2 м фиксируется в виде трех земляных ступенек, обращенных к юго-западу. Почти в центре сооружения на дне обнаружена очажная яма бобовидной в плане формы. Вокруг нее — кострище длиной до 2 м мощностью 0,05–0,1 м. В постройке 2 найдены обломки 105 сосудов, на дне обнаружены фрагменты с изображением водоплавающих птиц и несколько обломков, орнаментированных в технике шагающей гребенки.

На поселении найдена керамика «шубакишско-го» типа — примерно 250 горшков полуяйцевидной формы, прямостенных, с округлыми (в единичных случаях плоскими) днищами. Внутренняя и внешняя поверхность сосудов хорошо заглажена, порой залощена. На большинстве сосудов по краю венчика расположен поясок из ямок, образующих с внутренней стороны жемчужины. Посуда орнаментирована гребенчатым штампом, использовался «рамчатый» штамп. Орнаментальные мотивы на большинстве сосудов — монотонно повторяющиеся ряды зигзагообразных, наклонных и горизонтальных линий. На некоторых сосудах сочетаются вертикально и горизонтально расположенные узоры, зафиксированы ромбы, ограниченные с четырех или двух сторон и всегда заштрихованные поперечной штриховкой, миниатюрные геометрические фигуры, реже — крупные треугольники, всегда обращенные вершиной вниз. Техника нане-

сения орнамента — прокатка и оттиски гребенчатого штампа.

В заполнении и на дне котлована постройки 2 обнаружено 66 предметов из камня. В орудийном наборе преобладают рубящие, скребущие орудия, наконечники стрел, присутствуют режущие и колющие изделия. На пластинах выполнено 43,1 % орудий, на плитках и гальках — 29,4 %, на отщепках — 27,5 % (в том числе наконечники стрел). Такое преобладание изделий, выполненных на пластинах, характерно для каменной индустрии памятников шубакишского типа.

Погребение 6 обнаружено у северной стенки котлована постройки 2, на уровне материка, на глубине 0,6 метра от поверхности. Было перекрыто выбросом из этого сооружения. В погребении найдены шлифованный наконечник стрелы и подвески каплевидной формы, аналогичные изделиям со дна котлованов построек 1 и 2.

Второе Аятское поселение локализовалось в восточной части памятника. В некоторых отчетах и публикации Е. М. Берс упоминает о семи постройках, соединенных переходами, и двух жилых сооружениях, расположенных отдельно, о хозяйственных ямах, обнаруженных на Втором Аятском поселении, в других — о комплексе, состоящем из семи жилищ.

Семь жилищных котлованов овальной в плане формы, зафиксированные на глубине 1,2 м от современной поверхности, имели, по мнению Е. М. Берс, общее перекрытие. Постройки, углубленные в материк на 0,4–0,5 м, были не выкопаны, а «вырублены тремя последовательно идущими уступами, которые в некоторых случаях переходят в ступеньки выхода». Из-за земляных выступов котлованы не имели правильной формы. Предположение Е. М. Берс о том, что это сооружение могло быть большим многокамерным жилищем, на сегодняшний день является спорным.

На Втором Аятском поселении обнаружены керамические сосуды полуяйцевидной формы с округло-удлиненными днищами. Орнамент нанесен гребенчатым штампом в накольчатотступающей технике. В композиции нет зонального чередования одних и тех же узоров. Сосуды декорированы большими и миниатюрными

фигурами: характерны треугольники, ромбы, ромбическая сетка, прямоугольники, вертикальный и горизонтальный зигзаг. На Втором Аятском поселении найдены каменные клиновидные топоры, узкие стамески, наконечники стрел, как правило, с прямым основанием и пильчатым краем, удлинённые и округлые скребки, «мотыги» из камня.

Поселение Шувакиш I расположено в окрестностях Екатеринбурга, на северо-восточном берегу озера Шувакиш. Занимает мысовидный участок коренного берега высотой 3–4 м, образованный руслом реки Шитовской Исток и берегом озера. Культурный слой зафиксирован и на окаймляющем мыс заторфованном участке. Береговая часть поселения обнаружена в 1980 году В. А. Борзуновым. В 1986–1989 годах Н. М. Чаиркина и С. Н. Погорелов исследовали 314 кв. м площадки памятника.

В раскопе 1986 года обнаружено 320 фрагментов керамики эпохи неолита и энеолита, неорнаментированные и трудноопределимые мелкие обломки, 4 изделия из глины, 71 предмет из камня, 2368 обломков деревянных изделий, заготовок и отходов производства, веток и стволов деревьев. Раскопки 1987 года показали, что керамика липчинского

Наталья Михайловна Чаиркина (р. 12.10.1957, г. Дзержинск Горьковской области) — доктор исторических наук, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН по научной работе. В 1974–1979 годах училась на историческом факультете Уральского государственного университета им. А. М. Горького (ныне Уральский федеральный университет). В 1995 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Энеолит Среднего Зауралья» (научный руководитель профессор В. И. Молодин), в 2015 году — докторскую «Торфяниковые памятники Зауралья: анализ и интерпретация» (научный консультант Молодин).

Основные публикации:
Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья : монография. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2005. 312 с.
Чаиркина Н. М. История открытия и исследования торфяниковых памятников Зауралья // Урал. ист. вестн. 2010. № 2 (27). С. 102–110.

Наконечники стрел.
Поселение Шувакиш I

Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Среднего Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская Гора V) : монография. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2011. 224 с.

Чаиркина Н. М. Модели освоения вмещающего ландшафта в мезолите — раннем железном веке Зауралья (по материалам торфяниковых памятников) // Урал. ист. вестн. 2012. № 4 (37). С. 43–49.

Чаиркина Н. М. Большой Шигирский идол // Урал. ист. вестн. 2013. № 4 (41). С. 100–110.

Чаиркина Н. М. Глиняные тарелки VI Разреза Горбуновского торфяника // Урал. ист. вестн. 2013. № 2 (39). С. 113–127.

Чаиркина Н. М. Археологическое исследование VI Разреза Горбуновского торфяника в 1927 г. (по материалам раскопок Д. Н. Эдинга) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2014. Сер. История, филология. Т. 13. № 3. С. 58–67.

Chairkina N.M. Peat-Bog sites in the Eastern Urals // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2010. Vol. 38. Iss. 4. Pp. 85–92.

Chairkina N.M. Clay Plates with Stylized Ornithomorphic Representations from Section VI of the Gorbunovsky Peat-Bog // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2013. Vol. 41. Iss. 3. Pp. 68–80.

Chairkina N.M. Anthropomorphic Wooden Figures from the Trans-Urals // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2014. Vol. 42. Iss. 1. Pp. 81–89.

(накольчато-отступающего) типа эпохи энеолита преобладала на контакте коренного берега и заторфованной части памятника, стратиграфически залегала в торфе, иногда опускаясь до контакта торфа и песка. Энеолитическая керамика шувакишского типа концентрировалась на контакте торфа и песка, достигая максимума в песчаных отложениях. Керамика аятского типа залегала в тех же горизонтах, что и керамика липчинского и шувакишского типов. В 1988–1989 годах раскопки площадью 214 кв. м производились на береговой части поселения, примыкавшей к раскопу 1987 года.

Таким образом, поселение Шувакиш I — многослойный памятник, основной культурный горизонт которого — комплекс эпохи энеолита — обнаружен: в береговой части — в слое темно-серой супеси, на заболоченных участках — в торфе темно-коричневого и черного цвета и в песке серого цвета. Керамика этого времени представлена сосудами, орнаментированными гребенчатым штампом (шувакишский и аятский типы) и в накольчато-отступающей технике (липчинский тип).

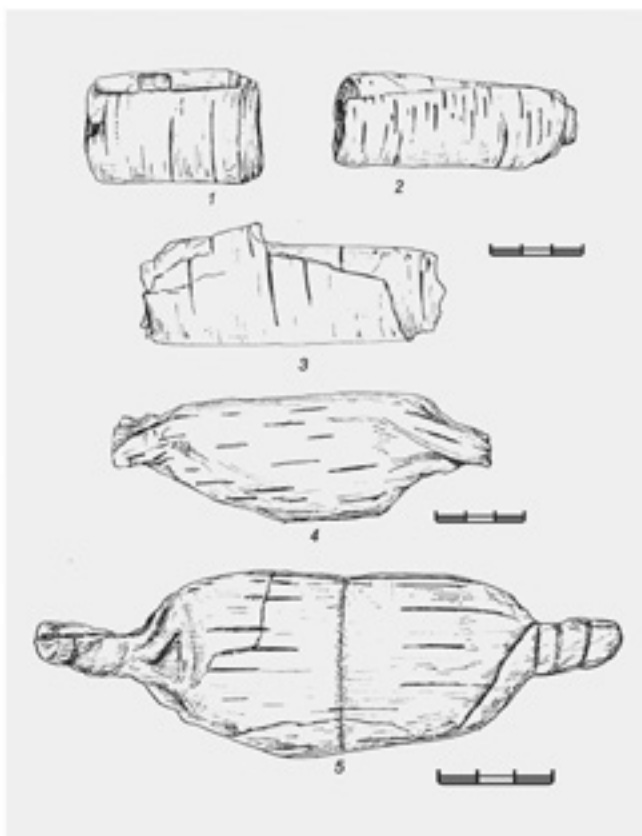
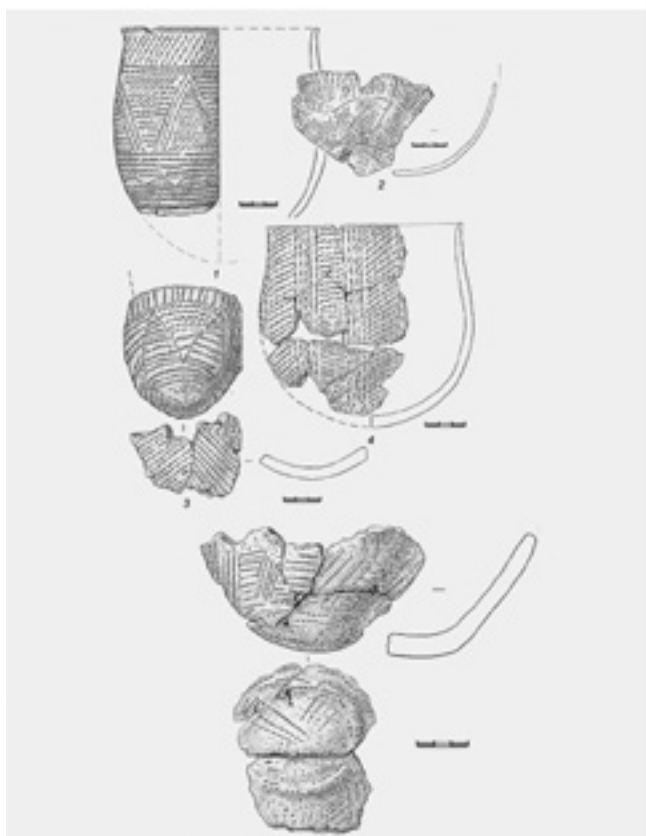
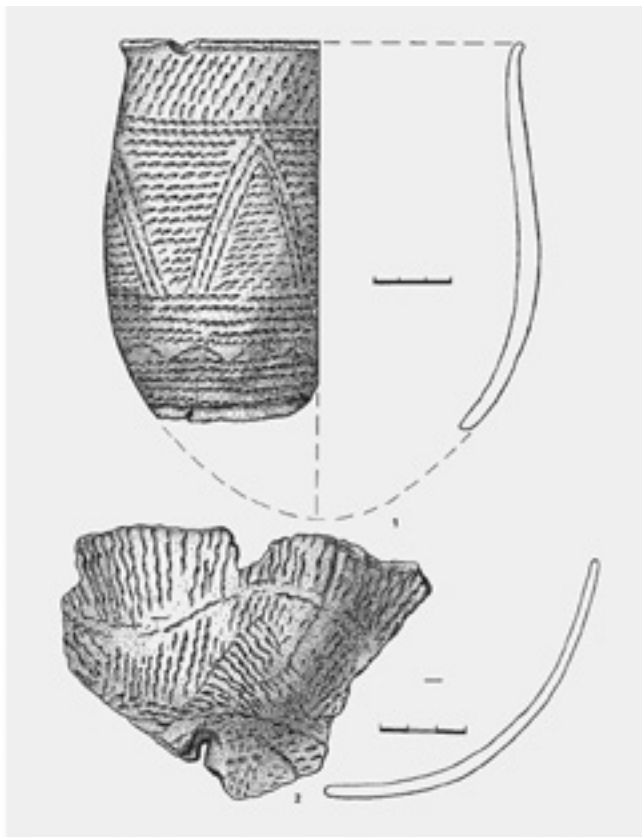
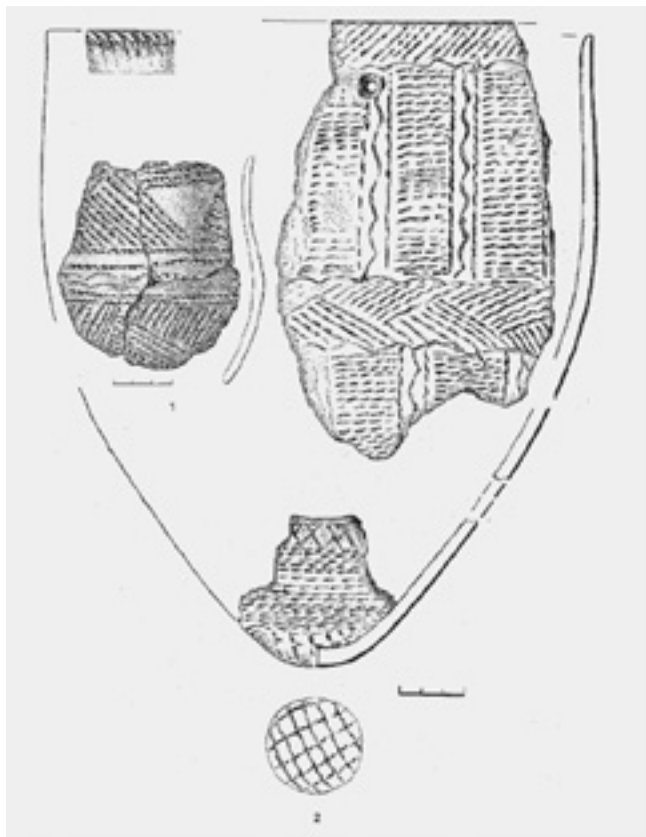
Остатки керамических сосудов шувакишского типа (преобладают) рассеяны по всей гумусированной супеси темно-серого цвета в береговой части. На заболоченном участке они залегают в торфе, на контакте торфа и песка — в песке. Отмечена

Керамика, грузила.
Поселение Шувакиш I

тенденция увеличения процента обломков сосудов шувакишского типа (в общем количестве фрагментов эпохи энеолита) в направлении от верхних горизонтов к нижним и обратное соотношение для керамики аятского типа. Керамика липчинского типа сконцентрирована на кромке эрозионного выступа, тяготеет к верхнему горизонту гумусированной супеси темно-серого цвета. На береговой части памятника количество фрагментов керамики шувакишского и липчинского типов в несколько раз выше количества фрагментов керамики аятского типа. На заболоченных участках обломков липчинских сосудов значительно меньше, чем аятских и шувакишских. В энеолитическом слое поселения Шувакиш I обнаружены кости лося, косули, бобра, барсука, птиц, рыб и мелкие кальцинированные неопределимые кости животных.

Стоянка Разбойничий Остров расположена в Октябрьском районе Екатеринбурга, в северо-западной части бывшего озера Карасье (Карасье-озерского торфяника), одного из межсопочных понижений Туринско-Чусовского торфяно-болотного массива, на острове Разбойничьем. Археологическое исследование озера и острова Разбойничьего было начато еще в XIX веке членами Уральского общества любителей естествознания Н. А. Рыжниковым, О. Е. Клером, М. В. Малаховым. С 1820-х годов на острове велись активные поиски клада, что привело к практически полному разрушению культурного слоя в береговой части стоянки. В конце XIX века на южной оконечности острова, на заболоченном участке, в торфе Н. А. Рыжников обнаружил культурный слой, содержащий прекрасно сохранившиеся изделия из дерева. В 1950-е годы В. М. Раушенбах провела небольшие раскопки в заболоченной части стоянки. В 1986 году В. И. Стефанов и Ю. П. Чемякин обнаружили несколько новых стоянок, расположенных на берегах палеозера, на острове Разбойничьем собрали подъемный материал. Планомерные археологические исследования острова были начаты в 1987 году Н. М. Чаиркиной и Ю. П. Чемякиным, продолжены Чаиркиной в 1989–1990 и 1993 годах. Произведена серия раскопов общей площадью 198 квадратных метров на заболоченном участке стоянки.

Керамика, полавки, грузила.
Стаянка Разбойничий Остров

Остров имеет в плане форму овала размером около 100×130 м. Южный берег высокий (6 м), северный пологий. Раскопки 1989 года произведены на площади 62 кв. м на южной оконечности острова, в торфе. Энеолитический горизонт залегал в нижней части торфяного слоя и в верхней части сапропеля. Содержал фрагменты керамических сосудов эпохи энеолита, орнаментированных в гребенчатой и накольчато-отступающей технике, причем количество последних резко возрастало в сапропеле. Культурный слой с плотной концентрацией изделий из глины, камня и дерева начал фиксироваться с глубины 80 см от поверхности. По всей площади раскопа отмечались бессистемно расположенные стволы деревьев со следами затесов, множество кусков бересты, щепок и веток.

На глубине 100–120 см концентрация находок еще более возросла, была обнаружена деталь деревянного сооружения длиной около 200 см в виде долбленной V-образной в сечении балки с небольшим желобком на внешней поверхности. Найдены три однотипных весла с удлинённой овальной лопастью и слегка отогнутым краем рукояти, поплавки, кибацы. На этом горизонте увеличилось количество стволов деревьев с затесами, колотых досок и плах, кусков бересты и коры сосны. Большая часть их была ориентирована перпендикулярно либо под углом к кромке коренного берега. На глубине 120–140 см зафиксирован деревянный настил из десятка стволов деревьев длиной более 1,5 м, лежащих плотно и частично заходящих друг на друга. Настил ориентирован под углом к кромке коренного берега по линии СЗ–ЮВ. Конец одного из стволов длиной более 2 м и диаметром 0,7–0,8 м, лежащий на северо-восточной стороне настила, заострен. В раскопе 1993 года найдены обломки деревянных реек, древков стрел, рукоятей весел, изделия из камня.

Поселение Макуша III расположено на административной территории Екатеринбурга, на правом берегу Исети, в 2–2,5 км к северо-западу от поселка Палкино. Занимает кромку коренной террасы высотой до 2,5–3,0 м, отстоящую от реки на 100 м. Поселение открыто в 1984 году Ю. П. Чемякиным и В. И. Стефановым, в 1989–1991 годах Н. М. Чаиркина исследовала 230 кв. м площадки памятника.

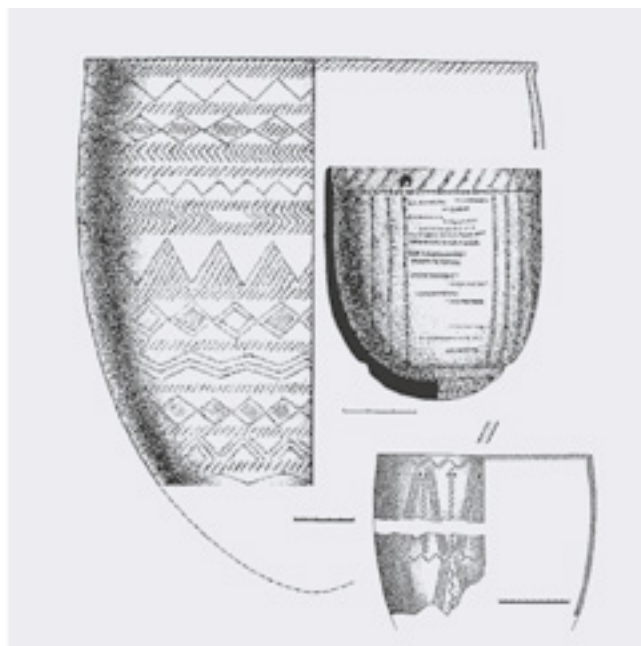
На поверхности фиксировались две хорошо выраженные впадины округлой формы. В раскоп 1989 года попала первая впадина больших размеров, дальняя от кромки берега. Максимальные размеры впадины вместе с коридорообразным выступом с западной стороны, фиксируемым на поверхности, — 5,7×8,5 м (С–Ю и З–В). Без выступа и изгиба на юго-западном углу впадина имела овальную, слегка вытянутую по линии В–З форму с плавно округленными северо-западным и северо-восточным углами. В 1990–1991 годах во время раскопок была вскрыта вторая впадина. Поселение многослойное, стратифицировано. Культурный слой сложен делювиальными супесями, залегающими на суглинках и выветривающихся коренных породах.

Нижние слои содержали материалы эпохи энеолита: котлованы построек 1 и 3, впущенные в сооружения 2 и 4 эпохи неолита. Котлованы построек эпохи энеолита, расположенные перпендикулярно кромке террасы, на поверхности фиксировались в виде впадин овальной формы размерами 5,8...8,5×4,5...5,7 м и глубиной 0,25–0,85 м. Южные и западные борта впадин более высокие, что определялось морфологией подстилающих горных пород. Очертания котлованов зафиксированы на глубине 0,4–0,6 м от поверхности, на материковом суглинке.

Котлован сооружения 1 имеет подпрямоугольную в плане форму (максимальные размеры 6,2×6,7 м), длинной осью ориентирован по линии З–В. Углублен в подстилающий грунт на 0,21–0,63 м. В юго-западном и юго-восточном углах сооружения прослежены небольшие тамбурообразные выступы. В северо-восточном секторе постройки, ближе к ее центру, на дне располагался очаг бобовидной формы размером 0,6×1,2 м. С северной, западной и южной сторон он был окаймлен столбовыми ямками, с северо-западной и западной обложен мелкими гранитными валунами. С востока к очагу примыкала шлифовальная плита, перевернутая рабочей поверхностью вниз. По распределению материала можно судить о планировке жилого пространства внутри постройки. Производственные площадки зафиксированы в западной части, вокруг крупных гранитных валунов; «кухня»

Керамика.
Поселение Макуша III

по скоплению развалов сосудов прослежена у очага, в северо-восточном секторе. Менее насыщены артефактами южная и юго-восточная части постройки. Выход в виде отдельной конструкции не зафиксирован. Возможно, он располагался рядом с юго-западным углом жилища, где естественные гранитные монолиты прослежены в виде ступенек, ведущих на борт постройки.

Котлован энеолитического сооружения 3 подпрямоугольной в плане формы ориентирован по линии С33–ЮВВ, его размеры варьируются от 7–9 м на верхних уровнях до 5,8×6,8 м по полу. Глубина котлована 0,42–0,72 м. Стенки врезаны в грунт плавно, дно относительно ровное, незначительно наклонено по линии 3–В, наиболее углублена северная часть. Особенности конструкции котлована являются коридорообразные выступы с западной и восточной сторон размерами 1,0...1,3×0,3...0,7 м. В юго-западном секторе, ближе к центру, на дне прослежен очаг округлой в плане формы диаметром 0,25 м и мощностью 0,07 м. Рядом с ним найден развал сосуда эпохи энеолита. Выход из жилища не обнаружен, не зафиксирована внутрипланировочная специфика.

Значительное место в интерьере и конструкции обоих жилищ занимают гранитные валуны и монолиты. Отмечена их концентрация по границам котлованов, у очага в сооружении 1, на произ-

водственных площадках. Естественные выходы скальных пород служили одной из стен построек: западной — в жилище 1, южной — в жилище 3. Противлежащие им соответственно восточная и северная стенки представляли собой, вероятно, бревенчатые конструкции, зафиксированные в виде интенсивных углистых полос. Это наиболее углубленные сектора построек. Судя по многочисленным пятнам прокалов, линзам угля, жилища сгорели. По углю, обнаруженному на дне котлована постройки 1, на участке О/16 на глубине 156 см, получена радиоуглеродная дата — 4525±175 лет (ИЭРЖ-130).

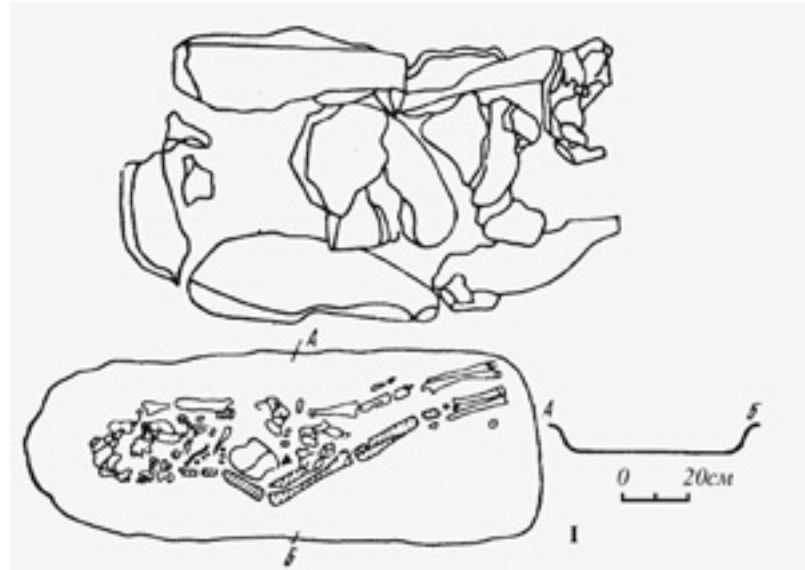
Котлованы энеолитических сооружений встроены в сооружения эпохи неолита. Котлован неолитической постройки 2 почти полностью разрушен котлованом сооружения 1. Его форма и размеры не реконструируются. Сохранилась только канавка шириной 0,2–0,3 см и глубиной менее 0,01 м, маркирующая, возможно, его юго-восточный угол. В энеолитических постройках найдены фрагменты 98 сосудов и 1323 изделий из камня. В заполнении котлованов сооружений, на межжилищном пространстве обнаружены кости лося и бобра [63].

В Зауралье исследовано несколько погребений. На юге лесной зоны А. Ф. Шориным раскопано два захоронения каменного века — на территории раннечеркаскульского могильника Березки Vг

и многослойного **поселения Березки Vв**,— расположенных на острове Большой Вишневы на Аргазинском водохранилище [66].

Надмогильное сооружение размерами 3,8×3,1 м представляло собой наброс уложенных плашмя камней. Под набросом зафиксировано два погребения. Погребение 1, расположенное севернее, без могильной ямы и безинвентарное. Умерший был захоронен в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Левая рука его была слегка согнута в локте, кисть уложена у таза, правая рука — прямая, вытянутая вдоль туловища.

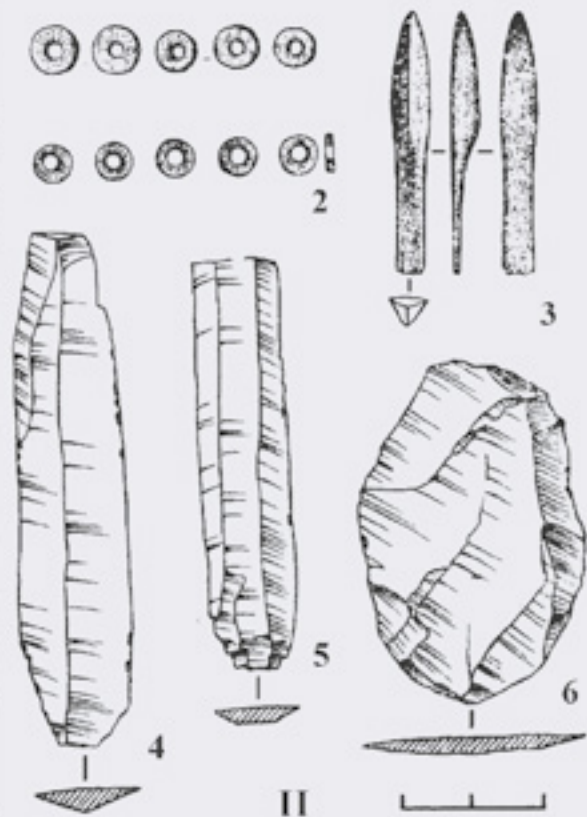
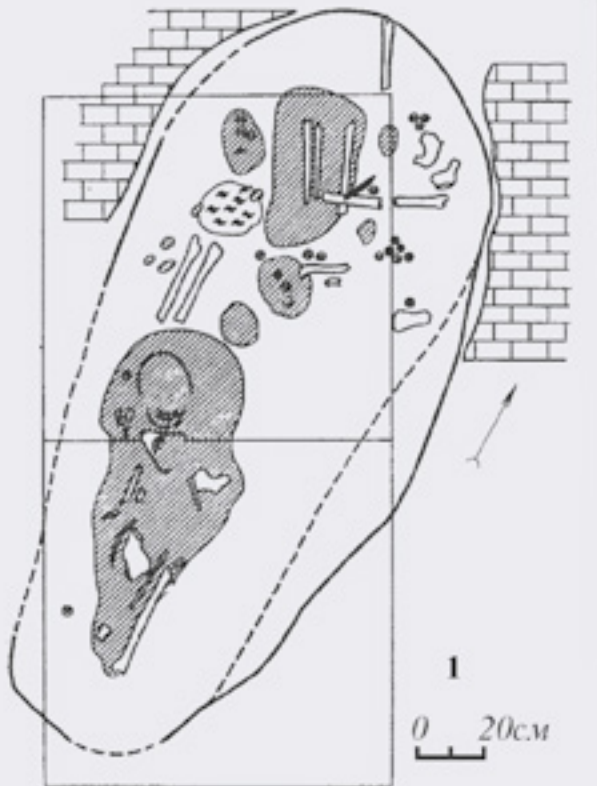
Погребение 2 располагалось южнее, в сооруженном из вертикально врытых в землю плит в каменном ящике, перекрытом такими же плитами. Ящик прямоугольный, размером 1,75×1,1 м, ориентирован по линии З-В. Могильная яма подпрямоугольной формы, со скругленными углами, размерами 1,9×0,72×0,09 м, ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. Костяк частично обожжен с правой стороны. В состав погребального инвентаря входили 19 подвесок от ожерелья,

Погребения на поселении Березки Vг (по А. Ф. Шорину)

17 из которых найдены на уровне грудной клетки и плеч, одна — слева от таза, еще одна — у правой ступни. Восемнадцать подвесок изготовлены из кости, одна — из змеевика. У всех подвесок на одном из концов имеются просверленные отверстия для

Погребение в гроте у Каменного Кольца (по О. Н. Бадеру)

подвешивания. Под тазом погребенного зафиксирована заготовка костяного наконечника стрелы (А. Ф. Шорин считает, что данное изделие могло случайно попасть в погребение).

Известны четыре погребения из горно-таежной части Южного Урала. **Погребение в гроте у Каменного Кольца** было исследовано О. Н. Бадером при раскопках палеолитической стоянки [2]. Форма могильной ямы близка к овалу, ориентированному длинной осью по линии С–Ю. Длина могилы у дна 2,2 м, ширина в северной части — 1 м, в южной — 0,8 м. Очертания могилы четко фиксировались только на уровне прорезанного ею палеолитического слоя. В северной части могилы на высоте 12 см от угла зафиксировано небольшое кострище. Дно было густо посыпано красной охрой, особенно в районе черепа. Анатомический порядок костей был нарушен: череп лежал затылочным отверстием вверх, к югу от него находилась нижняя челюсть, к северу — кости рук. Ввиду того что кости скелета были сильно разбросаны, определить первоначальную ориентировку погребенного не удалось. В могильной яме обнаружены крупная кремневая пластина и 38 круглых и плоских бусин из раковин

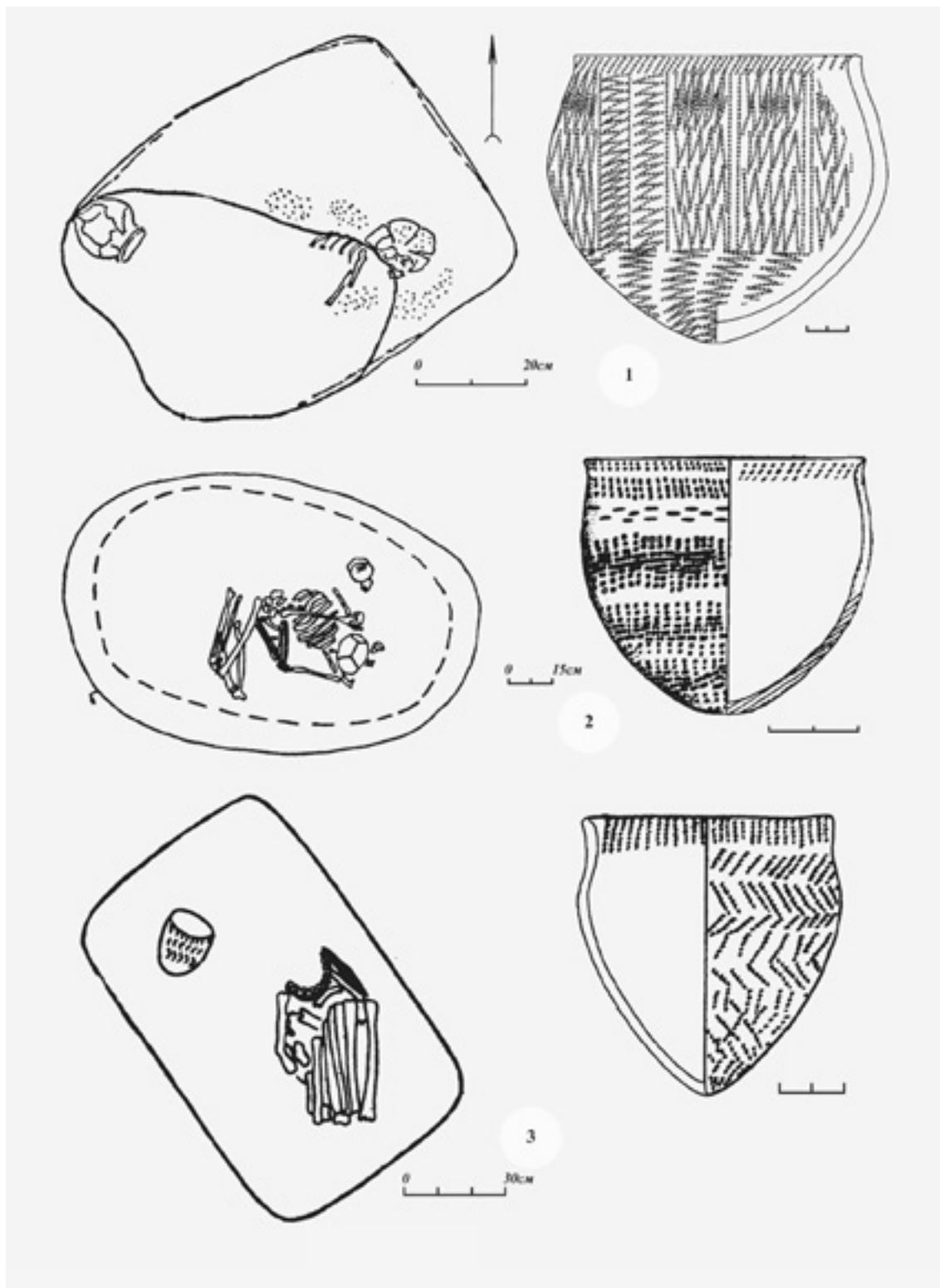
беззубки с отверстиями в центре. Рядом с погребением найдены еще одна пластинка и отщеп.

Три погребения были исследованы С. Н. Бибиковым в пещерах на реке Юрюзани [5]. В **пещере Усть-Катавская II** обнаружены остатки неполного трупосожжения ребенка 5–7 лет. Погребение было совершено в небольшом (0,2–0,15 м) углублении и сверху завалено камнями, над которыми разложен костер. Костяк носил следы красной охры. В районе костей было обнаружено большое количество украшений: 20 резцов байбака, 53 раковины *Dentalium*, 36 бусин (кружочков из раковин), пронизки из тонких птичьих костей и 32 каменные подвески из серого сланца. Очень близки между собой погребения в пещере Бурановской и под скальным навесом Старичный Гребень. В обоих случаях могильная яма отсутствовала, погребенные были лишь присыпаны землей. Захоронение совершалось по обряду труположения, умершие укладывались на спину, с руками вдоль тела, посыпались красной охрой. Из погребального инвентаря в большом количестве отмечены шлифованные подвески из змеевика с отверстиями для крепления.

На границе лесостепной и степной зон Южного Зауралья А. Ф. Шориным было исследовано энеолитическое захоронение у поселка Дружный Челябинской области, на правом берегу реки Тогузак [69]. Погребение было обнаружено на территории многослойного поселения поздней бронзы Дружный I. Западная часть поселения частично перекрывает стоянку позднего каменного века **Дружный XV**.

Могильная яма размером 1,5×1,0×0,95 м имеет в плане овальную форму, ориентирована по линии ВЮВ–ЗСЗ. Зафиксирована на уровне материка под культурным слоем поселения. В профиле яма имеет трапецевидную форму, расширяясь ко дну, где достигает размера 1,88×1,24 м. Погребение принадлежит мужчине в возрасте около 25 лет, который был захоронен на левом боку в скорченном положении. Череп располагался теменной частью вверх, развернут лицевой частью к югу.

Энеолитические погребения. 1 — Александровский IV (по А. Г. Гаврилюку); 2 — Дружный (по А. Ф. Шорину); 3 — Верхняя Алабуга (по Т. М. Потемкиной)

У правого плеча погребенного был поставлен небольшой тонкостенный сосуд, изготовленный из глины с характерной примесью талька. Сосуд полуяйцевидной формы, со слегка отогнутым наружу венчиком и округлым дном. Орнаментирована вся поверхность сосуда, включая внутренний край венчика. Орнаментальные мотивы — горизонтальные полосы из наклонных оттисков штампа и шагающей гребенки. В качестве бордюрной зоны использована полоса неглубоких продолговатых ямочных вдавлений, расположенных в шахматном порядке. В сосуде находились медные колечки диаметром 11 мм с несомкнутыми концами, изготовленные из тонкой проволоки. По характерным признакам керамики и наличию медных колечек погребение можно уверенно датировать энеолитом и отнести к гребенчатой традиции Южного Зауралья.

Еще одно погребение энеолитического времени было зафиксировано А. Г. Гаврилюком при раскопках могильника эпохи бронзы **Александровский IV**, расположенного на реке Большая Караганка в степной зоне Южного Зауралья. Погребение (курган 1, могильная яма 2) было обнаружено под полой курганной насыпью, сооруженной над могильными ямами синташтинской культуры. Погребение подбойного типа фиксировалось на уровне материка как пятно гумусированного суглинка. Входная яма размерами 0,6×0,4 м, подпрямоугольной формы, со скругленными углами была ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Возле ЗСЗ стенки ямы располагался круглодонный сосуд, под которым зафиксирована прослойка черного органического тлена, уходившего под ССВ и ВСВ стенки. Дно ямы было покрыто органическим тленом черного цвета. Пятно тлена размером 0,73×0,56 м имело подпрямоугольную форму и было ориентировано по линии ЮЗ–СВ. Около половины его площади располагалось под непотревоженным материковым суглинком. По диагонали ямы черепом на восток на левом боку лежал костяк ребенка 2–4 лет. Кости предплечья были расположены перед грудной клеткой, кости таза и ног не сохранились. Кости и дно ямы вокруг них были обильно окрашены охрой.

В погребении обнаружен сосуд полуяйцевидной формы со слегка отогнутым наружу венчиком, раздутым туловом и округлым дном. Вся поверхность его орнаментирована гребенчатым штампом. По венчику с внешней и внутренней сторон идет узкая полоска наклонных оттисков штампа, по тулову — вертикальные зоны, заполненные горизонтальными или вертикальными рядами шагающей гребенки.

Таким образом, в Южном Зауралье известно семь погребений, относящихся к нео-энеолитическому времени. Четыре погребения содержали костяки, уложенные на спину (в трех случаях — с инвентарем); два погребения — костяки, скорченные на боку, с сосудами (одно — с металлом); одно погребение представляло собой неполное трупосожжение.

В последние два десятилетия в лесостепном Зауралье выявлено значительное количество погребальных комплексов добронзового времени. К настоящему времени в Притоболье изучено 32 погребения на семи памятниках.

Среди них наиболее значительным является **могильник Верхняя Алабуга**. Там раскопаны 23 погребения. Очевидно, также крупным был могильник Убаган 1, но он сильно разрушен рекой. В лесостепном Притоболье можно выделить несколько обрядов совершения захоронений того периода:

1. Погребение покойного на боку в сильно скорченном положении, с согнутыми руками и ногами (колени и локти, как правило, в районе живота). Всего известно три таких погребения в могильнике Верхняя Алабуга. Два погребения безынвентарные, одно — с инвентарем.

2. Погребение покойного в сидячем положении в округлой или овальной яме размером 40...90×70...105 см и глубиной 70–160 см. У одной стенки, как правило, имелся уступ в виде ступеньке, на которой «сидел» умерший. Такой тип погребений встречен на могильниках Верхняя Алабуга, Убаган-1, в курганной группе Гладунино-1, а также, судя по конфигурации ямы, на святилище Савин I. Среди погребений в сидячем положении преобладает ориентировка ям по линии, близкой к юго-западному направлению.

3. Захоронение по принципу антитезы. Зафиксировано два таких погребения на могильнике Верхняя Алабуга. Оба с инвентарем.

4. Погребение покойного на спине с вытянутыми ногами. Одно такое погребение известно в курганной группе Гладунино 1. На могильнике Верхняя Алабуга у погребенных правая нога закинута на левую, все погребения безынвентарные, ориентированы на север, могильных ям не прослеживалось.

5. Ярусное захоронение. Встречены на святилище Савин I и Боборыкинской дюне. В обоих захоронениях находилось по три человека.

6. Погребение умершего в неопределенной позе. На могильнике Верхняя Алабуга отмечено семь таких погребений, на могильнике Убаган 1 — одно, в святилище Слабодчики-1 — одно. Неопределенность позы погребенного объясняется плохой сохранностью костяка. Вероятно, часть из них были захоронены либо в сидячей, либо в скорченной позе [12].

Из этих погребений для нас наиболее интересно погребение 5 могильника Верхняя Алабуга. Очертания могильной ямы выявлены на глубине 0,4 метра под слоем темно-серой супеси, составляющей верхние наслоения на неразрушенной части останца. Форма могилы — прямоугольник размером 0,95×0,6 м со слегка закругленными углами, глубина 0,25 м, в разрезе она полуовальная. Продольной осью ориентирована по линии СЗ–ЮВ.

В южной половине могилы, ближе к восточной стенке, обнаружены нижняя челюсть и трубчатые кости взрослого человека. Трубчатые кости лежали компактной кучкой: сверху берцовые, ниже бедренные, под ними тазовые и обломки мелких косточек плохой сохранности. Судя по положению костей, умерший был захоронен в сильно скорченном, возможно, связанном положении, на спине, головой на северо-запад. Слева у челюсти найдено массивное медное четырехгранное шило с двумя заостренными концами, утолщенное с одного края. Длина изделия 14,5 см, ширина граней в наиболее утолщенной части 0,6 см. В северо-западном углу могилы стоял с небольшим наклоном на восток толстостенный (7–9 мм) сосуд с яйцевидным туловом, слабовыделенной шейкой и округлым венчиком. В глиняном тесте — примесь шамота. Ор-

намент из наклонных оттисков крупной гребенки, образующих горизонтальную елочку, нанесен по всей поверхности и у края с внутренней стороны [54].

А. Ф. Шорин и Т. И. Нохрина, обобщая данные о более 30 погребальных добронзовых комплексах Урала, констатировали те черты погребальной практики, которые свойственны энеолитическому населению Уральского и Западно-Сибирского регионов, а если рассматривать шире, то и всей северо-сибирской зоны. Особенно заметно сходство погребальной обрядности в комплексах лесной зоны Поволжья и Урала. Для них характерны:

1) сочетание традиций устройства коллективных грунтовых могильников и одиночных захоронений в неглубоких ямах при явной доминанте последних;

2) периодическое использование камня в виде каменных завалов могил, каменных ящиков и колец-оград вокруг могил, отдельных камней над могилами как реперных надмогильных знаков;

3) локализация захоронений на территории поселений, в жилищах, возможно, заброшенных ко времени погребения;

4) абсолютное господство захоронений в вытянутом положении на спине;

5) использование охры в погребальном ритуале;

6) использование огня, в частности полное или неполное сожжение трупов;

7) захоронение покойника обычно с личными украшениями, реже с наконечниками стрел или кремневыми орудиями;

8) отсутствие в погребальном инвентаре сосудов;

9) неординарные захоронения головы или, наоборот, только одних голов, отдельные захоронения в необычных позах (вертикально, «сидя на корточках», на животе с вытянутыми ногами и т. д.) [70].

Н. М. Чаиркина на основании анализа энеолитических могильников (Скворцовская гора V, Большой Андреевский остров (МБАО), Бузан 3, Чепкуль 21) и одиночных погребений (Аятское поселение, Боборыкино, Камень Дождевой, «У Каменного Кольца», пещера Усть-Катавская II,

Старичный Гребень и др.) дала свою характеристику энеолитических погребений Зауралья.

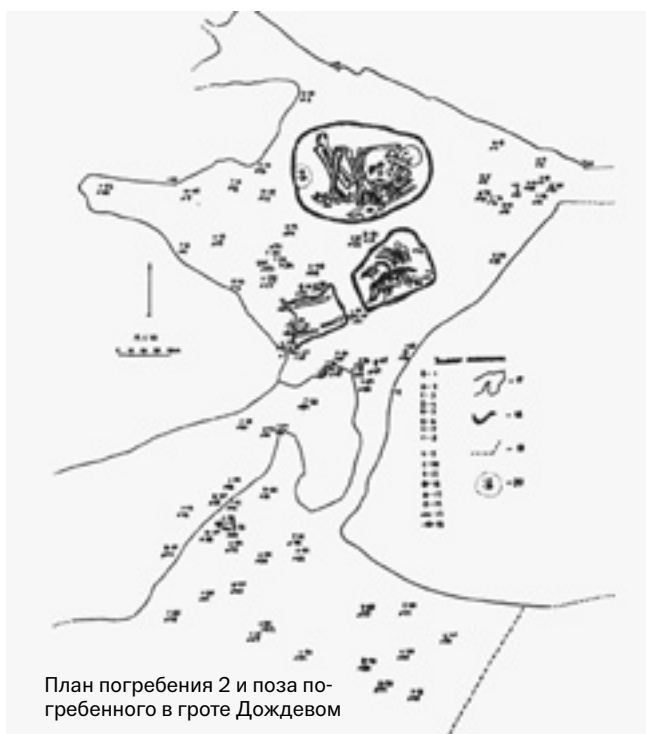
По ее мнению, преобладала овальная и подпрямоугольная форма могил; ямы в виде лодки зафиксированы на Скворцовской горе V и в центральных захоронениях Бузан 3. В некоторых случаях ямы отсутствовали или были неглубокими (Бурановская пещера, Старичный Гребень, Камень Дождевой). Размеры и глубина могил варьировались, преобладала ориентировка СЗ–ЮВ и СВ–ЮЗ. Не одинакова поза погребенных: вытянуто на спине (Старичный Гребень, Березки Vг, Камень Дождевой, Аятское и Боборыкинское поселения, Бузан 3), скорченно на боку (Камень Дождевой). Погребения людей с костями в анатомическом порядке обнаружены на Березках Vг и Камне Дождевом, а без черепов — на Аятском поселении и Старичном Гребне, одиночные черепа — на Шигирском торфянике.

Характерны разная степень использования огня, полная и частичная кремация, ингумация. «Вторичные» захоронения встречены в Бурановской пещере и на Чепкуле 21, «ярусные» — в МБАО и Перейме II. Настил над могилой фиксировался на Аятском поселении и в гроте у Каменного Кольца, наброс камней — на Березках Vг, Скворцовской горе V, в Усть-Катавской II пещере. Подсыпка ох-

рой присутствует практически во всех погребениях. Сопровождающий инвентарь представлен изделиями из камня, наконечниками стрел, подвесками, редко — орудиями из кости и др.

В энеолитических погребениях Зауралья зафиксированы костяки детей (Скворцовская Гора V, пещеры Усть-Катавская II и Бурановская, Боборыкино, Бузан 3), взрослых (пещера Усть-Катавская II, Боборыкино, Шигирский торфяник, Камень Дождевой), стариков (Боборыкино, Старичный Гребень, пещера Бурановская). Детские погребения Скворцовской Горы V и пещеры Усть-Катавской II сооружены с применением значительных «энергозатрат». Они сопровождались большим количеством находок, среди совпадающих — подвески и бисер. Инвентарь погребенных на Скворцовской Горе V более разнообразен и многочислен.

Обнаружены погребения женщин (Старичный Гребень, Камень Дождевой, Шигирский торфяник) и мужчин (Камень Дождевой, пещера Бурановская). Возможно, тендерная принадлежность отражена в положении тела (скорченное — в мужском, вытянуто на спине — в женском захоронении на Камне Дождевом) и сопровождающем инвентаре. Наконечники стрел, вероятно, служат символами мужских погребений, однако не являются их

План погребения 2 и поза погребенного в гроте Дождевом

обязательным атрибутом. Большая часть погребений, «богатых» по количеству и составу инвентаря, сложности могильных сооружений, содержит, помимо прочего, каменные наконечники стрел (центральное погребение на Бузане 3 и детское на Скворцовской горе V). Погребения совершены, вероятно, в лодках, однако плохая сохранность костяков не позволяет точно определить первоначальное положение тел.

Несколько «богатых» погребений (Бузан 3, Камень Дождевой, пещера Усть-Катавская II) содержат подвески каплевидной формы. Возможно, различия между группами «богатых» погребений отражают гендерные или социально-статусные позиции. Другие изделия (отщепы, фрагменты керамики, скребки) и украшения (подвески), скорее всего, гендерно нейтральны. Подвески каплевидной формы, обнаруженные практически во всех погребениях, вероятно, являлись принадлежностью костюма. Возможно, их отсутствие указывает на обстоятельства смерти, тем более что некоторые из погребений, не содержащие подвесок, «вторичны».

Анализ погребальных структур энеолита Зауралья позволил сформулировать ряд предварительных выводов. Применение охры, отсутствие сосудов, наличие подвесок каплевидной формы характерны для погребального обряда населения Северной Евразии. Случайно попавшие или намеренно помещенные фрагменты керамики, наконечники стрел, возможно, отражают горизонтальную стратификацию общества, подчеркивающую членство в общине и принадлежность к роду. Гендерная принадлежность как будто не выражена в локализации погребения в пространстве и его структуре. Возрастной символизм четко не очерчен. Фиксируются как «богатые» погребения так и погребения с незначительным количеством инвентаря, не требовавшие особых усилий на свое устройство [63].

В Зауралье изучены энеолитические святилища, отличные от «холмов» периода неолита. Наиболее изучено **святилище Савин I**, расположенное в Курганской области, на правом берегу Тобола. Оно занимает песчаную гриву, возвышающуюся над окружающей местностью. Памятник выявлен в 1982 году, исследовался в 1983–1986 годах М. П. Вохменцевым

и Т. М. Потемкиной [11]. В 1997 году святилище изучалось с целью выявления основных астрономических ориентиров Т. М. Потемкиной, которая выполнила графическую реконструкцию его как археоастрономического объекта. В результате раскопок были обнаружены остатки сооружения, в плане похожего на восьмерку. Кольца, соединенные между собой, образованы канавами шириной от одного до двух метров и глубиной порой больше метра. В канавах оставлены разрывы для проходов внутрь с запада и востока. Диаметр колец 16–18 м. В центре верхнего (по течению реки) кольца находилось углубление размером 6×8 м, на дне которого был обнаружен значительный слой костей животных, а также фрагменты керамических сосудов и изделия из камня и кости. В канавках, создающих кольца, а также внутри них зафиксировано более ста ямок, как для установки столбов, так и для совершения обрядов. В ямках находились кости, керамика и орудия из камня. В пределах сооружений обнаружены также два погребения, в одном из которых захоронено сразу три человека, один над другим. Погребенные (двое взрослых мужчин и девушка около 16 лет) относились к разным расовым типам (восточно-средиземноморские европеоиды и североазиатский монголоид).

Графическая реконструкция святилища Савин I (по Т. М. Потемкиной)

Михаил Павлович Вохменцев (р. в 1955, пос. Мишкино Курганской области) — археолог, кандидат исторических наук. С 1977 года участвовал в археологических раскопках. По окончании историко-филологического факультета Курганского государственного педагогического института (1981, специальность «История и английский язык») являлся научным сотрудником Курганского областного краеведческого музея. Был членом археологических экспедиций, проводимых музеем. В 1981 году стал участником открытия уникального памятника — святилища Савин-1. С 1983 года исследовал его совместно с Т. М. Потемкиной. С 1988 года работал в научно-исследовательском секторе Курганского государственного педагогического института. Создал в вузе первую археологическую хоздоговорную лабораторию. С 1996 года в Научно-производственном центре по охране памятников истории. В 2008 году после

реорганизации органов охраны назначен директором ГУ «НПЦ по охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области». Участвовал в археологических экспедициях в Омской, Челябинской, Свердловской областях, на Северном Кавказе, в Ханты-Мансийском автономном округе. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Энеолит лесостепного Притоболья» (2000). С 2015 года является аттестованным специалистом по государственной историко-культурной экспертизе.

Основные публикации:

Вохменцев М. П. Влияние степных культур на энеолит лесостепного Зауралья // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области : III Городцовские чтения. Оренбург, 2006.

Вохменцев М. П. Эпоха энеолита лесостепного Притоболья (вопросы культурной принадлежности, относительной и абсолютной хронологии). Шадринск, 2006.

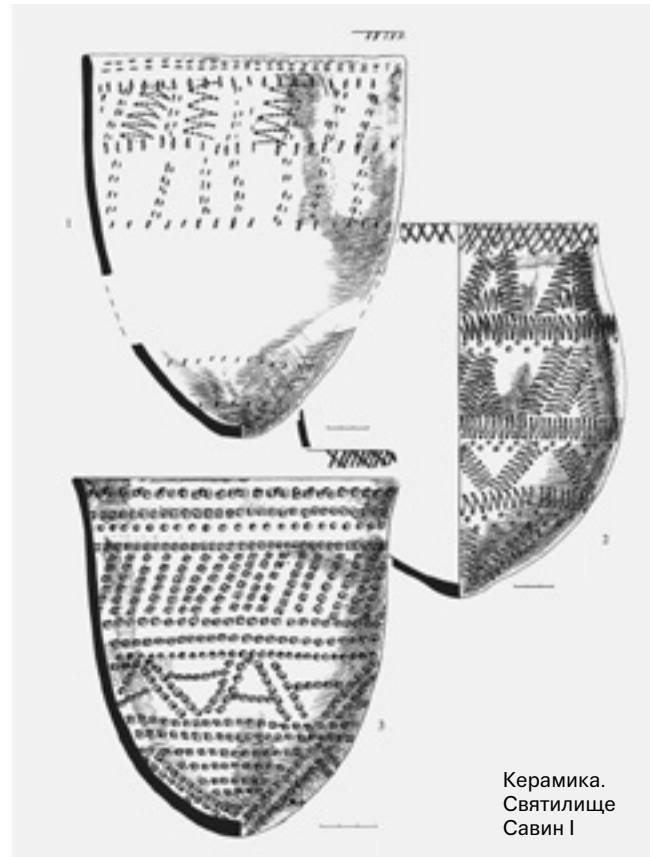
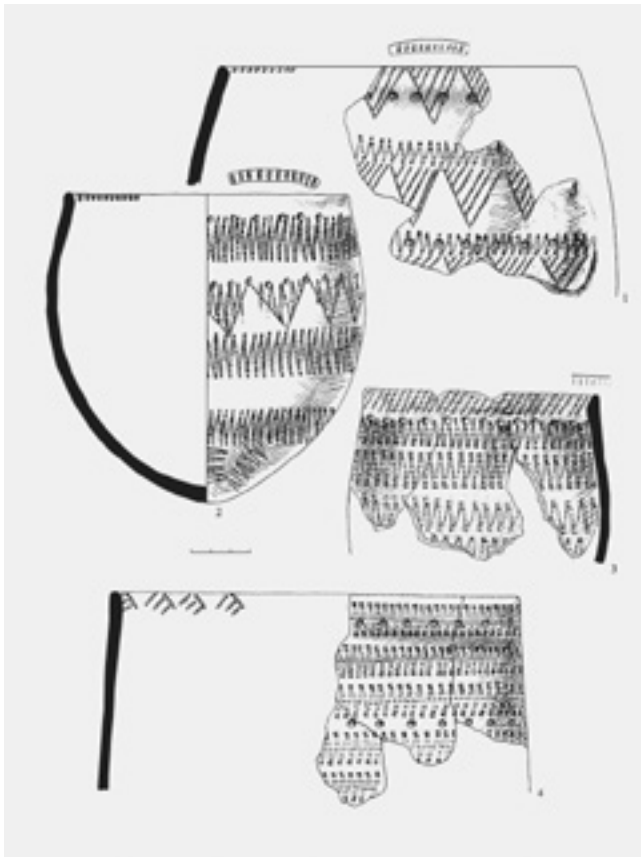
Вохменцев М. П. Этно-историческая ситуация в Зауралье (по археологическим источникам) // Инновационные процессы в российском праве, экономике и исторической науке : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., г. Шадринск, 13 марта 2009 г. Шадринск, 2009.

Вохменцев М. П. Памятники неолита, энеолита и ранней бронзы в лесостепном Притоболье. Челябинск : Рифей, 2016.

В раскопе найдены развалы и отдельные фрагменты керамических сосудов, изделия из камня и кости — всего 7162 предмета. Самую многочисленную группу находок составляет керамика (5400 экз.), изделий из камня насчитывается 1750 экз., изделий из кости — 12. Имеются также костные остатки лошади, косули, лося, кабана, медведя и волка.

Очень интересен состав керамических сосудов. По способу лепки и особенно технике нанесения узоров на поверхности и самим мотивам орнамента можно сказать, что эта посуда изготавливалась людьми, принадлежащими к коллективам с различными родовыми традициями, проживавшим на обширной территории Урала, Притоболья и Западной Сибири. По всем имеющимся признакам, святилище Савин I служило местом проведения обрядов соседними общинами и объединяло на этой пограничной территории родственные коллективы населения Урало-Сибирского региона.

Недалеко от этого святилища найдено еще одно — **Слободчики I**. Святилище открыто в 1991 году, в 1994 году произведены раскопки [11]. Памятник находится в километре к востоку от деревни Слободчики, на правом берегу Тобола, в пойме, на мысу около старицы. Поверхность его была хорошо задернована, использовалась как пастбище. Площадь раскопа составила 288 кв. м. В раскопе на глубине 30 см зафиксированы остатки древних сооружений. На глинистом материке хорошо читались очертания канавы, образующей круг, и котлована внутри нее. Диаметр площадки, ограниченной канавой, около 14 м; ширина канавы 0,6–1,5 м, глубина 0,2–0,4 м. В южной части канавы есть разрыв, образующий проход в круг. В центре круга имеется прямоугольный котлован размером 7×8 м, углубленный на 0,6 м. Стенки котлована пологие. В пределах котлована фиксировались очаги диаметром 20 и 80 см, мощность прокала соответственно 6 и 30 см. В котловане и в канаве встречены скопления костей животных, единичные кости человека. Преобладали кости лося (37 особей), в меньшем количестве обнаружены кости кабана (12), медведя (14), косули (10), лошади (5), зайца (2), лисы (2), выдры (2), куницы (соболя) (2), волка (1). Обнаружено также много рыбьих костей.

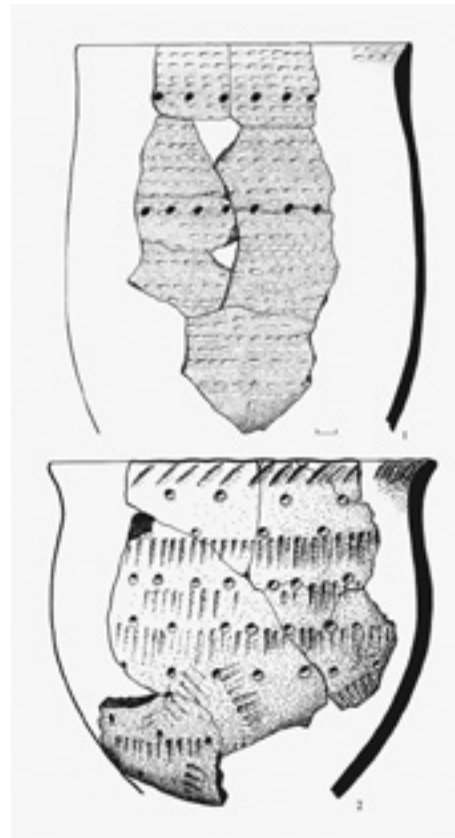

Керамика.
Святилище
Савин I

Каменный инвентарь. Святилище Савин I. 1–15 — скребки на отщеплах; 21–25 — концевые скребки на пластинах; 16, 20 — пластинки;

17–19 — пластинки с ретушью; 26–29, 31, 32 — острия; 30 — сверло; 33 — наколчик кельтеминарского типа; 34–41 — орудия на отщеплах

Керамика.
Святилище
Слабодчики I

Основная часть находок со святилища представлена крупными и мелкими фрагментами энеолитической керамики — всего около тысячи экземпляров. По своему облику посуда очень близка к энеолитической керамике святилища Савин I, которое находится в 800 м к востоку от святилища Слабодчики I. Орудия из камня немногочисленны: скребки на отщепах (11 экз.), нож, пластина, наконечник копья, сломанный шлифованный топор. К изделиям из кости относятся поделки и их обломки, имеющие различное назначение: гарпуны, острия, рукояти, накладки — всего 15 экземпляров.

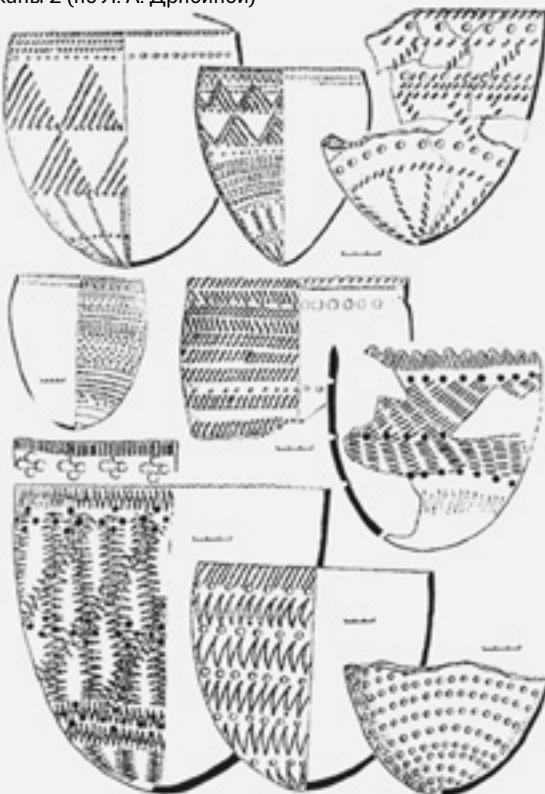
Судя по собранным материалам, оба святилища функционировали одновременно, но, вероятно, на них проводились различные по назначению обряды.

Святилище Велижаны 2 расположено на левой коренной террасе, в 800–900 метрах к северо-востоку от моста через реку Иску, в урочище Шайтанка. Открыто В. Т. Галкиным в 1987 году. Полностью исследовано Л. А. Дрябиной в период с 1989 по 1996 год. Памятник занимает поверхность высокого (до 8 м над уровнем воды) мыса, образованного изгибом реки Иски и ручьем Шайтанка, а также площадку севернее мыса. Общая площадь святилища 800 кв. м. Основная часть святилища представляет собой два круга, образованных рвами. В центре круга располагается площадка диаметром 9,2 м. Середину этой площадки занимала яма глубиной 1,5 м, дно которой было заполнено крупными обломками сосудов, охрой, угольками. На расстоянии 0,2 и 1,4 м к северо-западу от этой ямы фиксировались два кострища, располагавшиеся на разных глубинах (то есть огонь здесь разжигался в разные периоды). Центральную площадку окружал ров общим диаметром 18–19 м, отстоящий от центрального столба на 7,5–8,0 м. Во рву зафиксированы ямки, на дне которых лежали обломки сосудов, возле ямок стояли сосуды, часть которых была перевернута вверх дном. В северо-западной части рва располагалось сооружение, представляющее собой яму шириной 2,5 м и глубиной до 2,2 м. Северо-западную часть ямы занимало кострище от сгоревшего столба. Яму заполняло до 19 слоев: темно-серая супесь с угольками, черный слой сгоревшего дерева, охра, обломки сосудов, в том числе

План раскопа святилища Велижаны 2 (по Л. А. Дрябиной)

Керамика. Святилище Велижаны 2 (по Л. А. Дрябиной)

с охрой. По всей видимости, сооружение представляло собой помост, который устанавливался на столбах, расположенных по краям ямы. На помост ставили сосуды с жертвенной пищей, напитками, охрой. Сооружение возводилось, по-видимому, заново во время каждого ритуала. После обряда оно сжигалось и засыпалось песком. Неординарность комплекса, регулярность расположения столбовых ямок позволили предположить его ритуальный характер, а также возможность астрономического статуса [16; 17].

Хронология зауральского неолита и энеолита

Точкой отсчета в исследованиях хронологии уральского неолита является установление А. В. Шмидтом времени функционирования Левшинской стоянки, на которой он произвел первые профессиональные раскопки в 1925 году. С этой целью были изучены аналоги медного ножа и шила, которые автор нашел среди подобных изделий в Украине, на Северном Кавказе, в Венгрии, Передней Азии. По сходству с ножом, найденным в ассирийском погребении в городе Ашур и датированным 2300 годом до н. э., левшинский комплекс получил «абсолютную» дату — 2000 год до н. э. Последующие датировки неолитических памятников Урала сначала серединой III тысячелетия до н. э., затем концом IV — III тысячелетия до н. э. в той или иной степени опирались на эту дату и на результаты исследования А. Я. Брюсовым Горбуновского торфяника близ Нижнего Тагила. На основании анализа пыльцы из почвы и нагара с сосудов, а также стратиграфии торфяника автор датировал стоянку Стрелка концом атлантического периода, то есть концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э. На выводы А. Я. Брюсова и О. Н. Бадера о времени существования неолитических памятников Урала в конце IV — III тысячелетия до н. э. опирались В. Н. Чернецов при датировке стоянок неолита и бронзы Урало-Сибирского региона.

В 1950-е годы для опорных в то время неолитических памятников Урала были получены первые две даты: для ископаемого дерева со стоянки

Стрелка на Горбуновском торфянике определена дата 4800 ± 200 лет назад; для ископаемого дерева из «б-го разреза» Горбуновского торфяника — 4360 ± 200 лет назад. Эти даты были использованы В. Н. Чернецовым в работе по периодизации неолита Зауралья. Для датирования более ранним возрастом первой (козловской) фазы использовались типология кельтеминарских наконечников из Зауралья и Арало-Каспия, а также дата из слоя IV Джебела — 6030 ± 240 лет назад. Чуть позднее без обоснований ранний неолит был отнесен ко второй половине или концу V тысячелетия до н. э., а средний неолит — ко времени не позднее середины IV тысячелетия до н. э. На эти же даты опирался и О. Н. Бадер при периодизации всего уральского неолита. Кроме того, четвертый (энеолитический) липчинский этап в Зауралье подтверждался датой с могильника Козлова Перейма II — 4000 ± 130 лет назад, а первый, козловский этап, по мнению автора (на основании даты для пещеры Джебел), занял большую часть IV тысячелетия до н. э. Хронология неолита Предуралья строилась на типологической основе и синхронизации этапов с зауральским неолитом и памятниками днепро-донецкой культуры.

Приведенная выше система датировок использовалась до 1980–90-х годов, пока не стали появляться новые, первоначально единичные радиоуглеродные даты для отдельных памятников Урала и Западной Сибири. На основании этих дат ранний неолит был отодвинут в V тысячелетие до н. э., а поздний неолит — в IV тысячелетие до н. э. В начале XXI века была проанализирована хронологическая схема неолита Предуралья (с учетом всех имевшихся на тот момент радиоуглеродных дат) и выявлены основные проблемы.

Хронология неолита Урала основывается на более чем 300 радиоуглеродных датах, полученных при анализе различных образцов: угля, нагара на сосудах, органических остатков в керамических сосудах. В целом неолитический период Уральского региона укладывается в рамки второй половины VII — V тысячелетия до н. э. и условно может быть разделен на два этапа — ранний неолит (вторая половина VII — конец VI тысячелетия до н. э.) и поздний неолит (конец VI — конец V тысячелетия до н. э.).

Начало неолитизации связано с появлением в Волго-Уралье во второй половине VII тысячелетия до н. э. традиции изготовления керамической посуды, предположительно пришедшей из Восточного Прикаспия. В Зауралье керамическая посуда появляется примерно в это же время. Структура керамического комплекса и применяемые технологии позволяют предполагать передачу гончарных технологий в Зауралье с юго-востока и участие в этом процессе соседнего волго-уральского населения и населения Арало-Каспийского региона. Неолитизация Прикамья началась чуть позже и была связана с проникновением традиций накольчатой орнаментации и использования неорнаментированной керамики из волго-уральской лесостепи, а затем и с появлением во второй половине VI тысячелетия до н. э. в Нижнем Прикамье своеобразной гончарной традиции — гребенчатой орнаментации.

Переход к позднему неолиту на рубеже VI–V тысячелетий до н. э. в Предуралье связан с преимущественным бытованием гребенчатой орнаментации, в Прикамье была распространена «классическая» посуда камского неолита, в Волго-Уралье — зубчато-гребенчатая, сосуществующая с поздней елшанской и накольчатой керамикой. В Зауралье поздний неолит связан с полуденской традицией, сосуществовавшей с боборыкинской [14].

Переход к энеолиту в Уральском регионе был очень неравномерным. В середине неолитического периода, на рубеже VI–V тысячелетий до н. э., в Волго-Уралье с юга мигрируют носители энеолитических керамических традиций съезжинского и хвалынского типов с посудой, изготовленной из илов с искусственной примесью раковин, с воротничковым оформлением венчиков. Мигранты оказывают существенное влияние на местное неолитическое население, формируя симбиотические «воротничковые» традиции не только в Южном Предуралье, но и в Нижнем Прикамье. Однако это не означало полного замещения — всю первую половину V тысячелетия до н. э. «южане» сосуществовали с местным неолитическим населением — носителем неорнаментированной, поздненакольчатой и зубчато-гребенчатой традиций. Во второй половине V тысячелетия до н. э. на базе гребенчатой традиции местного позднего неолита форми-

руются токская, турганикская и близкие им традиции энеолита Волго-Уралья.

На рубеже позднего неолита и энеолита, во второй половине V тысячелетия до н. э., в Зауралье отступающе-накольчатая составляющая полуденских комплексов эволюционирует в ложношнуровую, гребенчатая — в гребенчатый энеолит с простыми и геометрическими узорами. В Прикамье во второй половине V тысячелетия до н. э. на основе камского неолита формируются новоильинские и гаринско-борские комплексы [19; 50].

Датировки энеолита Зауралья с начала его изучения опирались на представления о хронологии неолита, основой которых были исследования стратиграфии торфяников А. Я. Брюсовым и В. М. Раушенбах, немногочисленные радиоуглеродные даты, а также представления В. Н. Чернецова и О. Н. Бадера о существовании неолитических стоянок на Урале в конце IV — III тысячелетий до н. э. Следующий, энеолитический этап, соответственно датировался второй половиной — концом III или началом II тысячелетия до н. э.

Датирование керамики, угля, дерева и кости в последние годы изменило наши представления о хронологии, периодизации и социокультурном (историческом) содержании энеолитического периода в Зауралье. Список имеющихся радиоуглеродных дат характеризует стоянки и поселения, в том числе и торфяниковые, святилища (Савин I, Слабодчики I и Бакшай), культовое место Кокшаровский холм и грунтовые могильники Бузан 3 и Чепкуль 21, то есть полный спектр типов археологических памятников [50]. Анализ датировок показал, что возраст изученных энеолитических комплексов — около 4300–3000 лет до н. э. — графически выглядит как двухвершинная фигура с «рубежом» около середины IV тысячелетия до н. э. Казалось бы, это дает нам возможность разделить энеолит на два этапа. Условно «ранние» из них происходят из материалов поселений Кочегарово I, Разбойничий Остров и Боярка I, стоянки Сазык 9, культового места Кокшаровский холм, могильников Чепкуль 21 и Бузан 3, Шувакишского и Горбуновского торфяников, то есть практически из всех типов археологических объектов, известных для неолита и энеолита Зауралья. Коллекции из куль-

турных слоев этих памятников содержат керамику, декорированную различными вариантами оттисков гребенчатого штампа, сочетанием оттисков гребенки и рядов ямок, отступающе-накольчатой (ложношнуровой) техникой с простыми и геометрическими мотивами. Подобные керамические традиции были в свое время отнесены к аятской, шапкульской, шувакишской, байрыкской, липчинской археологическим культурам.

Как можно видеть из датировок, разделение на ранние (шувакишская, шапкульская, липчинская) и поздние (аятская, байрыкская) культуры оказалось ошибочным. Как ни странно, керамика аятского типа, всегда считавшаяся поздней, дала самые ранние даты. Вторая вершина графика сумм вероятностей содержит даты, характеризующие коллекции с керамикой, как идентичной первой группе (гребенчатая, гребенчато-ямочная и ложношнуровая), так и отличной от нее (с «косой нарезкой», жучками, крупными наколами, веревочкой). Возможно, причину разрыва в графике сумм вероятностей следует искать в количестве и качестве образцов для проведения радиоуглеродного анализа, а также в существующем пока несовершенстве самой методики проведения анализов. На данный момент нет серьезных причин по результатам радиоуглеродного датирования делить энеолитический период Зауралья на какие-либо хронологические этапы. Также на сегодняшний день нет видимых фактов, позволяющих отрицать генетическую связь неолита и энеолита Зауралья.

Во второй половине V тысячелетия до н. э. отступающе-накольчатая техника декорирования, которая являлась одной из составляющих полуденских комплексов, постепенно эволюционирует в ложношнуровую (это мы часто наблюдаем на сосудах, которые декорированы в «переходной» технике — уже не в отступающе-накольчатой неолитической, но еще и не собственно в ложношнуровой). Техника оттисков и прокатывания гребенчатым штампом, широко употребляемая в позднем неолите (в полуденской культурной традиции), находит свое выражение в орнаментации энеолитических сосудов с простыми и геометрическими узорами, выполненными оттисками гребенчатого штампа.

На востоке региона значительным компонентом остается техника шагающей гребенки [14].

Основные черты материальной культуры и система жизнеобеспечения неолитического и энеолитического населения Зауралья

Памятники, занимая все природно-ландшафтные зоны, находятся в близких топографических ситуациях. На реках это мысы, образованные впадением притоков в основную реку или выходом к реке логов. На озерах — мысы или ровные площадки при истоках или впадениях мелких речушек и протоков, мысы, образованные изгибом берега, седловинки между возвышенностями. Единичны площадки берега в глубине заливов. Близость топографии памятников выражается и в том, что на целом ряде памятников, как озерных, так и речных, фиксируются культурные слои сразу нескольких эпох: мезолита, неолита и энеолита, мезолита и энеолита, неолита и энеолита. На 16 из 23 раскопанных стоянок с 10 озер восточного склона Урала зафиксированы культурные остатки неолита и энеолита, причем нельзя отрицать и возможное присутствие среди них мезолитических артефактов, поскольку разделить микропластинчатые комплексы стоянок на озерах Чебаркуль и Аргазии не представляется возможным. На Шувакише I присутствуют материалы мезолита и энеолита; на Береговой II — материалы сразу нескольких эпох: мезолита, неолита и энеолита; и лишь на Горушках, Чебаркуле IV, Береговой I и Латочке определены слои только энеолита. Посещение одних и тех же мест в течение нескольких тысячелетий подтверждает относительную стабильность в выборе сезонных экологических ниш населением этого времени. В течение по меньшей мере семи тысяч лет население Зауралья обживало одни и те же традиционные береговые участки водоемов.

На территории Южного Зауралья, как правило, на стоянках неолита — энеолита мы имеем дело с наземными конструкциями, фиксируя остатки очагов, немногочисленные столбовые ямки, скопления находок, приуроченные или к очагам, или

к крупным камням. Если же наблюдаются утолщения культурного слоя в слабо углубленных жилищах (например, Черников брод I), то они приурочены к естественным или карстовым углублениям в скальном основании. Такие углубления расчищались от грунта и мелких камней, которые затем использовались при сооружении стен жилищ. Это связано с близким подступанием скалы и небольшим по мощности почвенным покровом на территории Зауральского пенеplена, занимающего большую часть Южного Зауралья. Достоверно зафиксированных энеолитических жилищ немного. Приуроченные к углублениям в скальном основании жилища зафиксированы на таких памятниках, как Суртанды VIII, Березки. Стенки жилищ иногда укреплялись камнями (Березки, Мурат). Неглубокий котлован округлой формы зафиксирован на стоянке Кысы-Куль. На большинстве стоянок зафиксированы лишь очаги, кольцевые выкладки из камней, столбовые ямки от наземных сооружений.

В Среднем Зауралье пенеplен значительно сужается и занимает относительно неширокую полосу

вдоль восточного склона Урала. На остальной территории речные террасы и озерные берега сложены из рыхлых отложений, что позволяло населению неолита — энеолита сооружать слабо углубленные и полужемляночные жилища с каркасно-столбовой конструкцией. В раннем неолите были характерны квадратные или прямоугольные котлованы под жилища площадью 40–60 кв. м, глубиной от 0,5 до 1,6 м, с очагами на полу. На Ташково I к жилищам примыкали глубокие хозяйственные ямы. Для населения кошкинской традиции характерны канавки и ямки по периметру котлованов. Наличие утепленных жилищ-полужемлянок может свидетельствовать или о долгом проживании человеческих коллективов на поселении, или об использовании этих жилищ в зимнее время года. В позднем неолите полуденской и боборыкинской традиций также использовались квадратные и прямоугольные котлованы жилищ глубиной от 0,5 до 1 м и различной площади. Характерной особенностью боборыкинских жилищ являются канавки на полу, заполненные золой.

Жилище в суфозионной западине. Поселение Кочегарово I

В энеолите получают распространение котлованы различной формы: прямоугольные (поселения Макуша III, Первое Аятское и др.), овальные (Второе Аятское, Верхняя и Нижняя Макуша и др.), округлые (Калмацкий Брод, Новая III). Постройки делятся на округлые наземные летние сооружения и овальные полуземлянки. Сезонные постройки имели площадь от 13 до 28 кв. м, долговременные — от 40 до 70 кв. м. Столбовые ямки по периметру котлована свидетельствуют о наличии каркасных построек, которые обогревались чаще всего очагом, расположенным у одной из стен. Котлованы жилищ прямоугольной формы имели площадь от 23 до 42 кв. м, глубину — до 0,7 м. Очаг, как правило, находился в центре. Выходы были коридорообразного типа, на Первом Аятском поселении — со ступеньками, на Палатках II — без ступенек.

В лесостепном Притоболье в неолите и энеолите использовались полуземлянки прямоугольной формы. Так, жилище поселения Долговское 3 имело размеры 5,5×4 м, площадь 22 кв. м, глубину 60 см. Постройка имела прямоугольные очертания с оформленным в виде пропорционального укороченного тамбура выходом с восточной стороны размером 1,2×1,6 м. Пол тамбура уступами (возможно полого) нисходил до дна жилища, образуя перед входом небольшое углубление. В северо-западном углу жилища располагалась яма размером 1×0,8 м и глубиной 0,4 м. Судя по столбовым углублениям 4 и 5, данная яма была отделена перегородкой от основного помещения. Полуземлянка прямоугольной формы энеолитического времени была также исследована на поселении Кочегарово I.

Не известный ранее тип жилищ был исследован на поселении Кочегарово I. Раскопом около 2000 кв. м. изучено восемь жилых сооружений неолита и энеолита. Наблюдения за стратиграфией с привлечением специалистов-почвоведов, геохимические и споро-пыльцевые анализы, выполненные в Институте физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН и Институте криосферы Земли Сибирского отделения РАН, позволили установить, что шесть из восьми жилищ расположены в суффузионных котловинах, которые возникли до первоначального заселения площадки памятника в неолите. На это указывает

просадка почвообразующей породы (археологического материка), которая хорошо фиксируется по стратиграфии. При этом почва сформировалась после образования суффузионных котловин, о чем свидетельствуют почвенные горизонты, залегающие согласно и повторяющие границу просадки.

По косвенным фактам можно предполагать существование наземных или слабо углубленных жилищ на некоторых стоянках, поскольку даже при относительной кратковременности проживания люди не оставались под открытым небом, крыша над головой в любом случае должна была быть. Наземные жилища, о существовании которых нам говорят отдельные столбовые ямки, остатки очагов — прокалы и зольники, точки («рабочие места мастеров»), закономерности распространения артефактов — мы просто не фиксируем. Главная причина этого, возможно, — ограниченность площади раскопа, которая не позволяет понять суть закономерностей формирования культурного слоя.

Наземное жилище сооружалось из жердей, которые укреплялись в земле, создавая каркас, затем покрывались шкурами. Снаружи шкуры прижимали камнями. Какой формы были такие жилища, восстановить практически невозможно, но, следуя логике и месторасположению камней и ямок от жердей, можно предполагать округлую форму как наиболее оптимальную и менее трудоемкую. Внутри сооружался очаг, под него делали небольшое углубление, которое обкладывали камнями. Такие жилища были сезонными и функционировали в теплое время года, поскольку недостаточно хорошо сохраняли тепло. Если бы эти постройки использовались в зимнее время, то в них должны были фиксироваться следы мощных очагов, а такие встречаются крайне редко.

Наземное жилище было полностью исследовано на стоянке Шатанов 3, расположенной на острове Шатанов озера Иртяш. Раскопом в 160 кв. м на площадке памятника были изучены остатки наземного жилища, предположительно округлой или подпрямоугольной формы, площадью около 60 кв. м, с выходом на южную сторону, фиксируемым по вытоптанности расположенного в этой части площадки материкового песка. Центральную часть жилища занимало сооружение овальной формы

размером 2,4×2 м, углубленное на 0,5 м от уровня пола путем выборки расслоившихся гранитных плит. Затем эти плиты были использованы для перекрытия, которое держалось на четырех столбах. Когда вся конструкция сторела, плиты перекрытия почти вертикально упали в углубление. На дне были зафиксированы плоский камень средних размеров и кольцевая выкладка под сосуд из мелких камней. Характер конструкции сооружения позволяет интерпретировать его функционально похожим на погреб. С северо-запада к «погребу» примыкал не убранный в процессе строительства жилища скальный останец неправильной формы с уплощенной поверхностью размерами 2,4×1,8 м, который предположительно можно рассматривать как «стол». С южной стороны от «погреба» находились небольшой очаг и три кольцевые выкладки под сосуды, частично разрушенные. Рядом зафиксировано скопление небольших кварцитовых галек сходных размеров, которые могли использоваться для нагревания воды в сосудах. Похожий клад галек был найден на стоянке Чебаркуль Ха. В южной и юго-восточной частях жилища также расположены круглая и подовальные неглубокие ямы непонятного назначения. Подавляющее большинство находок располагалось в пределах этой хозяйственной зоны жилища — у «стола», «погреба», очага и кольцевых выкладок.

За пределами жилища с северной стороны находился крупный открытый очаг овальной формы размером 2,5×2 м. Три линзы прокала, разделенные более темными прослоями золы и расположенные под углом к западу, показывают нам направление ветров с восточной стороны, то есть со стороны озера. Очаг, безусловно, одновременен жилищу, поскольку в нем обнаружены фрагменты сосудов, в основном залежавших по полу жилища. Совокупность таких фактов, как легкость наземной жилищной конструкции, наличие открытого очага за пределами жилища, сооружение в полу жилища углубления в скальном основании («погреба»), незначительность мощности внутреннего очага, недостаточного для отопления всего объема жилища, позволяют говорить о функционировании стоянки в теплое время года.

Набор орудий стоянки, направленный в основном на добычу и разделку животных, а также на различные хозяйственные нужды по обработке камня, дерева и кости, позволяет уверенно интерпретировать комплекс стоянки как промысловый. Этому выводу не противоречат месторасположение стоянки, характер жилой конструкции, незначительная мощность культурного слоя, а также коллекция керамики, содержащая 11 сосудов, выделенных по развалам или фрагментам венчиков и стенок, и 15 мелких фрагментов. Три сосуда, представленные наиболее полными развалами, орнаментированы соответственно: отпечатками гребенчатого штампа, отступающими наколами гребенчатого штампа, напоминающими «ложный шнур», отпечатками или прокатыванием веревочкой, и, вероятно, относятся к последнему посещению стоянки.

Исходя из полученных в процессе изучения прямых и косвенных данных, можно смоделировать следующий исторический сюжет. Небольшой коллектив охотников (производственная или целевая группа) в течение трех теплых сезонов проживал в сооруженном на береговой площадке озера Иртяш наземном жилище, занимаясь охотой, разделкой туш и частичной обработкой шкур. Приходя на место стоянки из более южных районов, охотники приносили с собой часть уже готовых орудий и заготовок, а также качественное кремни-

стое сырье — фтанитоиды и яшму в виде плиток. Если принесенного с собой традиционного качественного материала не хватало, то брали менее качественный халцедон с берега соседнего озера, на месте обкалывая непригодную поверхность и забирая на стоянку только нуклеусы и другие заготовки. Несмотря на развитую в то время технологию изготовления двусторонне обработанных орудий, необходимость экономить качественное сырье предопределяла использование в хозяйстве более экономичных вкладышевых орудий и предельную утилизацию имеющихся нуклеусов. Добытые на охоте животные разделялись, часть шкур предварительно обрабатывалась. Остальные, вероятно, как и, возможно, пищевые запасы, хранились в специально сооруженном в жилище «погребе». После того как жилище было окончательно оставлено, внешний очаг был тщательно забутован сверху желтой глиной. Впоследствии жилище сгорело, о чем свидетельствуют мощные углистые прослойки в заполнении «погреба».

На примере стоянки Шатанов 3 мы видим один из вариантов адаптации зауральского населения нео-энеолитического времени в процессе хозяйственного освоения вмещающего ландшафта. Переход в другую, рядом расположенную природно-географическую зону, отчасти связанный со сменой времени года, подразумевает изменение направления в хозяйственной деятельности. Следовательно, и вариантов адаптации к периодически меняющимся условиям было несколько.

Вполне возможно, что у большинства стоянок было две части — одна на возвышенной береговой площадке, другая непосредственно у воды. На озерах Среднего Зауралья нижние части стоянок сохранились в прибрежном торфе. На более южных озерах процессов торфообразования не происходило, эти площадки стоянок впоследствии были размыты водой, и мы сегодня наблюдаем только верхние части стоянок, порой удивляясь, почему они расположены так высоко.

Восстановить полностью количество жилищ в рамках конкретного поселения или стоянки практически очень сложно, поскольку полностью исследованных поселений на Урале почти нет. На поселении Кочегарово I, согласно планиграфиче-

Площадь поселков
неолита и энеолита.
Поселение Кочегарово I

скому распределению керамики, разделенной на две группы в соответствии с радиоуглеродными датами, на первом этапе освоения в конце раннего — начале позднего неолита вероятная площадь поселения составила около 650 квадратных метров. Вторая группа керамики, связанная с серединой позднего неолита, локализуется двумя сконцентрированными пучками и показывает нам площадь поселения на втором этапе приблизительно в 900 кв. м. Таким образом, сравнив планы распределения находок, можно заметить, что на втором этапе площадка обитания «растягивается» к северу — вдоль речного русла и по направлению снижения высот мыса, — очевидно, захватывая все новые осушенные участки. Площадь поселения при этом возрастает приблизительно в полтора раза. Характерно, что количество сосудов, выделенных для обоих этапов неолита, приблизительно

одинаково — по 30–35 единиц, соответственно, и количество обитателей можно считать равным для указанных промежутков обитания.

На энеолитический период, согласно геохимическим исследованиям, приходится максимум антропогенной нагрузки. Это коррелирует с площадью поселения для данного периода, составляющей около 2400 квадратных метров, что в сравнении с предыдущим этапом представляет собой увеличение приблизительно в 2,5 раза. Сохраняется тенденция «вытягивания» обитаемой зоны на север, вслед за отступающей кромкой воды. Возрастает также и объем артефактов: к энеолиту относятся не менее 150 сосудов, вероятно хронологически разделенных на два этапа посещения. Исходя из изменения этих параметров, можно предполагать и увеличение демографической нагрузки также не меньше чем в два раза; не исключено и возрастание не только количества населения, но и его плотности.

Еще более внушительные по площади результаты были получены на поселении Ташково I. По итогам рекогносцировочных работ на основании стратиграфических наблюдений и сопутствующего материала сформировано предположение о бытовании в неолите двух обитаемых площадок, вытянувшихся вдоль речной террасы, вероятной площадью около 4000 и 6000 кв. м. Восточная площадка, по-видимому, связана с раннеэнеолитическим заселением, западная — с ранне- и позднеэнеолитическими периодами обитания. Энеолитический слой занял уже всю пойменную площадку, протянулся сплошной полосой вдоль края террасы, за пределами современной кромки леса, и расположен на более низкой гипсометрической позиции, чем площадки обитания предшествующего периода. Это связано с началом аридизации и снижением уровня воды в Исети. Вероятная площадь энеолитического поселения — около 8000 кв. м.

Зауралье очень богато различными кремнистыми породами и минералами высокого качества (кремень, яшма, халцедон, опал и др.). Наиболее употребляемыми в неолите — энеолите Южного Зауралья были кремень темных тонов (фтаниты и фтанитоиды) — черный и серый, яшма зеленого, сургучно-зеленого, сургучного цветов, халцедон.

Субновакулит — боборыкинская яшма

Эти породы легкодоступны и сегодня, встречаются в виде плиток и галек на речных и озерных отмелях. В Среднем Зауралье кроме указанных пород использовались желто-серый кремень, углесто-кремнистый сланец и тонкие плитки черного фтанита. Начиная с неолита в употребление входят орудия из некачественных пород — песчаника, сланца и т. п., получающие наибольшее распространение в энеолите. Из них изготавливались абразивы, орудия на плитках с режущими или скребущими функциями, грузила на плитках округлой формы с боковыми выемками и т. д. Характерными для неолита и энеолита являются оригинальные «утюжки» из талька. В лесостепном Притоболье в неолите широко использовалась кремнистая порода светло-серого цвета — субновакулит с алевритовой примесью и включениями пирита и гематита, который археологи называют «боборыкинской яшмой». Эта порода встречалась в виде конкреций в песках и была принесена в Притоболье, вероятно, еще в мезозое и палеозое древними водными потоками с восточного склона Южного Урала. В течение неолита основная часть конкреций была использована жителями Притоболья для изготовления орудий, и сегодня найти такое сырье практически невозможно. В Южном Зауралье крупные конкреции субновакулита («боборыкинской яшмы») можно

увидеть только в карьерах на глубине около 50 м. В энеолите на данной территории использовалось очень разнообразное кремнистое сырье, бывшее тогда в непосредственной доступности.

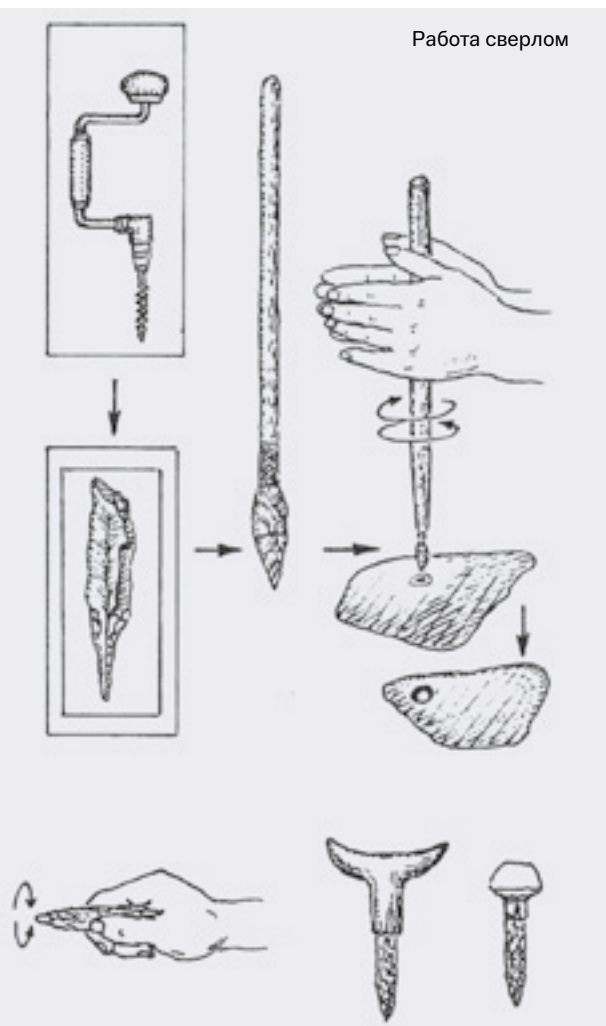
Кремневая пластинчатая индустрия мезолита — энеолита Зауралья характеризуется единой линией развития как в технологии расщепления, так и в типологических рядах орудий. В мезолите обычны призматические, конические и торцовые нуклеусы. На поселении Шувакиш I встречены клиновидные нуклеусы. Два первых типа являются сквозными от конца палеолита до энеолита. Торцовые нуклеусы единично встречаются и в неолите, есть и переходные формы от торцовых к плоским нуклеусам на плитках, характерных для неолита. Это когда в качестве плоскости скалывания использовалась не только узкая торцевая грань плитки, но и прилегающая широкая. Площадки нуклеусов прямые или, чаще в неолите, чем в мезолите, скошенные к контрфронт. Тыльная сторона нуклеусов традиционно не использовалась для снятия пластин, а оформлялась или небольшим ребром, или плоской поперечной обработкой, иногда одним поперечным сколом. Основания нуклеусов часто имеют долотовидную обработку. Практически у всех нуклеусов некругового скалывания, плоскость снятий пластин занимала 1/2 или 2/3 периметра. Стандартны и размеры нуклеусов — высота редко превышает 5–7 см, исключением являются только нуклеусы со стоянок-мастерских, таких как Стрелецкие, или некоторых на озерах Башкирского Зауралья.

Характеру нуклеусов соответствует и пластинчатая индустрия, которая демонстрирует процесс эволюции от мезолита к энеолиту. В мезолите доля микропластинок составляет более 80 %, в неолите сокращается до 60–70 %, а к концу энеолита микропластины единичны. От мезолита к энеолиту постепенно уменьшается процент правильно ограниченных пластинок с треугольным или трапециевидным сечением и параллельными гранями, в позднем энеолите пластины в основном с непараллельными гранями и несимметричным контуром.

Ретушь, применяемая при обработке пластин — краевая, не заходящая далеко на плоскость, с равновеликими фасетками — в мезолите наносилась со спинки и брюшка по одной грани, в неолите и раннем энеолите — преимущественно со спинки по одной или двум граням. Противолежащая ретушь только появляется в мезолите и находит широкое применение в неолите. Также переходящим из мезолита в неолит является тип пластинок с крутой ретушью с брюшка по двум граням. В мезолите такой ретушью обработаны только края пластинок, в неолите ретушь начинает заходить все дальше на плоскость брюшка, покрывая иногда почти всю поверхность. В мезолите — энеолите часть пластинок имеет эпизодическую или ретушь утилизации: фасетки случайной формы и размеров, бессистемные и полученные в результате работы.

Основной набор орудий из пластин — угловые резцы, пластинки с выемками, резчики, острия, пластины с обработанным торцом, концевые скребки — начал формироваться в конце палеолита, окончательно оформился в стандартный набор в мезолите и существовал вплоть до позднего энеолита с незначительными изменениями.

По сравнению с мезолитом неолит и энеолит характеризуются значительным расширением ассортимента орудий. Прежде всего это наконечники стрел. Наряду с составными (вкладышевыми) появляются наконечники, полностью изготовленные из кремня и яшмы. В качестве заготовок использовались пластинки и отщепы. Пластинчатые наконечники немногочисленны. В основном ретушью с одного конца пластинки оформлялось острие — жало наконечника, а с другой — насад для удобства крепления в древке. Очень оригинальны миниатюрные наконечники на пластинках, края которых обработаны ювелирной ретушью, создающей пильчатый край. Более разнообразными являются наконечники, выполненные из отщепов путем сплошной обработки с двух сторон — так называемые двусторонне обработанные наконечники иволистной, лавролистной или просто листовидной формы. Можно встретить также наконечники удлинённой формы с прямыми или вогнутыми насадами, в форме вытянутого треугольника, иногда со специально оформленным черешком. Такое

Работа сверлом

разнообразие наконечников для стрел можно объяснить расширением сферы охоты и повышением ее качества.

Еще одним типом орудий, хорошо нам известным и получившим распространение в неолите и энеолите Урала, были сверла. Их изготавливали из пластинок, причем лезвие оформлялось таким образом, что разворот рабочей плоскости удивительно соответствует современным сверлам. Вообще, сверление появилось еще в палеолите, но сверло как рабочий инструмент окончательно оформилось к неолиту. Диаметр уральских сверл — от 3 до 7 мм. Наблюдая рабочий край в микроскоп, можно увидеть, что сработанность характеризуется заглаженностью боковых граней и закругленностью рабочего конца. Иногда такие следы видно даже невооруженным глазом. При небольшом увеличении видны четкие линейные следы, идущие по пе-

риметру острия кругами, перпендикулярными оси орудия. По четкости линейных следов можно предположить, что сверлили материал средней твердости — камень (известняк, сланец и т. п.), кость, керамику. Типов сверления несколько: одноручное, двуручное и лучковое. При одноручном сверлении орудие зажималось в пальцах, и вращение производилось вполборота влево и вправо. При двуручном способе кремневое сверло закреплялось в деревянном стержне, который вращался между ладонями обеих рук. Наиболее прогрессивен лучковый способ, при котором вращение сверла достигалось за счет использования небольшого лука. Одной рукой мастер двигал лук, другой придерживал сверху сверло. Экспериментальные работы показали, что при сверлении сухого оленьего рога двуручным способом за 2 часа 15 минут было просверлено отверстие диаметром около 1 сантиметра и глубиной 1,5 см.

Дальнейшее развитие охоты и, как результат, большее разнообразие добываемых животных и птиц потребовали значительного расширения ассортимента скребков. Немногочисленные в мезолите скребки теперь образуют целые серии разных форм: подчетырехугольные, подтреугольные, округлые, стрельчатые и др. Больше становится и скребел, более массивных, чем скребки. Кроме ножей на пластинках появляются ножи на отщепках с двусторонней обработкой и выпуклым рабочим лезвием.

Еще одной отраслью хозяйства, получившей широкое распространение в неолите и энеолите, является деревообработка. В археологических раскопах часто фиксируются шлифованные топоры и тесла. Изготавливались они чаще всего из более мягких, чем кремь и яшмы, пород камня — сланцев, песчаников, известняков и т. п., поскольку шлифовать кремнистую породу очень тяжело. На первый взгляд, топор и тесло очень похожи, но между ними есть принципиальные отличия. У топора клинок крепится к рукоятке таким образом, что рабочее лезвие расположено в одной плоскости с осью рукоятки, а у тесла рабочее лезвие крепилось перпендикулярно оси рукоятки. Это связано с тем, что топоры предназначались для рубки леса, обрубки веток, зарубки пазов в бревнах и других

Шлифованные
топоры

Утюжок

операций. Тесла использовались в более сложном производстве, таком как выдалбливание различных углублений, обтесывание стволов до гладких бревен и других. Применение топоров и тесел чаще всего связывается со строительством жилищ, производством различных бытовых деревянных предметов, а также, в связи с развитием рыболовства в неолите и энеолите, с изготовлением плотов и лодок-долбленок.

Геометрические микролиты впервые зафиксированы в позднем палеолите на стоянке Шикаевка II. В мезолите они приобретают свои характерные, стандартные характеристики — это преимущественно асимметричные низкие трапеции и треугольники, часто с небольшой выемкой, оформленной на короткой грани со стороны бруска. В неолите эти формы начинают меняться — появляются вытянутые асимметричные трапеции с длинным жалом, близкие к наконечникам стрел,

Деревянные настилы
(по Н. М. Чаиркиной)

и нестандартные формы. Чаще встречаются симметричные трапеции. В энеолите геометрические микролиты единичны и приобретают пережиточные формы. Скошенные острия, которые сопровождают геометрические микролиты в мезолите — энеолите, являются производными от них или заготовками либо сломанными экземплярами, поскольку сопоставимы по расположению и характеру ретуши.

Одной из особенностей каменной индустрии энеолита Зауралья является широкое распространение заготовок из плиток для изготовления рубящих орудий, грузил и абразивных инструментов. Тонкие плитки углисто-черного кремнистого сланца использовались для изготовления режущих, скребущих орудий, а также наконечников стрел и копий. Только в неолите и энеолите появляются различные изделия из талька, в том числе «утюжки». «Утюжками» в археологической литературе называют также «выпрямители древков стрел», «шлифовальники», «човники», «гладилки». Это изделия из мягкого камня, чаще талька или хлорита, реже из глины, овальной, ромбовидной или близкой к прямоугольной в плане формы, с более или менее плоским основанием, выпуклой верхней стороной, которую пересекает поперечный желобок. Длина изделий может быть 5–23 см, ширина 1–6 см. Желобок обычно находится посередине выпуклой стороны, ширина его до 1,5 см, глубина 0,3–3,5 см. «Утюжки» могут быть как орнаментированные, так и без следов украшения. Проведенный микроанализ выявил на желобке тонкие штрихи, полирующие его поверхность и являющиеся следами сработанности. По их тонкости и легкости был сделан вывод о том, что они явились следствием затачивания деревянных изделий — древков стрел, а не костяных или роговых предметов. Неясными остались линейные следы на поверхности «утюжка», а также причина сильной затупленности острых концов и назначение орнамента.

Версии использования «утюжков» разнообразны: выпрямители древков стрел, абразивы для шлифования древков стрел и дротиков, полировальники каменных орудий, приспособления для наматывания ниток, гладилки для разглаживания неровностей кожи и швов, грузики для копье-

Деревянный сосуд. Энеолит

Деревянный поплавок для сети. Неолит — энеолит (по Н. М. Чаиркиной)

талок, приспособления для добывания огня способом трения, приспособления для изготовления из волокнистых материалов крученых изделий типа бечевки, маховичок лучкового сверла, используемого для добывания огня. Есть и версия, что «утюжки» использовались в ритуалах, это

предметы для культовых или магических действий. Наиболее непротиворечивой является версия использования «утюжков» для полировки древков стрел, хотя такая полировка могла применяться не только в чисто утилитарном значении, но и в ритуальных целях.

Торфяниковые памятники Зауралья дают нам представление о деревянных и костяных орудиях неолита и, большей частью, энеолита, которые не сохраняются на обычных стоянках и поселениях. В основном использовали сосну, ель, березу, иногда осину. Рубка деревьев прослеживается по следам на стволах, оставленных каменными топорами или, в энеолите, металлическими орудиями. Среди остатков сооружений можно отметить «полуистлевшие бревна, сложенные в форме барака» на Шигирском торфянике, остатки настилов — гатей, которые проходили по кромке древнего озера на Горбуновском торфянике, а также настилы пола из досок, длинные плахи с отверстиями, колья с затесами и т. п. Стволы деревьев ошкуривали, обтесывали, раскалывали на плахи и доски. Найдены доски шириной 10–20 см и толщиной 5–8 см.

На Шигирском торфянике найдена долбленая лодка, весла обнаружены на нескольких торфяниковых памятниках: Шувакш I, Разбойничий Остров, Шестой разрез Горбуновского торфяника и др. Длина лопастей весел от 50 до 75 см, ширина 10–16 см, длина рукояти 40–95 см. Часто концы рукоятей оформлены вырезанными изображениями головы зверя или водоплавающей птицы. Также на Шигирском торфянике были найдены полозья саней. Весла и полозья имеют изгибы, что говорит об

Деревянная скульптура
(по Н. М. Чаиркиной)

Ковш-утка

искусственном изгибании деревянных предметов, которые выдерживали над паром или в кипящей воде.

Деревянная посуда — ложки, ложки-ковшики, ковши-черпаки, ковши-блюда, сосуды, крышки, берестяные туески — представлена как целыми предметами, так и обломками. Орудия рыболовства представлены поплавками из сосновой коры, трубчатыми поплавками из бересты, грузилами-кибасами. Орудия охоты представлены почти целым луком с Шигирского торфяника и обломками деревянных древков стрел.

Деревянные скульптуры, выполненные с четкой передачей форм и тщательно обработанные, изображали лосей, гусей, уток, лебедей. Антропоморфная скульптура представлена личинами. В энеолитический период, судя по находкам, деревообработка была широко распространенным и традиционным видом деятельности человека [63].

Одним из крупнейших событий в жизни человека было изобретение в неолите посуды из обожженной глины — керамики. На Урале керамика появляется во второй половине VII тысячелетия до н. э. Это был революционный способ превращения рыхлой породы — глины, практически всегда имеющейся рядом, рассыпающейся в руках или становящейся от воды вязкой и пластичной, в твердый, как камень, предмет, причем любой заданной формы. Глиняная обожженная (керамическая) посуда лучше всего сберегала продукты питания и поэтому решала важнейшие хозяйственные потребности человека. На Урале в глину добавляли толченый

тальк и слюду. Причем эти примеси использовали в течение нескольких тысяч лет — от неолита до бронзового века. Можно сразу отличить керамику Зауралья от поволжской или казахстанской — из-за примеси талька и слюды она имеет красивый отблеск на поверхности, а глина придает ей своеобразный красноватый цвет. В неолите использовались как круглодонные и остродонные сосуды, так и, в меньшей степени, плоскодонные (часть кошкинской и боборыкинской культурных традиций). Техника орнаментации постепенно менялась от отступающе-накольчатой и прочерченной к оттискам зубчатого штампа. Орнаментальные мотивы делились на два типа: простые линейные (горизонтальные и вертикальные) и геометрические (треугольники, ромбы и т. п.).

Появившиеся в энеолите зачатки металлургии и металлообработки меди не нарушают процесс эволюции каменного инвентаря и полностью вписываются в общую картину развития материальной культуры.

Рассматривая развитие материальной культуры в мезолите, неолите и энеолите Зауралья в целом, мы можем констатировать, что этот процесс протекал эволюционно без видимых, но возможных миграционных вмешательств, в русле единой линии развития культуры от мезолита к энеолиту, что отражено в формировании автохтонных мезолитических, неолитических и энеолитических традиций.

Восточные склоны Урала и лесные и лесостепные территории, протянувшиеся к востоку до Иртыша, представляют собой единую историко-географическую зону. Территория проживания

населения восточного склона не ограничивалась бассейном верхнего течения реки Урал, а имела протяженность в меридиональном направлении от района Орска на юге до районов, прилегающих к Нижнему Тагилу на севере. Вмещающим ландшафтом для этого населения являлось разнообразие близко расположенных друг от друга горнолесного и холмисто-увалистого лесостепного ландшафтов Южного и Среднего Урала. Данные типологии, трасологии и остеологии позволяют говорить об охотничье-рыболовческой системе жизнеобеспечения с сезонной сменой видов деятельности и различных вариантах сезонных стоянок. Кратковременные стоянки в горной части, которые фиксируются в гротах и пещерах содержат очень немногочисленный, типологически бедный орудийный набор и, как правило, незначительное количество фрагментов керамики. Такой состав коллекций закономерен, поскольку это места, которые целевые группы охотников посещали на короткий период зимой — для охоты на пушного зверя, боровую дичь, крупных лесных животных. Набор, необходимый для одного или двух месяцев зимней охоты, очень ограничен и функционален. Здесь не изготавливали орудий, в лучшем случае ремонтировали их или просто бросали испорченные. Отщепы и чешуйки — это, скорее всего, результат использования кресал для добывания огня. Кости животных из культурного слоя очень мелкие, раздробленные, поскольку мясо съедали сами охотники, а кости отдавали собакам. И если на таких стоянках встречаются более многочисленные находки, значит, это место посещали в течение очень долгих лет.

Стоянки-поселения в предгорной зоне на озерах и реках, которые заселялись на период с весны до осени, содержат многочисленный и разнообразный инвентарь, поскольку одновременно реализовывались различные направления хозяйственной деятельности: охота, рыболовство, домашние промыслы, изготовление орудий, охотничьего снаряжения, заготовка продуктов на зиму. Кроме того, на этих поселениях делался запас заготовок кремневого инвентаря на зиму — весну, если эти поселения располагались рядом с местами, богатыми

кремнистым сырьем (памятники на озерах Суртанды, Узункуль и т. п.). Коллекции каменного инвентаря содержат полный технологический цикл — от заготовок до использованных орудий. При этом богатство сырьевых ресурсов не обязательно должно выражаться в коренном залегании кремнистых пород по соседству со стоянкой, это могли быть базальные горизонты террас с кремневым галечником либо косовые отложения, или остаточный галечный кремль на размытой древней поверхности.

На стоянках холмисто-увалистой лесостепи, где осенью велась охота на копытных, инвентарь может быть количественно немногочисленным, но разнообразным. Здесь практически нет сырьевой базы в изначальном виде, но присутствуют этапы технологической цепочки изготовления и использования орудий. На этих стоянках орудия делали из принесенного с собой небольшого количества плиток или галек кремня и яшмы, которые брали на соседних территориях. В таком варианте сырьевые запасы срабатывали полностью, используя при этом экономичные технологии, в частности на основе применения микропластин, а также используя все пригодные местные породы камня. В пределах стоянок частично производили орудия охоты и домашнюю утварь, обрабатывали шкуры и т. д.

Изготовление орудий осуществлялось на основе использования в качестве заготовки пластин и отщепов. Эволюцию каменной индустрии от микропластинчатой в мезолите до отщепово-пластинчатой в энеолите можно рассматривать лишь как общую историческую тенденцию. Закономерности в составе и характере комплекса изделий из камня каждого конкретного памятника в большей степени зависели не от времени существования стоянки, а от наличия или отсутствия поблизости качественных кремнистых пород и целей хозяйственной деятельности людей. Один и тот же коллектив охотников в течение одного годового хозяйственного цикла на одной стоянке, например озерной, использовал преимущественно микропластинчатый инвентарь, а на другой, например предгорной или лесостепной в Магнитогорско-Тагильской кремненесущей зоне, — преимущественно отщеповый.

Идентичность социумов восточного склона легко определяется по следующим признакам: керамическая посуда изготовлена из глины с примесью талька, имеет характерный блеск и красноватый оттенок; техника орнаментации построена на применении двух основных традиций (в неолите отступающе-накольчатая и прочерченная; в энеолите гребенчатая и отступающе-накольчатая — ложношнуровая); орнаментальные узоры имеют простые (линейные) и сложные геометрические композиции; каменный инвентарь изготовлен из кремнистых пород и минералов восточного склона Урала (разноцветных фтанитов, фтанитоидов и яшм, разного цвета кремня, халцедона, кварца, горного хрусталя), которые являются своеобразной визитной карточкой Зауралья в эпоху камня.

Зауральская холмисто-увалистая лесостепь на востоке без видимых географических границ переходит в лесостепную Западно-Сибирскую равнину, протянувшуюся от Притоболья до Приобья. Определенное однообразие окружающего ландшафта не могло не отразиться и на образе жизни, и на характере опредмечивания, выраженного в комплексах артефактов. Различия составляющих материальной культуры энеолита между изученными поселениями Притоболья, Приишимья и Прииртышья не так очевидны и на общем фоне фиксируются отдельными деталями в орнаментации керамики или типологии каменного инвентаря. Основой системы жизнеобеспечения населения лесостепного Притоболья являлись охота и рыболовство. Объектами охоты, по данным с поселения Кочегарово I, являлись лошадь, лось, медведь, благородный олень, косуля, барсук, куница и выдра, а также водоплавающая дичь. Рыболовство реконструируется по встречающимся среди артефактов наборам грузил различных форм и остаткам костей и чешуи рыб. Важными отраслями экономики являлись кожевенное производство и деревообработка. Вероятно, так же как и на восточном склоне, население лесостепи практиковало передвижения, соответствующие годовому хозяйственному циклу, и каждая община имела сеть стоянок и поселений — долгосрочных зимних и кратковременных летних.

Список литературы

1. Аськеев И. В., Аськеев О. В., Галимова Д. Н. Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит — средневековье) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Казань: Фэн, 2009. 380 с.
2. Бадер О. Н. Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука, 1973. С. 104–109.
3. Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М. : Наука, 1970. С. 157–171.
4. Бадер О. Н. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // Крат. сообщения Ин-та археологии. 1978. № 153. С. 72–74.
5. Бибииков С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // Совет. археология. 1950. № 13. С. 95–138.
6. Бунькова А. А. Керамика из жилища I поселения Полуценка I // Вопр. археологии Урала. 2011. № 26. С. 125–144.
7. Васильев И. Б., Выборнов А. А., Глущенко С. А. Поселение Ук VI в Тюменском Притоболье // Исторические исследования. Самара, 1998. С. 254–256.
8. Васильева И. Н., Выборнов А. А. Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. С. 23–42.
9. Вискалин А. В. К вопросу о происхождении елшанской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Липецк : Изд-во ЛГПУ, 2006. С. 90–93.
10. Волков Е. Н. Лыбаевские древности лесостепного Притоболья (эпоха энеолита) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 7. С. 22–35.
11. Вохменцев М. П. Памятники неолита, энеолита и ранней бронзы в лесостепном Притоболье. Челябинск : Рифей, 2016. 137 с.
12. Вохменцев М. П. Энеолитические погребения лесостепного Притоболья // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга : в 2 ч. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1999. Ч. 2. С. 29–32.
13. Выборнов А. А. О центре и периферии камской неолитической культуры // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию. Ижевск, 2016. С. 45–47.
14. Выборнов А. А., Мосин В. С., Епимахов А. В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 33–48.
15. Герасименко А. А. Характеристика керамики поселения Евстуниха I // Вопр. археологии Урала. 2008. № 25. С. 44–72.
16. Дрябина Л. А. Святылище эпохи энеолита в Притоболье // Словцовские чтения : материалы конф. Тюмень : Тюмен. обл. краевед. музей, 1994. С. 169–172.
17. Дрябина Л. А. Энеолитическое святилище Велижаны 2 под Тюменью // Материалы научно-практической конференции «Словцовские чтения», посвященной 150-летию И. Я. Словцова. Тюмень : Тюмень, 1995. С. 37–38.
18. Еньшин Д. Н. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье): характеристика и интерпретация // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 15–27.
19. Епимахов А. В., Мосин В. С. Хронология зауральского энеолита // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 27–37.
20. Жилин М. Г. и др. Варга 2. Раннеэнеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). Екатеринбург, 2007. 98 с.
21. Жилин М. Г., Савченко С. Н. Многослойные мезолитические стоянки Горбуновского торфяника // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани : в 2 т. Т. 1. Казань : Отечество, 2014. С. 255–259.
22. Зайберт В. Ф. Ботайская культура. Алматы : КазАқпарат, 2009. 576 с.
23. Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Иртышья. Новосибирск : Наука, 2009. 320 с.
24. Зыкин В. С., Зыкина В. С., Орлова Л. А. Стратиграфия и основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 3–22.
25. Кернер В. Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск : УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.
26. Кипарисова Н. П. О культурах лесного Зауралья // Совет. археология. 1960. № 2. С. 7–24.
27. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.
28. Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. 80 с.
29. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // Вопр. археологии Урала. 2008. № 25. С. 3–113.
30. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург : Учеб. кн., 2010. 308 с.
31. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // Вопр. археологии Урала. 2008. Вып. 25. С. 30–43.
32. Ковалева В. Т., Ивасько Л. В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1991. С. 112–131.
33. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 287 с.
34. Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала. Л. : Наука, 1968. 183 с.
35. Крижевская Л. Я. Новые поселения южноуральского неолита // Крат. сообщения Ин-та археологии. 1969. № 117. С. 102–108.
36. Крижевская Л. Я. Поздне- и посленеолитическое время на Южном Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука, 1973. С. 110–117.
37. Крижевская Л. Я. Раннеэнеолитическое время в Южном Зауралье. Л. : Изд-во ЛГУ, 1977. 287 с.
38. Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д., Денисов В. П. Металлообработка гаринской культуры Верхнего и Среднего Прикамья (по данным аналитического исследования) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 13–21.

39. Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1999. С. 66–103.
40. Матюшин Г. Н. Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты // Крат. сообщения Ин-та археологии. 1973. № 136. С. 67–76.
41. Матюшин Г. Н. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье // Древности Башкирии. М. : Наука, 1970. С. 5–39.
42. Матюшин Г. Н. Поселение с мастерской Карабалыкты V на Южном Урале // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. : Наука, 1976. С. 37–56.
43. Матюшин Г. Н. Ранненеолитическая стоянка Карабалыкты 8а (Урта-Тюбе) на Урале // Крат. сообщения Ин-та археологии. 1973. № 137. С. 96–103.
44. Матюшин Г. Н. Стоянка Мурат на оз. Узун-Куль // Совет. археология. 1965. № 1. С. 135–153.
45. Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М. : Наука, 1982. 328 с.
46. Молодин В. И. Памятник Сопка 2 на реке Оми : в 2 т. Т. 1. Новосибирск : Изд-во ИА ЭТ СО РАН, 2001. 128 с.
47. Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 173 с.
48. Мосин В. С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья / В. С. Мосин, С. А. Григорьев, А. Д. Таиров, С. Г. Боталов : в 2 т. Т. 1. : Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 21–240.
49. Мосин В. С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003. 220 с.
50. Мосин В. С., Епимахов А. В., Выборнов А. А., Королев А. И. Хронология энеолита и эпохи ранней бронзы в Уральском регионе // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 30–42.
51. Немкова В. К. Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Предуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа, 1978. С. 5–44.
52. Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен — голоцен : атл.-моногр. / под ред. проф. А. А. Величко. М., 2009. 120 с.
53. Панова Н. К. История озер и растительности в центральной части Среднего Урала в поздне- и послеледниковое время // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2001. С. 48–59.
54. Потемкина Т. М. Черты энеолита лесостепного Приобья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев : Изд-во КГПИ, 1982. С. 159–172.
55. Сальников К. В. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья // Крат. сообщения Ин-та археологии. 1961. № 85. С. 3–10.
56. Сальников К. В. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья // Совет. археология. 1961. № 2. С. 37–49.
57. Сериков Ю. Б. Результаты трасологического анализа поверхности каменных орудий с неолитической стоянки Подленка I // Совет. археология. 1974. № 1. С. 135–147.
58. Сериков Ю. Б. Уральские Зори II — однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала : сб. науч. тр. Свердловск : Изд-во УрО АН СССР, 1991. С. 32–45.
59. Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М. : Наука, 1980. 220 с.
60. Стефанов В. И. Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала : сб. науч. тр. Свердловск : Изд-во УрО АН СССР, 1991. С. 144–160.
61. Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М. : Наука, 1969. 396 с.
62. Хотинский К. А., Немкова В. К., Сурова Т. Г. Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1982. С. 145–153.
63. Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005. 410 с.
64. Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М. : Наука, 1968. С. 41–53.
65. Шилов С. Н., Новиков И. К. Неолитическое жилище на поселении Долговское 3 // Емельяновские чтения : материалы I Межрегион. науч.-практ. конф. Курган : Курган. гос. ун-т, 2006. С. 17–19.
66. Шорин А. Ф. Доандроновское погребение могильника Березки Vг в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск : Изд-во УрО АН СССР, 1991. С. 68–79.
67. Шорин А. Ф. История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. С. 30–42.
68. Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург : Изд-во ИИА УрО РАН, 1999. 181 с.
69. Шорин А. Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев : Изд-во КГПИ, 1982. С. 183–188.
70. Шорин А. Ф., Нохрина Т. И. Погребальный обряд энеолитического населения Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2 (2). С. 96–106.
71. Шорин А. Ф., Шорина А. А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3 (47). С. 70–77.
72. Юрин В. И. Неолитическое местонахождение Красный Камень // Пятые Берсовские чтения : сб. науч. ст. Екатеринбург : Квадрат, 2006. С. 62–65.
73. Юровская В. Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I // Вопр. археологии Урала. 1975. № 13. С. 86–91.

Перед грозой.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

1
ТОМ
глава
5

СОЦИО-
КУЛЬТУРНЫЕ
ПРОСТРАН-
СТВА
В КАМЕННОМ
ВЕКЕ УРАЛА

Глава 5.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В КАМЕННОМ ВЕКЕ УРАЛА

Почти сто лет прошло с тех пор, как Вир Гордон Чайлд ввел в научный оборот понятие археологической культуры, как комплекса связанных между собой сосудов, орудий, украшений, похоронных обрядов и форм домов, которые постоянно воспроизводятся, и предположил, что такой комплекс — материальное выражение того, что можно было бы назвать народом. Именно такое понимание комплексов артефактов, получаемых в процессе раскопок, основательно укоренилось в археологии. В научной литературе предложено немало определений понятия «археологическая культура» — и как совокупности взаимосвязанных типов явлений материального мира, данных нам в археологических остатках; и как реально существующей совокупности связанных между собой объектов, определенным образом ограниченных во времени и пространстве; но в основном как единства археологических памятников, расположенных на конкретной территории в определенный отрезок времени, выраженное в близком сходстве различных категорий артефактов (орудий труда, керамики, архитектуры, погребального обряда и т. д.). Археологическая культура отражает знание об остатках материальной культуры, но не может быть соотнесена ни с какой формой существования человеческих коллективов в древности. Для исторической интерпретации археологических исследований

очень важно понимание пространственного феномена в культуре социумов, основ и принципов возможных объединений людей древности в социумы разных уровней.

Основным объектом изучения археологии являются артефакты — часть сохранившейся и дошедшей до нас культуры древности, безусловно, преимущественно материальной культуры. И хотя эта часть культуры считается далеко не полной, комплексы артефактов — это опредмеченные социальные потребности, через изучение которых мы можем моделировать исторические и социальные процессы. Адаптация общеисторических и социологических понятий, определений и терминов в археологических исследованиях поможет раздвинуть рамки интерпретации археологических источников. Помочь в этом может использование в археологии понятия «социокультурное пространство». Пространственная парадигма в социокультурном измерении позволяет увидеть культуру и социум как единое целое, обладающее особой структурой, определенными элементами однородности и одновременно многомерности. Актуальной задачей современной археологии является выявление социокультурных пространств, в которых происходили события, дошедшие до нас в артефактах и дающие нам возможность моделировать историю тех или иных древних социумов. Философскую основу использования данного понятия составляют следующие положения.

Термин «социум» произошел от латинского слова *socium*, что буквально означает «общее». Социологи применяют это слово для обозначения большой группы людей, имеющих общие взгляды, морально-нравственные ценности, традиции, историю и культуру. Данное явление берет начало с древних времен, когда люди стали объединяться в общности с целью увеличить свои шансы на выживание в дикой среде. Группа людей могла существовать более эффективно, нежели один человек: больше добывать пищи, защищаться от недругов, плодить потомство. Один человек — это индивид. Совокупность индивидов представляет социум, где каждый зависит друг от друга по тем или иным причинам.

Социальные отношения всегда имеют конкретные договоренности, иначе мы просто не смогли бы мирно существовать рядом друг с другом. В социуме это выражается в моральных нормах и на уровне закона. Хочешь быть с нами — соблюдай правила. Нарушил — будешь изгоем: получишь как минимум осуждение, максимум — тюремный срок. И люди соблюдают, не все, конечно, но подавляющее большинство.

Таким образом, социум представляет собой большую группу людей, между которыми существуют различного рода отношения, строящиеся на взаимных договоренностях в виде правил, обычаев, традиций, морально-нравственных норм и законов. Также их объединяет общая цель — создание и улучшение совместными усилиями условий существования.

Культура, возникшая как один из аспектов человеческой жизнедеятельности, ставшая в процессе развития теоретического мышления одним из определений человека, играла роль организованного накопленного опыта воспроизводственной деятельности человека. Одновременно культура для ее субъекта-носителя всегда есть программа деятельности этого субъекта, программа следования накопленному опыту. Любой социум существует, если является субъектом своей специфической субкультуры и если эта субкультура является основой для программ, которые направляют воспроизводственную деятельность этого социума. Утрата важных аспектов накопленной культуры угрожает социуму потерей возможности воспроизводства, поэтому опасность разрушения культуры ощущалась древними народами как самая страшная [2].

Человек постоянно воспроизводит культуру, она переходит от поколения к поколению, сохраняется в результатах труда — предметах, традициях, представлениях и т. п. В повседневной жизни люди действуют в соответствии с исторически сложившимся содержанием культуры. В данном контексте — культуры, понимаемой как программа деятельности и формирующей идентичность социума, то есть принадлежность ему в определенный промежуток времени и в определенных условиях каких-либо постоянно проявляющихся свойств и характеристик. Это может находить отражение на уровне их адекватных описаний, использования совокупности этих свойств и характеристик для распознавания и наименования, выделения из числа сходных и различия с несходными. Социокультурная идентичность есть элемент реализации социумом своей определенности в данном пространственно-временном континууме, ее содержанием являются культурные и социальные представления, навыки и образцы, принимаемые в той или иной степени членами социумов разных уровней [43].

Сущность данного вида идентичности заключается в принятии соответствующих культурных норм и ценностных ориентаций, в понимании «своего» с позиции культурных характеристик, на фоне «другого». Одной из основных особенностей мышления людей традиционного общества можно

считать его коллективистский характер — превалирование Мы-идентичности над Я-идентичностью в сознании отдельного человека [47]. Коллективистское сознание — системообразующий принцип традиционного мировосприятия — охватывает всю жизнь в традиционном обществе, определяя стиль поведения людей. В археологии эпохи камня идентичность социума, то есть его своеобразие на фоне других, можно выявить по сочетанию в этом социуме разных традиций, которые доступны нам в артефактах: технологических, морфологических, орнаментальных. В настоящее время такой анализ можно проводить исходя из технологии и морфологии (типологии) каменных орудий и традиций в технологии и орнаментации керамической посуды, из своеобразия поселенческой архитектуры и погребального обряда.

Социокультурный подход предполагает изучение общества с точки зрения единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека [34], он позволяет понять отношения между культурой и обществом, механизм формирования конкретно-исторической специфики исследуемого социума. В социологии в данном контексте под культурой понимается совокупность способов и результатов деятельности человека (материальных и духовных: идей, ценностей, норм, образцов и др.), а под социальностью — совокупность отношений каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами — экономических, социальных, идеологических, политических отношений, формируемых в процессах деятельности [21]. В археологии культуру древних обществ мы можем изучать по комплексам артефактов как совокупности природных ресурсов и имевшихся в обществе технологий, по предметам искусства и мировоззренческим представлениям, реконструируемым по остаткам погребений, святилищ и орнаментам на посуде и других вещах. Социальную составляющую древних обществ можно моделировать по пространственному расположению выявленных традиций, присущих тем или иным социумам. И здесь мы уже должны обратиться к понятию «социокультурное пространство».

Социокультурное пространство можно соотносить с двумя взаимосвязанными понятиями — «со-

циальное пространство» и «культурное пространство». Под социальным пространством понимается «поле социальной деятельности, включающее совокупность значимых социальных групп, индивидов, объектов в том или ином их взаимном расположении» [35]. Пространственные структуры, характеризующие социальную сферу, не сводятся к биологическому и физическому пространствам, но стремятся реализоваться в них. Входящие в социальное пространство образования взаимодействуют более тесно между собой и менее тесно — с внешними социумами, их характер и взаимосвязь меняются в историческом процессе. Специфические черты и характеристики социального пространства отражаются, хотя и не всегда адекватно, в мировоззрении человека соответствующей исторической эпохи, поскольку определяются деятельностью людей и несут на себе печать социальных отношений, характерных для конкретной исторической эпохи, выступая как культурно значимые пространственные формы.

Понятие «культурное пространство» можно рассматривать как понятие, характеризующее культуру в плане ее расположения и протяженности, имеющее условные границы, обладающее способностью к изменению, увеличению или сокращению, способное взаимодействовать с другими культурными пространствами. Категория пространства непосредственно связана с понятием культуры, поскольку своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как внекультурное пространство. Ю. М. Лотман рассматривал пространство культуры как «пространство общей памяти» [10; 32].

Культурное пространство в археологии связано с распространением технологических, морфологических и орнаментальных навыков и представлений, характеризующих множество социумов в промежутки времени. Технология изготовления, формы и орнаментации артефактов разного уровня в каменном веке могли передаваться от поколения к поколению только путем непосредственного обучения. У коллективов, не связанных между собой, они неизбежно будут различаться, поскольку в разных социумах формируются свои

представления о форме, удобстве и функциональности того или иного орудия, что в конечном счете приводит к возникновению культурных традиций. Вместе с тем эти орудия в разных социумах не могут быть абсолютно идентичны. Например, в процессе обучения навыкам изготовления орудий из камня или керамических сосудов ученик первоначально просто повторяет нужные действия и воспроизводит необходимый предмет по возможности точно, а в дальнейшем он эти действия интерпретирует, исходя из своего понимания результата, что и приводит к постепенному изменению, переосмыслению, развитию культуры, к движению к новому от старого. Комплексы материальной культуры, оставленные конкретными социумами и одновременно находящиеся в рамках присущих этим социумам традиций, и являются «пространством общей памяти».

Можно выделить три слоя социокультурного пространства, которые анализирует археолог. Это, во-первых, предметное пространство материальной культуры, доступное нам в артефактах и заключенное в физическое пространство и время; во-вторых, символическое пространство духовной культуры, объективированное в ценностях и нормах поведения, в совокупности сакральных, мифологических, закрытых и открытых традиций. Оно доступно нам в типологии каменных орудий и орнаментальных традициях, а также в редких предметах искусства, обрядах погребений и святилищах. Такое символическое пространство является многослойным и включает несколько традиций, способом существования которых служит диалог внутри каждого социума. В-третьих, это пространство социальных отношений, включая экономические, брачно-семейные, дарообменные и другие, которые наиболее трудны для выявления. Различные слои этого пространства непротиворечиво взаимодействуют, проникают один в другой. В каждый конкретный исторический период существует ряд условий и факторов, которые могут влиять на дифференциацию социокультурных пространств: выделяются естественные (географические, климатические, экологические, биологические, демографические), социальные (система жизнеобеспе-

чения и социальная структура) и культурные (традиции, представления, навыки) пространства.

О каких же социумах может идти речь? Чтобы сопоставить археологические данные с социологией, необходимо обратиться к материалам этнологии и социальной (культурной) антропологии.

Поскольку в данном случае мы имеем дело с эгалитарными обществами и при анализе археологических материалов прежде всего рассматриваем технологические и орнаментальные традиции, начинать нужно с такой категории, как «родство», которое существует по рождению или по браку, сюда же можно отнести «свойство» и приемное родство, которое практически не отличается от родства по рождению. В современной этнологии, социальной (культурной) антропологии русский термин «род», как, впрочем, и международные термины «клан», «линидж», «сиб», «рэמידж» и другие, признаются недостаточно релевантными и уже не удовлетворяют потребностям фактического материала. Следует согласиться, что типологической универсалией является не конкретная форма родственного института (род и др.), а «родство» — единый и повсеместный структурообразующий принцип с различными формами реализации [1; 46].

Связи по рождению создавали родовые (десцентные) группы — экзогамные группы людей, объединенные кровнородственными, социально институционализированными связями, которые широко варьировались по своим функциям. Первоначальное значение, как правило, имела передача тех или иных социально значимых прав (на землю, иные ресурсы, религиозные знания и реликвии и т. п.) в пределах родовой группы [39], а также осуществление связи между поколениями в преемственности традиций, контроль за сохранением экзогамии, мифологии, обрядов и т. п.

И если технологические традиции, как исторически сложившиеся совокупности наборов технологических приемов с характерной последовательностью их применения, составляют и определяют специфику всего социума и детерминированы поведенческими шаблонами и особенностями культурной трансмиссии технологий в данном социуме [20], то орнаментальные традиции можно рассма-

Экзогамия (от экзо и греч. *gámos* — брак) — запрет брачных отношений между членами родственного (род, фрактрия), реже локального (община) коллектива в древности, хотя сохраняется и в более позднее время. Многочисленные теории происхождения экзогамии объединяются в основном в три группы. Одни исследователи объясняют экзогамию необходимостью избежать

вредных последствий от браков между кровными родственниками. Другие — стремлением расширить социальные контакты и завязать отношения с другими коллективами. Третьи видят в экзогамии средство установления социального мира в коллективе, поскольку половые отношения и сопровождающие их конфликты выносились за его пределы.

тривать как проявление своеобразия в мировоззрении в различных кровнородственных (десцентных) линиях в рамках этого социума.

Первым уровнем социальной организации принято считать социум, который в русском языке называется семьей, правда, далеко не всегда он имеет конкретное словесное обозначение со смыслом, к которому мы привыкли. Основной среди форм семьи является «элементарная, или нуклеарная семья». Это муж, жена и дети, родные или приемные [25; 39], или, в другой формулировке — женщина, ее дети и муж, если он признает этих детей своими [1; 12]. Остатки жилых построек на стоянках Урала характеризуются средним показателем площади — от 25 до 70 квадратных метров, с преимущественными значениями в 40–50 квадратных метров. Этнографические данные для оседлых охотников и рыболовов Сибири, Дальнего Востока и северо-запада Северной Америки показывают, что жилая площадь, приходящаяся на одного человека, составляет примерно от 3,5 до 8 квадратных метров [7; 8; 18; 36; 40]. Следовательно, можно предполагать, что эти жилища были местом проживания коллектива примерно из 5–10 человек, который мы можем ассоциировать с понятием простой или расширенной семьи или «домашним уровнем социальной организации». Уже на этом уровне с точки зрения археологической классификации возникают трудности, поскольку очень часто в жилищах неолита и энеолита встречаются

совместно остатки посуды, относимые к разным орнаментальным традициям и, соответственно, к разным археологическим культурам. Объяснить такие факты с позиций классификации крайне сложно, и поэтому чаще всего такие жилища объявляются «смешанными» или же, что бывает тоже часто, керамика, встречаемая в значительно меньшем количестве и отличающаяся от основного массива, просто не описывается.

Хотя основным стержнем родовых (десцентных) линий при патрилинейности являлись мужчины, связанные кровным родством, хранительницей очага и традиций, как это ни парадоксально, была женщина. Приходя после замужества в семью мужа, первоначально она считалась «инородкой», но в течение жизни, постепенно впитывая изначально чужие устои, к старости, после потери детородных функций (по А. В. Головневу) становилась главной хранительницей теперь уже ее родовых традиций и начинала передавать их своей молодой невестке. Во все времена женщина была связана с домашним хозяйством, и, по этнографическим данным, в обществах с присваивающим хозяйством при отсутствии гончарного круга изготовление керамической посуды было преимущественно женским занятием [33]. Но в течение жизни женщина практически меняла свою идентичность, и если до замужества она орнаментировала посуду согласно традициям родовой линии отца, то после замужества — по традициям линии мужа. Существуют различные варианты браков, но у народов Урала и Сибири традиционным можно считать вирилокальный брак, при котором жена переходит в семью (общину, род) мужа [13; 31]. В таком случае женщина после замужества приносит в общину мужа часть традиций отцовского социума, что отражается и в конкретных вещах, и в умениях и навыках деятельности. На этом этапе при изготовлении посуды она неизбежно руководствуется этими принципами, что в археологических источниках отражается как присутствие в одном жилище сосудов с двумя различными системами орнаментации, например с отступающе-накольчатой и зубчатой. Воспитываясь в традиции накольчатой орнаментации, по прошествии времени, став хранительницей традиций социума мужа, она орнаментирует

керамику уже не отступающими наколами, а от тисками зубчатого штампа или же и той и другой техникой. Со сменой поколений ориентация брачно-семейных связей может изменяться, и, соответственно, будет меняться состав керамической посуды, как в рамках одной семьи, так и в рамках коллективов более высокого уровня. Помимо этого каждый человек индивидуален, соответственно и керамическая посуда несет на себе большой отпечаток субъективности и огромного разнообразия. Например, мать ставит штамп вертикально и правой рукой, а дочь — чуть под углом и левой рукой; у одной треугольник имеет одни пропорции, у другой — другие, а мы все это формализуем и различим по разным культурам. Состав керамического комплекса жилища, стоянки или поселения будет зависеть от конкретного места в пределах обживаемой территории, хозяйственной принадлежности памятника, от того, оставлен ли он одной семьей, общиной в целом или целевой хозяйственной группой, и т. д. Это значит, что даже на первом уровне социумов можно говорить о совместном проживании представителей разных традиций.

Рангом выше в археологической классификации стоят стоянки и поселения — места адаптации определенного социума в окружающем ландшафте. Показать статистику распределения жилищ на площадках поселений к настоящему моменту сложно, поскольку полностью раскопанных стоянок и поселений в Уральском регионе единицы. По предварительным оценкам, на кратковременных стоянках существовали одно-два жилища, на более долговременных поселениях — от трех до шести.

Если это стоянка с остатками одной постройки (жилища) или без формально зафиксированного факта наличия такого сооружения, то подразумевается, что на этом месте определенное время (один сезон, несколько сезонов, много раз) проживал социум первого порядка — семья, или же функциональное объединение небольшой численности — целевая или хозяйственная группа. Поселение, обычно состоящее из трех-пяти жилищ, привычно ассоциируется с понятием «община». Это понятие, предполагающее объединение нескольких семей, в этнологии (социальной антропологии) является менее разработанным и спорным. В привычном

для нас понимании — это первичная локальная группа, объединяющая несколько родственных семей и, возможно, не родственных членов коллектива и имеющая целью хозяйственное освоение определенной территории [12; 17; 18]. Средний размер общины, живущей за счет охоты, собирательства и рыболовства, составляет не более 50 человек [18; 25].

Однако в большинстве известных обществ автохтонные термины, обозначающие общину как особое объединение людей, отсутствовали. Это во многом связано с непостоянством и большой текучестью состава этих групп людей, что выступает высокоадаптивной чертой обществ с присваивающей экономикой. Любой член общества, один или с семьей, мог на неопределенное время присоединиться к другой семье или группе семей, в которой у него найдутся родственники или свойственники, причем таких потенциальных вариантов всегда было несколько. Более того, в случае потерь, например в результате эпидемий, община могла принять неродственных членов в свой состав, а для снижения социальной напряженности отдельные представители общины меняли свою общинную принадлежность [46]. Слова, которые исследователи традиционно связывали с понятием «община», обозначали либо стоянку (или поселение), либо конкретную местность, либо людей, располагавшихся стоянками в конкретной местности. Вместе с тем в этих группах присутствует структурирующее звено близких родственников, обладавших первостепенными правами на используемую территорию и остававшихся на этой территории большую часть жизни [1].

Учитывая данные обстоятельства, можно говорить о том, что обычное для археолога поселение представляет собой сложное социальное явление. Даже если при удачном стечении обстоятельств мы начинаем раскапывать поселение, которое считаем однослойным и археологически одновременным, состоящим из трех жилищ, это может означать, что мы исследуем место проживания или расширенной семьи, или общины, в которой неизбежно сочетаются представители разных родовых линий, и следовательно, среди артефактов может находиться керамическая посуда, изготовленная в разных ор-

наментальных традициях. Подход с позиции археологических культур уже на этом уровне перестает работать, поскольку коллектив родственников не может относиться к разным культурам. Но найти единовременное поселение крайне сложно, для археолога это большая удача. Чаще всего археологи исследуют поселение, площадка которого обживалась пусть даже одним человеческим коллективом, но в течение многих лет или сезонно, в зависимости от хозяйственного цикла, и период использования данной площадки занимал не одно десятилетие или столетие, что вполне реально, исходя из данных этнографии современных угорских народов. В таком случае количество артефактов, оставленных представителями различных родов, значительно возрастает, и они очень вариативны. Керамические комплексы таких поселений включают в себя посуду, относящуюся к нескольким орнаментальным традициям, типологически разнообразную, в разном процентном соотношении, но вместе с этим оставленную все же одним социумом, а не разными археологическими культурами. По сути дела, каждое поселение, на котором методически четко выявлен археологически одновременный комплекс жизнедеятельности, является своеобразным узлом, в котором сплетаются нити родства в рамках одной общины и нескольких родовых линий.

Определенное количество общин занимали обширную территорию и были соединены между собой отношениями родства, свойства, обмена, общей мифологией, другими коммуникативными факторами и образовывали социокультурное пространство из поселений и стоянок, функционировавших на определенном отрезке истории.

Такие социальные системы у археологов привычно ассоциируются с термином «племя», уже давно не употребляемым в среде ученых, изучающих общества охотников, рыболовов и собирателей. Не стоит забывать, что, вводя в широкий научный оборот понятие «племя», Л. Г. Морган имел в виду прежде всего социальную систему конфедерации ирокезов как идеальный (в философском понимании этого термина) эталон социального устройства общества догосударственного уровня развития.

В языках обществ с соответствующим уровнем экономики отсутствуют слова, которые отражали

бы представления о таком объединении людей, которое исследователи ранее определяли в качестве племени. Вместе с тем фактом является регулярное межгрупповое взаимодействие, обусловленное необходимостью экономической взаимопомощи и выразившееся во взаимном посещении оптимальных для хозяйствования сезонных мест; «путями» мифических героев, связывавших широкие группы людей общими культами, с взаимным посещением сакральных центров; и главное — обмен брачными партнерами согласно со сложным комплексом различных условий и экзогамных запретов. Эти взаимодействия имели свои особые направления и очертания и создавали специфические родственные макроструктуры, действовавшие в пределах широких географических ареалов и основывавшиеся на локальных родственных макроструктурах [1; 46].

Такие макроструктуры мы можем называть социокультурным пространством. Именно в таких пределах сохраняются стабильные технологические и типологические традиции в изготовлении каменного инвентаря и определенные наборы керамических сосудов, разнообразных в единстве комплексов каждый раз на каждом поселении в силу текучести состава общин и широты социальных связей. Только в этих пределах мы можем определить идентичность социумов [39; 48]. Определить приблизительную территорию идентичности можно, лишь оценив интенсивность социальных связей между отдельными одновременными резидентными группами-общинами, оставившими нам поселения и стоянки. Таких полностью исследованных поселений должно быть, наверное, несколько десятков для каждого исторического отрезка, учитывая внутрорегиональное разнообразие ландшафтов и соответствующие варианты системы жизнеобеспечения.

Социумы второго и третьего уровней не могли быть «закрытыми». В условиях нередких природных колебаний и стихийных бедствий община не смогла бы выжить, не опираясь на поддержку и помощь соседних общин. В отсутствие серьезных географических барьеров территориальные и социальные границы не были жесткими. Каждая община была центром своей социальной сети

со своими направлениями брачных связей, и эти сети соседних общин неизбежно перекрывали друг друга во всех направлениях [46]. Например, для зауральско-западносибирской лесостепи мы не сможем провести границу и четко обосновать разницу между комплексами Зауралья, Притоболья и Приишимья, Приишимья и Прииртышья, Прииртышья и Приобья, поскольку это и есть мозаика взаимосвязанных общин. Суть явления определена тем, в какую сторону направлены социальные связи конкретной общины, оставившей археологический памятник — стоянку или поселение. Для зауральско-западносибирской лесостепи эти связи разнонаправленные, поэтому отдельные памятники, оставленные одним и тем же населением, относят к разным археологическим культурам, что и создает путаницу. Население Зауралья, адаптируясь во вмещающем ландшафте, в процессе годовых хозяйственных циклов осваивало свои общинные территории, и в случае необходимости заходило и в южную часть тайги, и в южную лесостепь. Отсюда и направление брачно-семейных связей с родственным населением таежной зоны и североказахстанских степей. Обмен, на который обычно ссылаются, если найдут «инокультурный» горшок на «своей» стоянке, не сводился к обмену посудой или иной хозяйственной утварью. Межобщинный обмен — это прежде всего взаимообмен ресурсами общинных земель и людьми, сочетание в обмене экологических и социальных тенденций.

При таком подходе первоначальной задачей является полное исследование всей площади выбранного для раскопок поселения, с тем чтобы изучить его внутреннюю структуру как замкнуто-открытую систему, проанализировать применяемые технологии, выявить комплекс традиций в каменном инвентаре и керамике, попытаться смоделировать социальную структуру изучаемых человеческих коллективов. Изучать такую систему мы можем с позиций синхронии и диахронии. На современном уровне развития археологии в части исследованности территорий, наличия полностью раскопанных поселений и уровня точности датирования изучение синхронных объектов очень затруднительно. Пока что единственно возможным методом анализа археологических материалов

является диахронный, когда рассматриваются отдельные отрезки времени, периоды жизни разных по природе объектов как целые и большие конечные блоки, кластеры событий и состояний, когда сопоставление материалов стоянок и поселений осуществляется, образно говоря, по ступенчатой диагонали, пересекающей весь исторический блок (например ранний неолит). Поэтому моделировать историческую ситуацию пока возможно или для отдельного поселения, или для системы в целом, учитывая ее пространственно-хронологическую протяженность. Предполагаемым результатом будет модель функционирования как отдельного социума в рамках поселения, так и всего социокультурного пространства.

В поздневалдайско-сартанскую эпоху в рамках огромной перигляциальной гиперзоны Севернй Евразии, протянувшейся от Западной Европы до Восточной Сибири, выделяется группа памятников позднего палеолита от Пермского Предуралья и Среднего Поволжья до Приобья. Сходство индустрий этих памятников отчетливо фиксируется в технике расщепления и сочетании основных категорий инвентаря, основанных на технике изготовления мелких пластин, появившейся более 30 тысяч лет назад в кара-бумовской и усть-каракольской традициях [16; 30], и представляющих одну линию развития технокомплексов позднего палеолита Урала и Западной Сибири. Близкие приемы и технологии изготовления орудий, существовавшие на огромной территории от Волги до Оби и в значительном хронологическом диапазоне (от 25 до 11 тысяч лет назад) могли существовать только в единой системе жизнеобеспечения, направленной на максимальную адаптацию человеческих коллективов в окружающей, далеко не всегда благоприятной среде позднего неоплейстоцена. В Волго-Уральско-Западно-Сибирском регионе палеоэкологические условия этого времени были благоприятны для увеличения численности мамонтов и их спутников. Миграции стад животных в перигляциальной тундростепи могли достигать нескольких сотен километров, что существенно влияло на мобильность общин древних охотников, вынужденных следовать за животными. Повышенная мобильность, с одной стороны,

могла быть причиной микролитизации инвентаря с целью получения более легких полифункциональных орудий, что приводило к определенной унификации техники расщепления и сокращению набора специализированных орудий. С другой стороны, мобильность предполагает высокую вероятность пересечения маршрутов отдельных общин, частые межобщинные контакты и допускает возможность передачи и преемственности некоторых технических стандартов, составляющих особенные элементы сходства между достаточно удаленными друг от друга каменными индустриями [16].

На рубеже неоплейстоцена и голоцена происходит резкий природно-климатический перелом, связанный с потеплением и смягчением континентальности климата. В последующие пребореальный и бореальный периоды распадается перигляциальная зона, происходит перестройка ландшафтов от гиперзональных к зональным. Широкое распространение вкладышевой техники изготовления орудий создало явную потребность в переходе к отжимному расщеплению кремнистых пород и получению практически одинаковых пластинчатых и микропластинчатых заготовок. При всеобщей стандартизации только устойчивые сочетания оригинальных орудий позволяют отличать одну традицию от другой. Техника и технология изготовления орудий могут передаваться от поколения к поколению только путем непосредственного обучения. У коллективов, не связанных между собой системой жизнеобеспечения, они неизбежно будут отличаться, поскольку в разных социумах формируются свои представления о форме, удобстве и функциональности того или иного орудия, что в конечном итоге приводит к оформлению традиции. Поскольку эта традиция связана с жизненно важной сферой, она очень устойчива и может существовать не одну тысячу лет. На фоне формирующихся ландшафтов пребореала и бореала в мезолите Урала начинает проявляться вполне определенное территориальное своеобразие отдельных традиций.

Близкие приемы и технологии изготовления орудий верхнего палеолита, существовавшие от Волги до Оби, определили общую технологическую составляющую мезолитических традиций микро-

пластинчатого расщепления, но с начинающим формироваться своеобразием систем орудийных наборов, соответствующих различным географическим регионам Урала: Волго-Уралью, Зауралью, Прикамью.

Технологическое своеобразие зауральской мезолитической традиции заключается в особенностях процесса расщепления и подготовки орудий. Начальный этап призматического расщепления связан с подготовкой и использованием торцевых нуклеусов. Далее с торца фронт нуклеуса перемещался на боковую поверхность. Для овально-уплощенных форм предел расщепления — скалывание с двух третей или с трех четвертей поверхности ядрища. Формы с подквадратным или округлым сечением приобретали круговую огранку. На всех этапах мастер мог превратить нуклеус в двухплощадочный. Применение приема ретуширования в комплексах весьма ограничено, так изредка оформлялись мясные ножи — средние пластины со скошенным концом. Скошенный ретушью конец имели и вкладыши наконечников головной части. В целом подбор заготовок орудий по признаку износоустойчивости позволял свести к минимуму ретуширование. Не удивительно, что одной из отличительных черт зауральского мезолита является бедность типологического набора.

С точки зрения морфологии (типологии), наиболее выразительными типами изделий являются остря, обработанные крутой ретушью со спинки (реже с брюшка), отдельные геометрические микролиты, скошенные остря, пластинки с обработанным торцом, боковые ретушные резцы, отдельные шлифованные орудия. Перечисленные типы орудий встречаются на всех известных стоянках региона, но в разных сочетаниях. Необходимо отметить наметившуюся дуальность в мезолитических комплексах Зауралья: часть стоянок (Выйка II, Сухрино I, Родники II, Ташково II, IV) не содержат такие характерные типы орудий, как геометрические микролиты — трапеции и треугольники; в другой части стоянок (Серый Камень, Янгелька, Андреевка, Чебаркуль XVII, Черная Гора) геометрические микролиты присутствуют. Объяснить этот факт с территориальной, хронологической, хозяйственной или какой-либо еще позиции пока

не удастся. Поскольку технология указанных комплексов едина, можно предположить, что это два варианта одной традиции. Картографирование мезолитических памятников показывает нам социокультурное пространство этого времени.

Переход от мезолита к неолиту в Зауралье не вызвал заметных перемен в производстве, основанном на микропластинчатом расщеплении и вкладышевой технике. Не изменились ни стратегия расщепления, ни структурная схема распределения орудий, ни их типология. Единственной новацией стало появление в вооружении наконечников стрел с двухсторонней обработкой, что вызвало и некоторые изменения в традиции оснащения наконечника вкладышами.

На сегодняшнем этапе развития археологии наиболее надежным критерием установления традиций в неолите и энеолите могут выступать керамические комплексы, в частности сочетание таких показателей, как морфология, техника орнаментации и стилистика узора на конкретном сосуде. Основанием для применения такого подхода являются положения о том, что каждый сосуд можно рассматривать не как «целостный объект» исследования (что было бы характерно для эмоционально-описательного подхода) и не как «набор» (или «пучок») признаков (что было бы свойственно формально-классификационному подходу), а как результат приобретения определенных навыков

труда, использованных для изготовления сосуда и закрепленных в культурных традициях, передающихся от поколения к поколению в рамках конкретного человеческого коллектива. Судя по многочисленным этнографическим данным, более чем в 90 % случаев производственные навыки в гончарстве передаются по тем или иным родственным каналам. Технология изготовления и особенно стилистика узора на сосуде (прежде всего в ранние эпохи) определяли зрительно воспринимаемый внешний облик изделия, позволяя членам конкретных человеческих коллективов отличать «свою» посуду от «чужой» [41]. Такое принятие культурных норм и ценностных ориентаций, понимание «своего» на фоне «другого», разделение с позиции культурных характеристик является частью идентичности социума.

В раннем неолите Зауралья мы фиксируем две основные орнаментальные традиции в производстве керамики — кошкинскую и козловскую с несколькими вариантами: кокшаровско-юринским, евстюнихским и собственно козловским. Различие вариантов козловской традиции заключается в преобладании тех или иных технических приемов орнаментации, хотя этих приемов очень немного: отступающий накол, прочерчивание палочкой, лопаточкой, двузубым штампом. Кошкинская традиция также неоднородна, в ней есть сосуды с круглыми и плоскими днищами, неорнаментированные

Схема социокультурного пространства Зауралья в мезолите

Схема социокультурного пространства Зауралья в неолите

и с орнаментом, выполненным в отступающе-накольчатой технике, с различной стилистикой узора. Однако варианты в этой традиции специалистами почему-то не выделяются. У посуды обеих традиций общая технологическая основа — использование илестых глин в сочетании с органическим раствором. Оба типа посуды имеют много общего в приемах декорирования и стилистике орнамента: горизонтальные волнистые линии, вертикальные зоны, заполненные наклонными линиями, взаимопроникающие треугольники. Посуда обеих традиций часто залегает совместно в культурных слоях памятников (Варги 2, Кокшаровский холм и др.), а на памятниках Притоболья конца раннего неолита (например, в Кочегарово I, Долговском 3) различить посуду обеих традиций, выполненную с использованием отступающе-накольчатой техники, практически невозможно.

На рубеже раннего и позднего неолита в течение 200–300 лет (по существующей в данный момент радиоуглеродной хронологии) в Зауралье сосуществовали почти все традиции и варианты керамической посуды, характерные для раннего и позднего неолита [11]. В комплексах посуды позднего неолита также можно наблюдать две основные традиции — полуденскую и боборыкинскую с басьяновским вариантом. Можно с уверенностью утверждать, что полуденская традиция наследовала как козловскую, так и кошкинскую традиции, которые к концу раннего неолита, по сути, слились в одну. Отмечается переход от одной традиции к другой с постепенным расширением использования зубчатого штампа как в технике прочерчивания этим инструментом, так и, в дальнейшем, в технике «шагания» и вертикального оттиска. Сохраняется в известной мере и отступающе-накольчатая техника, применяемая, как правило, при декорировании сосудов в сочетании с зубчатой. Последнее время некоторые исследователи (А. Ф. Шорин и др.) предполагают прямое наследование традиций от басьяновской к боборыкинской.

Как и в раннем неолите, посуда разных традиций залегает совместно на одних и тех же поселениях (Краснокаменка, Ук VI и др.). О сосуществовании и взаимодействии носителей разных традиций позволяет говорить и технологический анализ. Так,

приемы составления формовочных масс, с одной стороны, унаследовались полуденскими гончарами от носителей козловских традиций, с другой — «аналогичны басьяновским... сам факт появления новой традиции подготовки формовочных масс... может указывать на вероятность периода их сосуществования и взаимодействия» [9].

На рубеже позднего неолита и энеолита отступающе-накольчатая составляющая полуденских комплексов эволюционирует в ложношнуровую, гребенчатая — в гребенчатый энеолит с простыми и геометрическими узорами. Морфология энеолитической посуды всего Зауралья одинакова — это сосуды полуяйцевидной или слабопрофилированной формы с прямым или отогнутым венчиком и округлым дном. Обитатели восточного склона Урала использовали посуду, изготовленную из глины с примесью талька, которая имела характерный блеск и оттенок; орнаментальные узоры представляли собой простые (линейные) и сложные геометрические композиции [29; 42]. На уровне сегодняшних знаний мы можем констатировать, что в энеолитическое время в Зауралье, как и в неолите, бытовали две основные традиции орнаментации — с помощью гребенчатого штампа и отступающего (ложношнурового), или простого накола. Жучки, веревочка, гусенички, по сути, являлись разновидностями оттисков зубчатого штампа и никогда не характеризовали обособленный комплекс.

Схема социокультурного пространства Зауралья в энеолите

О сосуществовании и взаимодействии носителей этих традиций в энеолите говорит то, что в 57 % случаев посуда, украшенная оттисками гребенчатого штампа и в отступающе-накольчатой (ложношнуровой) и накольчатой технике, залегала совместно; в 30 % случаев в культурных слоях совместно залегали сосуды, представлявшие большинство технических вариантов энеолита Зауралья. Необходимо учитывать и тот факт, что на одном сосуде встречается сочетание двух разных техник орнаментации — реже гребенчатых оттисков и ложношнурового рисунка, чаще — оттисков гребенчатых штампов и жучков или гусеничек.

Картографирование комплексов материальной культуры мезолита, неолита и энеолита, сохранявших основные традиции, позволяет выявить социокультурное пространство зауральского населения. При этом каждое поселение в пределах этой территории будет отличаться от другого (даже если они одновременны) по соотношению указанных признаков, поскольку каждая община имела свои социальные связи, и направления этих связей определяли облик предметов, составлявших материальную культуру поселения. Зауральские социумы в конце каменного века занимали территорию от основных хребтов Урала до междуречья Тобола и Ишима и от верховьев реки Тавды до широтного течения реки Урал, охватывающую несколько ландшафтных зон — лесостепную, горнолесную и южную часть равнинной лесной, — которые являлись жизненным пространством для зауральского населения и составляли основу хозяйственного цикла. Обозначенные условные границы существования зауральских традиций оттеняются культурным фоном населения с иными, «незауральскими» традициями, характеризующими «другую» идентичность, зафиксированную на сопредельных территориях. При этом часто образуется пространство, занятое социумами, в которых в той или иной степени сочетаются зауральские и иные традиции.

Наиболее известны стоянки и поселения мезолита в бассейне реки Конды, находящиеся к северо-востоку от зауральских стоянок. При определенном сходстве с зауральскими благодаря общей мезолитической «платформе», состоящей из базового производственного набора, кондинские поселения

выделяются комплексом орудий на мелких отщепках и расколотых гальках, наличием шлифованных рубящих орудий с выступами-«ушками» и др. [4, с. 26–38]. На востоке памятники прииртышского мезолита пока единичны, что не позволяет охарактеризовать какую-либо традицию в целом. На юго-востоке, в среднем и нижнем течении реки Чаглинки и в верховьях и среднем течении реки Ишим, население имело свои традиции в использовании сырья, производстве пластинчатых заготовок и орудий, отличающихся от зауральских пропорциями, применением и расположением крупной ретуши, сочетанием в наборе орудий, таких как срединные резцы на пластинах и на отщепах, и др. [15]. На западе, в северной части Предуралья, обширную зону Прикамья и Камско-Вятского междуречья занимают памятники камского мезолита, на которых обнаружены отдельные крупные трапеции симметричной формы с вогнутыми краями и крупные шлифованные рубящие орудия [3; 14; 37]. На юге Предуралья и Среднего Поволжья ряд памятников Волго-Уралья, таких как Романовка II, Ильмурзино, Старо-Токская, Тат-Азибейская III и IV, отличаются тем, что их население использовало в качестве заготовок более крупные пластины. Эта индустрия может быть расценена как среднепластинчатая, для которой не характерна вкладышевая техника изготовления орудий. В традиционных наборах орудий встречаются резцы архаичных форм и скребки на широких пластинах или пластинчатых отщепах и сколах [22; 24; 27].

Соседями неолитического населения Зауралья на северо-востоке были общины кондинской неолитической традиции, которая на ранних этапах включала и зауральские элементы [19]. На востоке для раннего неолита недавно выделена барабинская неолитическая культура VII тысячелетия до н. э. [26], поздний неолит представлен артынской традицией Приишимья и Прииртышья [5]. На эти территории в определенное время распространялась и боборыкинская традиция, правда в несколько измененном виде [6]. На юго-востоке существовала своеобразная маханджарская традиция, занимавшая степную зону [23; 44; 45].

В энеолите на поселениях Зауралья по мере продвижения на восток в керамических комплексах

все большую долю составляет посуда западносибирского гребенчато-ямочного ареала: сосуды полувальцевидной или слабопрофилированной формы с отогнутым венчиком, обязательными рядами ямок под венчиком и по тулову, полосами шагающей гребенки, сосуды с крупными наколами, а также жучками. Облик комплексов керамики постепенно меняется с ослаблением брачно-семейных, экономических и других связей с общинами восточного склона и расширением родственных отношений с населением — носителем гребенчато-ямочных традиций. В Тоболо-Ишимье зауральские

признаки окончательно растворяются в традиции гребенчато-ямочной посуды. В юго-восточном направлении общины приобретают признаки зауральских и ботайско-терсекских традиций, на юго-западе зауральская тальковая керамика встречается на поселениях токсско-турганикских общин, на северо-востоке — среди населения бассейна Конды, производившего керамику еныйского типа [38].

Единство населения зауральского социокультурного пространства проявилось и в существовании святилищ и культовых холмов: Камня

Схема социокультурных пространств Урала в мезолите — энеолите

--- условная граница

территория сосуществования с другими традициями

Дыроватого в мезолите и неолите, Кокшаровского и Усть-Вагильского холмов в неолите и круглоплатных святилищ Савин I, Слабодчики I, Велижаны 2 в энеолите. Их комплексы отражают весь спектр технологических и орнаментальных традиций региона в мезолите — энеолите.

Таким образом, обозначенное физическое и культурное пространство синхронно и диахронно взаимосвязанных традиций, ограниченное «другими» традициями-идентичностями, мы можем рассматривать как социокультурное пространство зауральского населения мезолита — энеолита. Понятие «социокультурное пространство» можно использовать как комплексную детерминанту идентичности расположенных в этом пространстве социумов и в качестве основы в реконструкциях и моделировании исторической составляющей археологии, обуславливая связанность, непрерывность, организованность социально-исторического процесса. Социокультурное пространство — это пространство, в котором социальные процессы культурно опосредованы и доступны нам в артефактах как опредмеченных социальных потребностях. Оно может иметь условные границы, очерченные в соответствии с традициями и взаимодействиями коллективов, объединенных в социальную сеть родством, свойством и другими социальными, культурными, экономическими и личностными характеристиками. В основе социокультурного пространства могут лежать как синхронные связи разного уровня, так и диахронные, отражая тем самым тысячелетние традиции, создающие многомерную систему существования человеческого общества. Понятие «социокультурное пространство» является фундаментальным для археологии, поскольку объединяет в себе понятия пространства (физического и социального), материи (материальной культуры и социальных потребностей, в ней отраженных) и времени.

Список литературы

1. Артемова О. Ю. Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М. : Смысл, 2009. 560 с.
2. Ахиезер А. С. Философские основы социокультурной теории и методологии // *Вопр. философии*. 2000. № 9. С. 29–45.
3. Бадер О. Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // *У истоков древних культур (эпоха мезолита)*. М. ; Л., 1966. С. 194–205.
4. Беспрозванный Е. М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири (Предварительные итоги изучения) // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале*. Вып. 1. Екатеринбург, 1997. С. 26–38.
5. Бобров В. В., Марочкин А. Г. Артынская культура // *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда : в 2 т.* Т. 1. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. С. 106–108.
6. Бобров В. В., Юракова А. Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани : в 2 т.* Т. 1. Казань, 2014. С. 211–214.
7. Борзунов В. А., Кирюшин Ю. Ф., Матющенко В. И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // *Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири*. Екатеринбург, 1993. С. 4–45.
8. Бузин В. С. Поселения и жилища волосовской культуры как источник социологической реконструкции // *Совет. археология*. 1990. № 5. С. 32–43.
9. Васильева И. Н. Раннеэнеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2011. № 2 (46).
10. Волкова Е. В. Пространство символа и символ пространства в работах Ю. М. Лотмана // *Вопр. философии*. 2002. № 11. С. 149–164.
11. Выборнов А. А., Мосин В. С., Епимахов А. В. Хронология уральского неолита // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2014. № 1 (57). С. 33–48.
12. Гиренко Н. М. Социология племени. М., 1991.
13. Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1995.
14. Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.
15. Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // *Совет. археология*. 1981. № 3. С. 107–129.
16. Зенин В. Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // *Археология, этнография и антропология в Евразии*. 2002. № 4 (12). С. 22–44.
17. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М. : Наука, 1986.
18. Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986.

19. Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А. Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн р. Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М., 2012. С. 497–524.
20. Корякова Л. Н., Молодин В. И. Изучение культурной изменчивости в археологии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, № 3. С. 82–102.
21. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социолог. исслед. 2000. № 7. С. 3–12.
22. Ластовский А. А. Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000. С. 81–140.
23. Логвин В. Н. Тургайский прогиб в эпоху мезолита — энеолита : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2002. 40 с.
24. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976. 368 с.
25. Мердок Дж. П. Социальная структура / пер. с англ. А. В. Коротаева. М. : Объедин. гуманитар. изд-во, 2003. 608 с.
26. Молодин В. И. и др. Радиоуглеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1с (Среднее Приомье) с использованием установки «Ускорительный масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» // Археология, этнография и антропология в Евразии. 2019. Т. 47, № 1. С. 15–22.
27. Моргунова Н. Л. Старо-Токская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983. С. 3–18.
28. Мосин В. С. Методология исследования стоянок и поселений каменного века Урала // Урал. ист. вестн. 2012. № 4 (37). С. 15–24.
29. Мосин В. С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 2003. 220 с.
30. Павлов П. Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33). С. 33–45.
31. Перевалова Е. В. Северные ханты. Этническая история. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2004.
32. Ремизова М. Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10-1 (24). С. 158–162.
33. Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Мезолит — энеолит. Л. : Наука, 1983. С. 209.
34. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество : пер. с англ. / под общ. ред. А. Ю. Союмонова. М., 1992. 543 с.
35. Социологический энциклопедический словарь : на рус., англ., нем., франц. и чеш. яз. / ред.-коорд. Г. В. Осипов. М. : Норма, 1998. 488 с.
36. Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М. : Наука, 1980. 220 с.
37. Старков В. Ф. Мезолит Среднего Приуралья // Мезолит СССР. М., 1989. С. 125–129.
38. Стефанов В. И. и др. Поселение Енья 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита-энеолита верховьев Конды) // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга) : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. С. 48–86.
39. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 544 с.
40. Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
41. Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М. : Изд-во ИА РАН, 2012. 430 с.
42. Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005. 410 с.
43. Шакурова М. В. Социокультурное пространство как условие становления социокультурной идентичности личности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Shakurova.pdf> (дата обращения: 20.07.2012).
44. Шевнина И. В. Гончарство маханджарской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 21–28.
45. Шевнина И. В. Гончарство неолитических племен Торгая. Астана : Фил. Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. 236 с.
46. Шнирельман В. А. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей. Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М. : Наука, 1986. 574 с.
47. Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.
48. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта ; пер. с англ. И. Пильщикова. М. : Новое изд-во, 2006. С. 9–48.

Окрестности озера Банное.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

1

ТОМ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заселение Урала древним человеком началось около 300–250 тысяч лет назад и было связано со второй миграционной волной распространения позднего вида *Homo erectus* — *ergaster*, с каменными орудиями ашельской традиции и леваллуазской системы расщепления. Наиболее вероятным местом, откуда пришли люди на Южный Урал, являются Мугоджары. Здесь в архаичных комплексах памятников Мугоджары 4–6 были открыты комплексы изделий, включающие двусторонне обработанные формы — «ашель с бифасами», которые наиболее близки орудию из Краснокаменки не только типологически, но и по характеру сырья. Вероятно, к этому же времени можно отнести несколько бифасов и рубило-чоппинг со стоянки Мысовой. Еще одним свидетельством появления *Homo ergaster* / *erectus* на Урале в позднем ашеле является местонахождение Ельники II в Пермском крае, где были найдены чоппинг и отщеп вместе с костными остатками трогонтериевого слона.

Заселение Урала в раннем палеолите не было постоянным. Следующий этап освоения уральской земли наступает уже в среднем палеолите, в эпоху мустье. Опорным памятником для изучения этой эпохи на Южном Урале является стоянка Богдановка на реке Урал, а также несколько артефактов, найденных на стоянке Мысовая и отдельные находки, сделанные в степной зоне Зауралья. Вероятно, во второй раз Южный Урал был заселен около ста тысяч лет назад людьми, пришедшими с территории современного Казахстана, где наибольшее количество известных палеолитических памятников относится к эпохе мустье. Также, около ста тысяч лет назад происходило заселение северных районов Предуралья в бассейне верхней Камы (нижний слой стоянки Гарчи I и местонахождение Пещерный Лог). Миграции в Предуралье могли идти с юга Русской равнины, с Северного Кавказа и Поволжья.

Установить продолжительность периодов раннего освоения Урала человеком по современным данным не представляется возможным. Определенно можно говорить лишь о присутствии в регионе памятников среднего палеолита возрастом около ста тысяч лет. Вполне вероятно, что во время последующего оледенения произошел отток мустьерского населения в более южные районы. Антропологических находок столь древнего возраста на Южном Урале пока не обнаружено, и ответить на вопрос определенно, кто заселял эту территорию в среднем палеолите — неандерталец или денисовец, — пока невозможно.

Третье и окончательное заселение человеком Урала произошло в позднем палеолите. К настоящему времени на Урале открыто немногим более 150 палеолитических памятников разных типов: поселения с сезонными жилищами, кратковременные стоянки, святилища. Большая часть памятников — это местонахождения с небольшим количеством артефактов. Археологами исследовано около 50 памятников, которые можно разделить на четыре условные пространственно-хронологические группы. В первую группу включены стоянки представителей костенковско-стрелецкой культуры (ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы), существовавшие в Среднем и Северном Предуралье 38–33 тысяч и 29–28 тысяч лет назад. Памятники возрастом 19–10 тысяч лет были объединены П. Ю. Павловым в уральскую верхнепалеолитическую культуру с тремя этапами. Система жизнеобеспечения в позднем палеолите включала несколько вариантов хозяйственной направленности стоянок, связанных с необходимостью адаптации человеческих коллективов в неблагоприятной природной обстановке последнего ледникового: охотничьи лагеря, кратковременные стоянки в пещерах и гротах, стоянки на природных «кладбищах» мамонтов, стоянки у «мест разделки мамонтов», пещерные святилища. Повышенная мобильность общин древних охотников, вынужденных следовать за животными в приледниковой тундростепи на расстояние до нескольких сотен километров, предполагает высокую вероятность пересечения маршрутов отдельных общин, частые межобщинные контакты и допускает возможность передачи и преемственности некоторых технических стандартов, составляющих особенные элементы сходства между достаточно удаленными друг от друга каменными индустриями. Все это явилось предпосылками к образованию около 20 тысяч лет назад социокультурного пространства населения позднего палеолита от Волго-Уралья до Обь-Енисейского междуречья, нашедшее выражение в технокомплексах, обладающих выразительным и сходным микроинвентарем. На следующем хронологическом этапе, 15–13 тысяч лет назад, различия становятся более контрастными и региональные варианты приобретают более отчетливые собственные характеристики.

Эпоха позднего палеолита (последняя ледниковая эпоха) — это время появления человека современного физического типа (*Homo sapiens*), время формирования сложной и развитой материальной культуры. И наиболее ярким выражением зрелости человеческого общества в эпоху верхнего палеолита служит появление искусства. На Южном Урале пещерная живопись известна пока в трех пещерах: Каповой (Шульган-Таш), Игнatieвской (Ямазы-Таш) и Серпиевской 2. Долгое время единственным в мире центром, где была известна пещерная палеолитическая живопись, считалась Западная Европа, поэтому поистине сенсационным стало открытие в 1959 году пещерной живописи в Каповой пещере. Здесь выявлено более 50 разнотипных красочных рисунков. Они во многом сходны с классическими настенными изображениями в пещерах Франко-Кантабрийской области (Западная Европа), служивших святилищами в эпоху позднего палеолита.

В Игнatieвской пещере обнаружено около 60 мест с рисунками или их фрагментами двух цветов — красного различных оттенков и черного. Преобладают изображения плейстоценовых животных (мамонта и лошади),

имеются также знаковые фигуры и несколько антропоморфных существ. На одной из панелей Дальнего зала преобладают рисунки красного цвета (Красное панно), среди которых главную композицию составляют фигуры зверя и женщины; на Черном панно черной краской нанесены личина, треугольник, мамонты, лошади, тур, верблюд и параллелограмм. В Большом зале красной краской выполнены фигуры животных и антропоморфного существа, очень много рисунков знакового характера — группы линий. Рисунки обнаружены и в пещере Серпиевской 2, однако они имеют плохую сохранность из-за изменений воздухотока в различные сезоны года в силу специфики морфологии полости и постоянного подтопления во время паводков. Всего известно девять групп изображений.

Рисунки размещены в глубине пещер и созданы для проведения обрядовых церемоний. Основным среди них являлся обряд инициации, или посвящения — переход человека из одного состояния в другое (например, подростка — в мужское звание). Существование южноуральского центра пещерной живописи свидетельствует о стабильности связей между многочисленными коллективами охотников, единстве их мировосприятия, что и является основным условием функционирования каждого отдельного общества. Композиции Большого зала Игнатиевской пещеры и Зала рисунков Каповой пещеры в основном связаны с охотничьей темой — это рисунки различных животных и знаки, похожие на стрелы и копья, загонные изгороди и ловушки. Зал Хаоса в Каповой пещере и Дальний зал в Игнатиевской, вероятно, были главными в проведении обрядов, и в их рисунках отражены мифы о сотворении мира.

Эпоху мезолита Зауралья представляют 32 раскопанные стоянки и поселения. Эта эпоха делится на три этапа: ранний (10 200–9000 лет назад), средний (9000–8000 лет назад) и поздний (8000–7400/7300 лет назад). Материалы мезолитических памятников Зауралья по основным характеристикам обнаруживают очень близкое сходство между собой. На существование наземных жилищ на сезонных стоянках указывают очаги, в том числе с каменной обкладкой, скопления каменного инвентаря, оконтуренные крупными и средними по размерам камнями или столбовыми ямками. Также было выявлено небольшое количество слабо углубленных в материк жилищ и полуземлянок. Нуклеусы представлены тремя основными формами: конические, призматические, торцовые. Основу материальной культуры составляют микропластинчатые комплексы, характеризующиеся наличием пластинчатых заготовок шириной не более сантиметра. Таких пластинок в коллекциях более 80 %, а на некоторых памятниках — более 90 %. Пластинки без дополнительной обработки, как и часть пластинок с краевой ретушью, использовались в качестве вкладышей составных орудий. Вторичную обработку ретушью имеют, как правило, менее 15 % пластинок. Ретушь наносилась в большинстве случаев по одному краю, со спинки или брюшка. В основные наборы орудий входят угловые резцы, концевые скребки на пластинах, острия, в том числе скошенные, пластинки с обработанным торцом, пластинки с выемкой, скребки на отщепках. На части памятников встречаются геометрические микролиты, в частности такие знаковые, как асимметричные трапеции или треугольники. По наличию изделий из кости и рога выделяются торфяниковые поселения,

которые также дали находки шлифованных изделий, в том числе топоры, тесла, стамески и клинья, а также шлифовальные плиты. Для изготовления костяных орудий в основном употреблялись кости крупных млекопитающих, прежде всего лося, реже — мелких животных и птиц.

Необходимо отметить наметившуюся дуальность в мезолитических комплексах Зауралья: коллекции артефактов с некоторых стоянок (Выйка II, Сухрино I, Родники II, Ташково II, IV) не содержат таких характерных типов орудий, как геометрические микролиты — трапеции и треугольники; в коллекциях с других стоянок (Серый Камень, Янгелька, Андреевка, Чебаркуль XVII, Черная Гора) геометрические микролиты присутствуют. Однако отмеченные своеобразные черты не нарушают общей картины близости кремневых микропластинчатых комплексов материальной культуры мезолита Зауралья.

Система жизнеобеспечения основывалась на охоте и рыболовстве. На торфяниковых стоянках в большом количестве встречены кости лося, бобра, волка, медведя, зайца, благородного оленя, северного оленя, россомахи, выдры, пушных зверей — соболя, куницы, хоря. Найдены также многочисленные костные остатки различных водоплавающих и лесных птиц. В большом количестве встречаются кости рыб: щуки, карася, окуня, плотвы, карповых, тайменя. Они часто залегают в виде скоплений, вероятно, образовавшихся при чистке рыбы. На всех стоянках присутствуют кости собаки, которая сопровождала человека на охоте. В лесостепных районах встречаются кости лошади, сайги и тура. Общая территория, единое сырье, наличие одинаковых типов изделий в позднем палеолите и мезолите Зауралья позволяют предполагать автохтонный генезис зауральского мезолита.

В Предуралье к настоящему времени известны две основные культурные традиции (культуры) эпохи мезолита: в Южном Предуралье — романовско-ильмурзинская, в Среднем Предуралье — камская. Памятники романовско-ильмурзинской культуры довольно однообразны как по расположению, так и по инвентарю. Все они находятся на берегах реки Белой и ее притоков, на высоких вторых надпойменных или низких пойменных террасах. Для этой культурной традиции характерна главным образом пластинчатая техника раскалывания кремня. Преобладающая форма нуклеусов — подпризматическая, хотя встречаются и аморфные нуклеусы для отщепов. Среди орудий — различные скребки, резцы, пластинки со скошенным концом, скобели. В ряде стоянок найдены и костяные изделия — кинжалы с пазами для вкладышей, двусторонние и односторонние гарпуны, наконечники стрел, шилья, роговые муфты и т. п. На стоянке Ильмурзино встречена галька с гравировкой. Инвентарь романовско-ильмурзинской традиции можно определить как среднепластинчатый. Происхождение этой культуры в силу малочисленности и бедности палеолитических памятников Урала пока с достоверностью определить трудно. Можно лишь предполагать, что в значительной мере она сложилась на базе местного палеолита.

Камская мезолитическая культурная традиция (культура) на территории Среднего Предуралья была выделена О. Н. Бадером по результатам раскопок стоянок Нижнеадищевская и Огурдино. В последующие десятилетия силами

таких исследователей, как В. П. Денисов, А. Ф. Мельничук, Э. Ю. Макаров, Е. Л. Лычагина, были открыты и изучены памятники раннего и позднего мезолита. Все это позволило уточнить периодизацию камской мезолитической культуры, предложенную О. Н. Бадером, и подтвердить автохтонность ее происхождения.

Ранний мезолит представлен материалами со стоянок Усть-Сылва, Усть-Пожва, Пеньки, Баской Лог и др. Эталонным памятником этого этапа (усть-сылвенского) считается поселение Усть-Сылва. Для раннего этапа характерны боковые ретушные резцы, трапеции с выемками, крупные пластины с ретушированным торцом. Они типологически близки к материалам со стоянки Горная Талица финального палеолита, что позволяет предполагать местное происхождение камской мезолитической культуры. Средний мезолит огурдинского этапа характеризуется материалами со стоянок Огурдино, Шумково, Ольхово-Первомайская, Нижнее Адищево и Кама-Жулановская. Для среднего этапа характерны конические и карандашевидные нуклеусы, микропластинчатость инвентаря, наличие трапеций с выемками, резцов на углу сломанной пластины, вкладышей, небольших концевых и округлых скребочков. В коллекции со стоянки Огурдино необходимо отметить «клад» из шести топоров, изготовленных из диорита и обработанных двусторонней обивкой и шлифовкой. Поздний мезолит усть-половинкинского этапа представлен стоянками Усть-Половинка, Шабуничи, Усть-Мечкар, Голый Мыс, Чашкинское Озеро V, Усть-Очёр I, Запоселье и др. Типичным позднемезолитическим памятником можно считать поселение Усть-Половинное. Для памятников этого этапа характерна деградация пластинчатой техники, что привело к увеличению средних размеров пластин и большому количеству пластин с неправильной огранкой. Появляются изделия, характерные для неолитического времени — орудия с двусторонней обработкой и шлифованные орудия типа тесел. Большая часть позднемезолитических памятников располагалась на низких береговых террасах или в поймах рек, как неолитические памятники Предуралья. На таких памятниках, как Усть-Половинное, Шабуничи и другие, появляются жилища, что может свидетельствовать о полной или частичной оседлости. В настоящее время существование камской мезолитической культурной традиции может быть датировано второй половиной IX — второй половиной VII тысячелетия до н. э.

Наблюдаемые нами территориальные отличия в комплексах изделий из камня позволяют сделать вывод о формировавшихся и уже отличавшихся друг от друга культурных традициях, которые были характерны для человеческих коллективов, осваивавших природно-ландшафтные зоны Предуралья и Зауралья. Эти традиции позволяют очертить примерные границы проживания вполне идентифицируемых коллективов Зауралья, Волго-Уралья и Прикамья, состоящих из семей и общин, связанных между собой. Эти связи подтверждаются процессом передачи традиций на протяжении сотен лет в пределах мезолитического времени. Природу этих традиций мы, вероятно, можем рассматривать как традиции родов (кровнородственных линий).

Начало процесса неолитизации на Урале относится к середине VII тысячелетия до н. э. Одной из древнейших на Урале и в Восточной Европе

является елшанская культурная традиция Волго-Уралья, которая делится на два этапа в рамках середины VII — середины VI тысячелетия до н. э. Ранненеолитические жилищные сооружения небольшой площади (20–25 квадратных метров) незначительно углублены в материк. На раннем этапе сосуды елшанской культуры — профилированные и прямостенные, с острыми или округлыми днищами. В качестве исходного сырья при изготовлении посуды выступала илестая глина. Орнамент полностью отсутствует или же ряды ямок и жемчужин приурочены к верхней трети сосуда. Каменный инвентарь пластинчато-отщеповый. Среди нуклеусов есть аморфные и торцевые, реже уплощенные и конические. Скребки концевые на укороченных и удлиненных отщепах; ножи прямолезвийные или саблевидной формы; острия на пластинах и продольных сколах; резцы многофасеточные и угловые; наконечники стрел листовидной или черешковой формы с частичным ретушированием боковых граней, пера и насада. Среди рубящих орудий преобладают топоры, изготовленные в технике двусторонней обивки.

На втором этапе увеличивается площадь жилых сооружений, преобладает прямостенная и плоскодонная посуда. Широкое распространение получает традиция нанесения горизонтального ряда ямочного или жемчужного пояса. В формовочную массу примерно пятой части сосудов начинает вводиться искусственная примесь — шамот. В кремневом инвентаре происходит увеличение количества орудий, изготовленных на пластинах, появляется традиция изготовления рубящих орудий со следами шлифовки. В настоящее время можно говорить о среднеазиатских истоках неолитизации южной части Волго-Уралья.

Почти в это же время (во второй половине — конце VII тысячелетия до н. э.) технология керамического производства появляется в Зауралье. Какими путями это произошло, пока не совсем понятно. Возможно, это был результат межобщинных контактов местного населения с коллективами елшанской традиции или же результат давних, еще с мезолита, связей с населением Арало-Каспия. Скорее всего, и то и другое, включая внутреннее развитие местной системы жизнеобеспечения. Хронология неолита Зауралья построена на результатах значительной серии радиоуглеродных анализов. Неолитический период в Зауралье может быть разделен на два этапа — ранний (середина VII — VI тысячелетие до н. э.) и поздний (V тысячелетие до н. э.).

К настоящему времени в той или иной степени исследовано более шестидесяти памятников, содержащих материалы козловской и кошкинской традиций раннего неолита. Козловская культурная традиция представлена такими поселениями и стоянками, как Евстюниха I, Уральские Зори II, Шайдурихинское V (жилище 3), Черников Брод I, Ташково I, Южный берег Андреевского озера XV, Дуван V и др., а также святилищем Кокшаровский холм. Жилища — прямоугольные полуземлянки (Ташково I) глубиной до 0,8 метра, площадью 37–46 квадратных метров, с очагом в центральной части. В Южном Зауралье (Черников Брод I) исследовано жилище, сооруженное в карстовой воронке овальной формы площадью около 25 квадратных мет-

ров, с коридорообразным выходом по направлению с севера на юг. Котлован жилища углублен в материк на 0,35–0,45 метра.

Керамика представлена сосудами открытой, на крупных экземплярах слегка закрытой формы, с наплывом на внутренней стороне венчика и округлыми, приостренными или редко — уплощенными днищами. В технологии изготовления посуды наблюдается преимущественная однородность в отборе сырья — это илистые глины с добавлением органического раствора. Техника орнаментации сочетает несколько приемов: преимущественно отступающие наколы, выполненные инструментом с округло-приостренным концом и двузубым штампом; около 15 % посуды орнаментировано сочетанием отступающего накола и оттисков зубчатого штампа. Орнамент покрывал всю поверхность сосудов, преимущественно горизонтальные зоны разделялись поясками более крупных наколов или оттисками зубчатого штампа. Каменный инвентарь микропластинчатого облика содержит призматические, конические и торцовые нуклеусы, пластинки и микропластинки, пластинки с ретушью, угловые резцы, пластинки с выемкой, острия, сверла, наконечники стрел на пластинах. Реже встречаются геометрические микролиты, двусторонне обработанные наконечники, «утюжки», шлифованные топоры и тесла.

Кошкинская культурная традиция представлена поселениями и стоянками Кошкино V, Береговая II (торфяниковая), Ташково III, Кокшаровско-Юрьинская, Убаган I, III, Южный берег Андреевского озера (ЮАО) V, VI, XII, XV и другими, а также святилищем Кокшаровский холм. На поселении ЮАО XII жилища подпрямоугольной формы площадью от 50 до 120 квадратных метров, углублены в материк на 0,5–0,8 метра, расположены на расстоянии 6–10 метров друг от друга. На поселении Ташково III жилище квадратной формы площадью около 56 квадратных метров заглублено в материк на 1,6 метра, в центре его — очаг, вход оформлен ступеньками. Характерной чертой жилищ являются канавки и ямы в полу.

Керамический комплекс кошкинской традиции включает сосуды закрытой и прямостенной открытой форм, с воротничком на внешней стороне венчика, приостренными, округлыми, в меньшей степени плоскими днищами. В технологии кошкинского гончарства зафиксирована разнородность традиций. Часть сосудов изготовлена из илистой глины с добавлением органического раствора, часть содержит примесь шамота. В технике орнаментации основными приемами являются отступающие наколы и прочерчивание. Часть сосудов без орнамента или с одним пояском из волнистых или прямых горизонтальных линий по верхнему краю. В расположении узоров характерно сочетание горизонтальной и вертикальной разбивки орнаментального поля, чаще всего украшались верхние и придонные части сосудов. Наиболее распространены мотивы из прямых и волнистых линий, реже встречены мотивы в виде концентрических окружностей, крестов, спиралей на днищах в виде дерева с параллельными ветвями. Каменный инвентарь основан на пластинчатой технике расщепления. Ширина пластин преимущественно 0,8–1,2 сантиметра. Среди орудий встречаются ножи, проколки, скобели, наконечники стрел, единичны геометрические микролиты. Скребки выполнены на пластинах и отщепках. Часто фиксируются шлифованные орудия.

Посуда кошкинской и козловской культур имеет общую технологическую основу — использование илестых глин с добавлением органического раствора. Некоторые различия в использовании талькосодержащего сырья в кошкинской и козловской посуде объясняются тем, что обе традиции формировались как в предгорных районах Зауралья, где распространены тальковые глины, так и в лесостепной части Притоболья, где тальковые породы (хлориты) отсутствуют. Оба типа посуды имеют много общих черт: орнамент нанесен одними техническими приемами — гладким прочерчиванием, отступающими наколами без отрыва орнамента от поверхности, отдельными наколами. Среди орнаментальных мотивов общими являются самые простые: горизонтальные волнистые линии, вертикальные зоны, заполненные наклонными линиями, взаимопроникающие треугольники. В качестве отличий можно отметить преимущественное использование отступающего накола и разреженность орнамента на кошкинской посуде и более разнообразную орнаментацию козловской керамики. Посуда обоих типов залегает совместно в культурных слоях памятников, и в конце раннего неолита приемы изготовления сосудов сливаются в одну традицию, так что различить их на поселенческих комплексах практически невозможно.

Каменный инвентарь козловской и кошкинской традиций по своим характеристикам очень близок к инвентарю из предшествующего мезолитического комплекса. При использовании тех же типов нуклеусов микропластинчатость сокращается до 70–60 %, однако как основной набор пластинчатых орудий (пластинки с ретушью, угловые резцы, концевые скребки, скребки на отщепках), так и характерные изделия (острия с крутой ретушью, отдельные геометрические микролиты и скошенные острия) сохраняются с небольшими изменениями. Появляются отдельные пластинчатые и двусторонне обработанные наконечники стрел, чаще встречаются шлифованные орудия. В целом мезолитический и неолитический комплексы можно считать генетически связанными.

Во второй половине VII тысячелетия до н. э. на территории Верхнего и Среднего Прикамья появляются памятники волго-камской культуры, что связано с получением импульсов (как в виде прямых миграций, так и в виде кратковременных контактов) с территории Среднего Поволжья, от носителей елшанской и средневолжской культур. Сосуды, как правило, имели баночную форму с плоским дном. Венчики слегка отогнуты наружу, реже вогнуты внутрь. Торцы венчиков округлые, уплощенные или скошенные внутрь. Орнаментированные фрагменты составляют менее 15 %. Орнаменты состоят из мелких или более крупных наколов, расположенных отдельно или вплотную друг к другу. Выполнены они палочкой с заостренным или закругленным концом. Торцы венчиков часто орнаментировались насечками с внешней или внутренней стороны. Насечки имеются и по внешнему контуру днища. Орнаменты на венчиках — горизонтальные ряды частых наколов. На одном венчике имелись диагональные ряды наколов, выполненные отступающей палочкой. Прочерком наносились горизонтальные линии, зигзаг с более или менее скругленными углами, иногда перемежающийся с рядами наколов. На фрагментах стенок орнамент, как правило, разреженный — это либо от-

дельные ряды наколов, либо горизонтальный зигзаг из наколов, нанесенных тонкой заостренной палочкой, либо прочерченные линии, расположенные под углом друг к другу. Каменный инвентарь преимущественно пластинчатый, основными категориями орудий были скребки, ножи, остря, пластины и отщепы с ретушью. В целом памятники волго-камской культурной традиции датируются второй половиной VII — серединой V тысячелетия до н. э.

Поздний неолит Зауралья изучен по двум основным культурным традициям — полуденской и боборыкинской, существование которых приходится на V тысячелетие до н. э. Полуденская культурная традиция представлена материалами со стоянок Полуденка I, II, Чебаркуль I, II, Карьер II, Ташково I, Кедровый Мыс I и др. Поселения могли состоять из двух-трех прямоугольных полуземлянок площадью до 70–100 квадратных метров.

Посуда закрытой или прямостенной формы, с наплывом на внутренней стороне венчика, дно округлое или приостренное. Орнамент представляет собой чередующиеся горизонтальные зоны, выполненные в технике прочерчивания, отступающе-накольчатых, шагающе-протасенных, шагающих и печатных оттисков гребенчатого штампа, иногда преимущественно штампованными оттисками и шагающей гребенкой. В целом орнаменты полуденской традиции очень разнообразны, включают также варианты с сочетанием отступающе-накольчатой, выполненной палочкой или двузубым штампом, прочерчиванием таким же инструментом, и гребенчатой техники. Каменный инвентарь в основном пластинчатый, расширяется ассортимент орудий на отщепах, двусторонне обработанных и шлифованных орудий. Происхождение традиции связано с эволюцией козловской и кошкинской культурных традиций конца раннего неолита.

Боборыкинская культурная традиция представлена поселениями Боборыкино II, Пикушка, Ук VI, Палатки I, Юртобор 3, Мергень 6, Южный берег Андреевского озера V, IX, XII, XV и др. Жилища квадратные или прямоугольные полуземлянки площадью 25–100 квадратных метров, углубленные в материк на 0,5–1,0 метра. Очаги расположены в центральной части. Характерной чертой жилищ являются канавки и ямки в полу, иногда заполненные золой.

Боборыкинская керамика представлена профилированными и баночными плоскодонными или округлодонными сосудами и отличается многообразием форм. У плоскодонных сосудов днища имеют своеобразный наплыв. Орнамент выполнен в прочерченно-накольчатой технике, часто — отдельными наколами. Узор располагается в верхней и придонной частях сосудов и на дне и состоит из прямых и волнистых линий, зигзагов, вертикальных отрезков, сложных геометрических фигур. Каменный инвентарь преимущественно пластинчатый с присутствием микропластин и единичных геометрических микролитов — ассиметричных трапеций. В составе орудийного набора ножи, проколки, сверла, наконечники стрел, резцы и др. Присутствуют также шлифованные орудия и «утюжки». Происхождение, как, впрочем, и дальнейшая судьба этой традиции, до конца не ясны.

На заключительной стадии зауральского неолита выделяется локальный (нижнетуринский) сосновоостровский тип памятников. Посуда полуяйцевидной формы, украшена горизонтальными поясками шагающей гребенки,

перемежающимися двумя-тремя рядами горизонтальных линий, зигзагов или поясков из мелких треугольников и ромбов. Обязательным элементом украшения является поясок жемчужин по верхнему краю сосуда.

Неолитическое население Зауралья представляло собой определенное количество общин, которые занимали общую территорию и были связаны между собой сложной системой отношений, создавая социокультурное пространство. Единая присваивающая система жизнеобеспечения, основанная на охоте, рыболовстве и собирательстве, объединяла лесные предгорные и равнинные территории и зауральскую лесостепь.

Памятники развитого и позднего неолита лесостепного Поволжья и Южного Предуралья исследователи относят к средневожской или волго-уральской культурной традиции (культуре). На раннем этапе она характеризуется керамикой, орнаментированной наколами. Венчики сосудов прямые, реже прикрытые. Днища плоские. Характерно украшение верхней части сосудов рядом ямок или жемчужин. Прослеживается региональная специфика памятников в рамках лесостепного Поволжья. В южных районах, на границе степи и лесостепи (бассейн реки Самары, стоянки Ивановка, Виловатое, Старая Елшанка II), преобладают наколы треугольной и овальной формы, выполненные в отступающей манере. Представлены достаточно сложные орнаментальные композиции: висячие треугольники, песочные часы, зигзаги, косая решетка и др. Вероятно, на основе традиции орнаментации керамики ногтевидными насечками в последней четверти VI тысячелетия до н. э. в лесостепном Поволжье формируется традиция орнаментации коротким зубчатым штампом.

Заключительный этап развития средневожской культуры, с начала V тысячелетия до н. э., знаменуется сочетанием посуды с узором, нанесенным зубчатым штампом и длинным гребенчатым орнаментом. Как и в предыдущих группах, шейка украшена ямочно-жемчужными поясками. В основном орнаментировалась вся внешняя поверхность сосудов. Орнаментальные композиции достаточно просты: горизонтальные и вертикальные ряды, вертикальные и горизонтальные зигзаги, иногда в сочетании с оттисками короткого штампа, который выступает в качестве разделителя зон. Средневожская культура, судя по радиоуглеродным датам, доживает до первой четверти V тысячелетия до н. э.

Камская неолитическая традиция (культура) Среднего Предуралья прошла три этапа в рамках последней четверти VI — последней четверти V тысячелетия до н. э. На памятниках первого этапа были распространены сосуды с орнаментом, выполненным мелко- и среднезубчатым длинным и коротким штампами. Узоры просты: ряды наклонных оттисков, вертикальный зигзаг, ряды длинных отпечатков, разделенные короткими оттисками. Каменный инвентарь значительно превышает керамический комплекс, заготовками для орудий служили пластины средних размеров и отщепы. Среди изделий представлены пластины и сечения с ретушью, концевые скребки, резцы на углу сломанной пластины. В единичных количествах встречены наконечники стрел и ножи, изготовленные способом двусторонней ретуши.

Размеры памятников второго этапа камской культуры укрупняются, увеличивается мощность культурных слоев и артефактов в них. Характерной чертой второго этапа является строительство крупных сооружений с долговременными очагами и хозяйственными ямами. Появляются крупные толстостенные сосуды полуяйцевидной формы с прикрытым горлом, округлым дном и наплывом на внутренней стороне венчика. Узоры наносились гребенчатым штампом. Композиции: горизонтальные ряды наклонных и горизонтальных оттисков длинного штампа, разделенные короткими оттисками; вертикальный зигзаг; сочетание рядов и горизонтального зигзага; комбинации шагающей гребенки. Происходит усложнение орнаментальных построений: плетенка, заштрихованные треугольники, ромбы и пр.

Среди изделий из камня доминируют скребки различных форм, прямолезвийные и саблевидные ножи, симметричные острия и сверла. Наконечники стрел, полученные с помощью двусторонней ретуши, имеют как подромбическую, так и листовидную форму. Примечательно наличие наконечников стрел кельтеминарского типа, причем ряд из них выполнен из южнозауральской яшмы. Около четверти орудий труда составляют деревообрабатывающие изделия, полученные с помощью шлифовки. Они представлены топорами, теслами, стамесками, изредка долотами.

На заключительном (левшинском) этапе около половины сосудов имеет прямое подцилиндрическое горло и округлое днище. Орнамент представлен отпечатками гребенчатого штампа и ямочными вдавлениями. Число композиций сокращается. Основными узорами являются горизонтальные ряды наклонных оттисков длинного штампа. Реже встречаются ряды шагающей гребенки и зигзаги. Значительная часть орудий изготовлена на пластинах и пластинчатых отщепах с применением двусторонней ретуши. Набор орудий труда во многом сходен с набором предыдущего этапа: концевые скребки, овальные и прямолезвийные ножи, сверла и наконечники стрел. Анализ каменного инвентаря показал охотничье-рыболовческий характер системы жизнеобеспечения. Ведущую роль могла играть охота на крупных и средних млекопитающих (северный олень, лось, бобр), также имела место охота на бортовую и водоплавающую птицу. Другим важным занятием являлась рыбная ловля, как с помощью сетей, так и с помощью гарпуна, в летнее и зимнее время. Генезис камской культуры исследователи связывают с развитием местного мезолита.

Комплексный анализ каменного инвентаря неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья выявил высокий уровень сходства по таким показателям, как форма заготовки, характер вторичной обработки, номенклатура орудий труда. Некоторые различия зафиксированы только в роли орудий для обработки кости (рога) в отдельных хозяйственных комплексах: например, наличие значительного комплекса орудий для обработки кости (рога) на памятниках волго-камской культуры. По всей видимости, необходимость адаптации к сходным природным условиям привела к нивелированию культурных различий в каменных индустриях волго-камской и камской культурных традиций.

На рубеже позднего неолита и энеолита в Зауралье отступающе-накольчатая составляющая полуденских комплексов эволюционирует в ложношнуровую, гребенчатая — в гребенчатую технику орнаментации с простыми и геометрическими узорами. Хронология энеолита Зауралья определяет возраст второй половины V — IV тысячелетия до н. э. К настоящему времени в той или иной степени исследовано более ста памятников, материалы которых целиком или частично можно отнести к энеолиту. В культурных слоях памятников присутствуют, часто в совместном залегании, но в различных сочетаниях, основные типы энеолитической керамики: гребенчатая с простыми и геометрическими мотивами, ложношнуровая, гребенчатая с косой нарезкой зубцов, частично с гусеничками, крупногребчатый штампом, веревочкой. Такое сочетание характерно для всей территории, но в разных вариациях на конкретных памятниках. Отличительной особенностью керамических комплексов памятников восточного склона является использование для формовки сосудов тальковых глин или же искусственное добавление в тесто толченого хлоритового сланца (талька), месторождения которого встречаются только в этом регионе Зауралья. Анализ комплексов каменных орудий показывает очень плавный переход от неолитической пластинчато-отщеповой техники изготовления орудий к отщепово-пластинчатой в позднем энеолите. Зафиксированные следы появления металлургии и металлообработки меди, как и, собственно, металлические орудия, единичны и практически не повлияли на общий облик эволюции каменного инвентаря и хозяйства в целом. На Урале предметы из меди или следы металлургии обнаружены на 20 памятниках из более чем сотни изученных, учитывая при этом богатую рудную базу Урала. Практически все типы энеолитической керамики встречены на памятниках со следами металлургии или металлообработки.

В энеолите получают распространение жилища различной формы: округлые наземные летние постройки, овальные полуземлянки. Сезонные постройки имели площадь от 13 до 28 квадратных метров, долговременные — от 40 до 70 квадратных метров. Столбовые ямки по периметру котлована свидетельствуют о наличии каркасных построек, которые обогревались чаще всего очагом, расположенным у одной из стен. Котлованы жилищ прямоугольной формы, площадью от 23 до 42 квадратных метров, глубиной до 0,7 метра. Очаг, как правило, в центре. Выходы коридорообразного типа, со ступеньками или без них. Ранее не известный тип жилищ был исследован на поселении Кочегарово I: шесть из восьми жилищ были расположены в суффозионных котловинах.

Керамические комплексы центральной части Приоболья представлены сосудами полуяйцевидной открытой либо закрытой формы. Днища сосудов округлые и округло-приостренные. Большинство сосудов орнаментировано различными вариантами оттисков гребенчатого штампа с дополнением поясов шагающей гребенки и жучков, а также угловыми оттисками того же штампа. Использовались также штампы с косой и треугольной нарезкой зубцов. Большинство сосудов украшено простыми (линейными) мотивами, геометрические мотивы представлены ромбической сеткой, горизонтальными и вертикальными цепочками ромбов и треугольников, многоугольников.

В значительно меньшем количестве представлена посуда с орнаментом, выполненным углом гребенчатого штампа (шапульская), а также отступающе-накольчатая (ложношнуровая), накольчатая (с отдельными наколами) и крупнонакольчатая посуда, составляющая с гребенчатой единые комплексы. Отличительной чертой керамических комплексов являются ямки различной формы, поставленные поверх отпечатков гребенчатого штампа с оставлением жемчужин на внутренней поверхности и в основном по венчику сосуда в виде однорядных, реже двухрядных горизонтальных поясов.

Типологический набор каменного инвентаря полностью соответствует современным представлениям об энеолитической каменной индустрии поселений Зауралья, основанной на большем по сравнению с неолитом использовании отщепов в качестве заготовок для изготовления орудий, расширении ассортимента за счет использования некремнистых пород камня, общем укрупнении, большем разнообразии типов скребков и двусторонне обработанных орудий.

Торфяниковые памятники Зауралья дают представление о деревянных и костяных орудиях энеолита, которые не сохраняются на обычных стоянках и поселениях. В основном использовались сосна, ель, береза, иногда осина. Рубка деревьев прослеживается по следам на стволах, оставленных каменными топорами или, в энеолите, металлическими орудиями. Среди основных находок: весла, ложки, ложки-ковшики, ковши-черпаки, ковши-блюда, сосуды, крышки, берестяные тески, деревянные скульптуры лосей, гусей, уток, лебедя.

Для немногочисленных энеолитических погребений характерны: устройство захоронений в неглубоких ямах; использование камня в надмогильных знаках; погребение в вытянутом положении на спине; использование охры; применение огня в погребальном обряде; сопровождение покойника личными украшениями, реже наконечниками стрел или кремневыми орудиями; отсутствие в погребальном инвентаре сосудов; неординарные захоронения без головы или, наоборот, только одних голов, отдельные захоронения в необычных позах.

В Зауралье изучены энеолитические святилища с кольцевой структурой: Савин I, Слабодчики, Велижаны 2, которые служили местом проведения обрядов для соседствующих общин и объединяли родственные коллективы населения Урало-Сибирского региона.

Переход к энеолиту в Уральском регионе был очень неравномерен. В середине неолитического периода, на рубеже VI–V тысячелетий до н. э. в Волго-Уралье с юга мигрируют носители энеолитических керамических традиций съезжинского и хвалынского типов с посудой, изготовленной из илов с искусственной примесью раковин и воротничковым оформлением венчиков. Мигранты оказывают существенное влияние на местное неолитическое население, формируя симбиотические «воротничковые» традиции не только в Южном Предуралье, но и в Нижнем Прикамье. Однако это не было процессом полного замещения, и всю первую половину V тысячелетия до н. э. «южане» сосуществуют с местным неолитическим населением неорнаментированной, поздненакольчатой и зубчато-гребенчатой традиций. Во второй

половине V тысячелетия до н. э. на базе гребенчатой традиции местного позднего неолита формируются токская, турганикская и близкие им традиции энеолита Волго-Уралья.

Энеолит Среднего Предуралья связан с тремя типами памятников: новоильинскими, гаринскими и борскими. Новоильинская культурная традиция (культура) может рассматриваться как постнеолитическая, существовавшая в переходный от неолита к энеолиту период, в последней четверти V — середине IV тысячелетия до н. э., и сформировавшаяся под сильным влиянием памятников позднего этапа камской неолитической культуры и западных компонентов.

Памятники гаринской культурной традиции (культуры) Прикамья ассоциируются, как правило, с пористой гребенчатой посудой. Хронологических рамки существования гаринской культуры — с середины III до середины II тысячелетия до н. э. Генезис гаринской культуры достаточно сложен, основное ядро этого культурного явления базируется на местных камских позднеолитических традициях, ярко отраженных в материальной культуре гаринского населения: форма и декор керамической посуды, каменное сырье и особенности технологии изготовления из него орудий. Кроме того, на процесс происхождения и развития гаринской культуры влияли события, протекавшие в лесостепных пространствах Поволжья и Предуралья, начиная с позднего неолита и заканчивая эпохой бронзы. Они проявлялись в контактах лесного позднеолитического населения с системами самарского и хвалынского культурного круга.

Памятники борского типа в Верхнем и Среднем Прикамье по всем компонентам материальной культуры представляются более архаичными в сравнении с гаринскими древностями. Датировку борской культуры в настоящее время можно определить в пределах конца IV — III тысячелетия до н. э. Генезис борских древностей сложен. Следует полагать, что они формировались под влиянием новоильинской культуры, которая, по результатам современных радиоуглеродных датировок, существовала с конца IV до середины III тысячелетия до н. э., и ее следует рассматривать как особое явление в рамках финального неолита Прикамья. Однако борские древности характеризуются появлением совершенно необычной для неолита лесного Прикамья, как и для новоильинских памятников, крупнопластинчатой техники, которая явно была принесена в регион группой населения южного происхождения, обладавшего этой макроиндустрией, имевшей поволжские самарско-хвалынские истоки. В первой половине II тысячелетия до н. э., очевидно, начинаются контакты между борским и гаринским населением, о чем свидетельствуют материалы поселения Бор V. Вероятно, к середине II тысячелетия до н. э. гаринские общины ассимилировали борское население.

Актуальной задачей современной археологии является выявление социокультурных пространств, внутри которых происходили события, дошедшие до нас в артефактах и дающие нам возможность моделировать историю тех или иных древних социумов. Для выделения социокультурного пространства каждого региона Урала — Волго-Уралья, Прикамья и Зауралья — нужно выделить ряд основных признаков материальной культуры, определяющих

идентичность социумов указанных регионов. Картографирование комплексов с указанными признаками позволяет определить социокультурные пространства. При этом каждое поселение в пределах этой территории будет отличаться от другого, даже если они одновременны, по процентному сочетанию указанных признаков, поскольку каждая община была центром своих социальных связей, и не было «ядра» культуры, как не было «центра» и «периферии». Зауральские социумы в конце каменного века занимали территорию от основных хребтов Урала до междуречья Тобола и Ишима и от верховьев реки Тавды до широтного течения реки Урал, охватывающую несколько ландшафтных зон: лесостепную, горнолесную и южную часть равнинной лесной, которые являлись жизненным пространством для зауральского населения и составляли основу хозяйственного цикла. Обозначенные условные границы существования зауральских традиций оттеняются культурным фоном населения с иными, «незауральскими» традициями, характеризующими «другую» идентичность, зафиксированную на сопредельных территориях. При этом часто образуется пространство, занятое социумами, в которых в той или иной степени сочетаются зауральские и иные традиции.

Социокультурное пространство волго-уральского населения распространилось от реки Белой на востоке до реки Суры на западе, захватывая лесостепь и северную часть степи, однако в позднем неолите было нарушено миграционным потоком с юга носителей съезжинских и хвалынских традиций. Социокультурное пространство Прикамья занимало обширную зону лесов Предуралья.

Понятие «социокультурное пространство» можно использовать как комплексную детерминанту идентичности расположенных в этом пространстве социумов и в качестве основы в реконструкциях и моделировании исторической составляющей археологии, обуславливая связанность, непрерывность, организованность социально-исторического процесса. Социокультурное пространство — это пространство, в котором социальные процессы культурно опосредованы и доступны нам в артефактах как опредмеченных социальных потребностях. Оно может иметь условные границы, очерченные в соответствии с традициями и взаимодействиями коллективов, объединенных в социальную сеть родством, свойством и другими социальными, культурными, экономическими и личностными характеристиками. В основе социокультурного пространства могут лежать как синхронные связи разного уровня, так и диахронные связи, отражая тем самым тысячелетние традиции, создающие многомерную систему существования человеческого общества. Понятие «социокультурное пространство» является фундаментальным для археологии, поскольку объединяет в себе понятия пространства (физического и социального), материи (материальной культуры и социальных потребностей, в ней отраженных) и времени.

Река Уфа.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

1

ТОМ
Сведения об авторе

ОБ АВТОРЕ

Вадим Сергеевич Мосин — доктор исторических наук, директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии Уральского отделения (УрО) РАН, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (НОЦЕИ ЮУрГУ).

Родился 22 ноября 1954 года в Челябинске. С 1972 года работал слесарем на Челябинском тракторном заводе, затем служил в армии. По окончании учебы на историческом факультете Челябинского государственного университета (1981) преподавал историю в школе, руководил археологическими кружками. С 1984 года младший научный сотрудник, затем научный сотрудник Челябинского госуниверситета. С 1989 года в Институте истории и археологии УрО РАН: научный сотрудник, заведующий Южноуральским отделом (с 1994), директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН (с 2005), ведущий научный сотрудник НОЦЕИ ЮУрГУ. В 1993 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья», 2005 году — докторскую «Мезолит — энеолит Южного Зауралья».

Основные направления научных исследований: Урал в эпоху камня (материальная культура, природа и социум), хронология неолита и энеолита Урала. В. С. Мосин автор около 160 научных публикаций, в том числе восьми монографий: «Древняя история Южного Зауралья», «Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья», «Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала», «Древние охотники Урала» и др.

В течение сорока лет является руководителем экспедиций, занимающихся археологическими изысканиями на Урале, в Северном Казахстане, Украине. Научные исследования связаны с изучением каменного века Урала. Под руководством В. С. Мосина исследованы многочисленные стоянки и поселения мезолита — энеолита в различных зонах Урала и Зауралья, от степи до горной тайги. Награжден почетными грамотами председателя президиума УрО РАН, губернатора и председателя Законодательного Собрания Челябинской области, Полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе.

Основные публикации:

Мосин В. С. Каменный век : монография // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000.

Мосин В. С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья : монография. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003.

Мосин В. С., Никольский В. Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала : монография. Екатеринбург : УрО РАН, 2008.

Мосин В. С. Стоянка Шатанов 3 на озере Иртыш (классификационный и археолого-исторический подходы) : монография. Челябинск : Рифей, 2011.

Мосин В. С. Древние охотники Урала : монография. Челябинск : Рифей, 2011.

Мосин В. С. Энеолит урало-сибирской лесостепи // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2014. № 13. История, филология. Вып. 3. С. 44–57.

Мосин В. С. Социокультурные пространства уральского неолита // Самар. науч. вестн. 2014. № 4 (9). С. 86–89.

Мосин В. С., Широков В. Н. Новые палеолитические находки с Южного Урала // Рос. археология. 2015. № 1. С. 153–156.

Мосин В. С. Неолит лесостепного Зауралья и Прииртышья: новейшие исследования и периодизация // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 108–113.

Мосин В. С. Социокультурное пространство в позднем каменном веке // Вестн. Перм. ун-та. 2016. История. № 1 (32). С. 19–27.

Мосин В. С., Бобров В. В., Марочкин А. Г. Новые данные по хронологии неолита и эпохи раннего металла в лесостепной зоне Зауралья и Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 4. С. 65–73.

Осень.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

Том **1**
История
Южного Урала

ЮЖНЫЙ УРАЛ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Печатается по решению
Ученого совета Южно-
Уральского государствен-
ного университета.
Протокол № 4
от 29.12.2018 г.

Вадим Сергеевич Мосин

ЮЖНЫЙ УРАЛ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Научное иллюстрированное издание

В издании использованы фотографии и репродукции из фондов Челябинского государственного исторического музея Южного Урала, Государственного Эрмитажа, Магнитогорского историко-краеведческого музея, музея «Народы и технологии Урала» Южно-Уральского государственного университета, а также фотографии и графические изображения артефактов из музеев Уфы (Республика Башкортостан), Оренбурга, Кургана, Актюбинска, Лисаковска (Республика Казахстан), материалы из частных коллекций, общедоступные ресурсы из сети Интернет, авторские фотографии С. Арканова, Н. Виноградова.

Научный редактор А. А. Выборнов

Редактор, ответственная за выпуск Н. О. Иванова

Корректор И. Н. Козырева

Фотохудожник С. М. Арканов

Дизайн, верстка: Р. Я. Шарапов

История
Южного
Урала

серия
из 8 книг

Формат 60×90 1/8

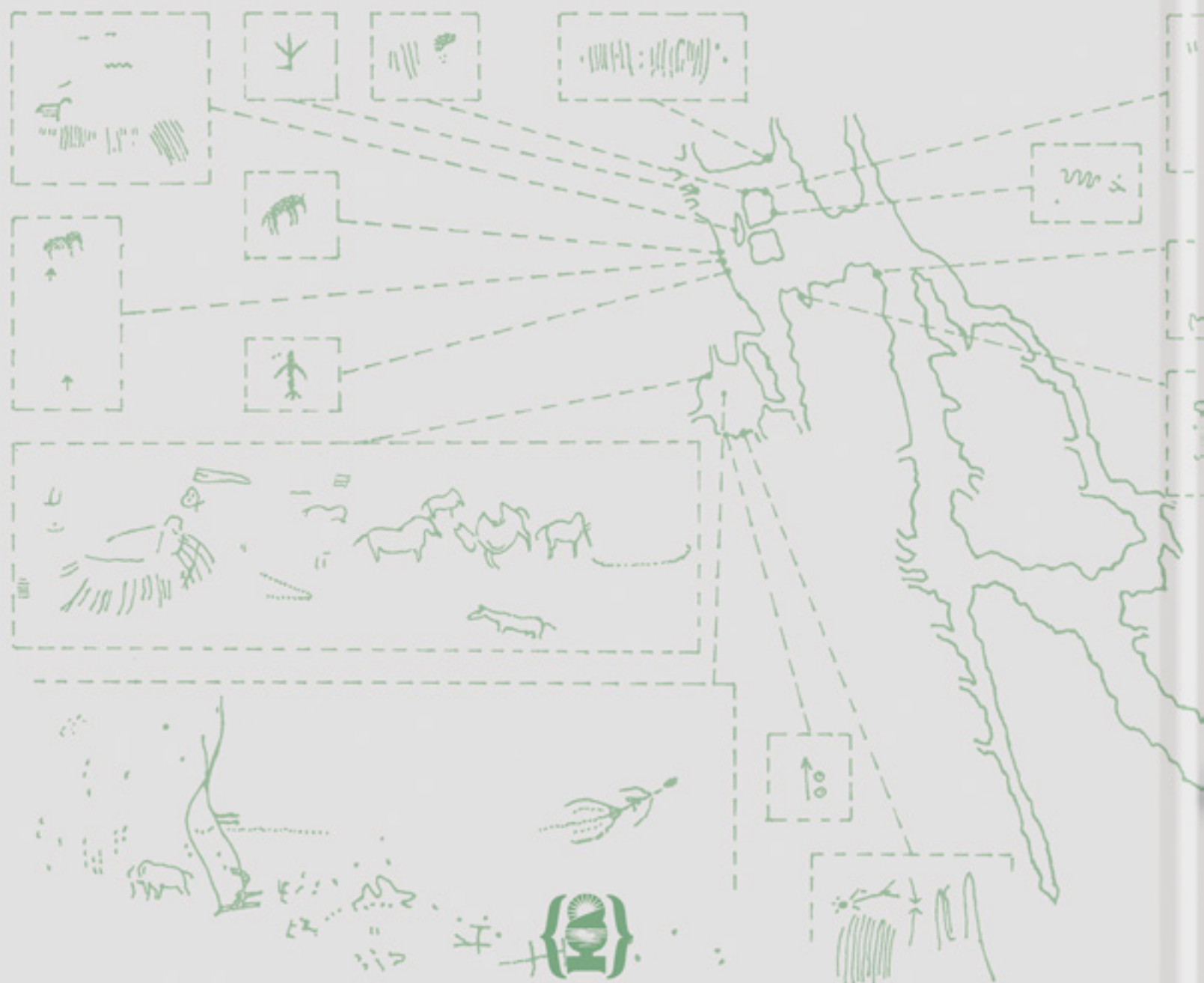
Усл. печ. л.

Печать офсетная. Бумага мелованная

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «ИПП "Уральский рабочий"»
620990 г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Первый том 8-томной «Истории Южного Урала» посвящен древнейшей истории Южного Урала — эпохе камня, или Каменному веку. Это время первоначального заселения Уральского региона, становления *Homo sapiens* — человека современного. В книге раскрываются процессы адаптации древнего человека к меняющимся во времени природным условиям, создания обществ охотников-рыболовов, населявших Урал на протяжении тысяч лет.

История Южного Урала